РУССКИЙ СБОРНИК

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ XIX—XX ВВ.

Том I

РУССКИЙ СБОРНИК

РУССКИЙ СБОРНИК

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ XIX—XX вв.

Редакторы-составители:
М. А. Колеров, О. Р. Айрапетов, Пол Чейсти

Том I

Модест Колеров
Москва 2004

УДК 947
ББК 63.3(2)
Р 89

Редактор *О. В. Эдельман*

РУССКИЙ СБОРНИК: Исследования по истории России XIX—XX вв. /
Ред.-сост. М.А. Колеров, О.Р. Айрапетов, Пол Чейсти. Том I.
М.: МОДЕСТ КОЛЕРОВ, 2004

ISBN 5-7333-0206-2

© Авторы статей
© С. Д. Зиновьев, оформление серии

Содержание

Вступление 7

А. А. Колесников. Организация и развертывание Слободско-Украинских военных поселений в 1817—1832 гг. 9

М. М. Шевченко. Славянский вопрос глазами русского правительства в 1842 году: С. С. Уваров и К. В. Нессельроде 29

А. И. Акманов. Законодательные инициативы и нормативные акты о землевладении башкирских общин в XIX — начале XX вв. 40

Джудит Паллот. Конструирование рационального ландшафта в позднеимператорской России
Перевод И. Эдельмана 59

Е. Б. Стрилюк. П. А. Столыпин и еврейский вопрос в России 78

О. Р. Айрапетов. Контекст одной пропагандистской акции 1914 года 93

В. Б. Каширин. Агентура полковника Б. А. Семенова
(из истории деятельности русской военной разведки в Румынии в годы Первой мировой войны) 135

А. В. Гайда. Вожди антибольшевистского движения оренбургского казачества в Николаевской Академии Генерального штаба, 1901—1914 гг.: опыт историко-психологического исследования 152

А. С. Кручинин. Белогвардейцы против оккупантов: из истории Добровольческой армии (1918) 197

В. В. Крестьянников. Белая контрразведка в Крыму в гражданскую войну 209

Мирослав Йованович. Идея лихорадочная и дутая: манифест «Михаила Александровича» *(Несостоявшийся эпизод гражданской войны)*
Перевод Е. Потехиной 221

А. А. Смирнов. «Рассолдаченная» армия: к вопросу о сломе русской военной традиции после 1917 года 228

М. А. Колеров. Политическое дежавю оппозиции: голод 1921-го как голод 1891 года 237

Катриона Келли. Лаборатория по выработке рабочих писателей: стенгазета, «культурность» и политический язык в ранний советский период
Перевод И. Эдельмана 243

Б. В. Шевченко. Русинский вопрос и политика Чехословакии в межвоенный период 276

А. Ю. Ермолов. Состояние производственной базы наркомата танковой промышленности и проблема модернизации выпускаемой наркоматом продукции в 1942 — 1944 гг. 303

Горан Милорадович. Подарки Сталина *(Тематика югославского художественного фильма, 1945—1955 гг.)*
Перевод Е. Потехиной 313

Пол Чейсти. Причины институциональной стабильности Второй Государственной Думы (1996—1999)
Перевод Н. Эдельмана 335

Брюс В. Меннинг. Скромные итоги десятилетия: Русская и советская военная история после Холодной войны
Перевод П. Эдельмана 357

Парадорн Рангсимапорн. Российские представления о китайской демографической экспансии 377

Рецензии

О. Эдельман: Бокова В.М. Эпоха тайных обществ: Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003 394

М. Колеров: Полански П. Русская печать в Китае, Японии и Корее: Каталог собрания Библиотеки имени Гамильтона Гавайского университета. М., 2002 397

Пол Чейсти: Breslauer, George W. Gorbachev and Yeltsin as Leaders. Cambridge, 2002; Felkay, Andrew. Yeltsin's Russia and the West. Westport, 2002
Перевод Н. Эдельмана 401

Б. Степанов: Гуссейнов Г. Карта нашей Родины: идеологема между словом и телом. Helsinki, 2000 403

Сведения об авторах 410

Вступление

Настоящий сборник ни в чем не отступает от традиций академической науки и, напротив, определенно располагается в пространстве давних, заслуженных и плодотворных традиций исследования России. Однако составители и издатель скромно надеются, что их усилиями на суд профессиональной аудитории представляется нечто, заслуживающее отдельного внимания.

Первая особенность предлагаемого «Русского Сборника» — в том, что он, как это нечасто бывает даже сегодня, является плодом совершенно независимой, внеинституциональной инициативы, его издание не субсидируется ни одним из государственных и общественных институтов, его составление не выступает в качестве плановой работы по какой-либо грантовой или академической программе. В надеждах составителей и издателя — создание «Русского Сборника» как самостоятельной исследовательской институции наравне с обремененными статусами и регалиями журналами, ежегодниками и т. д.

Вторая особенность «Русского Сборника» — в том, что он изначально создавался как коллективное дело исследователей России из разных стран: в этом выпуске — исследователей из России, Украины, Великобритании, Сербии, Чехии и США. Он принципиально и практически интернационален, хотя в своем языке, в том, что даже написанные на иных языках работы непременно переводятся на русский, осознанно следует предмету исследования — России.

Третья и самая важная особенность «Русского Сборника» — в отказе от преобладающей периодизации русской истории, в том, что он не разделяет единую историю России на изолированные друг от друга периоды. Очевидно, что Российская Империя, СССР и новая Россия — самостоятельные объекты для изучения. Но в фокусе текущих, предметных, неизбежно частных, не претендующих на энциклопедичность исследований (из которых, собственно, и состоит актуальная наука) преемственность, взаимосвязь и взаимообусловленность историй имперской, советской и новой России, постимперского и постсоветского пространств — не вызывает сомнений. Они едины в прошлом, едины и в настоящем сборнике.

У каждого из нас есть близкие, учителя, единомышленники и друзья, которым мы очень многим обязаны в работе и жизни. Наша святая обязанность — посвятить им наш новый труд.

~

А. А. КОЛЕВАТОВ

Организация и развертывание Слободско-Украинских военных поселений в 1817—1832 гг.

История военных поселений в России — одна из интересных и в то же время спорных и недостаточно изученных страниц первой половины XIX в. В последнее время эта проблема активно исследуется российскими и украинскими историками[1]. В данной статье рассматриваются причины и цели создания Слободско-Украинских военных поселений, вопросы их формирования и развития до реформирования в начале 30-х гг. XIX в., а также влияние реформ 1826—1827 гг. на изменение функционирования поселенных войск.

Идея создания поселений, где были бы соединены занятия сельским хозяйством и воинская служба, была не нова для России. Еще в Древней Руси войско содержалось главным образом за счет того, что служилым людям выделялись участки земли с обязательством нести военную службу. Они должны были по первому требованию являться к месту сбора войска и приводить с собой определенное число вооруженных людей в зависимости от размера земельного надела, поместья. В XIV—XVII вв. своего рода военными поселянами являлись войска, составлявшие пограничную засечную стражу. «Засеками» или «зарубами» называли в те времена укрепления на окраинах русского государства. Вдоль оборонительных линий устраивались острожки или городки, имевшие прочные укрепления[2].

Как своеобразная организация войск, подчиненных центральной власти, первые военные поселения возникли на окраинах империи в XVIII в., когда по географическому положению тогдашних русских границ на юге и юго-вос-

[1] Липовская Т.Д. Социально-экономическое положение военных поселян на Украине (1817—1857 гг.). Днепропетровск, 1982; Кандаурова Т.Н. Военные поселения в России 1810—1857 гг. (Проекты и их реализация) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1990. № 1. С. 61—71; Богданов Л.П. Военные поселения в России. М., 1992; Ячменихин К.М. Военные поселения в России: история социально-экономического эксперимента. Уфа, 1994; Он же. Реформування військових поселень в Росії наприкінці 20-х — 30-х рр. XIX ст. // Україна і Росія в панорамі століть. Чернігів, 1998. С. 12—20.

[2] Богданов Л.П. Указ. соч. С. 26, 28.

токе, подверженных частым набегам кочевых народностей, регулярные войска были недостаточными для защиты этих рубежей. На востоке с этой целью устраивалась укрепленная линия между Паншиным и Царицыным, называвшаяся Царицынскою, а на юге ландмилицкими полками заселялась украинская граница.

В январе 1720 г. было сделано распоряжение об окончании Царицынской линии и достройке находившихся на ней крепостей[3]. По указу 13 апреля 1723 г. на Украине началось поселение однодворцев, копейщиков, рейтар, пушкарей, т.е. тех, кто составлял служилое сословие «по прибору» и близко примыкал к регулярной армии[4]. В 1724 г. они были приравнены в правах к государственным крестьянам, но эти меры вызывали недовольство среди указанных категорий населения, поэтому в 1731 г. правительство Анны Иоанновны было вынуждено вернуть им прежние права[5].

В 1731 г. на Украине было сформировано 20 ландмилицких полков[6], которые поселялись на Украинской линии преимущественно при крепостях слободами, по мере ее сооружения. К поступающим первоначально в ландмилицкие полки переводились их жены и дети. Впоследствии эти полки укомплектовывались из собственного состава, т.е. из семейств поселяемых[7]. Украинская линия между Доном и Днепром должна была быть протяженностью около 800 верст и состоять из небольших крепостей, расположенных на расстоянии 10 и более верст одна от другой и соединенных валом[8].

Указами 1736 и 1737 гг. началось расселение отставных нижних чинов на свободных землях между Царицыным и Астраханью, а также в Казанской губернии[9]. Это было продиктовано, прежде всего, необходимостью заселения и освоения новых земель русским населением, а также обеспечением отставных солдат необходимыми средствами производства, орудиями труда, семенным хлебом, денежными ссудами.

В 1752 г. было дано разрешение сербу Хорвату расселить на Правобережье нижнего течения Днепра 16 тыс. австрийских сербов и венгров. На этой основе были сформированы гусарский (хорватский) и пехотный (пандурский) полки. Кроме Хорвата, земли для расселения получили также выходцы из Сербии во главе с Шевичем и Депрерадовичем. Этот район получил название Славяно-Сербии, а его жители в начале XIX в. вошли в состав Бугского казачьего войска. Эти мероприятия проводились, по-видимому, в связи с обострением отношений правительства с Запорожской Сечью. С 1762 г. началось создание поселений за Уралом, где государство взяло на себя расходы по постройке жилья для

[3] Полное Собрание Законов Российской империи (далее ПСЗ). Т. IV. № 3483.
[4] ПСЗ. Т. VII. № 4195.
[5] Там же. Т. VIII. № 5673.
[6] Там же.
[7] Евстафьев П. П. Восстание военных поселян Новгородской губернии в 1831. М., 1934. С. 31.
[8] ПСЗ. Т. VIII. № 5778.
[9] Там же. Т. IX. № 7196.

поселений[10]. Всего к 1789 г. в различных регионах страны таковых проживало 31301 человека[11].

С расширением границ и развитием регулярной армии роль ландмилицких формирований постоянно падала. Так, в 1764 г. Украинские ландмилицкие поселения были отделены от поселения и размещались на постоянных квартирах в городах. Принадлежавшие поселянам ландмилицких полков земли, слободы, мельницы, кабаки и т.д. поступили в заведование губернских канцелярий, и доходы с них обращались на содержание отделенных от поселений полков. Наконец, в 1769 г. само название ландмилиционера было уничтожено; конные полки этого войска переименованы в драгунские, а пешие — в полевые пехотные[12]. К концу XVIII в. большинство ландмилицких формирований составляло особую категорию земледельческого сословия — «пахотные солдаты», которые не платили государственных податей, а их главной обязанностью была поставка пополнения для регулярной армии[13]. Императору Александру I несомненно были известны сведения о попытках внедрения «оседлости» солдат и отставных нижних чинов в пределах России. Также правительством Александра I изучался опыт создания военных поселений и за рубежом — в Австрии, Пруссии и Швеции.

Каковы же были причины, побудившие Александра I вновь обратиться к идее создания военных поселений?

В первую очередь мысль о введении военных поселений возникла в связи с затруднениями в комплектовании растущей армии. Длительные войны с Наполеоном и поддержание престижа России в Европе после победы в военных действиях 1812—1814 гг. потребовали содержания значительных вооруженных сил. Если в конце XVIII в. численность русской армии составляла от 300 до 400 тыс. человек[14], то к началу Отечественной войны 1812 г. русская армия насчитывала уже 597 тыс. солдат и офицеров, а в ходе войны численность войск выросла до 709603 человек[15].

Существовавшая на протяжении более столетия система комплектования армии за счет обложения главным образом крепостного населения рекрутской повинностью уже не могла обеспечить потребность армии в людских ресурсах. Кроме всего прочего, частые рекрутские наборы были вызваны тем, что они, как правило, не выполнялись. В первой четверти XIX в. количество податного населения, которое было обязано поставлять рекрут, определялось порядка

[10] Там же. Т. XVI. № 11679.

[11] Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 405. Оп. 1. Д. 247. Л. 630.

[12] Евстафьев И. П. Указ. соч. С. 32—33.

[13] РГВИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 247. Л. 636.

[14] Федоров В. А. Борьба крестьян России против военных поселений (1810—1818) // Вопросы истории. 1952. № 11. С. 112.

[15] Марахов Г. И. Социально-политическая борьба на Украине в 20 — 40-х годах XIX века. М., 1979. С. 33.

17 млн. человек, однако по возрасту и состоянию здоровья эта цифра едва достигала 3 млн. [16]

Комплектование армии за счет рекрутских наборов, постоянное усиление рекрутской повинности далеко не всегда отвечало интересам дворянства. Оно проявляло серьезное недовольство тем, что приходилось отдавать в армию своих лучших крепостных, которые уже никогда не возвращались в «прежнее состояние». В 1802—1825 гг. по рекрутским наборам были поставлены в армию 1 933 608 человек [17]. Правительство пыталось как-то воздействовать на тех помещиков, которые уклонялись от поставки рекрутов, однако обострение противоречий в обществе заставляло правительство принимать меры, чтобы както учитывать интересы господствующего класса, предоставлять дворянству и другим имущим слоям общества те или иные привилегии, связанные с осуществлением рекрутской повинности. Например, разрешение делать замену рекрута денежной выплатой, поставлять вместо него купленного или завербованного человека [18].

Следующей причиной введения военных поселений было желание решить финансовые проблемы. Больше половины государственного бюджета расходовалось на военные нужды [19]. Бюджет страдал хроническим дефицитом. Так, если смета на 1812 г. была сведена с дефицитом в 120 млн. рублей, то в 1813 г. эта цифра составила уже 161 млн. рублей [20]. Война подорвала народное хозяйство и обострила и без того тяжелое финансовое положение страны. Государство перекладывало все тяготы войны на крестьян, увеличив прямые и косвенные налоги. Увеличение налогов вело к разорению крестьянства и росту недоимок. В 1816 г. недоимки достигли 168 млн. рублей (свыше полутора годовых окладов) [21].

Все эти причины побуждали правительство начать поиск новых путей комплектования и содержания армии. Правительство Александра I решило перевести часть войск на систему самокомплектования и самообеспечения продовольствием и фуражом, чем и было положено начало созданию системы военных поселений.

Первые военные поселения при Александре I были устроены еще в 1810—1812 гг. Но схема их создания в значительной степени отличалась от той, которая будет принята после Отечественной войны 1812 г. В июле 1810 г. командир 2-й пехотной дивизии ген.-майор Н. И. Лавров получил предписание от императора прибыть в Витебскую и Могилевскую губернии для отыскания подходящих

[16] РГВИА. Ф. 265. Оп. 1. Д. 95. Л. 1 об.
[17] Столетие военного министерства. Т. IV. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 2. СПб., 1902. С. 211.
[18] ПСЗ. Т. XXXI. № 24853.
[19] Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1871. Т. V. Приложения. С. 15—17.
[20] Лященко П. История народного хозяйства СССР. М., 1952. Т. 1. С. 455.
[21] Там же. С. 456.

мест для будущих округов военных поселений ряда пехотных полков. 10 ноября 1810 г. последовал указ о поселении запасного батальона Елецкого мушкетерского полка в Бобылецком старостве Климовичского уезда Могилевской губернии[22]. Было принято решение отселить жителей Бобылецкого старостваа в Новороссию. Эту операцию предполагалось завершить к весне 1811 г., однако из-за плохой подготовки и отсутствия достаточного количества средств реализовать это в намеченные сроки не удалось. Переселение производилось зимой 1812 г. (667 семейств) и было сопряжено для крестьян с большими потерями, в результате чего погибло много людей, преимущественно стариков, малолетних детей, беременных женщин и больных. «Лишь весьма немногие достигли до места своего назначения, — сообщает Брадке. — Я забыл настоящую цифру погибших, но она была ужасна»[23].

Только в феврале 1812 г. началось введение запасного батальона в округ поселения и его обустройство. Начавшаяся Отечественная война прервала этот эксперимент. Елецкий полк был включен в состав действующей армии, в полосу дислокации которой входило поселение, а сам район поселения стал ареной военных действий. К подобной практике, т. е. выселению крестьянских семейств за пределы округов, император Александр I более не возвращался.

Война с Францией на четыре года прекратила всякие попытки поселения войск, но мысль об этом не оставляла Александра I. Подтверждение этому мы находим в Манифесте о мире от 30 августа 1814 г.: «Надеемся, что продолжение мира и тишины подаст нам способ не только содержание воинов привесть в лучшее и обильнейшее прежнего, но даже дать им оседлость и присоединить к ним семейства»[24].

Александром I был образован специальный комитет по вопросу устройства военных поселений. Сведения о работе этого комитета носят отрывочный и разноречивый характер. По-видимому, консультации у императора происходили во второй половине 1815 г.

Первоначально Александр I предлагал поселить войска по примеру казачьих полков вдоль западной границы. Граф А. А. Аракчеев выступил против, мотивируя это тем, что трудно ожидать со стороны западных государств «хищнических» набегов, каким в старину подвергались казаки, поселенные на границе. К 1816 г. совещания у императора по вопросу устройства системы поселений становятся весьма частыми. В конце концов было принято решение начать поселение пехотных полков в районе Новгорода по направлению на Витебск и Могилев, а кавалерийских — на Украине, т.е. осуществить прикрытие западных границ в полосе 1-й (пехота) и 2-й (кавалерия) армий.

В мае 1816 г. последовал указ на имя инспектора артиллерии генерала Меллер-Закомельского о выборе и подготовке мест для создания военных поселений

[22] РГВИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 1. Л. 460—461 об.
[23] Брадке Е. Автобиографические записки // Русский архив. 1875. № 1. С. 51—52.
[24] ПСЗ. Т. XXXII. № 25671.

артиллерии. Предполагалось создать поселения на всех пороховых заводах и арсеналах. В виде первого опыта был избран Охтенский пороховой завод под Санкт-Петербургом[25]. 5 августа 1816 г. последовало несколько высочайших указов о назначении второго батальона гренадерского графа Аракчеева полка 1-й гренадерской дивизии для поселения в Высоцкой волости Новгородской губернии[26]. Устройство этого батальона отличалось от поселения Елецкого мушкетерского полка. Местные жители не переселялись, а превращались в военных поселян-хозяев, которые должны были, кроме занятий по службе, кормить двух постояльцев из действующего батальона.

18 апреля 1817 г. именным указом крестьяне Высоцкой волости были назначены в военные поселяне. В этом указе была объяснена и цель учреждения военных поселений: «Дабы отвратить всю тягость, сопряженную с ныне существующею рекрутской повинностью, по коей поступившие на службу должны находиться в отдалении от своей родины, в разлуке со своими семействами и родными, что, естественно, устрашает их при самом вступлении на службу, и тоска по своей родине ослабляет их силы и новое их состояние делается им несносным... положили в основание сему то правило, чтобы в мирное время солдат, служа отечеству, не был отдален от своей родины и по сему мы приняли непременное намерение дать каждому полку свою оседлость в известном округе земли, определить на укомплектование оного единственно самих жителей сего округа»[27].

В 1817 г. началась организация военных поселений на Украине. Было решено поселить кавалерию в Слободско-Украинской, Херсонской и Екатеринославской губерниях. Выбор этот не был случайным. Обосновывая его, Александр I в письме начальнику Главного штаба генерал-адъютанту князю П. М. Волконскому писал: «Места, лежащие по бывшей Украинской линии, начиная от г. Изюма и реки Донца, и простираясь через Константиноград и местечко Царицынку до реки Днепра и Александрополя, представляют нарочитую удобность для военного поселения. На всем этом пространстве жители составляли некогда сами ландмилицкие полки, сохранили еще дух воинский и мало имеют в землеустройствах своих чересполосных помещичьих владений»[28]. Именно наличие фонда государственных земель, на которых проживали государственные крестьяне и казаки, стало определяющим в выборе мест поселения, поскольку именно они должны были составить социальный костяк нового государственного института.

В этом регионе достаточно хорошо было развито земледелие и скотоводство, торговля и промыслы. За исключением южных уездов Херсонской губер-

[25] Ячменихин К. М. Военные поселения в России (Административно-хозяйственная структура): Дисс. докт. ист. наук. М., 1993. С. 76.

[26] ПСЗ. Т. XXXIII. № 26389.

[27] ПСЗ. Т. XXXIV. № 26803.

[28] Сборник исторических материалов, извлеченных из Собственной е.и.в. канцелярии. Вып. V. СПб., 1892. С. 68.

нии, все территории находились в умеренной климатической зоне. Теплое лето, сравнительно мягкая зима, плодородные почвы — все это позволяло получать высокие и стабильные урожаи, что было немаловажно и необходимо для продовольствия кавалерийских дивизий. Во всех трех губерниях наблюдалось исторически сложившаяся преемственность в землепользовании, относительно высокий уровень земледелия (за исключением южных уездов Херсонской губернии, где жители занимались преимущественно скотоводством), и состоятельности жителей. В округах кавалерии преобладали черноземы, мало было чересполосных помещичьих владений. Значительным недостатком данного региона было слабое обеспечение строевым лесом, потребность в котором впоследствии восполнялась либо доставкой из других мест, либо разведением новых лесов.

При выборе районов для организации военных поселений несомненно не последнюю роль играли стратегические моменты. Районы поселения кавалерийских дивизий должны были стать как бы второй линией обороны. Наличие поселений в указанном районе позволяло также обеспечить базу для проведения военных операций на южном направлении. В случае начала военных действий они становились резервом для действующих войск. Помимо этого, поселения в определенной мере служили и продовольственной базой для армии в период ведения боевых действий. Немаловажную роль играл и национальный состав, поскольку правительство стремилось к его однородности в отдельных воинских формированиях.

Первыми на Украине переводились на положение военных поселян жители тринадцати деревень Слободско-Украинской губернии. 6 апреля 1817 г. последовал указ императора Александра I, данный Слободско-Украинскому гражданскому губернатору В. Г. Муратову, о переводе некоторых казенных селений губернии в военное поселение кавалерии. В указе говорилось: «Желая произвести ныне в действо давно принятое Нами намерение, дать воинам свою оседлость, и назначая для первого опыта военного поселения кавалерии, казенные селения вверенной нам губернии: Змиевского уезда: Мохначи, Шелудьковку, Гнилушку, Гинеевку, Андреевку, Балаклею, Волчий Яр, Малиновские и Гракова хутора и часть земель слободы Лимана; и Волчанского: Печенеги, Кицовку и Базалеевку»[29].

Каждый полк территориально и административно составлял округ военного поселения, который исключался из гражданского ведомства и передавался в военное со всеми его коренными жителями. Волостные правления и сельское начальство упразднялись, вся власть в округе передавалась в руки военно-поселенного начальства[30]. Имущество крестьян переписывалось, «дабы можно было в свое время увидеть, до какой степени улучшено будет состояние и самих кре-

[29] ПСЗ. Т. XXXIV. № 26772.
[30] Сборник исторических материалов. С. 63.

тьян новым управлением»[31]. Для переписи имущества создавалась специальная комиссия, которая должна была «осмотреть все выходящие из зависимости губернского начальства селения и сделать подробную опись имущества, какое у каждого из крестьян окажется в нынешнем их положении, как в скоте и хлебе, так и в самом строении»[32]. Перепись проводилась в апреле — июне 1817 г. и о ее результатах (табл. 1) 21 июня было донесено командиру 3-й уланской дивизии генерал-лейтенанту Г. И. Лисаневичу[33].

Исходя из данных таблицы, можно сделать вывод, что селения, поступившие для поселения 3-й уланской дивизии, были достаточно хорошо развиты в хозяйственном отношении. Это давало возможность в дальнейшем округам военных поселений перейти на самообеспечение продовольствием и фуражом.

На территориях, которые отводились для поселения 3-й уланской дивизии в Слободско-Украинской губернии, кроме земель государственных крестьян находились и земли помещиков, которые попадали в округ военного поселения. Поэтому для размежевания чересполосных помещичьих земель, находящихся в округе военного поселения, была учреждена межевая комиссия[34]. Комиссия состояла из одного штаб-офицера, назначенного комиссией для временного управления округом поселения; одного чиновника, назначенного министром финансов; одного депутата от губернского дворянства и губернских землемеров. Эта комиссия получала сведения о количестве помещичьих земель, которые находились внутри казенных земель. Хутора помещиков, располагавшиеся в границах округов военных поселений, должны были подвергаться принудительному отчуждению для этих поселений, с вознаграждением за землю и с обязанностью перенести хутора на отведенные для этого земли, «капитальные же заведения, как то: водяные мельницы, винокуренные заводы и каменные здания, остаются во владении помещиков и не иначе могут поступать в казенное ведомство, как по взаимному с владельцами соглашению о их вознаграждении»[35].

Совсем иначе выплачивалась компенсация государственным крестьянам и однодворцам, когда они по слабости здоровья или из-за несостоятельности хозяйства не могли быть обращены в военных поселян. Им выплачивалось всего лишь 4/5 стоимости дома, за сады и огороды не выплачивалось ничего, а деньги за землю давались по самой низкой расценке[36].

15 августа 1817 г. за подписью императора Александра I были даны грамоты кавалерийским полкам 3-й уланской дивизии: Борисоглебскому полку — на по-

[31] ПСЗ. Т. XXXIV. № 26772.
[32] Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев (далее ЦГИАУ). Ф. 1352. Оп. 1. Д. 1. Л. 228—228 об.
[33] Там же. Л. 229.
[34] ПСЗ. Т. XXXIV. № 26773, 26860.
[35] Там же. № 26773.
[36] РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 123. Л. 8—10.

селение в Змиевском уезде в селениях Андреевке, Мохначи, Шелудьковке, Гнилушках, Малиновых и Граковых хуторах, где проживало 5730 ревизских душ; Серпуховскому полку — в Змиевском уезде в селениях и хуторах Балаклее, Неногорелом, Балаклейке, Зубовом Яру, Волчьем Яру, Печенеги, Базалеевке, Большие Кринки, Байбаки, Малые Кринки, Мисюрине, Челомбиткове, Алейникове и части слободы Андреевки, в которых проживало 5685 ревизских душ; Таганрогскому полку — в Волчанском уезде в селениях Базелеевке, Печенеги, Кицовке с хуторами, где проживало 5750 ревизских душ[37].

Через несколько месяцев, 19 декабря 1817 г., последовал указ о поселении Чугуевского уланского полка. В указе говорилось: «назначаем в округ поселения его всех жителей, доселе войско Чугуевское составлявших, именно бывших чугуевских коренных казаков, бывших однодворцев разных наименований, живущих в Чугуеве, и селениях: Покровском, Подах, Лаптевом, Каменной-Яруге, Песчаном, Пятницком, Большой Бабке, Тетлеге, Кочетке и Старо-Салтове, бывших мещан, тех, которые находятся в составе полка и бывших свободных полков обывателей, в слободе Малиновой помещенных, и присоединяя сверх того к оному Змиевского уезда казенное село Зарожное, в средине округа лежащее, в коем 832 ревизских души»[38]. Всего в селениях, которые отводились на поселение полка, проживало 5726 ревизских душ.

Командиром 3-й поселенной уланской дивизии (18 сентября 1818 г. переименована во 2-ю уланскую)[39] был назначен польский шляхтич генерал-лейтенант Г. И. Лисаневич. Штаб-квартира 2-й уланской дивизии дислоцировалась в городе Чугуеве.

Для поселения регулярного кавалерийского полка назначался округ земли со всеми его коренными жителями, в котором должно было проживать не менее 7 тыс. ревизских душ (однако, в самом начале создания военных поселений это требование было нарушено, и более 5800 ревизских душ в одном округе, как правило, не проживало) и имелось не менее 30 тыс. десятин земли (табл. 2).

Процесс и схема поселения кавалерийского полка отличались от пехотного. Поселенный кавалерийский полк включал 6 действующих, 3 поселенных и 3 резервных эскадрона. Седьмые запасные эскадроны были ликвидированы[40]. Территория, занимаемая тремя поселенными и тремя резервными эскадронами, составляла округ поселения своего полка. В свою очередь, поселенная кавалерийская дивизия состояла из четырех поселенных полков, а придаваемые ей две конно-артиллерийские роты располагались вне округов ее посления[41]. Согласно «Учреждению о военном поселении регулярной кавалерии» (СПб.,

[37] ЦГИАУ. Ф. 1314. Оп. 1. Д. 3. Л. 83—88.
[38] Там же. Л. 84 об.
[39] ПСЗ. Т. XXXV. № 27541.
[40] ПСЗ. Т. XXXIV. № 27083.
[41] Ячменихин К. М. Военные поселения в России... С. 85.

Таблица 1. Сведения о селениях Слободско-Украинской губернии, поступивших в военное ведомство для поселения 3-й уланской дивизии [42]

№	Название селений	Число душ	Домов	Садов	Рабочего скота		Тулячего рабочего скота	Овец	Пчелиных колод	Свиней	Разной птицы	Водяных, костяных мельниц и других заведений
					Лошадей	Волов, пар						
1.	Змиевского уезда Мохнач	2654	442	262	82	360	791	2034	836	1302	8457	6 ветряных мельниц. 1 винокурня
2.	Шелудьковка	1903	354	279	72	320	611	3219	677	989	6560	15 ветряных мельниц, 2 олейницы
3.	Гнилушка	244	38	10	13	44	106	300	42	125	827	
4.	Гнеевка	1578	295	166	47	276	633	2440	329	1045	5686	9 ветряных мельниц
5.	Андреевка	5803	836	122	402	759	1972	5253	892	2822	10741	13 ветряных мельниц
6.	Принадлежащие к ним хутора Зубов Яр	209	39	19	48	45	134	854	248	152	745	4 ветряных мельницы
7.	Средняя Баколейка	219	39	12	30	41	142	644	205	174	873	2 ветряных мельницы
8.	Волчий Яр	401	60	21	75	81	274	845	269	295	1612	8 ветряных мельниц
9.	Балаклея	9314	1501	541	879	1771	5060	17947	2638	5066	30822	44 ветряных и 2 водяные мельницы
10	Хутора Малиновские	788	129	45	52	158	396	1235	150	431	2855	7 ветряных мельниц
11.	Граковы	829	146	93	60	128	363	1545	323	482	2372	6 ветряных мельниц

Окончание табл. 1

№	Название селений	Число душ	Домов	Садов	Рабочего скота		Гулячего рабочего скота	Овец	Пчелиных колод	Свиней	Разной птицы	Водяных, костяных мельниц и других заведений
					Лошадей	Волов, пар						
12.	Волчанского уезда Печенеги	10947	1650	634	717	1809	6140	1928	3211	6107	43279	70 ветряных мельниц, 2 завода 1 пивной, а другой солодовый, 2 олейницы, 1 скотобойня с соловарней, базар, 5 торговых камор и 5 лавок
13.	Кицовка	899	142	25	37	123	484	766	246	489	3139	2 ветряные мельницы
14.	Базолеевка	1848	270	120	140	339	1046	4400	898	1314	7948	10 ветряных мельниц
	Итого	36636	5941	2369	2654	6254	18152	60610	10964	20793	125916	Мельниц водяных 2, ветряных – 196; заводов: винокуренный – 1, пивоваренный – 1, солодовый – 1; олейницы – 4, торговых лавок – 5, камор – 5, скотобойня – 1, соловарня – 1

[42] ЦГИАУ. Ф. 1352. Оп. 1. Д. 1. Л. 251 об. — 253.

Продолжение таблицы 2 Нормы земельных угодий для размещения кавалерийского полка[43]

	Десятин земли
Пахотной земли для «строевых» участков	10905
Пахотной земли для инвалидов	2000
Под поселения и выгон	1206
Под построение штаба и блоков	130
Под сенокос строевым участкам	5005
Под сенокос инвалидов	700
Для засева пахотной и сенокосной пахоты	5422
Итого	25368
Для разведения скота и овец военным поселянам	4632
Всего	до 30000

1817—1822), в трех поселенных эскадронах состояло 573 поселянина-хозяина (в каждом — по 191), такое же количество помощников хозяев числилось в резервных эскадронах. Поселенные и резервные эскадроны принимали на постой 6 действующих, и таким образом каждое поселенское хозяйство, включавшее поселянина-хозяина и его помощника, должно было обеспечивать продовольствием и фуражом двух солдат и их лошадей из действующих эскадронов. Усиление хозяйств в кавалерийских округах за счет введения института помощников обуславливалось более дорогим содержанием кавалериста, чем пехотинца.

Первоначально поселенные и резервные эскадроны предполагалось сформировать из солдат, призванных на службу из тех мест, где создавались военные поселения кавалерии, а также из коренных жителей на основе «Проекта учреждения о военном поселении регулярной кавалерии» и «Правил о переходе коренных жителей в военное поселение округа военного поселения кавалерии». Однако таких солдат оказалось очень мало, в связи с чем и было принято решение сформировать поселенные и резервные эскадроны преимущественно из коренных жителей. Указанные принципы создания поселений этого рода войск позволяли значительно ускорить перевод кавалерийского полка на самообеспечение продовольствием и фуражом, поскольку его хозяйственная база в данном случае была бы уже во многом сформирована за счет поселян-хозяев из местных жителей.

Но переводились на положение поселян-хозяев только те крестьяне и казаки, у которых было достаточно рабочего скота. Все они делились на классы. К пер-

[43] ЦГИАУ. Ф. 1314. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

ному классу относились наиболее зажиточные крестьяне, имевшие не менее 3 лошадей, 3 волов, несколько коров, дом, сад и т. д. Ко второму классу относились жители, имевшие дом, лошадь, 2 волов, несколько коров. К третьему, малоимущему классу, относились те жители, у которых обязательно был дом, корова, овцы, иногда вол или лошадь. Если же крестьяне не имели собственного хозяйства или были малоимущими, их (вопреки всем обещаниям выдать рабочий скот, обеспечить домом и т. д.) переселяли, как правило, в другие уезды. Так, в августе 1817 г. из слобод Печенеги и Базалеевки было отчислено 21 семейство неимущих крестьян и семьи братьев Роститко, которые имели один дом, пару волов и 5 овец на две семьи из 8 человек[44].

Известие о переводе государственных крестьян и казаков в разряд военных поселян вызывало у них недовольство и возмущение. Особенно массовыми были выступления военных поселян Чугуевского уланского полка. До преобразования Чугуевского полка в округ военного поселения и перевода всех его жителей на положение военных поселян полк этот имел свои собственные права и привилегии. Основанный в 1749 г., Чугуевский уланский полк имел свои полковые земли, распределявшиеся соразмерно чинам: солдаты получали от казны паек и были освобождены от государственных податей. Отставные солдаты также пользовались участками земли. С переводом полка на военно-поселенное положение казачество лишилось своих прав и привилегий. Прежде всего у полка было отнято право собственности на землю. Кроме того, для других округов поселений у него было отрезано 1350 десятин земли. Все крестьяне, не принадлежавшие к составу округа поселения, должны были бросить свои земли и выехать из округа. Из самого Чугуева было насильно выселено 135 купеческих семейств, причем комиссия, производившая выселение, оценила только здания, годные для военных поселений. Земля, огороды и сады в оценку не принимались[45]. Лишение чугуевских военных поселян былых прав и привилегий, закрепощение их в военных поселениях вызвали недовольство с их стороны и явились главной причиной вспыхнувшего летом 1819 г. восстания, которое было жестоко подавлено.

Несмотря на недовольство военных поселян созданием поселений, Александр I не отказался от этой идеи и якобы утверждал, что «они будут во что бы то ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова»[46]. Эта фраза, ставшая хрестоматийной для всех исследований истории военных поселений, документально ничем не подтверждается и заимствована она у Н. К. Шильдера, который приводит ее без соответствующей ссылки на источник. Военные поселения продолжали создаваться на новых территориях.

В конце 1821 г. на базе 45 государственных селений Александрийского и Елисаветградского уездов Херсонской губернии и Верхнеднепровского уезда Екате-

[44] ЦГИАУ. Ф. 1352. Оп. 2. Д. 2. Л. 7.

[45] Петров А. И. Устройство и управление военных поселений в России // Граф Аракчеев и военные поселения 1809—1831. СПб., 1871. С. 139—140.

[46] Шильдер Н. К. Император Александр I, его жизнь и царствование. Т. IV. СПб., 1898. С. 26.

Таблица 3. Территории, поступившие в округа военного поселения 2-й кирасирской дивизии[47]

	Под поселениями		*Пахотной земли*		*Сенокоса*		*Итого*		*Леса*		*Неудобной земли*	
	Десятин	*Сажень*	*Десятин*	*Сажень*	*Десятин*	*Сажень*	*Десятин*	*Сажень*	*Десятин*	*Сажень*	*Десятин*	*Сажень*
Екатеринославский пл.	3729	2034	50153	1911	13125	1206	67009	351	1559	1745	4702	834
Глуховский пл.	4990	568	45574	1212	17960	1132	68525	512	1219	884	5667	285
Астраханский пл.	6027	1515	51536	780	9752	1288	67316	1183	1316	895	11729	534
Псковский пл.	3927	1380	49713	1303	8982	2128	62624	11	10888	330	27305	1175
Всего в полках 2-й кирасирской дивизии	18675	697	196978	406	49821	954	265474	2057	14983	1454	49404	428
В отхожих дачах	64	858	4510	1597	8061	47	12636	102	3023	1530	470	628
Всего в дивизии	18739	1555	201488	2003	57882	1001	278110	2159	18007	584	49874	1056

[47] ЦГИАУ. Ф. 1351. Оп. 2. Д. 2. Л. 61 об.—68 об.

риносла́вской губе́рнии начало́сь созда́ние поселе́ний 3-й кира́сирской диви́зии[48]. 18 февраля́ 1825 г. был подпи́сан указ о поселе́нии 2-й кира́сирской диви́зии в Купя́нском, Изю́мском (Слобо́дско-Украи́нской губ.) и Старобе́льском (Воро́нежской губ.) уе́здах[49]. В соста́в 2-й кира́сирской диви́зии входи́ли по́лки: Екатеринославский, Глуховский, Астраха́нский и Пско́вский. Полко́вые шта́бы дислоци́ровались: в слобо́де Сватова Лу́чка (Екатеринославский полк), в слобо́де Новотро́ицкая (Астраха́нский полк), в слобо́де Кременна́я (Пско́вский полк) и в слобо́де Кабань́ск (Глуховский полк)[50]. Для удо́бства формирования округо́в да́нной диви́зии Старобе́льский уе́зд был переда́н в соста́в Слобо́дско-Украи́нской губе́рнии. Одна́ко относи́тельно компа́ктное поселе́ние так и не удало́сь созда́ть, так как округ Пско́вского кира́сирского по́лка располага́лся в 30 ве́рстах от оста́льных по́лков.

Для разме́щения 2-й кира́сирской диви́зии определя́лись террито́рии, кото́рые поступа́ли в округа́ вое́нного поселе́ния из госуда́рственного фо́нда. Одна́ко не все зе́мли бы́ли пригодны́ми для испо́льзования, о́коло 50 тыс. деся́тин зе́мли оказа́лись непригодны́ми для ведения хозя́йства (табл. 3).

Поселе́ние тяжело́й кавале́рии осуществля́лось на не́сколько ино́й осно́ве, чем легко́й. В да́нном слу́чае ка́дры по́лков (36 унтер-офице́ров, 6 трубаче́й и 348 ря́довых) при по́лном ко́мплекте офице́рского соста́ва, вме́сте со вспомога́тельными подразделе́ниями, вводи́лись на террито́рию бу́дущих округо́в, а зате́м на их ба́зе формирова́лись три поселе́нных и три резе́рвных эска́дрона.

К ко́нцу ца́рствования импера́тора Алекса́ндра I вое́нные поселе́ния пехо́ты и кавале́рии бы́ли развёрнуты и́ли находи́лись в ста́дии формирования в Новгоро́дской губе́рнии (1-я, 2-я и 3-я грена́дерские диви́зии), Санкт-Петербу́ргской (3 роты Охте́нского поро́хового заво́да), Моги́левской (Елецкий и Полоцкий пехо́тные по́лки), Слобо́дско-Украи́нской (2-я ула́нская и 2-я кира́сирская диви́зии), Хе́рсонской и Екатеринославской (3-я кира́сирская, 3-я и Бу́гская ула́нские диви́зии). В округа́х вое́нных поселе́ний проживало 374 480 челове́к (без действу́ющих бата́льонов и эска́дронов)[51].

По́сле сме́рти в 1825 г. импера́тора Алекса́ндра I либера́льно настро́енная часть росси́йского о́бщества наде́ялась, что но́вый импера́тор Никола́й I, ознако́мившись с состоя́нием дел в вое́нных поселе́ниях, отме́нит их. Общеизве́стен был факт негати́вного отноше́ния вели́кого кня́зя Никола́я Па́вловича к вое́нным поселе́ниям и их фундато́ру гра́фу А. А. Аракче́еву. Одна́ко по́сле вступле́ния на престо́л, учи́тывая, очеви́дно, бо́льшие дене́жные затра́ты, испо́льзованные на их созда́ние, определе́нную экономи́ю госуда́рственных фина́нсов от перехо́да округо́в кавале́рии на самообеспе́чение продово́льствием и фура́жом,

[48] ПСЗ. Т. XXXVII. № 28832, 28834, 28835.

[49] Ячменихин К. М. Военные поселения в России... С. 89.

[50] ЦГИАУ. Ф. 1351. Оп. 2. Д. 2. Л. 27.

[51] Ячменіхін К. М. Реформування військових поселень в Росії наприкінці 20-х — у 30-х рр. XIX ст. // Україна і Росія в панорамі століть. Чернігів, 1998. С. 12.

в рескрипте на имя А. А. Аракчеева от 19 декабря 1825 г. Николай I писал: «Императору Александру Павловичу благоугодно было учредить военные поселения для пользы государства нашего... Предполагая и вменяя себе в обязанность поддержать устройство начатого дела, я надеюсь, что Вы будете мне вспомоществовать в оном» [52]. Правительство Николая I не пошло по пути ликвидации поселений, а избрало иной, реформационный метод решения проблемы, который позволил бы стабилизировать положение в поселениях, повысить их эффективность и полностью решить задачи, поставленные перед ними.

Реформирование военных поселений означало, однако, прежде всего, отступление от их аракчеевской модели. В первую очередь было решено преобразовать поселения пехоты, где организационный период слишком затянулся, вследствие чего переход на самообеспечение продовольствием проходил очень медленно и болезненно. Решить эту проблему можно было только за счет увеличения производительности поселенского хозяйства. Этого можно было достичь лишь в том случае, если освободить поселян-хозяев от выполнения несвойственных им функций и, в первую очередь, от строевой службы. Было подготовлено новое законодательство по военным поселениям. 19 ноября 1826 г. было утверждено и объявлено в войсках «Положение о полном составе поселенного пешего полка и его обязанностях», а через полгода, 5 мая 1827 г., было подписано «Положение о военном поселении регулярной кавалерии».

Основные моменты данной реформы можно свести к следующему. Каждый поселенный пехотный полк включал теперь не 3, а 4 батальона (два действующих, резервный и поселенный), а кавалерийский полк — 6 действующих, 3 резервных и 3 поселенных эскадрона. Военные поселяне-хозяева (в кавалерии и их помощники) освобождались от строевой службы, и каждый из них должен был содержать теперь не двух, а одного постояльца из действующих батальонов и эскадронов. Изменялось и количество поселян-хозяев в поселенных подразделениях. В штате поселенного эскадрона уланского кавалерийского полка по новому положению состояло 312 хозяев, в том числе 16 унтер-офицеров, а численность хозяев в полку достигала теперь 1006 человек (с фурштатской ротой) и 936 помощников. В каждом поселенном кирасирском полку теперь состояло 1276 поселян-хозяев и 1206 помощников [53].

По новому «Положению» округ поселения тяжелой кавалерии включал коренных жителей 8000 душ мужского пола и не менее 85 000 десятин земли, легкой кавалерии — до 7000 душ и не менее 70 000 десятин [54]. Увеличить поземельный состав округов можно было только за счет перевода в военные поселения значительного количества государственных земель и крестьян. В 1828 г. было решено передать из казенного ведомства в состав округов кавалерии 31 545 кре-

[52] Ячменихин К. М. Структура Новгородских военных поселений и их управление в 1816—1831 годах // История СССР. 1989. № 1. С. 95.

[53] Положение о военном поселении регулярной кавалерии. СПб., 1827. С. 62, 75—76.

[54] Там же. С. 62.

стьян (при общем увеличении состава населения всех поселенных войск на 35 631 человека)[55].

В округах кавалерии реформирование происходило дольше и болезненнее, чем в округах пехоты, поскольку присоединяемые государственные и удельные земли зачастую располагались чересполосно с частными владениями, что затрудняло формирование поземельного состава на новых основаниях. Пришлось искать новые пути, не сопряженные с масштабным приобретением государством помещичьих земель.

В ноябре 1828 г. было высочайше утверждено разработанное особым комитетом «Положение» о новом устройстве поселений 2-й уланской и 2-й кирасирской дивизии в Слободско-Украинской губернии. Поскольку удвоить численный состав поселенных и резервных эскадронов (т. е. довести его до 1146 человек в полку) было невозможно, было принято решение «иметь в каждом полку по 778 хозяев и по 708 комплектных помощников»[56]. Следовательно, численность поселян-хозяев и их помощников увеличивалась только на 1/4. Основываясь на таком штате и соответственном количестве земли, было решено на базе прежних четырех уланских полков — Белгородского, Чугуевского, Борисоглебского и Серпуховского — образовать округа первых трех, с присоединением к Белгородскому уланскому полку ряда новых селений Волчанского уезда, а округ Серпуховского полка образовать заново, за счет присоединения новых земель с государственными крестьянами. Прежние земли Серпуховского полка вошли в состав округов трех других полков 2-й уланской дивизии[57].

Территория Серпуховского уланского полка располагалась на правом берегу р. Донца в непосредственной близости от округа Борисоглебского полка. 22 декабря 1828 г. был обнародован указ о переводе жителей 15 казенных селений и 2 хуторов (Шебелинки, Михайловки, Асеевки, Глазуновки, Меловой, Шопина и других) в Змиевском и Изюмском уездах на положение военных поселян. Всего переводилось в округа поселения 2-й уланской дивизии 8354 ревизских душ[58]. В 1830 г. к округу Серпуховского полка отошел еще целый ряд селений по левому берегу р. Донца.

В марте 1830 г. селения, где располагались полковые штабы данной дивизии, получили новые названия: слобода Печенька была переименована в Новый Белгород, слобода Андреевка — в Новый Борисоглебск, слобода Балаклея — в Новый Серпухов.

По указу 17 ноября 1828 г. новое устройство получили округа 2-й кирасирской дивизии. Строевой состав поселенных и резервных эскадронов здесь также увеличивался на 1/4. На базе округов четырех кирасирских полков — Екатеринославского, Глуховского, Астраханского и Псковского — были образованы но-

[55] РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 790. Л. 2—2 об.
[56] Ячменихин К. М. Военные поселения в России... С. 97.
[57] РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 537. Л. 151—155.
[58] ЦГИАУ. Ф. 1352. Оп. 1. Д. 359. Л. 1.

вые округа первых трех полков с «добавлением к ним смежных казенных селений и хуторов Купянского и Старобельского уездов»[59]. Округ Псковского кирасирского полка был создан заново на базе «казенных селений и хуторов по обеим сторонам р. Айдара, выше г. Старобельска... Промежуток между сим округом и округами Астраханским и Екатеринославским — от 9 до 30 верст»[60].

По новому расписанию поселенные и резервные эскадроны 2-й кирасирской дивизии располагались в следующих селениях: Екатеринославкий полк — в слободах Святова Лучка, Нижняя Дуванка, Преображенская, Тарасовка, Красная, Новокрасная и Гараловка, а также в 27 хуторах; Глуховский полк — в слободах Кременная, Сухарева, Краснянка, Кабанья, Меловатка, Поповка и Торская, а также в 30 хуторах; Астраханский полк — в слободах Новотроицкая, Нижняя Покровка, Епифановка, Михайловка, Боровенька, Мостки, Шульгинка, Байдовка, Новоборовая и Верхняя Покровка, а также в 38 хуторах; Псковский полк — в слободах Осиновая, Белолуцкая, Закотная, Булавиновка, Дмитровка, Новая Россошь, Новозакамянка, Камянка и Донцовка, а также в 23 хуторах[61].

Так же, как и в округах 2-й уланской дивизии, были переименованы селения, в которых располагались полковые штабы: слобода Сватова Лучка — в Новый Екатеринослав, слобода Кременная — в Новый Глухов, слобода Новотроицкая — в Новую Астрахань, слобода Осиновая — в Новый Псков. Штаб 2-й кирасирской дивизии располагался в г. Старобельске.

В 1828—1829 гг. рассматривались планы создания новых округов поселений для конно-артиллерийских рот при Слободско-Украинском и Херсонском военных поселениях. В феврале 1829 г. император Николай I высочайше соизволил

Таблица 4. Численность хозяев и их помощников в округах военного поселения 2-й кирасирской дивизии[62]

Округ поселения полка	*Численность*	
	Хозяев	*Помощников*
Екатеринославский	1112	1191
Глуховский	1275	1584
Астраханский	1276	1581
Псковский	873	1266
Всего в дивизии	4536	5622

[59] РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 3643. Л. 79.
[60] Там же.
[61] ЦГИАУ. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 35. Л. 23—34, 165 об.—171 об.
[62] Там же. Л. 166 об.—171 об.

учредить военное поселение конно артиллерийских рот №№ 11—14 в Старобельском уезде Слободско Украинской губернии в районе размещения Беловодских придворных конных заводов, к которым было приписано 19977 ревизских душ и за ними числилось 345349 десятин земли[63]. 17 октября 1829 г. конно-артиллерийские роты были подчинены начальнику артиллерии 2-го резервного кавалерийского корпуса генерал-майору Тибенькову[64].

Медленные темпы реформирования округов военных поселений на данном этапе можно пояснить тем, что Россия вела войны с Персией и Турцией, подавляла польское восстание 1830—1831 гг. В начале 30-х гг. эти реформы стали более радикальными и динамичными. Несомненно, стимулом для этого стало восстание военных поселян Новгородской губернии в 1831 году.

В 1832 г. в округах кавалерии завершился отрыв поселенной части полков от действующей, который начинался еще реформой 1827 г. Поселенные эскадроны не подчинялись теперь полковым и бригадным командирам, которые во время нахождения полков в округах поселений командовали только действующими и резервными эскадронами. При выступлении полков в поход резервные эскадроны, оставшиеся в округах, переходили в подчинение специально назначаемому генералу, который одновременно командовал и поселенными эскадронами[65]. Начиная с 1834 г. военные поселяне стали нести рекрутскую повинность на общих основаниях.

Подводя итоги анализа развития округов Слободско-Украинских военных поселений, необходимо отметить, что первый период их существования (1817—1826 гг.) можно определить как период становления кавалерийских поселенных округов или как организационный период. В эти годы шел процесс поселения 2-й уланской и 2-й кирасирской дивизии, формировались поселенные округа всех 8 полков, происходил значительный их территориальный рост, увеличивался состав населения округов. Тогда же завершилось территориальное складывание округов в первоначальном их варианте.

В этот же период происходило формирование состава поселенных и резервных эскадронов, они большей частью составлялись из коренного населения, комплектовались поселенные хозяйственные единицы, складывалась их структура, создавалась экономическая база для дальнейшего функционирования.

С 1827 г. начинается второй этап (1827—1832 гг.) в развитии системы поселений в Слободско-Украинской губернии, который может характеризоваться как реорганизационный. Реформа 1826—1827 гг. внесла коренные изменения в принципы организации и в структуру поселенных полковых округов. За счет увеличения численного состава поселенных и резервных эскадронов изменялся состав округов, происходило включение в них новых селений. В этот период бы-

[63] РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 1504. Л. 3.
[64] ЦГИАУ. Ф. 1352. Оп. 2. Д. 46. Л. 228 об.—229.
[65] ПСЗ. Собрание 2. Т. VII. № 5241.

ли сформированы новые округа для Серпуховского уланского и Псковского ки расирского полков.

Таким образом, для второго этапа развития поселений кавалерии в Слободско-Украинской губернии был характерен рост населения округов за счет перевода в состав поселян государственных крестьян. В то же время окончательно складывалась структура округов всех кавалерийских полков, поселенных здесь, фактически завершился их территориальный рост. Второй этап был также отмечен и изменением юридического статуса отдельных категорий военных поселян. Все это привело к определенной либерализации всей системы военных поселений.

М. М. ШЕВЧЕНКО

Славянский вопрос глазами русского правительства в 1842 году: С. С. Уваров и К. В. Нессельроде*

В Отделе письменных источников Государственного Исторического музея, в архиве семейства Уваровых (Ф. 17) сохранилось два письма, которыми обменялись в 1842 г. министр иностранных дел К. В. Нессельроде и министр народного просвещения С. С. Уваров (Ед. хр. 42). По обыкновению того времени оба государственных деятеля написали друг другу на французском языке. Одно из них, письмо Уварова, было опубликовано М. Ю. Досталь с переводом на словацкий язык[1]. Анализируя его содержание в сопоставлении с некоторыми другими источниками, исследовательница, между прочим, пришла к заключению, что «Уваров поддержал мнение М. П. Погодина» о «необходимости изменения явно проавстрийского внешнеполитического курса России в сторону сближения со славянскими национальными движениями в Австрии и Турции и оказания им всяческого содействия»[2]. Не находя возможным согласиться с такой интерпретацией и оставляя в стороне слишком мифологизированное понятие «теория официальной народности»[3], полагаю, что источник, в данном случае, требует более буквального восприятия и предлагаю вниманию заинтересованного читателя на этот раз оба письма с переводом на русский язык.

Обстоятельства, при которых фактически перед лицом императора состоялся обмен мнениями между двумя министрами, приблизительно таковы. Министр народного просвещения обращался к русским дипломатическим миссиям за помощью посылаемым за границу русским ученым-славистам. Их коллеги, австрийские подданные, некими нелояльными действиями, проявлениями пансла-

* Публикация является частью исследовательской работы, выполняемой при поддержке РГНФ. Проект № 03-01-00459а.

[1] См.: Dostal'ova M. Slovanská otázka v názoroch grófa S. S. Uvarova // Slovanské štúdie. Bratislava, 1993. Sv. 1—2. S. 67—78.

[2] См.: Досталь М. Ю. Славянский вопрос в мировоззрении графа С. С. Уварова // Славянская идея: история и современность. Сб. ст. М., 1998. С. 63—65, 66—74, 75—77.

[3] См.: Шевченко М. М. Понятие «теория официальной народности» и изучение внутренней политики императора Николая I // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2002. № 4. С. 89—104.

ями панславизма или иными подобными политическими устремлениями, возбудили подозрения властей. Австрийский кабинет оказал давление на русского посланника в Вене (с 1841 г.) графа П. И. Медема. Контакты ученых обоих государств на почве славянских исследований возбуждают или питают нежелательные общественные стремления, чреваты опасными политическими последствиями, враждебными интересам двух держав, духу их консервативного партнерства — в таком, очевидно, смысле довел официальную австрийскую позицию до сведения Петербурга Медем. Император Николай Павлович велел Нессельроде показать депешу Медема Уварову.

Свою точку зрения Уваров в письменном виде изложил императору. Текст этого документа нам в настоящее время неизвестен. В статье М. Ю. Досталь говорится об «особой записке царю, поданной 1 декабря 1842 г.» Исследовательница ссылается на единицу хранения 42, лист 20[4]. Документ в указанной папке, датированный 1 декабря 1842 г., царю адресован быть не может. Император, Нессельроде, как и Медем, упомянуты в ней в третьем лице (Л. 17). Это черновая объяснительная записка, написанная рукой Уварова, не вполне поддающаяся расшифровке, с изложением, по-видимому, хода дела на указанный день (Л. 17—19 об.).

Министр народного просвещения предъявил императору образчик русофобских тенденций в легальной немецкоязычной прессе, терпимых австрийским правительством. «В подкрепление к сказанному мною в разговоре с графом Нессельроде, что Немецкие Правительства, требуя от нас отчета в малейших движениях сочувствия к единоплеменным народам, с своей стороны мало заботятся о воздержании журналистов и писателей от грубейших нападков на Россию, осмеливаюсь всеподданнейше представить в переводе Вашему Императорскому Величеству две статьи из двух немецких газет, которые обе перепечатаны в последнем № "Аугсбургской газеты", — писал Уваров 8 декабря. — Можно и должно, конечно, взирать с презрением на подобные выражения клеветы и злонамеренности, но не следует ли также взять во внимание, что подобными, ежедневно появляющимися со всех сторон статьями, развращается в соседних Державах общее мнение и возрождается слепая ненависть к России и к Русскому Правительству? Нельзя не заметить притом, что злейшая из сих статей напечатана в Венгрии». Николай I вернул бумагу, написав на ней карандашом: «Очень умно! Покажите г[рафу] Нессельроду» (Л. 16—16 об.).

Позиция Уварова, изложенная в письме Нессельроде от 26 декабря, на мой взгляд, по существу, означает следующее. Министр народного просвещения не отрицает заинтересованности России в поддержании внутренней стабильности как в Турции, так и в Австрии. Но, учитывая лишь относительную устойчивость как русско-австрийского, так и русско-турецкого возможного сближе-

[4] Досталь М. Ю. Указ. соч. С. 66.

ния, он указывает, что укрепляемые сейчас научные, культурные, духовные связи между Россией и зарубежными славянами послужат ей политическим ресурсом в будущем. Уваров, пожалуй, не столько оспаривает позицию Нессельроде, сколько ее дополняет или стратегически углубляет. Во всяком случае, это спор в рамках одной политической системы.

Следует добавить, что сам Уваров придавал своей позиции столь важное значение, что поместил оба письма с сопутствовавшими им документами в отдельную папку для хранения в семейном архиве. На ее обложке сохранился оттиск *«question slave»*.

Извлечение из «Аугсбургской газеты» публикуется по писарской копии (Ед. хр. 42. Л. 20—21), письмо К. В. Нессельроде от 20 декабря 1942 г. по автографу (Л. 8—9 об.), письмо С. С. Уварова от 26 декабря 1842 г. по писарской копии (Л. 10—15). В публикации сохранены стиль и особенности написания подлинников, авторские подчеркивания выделены курсивом. Перевод с французского языка осуществлен автором публикации.

I. Приложение С. С. Уварова к докладу императору Николаю I.

Extrait de la gazette Augsburg (Allgemeine Zeitung).
№ 340. 6 Decembre 1842

La feuille hongroise «Villag» contient l'article suivant: «Que la Russie se tienne pour avertie qu'il y a du danger désormais pour elle à léser les droits du royaume de Hongrie sur les trois principautés du Danube et qu'en cas de guerre cent mille volontaires hongrois réunis aux troupes de France et d'Angleterre et guidés par les inombrables héros de la Pologne qui vivent dans l'exil, feront au talon de l'Achille Russe une blessure qui ne sera pas facilement cicatrisée; une entreprise de cette nature rencontrera autant plus les sympathies de l'opinion publique en Europe que les traitemens infligés par le Gouvernement Russe aux provinces ci-devant polonaise tant sous le rapport religieux que le rapport politique excitent la plus profonde indignation dans tout hommes civilisé et servent qu'à augmenter l'intérêt que l'on porte à ce malheureux pays. La Russie sera obligée de résigner son patronat usurpé sur les principautés, entre les mains généreuses de l'Autriche conservatrice, ou bien elle peut s'attendre à être forcée de reculer de quelques siècles».

Une autre feuille: «Le courrier allemand» porte la nouvelle suivant: «L'incendie de Kazan a reduit en flammes une fabrique intéressante, une fabrique de *Knouts* qui au rapport des feuilles Russes fournissait annuellement plusieurs millions de lanières de cuir et de manches pour les knouts. Que l'on calcule maintenant combien de centaines de milliers de coups de knout il se donne annuellement en Russie, pour qu'une telle fabrique puisse être occuppée et ce n'est pas la seule qui existe; pourtant il n'est pas à craindre que cette intéressant branche de l'industrie national en Russie soit en danger de cesser; une bonne mesure de Tarif viendra à son aide».

Извлечение из аугсбургской газеты (Альгемайне цайтунг).
№ 340. 6 декабря 1842

Венгерский листок «Виллаг» содержит следующую статью: «Пусть Россия знает, что отныне ей опасно ущемлять права Венгерского королевства на три Дунайских княжества, и, что в случае войны сто тысяч венгерских добровольцев, собранных в войсках Франции и Англии под водительством бесчисленных героев Польши, живущих в изгнании, нанесут в пяту Русскому Ахиллу рану, которая нелегко будет заживать. Предприятие такого рода встретит тем более симпатии в общественном мнении Европы, что режим, введенный Русским Правительством в прежних польских провинциях как в религиозном отношении, так и в политическом вызывает самое глубокое возмущение у всех цивилизованных людей и служит увеличению интереса к этой несчастной стране. Россия будет обязана отдать свой узурпированный протекторат над княжествами в благородные руки консервативной Австрии, или она может дождаться, что будет вынуждена откатиться на несколько столетий назад».

Другой листок «Немецкий курьер» сообщает следующую новость: «Пожар в Казани уничтожил в пламени интересную фабрику, фабрику *Кнутов*, которая, по сообщениям русских газет, доставляла ежегодно многие миллионы кожаных ремней и рукояток для кнутов. Пусть сочтут теперь, сколько сотен тысяч ударов кнута дают ежегодно в России, чтобы подобная фабрика могла быть задействована, а такая существует не одна. Однако нет опасений, что этой интересной отрасли национальной промышленности России могло бы угрожать прекращение; хорошие тарифные меры придут ей на помощь».

II. Письмо К.В. Нессельроде С.С. Уварову, 20 декабря 1842 г.

J'ai été si occupé tous ces jours ce qu'il m'a été impossible, mon cher Collègue, de penser à votre affaire Slave. Maintenant que j'ai lu avec attention tout ce que Vous m'avez envoyé, aussi que Votre note à l'Empereur que Sa Majesté a eu la bonté de me communiquer, que j'ai même parcourir le livre de Mr Apriloff je suis à même de Vous dire mon opinion. Je commence abord par Vous remercier d'être entré envers moi dans des explications aussi détaillées. Elles me prouvent que Vous prenez la chose à coeur et dès lors mon but est en partie atteint. Cependant d'après le sens de ces explications il me reste seulement la craint que nous ne nous comprenions pas suffisamment ou plutôt que nous n'envisagions pas cette question très grave, sous le même point de vue. Il ne s'agit, mon cher Collegue, ni de vous justifier, ni d'accuser Medem, mais bien de prevenir dans le monde une grande perturbation qui ne sauroit tourner à l'avantage de la Russie, car en laissant mettre le feu à la maison du voisin, il ne tarderoit pas à gager la notre. Il s'agit de ne pas être dupe une foule de revolutionnaires Polonois et autres qui, sous le masque de la religion et de la science, ne poursuivent que des projets subversifs et hostiles à la Russie. Lisez la pièce ci joint et Vous trouverez que je n'ai pas si tort être fortement préoccupé. Prenons garde qu'il ne nous arrive ce qui est arrivé à notre pauvre ami Capodistrias. Lui aussi ne voloit qu'éclairer, civiliser, instruire ses compatriotes, exciter et entretenir en leur faveur les sympathies Russes et un bon matin il se

reveille a Laybach avec une forte revolution sur les bras qui a entraine la Russie dans une guerre sanglante et dispendieuse et dont lui Capodistrias est devenu la premiere victime. Et voila ou nous arriverons si nous ne reprimons pas fortement la tendance au Slavisme qui perce dans les journaux que je Vous ai signale et dont le livre Apriloff n'est pas exempt. Sous titre deja est une faute dans un moment où règne une grande fermentation parmi les Bulgares et nous avons envoyé nous mêmes un Commissaire pour les calmer. Dans l'avant-propos Vous remarquerez plus une passage qui les appele à la révolte contre le Gouvernement Ottoman avec lequel nous sommes en paix et que nous avons intérêt de conserver aussi longtemps qu'il plaira au bon Dieu de le laisser vivre. Nous assumerions une grande responsabilité, si nous ne fesions tous nos efforts pour empêcher chez nous des manifestations qui pourroient en accelerer la chute.

Voilà mon cher Collègue, ce que j'avois à coeur de Vous dire; ne m'en voulez pas de ma franchise et agréez mes plus invariable amitiés.

Nesselrode
ce 20 Decembre 1842

Перевод

Я был так занят все эти дни, что не имел возможности, мой дорогой Коллега, думать о вашем Славянском деле. Теперь же, когда я прочел со вниманием все, что Вы мне прислали, а также Вашу ноту Императору, которую Его Величество милостиво мне передал, когда я также просмотрел книгу г. Анрилова[5], я могу высказать Вам свое мнение. Прежде всего я благодарен за то, что Вы вошли ко мне со столь подробными объяснениями. Они мне доказывают, что Вы принимаете эту вещь близко к сердцу, и с этого времени моя цель отчасти достигнута. Однако же, по смыслу этих объяснений, они оставляют мне опасение, что мы не поняли друг друга в достаточной мере, или, скорее, мы не воспринимаем этот очень важный вопрос с одной и той же точки зрения. Речь не идет, мой дорогой Коллега, ни о том, чтобы оправдывать Вас, ни о том, чтобы обвинять графа Медема, но о том, чтобы предотвратить в мире великую смуту, которая не могла бы обратиться к выгоде России, ибо если дать разгореться пожару в доме соседа, он не замедлит охватить и наш. Речь о том, чтобы не дать себя одурачить толпе революционеров Польских и других, которые под маской религии и науки преследуют цели подрывные и враждебные России. Прочтите при сем прилагаемый отрывок и Вы увидите, что моя сильная озабоченность далеко не напрасна. Поостережемся, чтобы с нами не случилось то, что с нашим бедным другом Каподистрией[6]. Ему также хотелось только просвещать, цивилизовывать, обучать своих соотечественников, возбуждать и поддерживать Русские

[5] Анрилов В. Денница новоболгарского образования. Одесса, 1841. Анрилов Васил Евстатиев (Василий Евстафьевич) — видный деятель болгарского национального возрождения. Вместе с другим одесским купцом Палаузовым основал в 1835 г. первую в Болгарии светскую школу в Габрове с использованием ланкастерского метода.

[6] Каподистрия Иоанн (1776—1831) — русский и греческий государственный деятель. Уроженец о. Корфу. С 1809 г. на русской дипломатической службе. С 1815 г. один из двух статс-секретарей, возглавлявших ведомство иностранных дел (другим был К. В. Нессельроде). Отвечал за отношения с Османской империей и управление Бессарабией. Не сумев убедить императора Александра I оказать решительную поддержку греческому восстанию, в 1822 г. отошел от дел, взяв бессрочный отпуск. В апреле 1827 г. избран правителем Греции, в связи с чем от русской служ-

симпатии, и в одно прекрасное утро он просыпается в Лайбахе со здоровенной революцией на руках, которая вовлекла Россию в кровопролитную и разорительную войну, первой жертвой которой стал он же, Каподистрия. Вот куда мы придем, если не будем твердо пресекать тенденцию к Славизму, которая сквозит в тех газетах, на которые я обратил Ваше внимание, от которой не свободна и книга Априлова. Ошибкой является уже подзаголовок в тот момент, когда царит великое брожение среди Болгар и мы сами отправили Уполномоченного, чтобы их успокаивать[7]. В предисловии Вы заметите не один пассаж, который их призывает к бунту против Оттоманского Правительства[8], с которым мы находимся в мире, который мы заинтересованы сохранять столько, сколько Богу будет угодно его существование. Мы бы взяли на себя огромную ответственность, если не употребили бы все наши усилия, чтобы помешать у нас каким-либо проявлениям, которые могли бы ускорить его падение.

Вот, мой дорогой Коллега, что было Вам сказать у меня на сердце; не сердитесь на меня за откровенность и примите уверения в моей самой неизменной дружбе.

Нессельроде
20 декабря 1842

III. Письмо С. С. Уварова К. В. Нессельроде, 26 декабря 1842 г.

26 décembre 1842.
Je m'empresse de Vous remercier, mon cher Collègue, de la communication que Vous avez bien voulu me fair de quelques papiers, que j'ai l'honneur de Vous restituer ci-joint. Cette confiance est un appel à ma frahchise et je me crois tenu y repondre en Vous presentant quelques considérations à l'appui de ma manière envisager la question slave:

бы отставлен. 28 сентября (8 октября) 1831 г. пал жертвой политического убийства, вдохновленного сторонниками английской ориентации.

[7] Очевидно, Нессельроде имеет в виду миссию статского советника Д. Ф. Кодинца, направленного в Болгарию в 1841 г. после подавления турками Нишского восстания. Русский посланник в Стамбуле В. П. Титов неоднократно протестовал против сопровождавших подавление восстания жестокостей. 240 населенных пунктов было сожжено, около 12000 болгар бежали в соседние страны, спасаясь от репрессий. Собрав информацию, Азиатский департамент Министерства иностранных дел заключил, что болгары, доведенные до совершенного отчаяния и не имея надежды получить защиту от Порты, повеления коей оставались без исполнения местными властями, решились силою восстать против своих притеснителей. Полученные сведения и петиции болгар были представлены Николаю I. По его повелению Кодинец был послан для сбора более точных данных. Его предложения по улучшению положения болгар и устранению произвола местных властей были представлены Порте Титовым, но несмотря на их умеренный характер, были отвергнуты (Международные отношения на Балканах, 1830—1856. М., 1990. С. 163, 165).
Подзаголовок (sous-titre) книги Априлова указывает, что сочинение издано автором на своем иждивении в пользу Габровского училища.

[8] Нессельроде, разумеется, утрирует. Априлов буквально говорит о своей книге как о вкладе в возрождение болгарского национального самосознания, борьбу с эллинизацией болгар: «Счастлив буду я, если мои соотечественники поймут меня и возлюбят свое, национальное. Тогда увидим мы Славян по тем местам, где ныне Географами и Статистиками по ошибке и по неведению Болгар показаны жители других племен» (Указ. соч. С. I, IV, V).

Je commence abord par dire que Vous avez parfaitement raison de poser en fait qu'il ne s'agit ni de me defendre ni accuser le Cte Medem, il faut que je me sois bien mal exprime a cet egard si c'est la l'impression que Vous avez gardee des lignes que j'ai adressees a l'Empereur. Dans une question aussi haute que celle qui se presente, mon opinion n'est pas *une force* et celle du Cte Medem n'est pas *un obstacle*; des evolutions historiques de cette nature et de cette etendue ne s'accomplissent qu'en vertu une loi superieure, c'est le cas ou jamais, de dire avec Fénélon: «les hommes s'agit et Dieu les mène». Si j'ai reclamé le concours des missions Russes au dehors c'etait seulement, parce que après la question *des principes* qui marche la premiere, la question *des individus* a droit être prise en considération, quand ces individus, placés comme nous le sommes, sont à des degrés différens et dans des sphères spéciales, les organe du même Souverain. Il serait juste et utile que toute appréhension sur ce point fut ecartée autorité et sans appel, lorsque ces quelques noms propres sont à l'étranger prononcés sans discernement et contrairement à la dignité de notre Gouvernement. J'ai lu avec attention le mémoire remis à l'ambassade de France à Constantinople; il fournit une nouvelle preuve de l'activité préservante avec laquelle les cabinets étrangers cherchent à miner les restes de notre influence sur nos co-religionaires; pour dénationaliser les populations slaves on est tombé d'accord de leur enlever leur foi religieuse et leur confiance en nous. Ce moyen est efficace mais il n'est pas nouveau; avec sa circonspection ordinaire l'Autriche l'emploie depuis longtemps. Ici un transfuge polonais propose à la France de s'associer à cette oeuvre de destruction sous le double drapeau du *Catolicisme* et des *idées-libérales*; c'est précisement l'annonce de ce travail sourd et menaçant qui devrait, ce me semble, éveiller toutes nos sollicitudes et nous determiner du moins à prendre sur ce point une position défensive, une position observation et attente. Pour la Russie la question est placée exactement à l'inverse des vues de l'Europe; à nos yeux le point de réunion se trouve tout entier dans l'identité des idées religieuses et des origines historiques et dans une croyance commune à l'avenir de la Russie. Quiconque agit dans un sens opposé est un ennemi à quelque couleur qu'il appartienne. Le maintien de la puissance Ottomane est sans contredit dans ce moment, comme Vous le dites à si juste titre, la situation la plus favorable pour nous, mais n'est elle pas transitoire? et ne se trouvera-t-il pas des éventualités plus ou moins prochaines, plus ou moins desirables au milieu desquelles la Russie sera un jour appelée à fair usage des leviers que la politique européenne voudrait à l'avance briser entre ses mains, parce que ce sont des armes naturelles, des forces intelligentes, des sympathies commandées par la nature des choses?

Mais je n'ai gardé de prolonger la discution sur un terrain où les données principales me manquent, ne sachant de la politique exterieure que ce que Vous voulez bien me communiquer et ce que l'on en peut prendre dans les journaux et les publications nouvelles; je me persuade et j'admets volontiers que toutes ces éventualités ont été prises en sérieuse considération; je me hâte de retrouver au point spécial qui m'est le plus familier et sur lequel les deductions sont toutes de mon ressort.

Dans la note que j'ai cru devoir mettre sous les yeux de l'Empereur parce que je crois que nous tous, sommes obligés de Lui rendre compte avec sincérité de notre manière envisager telle ou telle question, j'ai établi que la question Slave présentait deux face: l'une tracasière, dangereuse, quasi-revolutionnaire, l'autre reguliere, paisible, instinctive et par là même indestructibles. L'application de cette distinction importante a déja été provoqué et ne manquera pas de l'être dorénavant dans des matière qui me touchent de très près: nous avons des chaires de langue slave dans toutes nos Universités; notre jeunesse se livre avec ardeur à ces études, non seulement notre jeunesse universitaire, mais beaucoup hommes de lettres, beau-

coup de membre du clergé s'occupent de ces études; nous envoyons dans les pays étrangers et en particulier dans les pays habités par des races slaves des jeunes gens chargés de se préparer à l'enseignement des dialectes slaves qui sont pour nous une importance si majeure; nous publions de grands recueil histoire et antiquité, des recherches sur les origines slaves autre part des livres de prière, des rituels, des vases sacrés vont au delà de la frontière, alimenter des églises appauvrie de nos co-religionaires; tout ce mouvement indigène qui se lie à nos traditions, qui embrasse tous les objets de notre vénération et notre amour, faudra-t-il le gêner, l'interrompre tantôt sous telle forme tantôt sous telle autre, parce qu'il aura éveillé les défiances du dehors? Faudra-t-il peu-à-peu paraliser, sinon interdire ces rapports séculaires parce qu'il plaira à tel ou tel cabinet étranger de chercher sous l'envelloppe de cette fraternité historique et religieuse, une fraternité politique? Mettons nous en suspicion des sympathies aussi légitimes et les hommes qui les professent parcs qu'il conviendra à la politique européenne de nous garder immobiles sur le terrain ci-dessus indiqué tandis qu'elle s'agit et qu'elle manoeuvre ouvertement pour nous en déposseder tout-à-fait? Et qu'on ne dise pas qu'il s'agit seulement de mettre un frein à ce mouvement. Si l'on concède à une puissance étrangère le droit de s'immiscer dans ces relations de sympatie, de les controler, de s'en constituer l'arbître, cette concession à mon avis entraînera succesivement toutes les autres; dans la voie des concessions nul encore n'a découvert un point arrêt; j'irai plus loin, si par impossible ces exorbitantes concessions étaient faites, elles ne porteraient aucun fruit et la question se poserait encore dans les même termes. Plus ces concessions seraient surprenantes et inattendues, moins elles inspireraient de confiance; on y verrait un piège, un artifice, un semblant et le sacrifice, comme tant autres, n'aurait pas même pour resultat de calmer les susceptibilité ombrageuses de nos voisins. Grâce de Dieu et de l'Empereur ensuite, ce cas extrême ne pourrait jamais se produire, mais sans aller si loin et en s'abstenant de raisonner dans une hypothèse impossible, je le demande, ne serions-nous pas tous, et moi en particulier en vertu de mes fonction, placés dans la situation la plus difficile et sous le coup d'insinuations incessantes, si la première était admise et si nos missions à l'étranger ne repoussaient pas avec énergie et vivacité de semblables exigences?

En Vous plaçant au point de vue que je viens de développer et dans les conditions de service que la confiance de l'Empereur m'a faites, Vous verrez, je l'espère, mon cher Collègue, que sans rien exagérer, sans me préoccuper de telle ou telle opinion, je dois à ma sécurité et surtout à celle du Ministère que je dirige, de desirer qu'on s'entende une fois pour toutes sur cet important objet. Voilà ce qui m'afait aujourhui prendre la plume et Vous présenter ces développements sans crainte de fatiguer Votre attention. Si j'insiste sur la distinction que j'ai établie dans la note présentée à S[a] M[ajesté], c'est qu'elle est vitale et que après à mes convictions les plus intimes, elle repond parfaitement à l'état de la question; j'ajouterai que je ne m'attribue pas l'honneur de l'avoir trouvée, car elle appartient à ce quelqu'un qui au dire de Mr de Talleyrand, a plus esprit que Voltaire et Napoléon à tout le monde.

Bien qu'à mon grand regret nous n'envisagions pas la question slave exactement sous les même aspects, je suis bien convaincu de nous trouver toujours accord quand il s'agira du maintien des grandes principes conservateurs ordre, de l'humanité et de justice, en y joignant bien entendu celui de dignité national qui est le lien des autres et sans lequel ceux-là ne seraient tous plus ou moins, que des théories à l'état de problème*.

Permettez moi, mon cher Collègue, de terminer cette petite controverse amicale par l'assurance réitirée de mes anciens sentiments attachement et de haute considération.

*Абзац в рукописи зачеркнут.

26 декабря 1842

Спешу поблагодарить Вас, мой дорогой коллега, за то, что благоволили мне прислать те несколько листков, каковые имею честь Вам возвратить, при сем прилагая. Такое доверие взывает к моей откровенности, и я считаю себя обязанным на него ответить, представив Вам несколько замечаний в подтверждение моего видения славянского вопроса.

Вначале скажу, что Вы совершенно правы, утверждая, что речь не идет ни о моей защите, ни об обвинении графа Медема. Очевидно, что я очень плохо выразил свои мысли в этом отношении, если последовало то впечатление, которое у Вас осталось от тех строк, что я адресовал Императору. В вопросе, столь высоком, как тот, который возник, мое мнение не есть *единственная сила*, и мнение графа Медема не есть *единственное препятствие*. Исторические изменения этой сущности, этого пространства свершаются в силу высшего закона; это тот случай, когда можно сказать с Фенелоном: «Люди суетятся, а Бог их ведет». Если я потребовал помощи у русских миссий за границей, это означало лишь то, что, поскольку после вопроса *принципов*, который идет первым, следует вопрос *личностей*, который имеет также право на внимание, поскольку эти личности в различных рангах и некоторых специальных сферах суть органы одного и того же Государя. Справедливо и полезно, чтобы всякие опасения были бы отстранены от власти, и притом безапелляционно, раз уж эти несколько собственных имен были произнесены за границей безрассудно и вопреки достоинству нашего Правительства. Я прочел со вниманием записку, представленную посольством Франции в Константинополе; она дает новое доказательство настойчивой активности, с которой иностранные кабинеты стремятся подорвать остатки нашего влияния на наших единоверцев; чтобы денационализировать славянское население, они пришли к соглашению отнять у них религиозную веру и их уверенность в нас. Этот способ эффективен, но не нов. Со своей обычной осмотрительностью Австрия употребляет его уже давно. Здесь один польский перебежчик предлагает Франции присоединиться к этому делу разрушения под двойным знаменем *католицизма* и *либеральных идей*. Это точное предвестие такой работы, тайной и угрожающей, которая должна, как мне кажется, возбудить все наше внимание и побудить нас, как минимум, занять оборонительную позицию наблюдения и выжидания. Для России этот вопрос совершенно противоположен видам Европы. В наших глазах точка объединения находится всецело в тождестве религиозных идей и исторических начал. Всякий, кто действует в противоположном смысле, есть враг, в каком бы цвете он ни представлялся. Потребность сохранения Оттоманской державы в настоящий момент является бесспорной, как Вы с полным основанием говорите, эта самая благоприятная для нас ситуация, но не является ли она переходной? И не возникнут ли возможности, более-менее близкие, более-менее желанные, посреди которых Россия однажды будет призвана употребить рычаги, которые европейская политика хотела бы прежде этого времени выбить из ее рук, поскольку они являются естественным оружием, искусной силой, симпатией, продиктованной самой природой вещей?

Но я далек от того, чтобы продолжать спор на почве, где главные данные у меня отсутствуют, зная из внешней политики лишь то, что Вам угодно было мне сообщить, и то, что можно взять из газет и новых публикаций. Убеждаю себя и охотно соглашаюсь, что все эти возможности были приняты в серьезное соображение. Поспешу вер-

путься к моменту специальному, который мне наиболее близко знаком, по которому заключения находятся всецело в моей компетенции.

В ноте, которую я счел долгом положить пред взором Императора, ибо считаю, что мы все обязаны Ему давать чистосердечный отчет о нашем видении того или иного вопроса, я утверждал, что Славянский вопрос имеет две стороны: одна вздорная, опасная, полуреволюционная, другая упорядоченная, мирная, инстинктивная и, поэтому, нерушимая. Использование этого важного различия было уже и будет в тех предметах, которые непосредственно меня касаются: у нас есть кафедры славянских языков во всех наших университетах; наша молодежь с жаром предается соответствующим исследованиям, не только университетская молодежь, но и множество писателей, представители духовенства этими исследованиями занимаются; мы посылаем за границу, в частности, в страны, населенные славянскими народами, молодых людей, обязанных готовить себя к преподаванию славянских наречий, столь важных для нас; мы публикуем большие сборники по истории и древностям, исследования о происхождении славян, с другой стороны молитвенники, требники, священные сосуды идут за границу, снабжая обедневшие церкви наших единоверцев; все это движение коренное, связанное с нашими традициями, которое объемлет все предметы нашего почитания и нашей любви. Надо ли ему мешать, прерывая его то в одной форме, то в другой из-за того, что оно возбуждает недоверие за рубежом? Надо ли мало-помалу парализовывать, если не запрещать, эти вековые отношения из-за того, что тому или иному иностранному кабинету понравится искать под оболочкой исторического и религиозного братства братство политическое? Подвергнем ли мы подозрению столь законные симпатии и тех людей, которые им следуют, из-за того, что европейской политике надобно держать нас неподвижными в указанной области, тогда как она действует и открыто маневрирует, чтобы в конце концов здесь нас обессилить? И пусть не говорят, что речь идет о том, чтобы только обуздать это движение. Если уступить иностранной державе право вмешиваться в эти отношения взаимной симпатии, их контролировать, делаться их арбитром, то такая уступка, по моему мнению, повлечет одна за другой и все иные; на пути уступок еще никому не удавалось остановиться. Но иду еще дальше. Если бы вопреки вероятию эти непомерные уступки были бы сделаны, это не принесло бы никакого плода, и вопрос возник бы опять в тех же размерах. Чем более удивительны и неожиданны были бы эти уступки, тем меньше доверия они бы вызвали; в них увидели бы ловушку, ухищрение, видимость, и жертва, как и многое другое, не помогла бы успокоению подозрительных чувств наших соседей. По милости Бога и Императора эта крайность, наверное, не случится никогда. Но, не заходя столь далеко и воздерживаясь от рассуждений о невозможном, вопрошаю: не оказались ли бы все мы, в частности в пределах моих обязанностей и я, в положении наитруднейшем, под ударом непрерывных инсинуаций, если бы таковое было допущено, и если бы наши миссии за границей не отвергали бы с энергией и живостью подобные требования?

Если Вы поставите себя на точку зрения, которую я сейчас развивал, поставите себя в служебное положение, которое мне предоставлено доверием Императора, Вы, надеюсь, увидите, мой дорогой Коллега, что, ничего не преувеличивая и не питая пристрастия к тому или иному воззрению, я должен ради обеспечения себя и, особенно, Министерства, которым руковожу, желать раз и навсегда договориться по этому важному предмету. Вот, что побудило меня сегодня взяться за перо и представить Вам сии рассуждения без опасения утомить Ваше внимание. Если я настаиваю на отличии той ноты, что я представил Его Величеству, то именно на том, что она необходима и,

по моим самым глубоким убеждениям, совершенно отвечает состоянию вопроса. Добавлю, что не присваиваю себе чести его открытия, ибо она принадлежит тому, кто, по словам г. Талейрана, умнее, чем Вольтер и Наполеон, всему свету.

Хотя, к моему большому сожалению, мы не воспринимаем славянский вопрос под одним и тем же углом зрения, я совершенно убежден, что мы всегда придем к согласию, когда зайдет речь о поддержании великих охранительных принципов порядка, гуманности и справедливости, включая сюда, разумеется, и принцип национального достоинства, который их связывает, и без которого все они были бы лишь в той или иной мере теориями о состоянии проблемы.

Позвольте мне, мой дорогой Коллега, завершить этот маленький дружеский спор скромным уверением в моих старых чувствах преданности и высокого уважения.

~

А. И. АКМАНОВ

Законодательные инициативы и нормативные акты о землевладении башкирских общин в XIX — начале XX вв.

Во второй половине XVI в. башкиры добровольно присоединились к Русскому государству. В это и последующее время башкиры занимались преимущественно скотоводством и вели полукочевой образ жизни. Царское правительство закрепило за башкирами их земли на основе вотчинного права, гарантировало свободу самоуправления и невмешательство в религиозные дела. В дальнейшем эта политика в основном соблюдалась. Но после организации Оренбургской экспедиции был взят курс на изъятие башкирских земель, на массовую колонизацию края для основания крепостей, заводов, раздачи земель дворянам, чиновникам, крестьянам-переселенцам. Последствием двойственной аграрной политики правительства являлось, с одной стороны, промышленное и земледельческое освоение региона, с другой стороны — постепенное ограничение полукочевого скотоводческого хозяйства башкир.

Обострение земельного вопроса в России привело к проведению в центральных губерниях страны во второй половине XVIII в. Генерального межевания. На территории Оренбургской губернии, куда входила большая часть земель башкирских общин, оно проводилось в 1798—1842 гг. Это было первым этапом землеустройства, которое создало систему условных территориальных единиц — «межевых дач», объединявших обычно территорию одной волости. В последующее время — с 30-х гг. XIX и до начала XX в., проводилось специальное межевание по разделению «дач» на владения частных лиц. Однако эти мероприятия не разрешили многих проблем землеустройства.

Участившиеся земельные споры и тенденция к утрате башкирами своих вотчинных владений создавали напряженную обстановку в крае. Башкиры в это время являлись военным сословием, несли охрану границы с Казахстаном, участвовали во всех войнах России, в частности в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813—1814 гг. Они были готовы продолжать выполнять военно-пограничную службу лишь в случае сохранения своих земель.

Последнее обстоятельство беспокоило многих представителей царской администрации. Сенат по представлению оренбургского военного губернатора П. К. Эссена 11 октября 1818 г. принял указ, временно запрещавший продажу башкирских земель переселенцам. Аналогичным по смыслу был и указ Сената от 15 апреля

1824 г. «О правах башкирцев, мещеряков, тептярей, бобылей и прочих разного наименования казенных поселян на занимаемые ими земли в Оренбургской губернии». Поводом к его изданию стали несколько спорных дел между вотчинниками и их припущенниками (арендаторами). Основная идея закона сводилась к тому, что границы земельных дач, установленные при Генеральном межевании, должны считаться бесспорными. Межевой Департамент Сената рекомендовал прекратить составление арендных договоров между вотчинниками и различными категориями переселенцев. Отчуждение башкирской земли допускалось в исключительных случаях после соответствующего юридического оформления. Местным властям было предписано остановить движение переселенцев на башкирские вотчины[1].

Таким образом, правительство запретило переселенцам проживать на башкирских вотчинах, которые составляли примерно половину земельного фонда Оренбургской губернии. Другая половина угодий находилась за гарнизонами крепостей, дворянством, заводами и в непосредственном владении казны.

Между тем, массовое переселение крестьян, в особенности государственных и удельных, на территорию края продолжалось. Об этом свидетельствуют архивные материалы[2]. Крестьяне-переселенцы стремились расположиться на казенных землях. Однако последние не могли разместить всех желающих, ибо они составляли лишь 5% всех земель губернии. В этой обстановке крестьяне, вопреки законодательным ограничениям, самовольно покупали башкирские земли и устраивались на них.

Запрет на продажу башкирских земель оказался не выходом из положения. Представители местной администрации предлагали свои варианты решения вопроса. Так, еще в 1818 г. оренбургский губернатор П.К.Эссен подал записку на имя министра юстиции князя Д.И.Лобанова-Ростовского. Он предложил разделить башкирские вотчинные владения между башкирами и крестьянами-переселенцами. Башкирам-вотчинникам следовало предоставить по 40 десятин на душу мужского пола по VII ревизии, крестьянам-припущенникам по 15 десятин. А оставшиеся после этого наделения 5 924 869 десятин свободной земли губернатор предлагал разрешить вотчинникам продавать всем желающим по цене не менее 3 рублей за десятину. Для осуществления сделок следовало получить согласие 2/3 голосов вотчинников конкретной волости. В случае, если вотчинники не продадут свободные земли в течение трех лет, то их следовало взять в ведение казны, заплатив вотчинникам по 3 рубля за десятину[3].

Но Министерство юстиции отказалось рассматривать это предложение. Тогда губернатор 28 сентября 1826 г. подал рапорт императору Николаю I, где повто-

[1] РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 563. Ч. 3. Л. 4; Чулошникова Н.А.К истории башкирского землевладения и русской поземельной политики после указа 1832 г. С. 38.

[2] ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 2592, 2892, 4551, 4564, 5632, 5919; Оп. 4. Д. 7892, 8974, 9127, 9163, 9174, 9223, 9225, 9303, 9332, 9341, 9360, 9398, 9406, 9440, 9485, 9653, 9720 и др.; ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 124, 713 и др.

[3] РГИА. Ф. 1398. Оп. 1. Д. 424. Л. 21—25.

носил компромиссный характер, выражал интересы основных групп населения края, содействовал развитию хозяйства.

Важное значение для проведения в жизнь этого закона имели разработанные Сенатом «Высочайше утвержденные правила, во исполнение Высочайшего указа 10 апреля 1832 г., составленные на продажу и отдачу в кортому башкирцами вотчинных земель их» от 2 сентября 1833 г. Правила состоят из трех глав. В первой главе подробно описывается порядок продажи башкирских угодий, во второй главе сообщаются основные положения относительно аренды земли, а третья глава посвящена описанию порядка использования денежных средств, полученных от продажи и аренды башкирских земель[7].

В последующее время власти продолжали активную законотворческую деятельность относительно отдельных аспектов земельной политики. Так, 4 апреля 1834 г. Сенат опубликовал указ «Об обязанностях Оренбургской казенной палаты по обмежеванию башкирских земель и об учреждении для сего особой комиссии». Для реализации этих предписаний следовало произвести учет населения внутри башкирских дач и затем примерный расклад угодий между вотчинниками и припущенниками. Общее руководство процессом практического обеспечения узаконенными земельными наделами осуществлял оренбургский военный губернатор, который для этого должен был организовать комиссию из членов казенной палаты, Межевой конторы и других губернских учреждений[8].

Очередными важными решениями властей по урегулированию земельных отношений между вотчинниками и припущенниками стали опубликованные 11 июня 1837 г. и 14 октября 1838 г. определения Сената. В этих актах оренбургскому военному губернатору рекомендовалось провести мероприятия для узаконения пребывания припущенников на башкирских землях. Здесь подчеркивалась необходимость полной реализации указа от 10 апреля 1832 г. При этом припущенники, водворившиеся на вотчинных угодьях по день получения сенатских определений, подлежали гарантированному земельному обеспечению[9].

Последнее обстоятельство вызвало необходимость уточнений. Так появилось высочайше утвержденное мнение Государственного Совета Российской империи от 14 декабря 1842 г. «О припущенниках на башкирские земли по Оренбургской и Пермской губерниям». В нем подтверждались сенатские определения от 11 июня 1837 г. и 14 октября 1838 г. Предписывалось определить припущенников, подлежащих переселению из башкирских вотчин на другие угодья. При этом оренбургский военный губернатор был обязан пресекать появление новых переселенцев в крае[10].

Другим законодательным актом, касающимся урегулирования принципов землепользования, стал сенатский указ от 14 ноября 1855 г. «О наделении зем-

[7] ПСЗ. Изд. 2-е. Т. 8. № 6334.
[8] Там же. Т. 9. № 6957.
[9] Там же. Т. 17. № 16330.
[10] Там же.

ней мурз и мещеряков Челябинского уезда 30-десятинною пропорцию земли на каждую ревизскую душу». Как видно из названия, указ касался конкретного вопроса, однако в нем содержались важные моменты общего характера: было дано определение малоземельных башкирских волостей, т.е. тех территорий, где узаконенными наделами невозможно было обеспечить башкир-вотчинников и припущенников. В указе говорилось о необходимости в таких случаях в первую очередь выделять наделы вотчинникам, а затем припущенникам [11].

Сложность проблемы размежевания башкирских угодий обусловила появление двух законодательных положений — Государственного Совета от 10 июня 1857 г. и Комитета Министров от 23 июля 1857 г. Первый акт касался общего порядка наделения землей вотчинников и припущенников, второй затрагивал порядок наделения землей припущенников военного ведомства. Следует отметить, что указ «О порядке наделения землею башкир-вотчинников и их припущенников» от 10 июня 1857 г. подтверждал необходимость дифференцированного подхода к башкирским землям при наделении землей припущенников. А именно, в многоземельных дачах надел производился по нормам указа от 10 апреля 1832 г. На деле это означало, что здесь башкиры-вотчинники получали наделы от 40 до 60 десятин на душу мужского пола по данным VII ревизии, военные припущенники — 30-десятинные, а гражданские припущенники — 15-десятинные душевые наделы. В малоземельных дачах следовало разделить имеющиеся угодья между вотчинниками и припущенниками пропорционально нормам указа от 10 апреля 1832 г. При этом вотчинники могли претендовать на угодья из казенного фонда или получить компенсацию по 3 руб. серебром за каждую десятину [12].

В высочайше утвержденном положении Комитета Министров от 23 июля 1857 г. регламентировался процесс наделения землей припущенников военного ведомства. В качестве начальной меры предполагалось отмежевать из 10 наиболее крупных башкирских дач, где проживали припущенники военного ведомства, необходимое пространство для наделения таких же припущенников малоземельных башкирских дач [13].

В начале 60-х гг. XIX в. правительственные структуры распорядились об ускорении размежевания башкирских земель. Так, положения Военного Совета Российской империи от 22 ноября и 24 декабря 1862 г. регламентировали порядок оформления межевой документации и подбор кадров для землемерных подразделений [14].

Определенное внимание в законодательной практике первой половины XIX в. было уделено регулированию процесса колонизации. Правительство периодически корректировало колонизационное движение. Так, сенатский указ от 10 мая 1840 г. обязывал оренбургского военного губернатора проверять и ут-

[11] Там же. Т. 31. № 30035.
[12] Там же. Т. 32. № 31968.
[13] Там же. № 32098.
[14] Там же. Т. 37. № 38951, 40084.

утверждать заключаемые земельные сделки между башкирами и государственными крестьянами[15].

Некоторые указы касались процессуального порядка отчуждения земли башкирами-вотчинниками. Так, 29 января 1837 г. был издан именной указ, который позволял башкирам совершать в уездных судах акты на продажу и отдачу в аренду вотчинных земель и других угодий на суммы до 1000 руб. В случае заключения сделки на сумму, превышающую установленную, ее следовало оформлять уже в губернской гражданской палате[16]. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 7 июня 1856 г. подчеркивало необходимость опеки над башкирами-вотчинниками в случае изъятия или отчуждения у них земли по решению уездного суда. В этом случае губернская гражданская палата являлась дополнительной контрольной инстанцией наряду с оренбургским военным губернатором. Важным шагом государства в этом же указе стало решение об освобождении башкир и мишарей от штрафов и судебных издержек по делам о землях, отыскиваемых от них в частное владение[17].

В начале 60-х гг. XIX в. правительство отменило военно-кантонную систему управления. Важным законодательным актом стало «Положение о башкирах» от 14 мая 1863 г. На его основе башкиры, мишари, тептяри, бобыли переводились из военного в гражданское сословие, т.е. становились «свободными сельскими обывателями». В административном отношении они отныне подчинялись губернским и уездным присутствиям по крестьянским делам. Вотчинные угодья сохранялись за башкирами, численность которых к 1863 г. составляла 575 тыс. душ обоего пола (Оренбургская, Пермская, Вятская, Самарская губернии). Для них были подтверждены размеры неотчуждаемых наделов в 40 десятин на душу мужского пола по данным VII ревизии (1816 г.). Припущенники из числа мишарей, тептярей, бобылей численностью 425 тыс. душ обоего пола могли претендовать на неотчуждаемые участки: военные по 30 и гражданские по 15 десятин на душу мужского пола. Земли башкирских дач, не вошедшие в состав душевых наделов, оставались в коллективной собственности вотчинников. Последний тип угодий мог быть продан или сдан в аренду с согласия вотчинников-владельцев дачи. Важным новшеством являлось допущение возможности свободы землепользования. Оно могло быть общинного, либо частного типа[18]. Таким образом, башкиры оказались в составе крестьянского сословия, но вотчинное право было сохранено.

Вышеуказанный закон не затрагивал детально сложных проблем, связанных со спорами между башкирами-вотчинниками и припущенниками. В частности, требовалось уточнить принципы купли-продажи и аренды «свободных сверх душевого надела угодий» из башкирских дач. Для решения этих задач правительство разрабо-

[15] ПСЗ. Изд. 2-е. Т. 15. № 13466.
[16] Там же. Т. 12. № 9906.
[17] Там же. Т. 31. № 30457.
[18] Семенов-Тян-Шанский П. Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1863. Т. 1. С. 232; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1.Ч. 2. С. 150—151.

дало новый законодательный акт от 10 февраля 1869 г. Отныне башкирские земельные дачи подразделялись на многоземельные и малоземельные. Многоземельными считались дачи, где земли были достаточно для наделения башкир-вотчинников 40 десятинной нормой. Припущенников из военного сословия следовало обеспечить 30-десятинной пропорцией на душу мужского пола, а для гражданских выделить по 15 десятин на душу. Малоземельными являлись дачи, где вотчинники могли быть обеспечены землей по вышеуказанной норме, а припущенники — нет. В подобных случаях башкир-вотчинников следовало наделять 15-десятинным наделом на душу мужского пола по данным X ревизии (1859 г.), припущенникам же следовало равномерно отвести полагающуюся им пропорцию, т.е. военным — не более 11 десятин, а гражданским не более 6 десятин. Практические работы по разделу территории дачи между вотчинниками и припущенниками организовывал мировой посредник (обычно предводитель уездного дворянства). Землеустройство производилось в присутствии будущих владельцев наделов и представителей заинтересованных ведомств (казна или удел). Для ликвидации чересполосицы допускались взаимный обмен земельными угодьями либо денежная компенсация по цене 3 руб. за десятину удобной земли. Важным моментом окончательного размежевания, по данным властей, было требование, «чтоб каждый участок имел все необходимые для хозяйства угодья». Процесс землеустроительных работ вместе с оценкой предварительной ситуации в конкретной башкирской даче следовало отразить в раздельном акте. Этот документ должны были изучить и подписать представители местной администрации, вотчинники и припущенники. В качестве верховной контрольной инстанции выступало губернское присутствие по крестьянским делам.

В связи с окончательным размежеванием башкир-вотчинников с их припущенниками правительство вводит новые правила о порядке купли-продажи и аренды земли. Отныне сделки допускались лишь в тех волостях, где земля была полностью размежевана. Допускалось отчуждение башкирами-вотчинниками практически любого количества угодий, но оставляя в неприкосновенности минимальный душевой надел в 15 десятин на каждую душу мужского пола, учтенную X ревизской переписью (1859 г.). Следует отметить также, что согласие на продажу (аренду) земли следовало оформить в приговоре сельского или волостного собрания (в зависимости от того, в чьей собственности находится отчуждаемый участок). Для действительности акта следовало получить «согласие 2/3 лиц, имеющих право голоса на сходе». Кроме того, приговор должен был содержать подробную информацию об отчуждаемом участке. Вырученные средства от продажи (аренды) следовало распределить следующим образом: 1/3 суммы шла на банковский счет сельского общества или волости, где состоялась сделка, а 2/3 суммы распределяли между членами общины[19].

Таким образом, указ от 10 февраля 1869 г. должен был стать заключительным актом окончательного упорядочения проблем, связанных с башкирским землевладением. Однако вновь развернувшаяся стихийная колонизация края се-

[19] ПСЗ. Изд. 2-е. Т. 44. № 46750.

рьезно затруднила полную реализацию указа. Тем не менее, предпринимались меры по воплощению нового закона в жизнь. В частности, вся документация относительно башкирского землевладения с 1869 г. была передана из Башкирской Межевой Комиссии в губернские и уездные присутствия по крестьянским делам. Верховный контроль над землеустройством в башкирских дачах стало осуществлять Министерство внутренних дел. При размежевании ведущая роль отводилась мировым посредникам из дворян. Они составляли раздельные акты на владение землей для вотчинников и припущенников. После этого производилась предварительная нарезка земли для каждого сословия при помощи землемеров из губернского присутствия, либо частных землемеров. Мировые посредники и члены уездных присутствий по крестьянским делам должны были присутствовать при совершении этих работ. Однако в действительности во многих случаях нарезки земли производились только самими землемерами. Все это способствовало тому, что «землемеры, хозяйничая по своему усмотрению, допускали часто произвол [...] что порождало массу споров, жалоб и т. п., что вызывало ремарки, поверки или даже все снова переделывалось». Кроме того, фактическое отсутствие контроля способствовало злоупотреблениям среди членов уездных присутствий при производстве расчетов относительно земельного обеспечения той или иной группы населения. Эти случаи приводили к тому, что часто приходилось составлять заново раздельные акты и затем изменять границы предполагаемых наделов вотчинников и припущенников.

Важным новшеством в ходе реализации указа от 10 февраля 1869 г. стало решение о создании фонда «запасных земель» из части наделов бывших военных припущенников — мишарей, тептярей, бобылей. Указ от 10 апреля 1832 г. узаконил наделение представителей этого сословия пропорцией в 30 десятин на душу мужского пола по данным VII ревизии. Теперь же половину этих душевых наделов (15 десятин) следовало передавать в распоряжение государства. Эти участки получали наименование «запасных угодий» и предназначались для наделения в будущем припущенников из малоземельных башкирских дач. Однако, большая часть этих угодий впоследствии была направлена на иные цели.

Реализация указа от 10 февраля 1869 г. означала придание нового импульса колонизации края. Этому способствовало разделение территории башкирских дач на душевые и «свободные» участки. Фактически правительство предоставило возможность различным ведомствам и переселенцам легально приобретать угодья за счет так называемых «свободных» участков. Поэтому после появления этого указа развернулась массовая купля земель. Многие заключаемые сделки совершались по символическим ценам[20].

Царские власти в центре и на местах в 60-х гг. XIX в. были недовольны уровнем колонизации Башкирии. Они считали, что пожалование и продажа по льготным ценам части земельных угодий края чиновникам ускорит его культурное освоение. Вследствие этого 4 июня 1871 г. Комитет министров Российской империи

[20] Ремезов Н. В. Быль в сказочной стране. Уфа, 1986. С. 134—135.

принял решение «Об отводе в Оренбургском крае земель как отставным, так и служащим чиновникам», где говорилось о необходимости «оживления края и усиления в нем русского влияния». Правительство полагало, что следует наделить земельными участками за счет казны чиновников, поселение «которых будет полезно для края»[21]. Решено было рекомендовать для продажи участки трех типов, в зависимости от положения чиновников: отставным от 150 до 500 десятин, служащим — от 500 до 1000 десятин, наиболее заслуженным чиновникам — от 1000 до 2000 десятин. Эти категории лиц имели при покупке существенные льготы.

Указ 1871 г. вызвал недовольство среди башкир и их припущенников. В этой обстановке правительство было вынуждено вновь вернуться к вопросу о принципах землеустройства башкир-вотчинников. В высочайше утвержденном мнении Государственного Совета от 9 мая 1878 г. «Об изменении порядка продажи башкирских общественных земель» правительство ставило вопрос о возможности возвращения вотчинникам незаконно отнятых угодий. Новый закон должен был проводиться под контролем оренбургского генерал-губернатора. Документация о купле-продаже башкирских земель с нарушениями законодательства подлежала аннулированию в течение двух лет, но при соблюдении десятилетнего срока давности со времени совершения сделки. Важным новшеством, по мнению властей, должны были стать новые правила о порядке продажи башкирских земель. Вновь подчеркивалась законность сделок только в тех дачах, где произведено окончательное размежевание башкир-вотчинников с припущенниками и обеспечен «отвод в пользование самих вотчинников по 15 десятин удобной земли на душу последней ревизии». В указе весьма подробно регламентировался механизм купли-продажи башкирских угодий. Здесь ключевым документом являлся приговор «сельских сходов тех сельских обществ, которым принадлежит земля; если же земля принадлежит целой волости, то приговор утверждается на волостном сходе». Для признания действительности приговора об отчуждении того или иного участка было необходимо согласие 2/3 членов сельского общества или волости. Допускалась возможность несогласия отдельных вотчинников с решением общины. В этом случае следовало обеспечить отделение «причитающейся им части в частную собственность, но пока не состоится выдел, приговоры о продаже не получают движения». Непосредственно процесс продажи башкирских угодий должны были осуществлять не сами вотчинники, как прежде, а губернское присутствие по крестьянским делам. Для этого оно производило «деление продаваемой земли на возможно дробные участки, смотря по местной возможности и с тем непременным условием, чтобы в каждом участке было достаточное количество воды для ведения самостоятельного хозяйства». После этих мероприятий производились публичные торги продаваемых земельных участков. При проведении торга разрешалось присутствие представителей башкир-вотчинников, продававших эти угодья. На аукцион допускались как частные лица, так и представители крестьянских обществ, которые хотели купить земли. Денежные сред-

[21] Шпицер С. М. Из прошлого башкирского народа. Уфа, 1929. С. 5, 7—8.

ства, вырученные от продажи участков, губернское присутствие распределяло следующим образом: «1/6 часть денег обращается в мирской капитал общества, которому принадлежит земля, и 1/6 часть причисляется к капиталу, обращающемуся в ссудной кассе означенного общества; остальные же 2/3 препровождаются в местное казначейство для зачисления в депозит общества, которое и распределит деньги сии между своими членами»[22].

Таким образом, принятием указа от 9 мая 1878 г. власти пытались упорядочить масштабы и размер колонизации края путем аннулирования незаконных сделок и установления регламентированных правил по продаже башкирских угодий.

Дальнейший шаг в этом направлении был сделан непосредственно местной администрацией. По инициативе оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского были изданы правила от 4 августа 1878 г. Согласно им, следовало завершить землеустройство башкир-вотчинников путем выдела для них по 15 десятин на душу мужского пола по данным X ревизии. Остающиеся затем «свободные угодья», не вошедшие в состав душевых наделов вотчинников, могли быть проданы переселенцам. Главным основанием для раздела территории башкирской дачи на душевые и свободные участки являлся приговор соединенных сельских сходов. Здесь следует отметить, что в каждой земельной даче находилось обычно несколько, а иногда и несколько десятков населенных пунктов. Жители этих поселений могли в административном отношении принадлежать к различным волостям. Однако при решении вопросов о землевладении и землепользовании все они составляли вместе единый сельский сход.

При этом требовалось согласие 2/3 голосов вотчинников по каждому селению башкирской дачи. Затем приговоры свидетельствовались представителями вотчинников, соответствующими волостными правлениями, представителями уездного и губернского присутствий по крестьянским делам.

Практические работы по выделу из башкирских дач душевых наделов осуществляли землемеры из губернских присутствий по крестьянским делам: соответственно Уфимской, Оренбургской, Пермской, Самарской, Вятской губерний. В качестве понятых выступали представители вотчинников-владельцев дачи и член уездного присутствия. После полевых работ землемеры оформляли документацию — план и описание границ каждого отграниченного участка. Подлинники подготовленных документов с подписями понятых направлялись для хранения в губернские присутствия по крестьянским делам, а копии выдавались владельцам.

Для правил от 4 августа 1878 г. характерно стремление к ограничению душевого землевладения башкир-вотчинников. Так, «в тех дачах, где в прежние время отведено вотчинникам в надел по 40 десятин на душу VII ревизии или вследствие их желания более 15-десятинной пропорции на душу X ревизии, приговоры об отделении наделов, а равно отграничение их в натуре, должны быть составлены и произведены вновь». Кроме того, власти требовали определения точных размеров «свободных угодий» башкир-вотчинников, т. е. тех участков, которые не во-

[22] ПСЗ. Изд. 2-е. Т. 53. № 58487.

или в состав душевых наделов. Допускалось в дальнейшем включить их как единый массив площади, принадлежащий одному или нескольким селениям. При этом разрешалось разделить «свободные угодья» между вотчинниками. В последнем случае механизм раздела этих угодий был аналогичен действиям при выделе душевых наделов. Соответственно на «свободные угодья» оформлялась документация (приговоры о разделе участков, их планы, письменное описание границ). Однако имелось и некоторое различие: оренбургский генерал-губернатор лично утверждал приговор о разделе «свободных земель» между селениями вотчинников. После этого подлинники документов сдавались на хранение в губернские присутствия по крестьянским делам, а копии планов выдавались для жителей селений — владельцев этих участков.

В правилах от 4 августа 1878 г. вновь была подтверждена возможность выдела земли в частную собственность отдельным домохозяевам, как и в положении от 14 мая 1863 г. Он производился за счет будущих владельцев участка. Реализация этого мероприятия совершалась на основе сельского общества — коллективного владельца общинной земли. После этого производилось освидетельствование местной администрацией — волостным правлением, членом уездного присутствия по крестьянским делам и утверждение акта оренбургским генерал-губернатором[23].

Таким образом, правила от 4 августа 1878 г. стали очередной попыткой царской администрации разрешения земельного вопроса в крае. Эта проблема должна была решаться, по мнению властей, по пути установления 15-десятинных душевых норм землевладения и определения четко установленных границ для массива так называемых «свободных сверх душевого надела земель». Кроме того, для упорядочения землевладения допускалось приобретение земельных участков в частную собственность башкирами-вотчинниками.

Мнение Государственного Совета и «Правила» оренбургского генерал-губернатора носили противоречивый характер. С одной стороны, они свидетельствовали о стремлении правительства сохранить часть вотчин за башкирами, оградить их от случаев возможного мошенничества со стороны покупателей (местных и переселенцев), свести к минимуму нарушения закона. С другой стороны, снижение размеров душевого надела с 40 до 15 десятин по сравнению с нормами указа 1832 г. показывало стремление властей отделить эти земли под видом свободных участков. Затем власти устанавливали контроль над ними для последующего водворения здесь переселенцев. Все эти явления показывали увеличение масштабов колонизации в 70-х гг. XIX в.

Итак, правительство поощряло куплю-продажу земельных угодий в крае, а башкиры этому сопротивлялись. Так, они саботировали межевые работы. В частности, башкиры препятствовали созданию фонда так называемых «запасных земель», не признавали владельческих прав новых собственников земельных угодий.

[23] Сборник законов, распоряжений и сведений для руководства при размежевании башкирских дач. СПб., 1899. С. 91—99.

Таким образом, в 60—70 х гг. XIX в. в различных формах осуществлялось изъятие земель башкир и их привилегированных. Недовольство последних выразили представители русской демократической общественности того времени. Ревизия сенатора М.Е. Ковалевского в 1880 г. подтвердила эту обеспокоенность, вскрыла имевшие место нарушения аграрных законов.

Правительство сделало из этого определенные выводы, о чем свидетельствует принятие указа от 15 июня 1882 г. «О порядке продажи свободных башкирских вотчинных земель». Отныне свободные за душевым наделом вотчинные земли продавались самими башкирами, без торгов, только казне или крестьянским общинам[24]. Значение указа состояло в том, что он создал реальные условия покупки башкирских земель для крестьян-переселенцев.

В 80-х гг. XIX в. правительство обратило внимание и на состояние лесного фонда башкирских дач. Так, в указе от 14 марта 1884 г. отмечалась необходимость выкупа наиболее ценных видов леса из состава башкирских угодий. Тем не менее, через некоторое время власти установили контроль над лесами, находившимися на «свободных сверх душевого надела землях» из состава башкирских дач. Согласно указу от 6 июня 1894 г., данный лесной фонд переходил под контроль государства ввиду его бесконтрольной вырубки. Однако проблема заключалась в том, что практически нерегулируемое крестьянское переселение вело к стремительному сокращению пастбищ и к кризису скотоводства у вотчинников. В итоге последние были вынуждены приступить к интенсивной разработке лесных ресурсов. Формально новый закон признавал за башкирскими общинами владение этими лесами. Об этом свидетельствует сохранение налогов за них с вотчинников. Однако фактическое их использование отныне регламентировалось государственными структурами. В ведение казны по Уфимской губернии отошло 1606 тыс. десятин, по Оренбургской — 1289 тыс. десятин из «свободных сверх душевого надела земель»[25].

Политика правительства в отношении башкирского землевладения в последние десятилетия XIX в. была тесно связана с переселенческим движением. В первые годы после отмены крепостного права правительство стремилось не лишать помещиков центральных губерний дешевой рабочей силы из числа бывших крепостных крестьян. Однако нарастание социальной напряженности в центральных губерниях ввиду складывающегося здесь аграрного перенаселения заставило власти скорректировать свое отношение к переселенческой политике. Поэтому были изданы указы от 28 января 1876, 10 июня 1881, 13 июля 1889 гг., снимавшие препятствия для переселения бывших крепостных крестьян в юго-восточные губернии Европейской России. При этом МВД и Министерство государственных имуществ должны были обеспечить контролируемый приток переселенцев на территорию края[26].

[24] ПСЗ. Изд. 3-е. Т. 2. № 974.

[25] Там же. Т. 14. № 10784.

[26] Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. М., 1981. С. 65—66, 68—71.

При этом следует отметить, что по указу от 21 декабря 1892 г. допускалось постепенное утверждение в собственность за переселенцами арендованных угодий. Здесь условием изменения статуса являлось наличие долговременных построек[27].

Итак, в 60—80 е гг. XIX в. правительство интенсивно занималось вопросами регулирования аграрных отношений в крае и башкирского землевладения в особенности. Об этом свидетельствует появление множества указов. Однако некоторые из них (указы 1871, 1878 гг.) явно противоречили принятому курсу. Они вызвали недовольство не только у башкир и припущенников, но и у демократической части русского общества и вскоре были отменены.

Важные изменения в законодательстве последовали в связи с реализацией аграрной реформы П. А. Столыпина. Основной ее целью было стремление властей урегулировать аграрный вопрос путем разрушения общинного крестьянского землепользования и перевода земель в частное владение. Таким образом, власти пытались создать широкий слой зажиточных крестьян — опору государства, и обеспечить подъем сельского хозяйства.

Новая аграрная политика стала реализовываться на основе указа от 9 ноября 1906 г. Им устанавливалось право «свободного выхода из общины с укреплением в собственность домохозяев, переходящих к личному владению, участков из мирского надела». Отныне крестьянин мог потребовать объединения всех его участков (пашня, сенокос, выгон и т. д.) в одном месте. Такой участок назывался отрубом. Если крестьянин переносил на объединенные участки двор и хозяйственные постройки, то это уже был хутор. Данный указ после утверждения его III Государственной Думой и императором 14 июня 1910 г. получил силу закона. С этого времени выход крестьян из общины стал обязательным. Правительственное «Положение о землеустройстве» от 29 мая 1911 г. было направлено на форсированное создание отрубного и хуторского хозяйств при проведении землеустройства, в частности при ликвидации чересполосицы сельскохозяйственных угодий[28].

Для практического проведения аграрной реформы были созданы уездные и губернские землеустроительные комиссии из представителей местного дворянства. Такие комиссии появились в Уфимской губернии, тогда как в Оренбургской губернии их функции выполняли уездные съезды земских начальников. На протяжении 1907—1914 гг. из общины вышли и закрепили землю в частную собственность 2.5 млн. домохозяев, что составляло 26% сельского населения страны. По Уфимской губернии за 1907—1915 гг. вышли из общины 48294 крестьянских дворов (15% жителей губернии), по Оренбургской губернии — 47794 (30%)[29].

Указ от 9 ноября 1906 г. и закон от 14 июня 1910 г. не распространялись на башкир-вотчинников. Их земельные отношения продолжали регулироваться «Положением о башкирах» от 14 мая 1863 г. Оно разрешало башкирам-вотчинникам укреплять в личную собственность свою долю общинной земли. Однако

[27] Там же. С. 54.
[28] Усманов Х. Ф. Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. Уфа, 1958. С. 75—78.
[29] История России. XX век. М., 1996. С. 282.

в отличие от остальной части сельского населения, башкиры были не вправе продавать надельную землю. Они могли отчуждать с согласия 2/3 членов общины лишь «свободные за душевым наделом земли». Таким образом, «Положение о башкирах» препятствовало переходу башкирских надельных земельных угодий в руки переселенцев, и власти решили отменить данное ограничение. Распоряжение МВД от 6 октября 1910 г. санкционировало возможность включения в состав башкирских общин (селений) переселенцев из центральных губерний. Это повлекло за собой возможность скупки ими земельных наделов вотчинников[30].

Мотивация подобного решения со стороны правительства была следующей. К тому времени (1910 г.) стали видны некоторые итоги деятельности Уфимской, Оренбургской и Пермской комиссий по размежеванию башкирских дач. Общая площадь вотчинных угодий по пяти губерниям (Уфимской, Оренбургской, Пермской, Самарской, Вятской) составила около 9,4 млн. десятин. Ими распоряжалось башкирское население общей численностью 1,3 млн. человек. Таким образом, в среднем на каждую наличную душу обоего пола приходилось 7 десятин как душевых, так и «свободных сверх душевого надела земель». Эти показатели позволили П. А. Столыпину высказаться о необходимости «использовать излишки свободных башкирских земель в целях расширения крестьянского землевладения».

Однако его тезис противоречил мнению местных властей, которые признавали необходимость дифференцированного подхода к проблемам башкирского землевладения. Так, оренбургский губернатор Я. Ф. Барабаш считал, что для нормального функционирования башкирского хозяйства следует установить различные наделы: в горно-лесных волостях — по 40 десятин на каждую наличную душу мужского пола, в степных волостях — по 15 десятин[31].

В проведении аграрной реформы на территории края большая роль отводилась Крестьянскому поземельному банку. Эта финансовая структура должна была создать земельный фонд для переселенцев путем покупки башкирских и дворянских угодий. При этом банк устанавливал различные цены на землю. Так, в 1907—1908 гг. на территории Уфимской губернии дворянские земли приобретались в среднем по цене 53 рубля за десятину, а аналогичные по качеству башкирские угодья — по 23 рубля[32].

Составной частью аграрной реформы являлось переселение крестьян из центральных губерний на окраины империи. В отношении Башкирии это было продолжением прежней политики колонизации ради увеличения здесь удельного веса переселенцев и расширения социально-политической опоры царской власти. Для руководства переселенческим движением в губерниях создавались специальные комиссии. На основе собранных ими материалов МВД решило санкцио-

[30] Усманов Х. Ф. Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. С. 85, 90—92.

[31] Соображения совещания по башкирским делам, состоявшегося при Оренбургском присутствии под председательством оренбургского губернатора генерал-лейтенанта Я. Ф. Барабаш 25—28 февраля и 1—7 марта 1902 г. Оренбург, 1902. С. 6—8.

[32] Усманов Х. Ф. Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. С. 106—111.

нировать передачу в колонизационный фонд «свободных сверх душевых наделов земель». Эта часть башкирских угодий находилась в коллективной собственности отдельных населенных пунктов (в размежеванных дачах), либо волостей (в неразмежеванных дачах). В 1905 г. члены комиссий определили (по размежеванным дачам Уфимской и Оренбургской губерний), что для переселенцев можно выделить 1 300 000 десятин «свободной сверх душевых наделов земли». Они рассчитывали, что в ходе последующего размежевания башкирских дач произойдет увеличение фонда «свободных земель». Правительство намеревалось использовать для колонизации также и казенные земли. Однако площадь их в Уфимской и Оренбургской губерниях была сравнительно невелика. Она составляла 80 824 десятин[33].

Согласно официальным данным, за 1904—1914 гг. из центральных губерний переселилось в Оренбургскую губернию 65 574, Уфимскую — 43 885 крестьян. Однако реальное число переселенцев было значительно больше. Состояние источников не позволяет полностью установить масштабы изъятий башкирских угодий за годы столыпинской аграрной реформы. По мнению Х.Ф. Усманова, за 1905—1915 гг. башкиры были вынуждены продать 300 000 десятин по Оренбургской, 222 000 десятин по Уфимской губерниям[34].

Причины столь масштабных продаж заключались в кризисе башкирского хозяйства, связанного с переходом от полукочевого скотоводства к земледелию.

Трудности завершающегося перехода башкирского населения к земледелию, продолжение массового переселенческого движения в край, потеря башкирами части общинных земель заметно обострили в начале XX в. аграрный вопрос. Это нашло отражение в работе башкирских депутатов в Государственной думе первых четырех созывов.

Основное внимание в наказах башкир депутатам уделялось земельному вопросу. Так, население семи Усерганских волостей поставило перед ними следующие задачи:

1. Добиться прекращения изъятия земель, ибо, как они писали, «большая часть их земель отобрана без всякого вознаграждения под постройку городов и крепостей [...] а в более позднее время роздана чиновникам».

2. Возвратить земли, изъятые у башкир «без особых на то высочайших повелений, без судебных приговоров или без формального отчуждения по купчим крепостям». В случае невозможности возвращения земель следовало выплатить деньги бывшим владельцам.

3. Следовало изменить принципы проведения специального межевания башкирских дач: «Земли, не разделенные между деревнями и о разделе которых не будет возбуждено особое ходатайство со стороны самих владельцев, оставить в общем владении».

4. Ограничить действие указа от 6 июня 1894 г., аннулировать, в частности,

[33] Там же. С. 123—124.
[34] Там же. С. 125, 139—142.

положение этого указа о запрещении жителям рубить лес, так как запрет был ощутимым ударом по благосостоянию башкирского хозяйства[35].

В центре внимания башкирских депутатов во всех четырех Думах находился аграрный вопрос. Они в своих выступлениях преимущественно поднимали эту проблему.

Представляет интерес выступление депутата первой Государственной думы Ш. Ш. Сыртланова. Сначала он охарактеризовал историю башкирского землевладения с середины XVI до начала XX в. Он говорил, что башкиры добровольно вошли в состав России, что все их земли были оставлены за ними, что русские цари и императоры закрепили права башкир особыми грамотами. Однако в период губернаторства генерала Н. А. Крыжановского в 70-е гг. XIX в. вместо поселения на башкирских землях малоземельных припущенников, часть земель была пожалована или распродана по льготным ценам офицерам и чиновникам. Далее депутат предложил все полномочия по использованию земельных угодий в башкирских дачах передать самим общинам, усилить роль государства в регулировании поземельного налога. Наконец, Сыртланов поднял вопрос о возвращении башкирам земель, незаконно изъятых у них в конце XIX в.[36]

В выступлении депутата второй Государственной думы К. Г. Хасанова говорилось о нарушении земельных прав башкир в 70—80-х гг. XIX в. Он сообщил о незаконном изъятии у вотчинников около 2 млн. десятин земли и потребовал денежную компенсацию этих потерь[37]. Другой депутат второй Государственной думы Ш. С. Сейфитдинов в своем выступлении дал исторический экскурс башкирского землевладения с XVI в., положительно оценил роль Генерального межевания земель в упорядочении аграрных отношений края. Ссылаясь на наказы избирателей, он поднял вопрос о возвращении башкирским общинам права распоряжаться своими вотчинными лесами, наделять общинников землей по наличному числу душ, аннулировать невыгодные арендные сделки и отменить действие указов от 6 июня 1894 и 20 апреля 1898 г.[38]

Депутат четвертой Государственной думы И. А. Ахтямов в своем выступлении подверг критике деятельность местного отделения Крестьянского поземельного банка и межевых учреждений края. Банк, пользуясь попустительством со стороны губернского присутствия по крестьянским делам, покупал башкирские земли за бесценок и продавал их втридорога крестьянам-переселенцам. Кроме того, депутат обратил внимание на тяжелое положение припущенников в башкирских дачах и нерешительность властей при решении этого вопроса[39].

Столыпинская аграрная реформа содействовала сокращению площади вотчинных угодий башкир. С другой стороны, разрушение общины, усиление кре-

[35] Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906—1917 гг. Уфа, 1996. С. 24—25.
[36] Там же. С. 20—23.
[37] Там же. С. 76—79.
[38] Там же. С. 86—91.
[39] Там же. С. 126—127, 238—252.

тьянской колонизации ускоряли процесс социальной дифференциации среди башкир, содействовали росту земледельческих занятий и становлению сельской буржуазии в башкирском обществе.

В 1917 г. произошли важные изменения, затронувшие систему башкирского землевладения. Декрет Временного правительства Российской республики от 28 июня 1917 г. отменил действие столыпинских аграрных законов. Второй Всероссийский съезд Советов 26 октября 1917 г. издал Декрет о земле. На его основе вся земельная собственность в стране была национализирована, что означало ликвидацию также и башкирского землевладения с его вотчинным правом [40].

Итак, аграрные отношения в крае в XIX — начале XX вв. не были обделены вниманием правительства. Об этом говорит принятие многих законов, среди которых наиболее важными представляются указы от 1798, 1818, 1832, 1869, 1871, 1878, 1882, 1894, 1898, 1911 гг. Правительство в эту эпоху, как и в предыдущий период, исходило из официального признания вотчинного права башкир на землю. В первой трети XIX в. земли, оставшиеся в руках башкир, были официально закреплены за ними и в ходе Генерального межевания отделены от земельных угодий, отошедших к казне, крепостям, дворянам, заводчикам, крестьянам. С принятием указа 1832 г. начался новый этап земельной политики. Правительство еще раз подтвердило вотчинное право башкир на землю и провозгласило курс на изъятие части их земель для различных целей, в первую очередь в пользу припущенников и крестьян-переселенцев. С 70-х гг. XIX в. внимание властей было направлено на реализацию указов 1869 г. и ряда последующих лет. Если крестьяне-переселенцы на самом деле много сделали для расширения земледелия, то военные и гражданские чиновники, купцы, став с помощью властей собственниками немалой части земельных угодий края, занялись спекуляцией, способствовали созданию земельной напряженности. Все это вызвало недовольство башкир и припущенников, а также и демократической общественности Оренбургского края. Правительство было вынуждено отказаться от ярко выраженного аграрного курса в пользу дворян и чиновников, о чем свидетельствует принятие указов 1882 и 1898 гг. Важным следствием политики правительства этого времени было сокращение площади башкирских земель. Если в начале XIX в. башкирам-вотчинникам принадлежало около 14 млн. десятин, то к 1917 г. за ними осталось около 9 млн. десятин.

Башкирские земли в XIX в. представляли общинное по форме и феодальное по характеру землевладение. Однако процессы перехода башкир к земледелию и оседлости, массовая колонизация края постепенно видоизменяли его структуру. В это время шло дробление волостной общины, которая превращалась в общину тюбную (аймачную). Тюба (аймак) представляла собой подразделение волости. Во второй половине XIX в. тюбная община трансформировалась в еще более мелкие объединения — аульные общины, состоящие из нескольких сел.

Итак, в первой половине XIX в. правительство приняло целый ряд важных указов относительно башкирского землевладения. На протяжении первой трети

[40] Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. № 13. С. 17—20.

XIX в. в целом осуществлялась политика, направленная на сохранение вотчинных земель за башкирами. Однако принятие указа от 10 апреля 1832 г. означало серьезную корректировку прежнего курса. Продолжая официально признавать вотчинное право башкир, правительство взяло курс на изъятие части их земель для наделения различных категорий переселенцев. При этом налицо стремление властей регулировать процесс колонизации Башкирии, о чем свидетельствуют упомянутые выше указы. В XIX — начале XX вв. аграрная политика правительства была продуманной и объективно отражала потребности эпохи, создавала условия для экономического развития края в целом, для перехода башкир к земледелию и другим интенсивным формам хозяйственной жизни.

ДЖУДИТ ХАЛЛЕТ

Конструирование рационального ландшафта в позднеимператорской России

В своей книге «Революционные мечты: утопические представления и эксперименты над жизнью в русской революции»[1] американский историк культуры Ричард Стайтс обращает внимание на привлекательность проектов утопических преобразований для российских правителей. Когда большевики навязывали свое частное представление о социалистической утопии народам Российской империи, они следовали давней традиции предпринимавшихся государством попыток перестроить общество согласно предзаданному плану. Стайтс характеризует обращение царизма к социальной инженерии как погоню за «административной утопией». Утопическая мечта царизма, как отмечает Стайтс, представляла собой выход для «конструктивного воображения организаторов, желавших выстраивать окружение и управлять людьми как фигурами на шахматной доске»[2]. Руководящими принципами идеального общества в представлении царизма являлись рационализм и геометрия. «Военные поселения», гатчинская «парадомания», городское урегулирование Екатерины II и полицейское государство — все эти проекты являлись более или менее масштабными попытками создать в России упорядоченное общество, модифицируя принципы индивидуального использования пространства.

Одной из попыток утопических преобразований являлась столыпинская земельная реформа. Эта реформа началась в 1906 г. в качестве официального ответа на «аграрный вопрос» — кризис сельскохозяйственного производства, рост арендной платы и нехватку земли, что подрывало крестьянскую экономику в последние десятилетия XIX в. и приводило к открытому конфликту крестьян с землевладельцами и государством, который наиболее драматично проявился в революционные годы между 1902 и 1907 гг. В то время как крестьяне были убеждены, что решение

[1] Stites R. Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution (Oxford, 1989).

[2] Ibid., 19. См. также Petenaude B.M., Peasants into Russians: The utopian essence of war communism, Slavic Review, vol. 54, no. 4, 1995, 552—70 и Clark K., The city versus the countryside in Soviet peasant literature of the twenties: a duel of utopias' in Gleason A., Kenez P. and Stites R., Bolshevik Culture (Indiana, 1985).

всех их проблем лежит в перераспределении дворянских земель в их пользу, выход, предложенный государством, основывался на модернизации крестьянского хозяйства, в том числе насаждении в сельской России частных централизованных ферм вместо существовавшей системы землевладения, основанной на общине (или «мире»). Правительство указывало, что по сравнению с мелкими европейскими фермерами российским крестьянам, в сущности, земли вполне хватало; проблема была в том, что община с ее чересполосными полями, общими пастбищами и институтами совместного принятия решений препятствовала эффективной обработке земли. Решение состояло в такой реструктуризации крестьянских хозяйств, которая сделала бы возможным развитие современной фермерской системы. Реформаторы пытались добиться этого, обеспечив передачу главам крестьянских хозяйств юридических прав на землю, находившуюся в общинном владении, и ее физическое сосредоточение в рамках единого участка — этот процесс в данной статье будет называться «землеустройством»[3]. В то время как положения реформы носили узкотехнический характер, ее цели шли гораздо дальше; предполагалось, что создание централизованных хозяйств приведет к возникновению мелкого процветающего землевладения и заложит основу для «культурного обновления, просвещения и порядка» в сельской России[4]. О переходе к новому порядку должны были свидетельствовать физические изменения, а именно возникновение фермерского ландшафта как итог принятия реформы крестьянами.

Аграрный ландшафт XIX в. как символ крестьянской отсталости

В своей новаторской книге об образе крестьянства в России XIX в. Кэти Фрирсон продемонстрировала, каким изменениям в течение XIX в. подверглись представления интеллигенции о крестьянстве[5]. В десятилетия, последовавшие за отменой крепостного права, интеллигенцию мучил вопрос о природе крестьянства. В прошлом крестьяне воспринимались лишь в контексте своих отношений с владельцем-крепостником, теперь же они оказались наделены множеством ролей — «учителей», судей или «людей от сохи». У Толстого и Достоевского крестьянин представлен как исконное существо, носитель глубинных истин, а у Успенского и Энгельгардта — как человек, неотделимый от природы, входящий составной частью в среду, от которой зависит его существование, и подчиняющийся ей.

[3] Процесс создания отдельных централизованных хозяйств назывался «отрубным землеустройством». Он отличался от «общественного землеустройства», которое также разрешалось законом, предусматривавшим консолидацию всей деревенской земли. Важное отличие между отрубным и общественным землеустройством заключалось в том, что первое обязательно включало передачу прав на владение, последнее же являлось просто перераспределением земли в рамках общины.

[4] Frank S. P., Confronting the domestic other: rural popular culture and its enemies in fin de siecle Russia' in S. P. Frank, and M. D. Steinberg, (eds), Cultures in Flux. Lower Class Values, Practices and Resistance in Late Imperial Russia (Princeton, 1994), 74—107.

[5] Frierson C. A., Peasant Icons. Representations of Rural People in Late Nineteenth Century Russia (Oxford, 1993).

К концу столетия эти образы русского крестьянства сменились новыми представлениями, которые своим появлением были обязаны «западнической» мысли и, в частности, либеральным и просвещенческим концепциям рационализма и прогресса. Среди русской интеллигенции представление о крестьянине как об «исконном» существе начало сменяться новым обобщением — теперь речь шла уже об отсталом и «невежественном» крестьянстве[6]. Пасторальные изображения крестьян уступили место рассказам о нищете и безысходной тяжести сельской жизни. Крестьяне перестали быть носителями «тайной истины» — отныне они составляли просто «серую массу». Более того, представления об их невежестве лишь обострились с развитием капитализма и проникновением рыночных сил в деревню, большинство жителей которой превратилось в жертвы эксплуатации со стороны спекулянтов, середняков и кулаков.

В значительной степени именно образ крестьянской беспомощности формировал идеи земельной реформы в России конца XIX в. и представлял собой оправдание для государственного вмешательства в крестьянские дела. Никто не ожидал, что крестьяне в состоянии найти выход из своего жалкого положения, пользуясь лишь собственными интеллектуальными ресурсами; нужно, чтобы кто-то более мудрый указал им путь. Такое дирижистское представление разделялось интеллектуалами всех политических убеждений и составляло дискурсивное поле, на котором рассматривался аграрный вопрос в позднецарской и раннебольшевистской России. Так, никем не оспаривалась необходимость во внешнем по отношению к крестьянам учреждении, которое бы возглавило преобразования на селе, шла ли речь о сельских кооперативах, хуторах или колхозах. В случае столыпинской реформы указать крестьянам путь к преодолению отсталости должны были землемеры и землеустроители.

Гегемония дискурса о крестьянской отсталости определяла представления образованных россиян об аграрном ландшафте и восприятие его ими. Физическая конфигурация крестьянских земель «прочитывалась» как ключ к мышлению и социальной организации крестьянства; ученые и специалисты-аграрники выделяли и анализировали «характерные черты» крестьянского землевладения. Некоторые из них оказывались ущербными с точки зрения научной агрономии; как представлялось, отсталость была прописана в самом ландшафте, составлявшем сельское окружение. Квинтэссенцией и символом крестьянской отсталости, а также нерациональности текущего землепользования считалась чересполосица. Первоначальный интерес к этому явлению подпитывался развернувшимися в середине века дискуссиями об истоках и «уникальности» русской крестьянской общины, но этнографические вопросы вскоре сменились экономическими.

[6] Великолепное исследование такого образа крестьянина в сочинениях А. Чаянова можно найти в: Kotsonis Y., How the peasants became backward: agrarian policy and cooperatives in Russia 1905—1914' in J. Pallot (ed.), Transforming Peasants. Society, State and the Peasantry, 1861—1930. Selected papers from the Fifth World Congress of Central and East European Studies, Warsaw, 1995 (Basingstoke, 1998), 15—36.

К концу столетия образованные россияне все отчетливее понимали чересполосное земледелие как препятствие для сельскохозяйственной эффективности. Перепись крестьянских хозяйств, проводившаяся местными статистическими комитетами с 1880-х гг., учитывала среднее количество лоскутков земли во владении одного хозяйства; как выяснилось, крестьяне в некоторых губерниях имели в своем пользовании до 60 земельных участков, в других губерниях им приходилось прошагать много верст, чтобы добраться до самых дальних из своих полосок. Аграрные реформаторы, вдохновлявшиеся сельскими ландшафтами Западной Европы, считали такое распыление земли катастрофическим для судьбы российского земледелия. Они критиковали землепользовательскую практику российских крестьян, используя понятия и язык «научной агрономии» и подкрепляя свои доводы количественными «расчетами» экономических потерь, которые несет с собой чересполосица. Например, К. Я. Воробьев, обращаясь к престижному Московскому сельскохозяйственному обществу, перечислил «семь проблем» чересполосного земледелия в порядке убывания важности, подкрепляя свои соображения конкретными цифрами. Согласно его вычислениям, крестьянское хозяйство, разбитое на 33 отдельных участка, теряло 2,5% плодородной земли на пограничные межи; в масштабах всей России это приводило к колоссальной потере пригодных для обработки земель[7]. Профессор А. Билимович, видный специалист-аграрник, также выделял семь проблем, а П. М. Лохтин — десять[8]. Важнейшие претензии к фрагментации земель были следующие: крестьяне вынуждены долго добираться до места труда, бессмысленно растрачивая свое время; много земли пропадает под межами и в незапаханных концах; слишком далекие участки невозможно правильно обрабатывать, а чередующееся расположение участков вынуждает всех крестьян следовать единому сельскохозяйственному циклу, что препятствует инновациям. В число второстепенных проблем входили эффекты, порожденные соседством мелких участков (заражение смежных полей сорняками, вытаптывание земли и ее «припахивание» соседями), негативное влияние на социальные отношения в деревне (считалось, что чересполосица порождает споры между соседями), связанная с чересполосицей ступенчатость земли (которая, как считалось, снижает урожаи), и непригодность участков для обработки современными машинами. Утверждалось, наконец, что чересполосица вынуждает крестьян жить в деревнях, увеличивая опасность пожаров и эпидемий и внося свой вклад в негативную социальную патологию коллективного жительства.

Пока ученые высчитывали, во что обходится чересполосица для российского сельского хозяйства, популярные авторы создавали более красочные образы, стремясь донести проблему до сознания публики: «Каким дураком назвали бы помещи-

[7] Воробьев К. Я. Дробность и чересполосность земель при общинном землевладении // Труды съезда деятелей агрономической помощи местному хозяйству, 10—19 февраля 1901. М., 1901.

[8] Билимович А. Землеустроительные задачи и землеустроительное законодательство России. Киев, 1907. С. 10—11; Лохтин П. М. Как сделаться крестьянам богаче. Киев, 1906.

ка, который вздумал бы купить имение, состоящее из таких полосок, для крестьян же — это считается в порядке вещей»[9]. Другой автор вспоминал, что крестьянские хозяйства при первом знакомстве с ними вызвали у него ощущение чего-то «несерьезного, игрушечного»[10]. Чересполосный ландшафт связывался через такие образы с крестьянским инфантилизмом и невежеством. Эта связь очевидна даже в отзывах либералов и левых — традиционных союзников крестьян. В. В. Воронцов, теоретик-популист и защитник общины, признавал, что чересполосица — «несчастная необходимость», порожденная стремлением крестьян к равенству при землепользовании; земля делилась на мелкие участки, чтобы каждая семья получила в пользование равные доли хорошей, средней и посредственной земли. Воронцов понимал, что равенства при землепользовании можно достичь и другими путями (например, компенсируя количество земли, выделенной хозяйству, ее качеством), но сомневался, что крестьяне способны придумать такие альтернативные системы уравнивания. Он отмечал, что раз уж немецким землевладельцам «не хватает ума», чтобы задуматься о консолидации своих земель, то неудивительно, что такая возможность не приходит в голову русским крестьянам[11]. Точно так же и Билимович объяснял приверженность крестьян к чересполосице их невежеством, отмечая, что «во многих случаях крестьянское население прямо незнакомо с возможностью более целесообразного расположения, еще реже оно знает, как перейти к нему»[12].

То, что крестьянам неизвестно «целесообразное расположение земли», было не единственным посланием, которое следовало читать в аграрном ландшафте; чересполосица связывалась также с идеями о «первобытном» крестьянском социализме. Вера в связь между мелкими наделами и социализмом была в России особенно сильна вследствие того, что самой распространенной формой крестьянского землевладения являлось общинное, которое включало право общины на периодическое перераспределение земли между своими членами — так называемый передел. Российская интеллигенция расходилась во взглядах на происхождение передела и на текущее состояние этого механизма, поскольку, как показывали исследования, существовали огромные различия в частоте, с которой общины перераспределяли землю, в причинах, по которым они это делали, и в последствиях в смысле равенства, к которым приводил передел. Однако, все сходились в том, что одним из результатов передела становится все большая фрагментация земель в общине. В итогах работы комиссии, созданной на рубеже веков Сергеем Витте для изучения состояния российского сельского хозяйства и возглавлявшейся будущим автором земельной реформы, четко заявляется существование взаимосвязи между переделом и дроблением земельных участков:

> «Как известно, община, стремясь к равномерности, достигает ее путем отвода небольших клочков земли в разнокачественных и разноотдаленных частях своего надела.

[9] Леман Р. А. Книга для крестьян нечерноземных губерний России. М., 1908. С. 7.
[10] Юревский Б. Землеустроительный смотр. СПб., 1912. С. 53.
[11] Воронцов В. В. Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. СПб., 1892. С. 498—499, 404.
[12] Билимович А. Указ. соч. С. 11.

Это привходящее условие влияет на дробимость земли не менее, чем раздел между многочисленными наследниками и при том влияет с постоянной, а не случайной силой: каждый новый передел, совершенствуя вместе с тем технику "уравнения", приводит к большему измельчанию в большей чересполосице»[13].

Как видно из замечания А. А. Риттиха, дробление земли было присуще не только тем общинам, которые практиковали передел — оно встречалось и в тех общинах, в которых существовало наследственное подворное землевладение; но считалось, что там, где применяется передел, «рационализация» крестьянских земель особенно осложняется. Проблему чересполосицы невозможно было решить без одновременной борьбы с практикой передела.

Разумеется, критики общины без всякого труда находили и совершенно иные аргументы против передельного землепользования. То, что крестьяне претендовали на дворянские имения, для некоторых образованных россиян служило доказательством непонимания ими принципов частной собственности, что, в свою очередь, обуславливалось недостатком опыта индивидуального землепользования в общине. Так, участившиеся крестьянские волнения в последние десятилетия царского режима приводили к тому, что даже среди консервативных помещиков все большей поддержкой пользовалась идея о внедрении частной собственности среди крестьян — это якобы способствовало бы развитию у последних уважения и к чужой собственности. Одновременно приобретали популярность и экономические доводы за передачу земли из общинного в частное владение под влиянием известных западноевропейских идей о благотворном влиянии несменяемости хозяев на продуктивность земли. Свидетельства очевидных пагубных последствий общинного землевладения для сельского хозяйства были налицо: деградация общих пастбищ во многих российских деревнях, частые эпидемии среди крупного рогатого скота и низкое качество племенного скота (считавшееся последствием совместного выпаса), и тот факт, что крестьяне переставали удобрять свои земли за год до передела. Задним числом, имея в своем распоряжении пересмотренные истории европейской системы землепользования, несложно доказать несостоятельность этих нападок на чересполосицу и общинное землевладение[14]. Дробление, служившее мишенью для критики со стороны российских аграрных реформаторов, можно рассматривать и как средство, с помощью которого существующие на грани выживания хозяйства могли снизить риск, связанный с такими местными напастями, как вытаптывание посевов скотом, саранча, град и пожары. Дробление могло также служить средством «подмазать» земельный обмен между хозяйствами, вовлеченными в демографически обусловленные циклы потери и приобретения земли: диверсифицированное «портфолио» зе-

[13] Риттих А. А. Зависимость крестьян от общины и мира. СПб., 1903. С. 38—39.

[14] Более обширную дискуссию о рациональности общинной системы землевладения см. Pallot J., Land Reform in Russia 1906—1917. Peasant Responses to Stolypin's Plan for Rural Transformation (Oxford, 1999), chapter 3. Виднейшими из российских трудов той эпохи, в которых утверждалось о позитивных последствиях передела, являются: Воронцов В. В. Указ. соч.; Орлов В. Сборник статистических сведений по московской губернии: Крестьянское хозяйство. Вып. 1. М., 1879.

мельных участков повышало число потенциальных покупателей. Более того, с точки зрения крестьян некоторые негативные эффекты дробления земли казались не столь сильным бедствием, как полагали современные им реформаторы со своих высот макроуровневого рационализма: межи и незапаханные участки могли использоваться для выпаса стреноженного скота и для доступа к своим землям, долгий путь на работу составлял проблему лишь для хозяйств с нехваткой рабочих рук, а крохотность участков — лишь для земледельцев, имевших доступ к современным сельскохозяйственным машинам. При ближайшем рассмотрении можно прийти к выводу, что передел имел и положительные стороны. Он мог вести и к снижению дробности наделов — а не только к повышению — или к перераспределению полей с целью внедрить новый, усовершенствованный севооборот. Его можно было использовать и для поощрения аккуратного землепользования, например, когда крестьянам во время очередного передела разрешалось оставлять в своем владении удобренные ими участки, или когда плохих земледельцев «вытесняли» к внешним пределам общины, благодаря чему лучшие земли концентрировались в руках самых рачительных хозяев. На рубеже веков среди тех, кто считал себя экспертами по крестьянскому земледелию в России, имелось лишь несколько человек, готовых смотреть «глазами крестьянина» на преобладающий режим землепользования; связь между общиной, социализмом и отсталостью слишком глубоко укоренилась в общественном сознании, чтобы ее было легко изгнать оттуда. Поскольку символом этой связи, в свою очередь, служило физическое распределение крестьянской земли, оставалось сделать лишь шаг, чтобы прийти к выводу: решение экономических и политических проблем российской деревни лежит в радикальном перестроении земледельческого ландшафта.

Упорядоченный ландшафт

Столыпинская реформа состояла из нескольких четко определенных технических и юридических процедур. Согласно законам, принятым в 1906—1911 гг., главы крестьянских хозяйств по всей России получали право забрать землю, выделенную им общиной, в свое личное владение и воспользоваться технической и финансовой помощью для объединения своих полосок земли в централизованное хозяйство [15]. Первоначально, по императорскому указу о земельной реформе от 9 ноября 1906 г., предполагалось два этапа реформ: сначала крестьяне заберут свои наделы в частное владение («укрепление в личной собственности»), а затем объединят их в процессе землеустройства, организованном правительством. Позже, по положениям закона о землеустройстве от 24 мая 1911 г., был предусмотрен единый процесс смены владельца и объединения участков, хотя за

[15] Подготовка реформы и ее положения подробно описываются в: Macey D.A., Government and Peasant in Russia 1861—1906. The Pre-History of the Stolypin Reforms (Northern Illinois University Press, 1987).

хозяйствами сохранялось право забрать свои полоски в личное владение, не объединяя их. 14 июня 1910 г. был принят дополнительный закон об автоматической передаче в частное владение земель тех общин, которые за последние 24 года не проводили всеобщего передела. Были приняты также законы о бюрократическом аппарате и учреждениях, необходимых для проведения реформы; во всех губерниях и уездах европейской России создавались комиссии по землеустройству, в которых работали служащие Министерства земледелия (переименованного в Главное управление землеустройства и земледелия), к реформе привлекались также многие другие губернские и местные должностные лица.

Эти широкие меры были направлены на создание в России сельскохозяйственного ландшафта, резко отличающегося от привычного ландшафта с чересполосицей и общими пастбищами. Иконографической формой нового ландшафта являлся хуторской ландшафт в форме шахматной доски из централизованных хозяйств в виде правильных квадратов, соединенных сетью дорог. Хутором называлось полностью централизованное хозяйство, удовлетворяющее все потребности крестьянина в пашне, лугах и пастбищах. В хуторском ландшафте не имелось бы пространства для коллективного ведения сельского хозяйства, все здания и сооружения были бы рассредоточены, а деревня как населенный пункт исчезла бы. Таким образом, в представлении реформаторов для упорядоченного ландшафта характерно такое физическое членение и разделение, при котором каждое хозяйство занимает свое собственное, четко определенное место. Фермеры в этом воображаемом ландшафте обладали бы ничтожным «горизонтальным кругозором», но сами были бы в максимальной степени открыты для «вертикального взгляда», становясь заметной мишенью для изучения, переписи и усовершенствований. Согласно Фуко, такое устройство служит гарантом порядка[16]. Другие реформы последних лет царизма — реформы образования, переписи земских хозяйств и социальная агрономия — были аналогичным образом направлены на замену опеки в старом стиле на установление в деревне нового «дисциплинирующего порядка»[17], но уникальность земельной реформы состояла именно в том, что она покушалась на использование крестьянами пространства. Попытка расселить крестьян из родных деревень представляла собой не что иное, как борьбу с фундаментальными институтами крестьянского общества, такими, как сход с избираемыми им должностными лицами, а также ритуалами и верованиями, сложившимися вокруг сельской жизни. Иконоборческий эффект реформы, который стремятся отрицать некоторые историки, являлся реак-

[16] Имеются в виду замечания М. Фуко о дисциплинирующем пространстве в Discipline and Punishment. The Birth of the Prision, (Penguin, Harmondsworth, 1987), 141—143.

[17] О реформах образования см.: Ekloff B., Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture and Popular Pedagogy, 1861—1914 (Berkeley, 1986); о сборе социоэкономических данных по крестьянству: Echlin M., The Ssatistics on the Russian peasantry in the nineteenth Century' (unpublished D.Phil thesis, University of Oxford); о социальной агрономии: Kotsonis Y., Agricultural cooperatives and the agrarian question in Russia, 1861—1914 (unpublished PhD thesis, Columbia, University, USA, 1995).

ций на участие общин в организации восстаний во время революции 1905 г.[18] Он представлял собой мост, связывавший столыпинскую реформу с революционными утопиями 1917 г. и последующих лет.

«Тексты», в которых можно усмотреть утопизм и иконоборчество столыпинской земельной реформы, включают в себя циркуляры и меморандумы, рассылавшиеся из центра реформы ее деятелям на местах (постоянным членам комиссий по землеустройству, предводителям дворянства и землемерам), имевшим задачу ознакомить крестьян с процедурой землеустройства и предоставить им технические и юридические средства для консолидации их земельных участков. Деятели реформы на местах получали из центра инструкции насчет перемен, которые они должны были произвести в деревне, насчет того, чего следует избегать и каким образом расставлять приоритеты. У них не оставалось сомнений в том, что важнейшей задачей реформы является физическое отделение крестьян друг от друга. Приоритеты были зафиксированы в приложении к закону 1911 г. о землеустройстве в качестве «технических инструкций», содержавших список типов централизованных хозяйств в порядке их значения. Выделялись два основных типа: хутора — хозяйства, в плане максимально приближенные к квадрату и представлявшие собой единый участок земли с домом и садом, и отруба — хозяйства, состоящие из единого участка земли, физически отделенного от дома с садом. Далее эти два типа делились соответственно на три и два подтипа согласно конфигурации земельного участка и степени, в которой достигалось единство землепользования. В инструкциях содержались также рекомендации о том, как местные деятели должны поступать с различными проблемами, возникающими при разделе земли. Важнейшими среди этих проблем были судьба ресурсов общего пользования, таких, как постоянные пастбища, и пестрая картина текущего землепользования, сильно затруднявшая полную консолидацию участков[19].

Та тщательность, с которой в технических инструкциях отделялись друг от друга разные типы централизованных хозяйств, свидетельствует, как серьезно руководство реформы относилось к классификации. При том что некоторые различия, выделявшиеся центром, не выглядят особо существенными с точки зрения их потенциала для усовершенствований на селе, они имели значение в свя-

[18] Мнение о том, что реформа была направлена на уничтожение общины, решительнее всего отрицают Дэвид Мэйси и Джордж Йэни, крупнейшие западные специалисты по столыпинской реформе. См.: Macey D. J, Bureacratic Solutions to the Peasant Problem: Before and After Stolypin Russian and East European History. Selected Papers from the Second World Congress for Soviet and East European Studies (Berkeley, 1984), 73—95; Macey D. J, Agricultural Reform and Political Change: the Case of Stolypin, in T. Taranovski, (ed.) Reform in Modern Russian History. Progress or Cycle? (Cambridge, 1995), 163—89; Yaney G., The Urge to Mobilize. Agrarian Reform in Russia 1861—1930 (Urbana, 1982). Советские историки были всегда убеждены, что реформа представляла собой наступление на общину с целью укрепления класса кулаков.

[19] Pallot J., Khutora and otruba in Stolypin's program of farm reorganisation', Slavic Review, 42(1984), 242—5.

ми с другими целями реформы. Например, в ранжировании типов хозяйств просматривается та важность, которую организаторы реформы придавали их физическому расположению; так, хутор, который не объединял все типы угодий — луг, пастбище и пашню — в единый участок, все же ценился выше, чем отруб, достигавший такой полной интеграции. По-видимому, последний лучше, чем первый, соответствовал задачам «научной агрономии», но являлся менее желательным с точки зрения утопического переустройства, так как хозяева отрубов продолжали жить в деревне. Согласно инструкциям из центра, отруб оставался крайним средством, к которому следовало прибегать лишь в том случае, если физические условия препятствовали выделению хуторов; отруба рекомендовалось создавать лишь в новых поселениях (отрубных поселках), отпочковавшихся от родной деревни, но не устраивать их вокруг существующих поселений[20]. В раннем проекте «технических инструкций» создание отрубов, не сопровождавшееся образованием новых поселений, фактически было исключено из списка приемлемых типов централизованных хозяйств:

> «Если нельзя [организовать хутора] по первому, то по второму разряду, а если нельзя по второму, то по третьему и только в таком случае, когда ни один из перечисленных разрядов хуторского хозяйства не применим, следует прибегать к поселковой системе. При этом, чем меньше число дворов в каждом поселке, тем, при прочих равных условиях лучше»[21].

Из всех возможных типов централизованных хозяйств лишь хутора ограждались от дальнейших реорганизаций. «Малые формы» всегда могли быть включены в новые проекты, направленные на достижение более полной интеграции землепользования.

Инструкции, рассылавшиеся деятелям реформы на местах, не ограничивались различием между несколькими важнейшими типами хозяйства. Местные деятели информировались также о желательной форме и конфигурации земли; например, ни один угол на границе участка не должен быть меньше, чем 45 градусов, а отношение длины к ширине каждого участка не должно превышать 5 к 1. В рекомендациях указывалось даже предпочтительное расположение крестьянского жилища; оно должно размещаться в центре хутора, так что «хозяйка, выходя на крыльцо, может позвать мужа обедать из дальнего конца»[22]. Мы сталкиваемся здесь с крупномасштабной социальной инженерией — крестьяне больше не могли обедать вместе в поле, они должны были возвращаться домой к жене. Рекомендовалось также объединение таких земель, как пастбища и кустарники, в централизованные хозяйства путем обмена земель одного типа на другой. Если крестьяне сопротивлялись подобным обменам (а это случалось нередко), местным деятелям реформы рекомендовалось делить общинные земли на отдельные участки по чис-

[20] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 408. Оп. 1. 1909. Д. 116. Л. 214.
[21] Там же.
[22] РГИА. Ф. 408. Оп. 1. 1914. Д. 272. Л. 61.

ду хозяйств, а не оставлять их в общем владении. В 1915 г. П. П. Зубовский, незадолго до того назначенный главой управления по проведению земельной реформы, указывал, что лучше отложить проект по землеустройству, чем позволять крестьянам иметь землю в совместном использовании[23]. А. А. Риттих, предшественник Зубовского, был более склонен идти на компромисс с желаниями крестьянства, но и он призывал местных деятелей делить общинные земли всегда, когда к этому предоставляется возможность[24]. В официальном отчете о первых четырех годах земельной реформы подтверждались ее приоритеты:

> «Идеалом, наиболее отвечающим всем удобствам хозяйственного пользования землею, представляются хуторские участки, в которые объединены все земли одного двора, как полевая, так и угодья вспомогательного пользования: выгоны, покосы, лес, усадьбы, при этом и расположены вместе с полями, преимущественно в средине их»[25].

Визуальные представления об упорядоченном ландшафте

Детали хуторского ландшафта в значительной степени являются детищем А. А. Кофода — натурализованного датчанина, который встал во главе инспекции земельной реформы. Именно он разрабатывал инструкции по «технике» землеустройства для местных комиссий. Не следует преувеличивать влияние Кофода на организацию реформы — в своей автобиографии он приписывает себе лишь честь убеждения правительства в необходимости землеустройства[26], но его назначение на роль главного инспектора реформ, несомненно, являлось важным моментом, подтвердившим приверженность центра утопической идее хуторского ландшафта. Коллеги считались с авторитетом Кофода, когда речь шла о технической стороне процесса земельной консолидации, но порой высмеивали его «влюбленность в квадраты»[27]. Кофод являлся автором официальных учебников по землеустройству, которые предназначались для местных деятелей реформы — например, его «Хуторское расселение», одобренное в 1907 г. и изданное тиражом в полмиллиона экземпляров на русском, литовском и татарском языках, было разослано во все губернские и уездные комиссии по землеустройству для дальнейшего распространения среди крестьян[28]. Об отношении Кофода к проведению земельной реформы можно судить по его обращению к Императорскому вольному экономическому обществу на заседании в 1909 г., где он выступил за радикальный подход:

> «Затем, можно еще принять с полной уверенностью тот вывод, что чем радикальнее проводится разверстание, тем быстрее оно содействует повышению благосостояния

[23] РГИА. Ф. 408. Оп. 1. 1914. Д. 518. Л. 14.
[24] РГИА. Ф. 408. Оп. 1. 1911. Д. 161. Л. 12.
[25] Главное управление землеустройства и земледелия: Землеустройство, 1907—1910. СПб., 1911. С. 41.
[26] Kofod A. A., My Share in the Stolypin Land Reform, Jensen, B., (ed.) (Odense, 1985).
[27] Замечание академика Б. Д. Бруцкуса на семинаре Императорского вольного экономического общества в 1909 г. См.: Труды императорского вольного экономического общества. Т. 1—2. 1909. С. 50.
[28] Кофод А. А. Хуторское расселение. СПб., 1907.

крестьянского населения... чем тверже проводится рациональная система размежевания, чем меньше уступок делается требованиям населения, противоречащим правилам землеустроительной техники, тем успешнее в конце концов, развивается дело и тем с большим уважением само население относится к деятельности комиссии...»[29].

Во всех своих публикациях, предназначенных как для специалистов, так и для более широкой аудитории, Кофод пользовался планами и диаграммами различных систем землевладения, наглядно подкреплявшими его аргументацию о пользе радикального землеустройства. Впервые Кофод обратился к картографическому представлению землеустройства в двухтомнике, где подводился итог исследованиям «стихийно созданных» хуторов в западных губерниях — «Крестьянские хутора на надельной земле»[30]. В Волынской, Ковенской, Виленской, Могилевской, Витебской и Житомирской губерниях крестьянские общины начали землеустройство еще за несколько лет до начала столыпинской реформы. В своей книге Кофод перечислил все деревни, которые провели землеустройство, и прокомментировал каждый случай. Некоторые комментарии сопровождались планами землеустройства, которыми Кофод иллюстрировал сильные и слабые стороны процесса. Отдельные случаи землеустройства заслужили безусловное одобрение со стороны Кофода. Одним из этих случаев было создание 11 хуторов на землях деревни Трумпайце в Ковенской губернии. План этого землеустройства, воспроизведенный в книге, поразителен своей лаконичностью; он не учитывает никаких особенностей местности — ни природных, ни возникших в результате хозяйственной деятельности — на нем показаны лишь абсолютно прямые границы 11 хуторов, образующих шахматный узор. План словно бы утверждает, что важнейшая черта крестьянских хозяйств — их конфигурация; все остальное не имеет никакого значения. Большинство землеустройств, проведенных в западных губерниях, кроме землеустройства в Трумпайце, было, по оценке Кофода, ущербно в том или ином отношении — они либо не приводили к полной интеграции земель, либо сопровождались созданием хозяйств «неудачных очертаний». Так, Кофод определяет как «неудачные разверстки» те землеустройства, при которых каждое хозяйство получало форму звезды с лучами или тянулось узкой полосой от вытянутой или компактной деревни к границам общинной земли. Для крестьян преимущество такого устройства состояло в том, что унификация «двора» достигалась без необходимости его физического перемещения, но эта практичность не находила никакого отклика у Кофода. Неудовлетворительными, по мнению Кофода, были и те проекты землеустройства, при которых ранее приобретенная общиной земля консолидировалась отдельно от надельной земли. Невзирая на возможные юридические осложнения, Кофод считал, что вся земля, независимо от ее происхождения, подлежала совместному перераспределению. Кофод доказывал, что такие схемы оказывают куда менее заметный положительный эффект на деревню, чем полная интеграция участков в квадратную ферму:

[29] Труды... С. 45.

[30] Кофод А. А. Крестьянские хутора на надельной земле. Т. 1—2. СПб., 1905.

«На участках, прирезанных узкою полосою к усадьбам, т. е. на преобладающем большинстве старых хуторов, никаких существенных хозяйственных улучшений не замечается... положение крестьян даже ухудшается от такого способа перехода к хуторскому хозяйству»[31].

Двухтомный труд Кофода о землеустройстве в западных губерниях представлял собой тщательное обоснование правительственного вмешательства в процесс землеустройства; в прилагавшемся к книге обширном, избыточном и красноречивом картографическом материале прочитывался посыл: крестьяне, предоставленные сами себе, не сумеют провести землеустройство должным образом. Кофод приписывает тенденцию крестьян к проведению ущербных землеустройств либо их «неразвитости», либо стремлению избежать затрат на перемещение жилья и хозяйственных сооружений и возведение их на новом месте, вне деревни[32]. Он не допускает возможности, что тяга крестьян к жизни в деревне является вполне законной. Кофод не торопится признавать вину за землемерами, которых крестьяне иногда нанимали для проведения землеустройства:

«Виноваты в указанном нехозяйственном отводе паев, конечно, отчасти землемеры, не сумевшие отговорить крестьян от такого неудобного дележа. Главная же вина падает на самих крестьян и их руководителей, так как порядок отвода, предусматриваемый в приговорах, составляемых до найма землемеров, в сущности исключает возможность образования удобных хуторских участков»[33].

Словарь, которым пользуется Кофод для описания западных хуторов, богат бинарными оппозициями: землеустройства описываются как «правильные» — «неправильные», «удобные» — «неудобные», «удовлетворительные» — «неудовлетворительные», «хорошие» — «плохие», «слабые» — «сильные», и даже «вредные». Не предусматривается никакой непрерывности форм; централизованные хозяйства спланированы либо правильно, либо неправильно. Этот радикализм Кофода был воспринят руководством реформы в такой степени, что даже деятели, питавшие сомнения по поводу шахматного хуторского ландшафта, тем не менее также пользовались понятиями «правильное» — «неправильное». Отруба, решительно преобладавшие среди всех типов централизованных хозяйств, созданных после 1906 г., описывались в официальной литературе исключительно как второстепенная разновидность централизованного хозяйства, и отдававшееся им предпочтение перед хуторами в любом проекте землеустройства неизменно нуждалось в обосновании.

В «Крестьянских хуторах на надельной земле» Кофод сравнивает планы крестьянских земель до землеустройства с планами тех же деревень после землеустройства, демонстрируя усовершенствования, которые может принести такая реорганизация. Со временем подобные планы «до» и «после» заняли особое место

[31] Там же. С. 213.
[32] Там же. С. 140.
[33] Там же. С. 89.

в официальных публикациях по теме реформы, они содержали в себе явное послание о радикальных преобразованиях в деревне, более красноречивое в силу своей наглядности, чем статистические таблицы, также издававшиеся руководством реформ. Объем публикаций, призванных оправдать земельную реформу, был беспрецедентным в истории политики царизма, но вызывался необходимостью, так как министерство финансов выступало против землеустройства[34]. Руководству реформы было важно заручиться поддержкой в петербургских кругах, продемонстрировав, что принимаемые в деревне меры соразмерны тяжести аграрного кризиса и участие государства в преобразованиях продиктовано необходимостью. Планы деревень с разверсткой полей до и после вмешательства исполнителей реформы служили непосредственной иллюстрацией к обоим тезисам. Благодаря им образованная публика получала возможность «увидеть» своими глазами перемены, происходящие в российской деревне. Контраст был разителен. На планах «до» показывалось множество клочков, на которые делились поля, причем нередко указывалась принадлежность участков к конкретному хозяйству, чтобы читатель сам мог судить, насколько раздроблена земля крестьянина-общинника. Хуторской ландшафт, показанный на планах «после» представлял собой куда более аккуратную картину: читатели видели, что земля разделена на почти квадратные фермы, и могли судить о судьбе крестьянских наделов, показанных на планах «до». Из этих планов читатель также мог узнать в каком году произошли преобразования, иногда — имя землемера, «ответственного» за землеустройство, а также число хозяйств и площадь их земель.

Такие планы «до» и «после» содержались в юбилейном томе «Землеустройство: 1907—1910 гг.»[35], который был издан руководством реформы в честь первых четырех лет ее проведения. Хотя на планах, отобранных для книги, можно было увидеть самые разные типы землеустройства, включая консолидацию земли в отруба и даже такие землеустройства, при которых хозяйства получали два участка земель разного назначения (обычно пашню и луга), в книгу не вошли планы «неправильного» землеустройства со звездообразными или вытянутыми участками. Изменения, происходившие в деревне, было трудно представить фотографически, но в издании 1911 г. помещены фотографии зданий, расположенных в централизованных хозяйствах — это были без исключения новые жилые дома и амбары, возведенные на хуторах или в новых отрубных поселках. На паре фотографий, отобранных для тома (XIX—XX), показаны два соседних поля. На первой фотографии мы видим луг, на котором пасется цветущего вида скот; очевидно, пастбище только что очищено от камней, которые собраны в кучи, готовые к вывозу. На второй фотографии луг, покрытый чахлой травой, усеян камнями, и никакого скота не видно. Руководство реформы было уверено, что читатели расшифруют эти фотографии так, как требуется, поскольку они были

[34] Waldron P., Between Two Revolution.s Stolypin and the Poltics of Renewal in Russia (Basingstoke, 1998), chapter 4.

[35] Главное управление землеустройства и земледелия: Землеустройство, 1907—1910 гг. СПб., 1911.

снабжены простейшими подписями. Подпись к первой гласит: «земля, обращенная в пашню, у хуторянина... С. Петербургской губ.», а ко второй — «земля у соседних крестьян, оставшихся при чересполосном землепользовании». Какие процессы привели к такому различию между полями и кто производил эти изменения, очевидно, не нуждалось в объяснении.

Ландшафт, представленный на планах «до» и «после», конечно, не являлся реальным ландшафтом крестьянской жизни; карты составляли часть политического дискурса, из которого крестьяне были исключены. Как уже отмечалось выше, чересполосица и общинные пастбища, фигурирующие на планах «до», входили в число причин, по которым крестьян оставляли в стороне от процесса, определявшего их собственное будущее — сюда же относятся и примеры «ущербного» землеустройства, обнаруженные Кофодом в западных губерниях. Планы являлись отражением такого представления о крестьянском землевладении, которое, несмотря на личину научной беспристрастности, отражало приоритеты и предметы беспокойства столичных реформаторов и едва ли было легкодоступным для крестьянского сознания. Например, планы полей до землеустройства, чтобы подчеркнуть существующую чересполосицу, отображают лишь одну фазу в цикле ежегодного оборота земель — в реальности же пашня поочередно то делилась на полоски, распределявшиеся между отдельными хозяйствами, то отводилась под общее пастбище, и оба эти этапа были равно важны для крестьянской экономики. На планах «до» все три типа полей разделены на полоски, в то время как на практике под раздел обычно отводилось лишь две трети всех угодий ежегодно. Полоски, показанные как принадлежащие одному хозяйству, в лучшем случае демонстрировали теоретически возможное распределение; реальное распределение полос, находившееся в пользовании одного хозяйства, обладало чрезвычайной гибкостью, поскольку переход частных земель из одних рук в другие и частичные переделы неизбежно нарушали симметрию, сложившуюся при переделе. Фиксированность границ на картах была чужда обжитому сельскому ландшафту, потому что крестьяне обычно пользовались различными вспомогательными ресурсами, вроде государственных или помещичьих лесов, лежащих вне формальных границ общины. Кроме того, на картах отсутствуют те черты ландшафта, которые выделялись самими крестьянами как отражение накопленного столетнего опыта землепользования; «умалчивают» карты и о расположении важнейших символов крестьянской коллективной жизни — церквей, рынков, мельниц и кладбищ. Таким образом, карты землеустройства отражают представления элиты о социальных отношениях в российской деревне и формальные признаки ее господства над окружающей средой.

Демонстрация достижений реформ

Как пишет Луис Сиглебаум о российских выставках крестьянских ремесел, они были пропитаны духом сентиментальной ностальгии и отражали «смешанные и даже противоречивые» чувства, вызванные столкновением России с современ-

постью[36]. Не так обстояло дело с экспозициями по земельной реформе, создававшимися с 1909 г. в рамках деятельности по ее пропаганде для местных и всероссийских сельскохозяйственных выставок. Как и в случае печатных изданий, эти «живые демонстрации» предназначались для образованной публики, хотя на местных сельскохозяйственных выставках значительное число посетителей могли составлять крестьяне. Экспозиции по земельной реформе в целом мало отличались друг от друга — как правило, они включали карты и диаграммы деревень до и после землеустройства, образцы землемерных инструментов, литературу по реформе, макеты централизованных хозяйств и образцы их продукции[37]. Эти экспозиции прославляли науку, метрологию и бюрократическую эффективность; они были призваны не оставлять у посетителей никаких сомнений в аграрном будущем России, связанным с индивидуальным фермерским хозяйством западного типа, и в ключевой роли специалистов и профессионалов в великом процессе преобразования села.

Такой акцент в демонстрации реформы просматривается в экспозиции, собранной в августе 1910 г. в качестве раздела выставки к двухсотлетию основания летнего дворца в Царском Селе. Экспозиция по земельной реформе была развернута в павильоне и на прилегающем открытом участке. В павильоне демонстрировались знакомые диаграммы и карты централизованных хозяйств, макеты хуторов (но не отрубов), планы деревень до и после землеустройства, фотографии, показывающие, как можно перемещать с места на место крестьянские избы, не разбирая их, оборудование землемеров и библиотека с «Хуторским расселением» Кофода, переведенным на татарский язык[38]. Участок рядом с павильоном был отведен под макет «подлинного» хутора в натуральную величину, а на вопросы публики тут же могли ответить должностные лица из санкт-петербургской губернской комиссии по земельной реформе. Репортер «Нового времени» — газеты, поддерживавшей реформу, — с удовлетворением отмечал, что эти люди «молодые, свежие, сильные, с загоревшими от жизни под открытым небом лицами... имеют счастливый вид, вид пионеров, зачинателей большой эпохи»[39]. Посетители выставки могли видеть, что проводниками преобразований в деревне были именно эти люди — не крестьяне, а специалисты с их научным инструментарием. К несчастью для руководства реформ, этот пропагандистский шаг был расстроен действиями специального корреспондента оппозиционной газеты

[36] Siegelbaum L., Exhibiting kustar' industry in late imperial Russia/exhibiting late imperial Russia in kustar' industry, in J. Pallot, ed., 38.

[37] Согласно журналу «Русское Богатство», крестьяне отдавали на выставки овощи и другую продукцию своих хозяйств за деньги. Однажды на выставке в Симбирске демонстрировалась такая разнообразная экзотика, как кольраби, цветная капуста, лук-порей, фасоль, бобы и помидоры, семена которых выдавала хуторянам местная землеустроительная комиссия. См.: Русское Богатство. 1910. № 10. С. 81.

[38] Каталог состоящей под высочайшим его императорского величества покровительством царскосельской юбилейной выставки, 1710—1910. СПб., 1911.

[39] Новое время. 1911, 14 августа. С. 3.

«Речь», который выяснил, что скрывается «внутри» некоторых экспонатов выставки. Этот репортер описал свой визит на один из хуторов, представленных на планах в Царском Селе. Оказалось, что у хутора крестьянина Рокка нет ни крыши, ни колодца, отсутствовал в хозяйстве и правильный севооборот[40]. История с хутором Рокка некоторое время обсуждалась во всероссийских газетах. Царскосельская комиссия по земельной реформе была вынуждена защищаться; она заявила, что на выставке был представлен *проект* хутора Рокка. Аргумент был очень сомнительный, так как выставка демонстрировала то, что «уже произведено»[41]. Больше изобретательности проявила газета «Россия», утверждавшая, что в вину местной комиссии по земельной реформе можно поставить только ее излишнюю скромность: «Если можно в чем упрекнуть царскосельскую землеустроительную комиссию, то исключительно в излишней скромности. На выставках демонстрируется обыкновенно лучшее, а местная комиссия показала далеко не лучший хутор, который, очевидно не имеет по сравнению с другими... шансов на присуждение премии Его величества»[42].

Заключение

Хуторской ландшафт, конечно, представлял собой недостижимую мечту. В канун Первой мировой войны хутора по-прежнему были редкостью в российском ландшафте, хотя приблизительно 8% всех крестьянских хозяйств консолидировали свои участки по официальным землеустроительным проектам, а около 20% получили землю от общин в частное владение. Большинство централизованных хозяйств соответствовало низшим типам по официальной классификации; это были отруба с неполной интеграцией землепользования, хозяева которых не переселялись из деревень и продолжали пользоваться коллективными пастбищами. По указанию центра местные комиссии пытались убедить крестьян выбирать хутора, но сталкиваясь с сопротивлением, были готовы идти на компромисс и соглашаться на ограниченную реорганизацию: все лучше, чем полный провал реформы. Руководство реформы, реагируя на неприязнь крестьян к хуторам, не отказалось от своих радикальных представлений об упорядоченном ландшафте, а пересмотрело теорию об эволюции хозяйства. «Неполные» или низшие формы землеустройства рассматривались теперь как переходные этапы при формировании хуторского ландшафта. Утверждалось, что «серую массу» крестьян успешно приобщили к принципу консолидации земли, но они еще недостаточно развиты, чтобы осознать необходимость выхода из общины. Со временем, приобретя опыт более независимого хозяйствования на отрубах, они поймут все преимущества отказа от общинной практики. В такой пересмотренной телеологии реформы крестьянская отсталость использовалась для

[40] Речь. 1911, 21 сентября. С. 2; 8 октября. С. 5.
[41] Речь. 1911, 9 октября. С. 5.
[42] Россия. 1911, 9 октября. С. 1.

объяснения проблем, возникавших в процессе землеустройства, точно так же, как она вначале использовалась для оправдания государственного вмешательства в дела деревни. Б. Юрьевский утверждал, что располагает доказательствами превращения отрубов в хутора в Харьковской губернии: через несколько лет после проведения землеустройства хозяева отрубов начали переселяться на них и возводить хозяйственные постройки[43]. Кофод также предъявлял «доказательства» переходного характера частичных землеустройств, приводя в пример проводившийся уже позже раздел общих пастбищ и другие примеры «стихийного» превращения отрубов в хутора[44]. К 1916 г. представление об отрубах и других искажениях первоначальной модели как о переходных формах централизованного хозяйства прочно укоренилось в реформаторском дискурсе[45].

Все это свидетельствует о том, какую власть образ рационального ландшафта приобрел на рубеже веков над аграрными реформаторами. Как недавно заметил один из западных исследователей реформы, активисты реформ, опираясь на убеждение, что земледелие в России призвано пройти тот же путь эволюции к индивидуальному фермерскому хозяйству, какой оно прошло в Западной Европе, были уверены, что «сделали ставку на историю»[46]. Сила этого убеждения не только влияла на цели реформы и правила, по которым она осуществлялась, но и представляла собой рамку, в которой понимались результаты реформы. Так, при оценке итогов реформы предпочтение отдавалось количественным показателям успехов — численности хозяйств, пожелавших консолидировать свои земли, — а основное внимание уделялось физическим и юридическим переменам в деревне. Влияние реформы на социально-экономическую структуру села и на аграрную практику не учитывалось среди основных показателей реформы[47]. В итоге руководство реформы было не в состоянии, если бы захотело, проверить истинность предположения о связи между физической структурой хозяйств и прогрессом в сельскохозяйственном производстве — предположения, которым оправдывались преобразования в деревне. Вожди реформы оставались верны убеждению, что будущее российского земледелия зависит от степени интеграции землепользования, которая могла быть достигнута в крестьянских хозяйствах, и того, насколько далеко эти хозяйства разнесены друг от друга.

Однако, вскоре этим представлениям бросили вызов люди других убеждений. Еще в процессе проведения реформы решение проблем российского села начали

[43] Юрьевский Б. Что достигнуто землеустройством. СПб., 1912. С. 20.

[44] Кофод А. А. Русское землеустройство. 2-е изд. СПб., 1914. С. 155.

[45] См.: Комитет по землеустроительным делам: Краткий очерк за десятилетие. СПб., 1916. С. 22.

[46] Macey D. J., A Wager on History: The Stolypin Agrarian Reforms as Process, in J. Pallot, ed. Transforming Peasants... , 149—173. Здесь Мэйси перефразирует известное изречение Столыпина, назвавшего реформу «ставкой на сильного».

[47] Главное управление землеустройства и земледелия. Землеустроенные хозяйства: Сводные данные сплошного по 12 уездам подворного обследования хозяйственных изменений в первые годы после землеустройства. СПб., 1915.

видеть в создании кооперативов и службы сельскохозяйственных консультаций [48]. Революция 1917 г. покончила с реформой и обозначила новое направление аграрной политики, но лишь на время, так как к концу 1920-х гг. в ходе коллективизации крестьянам была навязана еще одна модель «аграрного прогресса». Альтернативы землеустройству, предлагавшиеся социальной агрономией и большевизмом, основывались на иных политических идеологиях и имели иные последствия для направления сельского развития России, но они отличались не менее абстрактным подходом к крестьянству, чем столыпинская реформа. Значение последней среди прочих проектов социальных преобразований состояло в том, что она навязывала конкретный «взгляд» на сельский ландшафт, который укреплял в образованных российских слоях представление о крестьянстве как об отсталом классе. Именно такое социальное истолкование крестьянства, а не влияние, которое реформа реально могла оказать на форму крестьянских хозяйств, оказалось важнейшим ее достижением в долговременной перспективе: в отличие от немногих хуторов, созданных в 1906—1917 гг., ему было суждено пережить революцию [49].

[48] Kotsonis B. Op. cit.: The agrarian question in Russia; утверждается, что правительство фактически отказалось от земельной реформы в пользу сельскохозяйственного просвещения, проводившегося через земства с 1910 г. Несколько иной взгляд, согласно которому земельная реформа свелась к аграрной реформе, можно найти в: Мацузато К. Столыпинская реформа и российская агротехническая революция // Отечественная история. 1992. № 6. С. 194—200.

[49] После революции 1917 г. большинство независимых хозяйств — и хуторов, и отрубов, — созданных в процессе реформы, было заброшено, и их земли вернулись к общинам.

Е. Б. СТРИЛЮК

П. А. Столыпин и еврейский вопрос в России

Наиболее острым вопросом в России в начале XX в., и это признавалось передовой общественностью, безусловно, был национальный. Так, известный публицист, член кадетской партии А. С. Изгоев отмечал: «Ближайшее будущее русской жизни, насколько можно предвидеть, будет поглощено национальной проблемой. Нашей прогрессивной печати по справедливости может быть брошен упрек, что она избегала национальных вопросов, пыталась от них укрыться, заворожить их хорошими словами. Эту политику пора бросить. Прогрессивная мысль должна смело взяться за разработку этих глубоко жизненных тем, не боясь неизбежных ошибок, обид, неудовольствия консервативных радикалов, не выносящих, когда сон их мозгов нарушается новым взглядом»[1]. Получив пост премьер-министра в июле 1906 г., за решение одного из самых сложных вопросов того времени вынужден был взяться П. А. Столыпин.

Как известно, национальный вопрос состоял из нескольких составляющих: финского, польского и еврейского вопросов. И если, по справедливому замечанию А. Лихоманова, «финский и польский вопросы имели все же "внешний" характер, то еврейский вопрос был сугубо "внутренним": от его решения во многом зависела именно внутренняя стабильность Российской империи»[2]. Премьер Столыпин не мог не осознавать всю остроту и важность этого вопроса. А вместе с тем, именно ему, последнему реформатору великой Империи, суждено было на долгие годы войти в историю и историографию в роли «главного на Руси погромщика» и «юдофоба».

В целом литература, посвященная П. А. Столыпину и его реформаторской деятельности, огромна. Но в ней едва ли найдется несколько работ, претендующих на детальный анализ национальной политики председателя Совета министров. Чаще в поле зрения историков попадала его аграрная реформа или же социальная политика. И если исследователи и обращались к рассмотрению националь-

[1] Изгоев А.С. Национальные и религиозные вопросы в современной России // Русская мысль. 1908. Кн. 5. С. 123.

[2] Лихоманов А. И. Я. Гурлянд и еврейский вопрос в России // Вестник Еврейского университета в Москве. 1993. № 4. С. 147.

ных проблем, то их внимание в основном привлекали финский и польский вопросы, а еврейский оставался по большей части не изученным. Между тем, еще в 1986 г. в Нью-Йорке вышел составленный А. Серебренниковым сборник свидетельств и документов об убийстве П. А. Столыпина, где среди прочих содержались и отдельные документы по еврейскому вопросу[3]. Некоторые аспекты «еврейской политики» премьера затрагивались в работе С. А. Степанова, также посвященной загадкам гибели П. А. Столыпина[4]. Особо хотелось бы отметить книгу В. С. Дякина «Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX века)»[5]. Автор впервые в исторической науке поставил вопрос не только о столыпинской аграрной реформе, а о целом комплексе преобразований. Книга, изданная в 1998 г. — это последнее из задуманного ученым, и является незаконченным исследованием. В нее вошли прежде всего материалы из архива историка. Документы, собранные В. С. Дякиным, содержат интересные сведения о том, как центральные власти пытались решать многочисленные проблемы, связанные с жизнью различных народов в многонациональной стране.

Безусловно, введение в научный оборот новых архивных данных, различных документов, в числе которых межведомственная переписка, журналы совещаний, справки, записки, законопроекты, является очень важным моментом. И все же следует признать, что, хотя политика правительства в национальном вопросе является одной из ключевых проблем в истории России, она вместе с тем остается все еще и наименее изученной.

Цель статьи — раскрыть суть еврейского вопроса в дореволюционной России, рассмотреть, каким было отношение к столь важной проблеме П. А. Столыпина, а также проанализировать расстановку политических сил и реакцию различных кругов общественности на политику правительства П. А. Столыпина в еврейском вопросе.

Впервые во всей сложности и многоаспектности еврейский вопрос предстал перед российским правительством после первого раздела Польши. Именно тогда в составе Российской империи оказалось много евреев. До этого вначале Московская, а затем и Петербургская Русь относились к евреям просто: это были «враги Христа»[6]. В целом суть еврейского вопроса в дореволюционной России сводилась к системе законодательно-административных запретов и ограничений для евреев. В 1791 г. Екатериной II официально была установлена так называемая «черта еврейской оседлости», и право русских подданных проживать повсеместно в Империи заменено относительно евреев «дозволением жительства им в 15 губерниях: Бессарабской, Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Екатеринослав-

[3] Убийство П. А. Столыпина. Свидетельства и документы / Сост. А. Серебренников. Нью-Йорк, 1986.

[4] Степанов С. А. Загадки убийства Столыпина. М., 1995.

[5] Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX века) / Подгот. И. В. Лукоянов. СПб., 1998.

[6] Игнатьев Е. И. Еврейский вопрос в России. СПб., 1906. С. 13.

ской, Ковенской, Минской, Могилевской, Подольской, Полтавской, Таврической, Херсонской, Черниговской и Киевской»[7].

Некоторые попытки смягчения законодательства о евреях были предприняты в 1859—1879 гг. В царствование Александра II признавалось, что «проживание евреев в других местностях, где они будут составлять незначительное меньшинство, послужит к скорейшему смягчению их национальных особенностей». Но вместе с тем были предприняты некоторые меры осторожности. С целью «постепенности», а также с целью «предотвращения быстрого наплыва в среду населения внутренних губерний чуждого ему элемента, повсеместное жительство в Империи дозволено было лишь следующим категориям евреев: 1) купцам 1-й гильдии; 2) лицам с высшим образованием; 3) лицам, занимающимся цеховыми и нецеховыми ремеслами и 4) лицам, прошедшим военную службу на основании рекрутского устава»[8]. В целом же причиной подобного либерализма послужило, вероятнее всего, осознание правящими кругами необходимости содействовать развитию российской промышленности, как людскими ресурсами, так и капиталами.

В 80-е гг. XIX в. политика правительства в еврейском вопросе начала меняться в сторону новых ограничений, одним из которых был запрет проживания евреев в сельской местности в черте оседлости (закон 3 мая 1882 г.). «Евреев, — как писал И. М. Бикерман, — заперли в города»[9]. Поводом для подобных ограничений стали погромы, прокатившиеся на юге России в 1881 г. Власти объясняли их причиной «эксплуатации евреями деревенского населения». На протяжении 1891—1897 гг. были приняты запреты переселения в Москву и Московскую губернию евреям-ремесленникам и некоторым другим категориям. Если в 1891—1893 гг. в самой Москве проживало, по полицейским данным, около 35 тыс. евреев, то в 1897 г. их оставалось всего 8,2 тыс.[10] С 1899 г. было затруднено переселение в Москву евреев-купцов 1-й гильдии. Одним из серьезных ограничений прав евреев стало также введение в 1886 г. процентной нормы для поступления в учебные заведения, а в 1889 г. и в адвокатуру.

К чему приводили подобные ограничения и запреты на практике? П. Г. Курлов вспоминал, например, что, прослужив всю жизнь в центральной России, он имел лишь общее представление о положении еврейского населения, при этом его осведомленность в этом вопросе ограничивалась сообщениями прессы и толками в обществе. Ситуация изменилась в связи с вступлением Курлова в должность Минского губернатора. Изучив реальное положение дел по еврейскому вопросу, он пришел к выводу, что у правительства нет достаточных оснований для ограничения евреев чертой оседлости. К тому же подобная политика имела ряд

[7] Алектров А. Е. Инородцы в России. Современные вопросы. Финляндцы. Поляки. Латыши. Евреи. Немцы. Армяне. Татары. СПб., 1906. С. 50—51.

[8] Там же. С. 51.

[9] Бикерман И. М. Черта еврейской оседлости. СПб., 1911. С. 144.

[10] Куповецкий М. С. Еврейское население Москвы (XV—XX вв.) // Этнические группы в городах европейской части СССР (формирование, расселение, динамика культуры). М., 1987. С. 61, 64.

негативных последствий. Прежде всего «условия проживания евреев в черте оседлости вызывали уже среди них озлобление к правительству. Если к этому прибавить другие ограничения, в том числе затруднения при поступлении еврейской молодежи в учебные заведения, не только высшие, но даже и средние, то естественно, что она легко примыкала к антиправительственным партиям, чем и объясняется развитие в этих местностях еврейской революционной партии "бунд", сыгравшей значительную роль как в волнениях 1905 года, так равно и в самой Российской революции. Более состоятельная и благоразумная часть еврейства не принимала участия в этом движении, но была не в силах удержать свою молодежь и искоренить в себе чувство раздражения против ограничительных мероприятий правительства» [11].

Таким образом, лишенное всяческих прав, сосредоточенное в черте оседлости еврейское население вовлекалось в революционное движение, становилось опасным. Виной тому была недальновидная политика государственной власти, что и признавали наиболее разумные ее представители.

Другим негативным последствием сохранения черты еврейской оседлости, прежде всего для самого государства, была коррупция в среде чиновничества и администрации. «Во время управления Киевской губернией, — писал П. Г. Курлов, — мне вторично пришлось столкнуться с еврейским вопросом. Кроме общих ограничений, с которыми я познакомился уже в Минске, я встретился с новым, которое нельзя не признать по меньшей мере странным. Евреям разрешалось проживать по одной стороне Крещатика — главной улицы города — и запрещалось жительство в другой стороне той же улицы. Губернатор был завален сотнями прошений о разрешении отступить от этого ограничения, прошений, которые восходили для окончательного разрешения к генерал-губернатору. Дела о евреях были сосредоточены в губернском правлении по еврейскому столу. Конечно, такие ограничения создавали обходы и подкупы низших чинов администрации и полиции» [12]. Еще одним ярким свидетельством продажности чиновников является случай с Дмитрием (Мордкой) Богровым, проанализированный в исследовании С. А. Степанова [13].

Следует отметить, что в Петербурге были хорошо осведомлены о состоянии дел на местах, о массовом взяточничестве и коррумпированности чиновников, однако руководство министерства внутренних дел в данной ситуации оказалось бессильным. Здесь требовались изменения законодательного порядка, «что впоследствии и привлекло к себе внимание и усиленные заботы П. А. Столыпина» [14].

Отдельные представители власти еще до П. А. Столыпина осознавали всю остроту и важность решения еврейского вопроса. Тем более понимали это в министерстве внутренних дел, которое непосредственно вело борьбу с революционным

[11] Курлов П. Г. Гибель императорской России. М., 1992. С. 63—64.
[12] Там же. С. 78.
[13] Степанов С. А. Указ. соч. С. 119—120.
[14] Курлов П. Г. Указ. соч. С. 78.

движением. В течение 1903—1904 гг. были предприняты новые попытки пересмотра законодательства о евреях. В результате значительно расширился перечень негородских поселений в черте оседлости, а также отменялись некоторые введенные в предыдущие десятилетия ограничения в выборе места жительства «привилегированным категориям евреев» [15].

В премьерство С. Ю. Витте политика по еврейскому вопросу в целом не претерпела значительных изменений. С одной стороны, правительство признавало необходимость и важность предоставления евреям равноправия, как в других цивилизованных странах, с другой — отмечало, что выполнение столь серьезной задачи в данный момент является невозможным. Показательным с этой точки зрения и с точки зрения характеристики взглядов С. Ю. Витте на еврейский вопрос является его разговор с П. Г. Курловым. Пребывая в должности минского губернатора и не понаслышке зная о положении евреев, Курлов «пришел к убеждению, что политика правительства в этом отношении нецелесообразна и влечет за собой только отрицательные результаты». Об этом Курлов сделал официальное заявление в письме товарищу министра внутренних дел Д. Ф. Трепову, настаивая на необходимости равноправия для евреев. Именно это письмо послужило темой разговора Курлова с Витте. На предложение Курлова о еврейском равноправии, премьер ответил, что «не можем же мы утопить всех евреев в Черном море! И раз они составляют часть населения Российской империи и принадлежат к числу русских подданных, — всякие ограничения, не достигающие никакого практического результата, только вредны, вызывая раздражения против власти со стороны целого народа, умного, талантливого и сильного своим экономическим положением. Но и все-таки думаю, что привести предложенную Вами меру не удастся» [16].

Позднее в своих воспоминаниях Витте объяснял, что для того, «чтобы в то время я мог поднять вопрос о предоставлении существенных льгот еврейству, или, вернее говоря, для того, чтобы я мог выставить принцип еврейского равноправия, необходимо, чтобы еврейство усвоило себе совсем иное поведение, нежели то, которому оно следовало. Оно должно во всеуслышание заявить монарху и свое заявление подкрепить соответствующим поведением, что оно ничего от его величества не просит, кроме одного обращения с ними, как со всеми остальными подданными. Между тем в последнее время евреи являются деятелями в различных политических партиях и проповедуют самые крайние политические идеи» [17].

Сдержанность политики С. Ю. Витте в еврейском вопросе, между тем, объясняется не только таким «неправильным поведением евреев», но и еще одним обстоятельством, а именно отношением к этому вопросу Николая II. Следует отметить, что с началом первой революции и в дальнейшем по мере развития революционно-

[15] Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма XIX — начала XX вв. (К постановке проблемы) // Дякин В. С. Указ. соч. С. 32.
[16] Курлов П. Г. Указ. соч. С. 62.
[17] Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 328.

го движения, в русском обществе евреев все чаще ассоциировали с врагами правящего режима, отношение к ним становилось все более и более настороженным. Николай II в данном случае не был исключением. Предпринятая правительством С. Ю. Витте попытка отменить «процентную норму» для приема евреев в учебные заведения, не нашла понимания у Николая II. Непосредственным инициатором отмены этой ограничительной меры выступал министр народного просвещения граф И. И. Толстой. Он придерживался того убеждения, что «самое естественное разрешение еврейского вопроса заключается в приобщении их к национальному образованию». Витте считал эту мысль абсолютно правильной [18]. Как видим, в этом вопросе проявилась недальновидность непосредственно царя и некоторых министров — противников отмены этих ограничений.

В недавних исследованиях, между тем, было отмечено то важное обстоятельство, что сохранение в неизменном виде «процентной нормы» приводило к увеличению «слоя "полуинтеллигенции" из числа евреев, сдавших экстерном экзамены за гимназический курс, не всегда полный, часто ценой больших лишений, чтобы, получив профессию фармацевта или зубного врача, вырваться из черты оседлости. По уровню культурного развития они далеко отставали от дипломированной русской интеллигенции. Из этой среды вербовались в немалом количестве и активисты революционных партий» [19]. Это еще один пример той парадоксальной ситуации, когда высшие правящие круги, с одной стороны, пытались воспрепятствовать вовлечению в революционное движение все большего числа населения, в том числе и евреев, а с другой — создавали такие условия существования, которые буквально выталкивали еврейскую молодежь в революционный лагерь, способствовали симпатии активной части еврейства политическим партиям.

Именно успешная деятельность по подавлению революционного движения, как известно, была одной из причин стремительного продвижения по служебной лестнице и назначения в июле 1906 г., после отставки И. Л. Горемыкина, на пост председателя Совета министров П. А. Столыпина. В первой публичной декларации Столыпина по вступлении в должность отмечалось, что целью нового правительства является «безусловное поддержание и упрочение порядка и одновременное подготовление и проведение необходимых преобразований» [20]. Безусловно, объявленное «успокоение» и последующие «реформы» предполагали решение давно назревшей национальной проблемы. «В области еврейского вопроса, — отмечено в декларации, — безотлагательно будет рассмотрено, какие ограничения, как вселяющие лишь раздражение и явно отжившие, могут быть отменены немедленно и какие, как касающиеся существа отношений еврейской народности к коренному населению, являются делом народной совести, почему предрешение их стеснило бы последующую работу законодательных учреждений» [21].

[18] Там же. С. 326.

[19] Розенталь И. Москва начала XX века: евреи, власть, общество // Вестник Еврейского университета. 1999. № 1(19). С. 100.

[20] Правительственное сообщение // Правительственный вестник. 1906. № 190.

[21] Там же.

Хорошая осведомленность П. А. Столыпина о сути еврейского вопроса объясняется тем, что начало его служебной деятельности проходило в Ковенской и Гродненской губерниях, которые, как отмечалось выше, официально входили в черту еврейской оседлости. Здесь воочию Столыпин мог убедиться в бесполезности и даже опасности сохранения всевозможных ограничений для еврейского населения Российской империи. Об этой опасности премьеру постоянно сигнализировал его заместитель по МВД, начальник отдельного корпуса жандармов П. Г. Курлов, продолжавший настаивать на том, что «все ограничения в этой области не достигают цели, а вызывают озлобление, крайне опасное для сохранения внутреннего порядка»[22].

И хотя рассмотрение еврейского вопроса не являлось приоритетной заботой Столыпина, все же с осени 1906 г. председатель Совета министров начинает искать пути его решения, которые позволили бы в некоторой мере достичь долгожданного успокоения и, пусть частично, но способствовали бы стабилизации внутреннего положения Империи. Интересными являются рассуждения Столыпина по этой проблеме: «В евр[ейском] вопросе каждый этап, каждый шаг должен быть сделан с соблюдением полного хладнокровия, при условии подчинения не чувству, но полит[ической] и государственной необходимости... При этом основным условием должно быть поставлено нами: никакие меры в порядке уступок революционной наглости и никакого ущерба коренному русскому населению, русскому народу»[23].

По воспоминаниям ближайшего сотрудника П. А. Столыпина, графа В. Н. Коковцова, уже в начале октября 1906 г. премьер инициировал обсуждение в правительстве мер по улучшению положения евреев. «Столыпин, — отмечал Коковцов, — просил всех нас высказаться откровенно, не считаем ли мы своевременным поставить на очередь вопрос об отмене в законодательном порядке некоторых едва ли не лишних ограничений в отношении евреев, которые особенно раздражают еврейское население России, не внося никакой реальной пользы для русского населения, потому что они постоянно обходятся со стороны евреев, — только питают революционное настроение еврейской массы и служат поводом к самой возмутительной [кампании] против русской пропаганды со стороны самого могущественного еврейского центра — в Америке»[24]. Действительно, еще одним важным обстоятельством, которое не мог не учитывать Столыпин, был тот факт, что еврейское население, проживающее в Российской империи, пользовалось поддержкой некоторых влиятельных заграничных кругов. И дальнейшее игнорирование еврейского вопроса, сохранение без изменений всех, без исключения, ограничительных мер могло привести к ухудшению не только внутреннего, но и международного положения Российской империи.

[22] Курлов П. Г. Указ. соч. С. 112.

[23] См.: Лихоманов А. Указ. соч. С. 148.

[24] Коковцов В. Н. Из моего прошлого: Воспоминания. 1903—1919 гг. М., 1992. Книга вторая. С. 206—207.

В целом Совет министров более или менее благожелательно отнесся к намерению П. А. Столыпина пересмотреть существующее законодательство о евреях и отменить некоторые из ограничений. «Наше первое совещание по возбужденному вопросу кончилось тем, — писал В. Н. Коковцов, — что каждое ведомство представит в самый короткий срок перечень ограничений, относящийся к предметам его ведения, с тем, чтобы Совет министров остановился на каждом законодательном постановлении и вынес определенное решение относительно объема желательных и допустимых облегчений»[25]. Эту работу исполнили в очень короткий срок. Было предложено исключить из законодательства о евреях целый ряд существенных ограничений. Вводились льготы по физическим условиям и параметрам, препятствующим призыву в армию, льготы для поступления в учебные заведения, а также значительно расширялся круг лиц еврейского происхождения, имеющих право жительства вне черты оседлости. Несмотря на широкий список льгот, значительно улучшающих положение еврейского населения, все же министр иностранных дел А. П. Извольский считал, например, эти меры недостаточными и предлагал вообще снять все ограничения. Куда более сдержанным было мнение Государственного контролера П. Х. Шванебаха. Он наоборот полагал, что объем предоставленных льгот является слишком большим и предлагал добиваться конечной цели — еврейского равноправия более постепенно, с учетом того, какие последствия будет иметь та или иная дарованная льгота[26].

По поводу непосредственно принятия проекта закона об улучшении прав евреев интересные сведения сохранились и в воспоминаниях В. И. Гурко, который в 1906 г. был назначен на пост товарища министра внутренних дел. Человек правых взглядов, В. И. Гурко не принадлежал к числу защитников разработанного департаментом общих дел МВД проекта по улучшению прав еврейского населения. Он, как и П. Х. Шванебах, считал этот документ несвоевременным и не достигающим цели. И все же, выступая на заседаниях Совета, с самого начала Гурко не делал резких выпадов против проекта, подписанного непосредственно его шефом — П. А. Столыпиным. Поводом для резкого выступления послужило заявление В. Н. Коковцова о том, что «всякие меры относительно евреев бесполезны. Евреи настолько ловки, что никакими законами их путь не преградишь. Совершенно бесполезно запирать им куда-либо двери — они тотчас находят те отмычки, которыми эти двери можно открыть»[27].

В. И. Гурко вспоминал:

> «Оставить без возражения такое странное заявление я был не в силах.
> — Первый раз слышу, — заметил я, — что если где замки не действуют, ибо их открывают отмычками, то их надо просто снять. Одно из двух: ибо присутствие евреев безвредно, и [следует] в таком случае упразднить все установленные по отношению

[25] Там же. С. 207.
[26] Там же. С. 208.
[27] Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 594.

к ним правоограничения, и в первую очередь упразднить черту оседлости, или, наоборот, они являются разлагающим элементом, и в таком случае, если навешенные против них замки недействительны, то [нужно] заменить их засовами или чем-либо иным, отвечающим цели»[28].

Помощник товарища министра внутренних дел Гурко считал, что принятие частных мер в смысле уравнения прав евреев с правами остальных граждан может иметь только сугубо отрицательные последствия, поскольку это не удовлетворит евреев, не ослабит их революционности, но даст им большую возможность бороться с правительством.

Следует подчеркнуть, что еврейский вопрос обсуждался на заседаниях Совета министров в строго конфиденциальном порядке. А до обсуждения в Совете все материалы по еврейскому вопросу, согласно указанию П. А. Столыпина, вообще должны были держаться в абсолютном секрете[29]. Но вместе с тем понятно, что тайна эта была относительна, и заинтересованные круги всегда умудрялись быть в курсе того, что происходило в Совете.

В самом же российском обществе, и прежде всего, среди образованной его части, еврейский вопрос вызывал неподдельный интерес. Он обсуждался в печати, и при этом высказанные мнения отличались полярностью и категоричностью. Так, например, в появившемся в 1906 г. очерке директора народных училищ А. Е. Алектрова, посвященном положению инородцев в России, значительное место уделено и еврейскому вопросу. Давая характеристику еврейской нации, Алектров в частности отмечал, что евреи «представляют собой один из наиболее характерных антропологических типов, удерживающий веками свои особенности, несмотря на различные географические и другие условия, при которых ему приходилось существовать в разных частях света. Составляя везде обособленные группы, евреи, где им представляли полные права, даже в странах с высшей культурой, забирают в свои руки и власть, и богатство, а вместе с тем подчиняют своей воле народы»[30]. Далее Алектров останавливается на примерах такой «разрушительной» деятельности евреев в России, обвиняя их вместе с прочим в революционности, предательстве и в страсти к наживе. «Едва появилась в России золотая валюта, — приводит один из примеров Алектров, — сейчас же сделались известными приемы евреев относительно пущенных в обращение империалов и полуимпериалов. Монеты стали чистить наждачной бумагой и вытирать сукном. Золото — металл мягкий и легко стирается [...] Правительство обратило затем внимание на подобные операции, и в настоящее время банки и казначейства, принимая золото, взвешивают его»[31].

[28] Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 594—595.

[29] Об этом свидетельствуют современники П. А. Столыпина. См.: Гурко В. И. Указ. соч. С. 595; Коковцов В. Н. Указ. соч. С. 206. Подтверждением может служить и записка А.Д. Арбузова на имя Н. В. Плеве. См.: Дякин В.С. Указ. соч. С. 130.

[30] Алектров А. Е. Указ. соч. С. 39.

[31] Там же. С. 48.

Учитывая все поведение и деятельность евреев, автор очерка считает существующие для них в России ограничения «весьма ничтожными». В целом же он приходит к заключению, что еврейский вопрос является не вероисповедным и не национальным, а чисто экономическим, и что черта оседлости представляет барьер против вторжения не какой-нибудь веры или национальности, а синдиката, имеющего международную организацию. И даже «равноправие евреев не может служить охраною христиан против этого синдиката»[32].

Безусловно, публикаций, носящих явно антисемитский характер, хватало и в прессе. Позднее А.С. Изгоев напишет по этому поводу в «Русской мысли»: «В голоде крестьянских масс виноваты евреи, так как еврейские купцы торгуют хлебом за границей. Во всероссийском пьянстве виноваты евреи, так как занимались тайной продажей водки, точно "царев кабак" со вчерашнего дня народился на Руси, точно в деревнях и селах, где не пахнет и духом еврейским, каждая двадцатая изба не составляет тайной корчмы. В железнодорожных и интендантских хищениях виноваты евреи, так как их среда поставляет много подрядчиков, а наши инженеры и интенданты не могут устоять перед искусителем-евреем. В русско-японской войне, как известно, евреи трижды виноваты. [...] Без преувеличения можно сказать, что ни в одном вопросе журналисты не лгут так бессовестно и так колоссально, как в еврейском. Если в каком-либо деле замешан хоть один еврей, или хоть в третьем поколении происходивший от евреев, или носящий нерусскую фамилию, этого достаточно, чтобы поднять набат о еврейском заговоре»[33].

Учитывая царящие настроения, министрам, и прежде всего самому премьеру П. А. Столыпину, как инициатору рассмотрения проекта по улучшению прав евреев, было, несомненно, интересно знать, какую реакцию в обществе вызовут попытки решения еврейского вопроса. Поэтому, начиная с октября 1906 г. в «России» появляются публикации общего характера о необходимости снизить напряжение в обществе путем решения столь наболевшей и сложной проблемы. Прямых указаний на то, что вопрос уже рассматривается министрами, естественно не было. Главной мыслью большинства опубликованных в «России» материалов было то, что мирное сосуществование евреев с коренным населением Империи было бы очень выгодно, как, впрочем, было бы очень выгодно и обращение в свою пользу всех выработанных веками качеств, которые стали в руках евреев сильным оружием, особенно теперь, в эпоху денежно-индустриального хозяйства и конкуренции.

Почему именно «Россия» проводила подобный зондаж общественных настроений? Известно, что еще 9 июня 1906 г. П. А. Столыпин издал циркуляр губернаторам № 5378, в котором говорилось о создании нового официального органа печати[34]. С. Ю. Витте писал по данному поводу, что вместо газеты «Русское госу-

[32] Там же. С. 130.

[33] Изгоев А.С. Указ. соч. С. 126—127.

[34] Об истории создания правительственного официоза «России» см. подробнее в кн.: Лихоманов А. В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905 — 1907 годах. СПб., 1997. С. 65—91.

дарство» П. А. Столыпин «на правительственные же средства открыл газету "Россия", которая ранее существовала, но в крайне мизерном виде, поставив редактором Сыромятникова, а главными деятелями того же Гурьева и чиновника министерства внутренних дел ренегата еврея Гурлянда... Столыпин наивно воображал, что таким образом он введет в заблуждение общественное мнение, но, конечно эта наивная хитрость никого в заблуждение не ввела, вся Россия знает, что газета "Россия" есть правительственный орган, содержанный на счет правительства, секретных фондов и доходов "Правительственного вестника", имеющего большие доходы вследствие массы обязательных документов»[35].

И именно потому, что «Россия» воспринималась большинством современников как правительственный официоз, материалы по еврейскому вопросу вызвали волну гневно-негодующих откликов в прессе. А. В. Лихоманов отмечал: «В одном из номеров "Московских ведомостей" говорилось, что предложение газеты "Россия" о том, что при расширении своих прав евреи "найдут больший простор для приложения своей энергии и труда", звучит "легкомыслием и издевательством"». Орган московских монархистов писал: «Русское императорское правительство... несомненно поспешит отречься от тех не подобающих ему намерений, которые ему приписывает петербургская газета "Россия"». В передовой статье «Долг правительства» редактор «Московских ведомостей» В. А. Грингмут, обращаясь к Столыпину, негодовал: «Кто же может поверить "России", что на такую, чреватую грозными последствиями "ошибку"... мог бы быть способен теперешний руководитель нашей государственной политики». А «Русское знамя» печатало многочисленные телеграммы местных отделов «Союза русского народа», выражающие возмущение столь «крамольным» намерением правительства[36].

«Политический зондаж», проведенный газетой «Россия», таким образом, действительно позволил правительству лучше представить реакцию различных кругов на предложенные меры по улучшению положения евреев. Сам же проект закона после утверждения его Советом министров, должен был быть представлен на рассмотрение и утверждение государю императору.

Был ли Столыпин уверен в том, что Николай II поддержит новый законопроект? В воспоминаниях П. Г. Курлова содержатся сведения о том, что именно император поручил Столыпину «не возбуждая законодательного вопроса, в административном порядке принять меры к облегчению ограничительных постановлений против еврейства»[37].

В. Н. Коковцов отмечал, что «во время подготовительной работы, проводимой правительством, у всех нас было ясное представление о том, что Столыпин возбудил вопрос с ведома государя». Коковцов указывает на то обстоятельство, что премьеру «приходилось подолгу излагать государю свои мысли на основании его опыта в Западном крае и государь ни разу не высказал ему принципиального его

[35] Витте С. Ю. Указ. соч. С. 316—317.
[36] Лихоманов А. В. Указ. соч. С. 104.
[37] Курлов П. Г. Указ. соч. С. 112.

несогласия», но вместе с тем «не было и заранее данного общего согласия, которого Столыпин и не спрашивал у государя, хорошо понимая, что по такому щекотливому вопросу нельзя и требовать, чтобы государь высказался заранее, не ознакомившись с представлением Совета министров»[38].

Проект, принятый большинством в Совете министров и поданный на рассмотрение царю, представлял собой постатейную ревизию законодательства о евреях в направлении его либерализации и отмены множества существовавших для евреев ограничений. Так, например, предполагалось отменить «запрет на проживание евреев в сельской местности по всей Империи»; «некоторые особые ограничения относительно постоянного жительства и временного пребывания евреев вне черты общей еврейской оседлости»; «запрет ограничительных постановлений о производстве евреями крепких напитков и о торговле ими»; запрет на включение евреев в правления акционерных обществ, имеющих земельную собственность[39] и т. д.

Премьер П. А. Столыпин, вне всяких сомнений, прекрасно осознавал, что попытка приступить к решению еврейского вопроса вызовет бурю негодования, как это было при проведении им других важных реформ. Во вступительной части «журнала», поданного на рассмотрение царю, отмечалось, что «в данном деле возможно ожидать проявление неудовольствия со стороны самых различных общественных слоев и отдельных лиц, объединяемых общим чувством непримиримой вражды к еврейству. Однако, по глубокому убеждению Совета Министров, это обстоятельство не должно отклонять правительство от пути, начертанного с одобрения вашего императорского величества, в правительственном сообщении 24 августа сего года»[40].

Председатель Совета министров отдавал себе отчет в ограниченности предлагаемых им мер. «Настоящий проект, — отмечал Столыпин, — разработан в строгом соответствии с теми пределами пересмотра еврейского вопроса, кои намечены в упомянутом правительственном сообщении. В нем не имеется в виду разрешения еврейского вопроса в полном объеме, ибо такая коренная мера не могла бы быть предпринята иначе как в общем законодательном порядке, по выслушивании голоса народной совести, в лице избранных населением представителей. Цель предлежащего законопроекта более скромная: устранить из еврейского законодательства лишь такие излишние и неоправдываемые условиями настоящего времени стеснения, установление коих в свое время было вызвано потребностями преходящего значения»[41]. Тем не менее, Столыпин предполагал, что даже такие частичные уступки внесут умиротворение в еврейскую среду.

[38] Коковцов В. Н. Указ. соч. С. 208—209.

[39] См.: Особые журналы Совета министров царской России. 1906 год. М., 1982. Вып. IV. С. 796—800; П. А. Столыпин: Программа реформ. Документы и материалы. М., 2002. Т. 1. С. 134—137.

[40] Убийство Столыпина. Свидетельства и документы / Сост. А. Серебренников. Нью-Йорк: Телекс, 1991. С. 61—62.

[41] Там же. С. 62.

Подавая на рассмотрение Николая II проект об отмене некоторых ограничительных мер, П. А. Столыпин имел в виду два варианта его утверждения: в чрезвычайном порядке по статье 87 свода основных государственных законов издания 1906 г., или же через Государственную Думу. И хотя сам Столыпин, бесспорно, предпочел бы первый вариант, все же исключительное право выбора способа утверждения законопроекта оставалось за императором, впрочем, в его руках была и судьба проекта в целом.

«Журнал Совета министров пролежал у государя очень долго, — вспоминал В. Н. Коковцов. — Не раз мы спрашивали Столыпина, какая судьба постигла его и почему он так долго не возвращается, и каждый раз его ответ был совершенно спокойный и не предвещал чего-либо для него неприятного. Только 10 декабря 1906 года журнал Совета вернулся от государя к Столыпину» [42].

«Возвращаю Вам журнал по еврейскому вопросу неутвержденным, — писал Николай II П. А. Столыпину. — Задолго до предоставления его мне, могу сказать, и денно и нощно, я мыслил и раздумывал о нем. Несмотря на самые убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу, — внутренний голос все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя никогда меня не обманывала. Поэтому и в данном случае я намерен следовать ее велению» [43].

Инициатива премьера, таким образом, натолкнулась на мистические настроения императора.

В связи с таким решением Николая II по еврейскому вопросу, необходимо отметить одно очень важное обстоятельство. Еще до обсуждения проекта, члены Совета министров, по предложению П. А. Столыпина, решили, что «в этом вопросе меньшинство Совета подчинится большинству, на чем бы оно ни остановилось, иначе говоря, что журнал Совета по этому делу будет представлен государю с единогласным мнением. Обыкновенно при разногласии в Совете министров государю представлялись оба мнения — большинства и меньшинства, и от Николая II зависело утвердить любое» [44]. Видимо, это было сделано для того, чтобы оградить царя от ответственности за принятие того или иного решения по еврейскому вопросу. Ведь признание со стороны императора за евреями некоторых новых прав вызвало бы недовольство со стороны всех правых кругов общественности. Если бы царь, наоборот, отклонил предложенные меры, вопреки мнению хотя бы части правительства, то это усилило бы злобу против него еврейства, и этим также не следовало пренебрегать. Государь же, невзирая на единогласное мнение Совета, не утвердил проект и поступил, таким образом, как бы вопреки всему составу правительства, «приняв, следовательно, всецело на себя всю ответственность за его неосуществление» [45].

[42] Коковцов В. Н. Указ. соч. С. 208.
[43] Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина // Красный архив. 1924. Т. 5. С. 105.
[44] Гурко В. И. Указ. соч. С. 594—595.
[45] Там же. С. 595.

По поводу отклонения законопроекта по Петербургу распространялись разные версии. «Рассказывали, — отмечал В. И. Гурко, — что тут главную роль сыграл тот самый Юзефович, который был одним из авторов манифеста об укреплении самодержавия; говорили, что сам Столыпин советовал царю его не утверждать» [46].

Последнее предположение, однако, является сомнительным: иначе как объяснить тот факт, что в тот же день, когда стало известно о решении Николая II, председатель Совета министров направил ему письмо, в котором предлагал все же найти выход из сложившейся ситуации. «Вашему величеству известно, — писал П. А. Столыпин, — что все мои мысли и стремления направлены к тому, чтобы не создавать вам затруднений и оберегать вас, государь, от каких бы то ни было неприятностей... Теперь для общества и еврейства вопрос будет стоять так: Совет единогласно высказался за отмену некоторых ограничений, но государь пожелал сохранить их. Ваше величество, мы не имеем права ставить вас в такое положение и прятаться за вас. Это тем более неправильно, что вы, ваше величество, сами указывали на неприменимость к жизни многих из действующих законов и не желаете лишь в порядке спешности и чрезвычайности даровать от себя что-либо евреям до Думы» [47]. Из письма Столыпина в целом следовало, что, натолкнувшись на нежелание императора утверждать предложенный законопроект в порядке чрезвычайного законодательства, премьер надеялся все же получить от царя формальное одобрение с последующей передачей законопроекта в Государственную Думу.

Настойчивость П. А. Столыпина в итоге увенчалась успехом. И 15 декабря 1906 г. царь наложил на журнал Совета министров резолюцию: «Внести на рассмотрение Государственной Думы» [48].

В целом, как оказалось, опасение премьера, его нежелание утверждать проект закона именно через Государственную Думу являлось небезосновательным. Например, большинство членов III Думы было настроено или откровенно антисемитски, или очень враждебно по отношению к евреям. Заранее известна была позиция крайне правых депутатов, которые вообще выступали категорически против всяких уступок и послабления в законодательстве о евреях и тем более не собирались поддерживать проект, предложенный П. А. Столыпиным. Думские социалисты и либералы также не хотели портить себе репутацию голосованием в поддержку отмены черты оседлости. «Для оппозиционных партий, составляющих думское большинство, — отмечено в книге А. Серебренникова, — было одинаково неприемлемо как поддержать, так и отвергнуть законопроект. Поддержать, значило признать за "реакционером" и "антисемитом" Столыпиным историческую роль инициатора в разрешении вопроса, который должен был считаться неразрешимым в условиях самодержавия. Но не лучше было и провалить его.

[46] Там же. С. 595—596.
[47] Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина. С. 105.
[48] П. А. Столыпин: Программа реформ. Документы и материалы. М., 2002. Т. 1. С. 706.

В глазах общества это могло выглядеть так, что вот-де Столыпин взялся хотя бы частично улучшить положение евреев, а думские либералы воспротивились даже частичному улучшению»[49].

Таким образом, намерения «погромщика» и «юдофоба» П. А. Столыпина в законодательном порядке разрешить еврейский вопрос остались нереализованными. Ни II, ни III, ни IV Дума не отменила черту оседлости. Отменилась она ходом вещей уже во время Первой мировой войны. Сам же Столыпин, не получив поддержки царя, стал проводить куда более сдержанную политику в еврейском вопросе. Постепенно, например, несмотря на циркуляр МВД от 22 мая 1907 г., начали возобновляться выселения в черту оседлости значительных групп евреев-ремесленников, продолжала подвергаться ограничениям их предпринимательская деятельность, а в августе 1908 г. Совет министров ужесточил процентную норму по приему в высшую школу, установив ее в 3% для столиц, 5% для других городов вне черты оседлости и 10% в черте[50].

Ненависть к Столыпину, источаемая крайне правыми и крайне левыми, которым он мешал своей деятельностью, отсутствие поддержки со стороны императора неизбежно обрекали премьера на гибель, как в прямом, так и в переносном смысле.

[49] Убийство П. А. Столыпина: Свидетельства и документы / Сост. А. Серебренников. Нью-Йорк, 1991. С. 72.
[50] Дякин В. С. Указ. соч. С. 53.

О. Р. АЙРАПЕТОВ

Контекст одной пропагандистской акции 1914 года

В 1908 году Россия предпочла унижение; в 1914-м она встретила войну
Э. Грей[1]

Боснийский кризис 1908 г. оказал сильнейшее влияние на настроения следующих шести лет в России. Опасность столкновения была весьма велика. В 1916 г. генерал М. В. Алексеев вспоминал, что в 1908 г. он получил приказ в 48 часов привести войска в состояние готовности для отражения возможной австрийской атаки[2]. А 13 (26 февраля) 1908 г. он, тогда еще начальник штаба Киевского военного округа, писал: «Время, по всему видно, тревожное. Говорю лишь о том, что перед моими глазами встает время 1903 г. Та же обстановка, та же энергия соседа и то же нежелание израсходовать у нас грош, чтобы спасти рубли, сделать кое-что, чтобы, быть может, предотвратить решительные шаги соседа. Словом, та дряблость, которая уже была жестоко наказана... Ведь соседи не будут интересоваться, есть у нас что-либо в кармане, готовы мы, желаем мы, а скажут просто: пожалуйте на сцену. И мы снова повторим старую политическую историю: "война нас застала врасплох, неготовыми"»[3].

Новый начальник Главного Управления Генерального штаба (ГУГШ) и бывший командующий войсками КВО ген. Сухомлинов пришел в Петербург с программой ликвидации этого состояния. Владимиру Александровичу Сухомлинову в 1908 г. исполнилось 60 лет. Он имел большой, преимущественно военно-административный опыт. В 1873 г. Сухомлинов окончил Николаевскую Академию Генерального штаба, с 1878 г. служил в ней правителем дел, преподавал тактику в старшем классе Пажеского корпуса, Михайловском артиллерийском училище, Николаевском кавалерийском училище, с 1886 по 1898 г. возглавлял Кавалерийскую школу в Санкт-Петербурге, два года после этого командовал 10-й кавалерийской дивизией. Весной 1899 г. от рака печени скончался начальник штаба Киевского округа генерал-лейтенант Е. С. Шимановский, и по желанию командующего округом Сухомлинов возглавил штаб округа. Следует напомнить, что командующим округом был тогда ген. М. И. Драгомиров, не только пользовавшийся популярностью одного из самых луч-

[1] Grey of Fallodon Ed. Twenty-five years 1892—1916 (NY., 1925), vol. 1, 186.
[2] Pares B. My Russian memoirs (Lnd. 1931), 269.
[3] Отдел Рукописей Российской Государственной Библиотеки. Ф. 855. Карт. 2. Ед. хр. 6. Л. 53—53 об.

ших военных деятелей России, но и слывший одним из самых тяжелых командиров во всей армии. Сухомлинов сменил в 1905 г. Драгомирова на этом посту и во многом продолжил традиции руководства своего предшественника. Его обер-офицер для поручений вспоминал: «Г[енерала] Сухомлинова резко отличали от других — его жизнерадостность, бодрость духа, приветливость, уравновешенность, — только в редких случаях он принимал суровый вид и резко выговаривал кому-либо из подчиненных; все знали в таких случаях, что произошло что-либо из ряда вон выходящее. Правда, бывали и такие случаи, когда г. Сухомлинов, заочно навинтившись против кого-нибудь, разносил прибывшего; но, если прибывший был прав и сумел это доказать, то г. Сухомлинов сбавлял тон, успокаивался и вскоре становилось ясным, что отношения к прибывшему оставались по-прежнему — хорошими. Вообще, вспылив по какому-либо отдельному случаю, г. Сухомлинов быстро овладевал собой и принимал вскоре свой обычно-уравновешенный тон»[4].

«Сухомлинов, — вспоминал служивший под его началом с 1900 по 1907 гг. А. С. Лукомский, — бесспорно, был чрезвычайно способным и даже талантливым офицером Генерального штаба»[5]. Его авторитет тогда стоял достаточно высоко — он был помощником командующего Киевского военного округа, ген. М. И. Драгомирова, также, кстати, присутствовавшего на Курских маневрах и относившегося к полководческим талантам Куропаткина скептически[6]. Сухомлинова же высоко ценил не только военный министр. Когда в августе 1903 г. Куропаткин стал отстаивать высокие качества Сухомлинова в разговоре с императором, тот ответил ему: «Кому вы это говорите? Я Сухомлинова знаю давно. Он мне читал лекции. Конечно, за ним останется та особая роль, которая ему предназначена на случай войны — быть начальником штаба главнокомандующего Южным фронтом»[7]. Когда в мае 1905 г. великий князь Николай Николаевич-мл. подал на высочайшее имя проект реорганизации армии, Николай II передал эти предложения на экспертизу нового командующего Киевским военным округом ген. В. А. Сухомлинова. Прежде всего они касались реформы управления вооруженными силами империи. Великий князь предлагал создать Совет государственной обороны с особыми полномочиями, создать независимый Генеральный штаб, предоставив его начальнику и инспекторам отдельных родов оружия право личного доклада императору. Военный министр должен был ведать хозяйственными вопросами и личным составом армии.

Разработка проекта этой реформы проводилась в секрете, и прежде всего от В. В. Сахарова, который случайно узнал, что в состав комиссии по ее разработке входит его подчиненный — ген. А. Ф. Редигер[8]. Естественно, военный министр протестовал. Кроме того, он в принципе был против подобных предложений. Су-

[4] ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 422. Ед.хр. 1. Л. 49.
[5] Лукомский А. С. Очерки из моей жизни // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 106.
[6] В. А[пушкин] Куропаткин. Из воспоминаний о русско-японской войне. СПб., 1906. С. 3.
[7] Дневник А. Н. Куропаткина. М., 1923. С. 89.
[8] Епанчин Н. А. На службе трех императоров. М., 1996. С. 334.

хомлинов выступил также против этого проекта. Служивший с февраля 1900 г. обер-офицером для поручений при штабе Киевского округа М. Д. Бонч-Бруевич вспоминал: «Он (т. е. Сухомлинов — *А. О.*) резко-критически относился к непродуманным новшествам, вводимым после русско-японской войны 1904—05 гг., "по опыту" этой войны, в военном искусстве, и умел найти в них слабое место, давшее основание относиться к ним с должной степенью недоверия»[9]. Николай II вначале согласился с доводами Сахарова и Сухомлинова, но все же победу одержала точка зрения Николая Николаевича-мл. 8(21) июня 1905 г. вышел высочайший указ о Совете государственной обороны (далее — СГО). Еще через две недели произошла перемена в Военном министерстве — Сахаров подал в отставку, а в начале декабря того же года он был убит в Саратове, куда был послан для усмирения крестьянских волнений. На его место был назначен А. Ф. Редигер[10]. Пост начальника Главного управления Генерального штаба занял, по словам одного из генштабистов, «прекрасный человек, большой работник, но слабый и елейный Палицын, годный на *вторые* роли, на *роль начальника штаба при сильном и волевом начальнике* (выд. авт. — *А. О.*)»[11]. Начальником Ф. Ф. Палицына был великий князь Николай Николаевич-младший.

Именно эта история положила начало противостоянию, а затем и вражде ген. Сухомлинова и Николая Николаевича-мл., сыгравшей самую печальную роль в истории последних лет русской армии. Сухомлинов после того, как была реализована модель, предложенная Николаем Николаевичем-мл., вовсе не изменил своего отрицательного отношения к ней[12]. Личные качества и того, и другого весьма способствовали тому, что конфликт между ними сразу приобрел весьма острый характер. «Иметь дело с Сухомлиновым было приятно: он всегда был внимателен, вежлив и ровен со всеми, — вспоминал А. С. Лукомский. — Бесспорно он был умным и образованным человеком. Он с полслова понимал суть дела и давал свои заключения или указания вполне определенно, кратко, ясно»[13]. Но командующий Киевским военным округом, по свидетельству другого офицера его штаба, обладал и другими, весьма опасными для генерала в его положении привычками: «Г[енерал] Сухомлинов обладал склонностью и способностью подмечать странные или смешные поступки и привычки сослуживцев; подметив что-либо такое, он остроумно выщучивал того, к кому это относилось; часто делал это весьма неосторожно. Затронутые шутками Сухомлинова, при случае, сочиняли в его адрес явно-нелепые обвинения. Сухомлинову была свойственна некоторая злопамятность [...] Будучи умным, развитым, тактичным, быстро схватывающим происходящее — В. А. Сухомлинов не переваривал, как он говорил, — *"дураков"* (выд. авт. — *А. О.*), то есть людей бестактных, делающих грубые ошибки в оценке ок-

[9] ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 422. Ед. хр. 1. Л. 50, 54.
[10] Дневники Николая II. С. 266, 289; Сухомлинов В. [А.] Воспоминания. Берлин, 1924. С. 154—155.
[11] Лукомский А. С. Очерки из моей жизни // ВИ. 2001. № 8. С. 84.
[12] Данилов Ю. Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 67.
[13] Лукомский А. С. Очерки из моей жизни // ВИ. 2001. № 5. С. 107.

ружающей обстановки и совершивших какие нибудь явно нелепые поступки. Получить у Сухомлинова звание "*дурака*" (выд. авт. — *А. О.*) — означало разнавсегда лишиться его доверия. Правда, в "дураках" состояли у Сухомлинова немногие, но к ним со стороны Сухомлинова было ровное, неизменное во всем отрицательное, я бы сказал, пристрастное, — отношение. В "дураки" попадали люди всяких рангов: от полного генерала — до младшего офицера»[14]. Критика по отношению к действиям старших начальников, безусловно, украшает командира. Сухомлинов действовал в традициях своего предшественника — М. И. Драгомирова. Нельзя не отметить, что враждебные отношения между великим князем и ген. Сухомлиновым начались именно в 1905 г.. Через три года после этого начался боснийский кризис, и генерал был призван исправлять недостатки предшественников на посту начальника ГУГШ.

Впрочем, осуществлять свою программу преобразований Сухомлинову пришлось самому. 23 февраля (8 марта) 1909 г. на заседании Государственной Думы А. И. Гучков выступил с критикой «вождей русской армии», ее высшего генералитета. Ничего особенного в этот день не ожидалось. Обсуждался доклад комиссии по государственной обороне по законопроекту Военного министерства «об отпуске средств на 1909 г. на расходы, необходимые на пополнение запасов и материальной части и на постройку для них помещений». Начав с анализа запросов военных, лидер октябристов подчеркнул тот факт, что Дума постоянно идет навстречу пожеланиям армии и никогда не отказывает ей в финансовых запросах. Более того, именно Дума зачастую выступает инициатором расширения военного бюджета. «Но как раз в тех областях военного дела, которые находятся вне пределов нашей власти и даже почти вне пределов нашей критики, — внезапно заявил он, — мы не можем считать, чтобы дело обстояло благополучно. Мы не видим там ни понимания великой ответственности, ни того духовного подъема, который должен явиться источником возрождения нашей армии. Возьмите, хотя бы, область высшего командования нашей армией, пробегите мысленно то кольцо пограничных военных округов, где люди, стоящие в мирное время во главе войск, предназначены быть в случае войны, командующими армиями, и я предлагаю вам начать с Приамурского края, перейти на Кавказ, захватить военный одесский округ, перескочить в Варшаву и закончить Вильной. Скажите мне: видите ли вы там тех людей, которые могут в мирное время воспитать нашу армию к тяжелому боевому испытанию, а в военное время повести наши войска к победе? Ведь относительно тех лиц, которым вверены эти военные округа, даже нет иллюзий, нет споров [...] Я убежден, что та сдержанность, то благоразумение, та умеренность, которые руководят нашей внешней политикой, диктуются, прежде всего, сознанием нашей военной неподготовленности. И пускай та внешняя политика будет ныне непопулярна, пускай она привлекает на себя ядовитые стрелы, но я думаю, что она правильна. Нельзя же, господа, навсегда подчиниться этому положению — рассматривать вопросы внешней политики исключительно под уг-

[14] ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 422. Ед. хр. 1. Л. 50, 53.

лом зрения своего военного бессилия. Ведь, наконец, если нашему терпению не придет конец, так ведь разрастутся аппетиты наших соседей»[15].

Интересно, что находившийся в прекрасных отношениях с военным министром Гучков не счел необходимым предупреждать его о содержании своего выступления. Министр финансов В. Н. Коковцов хотел резко ответить лидеру октябристов, но ответное слово взял Редигер. Получилось так, что он фактически поддакнул Гучкову. Военный министр оказался в чрезвычайно сложной ситуации, как он отмечал: «Помню, как там же, в заседании Думы, осознавал, что мой ответ не удовлетворит государя и вызовет негодование высшего командного персонала армии, но я иначе поступить не мог. Гучков был прав, указывая с тревогой на опасность, которой нам грозил плохой командный состав армии. Из-за него мы проиграли войну с Японией, и он же мог погубить нашу армию в новой войне. Во все время управления министерством я сам вел наиболее упорную борьбу именно по вопросу об обновлении верхов армии. Меня мало интересовал вопрос, имеет ли Дума по букве закона право касаться этого вопроса, но нравственное право ее для меня было вне сомнения, так как она вполне патриотично шла навстречу всем нуждам армии, не жалея на это средств, которые, однако, устраняли лишь сравнительно мелкие недостатки по сравнению с основным грехом армии — отсутствием хороших вождей. Я поэтому не мог заявить Думе (ни лично, ни устами Коковцова), что этот вопрос ее не касается, и что она не имеет права затрагивать его; отвечая же на этот вопрос по существу, я не мог говорить ничего иного, как правду. Я после того много раз вспоминал об этом инциденте и неизменно приходил к выводу, что иначе ответить не мог»[16].

Министр выступал дважды. В первый раз он скорее оправдывался, чем соглашался: «Необходимо, однако, оговориться, что при выборе на любую высшую должность приходится сообразоваться с тем материалом и теми кандидатами, которые в данную минуту имеются налицо и которые на эту высшую должность могут быть продвинуты. Существенного, крупного изменения состава высших начальствующих лиц, очевидно, можно достигнуть лишь постепенно, и, очевидно, нельзя с младших должностей прямо выдвигать на высшие. Необходимо сначала выяснить на промежуточных ступенях, насколько данное лицо в состоянии оправдать те надежды, которые на него возлагаются, и только тогда оно может сделать дальнейший шаг и быть выдвинуто вперед»[17]. Все эти рассуждения Редигера весьма показательны. Честный, безусловно искренний человек, он был продуктом милютинской системы — скорее бюрократом-управленцем, чем военным лидером. К 1909 г. он прослужил на различных административных должностях Военного министерства 25 лет. Придя в канцелярию министерства тридцатилетним полков-

[15] Государственная Дума. Третий созыв: Стенографические отчеты 1909 г. Сессия вторая. Ч. 2. СПб., 1909. С. 2326.

[16] Редигер А. [Ф.] История моей жизни: Воспоминания военного министра. М., 1999. Т. 2. С. 279.

[17] Государственная Дума. Третий созыв: Стенографические отчеты 1909 г. Сессия вторая. Ч. 2. СПб., 1909. С. 2336.

ником, он покинул ее, уже как министр, пятидесятилетним полным генералом. В службе Генерального штаба, по собственному признанию, абсолютно не разбирался [18]. Это был военный администратор. На армию он смотрел как на механизм, нуждающийся прежде всего в искусном распорядителе. Безусловно, проблема полководца была актуальна для русской армии этого периода, но боеспособность ее зависела не только от качества вождей. Редигер искренне был уверен в последнем, и знавший об этом Гучков получил возможность публичного подтверждения правоты партийной позиции со стороны члена императорского правительства.

Присутствовавший на заседании Поливанов отметил: «Военный министр отвечает на слова Гучкова о вождях; его слова возбуждают неудовольствие среди правых. Кончается овацией октябристов» [19]. Министр должен был указать Думе на превышение ее полномочий. Вместо него с протестом выступил черносотенец Марков-2-й. Осознавший свою ошибку Редигер вновь взял слово и попытался исправить ситуацию: «Я отнюдь не присоединяюсь к критике тех командующих войсками, о которых здесь было упомянуто. Я только заявлял Государственной Думе, что вопрос обновления и улучшения личного командного состава армии отнюдь не отложен Военным министерством и отнюдь нельзя сказать, чтобы оно не принимало его близко к сердцу, что Военное министерство этим делом занялось тотчас же по окончании войны; оно, однако, никому очков не втирает и не заявляет, что командный состав нашей армии в настоящее время является идеальным. Оно надеется этого идеала достигнуть, но оно достигнет его постепенно. Оно никому не заявляет, что теперь уже во главе нашей армии стоят вожди, лучше которых не бывает и не надо! Но оно твердо надеется, что русская армия таких вождей будет иметь, но она получит их постепенно» [20]. Последнее выступление министра закончилось и овацией, и скандалом. Гучков приветствовал «мужество признать известные недостатки», прерываемый с места Марковым-2-м, кричавшим «срам армии». Запрошенные армией средства были выделены [21]. Это было уже не первое столкновение думцев с правительством по военному вопросу. Через полторы недели, в начале марта, Николай II высказал А. Ф. Редигеру свое недоверие, тот вынужден был подать в отставку и 12(25) марта 1909 г. был заменен Сухомлиновым. Его назначение вызвало восторг среди октябристов и кадетов, которые считали генерала «своим». Интересно отметить, что в скандальной думской речи о «вождях армии» не были упомянуты лишь два пограничных военных округа — Киевский и Туркестанский. «На первых порах, — вспоминал Гучков, — я пытался продолжать с ним ту работу, которую вел с Редигером. Он нуждался в некоторой помощи Государственной Ду-

[18] Редигер А. [Ф.] Указ. соч. С. 230, 283.

[19] Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника, 1907—1916. Т. 1. М., 1924. С. 61.

[20] Государственная Дума. Третий созыв: Стенографические отчеты 1909 г. Сессия вторая. Ч. 2. СПб., 1909. С. 2340.

[21] Там же. С. 2341—2342.

мы»[22]. Начальником Генерального штаба был назначен ген. А. З. Мышлаевский, незадолго до этого сменивший Эверта на посту начальника Главного штаба. Существует еще один интересный аспект деятельности военного министра. Одной из задач создания СГО была координация действий различных ведомств в вопросах военной и внешней политики. После его упразднения военные вопросы обсуждались в рамках Совета министров, сначала в Особых совещаниях, а потом и на заседаниях правительства в полном составе. Сухомлинов был инициатором осуществления полномасштабной координации действий военных и дипломатов, когда после боснийского кризиса в октябре 1909 г. он обратился с соответствующим предложением к П. А. Столыпину[23].

По верному определению Н. В. Савича, III Дума, начав свою работу в тесном контакте с военным министром, закончила ее «в открытой войне» с ним. IV Дума сразу же пошла по стопам своей предшественницы[24]. Комиссия по государственной обороне получила новое название — «Комиссия по военным и морским делам». В нее вошли 44 депутата — в основном октябристы и думские националисты. Председателем стал П. Н. Балашов, руководивший и фракцией националистов, и умеренно-правых. Кадеты в нее опять не прошли. Это произошло даже в отсутствии не избранного в Думу Гучкова. После этого раздраженный Милюков заявил о том, что представители его партии войдут в комиссию вместе с представителями других фракций, или не войдут вообще[25]. В области военной и внешней политики многие думцы были настроены весьма решительно. В начале октября 1912 г. началась 1-я Балканская война, через месяц турецкая армия была уже разгромлена, общественные настроения быстро достигли накала высокой степени. 5(18) декабря 1912 г. в Думе выступал глава правительства. В. Н. Коковцов уделил русской политике на Балканах особое внимание: «Оставаясь спокойным среди нередко сгущавшихся вокруг него возбуждения и тревоги, правительство не подало никому основания заподозрить нас в своекорыстных замыслах или в желании обострить конфликты и руководствовалось всегда в своих действиях одною мыслью стоять на страже исторических своих задач и своего достоинства»[26]. Можно сказать, что правительство устами Коковцова стремилось успокоить представительный орган, убедить его в том, что ситуация боснийского кризиса более не повторится.

Реакция была бурной. Ее можно свести к формуле «мы хотим мира, но не боимся войны». Пожалуй, самым категоричным был граф В. А. Бобринский (националист): «Мы в 1912 году не менее миролюбивы, чем в 1908 году, но *мы мо-*

[22] Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной Думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 58; Поливанов А. А. Указ. соч. С. 63.

[23] История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С. 83.

[24] Савич Н. В. Воспоминания. СПб., 1993. С. 129.

[25] Государственная Дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты 1912—1913 гг. Сессия первая. Ч. 1. СПб., 1912. С. 385.

[26] Там же. С. 279.

жем теперь оградить достоинство России (курсив мой. — *А. О.*); мы можем вести нашу традиционную, нашу вековую политику защиты наших славянских братьев и православных единоверцев на Балканах. И не дай Бог, чтобы мы заговорили: мир во что бы то ни стало. Эта формула не только унизительна, — она чревата самыми опасными последствиями; она может вскружить голову некоторым и может, поэтому, довести нас до войны. Мы желаем, чтобы правительство сказало: мир, но не касайтесь нашего достоинства и святыни русского народа; чтобы правительство сказало: мир, но не попирайте законных прав наших братьев»[27]. Опасаясь агрессивных действий Австро-Венгрии против Сербии, Бобринский в общем довольно точно предсказал непосредственную реакцию на них в России: «Сразу забылась бы партийная рознь, всякое революционное движение сгинуло бы, и народ в великом порыве достигнул бы великих побед. Тогда, Бог знает, не вспомнили бы мы старый вопрос, нам русским, особенно близкий, вопрос, который находит себе разрешение только на Карпатах. Господа, я все это говорю без всякого воинственного задора; Боже упаси нас толкать на такую ужасную войну. Я говорю исключительно с целью предотвращения войны. Мы этой войны не хотим, она может быть только навязана печальной необходимостью. Войны мы не хотим, но ее не боимся»[28]. Ему вторил прогрессист И. Н. Ефремов: «Войны мы не желаем, но мы не можем потерпеть новых оскорблений нашего национального чувства»[29]. И даже Милюков, продолжая через неделю обсуждение речи Коковцова, полностью поддержал внешнеполитический курс правительства, хотя и не удержался от того, чтобы упрекнуть своих противников в политическом «трюизме» и в компиляции из недавней речи Пуанкаре[30]. Нельзя не заметить, что в 1912 г. и правительство, и значительная часть Думы чувствовали себя гораздо более уверенно.

Что же реально сделал военный министр в области подготовки армии к войне? Именно Сухомлинову армия была обязана разоружением укрепленных позиций в так называемом Передовом театре, т. е. польском треугольнике. «Но ни одно мероприятие военного ведомства, — справедливо отмечал в своих мемуарах, изданных в 1924 г., Ю. Н. Данилов, — не привлекло к себе столько внимания и не вызвало стольких обсуждений в печати и обществе, скажу больше — нападок, как вопрос о так называемом "упразднении" крепостей. В настоящее время, после опыта минувшей войны, возможно ожидать обратной критики, т. е. упрека в недостаточно смелом решении этого вопроса, но в то время вера в значение и силу крепостей для многих оставалась еще вне сомнений»[31]. При этом «упразднении» часть фортов Варшавы и Зегржа были взорваны. Это вызвало особо острую кри-

[27] Государственная Дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты 1912—1913 гг. Сессия первая. Ч. 1. СПб., 1912. С. 346.
[28] Там же. С. 348.
[29] Там же. С. 370.
[30] Там же. С. 611.
[31] Данилов Ю. Н. Россия в Мировой войне 1914—1915 гг. Берлин, 1924. С. 41.

тику со стороны военных инженеров. В Варшаве форты левого (западного) берега Вислы были построены из кирпича, в 80—90-е гг. XIX в. они прошли дополнительное укрепление бетоном. Это были устаревшие укрепления, которые стали в новых условиях, как выразился один из старших офицеров, «опереточными». На правом, восточном берегу Вислы форты были только бетонными. Однако именно они были направлены фронтом в сторону России, и, в случае оставления Варшавы, могли быть полезны только противнику. На уничтожении этих фортов настаивало ГУГШ. Взрывались фланкирующие рвы, а также корфы и капониры в промежутках в секторе левого берега[32]. В 1909 г. планировалось также взорвать форты упраздненной крепости Иваногород, но на производство взрывных работ потребовалось около 4 млн. рублей, и укрепления на четыре г. просто забросили. Когда в 1913 г. крепость была восстановлена, она находилась в жалком состоянии. Из бывших на ее вооружении к началу войны 8 тяжелых орудий стрелять смогли только 4[33]. На Ковенскую крепость, по свидетельству ее коменданта, подтвержденному на следствии по поводу ее падения, проведенному в сентябре 1915 г., «главное инженерное управление в мирное время отказывало в кредите даже на капитальную починку старых фортов»[34]. В результате новые форты не строились, старые постепенно приходили в негодность.

Споры о крепостях начались уже в начале века. Россия (32 дня) по-прежнему отставала тогда в сроках мобилизационной готовности от Германии (12 дней) и Австро-Венгрии (15 дней)[35]. По старым планам войны мобилизацию и развертывание русских армий должна была прикрывать система русских крепостей. Большое количество полностью кадрированных кавалерийских частей, расквартированных в приграничной полосе, в первые дни войны своими рейдами вглубь территории противника должны были максимально усложнить мобилизацию и сосредоточение противника, совершать диверсии на его железных дорогах и т. д. Кавалерийские части здесь были сведены в корпуса, их готовность к выступлению была доведена до шести часов с момента получения приказа. Это не было секретом для Германии, которая активно подготовилась к отражению такого удара. В 1911 г. от идеи кавалерийского рейда пришлось отказаться[36]. Еще в 1903 г. военный министр А. Н. Куропаткин отмечал, что крепости уже не смогут решить проблему отставания в сроках готовности или повлиять на ход кампании. Все, что могли сделать устаревшие в результате развития артиллерии укрепления, это притянуть на время от двух до трех корпусов противника. За уп-

[32] Gourko B. Memoires and impressions of war and revolution in Russia. 1914—1917 (Lnd., 1918), 14.; Dowbor Musnicki J. Moje wspomnenia (Warszawa, 1935), 107; Величко К. И. Русские крепости в связи с операциями полевых армий в мировую войну (Критико-стратегический очерк по архивным материалам и воспоминаниям). Л., 1926. С. 39; Данилов Ю. Н. Россия в Мировой войне... С. 46.

[33] Шварц А. В. Оборона Ивангорода в 1914—1915 гг. М., 1922. С. 9—11.

[34] Лемке М. К. 250 дней в Царской Ставке. Пг., 1920. С. 247.

[35] Зайончковский А. М. Подготовка России к мировой войне (планы войны). М., 1926. С. 41.

[36] Данилов Ю. Н. Великий князь... С. 60.

разделение крепостей высказывался и А. Ф. Редигер, преемник Куропаткина. В СГО за крепости постоянно высказывался лишь вел. кн. Петр Николаевич[37].

Опыт русско-японской войны не дал однозначного ответа на вопрос о том, насколько оправдала себя крепость Порт-Артур и оборонительные рубежи, создаваемые русской армией. Вильгельм Гренер писал: «Крепость, подобно сфинксу, губит того, кто не разгадает ее загадки. Притягательная сила крепостей, как известно, часто оказывает роковое воздействие на командование. Кто не помнит крепость Ульм в 1805 г. и генерала Макка, или крепость Мец в 1870 г. и маршала Базена? Но разве Наполеон или Мольтке атаковали эти крепости? Нет, они их обошли. Под Ульмом и Мецом австрийцы, как и французы продолжали сидеть в западнях»[38]. Очень близок в этом вопросе к Гренеру и сам Сухомлинов: «Перемышль, Львов, Новогеоргиевск, Ивангород, Брест, Ковно, Антверпен — в настоящую войну (т. е. в Первую мировую войну. — *А. О.*), — Порт-Артур в японскую, — Карс, Никополь, Рущук, Варна, Шумла, Адрианополь — в турецкую, — все эти крепости долговременного типа, выстроенные заранее и поглотившие огромные суммы, — назначения своего не выполнили. Возникшие же укрепленные позиции во время кампании, например, в 1877 г. под Плевной и под Верденом и Ковелем в текущую войну, — там, где они, по ходу операций могли принести пользу, — оказали громадное влияние на ход военных действий. А крепость Мец, в 1871 г., сыграла роль ловушки для армии Базена, который взошел под прикрытием фортов этого укрепленного лагеря и вынужден был положить оружие с падением крепости. Бывшую нашу крепость Варшаву, с ее жиденькими фортами, — ожидала та же участь. Одновременным наступлением неприятеля из восточной Пруссии и Галиции в тыл нашей оборонительной линии на Висле, всем вооруженным силам нашим на этом выдающемся плацдарме грозила неминуемая катастрофа, ибо к миллионному населению внутри Варшавской крепости присоединилась бы наверное и масса войск»[39].

Французы после русско-японской войны также окончательно пришли к выводу о превосходстве наступления над обороной. Это привело к переоценке роли крепостей и их постепенному разоружению. Маршал Жоффр вспоминал о предвоенном периоде: «Наши крепости также подверглись критике, потому что они требовали слишком много наших войск, и мы приступили к постепенной декласси фикации их большей части, переводя их во вторую и третью категорию наших укрепленных пунктов»[40]. К частичному разоружению своих оборонительных рубежей на Востоке приступили и австрийцы. И только германцы продолжали рассматривать крепость не как исключительно позицию для обороны, а как позицию для маневра и наступления, о чем в 1905 г. писал Альфред фон Шлиффен.

[37] Редигер А. Ф. Указ. соч. М., 1999. Т. 1. С. 535; Зайончковский А.М. Указ. соч. С. 71—72.

[38] Гренер В. Завещание Шлиффена: Оперативные исследования по истории мировой войны. М., 1937. С. 24.

[39] Сухомлинов В. [А.] Указ. соч. С. 173.

[40] The memoirs of Marshall Joffre (Lnd., 1932), vol. 1, 28.

К концу 1906 г. А. А. Поливановым по приказу Военного министра была завершена работа по выяснению потребностей армии. Выяснилось, что для снабжения ее всем необходимым, включая вооружение, казармы, запасы, а также для приведения крепостей в боевую готовность потребуется до 2 млрд. руб., не считая текущих расходов! При том, что на крепости выделялось не более 6 млн. руб. в год, решить эту проблему можно было только в течение 50 лет. В апреле 1907 г. в Совете Государственной обороны военный министр ген. А. Ф. Редигер поставил вопрос об упразднении устаревших крепостей в Варшавском военном округе, однако начальник Генерального штаба уклонился от обсуждения этой темы. В июле того же года по представлению Палицына Совет государственной обороны все же принимает решение об упразднении крепостей Либава, Усть-Двинск, Керчь и Очаков и о сокращении укреплений Свеаборга и Михайловской [41]. Таким образом, сокращались в основном приморские крепости — вопрос польского бастиона так и не был решен. Произошло нечто, вообще характерное для работы СГО. Проблема намечалась, определялись разногласия, решения вслед за этим не следовало.

Уже за несколько дней до своего назначения на пост Военного министра Сухомлинов принял решение об упразднении 9 крепостей, в том числе Ломжи, Новогеоргиевска, Зегржа, Варшавы и Ивангорода. «Я считал и считаю, — отмечал после войны ген. А. С. Лукомский, — что при бывшей обстановке другого решения Сухомлинов принять не мог. Ошибкой, как это впоследствии было признано, было решение упразднить Ивангород. Но фактически, если бы и не было решено его упразднить, то все равно привести его в современный вид ко времени мировой войны мы бы не могли» [42]. Сам Сухомлинов вспоминал: «Я лично был того мнения, что наша обстановка на западной границе такова, что мощному развитию артиллерии надо отдать предпочтение и воздержаться в вопросе о постройке постоянных крепостей. Эта отправная точка зрения была признана государем правильной и принята мною к руководству» [43]. Еще в январе 1909 г., почти сразу же после назначения Сухомлинова на пост начальника ГУГШ, ему был подан проект о расширении Висло-Наревского укрепленного района, составленный в Главном крепостном комитете, возглавляемом великим князем Петром Николаевичем. Его главным автором был инженер-генерал К. И. Величко. «Из прежней своей служебной деятельности, — вспоминал Данилов, — припоминаю пример нелепейшего проекта, составленного, если не ошибаюсь, в 1909 г., в стенах Инженерного Замка, под руководством крупного и лично очень одаренного военного инженера; последний предлагал покрыть всю территорию России густою сетью крепостей. Что нужды в том, что на одно поддержание этого лабиринта крепостей на высоте быстро развивающейся техники должен был, по всей вероятности, уходить весь ежегодный бюджет Российской империи и что всей русской армии едва ли

[41] Поливанов А. А. Указ. соч. С. 24; Редигер А. [Ф.] Указ. соч. М., 1999. Т. 2. С. 73, 175.
[42] Лукомский А. С. Очерки из моей жизни // ВИ. 2001. № 8. С. 87.
[43] Сухомлинов В. [А.] Указ. соч. С. 172.

хватило бы для заселения этих крепостей гарнизонами»[44]. Данилов преувеличивал, но немного. На 300 страницах доклада Величко излагался план крепостного строительства, рассчитанного на 30—50 лет. 29 января 1909 г. Сухомлинов отверг этот проект как «фантастический». Особенно интересна резолюция начальника ГУГШ по вопросу о предлагаемых сроках выполнения проекта. Он считал, что за это время «в самих крепостях уже не явится более надобности — война будет перенесена в воздух и участь сражений и судьбы народов будут решать мощные воздушные флоты дирижаблей и аэропланов»[45]. Сухомлинов предложил представить план фортификационных работ, рассчитанный на 5 лет. Можно только удивляться не только его безусловно верной позиции, но и дару предвидения (через 30 лет, уже в ходе боев 1939—40 гг. на Восточном и Западном фронтах, судьбы сражений во многом решала авиация, но никак не крепости — устаревшие польские или вполне современные французские, бельгийские и голландские). Принципиально верной была и другая мысль начальника ГУГШ, высказанная по поводу проекта крепостного комитета: «Вопрос об инженерной подготовке должен быть разрешен в зависимости от основной идеи всего плана войны»[46]. Напомню, что в 1909 г. такового фактически еще не было. Решение Сухомлинова было в принципе поддержано и А.Ф. Редигером, считавшим, что армию необходимо собрать в кулак, а упомянутые крепости безнадежно устарели. 31 января 1909 г. военный министр доложил о совместной позиции его и начальника ГУГШ Николаю II. Она получила поддержку императора[47]. Эта позиция соответствовала взглядам потенциальных противников и союзников России.

Экономить на крепостях, чтобы увеличить боевую мощь армии и прежде всего за счет дорогостоящей мобильной тяжелой артиллерии и полевых мортир — таковы были и планы французского Военного министерства в 1911 г.[48] Идеолог теории наступления начальник 3-го (оперативного) бюро французского Генерального штаба полковник Гранмезон заявлял: «Меры обеспечения, применяемые во Франции [...] настолько же бесполезны, как и опасны»[49]. В немалой степени этому способствовало и то, что французский Генеральный штаб серьезно недооценил силу германской армии, считая в ее составе 22 корпуса вместо 34. Военное министерство Франции добилось значительного увеличения военных бюджетов в 1912 и 1913 г., в 1913 г. призывной возраст был понижен с 21 до 20 лет, что дало прирост количества новобранцев к осени 1913 г. с 250 тыс. до 445 тыс. человек[50]. Третья республика готовилась наступать. С 1911 г. доктрина Гранмезона стано-

[44] Данилов Ю.Н. Россия в Мировой войне... С. 41.
[45] Величко К.И. Указ. соч. С. 34.
[46] Там же. С. 33.
[47] Поливанов А.А. Указ. соч. С. 62; Величко К.И. Указ. соч. С. 34.
[48] Joffre J. Op.cit., 9.
[49] Цит по: Строков А.А. Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. М., 1974. С. 85.
[50] Куль Г. Германский генеральный штаб. Его роль в подготовке и ведении мировой войны. М., 1922. С. 9, 11—12.

вится официальной военной доктриной Франции, что нашло свое отражение и во французском уставе 1914 г. Она активно реализовывалась на практике — перед войной во французской армии на 4 тыс. полевых 75-мм орудий было только 300 тяжелых орудий на конной упряжке, да и те появились на вооружении в 1912—1913 гг. Остальная тяжелая артиллерия относилась к классу крепостной и не могла быть использована в мобильной войне[51].

Таким образом, саму постановку вопроса о разоружении крепостей в России нельзя рассматривать как исключительно инициативу Сухомлинова или чисто русскую меру. Он просто решился сделать то, о чем говорили все его предшественники, начиная с 1900 г., хотя никто не взял на себя ответственность волевого решения за принятие этих мер. В крепостном вопросе процессы в отечественном военном строительстве вполне соответствовали аналогичным мероприятиям во всех европейских армиях, за исключением Германии. Сразу же по назначению новый военный министр столкнулся с целым рядом проблем, стоявших на пути планируемых им реформ. На пополнение материальной части армии и заведение гаубиц, пулеметов, автомобилей и воздушных кораблей требовалось 182 млн. руб., на крепости — 458 млн. руб., на тяжелую артиллерию — 81 млн. руб, на стратегические шоссе 114 млн. руб., а всего 835 млн. руб. Только на планируемое переоформление пеших батарей из 8-ми в 6-орудийные требовалось 10 млн. руб. ежегодно. В это же время на модернизацию Ивангорода, Варшавы и Новогеоргиевска пришлось бы потратить 1 млрд. руб., из них на Новогеоргиевск требовалось всего 100 млн. руб.[52] На вооружении русских крепостей перед началом войны состояли орудия 34 различных образцов, часть которых безусловно устарела[53]. Сторонники программы модернизации хотели получить для крепостной артиллерии 5 тыс. новых тяжелых орудий (на 700 млн. руб.), при этом тяжелая полевая артиллерия увеличивалась бы только на 500 стволов (на 112 млн. руб.). Правда, это предусматривало бы ее увеличение в 3 раза, после чего русская полевая тяжелая артиллерия превосходила бы германскую, в составе которой было только 575 тяжелых пушек, орудий и гаубиц. Такое отношение к этому роду оружия было не случайным — перед войной предполагалась возможность его участия в основном при осаде крепостей. Эта задача не могла стать главной в русском планировании. Тем не менее, модернизация крепостей лишала бы армию надежды на увеличение парка подвижной артиллерии. Кроме того, она потребовала бы затрат больших, чем вся программа реформирования армии и почти столько же, сколько должен был получить Черноморский флот в следующие шесть лет[54].

Если принять образ Вильгельма Гренера (крепость — сфинкс), то Сухомлинову, на мой взгляд, не удалось разгадать «загадку сфинкса». На отношение минист-

[51] Пуанкаре Р. На службе Франции: Воспоминания за девять лет. М., 1936. Кн. 1. С. 4.
[52] Сухомлинов В. [А.] Указ. соч. С. 172—173.
[53] Барсуков Е. З. Русская артиллерия в Мировую войну 1914—1918 гг. М., 1938. Т. 1. С. 48.
[54] Stone N. The Eastern front 1914—1917 (Lnd., 1998), 31, 38.

ра к крепостям, кроме того, повлияла и мощная оппозиция. Ген. м. Буйницкий, профессор Академии, читавший курс фортификации, предлагал модернизировать существовавшие крепости на западных границах, добавив к ним новые в Ровно, Гродно и Проскурове (ныне Хмельницкий). В принципе это было заимствованием французской системы укреплений на германской границе, линии Бельфор-Эпиналь-Туль-Верден, основы будущей линии Мажино. Буйницкий изложил свои предложения Сухомлинову[55]. Однако насколько применим был этот опыт к России? Ее граница с Германией и Австро-Венгрией (1840 км, из которых 1200 приходилось на Польский выступ[56]) в несколько раз превосходила по протяженности франко-германскую (менее 500 км), русские финансы не позволяли одновременно готовить армию к мобильной войне и проводить столь масштабное строительство. В наиболее удачном для страны 1913 г. все государственные расходы составили 3094,2 млн. руб. (при доходе в 3417,6 млн. руб.), причем доля Военного и Морского министерств была самой значительной — 825,9 млн. руб. (26,7%). Для сравнения: на эксплуатацию железных дорог было потрачено 586,9 млн. руб. (19%), на платежи по займам — 424,4 млн. руб. (13,7%), на расходы по винной монополии — 235 млн. руб. (7,6%), и на все остальные расходы 1022 млн. руб. (33%). Из чрезвычайных расходов 288,7 млн. руб. на нужды армии и флота было ассигновано 127,3 млн. руб., а на постройку железных дорог — 133,8 млн. руб.[57] Имперский бюджет был уже до предела милитаризован. С 1907 по 1912 гг. военно-морские расходы выросли с 447 до 700 млн. руб., т.е. на 56%. В то же время на нужды армии было потрачено 3,178 млрд. руб., а с учетом затрат 1913 г. — почти 4 млрд. руб.[58] Программа модернизации крепостей стоимостью в 1 млрд. руб. (то есть четверть суммы, потраченной за 7 лет), и, следовательно, длительный период обороны в начале войны были в прямом и переносном смысле непозволительной роскошью для русской армии.

Работа нового военного министра и началась, и велась в весьма непростой внешне- и внутриполитической обстановке. Особую роль в отношении к Сухомлинову и к его реформам сыграла печально известная статья «Россия хочет мира, но готова к войне», опубликованная в вечернем выпуске «Биржевых Ведомостей» 27 февраля (12 марта) 1914 г., где говорилось о том, что негативные последствия русско-японской войны полностью преодолены и в будущей войне русская армия не будет испытывать ни в чем недостатка. Сверхкритическое ее прочтение летом 1915 г. оказало огромное влияние на оценки и личности Сухомлинова, и усилий его ведомства по подготовке к войне. Можно без преувеличений сказать, что оно заложило многолетнюю традицию, во всяком случае, для отечественной литературы. Эту ма-

[55] Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1982. С. 143.

[56] Зайончковский А. М. Указ. соч. С. 12.

[57] Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914—1917). М., 1960. С. 43, 45.

[58] Государственная Дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты 1914 г. Сессия вторая. Ч. 5. СПб., 1914. С. 190, 194.

ленькую публикацию на четырех небольших газетных столбцах уместнее было бы назвать заметкой:

«Россия хочет мира, но готова к войне.

Мы получили из безупречного источника сведения, не оставляющие сомнений, что *Россия*, по воле своего Верховного Вождя поднявшая боевую мощь армии, *не думает о войне, но готова ко всяким случайностям.*

С гордостью мы можем сказать, что для России прошли времена угроз извне. России не страшны никакие окрики. Русское общественное мнение, с благоразумным спокойствием отнесшееся к поднятому за последние дни заграницей воинственному шуму, было право: у нас нет причин волноваться!

Россия готова!

За последние пять лет в печати всего мира время от времени появлялись отрывочные сведения о различного рода мероприятиях военного ведомства в отношении боевой подготовки войск. И мы не сообщаем здесь ничего нового и неизвестного. В полном сознании великодержавной мощи нашей родины, так нелепо оскорбляемой зарубежной печатью, *мы только группируем главнейшее из сделанного по указаниям Монарха за это время.*

Всем известно, что на случай войны *наш план обыкновенно носил оборонительный характер.* За границей, однако, теперь знают, что *идея обороны отложена и русская армия будет активной.*

Не составляет также секрета, что *упраздняется целый ряд крепостей, служивших базой по прежним планам войны, но зато существуют оборонительные линии с весьма серьезным фортификационным значением.*

Оставшиеся крепости у России есть полная возможность усилить и довести их оборонительные средства до высшего предела. Некоторые крепости сохранены только для обеспечения известных стратегических и тактических пунктов Западного края.

Офицерский состав армии значительно возрос и стал однородным по образовательному цензу, весьма поднятому сравнительно с прежним. Нынешний офицер получает не только военные знания, но и военное воспитание. Законопроект о прапорщиках запаса решает вопрос о качестве запасных офицеров. Прапорщики запаса на практике исполняют обязанности и нижнего чина, и младшего офицера.

Русская полевая артиллерия снабжена прекрасными орудиями, не только не уступающими образцовым французским и немецким орудиям, но во многих отношениях их превосходящими.

Осадная артиллерия сорганизована иначе, чем прежде, *и имеется при каждой крупной боевой единице.*

Наша береговая и крепостная артиллерии снабжены орудиями гораздо *более совершенными, чем во многих государствах Западной Европы.*

Уроки прошлого не прошли даром. В будущих боях русской артиллерии никогда не придется жаловаться на недостаток снарядов. *Артиллерия снабжена, и большим комплектом, и обеспечена правильно организованным подвозом снарядов.*

Техника военного инженерного дела за последнее время сильно развилась, и кто же не знает, что *военно-автомобильная часть поставлена в России весьма высоко. Военный телеграф стал достоянием всех родов оружия. У самой маленькой части есть телефонная связь. Русская армия в изобилии снабжена прожектора-*

ми. Офицеры и солдаты показали себя мастерами в железнодорожном деле и могут обойтись без помощи обычного железнодорожного персонала.

Не забыто и воздухоплавание. *В русской армии*, как и в большинстве европейских, *наибольшее значение придается аэропланам*, а не дирижаблям, требующим весьма многого в военное время. Тип аэропланов еще окончательно не решен, но *кто же не знает о великолепных результатах аппаратов Сикорского, этих воздушных дредноутов нашей армии*. Это именно дредноуты, а не маленькие разведчики.

Русская армия, — мы имеем право на это надеяться, — *явится*, если бы обстоятельства к этому привели, *не только огромной, но и хорошо обученной, хорошо вооруженной*, снабженной всем, что дала новая техника военного дела.

Русская армия, бывшая всегда победоносной, воевавшая обыкновенно на неприятельской территории, *совершенно забудет понятие "оборона"*, которое так упорно прививали ей в течение предпоследнего периода нашей государственной жизни. *Русская армия, уже в мирное время выросшая на одну треть*, состоящая из полков однородного состава, с улучшенным корпусом офицеров и нижних чинов, *является первой в мире и по количественному отношению состава кавалерии, и с пополненной материальной частью.*

Русскому общественному мнению важно сознание, что *наша родина готова ко всяким случайностям, но готова исключительно во имя желания мира, который провозвестил Монарх — великодушный инициатор гаагской конференции.*

Конечно, если какая-нибудь держава питает агрессивные замыслы против России, то наша боевая мощь ей неприятна, *ибо никто уже не может теперь питать вожделений о какой бы то ни было части русской земли.*

"Si vis pacem — para bellum". "Если хочешь мира, — готовься к войне".

Россия, в полном единении со своим Верховным Вождем, хочет мира, но она готова (везде курсив автора статьи. — *А. О.*)*!..*»[59]

Германский посол в России граф Фридрих Пурталес назвал эту публикацию фанфаронадой, приуроченной к пятилетию пребывания Сухомлинова на посту Военного министра. Сам он объяснял появление этой статьи, одобренной императором, необходимостью поднять авторитет России: «Все дело здесь заключалось в жесте, в легком "холодном душе", сказал бы князь Бисмарк, чтобы отрезвить алармистов по ту сторону границы»[60]. Нет смысла анализировать соответствие пропагандистской акции реалиям военной реформы, ибо то и другое находится в разных плоскостях и политики, и истории. Более правомерным мне кажется вопрос, насколько оправдала себя эта пропагандистская акция. Поливанов вспоминает: «В конце 1913 года военные приготовления Германии сделались весьма заметными, а тон немецкой печати возрастал в своей воинственности»[61]. «Россия хочет мира, но готова к войне» производит впечатление поспешного ответа, и, судя по всему, она была все же связана с другими публикациями.

В конце 1913 — начале 1914 гг. в прессе союзной Франции появились статьи о военной слабости России, медлительности ее мобилизации и т.п. Приме-

[59] Биржевые Ведомости. Вечерний Выпуск. № 14027. Четверг, 27 февраля (12 марта) 1914 г. С. 1.
[60] Сухомлинов В. [А.] Указ. соч. С. 299; Данилов Ю. Н. Великий князь... С. 91.
[61] Поливанов А. А. Указ. соч. С. 145.

ром такого рода французской журналистики может послужить статья «Si la guerre éclarait demain? Il y a la Russie!», опубликованная 23 декабря 1913 г. в «Correspondant». Совпадая с проведением очередной подписки на так называемый «русский займ», они существенно влияли на курс русских бумаг, да и на отношение к России. Русское посольство и атташат активно следили за происходящим. 9(22) января 1914 г. военный агент полковник граф А. А. Игнатьев докладывал генерал-квартирмейстеру ГУГШ ген. Ю. Н. Данилову: «Вашему превосходительству небезызвестно, что одним из главных устоев нашего союза является глубокая и слепая вера французского народа в нашу военную мощь и нашу готовность использовать эту мощь в тот день, когда существование Франции будет поставлено на карту»[62]. За двадцать лет, прошедших со времени заключения договора, изменилось многое. «Это были годы перед заключением франко-русского союза, — вспоминал о настроениях французского общества в 90-е гг. XIX в. В. А. Маклаков, — когда популярность России за границей росла с каждым днем. России не знали, но в ее силу так верили, что союз с ней казался спасением»[63]. За эти годы Россию начали узнавать, после революции 1905—07 гг. она во многом утратила популярность, поражение в русско-японской войне убавило убежденность в безграничности ее силы, но тем не менее вера в русскую армию оставалась действенным элементом союза и кредита правительства на французском рынке ценных бумаг. Теперь эта вера ставилась под вопрос. Во всяком случае — частью общественного мнения Республики. Ее военные не были столь пессимистичны. При встрече с Игнатьевым генерал Ж. Жоффр счел необходимым высказать свое отношение к подобного рода публикациям и к реформам, идущим в русской армии: «У нас не представляют себе, какая огромная работа идет в настоящее время в вашей армии»[64]. В защиту России (и «русского займа») выступил орган финансистов «Débats». Игнатьев счел необходимым передать пожелание русского посла во Франции — А. Извольского — дать отпор «Corresponadant» в «некоторых серьезных органах нашей прессы»[65]. Вслед за союзниками вскоре выступили и противники.

Помощник управляющего делами Совета министров А. Н. Яхонтов вспоминал, что в правительстве обращали внимание на рост воинственных заявлений в германской и австрийской прессе: «Некоторыми немецкими журналистами и писателями настойчиво проводилась мысль о необходимости войны, дабы остановить поступательное развитие мощи России»[66]. 9 марта 1914 г. в газете «Вег-

[62] Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств, 1878—1917 гг. (Далее — МОЭИ) Сер. III. 1914—1917 гг. М.-Л., 1931. Т. 1. С. 83.

[63] Маклаков В. А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 131.

[64] МОЭИ. Сер. III. 1914—1917 гг. М.-Л., 1931. Т. 1. С. 88.

[65] Там же. С. 85.

[66] Яхонтов А. Первый год войны (июль 1914 — июль 1915 г.): Записи, заметки, материалы и воспоминания бывшего помощника управляющего делами Совета министров // Русское прошлое. Спб., 1996. № 7. С. 253.

liner Tageblatt» была опубликована статья «Русский сосед». Она была посвящена проблеме русской угрозы Австро-Венгрии. Даже британский посол в Германии счел необходимым обратить внимание своего министра на данную публикацию. Утверждения действительно этой статьи достойны упоминания: «Если какая-либо из европейских Великих Держав нуждается в поддержке мирных тенденций, то это Австро-Венгрия. В каком бы направлении эта монархия не захотела бы направить свою армию, ее противник всегда найдет расовую поддержку и симпатию внутри ее собственных приграничных районов. Армия является самым сильным связующим элементом Империи и важнейшей поддержкой династии, и события нескольких последних лет убедительно доказали, что армия будет призвана для защиты империи только в наиболее исключительных случаях»[67]. Далее следовала цитата из князя Бисмарка, что, хотя превентивная война является самоубийством, совершенным из боязни смерти, но обстоятельства таковы, что цивилизованной Европе необходимо сделать выбор между вооруженной до зубов Россией, готовой в любой момент нанести «Coup de Grâce» Дунайской монархии, и союзом, объединившим это государство с Германией. Статья заканчивалась весьма символично: «В Вене и Будапеште многие пришли к выводу, что ужасный конец лучше бесконечного ужаса»[68].

Подобные заявления появлялись отнюдь не только в одной германской газете. Правительство не проявляло желания сдерживать русофобскую кампанию[69]. Впрочем, смысл этой кампании был достаточно очевиден. 31 мая (13 июня) 1914 г. в Государственной Думе прозвучала весьма примечательная речь Б.А. Энгельгардта. Шумиха в германской и австро-венгерской прессе, заявил он, была необходима этим государствам для оправдания собственных военных расходов. Действительно, штатный состав германской армии увеличился в 1911 г. на 10 тыс. чел., в 1912 г. — на 29 тыс. чел., и в 1913 г. — на 117 тыс. чел., всего на 30%. Законы, принятые в Австро-Венгрии с 1912 по 1913 г., увеличивали контингент армии в мирное время на 210 тыс. чел., т. е. на 64%. На фоне этого увеличение контингента новобранцев русской армии в 1914 г. на 114 тыс. чел., т. е. на 30%, явно не выглядело угрозой Берлину и Вене[70]. «Я полагаю, — сказал Энгельгардт, — что нам нечего обращать внимание на шумиху иностранной печати и на решение Штутгартского съезда (всенемецкий съезд, принявший резолюцию о том, что после окончания Балканских войн возросла угроза войны ввиду подготовки России к нападению на Германию и Австро-Венгрию. — *А. О.*). Нечего нам прислушиваться к успокоительным заверениям дипломатов, успокоительные речи ничего не стоят. Вооружение стоит весьма дорого и, очевидно, надо считаться не с успокоительными речами, а с дорого стоящим вооружением. Глядя на вооружение Герма-

[67] Public Records office. Foreingn office (PRO FO). 371. Russia files 19035—19228, (1914), 34.
[68] Ibid., 37.
[69] МОЭИ. Сер. III. 1914—1917 гг. М.-Л., 1931. Т. 1. С. 504.
[70] Государственная Дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты 1914 г. Сессия вторая. Ч. 5. СПб., 1914. С. 192—193.

нии и Австрии нам приходится сознать, что и нам необходимо вооружаться. Для того, чтобы играть ту роль, которая принадлежит России по праву, она должна иметь армию сильную, и, точнее, армию сильнейшую, чем у ее соседей, сильнейшую не только численно, но и качественно»[71].

Такова была думская реакция на воинственные настроения в Германии, и, по словам германской прессы, в столицах ее союзницы. Этим заверениям можно было верить. 25 февраля(10 марта) 1914 г. русский генеральный консул в Будапеште докладывал поверенному в делах в Вене А. Н. Кудашеву: «Газеты, субсидируемые министерством иностранных дел, вновь начали всячески убеждать своих читателей в агрессивности политики России, приводя в доказательство как те меры, которые действительно принимаются у нас для естественного развития нашей боевой мощи, так и те, которые, по-видимому, измыслены самими газетами. Замечательно, что совершенно в том же духе, хотя и не называя прямо России, решился выступить и венгерский военный министр, защищая новые военные законопроекты перед палатой магнатов 13(27) февраля. Ближайшая цель этой кампании ясна — убедить венгерское общественное мнение в необходимости тех тяжелых жертв людьми и деньгами, которые будут возложены на народы монархии с принятием упомянутых законопроектов [...] Отсюда — стремление сделать войну с Россией и популярной, и желательной, и притом в ближайшее время»[72]. Один из австрийских военных писателей этого периода, творивший под весьма ярким псевдонимом «Кассандер», обращался к своим читателям: «Вооружайтесь, вооружайтесь. Вооружайтесь для решительного боя. Балканы мы должны приобресть. Нет другого средства для того, чтобы остаться великой державой. Для нас дело идет о существовании государства, об избежании экономического краха, который, несомненно, повлечет за собой распадение монархии. Для нас дело идет о том, быть или не быть. Наше тяжкое экономическое положение может быть улучшено только тогда, когда мы приобретем Балканы, как исключительную, нам принадлежащую колонию, для сбыта нашего промышленного производства, вывоза излишка населения и нашего духовного перепроизводства. Вооружайтесь, вооружайтесь. Приносите деньги лопатами и шапками, отдавайте последний грош, сплавляйте кубки и серебро, отдавайте золото и драгоценные камни на железо. Предоставляйте ваши последние силы на вооружение неслыханное, какого еще свет не видел, ибо дело идет о последнем решительном бое великой монархии. Дайте ружье в руки отрока и вооружайте старца. Вооружайтесь беспрестанно и лихорадочно, вооружайтесь днем и ночью, чтобы быть готовыми, когда настанет день решения. Иначе дни Австрии сочтены»[73]. Русскому генеральному консулу в Венгрии буквально вторил посол в Великобритании. Еще не зная о появлении сухомлиновской статьи, граф А. К. Бенкендорф обращался к Сазонову 28 февраля(13 марта): «Это запугивание вой-

[71] Там же. С. 194.
[72] Там же. С. 543.
[73] Котляревский С. А. Австро-Венгрия в годы Мировой войны. М., 1922. С. 7.

ной, производимое германской прессой — отвратительный и неприятный, если только не опасный симптом. Лишь бы только русская пресса задерживалась на этом не слишком долго; необходимо дать решительный ответ в течение одного или двух дней. Хочется думать, что так это и будет»[74].

Так оно и было. Однако статья, инспирированная Сухомлиновым, по сути дела скорее укладывалась в русло германской пропаганды, чем осаживала ее русофобию. Не случайно «Local anzeiger» перепечатала ее под названием «Россия готова; Франция также должна быть готова». Не смотря на то, что даже в немецком варианте осталось заявление о том, что ни Петербург, ни Париж не желают войны, реакция германских политических кругов была очень острой[75]. Тем не менее, уже 28 февраля (13 марта) заместитель статс-секретаря Готлиб фон Ягов встретился с русским послом в Германии С.Н. Свербеевым и заявил, что германское правительство не поддерживает алармистские настроения своей прессы. В тот же день «Norddeutche Allgemeine Zeitung» опубликовала заметку, соответствующую заявлениям Ягова. Германия, сообщала газета, не имеет оснований для беспокойства[76]. Беспокойство все же демонстрировалось. Министра иностранных дел Великобритании для разговора по поводу сухомлиновской статьи даже посетил германский посол князь Лихновский. Эдуард Грей попытался успокоить его, заявив, что не надо придавать особого значения публикациям газет вроде «Нового Времени», где, кстати вскоре появилась и статья острой антианглийской направленности. Грей, судя по его собственным словам, не обратил на нее внимания[77]. Удивительно, Лихновский вел себя так, как будто бы вечернему выпуску «Биржевых Ведомостей» от 12 марта ничего не предшествовало.

Видный австрийский дипломат граф Оттокар Чернин незадолго до войны встретился в столице Турции с послом Австро-Венгрии маркизом Яношем Палавиччини. Этот представитель старой школы австрийского МИДа, много лет проработавший на Востоке, высказал свои опасения по поводу приближавшейся европейской войны. Для того, чтобы избежать катастрофы, Австро-Венгрия, по его мнению, должна была отказаться от своей политики на Балканах, и особенно в духе барона Эренталя. Эта жертва могла предотвратить конфликт с Россией. Чернин передал содержание своего разговора с Палавиччини наследнику престола. На Франца-Фердинанда эти слова произвели «сильное впечатление» и он обещал поговорить по этому поводу с императором[78]. Безусловно, часть австро-венгерского политического руководства опасалась войны, но такие люди, безусловно, были в меньшинстве. Пропагандистская вспышка идей превентивной войны в германо-австрийской печати была далеко не безобидной и не случайной, ибо к этому времени уже было принято решение о военной провокации

[74] МОЭИ. Сер. III. 1914—1917 гг. М.-Л., 1931. Т. 1. С. 587.
[75] Grey of Fallodon Ed. Op.cit., 284.
[76] МОЭИ. Сер. III. 1914—1917 гг. М.-Л., 1931. Т. 1. С. 589.
[77] Grey of Fallodon Ed. Op. cit., 293, 295.
[78] Котляревский С. А. Указ. соч. С. 7.

против Сербии. 1(14) марта 1914 г., т. е. через два дня после опубликования сухомлиновской статьи, русский генеральный консул в Будапеште сообщал в МИД: «Узнаю из секретного источника: на 26 июня назначены четырехнедельные маневры. Запасные офицеры уже получили повестки. Место сбора не указано. Вероятно, маневры будут на юге Венгрии и в Боснии по сербской границе, примут участие четыре корпуса: Рагузский, Загребский, Темешварский и Надь-Себенский в присутствии наследника»[79]. Следует напомнить, что 4 армейских корпуса составляли четверть австро-венгерской армии (16 армейских корпусов) и ровно столько, сколько планировалось выделить на Minimal Gruppe Balkan, предназначенной для разгрома Сербии. Очевидно, что заявления «Berliner Tageblatt» о настроениях в Вене и Будапеште были не столь уж и безобидны. В начале мая в столице Транслейтании были проведены совещания по внешней политике. Наиболее резко выступали против России люди из окружения наследника престола. 6(19) мая 1914 г. русский посол в Австро-Венгрии Шебеко писал С.Д. Сазонову: «Вышеозначенные выступления приверженцев эрцгерцога Франца-Фердинанда вместе с целым рядом статей, направленных против России и ее агрессивных, будто бы, мероприятий, появившихся в последнее время в «Reichpost», которая является органом наследника престола, может служить некоторым показателем того настроения, которое господствует в Бельведере и окружающих его военных и клерикальных кругах»[80].

Гораздо лучше положения статьи в вечернем номере «Биржевых Ведомостей» были восприняты во Франции. Последнее естественно. В предвоенный период французы, особенно опасавшиеся Германии, постоянно настаивали на усилении русской армии на условном Берлинском направлении. Так, еще 8(21) апреля 1906 г. в Париже состоялось совещание начальников генеральных штабов русской и французской армий. Французская сторона была обеспокоена состоянием русской военной машины и ее способности перейти в наступление. Генерал Ф.Ф. Палицын был вынужден признать германскую армию главным объектом будущей борьбы, согласиться на изменение военной конвенции в том смысле, что только мобилизация рейхсвера вызовет немедленную мобилизацию России и Франции без предварительного согласования. Соответствующие обязательства относительно Австро-Венгрии и Италии отменялись. Кроме того, Палицын заверил французов, что с апреля 1907 г. русская армия полностью восстановится как боеспособный механизм[81]. Последние данные русского генерала были, мягко говоря, несколько преувеличены. Французов легко было понять. Они катастрофически отставали от великого соседа во всех отношениях. Возьмем для примера население двух стран. С 1869 г. население Франции практически не выросло: 1869 г. — 38,4 млн., 1896 г. — 38,25 млн., 1906 г. — 39,25 млн., 1913 г. — 39,7 млн. чел. В это же время Германия более чем вдвое увеличила свое народонасе-

[79] МОЭИ. Сер. III. 1914—1917 гг. М.-Л., 1933. Т. 2. (14 марта — 13 мая 1914 г.) С. 11.
[80] МОЭИ. Сер. III. 1914—1917 гг. М.-Л., 1933. Т. 3. (14 мая — 27 июня 1914 г.). С. 39.
[81] Зайончковский А.М. Указ. соч. С. 118—120.

ление: 1871 г. — 41 млн., 1896 г. — 52,25 млн., 1910 г. — 64,5 млн., 1913 г. — 66,9 млн. чел.[82] Для того чтобы достичь равенства в численности армии, французы увеличивали срок действительной службы в армии и пребывания в резерве. В начале XX в. 41% взрослого мужского населения республики было охвачено различными видами военной подготовки (по сравнению с 36% в Германии)[83]. Немцы прекрасно осознавали эту слабость западного соседа. В 1913 г. в своей секретной записке Э. Людендорф, тогда еще полковник, служивший в Большом Генеральном штабе, писал: «Французы могут вооружаться сколько захотят, но они не могут со дня на день увеличить народонаселение Франции. Употребление черной армии на Европейском театре останется надолго мечтой, впрочем лишенной красоты»[84]. Даже союзные отношения с Англией не давали французским военным чувства уверенности.

28 июля 1911 г. на пост начальника Генерального штаба Франции был назначен 59-летний генерал Жозеф Жак Сезар Жоффр. Это назначение было своеобразной реакцией на Марокканский кризис. В сентябре 1912 г., накануне Балканских войн, Жоффр по приказу президента Р. Пуанкаре провел анализ сложившейся ситуации в Европе. Еще ранее, в 1911 г., Жоффр был уверен, что основной удар рейхсвера обрушится на Францию, и что единственным выходом из ситуации будет немедленный переход русских армий в энергичное наступление против Германии. Жоффр считал возможным наступление немцев через Бельгию, но при этом он был категорически против упреждающего удара в этом направлении, так как опасался возможных политических последствий — нейтралитет Бельгии был гарантирован всеми европейскими государствами, его нарушение со стороны Франции могло дать Италии повод к войне на стороне своих формальных союзников — Германии и Австро-Венгрии. Реакция Великобритании также могла стать очень резкой. Французов также весьма беспокоило снятие с русско-германской границы части русской армии. Отправившийся в августе 1911 г. в Россию генерал Дюбайль получил заверения императора Николая II в том, что такое наступление начнется на 16-й день после начала мобилизации, до ее фактического завершения, и будет иметь целью сердце Германии, Берлин. Ту же цель русский монарх предложил и своим союзникам[85]. На совещании начальников генеральных штабов русской и французской армий в августе 1911 г. союзники договорились, что термин «оборонительная война», зафиксированный в русско-французской конвенции, не означает оборонительного образа дейст-

[82] Редигер А. [Ф.] Комплектование и устройство вооруженной силы. СПб., 1900. С. 46, 74; Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма, 1871—1919 // Сочинения в 12-ти тт. М., 1958. Т. V. С. 40, 85; Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. (Lnd., 1989), 255.

[83] Редигер А. [Ф.] Указ. соч. С. 94, 149.

[84] К вопросу об ответственности Германии (Докладные записки бывшего генерал-квартирмейстера германской Главной Квартиры фон Людендорфа). Новочеркасск, 1919. С. 6.

[85] Joffre J. J. Op. cit., 23.; Kennedy P. The War Plans of the Great Powers, 1880—1914 (Lnd., 1979), 133—137.

вий, и даже наоборот[86]. Именно в 1911 г. французы впервые начали серьезно рассматривать планы уничтожения своих крепостей и создания за счет сэкономленных средств мобильной тяжелой артиллерии и полевых мортир. Союзники договорились считать основным объектом наступления Германию, они не сомневались в том, что ее армия свой главный удар нанесет на 15—18-й день в Лотарингии или через Люксембург и Бельгию, ограничившись заслоном против России. Русская армия в 1900 г. была готова выступить на 18-й день мобилизации, а в 1910 — только на 20-й день. Жилинский и Дюбайль договорились о совместном наступлении на германском фронте, причем с русской стороны были сделаны уверения, что через два года русское командование сможет выполнить просьбу союзников и выступить через 15 дней, не дожидаясь тех частей, которые будут мобилизованы на 20-й день[87]. Французский Военный министр генерал Адольф Мессими имел основания быть довольным. В июле 1912 г. совещание начальников штабов прошло уже в Париже, а глава французского правительства Пуанкаре отправился в Петербург[88]. На этот раз Жилинский вел переговоры непосредственно с Жоффром. Тот снова повторил французскую точку зрения о том, что главный удар Германии будет нанесен по Франции, и союзники должны сделать эту страну целью своего одновременного удара с востока и с запада. Жилинский принципиально поддержал эту идею.

Однако русская сторона высказала опасения насчет Австро-Венгрии, которая также собиралась, по оценкам русских военных, действовать наступательно. По данным русского Генерального штаба, австрийцы тратили на крепости только лишь 1,5% своего военного бюджета, по сравнению с 4,1% в Германии. Реальное же финансирование фортификационных работ в Германии в 7 раз превышало показатели ее союзника. Это и привело ГУГШ к выводу, что в будущей войне Вена будет стараться действовать наступательным образом[89]. Жилинский заявил, что «Россия не может подвергнуться поражению со стороны Австрии, моральный эффект от этого был бы гибельным»[90]. Кроме Дунайской монархии, русских военных беспокоила возможная позиция Швеции и усиление Турции в Малой Азии. Жоффр убеждал, что разгром Германии решит все проблемы. «При всех моих личных беседах с французскими военными проглядывала их боязнь нападения Германии, — вспоминал Сухомлинов. — Начальники французского Генерального штаба Дюбайль и Жоффр также высказывали эти опасения. В 1912 г., во время моего пребывания в Париже, Жоффр подчеркивал свои опасения, указывая на работу немцев по улучшению их железнодорожной сети и укрепление военного лагеря в Эйфеле. Мы были единого мнения, что немецкий план направлен к тому, чтобы сначала сразить Францию несколькими решитель-

[86] Сухомлинов В. [А.] Указ. соч. С. 202.
[87] Там же. С. 203—205.
[88] Зайончковский А. М. Указ. соч. С. 251.
[89] Черкасов П. [В.] Штурм Перемышля 7 октября (24 сентября) 1914 г. Л., 1927. С. 11.
[90] Сухомлинов В. [А.] Указ. соч. С. 209.

ными ударами, и затем обрушиться на Россию. Из этого мы сделали заключение, что нашей задачей является одновременное наступление на Германию с Востока и Запада»[91]. Было принято решение об усиленном развитии русских железных дорог, в основном ведущих к потенциальному германскому участку фронта, что должно было обеспечить запланированное наступление на этом направлении (в Восточной Пруссии или Силезии, с дальнейшим развитием движения на Берлин)[92]. В сентябре 1912 г. Николай Николаевич-мл. посетил маневры французской армии в Пуату. Это была первая встреча Жоффра с великим князем. Он обещал в случае войны для облегчения положения Франции как можно скорее предпринять наступление на германском фронте, несмотря на любой риск и не считаясь ни с какими потерями. Начальник французского Генерального Штаба, по его словам, был в восторге от этой встречи и от уровня достигнутого понимания. Жоффр был приглашен на августовские маневры русской армии под Петербургом в 1913 г.[93]

Как мне представляется, все это было далеко не последней причиной того, что впервые после 1870 г. французский военный деятель такого ранга дал оптимистический для Франции прогноз войны с Германией. Жоффр оговорил этот прогноз следующими условиями: 1) значительная часть австро-венгерской армии будет прикована к Сербии; 2) будет продолжать существование русско-французский союз; 3) к нему присоединится Англия[94]. Участие Великобритании, без сомнения, оказало бы влияние на позицию самого слабого союзника Вены и Берлина — Италии. Последняя слишком зависела от господствующей на Средиземном море державы. «Пленница Средиземноморья» была также чрезвычайно сильно привязана к Франции финансами, а импорт британского угля на 88% обеспечивал энергопотребности итальянской экономики[95]. В 1902 г. в стране было добыто 414 тыс. тонн угля, а импортировано 5373 тыс. тонн, в 1907 г. последняя цифра увеличилась до 8300 тыс. тонн. При этом следует учесть, что заводы Северной Италии имели оборудование, рассчитанное на потребление высококачественного «кардифа», заменить который не могли поставки из Германии или Австро-Венгрии. Кроме того, Италия ввозила сталь, железо, мясо, зерно (до трети необходимого для внутреннего потребления количества). Значительными были и показатели экспорта — Италия обладала пятым по тоннажу торговым флотом в мире[96]. Все эти поставки зависели от позиции, которую займет Лондон. Кроме того, нельзя было не учитывать значение английского союза для поведения Швеции, офицерский корпус которой был настроен русофобски и германофильски. После ввода русских войск на Аланды, демилитаризованные со времен

[91] Там же. С. 193.
[92] Там же. С. 210.
[93] Joffre J.J. Op. cit., 58—59.
[94] Jannen W. The Lions of July. Prelude to War, 1914 (Novato, California, 1997), 63.
[95] Kennedy P. The Rise and Fall..., 262.
[96] Готлиб В.В. Тайная дипломатия во время Первой мировой войны. М., 1960. С. 203, 216.

Парижского мира 1856 г., эти настроения в шведской элите усилились и даже привели к обсуждению между германским и шведским Генеральными штабами вопроса о возможности шведской атаки Финляндии силами до двух корпусов при поддержке флота[97]. Без сомнения, улучшение русско-английских отношений подействовало на решение шведского правительства остановить эти переговоры. Союз с Англией давал Парижу очень много, но он все же не гарантировал спасение Франции от германской армии.

С 1905 г. британские военные начали готовить экспедиционные силы (British Expeditionary Force, BEF) для переброски через Ла-Манш в случае германо-французского конфликта. Предполагалось, что их появление на левом фланге французской армии не только спасет ее от поражения, но и принесет победу в войне. Однако правительство, и в том числе Г. Асквит и Э. Грей, считали возможным и желательным ограничиться участием в будущей войне лишь силами флота и во всяком случае были против немедленной переброски BEF во Францию[98]. В ответ на статью в «Таймс», утверждавшую, что в будущей войне британский флот заменит 500 тыс. солдат, генерал Кастельно заметил в феврале 1913 г. генералу Генри Вильсону, что флот не стоит и одного штыка (справедливости ради отметим, что сам Вильсон считал, что флот не стоит 500 штыков)[99]. Эти опасения были небезосновательны. Лорд Ричард Бердон Холдейн — британский военный министр в 1905—1910 гг. — считал, что экспедиционный корпус не был готов к отправке на континент. Им было сделано многое для его создания, как и вообще для подготовки Великобритании к войне. «Лорд Холдейн, — вспоминал Д. Ллойд-Джордж, — был создателем генерального штаба, который спас бы нас от многих роковых ошибок, если бы он не был по существу распущен лордом Китченером. Корпус подготовки офицеров, который дал новым армиям великолепный подбор молодых офицеров, также был создан им. Но в одной из своих философских диссертаций, которые доставили ему и его друзьям равное наслаждение, он назвал Германию своей "идейной родиной". За этот давний "первородный грех", он должен был быть изгнан из общества патриотов»[100]. Как видно, в условиях противостояния двух стран подобные аллюзии были недопустимы. Тем не менее Холдейн успел многое.

На 1 января 1914 г. численность войск, расположенных в метрополии и колониях (Home and Colonial Establishment) равнялась 156 110 солдат и офицеров, англо-индийской армии (Indian Establishment) — 78 476, всего 234 586 человек. В основной своей массе это были профессиональные, хорошо обученные бойцы, однако силы британской армии были слишком рассредоточены и не имели обученного по стандартам того времени резерва. Число обученных резервистов, прошедших действительную службу в армии и годных к призыву на начало

[97] Luntinen P. The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808—1918 (Helsinki, 1997), 263.
[98] Jannen W. Op. cit., 304.
[99] Callwell Ch. E. Field-Marshall Sir Henry Willson. His life and diaries (NY., 1927), vol. 1, 122.
[100] Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары. М., 1934. Т. I-II. С. 178—179.

1914 г., равнялось 146 756 человек. Правда, перед войной по добровольческому принципу были созданы силы специального запаса, обучение которых сводилось к пребыванию в специальном тренировочном лагере от 8 до 15 дней в году, и территориальные силы, обучение которых проводилось по сходному принципу. Территориалы к тому же выполняли часть полицейских функций. Численность специального резерва на 1 января 1914 г. равнялась 63 089 человек, на 17 тыс. меньше планируемого, численность территориалов 251 706 человек при планируемой требуемой цифре в 315 485 человек. Из 99 батарей полевой артиллерии, требуемой для этой армии, имелось только 42. По расчетам британских военных, которые почти полностью подтвердились в 1914 г., для посылки армии в 80 тыс. человек на континент Англии нужно было как минимум два месяца[101]. Вильсон, получив в 1912 г. информацию о болгарских победах на турецком фронте, отметил в своем дневнике: «Это очень серьезно. Точно через месяц после приказа о мобилизации. Это *должно* (выделено автором. — *А. О.*) быть предупреждением для людей вроде Холдейна с их 6 месяцами подготовки после объявления войны»[102]. За это время все могло решиться.

23 августа 1911 г. у Асквита было собрано совещание по Марокканскому кризису. Премьер-министр спросил у военных, что сможет сделать Великобритания в случае войны. Генерал Генри Вильсон, начальник оперативного отдела Генерального штаба, высказался за посылку экспедиционного корпуса во Францию. По подсчетам британских военных, в начале военных действий немцы будут иметь 121 дивизию (на самом деле в 1911 г. их было 85, причем 22 из них — резервные), французы — 64 дивизии (на самом деле 68, из них 18 резервных). Русская помощь в первый период войны не будет значительной, так как для мобилизации армии России потребуется не менее 3 месяцев, а действия Австро-Венгрии будут сковывать русских. Немцы, по мнению Вильсона, будут наступать на северо-западном участке германо-французской границы шириной около 90 миль силами около 40 дивизий. По представлениям этого периода, ширина наступления одной дивизии равнялась приблизительно 2,25 мили. Здесь их должны были встретить около 39 французских дивизий. При таком раскладе сил, по мнению англичан, их собственные 6 дивизий вполне могли сыграть решающую роль. На вопрос У. Черчилля, почему не рассматривается вариант расширения фронта германского наступления за счет движения через Бельгию, был дан ответ: «Это слишком опасно». Вильсон считал, что сила бельгийских укреплений и армии такова, что немцы не решатся на подобный шаг[103]. Этим расчетам и была подчинена логика английского военного строительства в 1910—1914 гг. За этот период англичане смогли довести состав будущего экспедиционного кор-

[101] Haldane R. B. An autobiography (NY., 1929), 201.; The Times History of the War. Part 73. Vol. 6 (Jan. 11, 1916), 281—283.

[102] Callwell Ch. E. Op. cit., 118.

[103] Knowing one's enemies. Intelligence assesment before the two world wars. Edited by Ernest R. May (Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 1984), 13, 16.

пуса до 6 стрелковых и 1 кавалерийской дивизий, и сократить срок мобилизации до 15 дней. Весьма слабой поддержкой, на которую все же можно было рассчитывать, была бельгийская армия. В 1913 г. в Бельгии была введена всеобщая воинская повинность, что обеспечило увеличение ее армии вдвое — до 334 тыс. человек. Боеспособность ее после реформы, при почти 100-летнем отсутствии боевого опыта, оставалась открытым вопросом[104]. Впрочем, неясным было и то, получат ли бельгийцы шанс на проведение мобилизации.

Русские военные не сомневались в том, что вторжение через Бельгию состоится и что особой опасности для интервента не будет. 23 апреля(6 мая) 1914 г. временно исполняющий должность военного агента в Гааге и Брюсселе ротмистр князь Накашидзе сообщал в отдел генерал-квартирмейстера ГУГШ: «Короткость нынешней франко-германской границы, не позволяющая развернуть на ней всю массу германских войск, а также выгодность для этих последних занять излюбленное немцами охватывающее положение уже в самом начале войны с Францией, выдвинули уже давно вопрос о возможности перехода части германских войск через Люксембург и Бельгию. Германская железнодорожная политика, стремящаяся создать здесь возможно большее число линий, часто не имеющих значения в торговом отношении, но являющихся новыми путями для перевозки войск, подтверждает предположение, что в случае войны германцы, рассчитывая на полную беспомощность Люксембурга и слабость бельгийской армии, не постесняются провести свои войска через эти две страны»[105]. Выводы Накашидзе оправдались всего через три месяца: 1) проход германских войск через Бельгию и Люксембург в районе Льеж-Намюр-Люксембург в случае войны с Францией «весьма вероятен»; 2) если война начнется внезапно, «что также весьма вероятно, то бельгийская армия не успеет, даже если бы того и пожелала, оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления этому переходу и дальнейшему продвижению германцев к французской границе»[106]. В 1914 г. вся армия Бельгии состояла из 6 пехотных и 1 кавалерийской дивизии — 117 тыс. человек, из них 93 тыс. штыков и 6 тыс. сабель при 324 орудиях и 102 пулеметах[107]. Она и боролась с мобилизованным рейхсвером. Для сравнения отметим, что германские военные добились в 1912 г. увеличения своего военного бюджета на 296 млн. марок ежегодно, плюс 144 млн. марок по бюджету 1912 г.[108] Германская армия мирного времени достигла 800 тыс. человек, военного — 2 400 000!

18 апреля 1913 г., после 21 месяца подготовительных работ, Жоффр закончил разработку плана XVII. По его оценке, французская армия мирного времени величиной в 710 тыс. чел. будет иметь дело с 880 тыс.-м германским противником. На северо-востоке Франции должно было быть собрано максимальное количество

[104] Haldane R. B. Op. cit., 202; Куль Г. Указ. соч. С. 40.
[105] МОЭИ. Сер. III. 1914—1917 гг. М.-Л., 1933. Т. 2 (14 марта — 13 мая 1914 г.). С. 475.
[106] Там же. С. 478.
[107] von Kluck A. The march on Paris and the battle of the Marne 1914 (Lnd., 1920), 18.
[108] Bucholz A. Moltke, Schlieffen and Prussian War Planning (Oxford, 1993), 263.

лучших соединений — 46 дивизий, а 25 резервных остаться для обороны. Наступление французов в Эльзас-Лотарингии, по мысли Жоффра, перехватывало инициативу у немцев[109]. Остальное должен был сделать русский союзник, в русской помощи Жоффр не сомневался. В августе 1913 г. он прибыл в Россию. Мне представляется не случайным, что завершение плана XVII выпадает на промежуток между визитом Николая Николаевича-мл. во Францию в сентябре 1912 г. и самого Жоффра в Петербург. Пуанкаре вспоминает: «Он был принят 18 апреля 1913 г. на заседании военного совета в военном министерстве на улице Сен-Доминик под председательством Эжена Этьена. В прениях приняли участие генералы Жоффр, Галлиени, Мишель, По, Марион, Шоме, Менестрель, де Лангль де Кари, Менье, Лаффон де Ледеба, де Кюрьер де Кастельно»[110]. В России осенью 1913 г. состоялось очередное совещание начальников генеральных штабов, которое ввело небольшие изменения в принятые ранее обязательства сторон, с учетом нового французского плана. Французы обязались выставить против Германии на 200 тыс. чел. больше (прежде — 1300 тыс.), завершить мобилизацию на 10-й день, а выступить на 11-й. Подобные изменения были вызваны развитием сети французских железных дорог и резким снижением уровня опасности франко-итальянской границы. Со своей стороны, генерал Жилинский подтвердил обещание перейти в наступление против Германии, но уже после 15-го дня мобилизации и силами не менее 800 тыс. чел., а концу 1914 г. сократить сроки мобилизационной готовности для этого фронта на 2 дня[111]. Французы перед войной чрезвычайно опасались того, что готовность русской армии окажется не на должном уровне и настаивали на максимальном развитии железнодорожной сети в тылу будущего русско-германского фронта.

Но именно для повышения мобилизационной готовности и технического оснащения много было сделано при Сухомлинове. К 1913 г. на учениях в русской артиллерии появились вьючные горные орудия Шнейдера, Крупповские 4,8-дюймовые гаубицы, самолеты типа Ньюпорт и Фарман. В этот период армия приобрела 259 легковых автомобилей и 418 грузовиков (не считая двух медицинских). Они были сведены в 5 автомобильных рот, одну учебную роту и 6 отдельных подразделений. Это, конечно, более чем скромная цифра, но ее нужно оценивать в сравнении. В германской армии в начале войны было только 83 грузовика, большинство из которых вышли из строя при переходе через Арденны — техника была еще несовершенна для того, чтобы служить войне. За четыре предвоенных года в Империю была завезена 21 тыс. автомобилей, значительная часть из которых могла быть изъята в случае войны на нужды армии по военно-автомобильной повинности (при мобилизации у населения было изъято 475 грузовых и 3562 легковых машин, из них только в Петрограде — 1500 автомобилей). Правда, при этом невозможно было избежать разномастности автомобиль-

[109] Kennedy P. The War Plans.., 145—146.
[110] Пуанкаре Р. Указ. соч. М., 1936. Кн. 1. С. 6.
[111] Сухомлинов В. [А.] Указ. соч. С. 212.

ного парка, что не могло не сказаться на проблеме обеспечения запчастями. На подготовленность транспорта России к новой войне, конечно, влияла технологическая зависимость от Европы, низкий уровень образования, особенно технического, среди резервистов, плохое качество дорог и ремонтной базы [112]. Кроме того, массовая мобилизация автотранспорта затруднялась и тем, что отсутствовала необходимая инфраструктура снабжения топливом в полевых условиях. Все это и было причиной того, что за первые 13 месяцев войны было реквизировано только 475 автомобилей [113] — они были не нужны, так как еще не могли заменить лошадь по экономичности и надежности.

С 1905 по 1908 гг. не проводились сборы запасных. В 1909, 1911, 1912 гг. они проводились в больших размерах, и не 4, а 6 недель. С 1912 г. к сборам начали привлекать неслуживших ополченцев. Перед войной через такие сборы было пропущено 910 тыс. ополченцев, что, конечно, несколько повышало ценность этой массы, возможность ее использования в военное время. Оценивая проведенную работу и состояние русской армии в 1914 г., Большой Генеральный штаб Германии отмечал: «Из всего этого вытекает, что боевая готовность России сделала со времени русско-японской войны колоссальные шаги вперед и стоит теперь на большей высоте, чем когда бы то ни было раньше. В особенности же должно быть обращено внимание на то, что по некоторым пунктам боевой готовности она превосходит прочие великие державы, в том числе и Германию, а именно: удержанием на службе старшего возраста до окончания обучения новобранцев, чем избегалось с военной точки зрения ослабление армии зимой; частой практической проверкой всех мобилизационных мероприятий при помощи примерных и пробных мобилизаций и возможностью чрезвычайного ускорения мобилизации с помощью "подготовительного к войне периода"» [114].

Среди прочих мер, которые должны были обеспечить ускоренное прохождение мобилизации, было принятие в 1913 г. положения «О подготовительном к войне периоде». Примером для него стало германское «Положение, угрожающее войной». В случае объявления подобного положения первоочередным образом принимались следующие меры: 1) развитие полной производительности технических заведений военного ведомства; 2) подготовка железных дорог к воинскому движению; 3) пополнение запасов войск и крепостей до норм военного времени; 4) снаряжение патронов для местных артиллерийских парков; 5) работы по подготовке к мобилизации в частях войск; 6) принятие мер по охране пограничной полосы; 7) возвращение частей из лагерей и командировок в места постоянного квартирования и продвижение кавалерии и передовых пехотных

[112] Menning B. Bayonets before Bullets. The Imperial Russian army, 1861—1914 (Indiana University Press, 1992), 232—233; 267—269; Stone N. Op. cit., 50; Козлов Н. Очерк снабжения русской армии военно-техническим имуществом в Мировую войну. От начала войны до половины 1916 г. М., 1926. Ч. 1. С. 22—23.

[113] Knox A. With the Russian army 1914—1917 (Lnd., 1921), vol. 1, XXVI.

[114] Куль Г. Указ. соч. С. 65, 69.

частей, расположенных в пограничных районах, под видом маневров в намечен ные для прикрытия мобилизации и сосредоточения пункты; 8) приостановка увольнения в запас командного состава; 9) в пограничных крепостях части гарнизона размещались в зависимости от боевых задач и производилось снаряжение боевого комплекта огнестрельных припасов; 10) подготовлялось имущество, подлежащее вывозу. Во вторую очередь, в случае дальнейшего ухудшения обстановки, принимались следующие меры: 1) выставлялась охрана железных дорог; 2) начиналось передвижение запасов военного времени и пополнение их в районах сосредоточения армий и в крепостях; 3) на учебные сборы призывались нижние чины запаса и ратники ополчения; 4) отправлялись команды для разрушения предназначенных участков железных дорог; 5) устанавливались минные заграждения в приморских крепостях и производились важнейшие работы в сухопутных; 6) испытывались боевыми выстрелами установки орудий и производилась пристрелка и прочие подобного рода мероприятия местного характера[115]. Эти действия должны были существенно поднять готовность русской армии к мобилизации. Однако, по мнению ген. Ю. Н. Данилова, в результате этих реформ Россия лишь частично восстановила свою обороноспособность — к ведению же наступательной войны она по-прежнему не была готова. Тем не менее, это не помешало ему перед войной выступать сторонником этого наступления, и к тому же одновременно на двух направлениях — в Галиции и в Восточной Пруссии[116].

Без сомнения, в результате мер, предпринятых в сухомлиновское пятилетие, русская военная машина далеко ушла от бессильного состояния 1908 г. Теперь было чем успокоить и французов, и англичан. Николай II в разговоре с Дж. Бьюкененом 3 апреля 1914 г. указал на то, что не видит причины для обострения обстановки в Европе, за исключением албанского вопроса. Тем не менее, вопрос возможной военной кооперации двух держав в случае общеевропейского конфликта всё же был затронут. Посол указал на невозможность присылки британского экспедиционного корпуса в помощь русской армии, на что император заметил, что в этом не было бы нужды, даже если бы такая возможность существовала. Со своей стороны, Россия планирует иметь к 1917 г. на Балтике 8 дредноутов, которые окажут помощь британским ВМС, так как немцы вынуждены будут выделить соответствующие силы для сдерживания русского Балтийского флота[117]. 18 июля 1914 г. в парижской «Temps» была опубликована статья Жюля Эдемана (Jules Hedeman), освещавшего визит Р. Пуанкаре в Россию. Английский посол во Франции лорд Гренвилль, заинтересовавшись не только содержанием статьи, но и впечатлением, произведенным ею во французском обществе, счел необходимым сообщить о ней главе Форейн оффис Эдуарду Грэю. Влияние публикации в «Биржевых Ведомостях» очевидно. Французский журналист сообщал, что к зиме 1916 г. численность русской армии почти удвоится, с 1 200 000

[115] Зайончковский А. М. Указ. соч. С. 120—121.
[116] Данилов Ю.Н. Великий князь ... С. 91—92.
[117] PRO FO. 371. Russia files 19035—19228 (1914), 295.

до 2 245 000 чел., и достигнет таким образом цифры, превосходящей совместные показатели участниц Тройственного союза. Новые стратегические железные дороги позволяют России ликвидировать опоздание в мобилизации, ее военно-морские расходы превышают британские показатели. Все это позволяло французскому журналисту заявить: «Россия, дискредитированная в военном отношении после Маньчжурской войны, сейчас прочно стоит на пути превращения в величайшую военную державу, которую когда-либо видел мир»[118].

Таким образом, желаемого Сухомлиновым эффекта «холодного душа» знаменитой публикацией в «Биржевых Ведомостях» достичь не удалось ни у потенциальных противников, ни у союзников. Скорее, наоборот, эта статья подогрела «алармистские настроения» за рубежом, а внутри Империи была истолкована слишком буквально, во всяком случае, не как пропаганда, в которой возможно и даже необходимо определенное отступление от истины. Истина, на мой взгляд, заключалась в том, что Сухомлиновым было сделано очень многое, но не столько, чтобы говорить о полном преодолении последствий прошлой войны. Конечно, все эти противоречия прежде всего проявились в процессе планирования будущих боевых операций. Все реформы Сухомлинова должны рассматриваться в связке с целью, перед ними поставленной. Б. М. Шапошников в своих воспоминаниях задает вопрос, какой характер носила русская доктрина в 1910—1912 гг., и сам же отвечает на него: «Таковой не было. Был разброд в тактике, а тем более в стратегии»[119]. В данном утверждении немало истины. Однако для того, чтобы проверить справедливость категоричности слов Шапошникова, зададимся вопросом, укладываются ли изменения, проведенные Сухомлиновым, в систему? Как мне представляется, на этот вопрос мы должны дать положительный ответ, хотя она и не была представлена в формуле доктрины. Положение русской армии было таким, что при планировании будущей войны средства, имевшиеся в распоряжении ее командования, определяли выбор стратегических целей, а уже последние определяли методы их достижения. В новой политической и военной ситуации Россия не могла себе позволить выделить одну цель, обеспечить это направление достаточными средствами и выбрать оптимальный метод их использования. Старая система, разработанная еще при Н. Н. Обручеве и предусматривавшая наступление в Галиции и десант на Босфор при обороне по линии крепостей на русско-германской границе, не годилась в 10-е гг. XX в. Россия вынуждена была пойти на первом этапе войны на одновременное наступление против Австро-Венгрии и Германии, отказываясь от удара по Проливам.

Обороняться на германской границе в первый период войны Россия также не могла ни в силу своих обязательств перед Францией, ни в силу элементарной логики. Ни Жоффр, ни Жилинский, ни Данилов, ни сам Сухомлинов не сомневались, что первый и самый мощный удар немцы нанесут именно по Франции, а на

[118] PRO FO. 371. Russia files 3147—83964 (1914), 38.
[119] Шапошников Б. М. Указ. соч. С. 140.

восточной границе в первый период войны будут придерживаться оборонительной тактики. В пользу этого предположения свидетельствовал и тот факт, что Германия активно укрепляла именно восточную границу, в то время как основная часть ее промышленности была сосредоточена на западе. Все говорило в пользу того, что из всех форм обороны против Франции немцы выбрали наступление. В русском Генеральном штабе опасались быстрого разгрома французской армии — в этом случае британская армия попросту не успела бы развернуться на континенте и оказать эффективную помощь союзнику, а политические колебания Италии были бы преодолены в пользу ее формальных партнеров по Тройственному Союзу[120]. Стратегическая ценность старой, крепостной оборонительной позиции России в этом случае утрачивалась. В случае разгрома Франции она не могла остановить удара рейхсвера, следовательно, наступление против Германии на начальном этапе войны становилось безальтернативным. «Победить Германию, — вспоминал Сухомлинов, — был лозунг, господствовавший над всею деятельностью армии»[121]. Достигнуть этой цели можно было только путем наступательных операций, сторонником которых, как уже отмечалось выше, был Сухомлинов. Его действия были довольно эффективны, американский историк Б. Меннинг оценивает их следующим образом: «Благодаря сухомлиновским реформам к 1912 г. армия, безусловно, была лучше, чем когда-либо в послемилютинский период, готова к проведению наступательных операций»[122]. После кризисов 1909 и 1912 гг. Сухомлинов не сомневался, что конфликт с Австро-Венгрией автоматически вызовет столкновение с Германией: «Следовательно, масштаб для оборудования наших вооруженных сил должен был отвечать не боевой готовности австро-венгерской армии, а германской. *Поэтому исходным пунктом всех моих мероприятий была цель добиться создания русской армии, равносильной германской* (выделено авт. — *А. О.*). На практике достижение этой моей цели сводилось к следующим главным задачам: 1) Устранить преимущество германской армии в быстроте готовности к выступлению в поход, каковая в нашей армии отставала еще в 1905 г. на три недели; 2) использовать все успехи техники для армии; 3) установить прочные начала довольствия армии и снабжения ее затем в походе»[123].

Однако возникал другой вопрос: сохранять ли австрийский фронт в качестве потенциального направления главного удара. В русском офицерстве было достаточно традиционным почти презрительное отношение к армии Австро-Венгрии, в которой и в мирное время было довольно распространено дезертирство, причем в Россию часто бежали не только русины, но и другие «братья» славяне и даже

[120] Данилов Ю. Н. Наше стратегическое развертывание в 1914 году и идеи, положенные в основу его (Из неизданных воспоминаний автора о первом годе великой войны)// Военный сборник. Белград, 1923. Кн. 4. С. 79—80.

[121] Сухомлинов В. [А.] Указ. соч. С. 195.

[122] Menning B. Op. cit., 246.

[123] Сухомлинов В. [А.] Указ. соч. С. 267—268.

венгры[124]. Часть генштабистов считала, что разгром австро-венгерской армии вызовет коллапс Дунайской монархии, что заставит германское командование оказать гибнущему союзнику помощь и перебросить сюда подкрепления с западного, французского направления. Безусловно, эти рассуждения имели под собой определенные основания, но надеяться на такой разгром в Галиции, который мог бы вызвать подобные последствия для Австро-Венгрии, русское командование не могло. Во-первых, не было никаких оснований ожидать, что войну армия противника начнет с массовой сдачи в плен. Во-вторых, надежды на развал империи Габсбургов связывались с возможностью проникновения за Карпаты, перед которыми находилась хорошо подготовленная укрепленная позиция австрийцев в Галиции, с естественными оборонительными линиями рек (Днестр, Сан, Южный Буг). Лучшее положение для обороны трудно было и придумать — горная линия с хорошо освоенным предпольем. Кроме того, штурм Карпатских перевалов был вовсе не легким делом. Обойти горы можно было через так называемый «богемский коридор», т. е. через разрыв между Карпатами и Татрами, но он был закрыт крепостью Краков, и даже взятие этой крепости не обеспечивало русскую армию от возможного удара во фланг и тыл со стороны германской Силезии. Карпаты можно было штурмовать лишь фронтальной атакой, что и пришлось делать русской армии дважды в XX в. Неудивительно, что все планы русского командования на первый этап войны, начиная с Н. Н. Обручева и кончая М. В. Алексеевым, ограничивались лишь задачей овладения Галицией[125]. Безусловно, они были выполнимы, но Австро-Венгрия в этом случае могла сохраниться как воюющее государство. Германия за это время сумела бы разгромить Францию, и Россия опять оставалась один на один с германской и австро-венгерской армиями.

Следовательно, оставалось только одно решение — наступление и на австрийском, и на германском направлениях. «Обобщая, можно сказать, — вспоминал британский военный атташе, — что обучение Генерального штаба (русского. — *А. О.*) в мирный период с 1905 по 1914 годы было посвящено внедрению духа наступления»[126]. Подполковник Нокс находился на этом посту с 1911 г., и если его слова применительно к периоду 1905—1911 гг. звучат не совсем убедительно, в том числе по причине отсутствия у него прямого контакта со страной, то период 1911—1914 гг. его слова описывают точно. Но дух наступления отразился не только в обучении элиты офицерского корпуса, он был также заложен в мобилизационные планы и предвоенную дислокацию русской армии. Именно на этих двух вопросах сосредоточил основное внимание русский военный министр, отказавшись от детальной проработки будущих операций. В этом вопросе он был очень близок к Жоффру. «По собственному выражению Жоффра, — справедливо отмечал А. М. Зайончковский, — планом операций является основная

[124] Dowbor Musninicki J. Op. cit., 57.
[125] См.: Зайончковский А. М. Указ. соч. Приложение к карте № 14.
[126] Knox A. Op. cit., XXV.

идея, которая вынашивается в голове главнокомандующего, но не запечатлевается письменно. Результатом же этого замысла служит план сосредоточения вооруженных сил. Впервые высший командный состав (французский. — *А. О.*) узнал о задачах армий из директивы № 1, сообщенной Жоффром командующим армиями 8 августа, уже после объявления войны»[127]. Сухомлинов вспоминал: «Генерал Жоффр был одного со мной мнения, что все проекты военных операций, подробно разработанные в кабинете, задолго до начала войны, — труд академического характера, который с выступлением войск в поход может остаться дома. Все, что касается мобилизации и сосредоточения войск в районе исходного положения армий, на том или ином участке военных действий, — подлежало самой тщательной разработке, на основании конкретных данных. Затем планы развития операции, с развитием кампании, — это было уже не дело кабинетной разработки, а полководческого творчества, — в полной зависимости от создающейся обстановки и действий противника. Так мы понимали это дело»[128]. Раз в центре внимания и русских, и французских военных находились мобилизация и железные дороги, то, очевидно, именно здесь и нужно искать ответ на вопрос, насколько обоснованы вышеуказанные размышления об австрийском и германском направлениях.

«Подводя итоги, — писал после войны У. Черчилль, — русская граница, протянувшаяся на 900 миль от Мемеля на Балтике до Буковины, была в вышей степени уязвима для объединенного австро-германского вторжения. До тех пор, пока в такого рода войне русские не предприняли бы удачного наступления или эвакуации Польши, они должны были ожидать постоянных атак и вторжений с неожиданных и смертельно опасных направлений. С другой стороны, никакое общее наступление не было возможно для них, прежде чем они не захватили бы Восточную Пруссию на севере и не достигли бы склонов Карпат на юге. Пока их армии не встали в одну линию от Данцига до Кракова, одновременно удерживая проходы в Карпатах, никакое продвижение в Германию или Австрию не было возможно. Достичь этой линии превосходящими силами и таким образом укрепить свой фронт — это было неизбежной задачей, стоявшей перед Россией»[129]. Действительно, перед войной в ГУГШ считали, что политическая и стратегическая ситуация требовала одновременного наступления и в Восточной Пруссии, и в Галиции. Сосредоточение всех сил на одном участке исключалось[130]. Именно разобщенность австро-германских сил и удаленность их друг от друга на первом этапе военных действий считалась в ГУГШ одним из важнейших факторов возможного успеха в будущем, так как давало русской армии возможность встречи с ними по отдельности. При этом в марте 1914 г. Главное управление определяло северный театр военных действий (от Полесья до Бал-

[127] Зайончковский А. М. Мировая война 1914—1918 гг. М., 1938. Т. 1. С. 56.
[128] Сухомлинов В. [А.] Указ. соч. С. 194.
[129] Churchill W. Op. cit., 82.
[130] Данилов Ю. Н. Великий князь... С. 92, 108.

тики) как «главный», а южный (от Полесья до румынской границы) — как второстепенный[131].

Предвоенная (1913 г.) дислокация армейских корпусов по округам выглядела следующим образом: в Варшавском — пять, в Виленском — четыре, Киевском — пять, Одесском — два, Санкт-Петербургском — четыре, Московском — пять, Казанском — два[132]. Таким образом, по линии условного германского фронта (Варшава-Вильно-Петербург) и австро-венгерского (Киев — Одесса — Москва) сосредотачивалось примерно одинаковое количество армейских корпусов. Решающая роль уже в первом эшелоне принадлежала пяти корпусам Варшавского военного округа: VI, XV, XXIII, XIV и XIX-му, которые могли быть использованы как резерв и для германского и австро-венгерского направлений. Однако так как первые два были дислоцированы на границе с Восточной Пруссией, а вторые два — на границе с Западной Галицией, то в качестве свободной силы можно было использовать только XIX-й корпус. В какой-то степени возникновение подобной ситуации объясняется и тем, что русская военная разведка перед войной так и не смогла дать окончательного ответа на важнейший вопрос: куда будет направлен главный удар Германии. Расчеты строились на основе анализа информации о крепостном и железнодорожном строительстве, предвоенной дислокации германской армии. В результате удар по России не исключался, но почти не рассматривался. Что же касается размера силы, которую должна была встретить русская армия на северо-западном направлении в первый период войны, то давалась завышенная цифра в 18—20 корпусов вместо 4—5 в действительности. Со своей стороны, немцы понимали антиавстрийский характер русского развертывания, но не исключали ни возможности вторжения в Восточную Пруссию, ни возможности использования, в зависимости от обстановки, тыловых частей Петербургского, Московского и Казанского округов как против австрийцев, так и против себя[133].

Задачи наступления вообще требовали сократить количество кавалерии в пограничных округах: решать самостоятельные задачи, без поддержки пехоты, она не могла. Роль, которая была уготована кавалерии старым планом, теряла в новых обстоятельствах всякий смысл. Решать самостоятельно, без поддержки пехоты, какие-нибудь масштабные задачи она не могла и раньше. Не будем забывать, что идеи рейда с целью срыва мобилизации противника были заложены еще в 80-е гг. XIX в. Н. Н. Обручевым и Д. А. Милютиным. И международное, и стратегическое положение России, и уровень развития военной техники и военной мысли — все это претерпело существенные изменения более чем за 30 лет. Теперь же, с развитием скорострельной артиллерии (для сравнения, немецкая

[131] Восточно-Прусская операция: Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914—1917 гг.) С. 71.

[132] Menning B. W. Op. cit., 225.

[133] Куль Г. Указ. соч. С. 77; Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. М., 1998. Кн. II. С. 342—343.

пехотная дивизия имела 72 орудия, а русская кавалерийская от 8 до 12[134]), пулеметов и магазинных винтовок возможность их осуществления становилась призрачной. При начале боевых действий русское командование дало кавалерии задачу прикрытия мобилизации, с которой она, кстати, справилась. Оно даже не попыталось организовать набег на германскую или австрийскую территорию, так как знало, что в 1913 г. германские войска в Силезии значительно усилили свою боевую мощь[135]. Свыше 50% всей русской кавалерии и после реформ Сухомлинова осталось на западной границе империи[136]. Определенное сокращение ее численности все же имело место. Наличие в Царстве Польском, на левом, западном, берегу больших масс конницы ставило перед тылом сложную задачу их снабжения. В русской кавалерийской дивизии было 4 тыс. лошадей, корпус насчитывал две дивизии, а следовательно, для перевозки только конского состава двух корпусов, которые предполагалось отмобилизовать, прежде всего потребовалось бы как минимум 1 тыс. двухосных вагонов. И это не считая перевозки людей, вооружения, продовольствия и фуража. Все это могло сорвать мобилизацию и сосредоточение основных сил армии в прифронтовой полосе. Неудивительно, что в 1910 г., одновременно с принятием решения по вопросу о крепостях, расформировываются два штаба кавалерийских корпусов, а 5-я кавалерийская дивизия выводится с левого берега Вислы на Волгу[137]. И вновь нельзя не отметить, что разумное в принципе решение имело при реализации небесспорное оформление. Непонятно, насколько облегчение фуражировки оправдывало передислокацию дивизии в столь глубокий тыл.

Что же касается железных дорог, то к 1909 г. в России к германской границе выходило 10 колей (против 18 немецких), к австрийской — 7 (против 14) и к румынской 2 колеи (против 4)[138]. В результате предпринятых мер к 1914 г. к границе с Австро-Венгрией выходило уже 14 колей против 16 потенциального противника, в то время как к германской по-прежнему 10 против 24 германских[139]. Таким образом, за сухомлиновский период количество русских колей, выходивших на участок будущего Юго-Западного фронта, удвоилось, существенно изменив разрыв с показателями потенциального противника, в то время как количество железнодорожных колей в полосе будущего Северо-Западного фронта не изменилось, но разрыв с показателями немцев приобрел угрожающую форму. Если добавить к этому, что в результате действий Сухомлинова по изменению системы крепостей укрепления должны были сохраняться только на русско-германском участке границы, здесь же должна была быть создана единственная новая крепость — Новогеоргиевск, то можно утверждать, что традиционная в нашей историографии

[134] Шапошников Б. М. Указ. соч. С. 336.
[135] Там же. С. 244.
[136] Зайончковский А. М. Подготовка России к мировой войне... С. 112.
[137] Шапошников Б. М. Указ. соч. С. 204.
[138] Зайончковский А. М. Подготовка России к мировой войне... С. 130.
[139] Там же. С. 134—135.

оценка Сухомлинова как разрушителя милютинско-обручевской системы, не выдерживает критики. Эта система с самого своего возникновения предполагала возможность обороны против Германии и наступления на Австро-Венгрию при десанте на Босфор. Первым в начале правления Николая II отпал план десантной операции на Проливах. После русско-японской войны его пытались реанимировать, но Сухомлинов последовательно выступал против. В случае германского наступления на Россию сохранялась возможность обороны с опорой на Новогеоргиевск. В случае, если основные силы рейхсвера будут направлены против Франции, предусматривалось одновременное наступление сразу и на германском, и на австрийском направлениях при довольно значительной свободе выбора направления главного удара. Это также было существенным отступлением от милютинско-обручевской системы, которая фактически сложилась до заключения русско-французского союза и творцы которой всеми силами старались избежать военного столкновения с Германией. Их идеалом было изолированное столкновение с Австро-Венгрией и Турцией. Ситуация 80—90-х гг. XIX в. и 1910-х гг. XX в. кардинально изменилась. Теперь требовалось внести изменения. Что же касается других элементов милютинско-обручевской системы, то военный министр скорее воспринял ее логику, ее дух, отказавшись от части устаревших в новых условиях форм. Насколько все это было удачно реализовано — вопрос дискуссионный, но вряд ли стоит по-прежнему противопоставлять одно другому. Этого, кстати, не делал противник. Перед войной австро-венгерская разведка довольно точно предсказала возможные действия России на своем фронте. Сделать это было несложно — упразднение крепостей, железнодорожное строительство и географическое положение облегчали анализ донесений агентуры. К 1913 г. полковник Штрауб, руководитель железнодорожного бюро австро-венгерского Генерального штаба, предупреждал своего начальника Конрада фон Гетцендорфа, что Россия примерно в 2 раза превосходит Австро-Венгрию по пропускной способности железных дорог. К 13-му дню мобилизации австрийцы ожидали подачу 6760 русских поездов против 3998 своих. В 1914 г. железнодорожное бюро вновь предупредило Конрада о своих расчетах — русские могли поставлять 230 поездов в день против 153 австро-венгерских [140].

«Все должно было быть направлено к тому, чтобы на одном из двух фронтов добиться быстрой развязки. Для этого нужно было не останавливаться ни перед чем, взять силы отовсюду, где для этого представлялась возможность. Приходилось волей-неволей прибегнуть к этому средству, так как другого выбора у нас не было. Конечно, и оно могло не удастся: на войне ни в чем нельзя быть уверенным. *Но кто хочет добиться успеха везде, не добивается его нигде* (курсив мой. — *А. О.*)» [141]. Как подходят к России эти рассуждения германского генштабиста! «Итак, — отмечал его русский коллега, — по основному варианту "А", который, как всякий план стратегического развертывания, не шел далее постанов-

[140] Knowing one's enemies... 49, 56.
[141] Куль Г. Указ. соч. С. 182

ки первых боевых задач, главный удар русских вооруженных сил намечался в первую очередь против австро-венгерской армии. Естественным районом сосредоточения этой армии против нас являлась Галичина, в которой австрийский генеральный штаб, как мы уже видели, мог развернуть, по нашим предварительным подсчетам, 12—13 полевых корпусов, оставляя 3—4 корпуса против Сербии. Очевидно, что для успеха нашего удара против австро-венгерской армии являлась необходимость назначить максимум сил. *Так решила бы вопрос свободная стратегия* (курсив мой. — *А. О.*). Однако, русский Генеральный штаб, как мы уже видели, в решении этого исключительно важного вопроса не мог считать себя свободным; он должен был внимательно сообразовать свои решения с общими задачами союза и теми обязательствами, кои были приняты на себя Россией по отношению к Франции»[142]. Французский союз, совершенно необходимый в мирное время для того, чтобы избежать политической изоляции, в военное время скорее ослаблял, чем усиливал Россию.

Проблема всех участников войны сводилась к решению следующей задачи: чтобы разбить сильнейшего противника, необходимо сначала сокрушить слабейшего и при этом сохранить политического партнера, который с началом боевых действий превращался в обузу. В Германии считали необходимым всестороннее обеспечение разгрома Франции. Еще в 1893 г. немцы предлагали такую формулу победы в будущей войне итальянским союзникам: «Решение лежит на Рейне»[143]. Таким же был подход и к австрийским проблемам: «Если бы австро-венгерская армия была одновременно занята борьбой на два фронта (на восточной и южной границах), то она не смогла бы освободить германские силы, собранные на русской границе, что являлось настоятельно необходимым»[144]. Еще в 1882 г. начались первые переговоры между Австро-Венгрией и Германией о координации совместных действий в будущей войне. Эрцгерцог Альберт и генерал граф Вальдерзее быстро нашли взаимное понимание по вопросу совместных действий против России. Это согласие, однако, не было окончательно оформлено, что облегчило задачу преемнику Вальдерзее на посту начальника Большого Генерального штаба — Альфреду фон Шлиффену. Последний всегда придерживался той точки зрения, что война должна быть скоротечной, и следовательно, первый удар должен наноситься по Франции[145]. В январе 1909 г. в журнале «Немецкое обозрение» была опубликована статья Шлиффена «Современная война». В ней, в частности, утверждалось следующее: «Русско-японская война доказала, что открытое наступление на неприятельский фронт, несмотря на все трудности, может быть успешным. Но, даже в лучшем случае, результат такого наступления бывает ограниченным. Противник, конечно, будет оттеснен назад, но через некоторое время он повторит в другом месте временно прерванное сопротивление. Кампания затянется. Между тем, подобные

[142] Данилов Ю. Н. Россия в Мировой войне... С. 91.
[143] Тирпиц А. Воспоминания. М., 1957. С. 73.
[144] Куль Г. Указ. соч. С. 101.
[145] Kennedy P. The War Plans.., 224.

войны невозможны в такое время, когда существование народа обусловлено непрекращающимся развитием промышленности и торговли и когда быстрым решением нужно снова пустить в ход остановленный колесный механизм (торгово-промышленной жизни). Недопустимо проводить стратегию изнурения, когда содержание миллионов требует миллиардных расходов. Чтобы добиться решительного и сокрушающего результата, необходимо вести наступление с двух или трех сторон, т. е. с фронта и одного или обоих флангов»[146].

В том же 1909 г. на встрече с Мольтке-мл. Франц Конрад фон Гетцендорф получил общую информацию о плане Шлиффена: Франция должна была быть разбита в течение 6 недель, после чего основные силы немцев были бы переброшены на Восток. Конрад полагал, что на 12-й день мобилизации его силы встретят 31 русскую дивизию, а на 30-й день — 52. 19 марта 1909 г. Мольтке, отвечая на запрос Конрада, дал согласие на то, что еще до победы во Франции немцы предпримут демонстрацию из Восточной Пруссии в направлении р. Нарев на 24 или на 25-й день мобилизации для отвлечения внимания от австро-венгерского наступления с юга между Вислой и Бугом. При этом он подчеркнул, что основной задачей 13 немецких дивизий в Восточной Пруссии останется оборона[147]. Мольтке остался верен основной стратегической идее своего предшественника: «*Вся* Германия должна броситься на *одного* противника, на того, кто является более могущественным и более опасным (выделено авт. — *А. О.*)». В мае 1914 г. при личной встрече Мольтке снова заверил своего австрийского коллегу, что германские войска разобьют Францию за шесть недель и сразу же после этого начнется их переброска на Восток[148]. Таким образом, от соблазна удара по основанию польского выступа в начале войны германское командование отказалось: «Мешок был дан природой, и можно было ожидать, что из этого мешка русские своевременно не ускользнут. Т. о. дело заключалось в том, готовы ли были русские принять решительное сражение между Ковно и Варшавой, а также между Ивангородом и Ровно, и биться до конца. Конечно, австро-венгерское высшее командование пошло бы с радостью на общее большое наступление, но, несмотря на это, генерал Конрад фон Гетцендорф на нем не настаивал, так как он должен был понимать, что выгоднее, чтобы германцы сначала добивались решения против Франции. «Судьба Австро-Венгрии решится не на Буге, но на Сене» — таково было мнение графа Шлиффена»[149]. При этом сами австрийцы предпочитали сначала расправиться с Сербией, а потом сосредоточить все свои силы на русском фронте.

Для России выход из этого тупика можно было найти лишь в направлении слабейшего противника, но борьба между сторонниками нанесения главного удара против Германии и против Австро-Венгрии практически исключало оное,

[146] Гренер В. Указ. соч. С. 17.

[147] Bucholz A. Op. cit., 258.; Куль Г. Указ. соч. С. 178.

[148] Цит. по: Строков А. А. Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. М., 1974. С. 171, 177.

[149] Гренер В. Указ. соч. С. 100.

т. е. Балканы и Проливы. В этом отношении лишь частично прав Норман Стоун, пришедший к следующему выводу: «Был установлен компромисс между идеями Данилова и Алексеева, и ни Восточная Пруссия, ни Галиция не получили на самом деле достаточно силы. Борьба, которая велась в Англии между "западниками" и "восточниками", шла в России между "северянами" и "южанами". Последние представляли традиционное направление панславизма — Константинополь, Балканы, в то время как люди Сухомлинова считали, что главной целью сейчас является Германия и что для России будет гротеском начинать европейскую войну наступлением против противника, который не много значил»[150]. Сторонники австрийского направления не включали в свои планы целей, которые британский историк называет «панславистскими», важность Проливов и Балкан для стратегического положения России далеко превосходила по важности задачу победы над безусловно слабейшим тогда противником. И, наконец, выбор, условно говоря, турецкого направления не казался «гротескным» для России с точки зрения англичан в начале войны.

Ровно за год до начала войны, в августе 1913 г., полковник А. А. Свечин подвел итоги сложившихся у союзников взглядов на будущие операции: «Положение может быть резюмировано так: во Франции ожидают чрезвычайно спешного появления за Рейном всей германской армии, которая оставит в заслон против России всего 2 или 3 корпуса. Важнейшим, первостепенным театром в глазах француза является Лотарингия; русский фронт является второстепенным театром борьбы, и французов интересует не столько наша окончательная победа на нем, как количество германских войск, которые нам удастся оттянуть на себя в первые же недели войны. Стратегия учит нас приносить в жертву все интересы на второстепенном фронте в пользу успеха на важнейшем театре операций. Если признать правильность французской точки зрения на Лотарингию как на главный фронт борьбы с Германией, то, действительно, серьезная неудача русских войск, оттянувших на себя десять немецких корпусов, с точки зрения союза представляется более ценной, чем успех русских против 2—3 корпусов»[151]. Этот провидческий анализ не учитывал двух обстоятельств — во-первых, переброска сил рейхсвера с Запада на Восток была невозможна без успеха против его 2—3 корпусов, а во-вторых, что делать потом, после того, как эти 10 корпусов противника окажутся перед русской армией и война примет затяжной характер. Паллиатив вообще исключал появление Балканского направления в русской стратегии.

Итак, в 1912 г. в ведомстве генерал-квартирмейстера появились планы «А» и «Г». Оба они подлаживались под возможные действия Германии. В случае немецкого наступления на Францию вводился в действие план «А» — одновременное наступление в Галиции и Восточной Пруссии при более значительном распределении сил в первой фазе войны против Австро-Венгрии. В пользу этого

[150] Stone N. Op. cit., 35.

[151] Свечин А. А. Постижение военного искусства. Идейное наследие А. Свечина // Российский военный сборник. Вып. 15. М., 1999. С. 134.

плана было то глубокое политическое значение, которое могла приобрести победа над Австро-Венгрией в ее славянских землях, а также в Италии и на Балканах. План «Г» принимался в случае нанесения Германией главного удара по России. Он был оборонительным и предусматривал отступление вглубь страны, вплоть до района Полесья. В отличие от плана «А», план «Г» детально не разрабатывался — возможность такого развития событий считалась маловероятной [152]. Основным планом действий русской армии, таким образом, становился план «А». В его основу был положен охват противника в Галиции (для этого выделялось 16 корпусов), и в Восточной Пруссии (9 корпусов). В случае успеха на этих направлениях русский фронт сокращался бы приблизительно на 500 км, открывалась перспектива наступления на Силезию и Берлин со стороны среднего течения Вислы. Три корпуса 6-й армии под Петербургом становились резервом верховного главнокомандующего. Так распределялись 28 русских корпусов — главным противником считалась Германия, но для ее разгрома необходимым предполагалось сначала обеспечить тыл русских войск против возможных действий австро-венгерской армии и оказать помощь Франции. «Обе эти задачи, — вспоминал Данилов, — одинаково важные, наилучшим образом разрешались собственным энергичным вторжением в пределы Восточной Пруссии, служившей естественным плацдармом для сбора германских войск, против нас оставляемых, и нанесением этим войскам решительного поражения» [153]. Именно последовательная реализация этого плана, по мнению генерала Вильгельма Гренера, могла поставить Германию и ее союзницу в катастрофическое положение. Единственным отступлением от этого плана Гренер видел оставление слишком крупных сил под Петербургом. Генерал считал, что корпуса оставлялись для защиты столицы — фактически это был стратегический резерв, оказавшийся бесполезным ввиду его отдаленности: «Быть может, для русских с оперативной точки зрения вообще было бы правильнее сначала с еще большим превосходством уничтожающе разбить германцев в Восточной Пруссии, по крайней мере, отбросить их за Вислу, и лишь тогда обратиться против австро-венгерской армии. Последняя между тем продвинулась бы между Вислой и Бугом к северу и тем самым подставила бы длинный фланг русскому наступлению от Ровно и Проскурова. Если бы таким путем русским удалось очень большими силами быстро проникнуть вдоль Карпат через Львов и Станиславов к Верхней Висле, то австро-венгерской армии между Бугом и Вислой едва ли оставалось что-либо другое, как отходить в высшей степени неблагоприятных условиях по левому берегу Вислы в Западную Польшу. Что смогли бы достигнуть русские при такой операции? *Объединенного наступления всех сил прямо на Берлин. Они могли бы гнать перед собой обоих своих противников, причем им нужно было бы стремиться только к тому, чтобы в Силезии перейти на левый берег*

[152] Данилов Ю. Н. Россия в Мировой войне... С. 88—89; Он же. Наше стратегическое развертывание в 1914 году... С. 80—81, 95.

[153] Данилов Ю. Н. Наше стратегическое развертывание в 1914 году... С. 82.

Одера возможно крупными силами (курсив мой. — *А. О.*)»[154]. На достижение этой цели и был направлен план «А».

Союзная Франция могла быть спокойна. 15 августа 1914 г. Пуанкаре отмечает: «Согласно Палеологу, Англия напрасно заподозрила царское правительство в том, что оно оставляет часть своих войск для возможных операций против Турции. Напротив, Россия прекрасно понимает, что она должна немедленно направить свой главный удар против Германии. Против последней она выставляет четыре армии в составе пятнадцати корпусов, а против Австрии три армии в составе двенадцати корпусов»[155]. Французы не сомневались в том, что центр тяжести русского удара будет перемещен на германский фронт — такова была его логика. Кстати, уже в ходе мобилизации 1914 г. под Варшавой стала собираться новая армия для будущего наступления на Берлин — в результате Северо-Западный фронт увеличился на 2 корпуса (33,5 пехотные и 9,5 кавалерийских дивизий — 11 корпусов), а Юго-Западный сократился на 1 корпус (46 пехотных и 18,5 кавалерийских дивизий — 16 корпусов)[156]. Таким образом, русские военные не обманули союзников в своих первичных планах, они готовились наступать на двух стратегических направлениях — приведенные ими цифры довольно точно совпадают с теми, которые я привел выше. Про Константинополь же в это время никто не думал, в чем вскоре опять пришлось убеждать союзников[157].

[154] Гренер В. Указ. соч. С. 112.
[155] Пуанкаре Р. Указ. соч. М., 1936. Кн. 1. С. 55.
[156] Добророльский С. К. Стратегические планы сторон к началу Мировой войны // Военный сборник. Белград, 1922. Кн. 2. С. 67—68.
[157] Пуанкаре Р. Указ. соч. М., 1936. Кн. 1. С. 62.

В. Б. КАШИРИН

Агентура полковника Б. А. Семенова

(из истории деятельности русской военной разведки в Румынии в годы Первой мировой войны)

В 1914—1918 гг. территория Румынии была ареной напряженной борьбы секретных служб стран Антанты и Центральных Держав. Румынское руководство вплоть до августа 1916 г. последовательно проводило политику выжидательного нейтралитета, что позволяло разведкам обоих воюющих лагерей активно действовать в этой придунайской стране. Главные задачи, которые стояли перед разведывательными службами Российской империи в Румынии, заключались в изучении состояния румынских вооруженных сил и настроений их командного состава, в наблюдении за политическими, экономическими и военными мероприятиями правительства И. Братиану, ведении пропаганды в румынском обществе и среди офицерства, в сборе сведений о неприятельской активности на Балканах, в частности, о контрабандном провозе австро-германских военных грузов в Турцию и Болгарию через территорию Румынии. Русская разведка должна была противодействовать этому транзиту, а также диверсиям вражеской агентуры против судов дунайской Экспедиции Особого Назначения (ЭОН), которая обеспечивала связь России с Сербией и западными союзниками. Наконец, исключительно важной задачей русской разведки в Румынии в военное время стал сбор разведывательной информации по Австро-Венгрии, Турции и Болгарии (с октября 1915 г.), а также борьба с неприятельским шпионажем против России с румынской территории.

В годы Первой мировой войны в Румынии действовали представители разведывательных служб разных ведомств и органов военного управления Российской империи. Сбором сведений военно-политического и экономического характера о Румынии и сопредельных странах занимались русское военное агентство и посольство в Бухаресте, агентура штаба Юго-Западного фронта и штаба отдельной VII армии, сформированной после начала войны в Одесском военном округе, военно-морское агентство (с ноября 1914 г.), русские консульства в румынских городах и представители Русского Дунайского Пароходства. Интересы общего дела требовали координации и согласования усилий агентурных организаций русской разведки, что было весьма нелегким делом. Изучение принципов организации работы и взаимодействия агентуры различных русских ведомств и штабов на

румынской территории, а также анализ содержания их донесений позволяет сделать важные выводы о работе русской разведки в годы Первой мировой войны и о процессе формирования того комплекса разведывательной информации, на основании которой вырабатывалась русская стратегия в отношении Румынии и других балканских стран в 1914—1917 гг.

В отечественной историографии деятельность русской военной разведки в Румынии в начале XX в. и в годы Первой мировой войны изучена недостаточно подробно. Современный историк русской разведки М. Алексеев в своей книге весьма лаконично и поверхностно, с рядом ошибок и неточностей, описывает и анализирует разведывательную деятельность русского военного агента в Румынии полковника Генштаба Б. А. Семенова и совершенно не рассматривает работу агентуры штаба Одесского военного округа и штаба VII армии. Основное внимание Алексеев уделяет агентурным организациям штаба Юго-Западного фронта, однако и этому разделу его монографии свойственны серьезные недостатки[1]. Таким образом, тема деятельности русской военной разведки в Румынии в 1914—1917 гг. заслуживает дальнейшего, более глубокого исследования.

Наиболее важное место в работе русской разведки в Румынии занимала деятельность русского военного агента в Бухаресте, сведения которого поступали напрямую в Главное Управление Генерального Штаба (ГУГШ) и в Ставку Главковерха. В период с начала 1914 г. до февраля 1916 г. эту должность занимал полковник Генштаба Борис Анатольевич Семенов. Несмотря на ряд трудностей, связанных с его официальным военно-дипломатическим положением, он активно и достаточно успешно занимался ведением тайной агентурной разведки. Данный аспект деятельности полковника Семенова представляет особый интерес, так как исследование этого вопроса способно вскрыть некоторые общие закономерности разведывательной работы русских военных агентов в зарубежных странах в годы Первой мировой войны. На некоторые особенности этой работы проливает свет весьма интересный документ, хранящийся в фонде ГУГШ (ф. 2000) в Российском Государственном Военно-Историческом Архиве. Это от-

[1] К примеру, характеризуя организацию и эффективность работы агентурных организаций штаба Юго-Западного фронта в Румынии Алексеев неоднократно упоминает некие архивные документы, которые он использовал, но ссылается при этом исключительно на опубликованные воспоминания П. А. Игнатьева, которые Алексеев цитирует и пересказывает целыми страницами. Источники опровергают высокую оценку, данную Алексеевым деятельности в Бухаресте бывшего информатора департамента полиции И. Р. Кюрца, позднее, о чем не пишет Алексеев, арестованного русской контрразведкой. Вызывает сомнение и голословное утверждение Алексеева о том, что агентом русской разведки был болгарский посланник в Бухаресте, которого Павел Игнатьев в своих мемуарах якобы представил как консула одной из южноамериканских республик. Наконец, не выдерживает критики использование Алексеевым понятия «агентурная организация» применительно к деятельности казачьего унтер-офицера Б. Мезенцева — певца, командированного штабом Юго-Западного фронта в Румынию для концертно-гастрольной деятельности в целях пророссийской пропаганды в бухарестском обществе (Алексеев М. Военная разведка России. Первая мировая война. В 2-х частях. М., 2001. Ч. 1. С. 129—132, 174—186).

чет полковника Семенова о его деятельности в области агентурной разведки, составленный им в апреле 1916 г., вскоре после смены его на посту военного агента в Румынии полковником Генштаба А. А. Татариновым. В этом документе Семенов давал развернутую характеристику своим наиболее ценным агентам, а также высказывал общие соображения о принципах ведения негласной разведывательной и контрразведывательной деятельности в Румынии.

Необходимо сказать несколько слов о личности полковника Семенова. Борис Анатольевич Семенов родился 26 февраля 1873 г. Окончил Николаевский кадетский корпус, Пажеский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду, участвовал в русско-японской войне. Ко времени своего назначения в Румынию осенью 1913 г. полковник Семенов имел обширный опыт разведывательной работы, в том числе и заграничной. С февраля 1907 года он занимал должность помощника военного агента в Японии В. К. Самойлова. В служебной аттестации полковника Семенова в 1912 г. генерал-майор Самойлов так характеризовал своего подчиненного: «Умный, исполнительный, очень дисциплинированный, с большим тактом и выдержкой, находчив, умело обращается с японцами и иностранцами вообще, свободно владеет четырьмя иностранными языками, в том числе и разговорным японским, что в Японии очень важно, во всех отношениях выдающийся штаб-офицер, заслуживающий полного поощрения, незаменим в роли помощника, ибо отлично освоился с местными условиями»[2]. По всей видимости, Самойлов желал сохранить столь ценного сотрудника, однако руководство русского Генштаба приняло решение о повышении и переводе Семенова. На тексте данной аттестации генерал-квартирмейстер ГУГШ генерал-майор Ю. Н. Данилов написал: «Очень хороший. Достоин повышения на должность военного агента». Это решение было утверждено резолюцией начальника Генерального штаба генерала от кавалерии Я. Г. Жилинского[3].

Весьма показательно, что в том же 1912 г. полковник Семенов получил исключительно высокую оценку начальства не только как военный разведчик, но и как строевой командир. В аттестации Семенова по итогам его четырехмесячного прикомандирования к 7-му уланскому Ольвиопольскому полку командир этой части писал: «В физическом отношении он представляет собою сильного, выносливого офицера, несмотря на ревматизм, полученный им в Русско-Японской войне. Строевая служба в полку благотворно отразилась на его здоровье, и он, не пропуская ни одного строевого занятия, поправился настолько, что боли, которые он испытывал раньше, совершенно прекратились. Обладая широким военным кругозором вообще и, в частности, отличным знанием кавалерийского дела, он исполнял службу и возлагаемые на него поручения выше всякой похвалы, вкладывая в дело душу. Большой любитель конного спорта. Твердая воля, стойкость убеждений, большой служебный такт, громадная работоспособность, высокие нравственные качества, отличное воспитание выделяют полковника Семенова как выдающегося человека

[2] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 31390. Л. 1 об.
[3] Там же. Л. 2.

и образцового служаку... Достоин выдвижения на должность командира кавалерийского полка "вне очереди"» [4]. И все же в ГУГШ сочли более целесообразным продолжать использовать Семенова на заграничной разведывательной работе. В октябре 1913 г. он получил назначение на должность военного агента в Румынии, на смену полковнику Генштаба Е. А. Искрицкому. В связи с переводом опытного разведчика-япониста Семенова в совершенно незнакомую ему балканскую страну приходится отметить, что руководство русской военной разведки в то время не придавало большого значения страноведческой специализации своих официальных представителей за рубежом [5]. В Румынию, к новому месту несения службы, Семенов прибыл в январе 1914 г.

С самого начала своей службы в Румынии полковник Семенов приступил к поиску и приобретению источников секретной разведывательной информации. Сведения о тайных военных и политических мероприятиях руководства этой страны он получал как из бесед с представителями румынского генералитета и офицерства, со многими из которых у него установились доверительные отношения, так и от завербованных им лиц в разных слоях румынского общества. Кроме того, к Семенову поступали данные, собранные разведывательным отделением штаба Одесского военного округа, работу которого Семенов оценивал как вспомогательную. В январе 1914 г. он докладывал: «Я полагал бы признать эту деятельность немаловажным подспорьем для работы военного агента в Румынии, как по обилию и многосторонности помещаемых в ней сведений, так и по сравнительной их достоверности. Однако если выключить из этих "Сводок" сведения, добытые из "Приказов по военному ведомству" и взятые из местных румынских газет, то чисто "агентурных" данных, следует признать, имеется весьма мало, причем как те, так и другие, зачастую смешиваются вместе и упоминаются без указания источника» [6].

В 1914—1915 гг. полковнику Семенову удалось создать достаточно эффективную агентурную организацию. Лично и через посредников, «агентов-организаторов», он привлек к сотрудничеству с русской разведкой несколько десятков человек. Число его действующих агентов постоянно изменялось, что было связано с нередкими провалами и возникновением подозрений в связи того или иного агента с неприятельскими секретными службами [7]. Весьма разнообразными были задачи, решением которых занимались агенты Семенова. В первую очередь им была создана сеть «агентов-филеров» для наружного наблюдения за интересовавшими Семенова людьми. Многие агенты командировались Семеновым к австро-венгерской границе в Карпаты, в румынские дунайские города, а также

[4] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 31389. Л. 1 об.

[5] Случай с Семеновым был далеко не единичным. Осенью 1914 г. военным агентом в Болгарии был назначен подполковник Генштаба А. А. Татаринов, знаток китайского языка, служивший много лет в штабах сибирских военных округов и в качестве помощника русского военного агента в Китае. В 1916 г. Татаринов сменил полковника Семенова на его посту в Бухаресте.

[6] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3126. Л. 26.

[7] Как следует из отчетных документов, в августе 1915 г. агентурная сеть Семенова включала 31 человека, а в январе 1916 г. — только 16 человек (Алексеев М. Указ. соч. С. 131).

в Добруджу и в Болгарию, для сбора и проверки на местах сведений о военных приготовлениях румынской, австро-венгерской и болгарской армий.

В сентябре-октябре 1914 г., когда велика была вероятность совершения диверсий вражеской агентуры и рейдерских операций австро-венгерских мониторов и вооруженных пароходов против судов Экспедиции Особого Назначения, полковник Семенов по распоряжению Отдела генерал-квартирмейстера ГУГШ (Огенквар) занимался обеспечением безопасности их плавания. Для наблюдения за вражеской активностью им были командированы агенты в дунайские города Турну-Северин и Калафат, лучшему агенту Семенова было поручено следовать впереди каравана судов Веселкина под видом охотника на румынской военной лодке, с капитаном которой этот агент был хорошо знаком[8].

Большое внимание Семенов уделял сбору сведений о запасах и новых закупках вооружения и боеприпасов румынского военного ведомства. В частности, ему удалось завербовать одного из служащих Бухарестского арсенала, который в декабре 1914 г. предоставил ему точные данные о количестве патронов и артиллерийских снарядов, хранившихся там. Эта ценная информация позволила Семенову прийти к выводу о намеренном занижении румынскими властями количества имевшихся в Румынии боеприпасов с целью ввести в заблуждение общественное мнение и оттянуть вступление Румынии в войну на стороне Антанты[9].

Как следует из итогового отчета полковника Семенова, ко времени завершения своей деятельности в Румынии он располагал двумя эффективными агентурными организациями — инженера Краля и Каменского. Главным агентом и помощником Семенова стал 46-летний чех Краль, идейный борец с Австро-Венгерской монархией, осужденный ее властями на повешение. Используя свои связи в чешских колониях в Болгарии и Румынии, Краль получал большое количество ценной секретной информации, которую он предоставлял в распоряжение русской разведки. В октябре 1915 г. Краль был выслан правительством Радославова из Болгарии, где он сотрудничал с русским военным агентом полковником Татариновым, в Румынию и вступил в контакт с полковником Семеновым. Согласно отчету Семенова, за несколько месяцев их сотрудничества русский военный агент через Краля сумел установить связь с его многочисленными помощниками в румынских приграничных областях и дунайских городах. Большинство агентов Краля были славянами, в связи с чем Семенов обращал внимание своего начальства на широкие перспективы использования русофильски настроенных представителей славянских народов для ведения разведки против Центральных Держав. Для поддержания связи со своими агентами Краль и Семенов использовали услуги нескольких кондукторов Международного общества спальных вагонов. Факт наличия сети агентов русской разведки на румынских железных дорогах обращает на себя внимание, так как наблюдение за контрабандными перевозками военных

[8] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3130. Л. 218 — 221 б.
[9] Там же. Л. 276—276 об.

грузов из Центральных Держав в Болгарию и Турцию через Румынию было одной из важнейших задач русской разведки в этой стране в годы мировой войны.

О достаточно высокой эффективности агентурной деятельности Семенова свидетельствует тот факт, что ему удалось завербовать ряд офицеров действительной службы и запаса румынской армии, в том числе офицера-генштабиста из IV армейского корпуса, а также агента-информатора из числа служащих румынской тайной полиции.

В своем отчете Семенов дал подробную характеристику одному из ценных агентов инженера Краля — графу Карлу Потоцкому, представителю высшей польской аристократии и бывшему офицеру австро-венгерской армии. По иронии судьбы, Потоцкий был родным племянником графа Адама Тарновского фон Тарнов — выдающегося австро-венгерского дипломата, посланника в Софии в годы мировой войны, принимавшего личное участие в организации диверсионных операций македонских комитаджей против сербских железнодорожных коммуникаций. Располагая большим состоянием, граф Потоцкий сотрудничал с русской разведкой по идейным соображениям. Семенов высоко оценивал его способности как разведчика, имевшего, к тому же, военную подготовку, и предлагал начальству использовать Потоцкого для тайной деятельности под вымышленным именем на оккупированных австро-германцами польских землях. Одновременно Семенов отмечал и то, что с некоторого времени личность Потоцкого стала вызывать серьезные подозрения со стороны австро-германской разведки, т. е. как секретный агент он был фактически скомпрометирован.

В своем отчете о работе в Румынии полковник Семенов коснулся и вопроса о сведениях, поступавших к русским разведчикам из румынского Генштаба. По оценке Семенова, достоверность этой информации была весьма невелика, как из-за слабости румынской военной разведки, так и из-за сознательного искажения румынскими генштабистами многих фактов и данных. Примеры дезинформации, поставлявшейся румынским Генштабом, Семенов неоднократно приводил в своих текущих донесениях в ГУГШ. Большое значение имел вывод Семенова о неудовлетворительном качестве заграничной работы разведки румынского Генштаба. Неосведомленность румынского военного руководства о расположении и численности австро-венгерских войск в Трансильвании стала осенью 1916 г. одной из причин сокрушительного поражения румынской армии и крупного провала балканской стратегии Антанты. Судя по донесениям Семенова, он сам также не добился значительных результатов в деле сбора разведывательных сведений по Австро-Венгрии.

Заслуживают особого внимания слова полковника Семенова о том, что его официальные контакты с румынским Генштабом и, в частности, с начальником его разведывательного отделения полковником Никулеано, по настоянию русского посланника в Бухаресте С. А. Поклевского-Козелл были переданы в ведение И. Р. Кюрца, агента штаба Юго-Западного фронта и довольно темной личности. Столь вопиющий факт вмешательства главы русской дипломатической миссии в дела военной разведки свидетельствует не в пользу организации русской разведывательной деятельности в Румынии. К этому следует добавить, что

Кюрц, которого М. Алексеев характеризует в своей книге как весьма ценного агента, в свое время был передан русской военной разведке департаментом полиции, а в январе 1916 г. он был арестован по распоряжению генерал-квартирмейстера Ставки М. С. Пустовойтенко и отправлен в Петроград[10].

Как уже отмечалось, полковник Семенов придавал большое значение сбору сведений о деятельности в Румынии секретных служб враждебных России государств, т. е. «контршпионажу». В своем отчете Семенов писал, что к контрразведывательной работе им была привлечена агентурная организация Каменского, помощника штабс-капитана Юрьева, командированного в Бухарест штабом Юго-Западного фронта. Из отчета Семенова следует, что он получил разрешение Юрьева использовать людей Каменского в своих целях. Наиболее надежными Семенов считал агентов Каменского из числа трансильванских румын, антиавстрийские убеждения которых позволяли рассчитывать на их преданность. С помощью этих агентов Семенов сумел наладить эффективную систему наружного наблюдения за военными атташе Австро-Венгрии и Германии в Румынии, что давало ценные сведения об их агентурных контактах. Неприятельская сторона демонстрировала несовершенство методов агентурной работы: тайные агенты австро-венгерского военного атташе являлись непосредственно к нему в дом, за которым вели наблюдение филеры полковника Семенова. В деле изучения австро-германского шпионажа в Румынии полковник Семенов добился значительных успехов, о чем свидетельствует составленный им в апреле 1916 г. специальный подробный доклад генерал-квартирмейстеру ГУГШ. В этом докладе Семенов перечислял все основные тайные агентурные организации вражеских разведок в Румынии, поименно называл основных агентов германских и австро-венгерских секретных служб в Бухаресте и других крупных румынских городах, обстоятельно описывал механизмы их работы[11].

К числу важных достижений полковника Семенова следует отнести привлечение им к сотрудничеству с русской разведкой некоего Гольдберга (агента организации инженера Краля), служащего бухарестской конторы венской фирмы «Шенкер

[10] Лемке М. К. 250 дней в царской Ставке. 1916. Минск, 2003. С. 21. По сведениям Лемке, агент Илья Романович Кюрц был под видом журналиста командирован в Румынию для сбора данных о соответствии занимаемой должности русского посланника в Бухаресте Поклевского. Однако Кюрц скомпрометировал себя продажностью, связями с румынской тайной полицией и германофильской консервативной партией (Там же. С. 340—341). Помимо данного случая, центральные органы русской разведки терпели и другие неудачи, пытаясь импровизационным путем активизировать деятельность агентурной разведки в Румынии. Примером этого служит описанная М. Алексеевым история агентурной организации В. Г. Янчевецкого, корреспондента Петроградского Телеграфного Агентства в Бухаресте. Осенью 1914 г. журналист Янчевецкий (получивший впоследствии известность как писатель под псевдонимом Василий Ян) предложил Отделу генерал-квартирмейстера (Огенквар) ГУГШ свои услуги и обширный план ведения разведки против Турции. Огенквар выделил ему денежные средства и передал его на связь полковнику Семенову. Однако никаких положительных результатов Янчевецкий не добился; вскоре он проявил свою полную профессиональную непригодность как разведчик, и в феврале 1915 г. Огенквар прекратил неудачный эксперимент по сотрудничеству с ним (См. Алексеев М. Указ. соч. С. 146—150).

[11] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3058. Л. 141—149.

и Ко.», которая в годы Первой мировой войны была крупнейшим организатором военной контрабанды через страны Балканского полуострова и выполняла, помимо того, иные секретные поручения Генеральных Штабов Центральных Держав[12].

Наконец, следует отметить, что в результате смены Семенова полковником Татариновым в феврале 1916 г. поступление информации от обеих агентурных организаций русского военного агента в Румынии (Краля и Каменского) оказалось под угрозой срыва. Краль по личным мотивам не желал более сотрудничать с Татариновым, в свое время не предоставившим ему русского паспорта; Каменский также не захотел продолжать работать одновременно для штабс-капитана Юрьева и военного агента. Фактически, полковник Семенов не смог передать своему преемнику использовавшуюся им агентурную сеть, что может быть расценено лишь как неудача русской разведки.

В своем отчете полковник Семенов обращал внимание начальства на ряд серьезных трудностей, с которыми сталкивался русский военный агент в деле агентурной разведки в Румынии. Возможность его прямых контактов с агентами была сведена на нет, поскольку румынская тайная полиция вела плотную слежку за официальным представителем русского Генштаба. Показательным в этом отношении является рассказ Семенова о посещавшем его румынском запасном офицере-топографе, который был выслежен полицией и с трудом избежал ареста. Полковник Семенов высоко оценивал эффективность деятельности местной тайной полиции, и при этом подчеркивал, что многие ее сотрудники, в том числе и ее глава Панаитеску, были, по его данным, подкуплены австро-германцами. Несмотря на это, Семенов полагал, что возможность привлечения Панаитеску к сотрудничеству с русской разведкой заслуживала изучения. Из-за враждебной русским интересам высокой активности румынской политической полиции Семенов считал целесообразным положить конец непосредственным контактам военного агента в Румынии с его негласными источниками и передать их в ведение особого лица. Этого человека следовало тайно командировать в Кишинев, откуда им могли бы совершаться поездки в румынские Яссы для встреч с агентами.

Из текста отчета полковника Семенова следует, что он испытывал серьезные подозрения в отношении преданности многих своих агентов. Единственным средством контроля над деятельностью агентуры в Румынии Семенов считал создание эффективной системы «контршпионажа», которая, по его убеждению, должна была находиться в ведении главы русской военной разведки в Румынии. Значительное преимущество секретных служб враждебных России государств русский военный агент видел в их способности платить «сумасшедшие цены» для подкупа интересующих их лиц, в том числе и людей русской разведки. В данном случае, по всей видимости, имела место завышенная оценка русским разведчиком финансовых возможностей противника. Представители Центральных Держав в Румынии были, в свою очередь, убеждены, что Россия существенно опере-

[12] Подробнее о торговом доме «Шенкер и Ко.» см.: Pethoe A. Agenten fuer den Doppeladler: Oesterreich-Ungarns Geheimer Dienst im Weltkrieg. Graz, 1998. S. 74—77.

жала их в области подкупа румынских деятелей. Австро-венгерский посланник в Румынии граф Оттокар Чернин фон унд цу Худениц вспоминал: «С первого же дня войны Россия еще шире раскрыла свои золотые шлюзы, и Румыния была затоплена рублями» [13].

Изучение данного отчета полковника Семенова позволяет сделать несколько важных выводов о работе русского военного агента в Румынии в годы Первой мировой войны. В условиях военного времени полковник Семенов столкнулся с рядом трудностей в деле организации агентурной разведки, связанных с его официальным и достаточно открытым положением. Основные его помощники или находились в поле зрения румынских и австро-германских секретных служб, и над ними висела угроза ареста румынскими властями, высылки и т. д., или же они вызывали подозрения у самого Семенова. Наиболее ценный помощник Семенова инженер Краль был осужден в Австро-Венгрии за государственную измену, его участие в подрывной деятельности против Дунайской монархии было очевидным фактом. Граф Потоцкий также был скомпрометирован как тайный агент. Наконец, главе второй агентурной организации Семенова Каменскому, который поддерживал связь с многими ценными источниками секретной информации, русский военный агент, по его собственным словам, перестал доверять.

На основе опыта своей двухгодичной работы в Румынии полковник Семенов пришел к выводу, что в военное время в условиях активной работы неприятельской контрразведки и румынской тайной полиции только хорошо законспирированная резидентура русской военной разведки могла эффективно решать задачи сбора агентурных сведений о Румынии и сопредельных странах. Иными словами, уже в начале Первой мировой войны разведчикам русского Генштаба стало ясно, что официальные военные агенты в зарубежных странах, которые прежде успешно выполняли основной объем работы по сбору и первичному анализу агентурной информации, в изменившейся обстановке не могли столь же результативно вести негласную разведку. Таким образом, практика подводила черту под предвоенными дискуссиями офицеров русской разведки, в ходе которых обсуждались проблемы степени участия военных агентов в нелегальной разведывательной деятельности [14]. Первая тотальная война XX в. предъявила качественно новые требования к деятельности военной разведки, главным орудием которой отныне должны были стать нелегальные резидентуры в зарубежных странах.

Итак, отчет полковника Семенова об организации и деятельности его агентурной сети является ценным источником по истории русской военной разведки начала XX в. и времен Первой мировой войны. Этот документ показывает, как на раннем этапе институционального становления разведывательной службы русского военного ведомства вырабатывался и передавался ценный практический

[13] Чернин О. В дни мировой войны. М. -Пг., 1923. С. 123.

[14] О спорах сотрудников русской разведки в связи с разработкой в 1909 г. «Указаний военным агентам по ведению нелегальной разведки» см.: Шелухин А. Ю. Русская военная разведка в начале XX века (1906—1914 гг.): Диссертация на соискание учен. ст. канд. ист. наук. М., 1997. С. 70—72.

опыт ведения тайной агентурной разведки в нейтральных странах в условиях большой европейской войны. События последующих лет свидетельствуют, что полученные русскими разведчиками в те трудные годы профессиональные знания и навыки не были полностью утрачены после крушения Российской империи в 1917 г., а, напротив, были восприняты теми, кто в новых исторических условиях продолжил нелегкую службу русской военной разведки.

Публикуемый отчет полковника Генштаба Б. А. Семенова хранится в Российском Государственном Военно-Историческом Архиве в фонде ГУГШ (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3058. Л. 128—140) и представляет собой 13 машинописных листов, с подписью и рукописными исправлениями автора документа, а также неразборчивыми пометками на полях. Текст публикуемого документа воспроизводится с незначительными орфографическими и синтаксическими исправлениями, с сохранением подчеркиваний оригинала.

В[есьма] Секретно

Генерал-квартирмейстеру Генерального штаба.
Состоящий в распоряжении
начальника Генер[ального] штаба
Ген[ерального] штаба
полковник Семенов
14 апреля 1916 г[ода] № 33 г. Петроград

Рапорт

Во исполнение приказания вашего превосходительства при сем представляю краткий очерк тех условий, при которых приходится работать в деле секретной разведки в г. Бухаресте, а также ту организацию, с которой я имел дело в последние месяцы моего пребывания в Румынии в должности военного агента.

Как то можно усмотреть из моего рапорта об организации австро-германской секретной разведки в Бухаресте, получившей название «Южного Отдела» в отличие от «Северного» (Сканд[инавские] гос[удар]ства и Голландия) и «Центрального» (Швейцария) — в этом городе сосредоточен целый ряд австро-германских секретных организаций, направленных как против России[15], так и для секретной политической пропаганды в самой Румынии, — поэтому, при наличии сколько-нибудь серьезной разведывательной организации с нашей стороны следует принимать во внимание следующие обстоятельства:

Настойчивую необходимость правильно организованного контр-шпионажа, так как только при наличии налаженности этой службы можно быть сколько-нибудь уверенным, что наши собственные секретные агенты не будут переловлены в пределах наших врагов, а, кроме сего, принимая во внимание громадный соблазн перехода на сторону наших врагов, платящих сумасшедшие цены за услуги своих агентов и старающихся перекупить

[15] См. мой специальный доклад со списком австро-германских секр[етных] агентов (от 18 апр[еля] за № 34) (Прим. Б. А. Семенова. — *публ.*)

на свою сторону наших людей — можно быть уверенным в лояльности состава нашей собственной организации.

При этом крайне необходимо, чтобы служба контр-шпионажа и самой разведки находилась бы под одним и тем же общим руководством. В этом отношении мы значительно грешили до сих пор, командируя с целью контр-шпионажа лиц, не подчиненных руководителям секретной военной разведки.

Кроме сего, преследуя главную цель, скрыть от надзора наших врагов нашу существующую тайную организацию (какова бы она ни была, если деятельность ее признается удовлетворительной), я полагал бы также весьма желательным поставить руководителя разведкой в такие условия, чтобы он, по возможности, не входил в непосредственные сношения со всеми агентами своей организации, а только с главными его помощниками. Как бы искусно ни был замаскирован тот агент, который будет командирован в Бухарест для ведения тайной разведки, он, как вновь прибывшее лицо, должен обратить на себя внимание довольно хорошей румынской тайной полиции и, достаточно ему встретиться где-либо с одним из моих бывших агентов, чтобы за ним немедленно не был бы организован самый тщательный надзор, как со стороны румынской тайной полиции, так и со стороны ее негласных хозяев — австро-германцев.

Я полагал бы наиболее соответственным назначить местопребывание командируемого нами лица — в г. Кишиневе, так как, благодаря близости этого города к румынской границе — этому лицу будет весьма легко установить всякого рода связь с его организацией в Бухаресте, а деятельность его будет значительно замаскирована.

Это лицо, наконец, для личных свиданий со своими агентами могло бы выезжать в г. Яссы, отстоящий от нашей границы всего лишь на 40 минут хода по жел[езной] дороге.

Главным моим помощником в деле как секретной разведки, так и тесно с нею связанного контр-шпионажа, стоял чех инженер Краль, 46 лет от роду, австро-венгерский подданный, бывший председатель Чешского Союза в Софии и высланный в октябре 1915 года Радославовым за «вредную» деятельность из пределов Болгарии. Подробные сведения об этом лице мною представлены в одном из моих предшествующих докладов, а именно в докладе «Об организации секретной разведки, опираясь на дружественные нам славянские народности»[16].

По моему личному опыту, инженер Краль является незаменимым сотрудником-организатором в таком ответственном деле, как секретная разведка в военное время и, кроме того, отличаясь громадной трудоспособностью, ловкостью и надежностью, агент этот обладает столь редкими, специальными талантами по секретной разведке. Я полагал бы более целесообразным использовать его в более широком смысле, а именно поставить его во главе наших организаций в Северной Европе.

Почти все его суб-агенты — также славяне, за одним исключением — некоего Гольдберга, французского еврея[17] — служащего в главном австро-германском шпионском бюро — конторе Шенкер и Ко. в Бухаресте.

Гольдберг был привлечен мною к работе, вначале по делу борьбы с германской военной контрабандой в Турцию, а затем исключительно в целях контр-шпионажа, в каком деле он оказал мне исполненные услуги.

[16] Здесь прилагается дополнительно: а) Записка, сост[авленная] инж[енером] Кралем, «О деятельности председательства Чешского Общества и колоний в Болгарии»; б) 4 документа, касающихся до прошлой деят[ельности] инж[енера] Краля; в) один образец его подлинного донесения (отдельный конверт). (Прим. Б. А. Семенова. — *публ.*).

[17] Живущим долго во Франции (Прим. Б. А. Семенова. — *публ.*).

Помощниками главными у моего главного агента инженера Краля служили:

1) Бывший главный контролер Международного общества спальных вагонов — Фрейсбергер — также чех. Фрейсбергер служил мне главным образом для связи с различным суб-агентами инженера Краля по всей Румынии, находящимися в различных пограничных с Австро-Венгрией областях, как то в Турну-Северине, Верчиорове, Каинени, Предеале, Гимеше, Бурдужени и румынских дунайских портах. Сколько мне известно, агент Фрейсбергер пользовался также услугами нескольких контролеров и кондукторов спальных вагонов для передачи в Бухарест донесений.

2) Бывший журналист, словак, австро-венгерский подданный Година; служил также агентом для связи и деятельным помощником инженера Краля. Одно время я определил его кондуктором Международного общества спальных вагонов, куда он может опять, если это окажется нужным, поступить. Человек интеллигентный и вполне надежный, но требует опытного руководителя.

3) Граф Карл Потоцкий — бывший гусарский офицер австро-венгерской армии, около 45 лет отроду, племянник графа Тарновского, теперешнего австро-венгерского посланника в Софии, который его устроил служащим в одном из банков в Рущуке (Болгария), но который, будучи давно и хорошо знаком с инженером Кралем, выехал с моего согласия в Бухарест для службы нам по секретной разведке. Человек вполне надежный и неоцененный для различных секретных целей в военное время. Хорошо говорит по-русски, по-видимому, предан России, имеет родственников — помещиков Виленской губернии, тоже графов Потоцких. Отец его гр[аф] Иосиф Потоцкий, бывший генерал-адъютант Максимилиана I, ныне крупный галицийский помещик (Бучача, Мариамполь, Галиция), который, как я слышал, недавно умер и оставил громадное наследство упоминаемому в сем рапорте младшему сыну своему Карлу Потоцкому. Граф Потоцкий ездил с секретным поручением от меня в Болгарию, но был там заподозрен, арестован и выпущен только по настоянию своего дяди австрийского посланника в Софии — Тарновского, который потребовал, чтобы он выехал из пределов Болгарии. Вообще граф Потоцкий уже теперь скомпрометирован в глазах местных австро-германских агентов и не может обратно въехать в Австро-Венгрию. Граф Карл Потоцкий мог бы оказать нам неоценные услуги среди польского населения занятых германцами областей. Он соглашается выехать в тыл германских войск, но, конечно, под фальшивым паспортом. Я его до сих пор не высылал только потому, что счел нужным установить за ним самое строгое предварительное наблюдение, результаты коего оказались для гр[афа] Потоцкого вполне благоприятными. Мои справки о нем, а также об инженере Крале у начальника румынской тайной полиции г[осподина] Панаитеску дали также совершенно удовлетворительные результаты, и г[осподин] Панаитеску даже удивился моим вопросам об этих двух лицах. Гр[аф] Потоцкий имеет очень влиятельную и знатную родню: мать его рожден[ная] княжна Яблоновская, дочь кн[язя] Карла, бывшего маршала галицийского дворянства. Сестра ее гр[афиня] Кусажевская, а дочь ее княжна Любомирская. Сведения эти мною приводятся для того, чтобы можно было, в случае необходимости, навести дальнейшие справки о гр[афе] Карле Потоцком.

Гр[аф] К. Потоцкий весьма интеллигентный и развитой человек, обладающий особыми способностями по секретной разведке[18] и достаточной, как офицер, специальной подготовкой.

[18] Здесь прилагаются два образца подлинных донесений гр[афа] К. Потоцкого (в отдельном конверте). (Прим. Б. А. Семенова. — *публ.*)

В совершенстве греческим языком, кроме других европейских (франц[узского], англ[ийского] и немецк[ого]), отлично знает греческую армию, в которой, кажется, даже служил добровольцем.

Гр[аф] Потоцкий — главный и самый деятельный помощник инженера Краля.

4) Другие различные мелкие агенты, которые мне лично неизвестны, но знакомы мне из псевдонимы, как то: Морнео, Флора и друг[ие].

Ввиду того, что инженер Краль не пожелал продолжать работу с полковником Татариновым, на которого он в претензии за отказ в выдаче ему русского паспорта во время административной высылки Радославовым из Болгарии в октябре прошлого года (1915)[19]. По его словам, Краль работал для полк[овника] Татаринова безвозмездно, но в Бухаресте брал с меня вознаграждение, так как, по его словам, чешская колония в Бухаресте очень немногочисленная и бедная и на ее безденежную помощь рассчитывать нельзя.

Доказательством доверия и уважения к инженеру Кралю, как к опытному агенту, служит нижеследующий факт: Краль был приглашен в декабре 1915 года к начальнику румынской тайной полиции, где встретил начальника разведывательного отделения румынского Генерального штаба подполковника Никулеано, который поручил ему организовать разведку для рум[ынского] Генштаба в Болгарии. Краль должен был на это согласиться, так как иначе ему угрожали бы различные притеснения со стороны румынских властей. Копию рапорта своего в рум[ынский] Генштаб он представил мне на 3 дня ранее. Факт этот был мною проверен. Из сего можно опять таки заключить, насколько плохо организована в румынском Генеральном штабе служба секретной разведки, что ему приходится отбирать для сей цели агентов у русского военного агента. Причиной столь плохой организации секретной разведки в рум[ынском] Генштабе служит главным образом нежелание покойного рум[ынского] короля Карла заниматься этим делом в мирное время, так как покойный король не допускал возможности войны с Австро-Венгрией — его союзницей. Поэтому рум[ынский] Генштаб всегда был чрезвычайно плохо осведомлен обо всем том, что делается в глубоком тылу австро-венгерского фронта. В случае необходимости подтверждение сему можно получить, запросив о сем мнение штаба главнокомандующего Юго-Западного фронта, куда все донесения из рум[ынского] Генштаба посылались некоим Кюрцем, который в течение нескольких месяцев, по настоянию и просьбам нашего посланника в Бухаресте, заменял, так сказать, в Генштабе меня, военного агента. Кюрцу сообщались все сведения самым регулярным образом и совершенно официально нач[альником] развед[ывательного] отдел[ения] рум[ынского] Генштаба полковником Никулеано. Близость своих отношений Кюрц с этим офицером совершенно не скрывал. Так, в день торжественного раута в нашем посольстве по случаю тезоименитства государя императора 6 декабря 1915 г. Кюрц демонстративно вошел в приемную залу под руку с полковником Никулеано.

Сколько мне известно, Штаб главнок[омандующего] Юго-Зап[адного] фронта был крайне недоволен сведениями, получаемыми Кюрцем из румынского генштаба и совершенно не принимал их во внимание. В своих донесениях я неоднократно указывал на возможность тенденциозности сообщаемых официально рум[ынским] генштабом иностранным военным агентам сведений. Так, румыны постоянно старались своими сообщениями внушить мне, что германцы производят крупные перевозки в Буковину, стараясь

[19] В подлиннике предложение не согласовано (*Прим. публ.*).

этим, по видимому, приковать наше внимание к нашему крайнему левому флангу, конечно, в своих собственных интересах[20]. Все эти самые верные, по словам румын, сведения, — совершенно не подтвердились и, после нашего последнего наступления в Буковине, нами не было взято в плен ни одного германского солдата. Сведения, получаемые рум[ынским] Генштабом от своих военных агентов за границей — несколько более ценны, но сведения эти не сообщаются регулярно и, нужно думать, что румыны не хотят делиться всеми сведениями, у них находящимися, каковы бы они неполны и ни были.

О вышеизложенном считаю своим долгом донести с тем, чтобы обратить внимание на необходимость секретной разведки в Румынии, так как на сообщаемые рум[ынским] Ген[еральным] шт[абом] сведения — совершенно нельзя полагаться. Секретная разведка других наших союзных военных агентов — совершенно никуда не годится и ее можно признать несуществующей.

Все союзные военные агенты установили между собою за правило собираться раз в неделю и обмениваться сведениями. При мне эта хорошая мера тщательно выполнялась, и благодаря ей между всеми воен[ными] агентами был установлен постоянный обмен мыслей. Также удалось замстить, что румыны почему то выделили в особую группу агентов русского, французского и сербского — которым сообщали буквально одно и то же. Английскому же и итальянскому военным агентам, в особенности первому — сообщались более часто выдержки из донесений румынских военных агентов заграницей — в Болгарии, Австро-Венгрии и Турции — но никогда ничего не сообщалось из донесений румынского военного агента в Берлине.

Хотя я и не могу привести особых доказательств, но я вполне уверен, что румынский Генштаб установил подобные же дружественные отношения — и с германским, австровенгерским, турецким и болгарским военными агентами в Бухаресте. Благодаря румынскому населению нашей Бесарабии — рум[ынский] Генштаб имеет некоторую возможность быть осведомленным о наших новых формированиях в этой области и о передвижениях наших войск. Быть может, рум[ынский] Генштаб сообщает также выдержки из донесений рум[ынского] воен[ного] агента в Петрограде — военным агентам воюющих с нами государств. Если это производится, быть может, и неофициально, то наверно эти донесения становятся сейчас же известны в Бухаресте австро-германцам.

* * *

Во главе службы контр-шпионажа в бытность мою военным агентом в Румынии стоял некто (к сожалению) русский еврей Каменский, человек, которому я в последнее время перестал доверять. Каменский за все время войны служил главным агентом-информатором и организатором у штабс-капитана Юрьева, командированного в Бухарест Штабом Юго-Западного фронта. Так как шт[абс]-кап[итан] Юрьев не занимался в большом масштабе контр-шпионажем, то я, с его ведома и согласия, предложил Каменскому работать у меня по этой отрасли секретной разведки. При назначении моим заместителем полковника Татаринова Каменский заявил мне, а шт[абс]-кап[итан] Юрьев мне это подтвердил, что он больше не может согласиться на одновременную работу Каменского и у него, т. е. для Штаба Ю[го]-Западного Фронта — и у военного агента. Причин на сие мне шт[абс]-кап[итан] Юрьев не выяснил. Поэтому я не могу передать Каменского, как

[20] То же самое относится и до сведений рум[ынского] Ген[ерального] штаба о накоплении герм[анских] войск в Банате, оказавшихся ложными (Примеч. Б. А. Семенова. — *публ.*).

одного из моих агентов, тому лицу, которое будет командировано в Бухарест Гл[авным] Упр[авлением] Ген[ерального] штаба, а могу лишь указать на его суб агентов, с которыми можно будет войти в связь при помощи того же Каменского. Я называю лишь наиболее надежных людей, румын-трансильванцев и исключаю всех евреев как самый ненадежный элемент:

1) Варворсану — трансильванский румын. Очень способный разведчик, который опирается в своей работе на массу румын-трансильванцев, проживающих в Бухаресте. Имеет брата — служащего в тайной полиции.

2) Пулька — также трансильванский румын. Назначался мною главным образом для наблюдения за германским и австрийским военными агентами и их квартирами: (австро-венгерский военный агент подполковник Максимилиан Ранда — страда Комета № 49 и германский военный агент подполковник Бронзар-фон-Шеллендорф — страда Пуцу де Пиатра № 10). Наблюдения эти приводили к очень удовлетворительным результатам по делу контр-шпионажа, в особенности за австро-венгерским военным агентом, который лично принимает многих своих секретных агентов и приезжающих лиц из России. Этой системой следовало бы особенно пользоваться.

3) Один из чиновников румынской тайной полиции, которому доступны ее архивы. Его фамилия мне неизвестна, но с ним можно войти в связь опять-таки при помощи вышеупомянутого Каменского. Был мне очень полезным сотрудником. Давал частые, краткие, но дельные рапорты по контр-шпионажу и вообще осведомлял о всем том, что делалось в румынской тайной полиции. Следует упомянуть, что секретная разведка румынского Генерального штаба, не в пример прочим государствам, ведется исключительно через посредство румынской тайной полиции и ее шефа — Панаитеску, который играл важную роль при покойном румынском короле Карле, служа ему также для политического филерства. Румынский Генеральный штаб несколько раз пытался кончить подобный неестественный порядок вещей и взять в свое непосредственное ведение дело секретной разведки — но напрасно, и одной из жертв этой борьбы даже пал бывший начальник Генерального штаба, один из самых талантливых генералов румынской армии генерал Авереско, получивший потом пост командира I-го армейского корпуса. Секретная разведка производится следующим образом: начальник разведывательного отделения (теперь полковник Никулеано) встречает своих секретных агентов исключительно в помещении румынской тайной полиции. Агентов этих достает для Генерального штаба начальник тайной полиции. Таким образом, румынский Генштаб находится в полной зависимости в деле военной разведки от начальника тайной полиции или, что то же, от его главного начальника — министра внутренних дел. Офицеры Генерального штаба этим порядком вещей очень недовольны, разведка их продолжает быть весьма неудовлетворительной и одно учреждение слагает свою ответственность в этом трудном деле — на другое.

Здесь надлежит прибавить, что как сам начальник румынской тайной полиции, так и громадное число из ее состава — закуплены австро-германцами и работают для них, покрывая, с одной стороны, деятельность ав[стро]-герм[анских] шпионов в самой Румынии, с другой же стороны, предоставляя свои услуги по вылавливанию наших русских секретных организаций. Во всяком случае, личность начальника румынской тайной полиции Панаитеску — довольно незаурядная. Это крупный карьерист, который метит далеко, так как ему известны прегрешения многих из видных политических деятелей Румынии из различных партий, чем он, по румынскому обычаю, конечно, не замедлит при случае воспользоваться при выставлении своей кандидатуры, напр[имер], на пост министра внутренних дел. Панаитеску человек очень хитрый, умный и совершенно ненадеж-

ный, однако личность его следует принять во внимание и, если представится случай — ее использовать в наших интересах, так как ему известны румынские политические и военные интриги — больше, чем кому-либо другому. Однако при этом следует считаться, что он, несомненно, уже основательно закуплен немцами.

4) Лазареску — юркий и очень способный разведчик-филер. Сравнительно надежный, если ему платить хорошо. Связь с ним — также через Каменского.

5) Целый ряд других суб-агентов, служивших мне через посредство Каменского, но имена коих мне неизвестны. От их услуг лучше и осторожнее будет отказаться, так как их деятельность и характеристика мне в точности не известна.

6) Из числа румынских офицеров следует упомянуть о капитане Генерального штаба Партения, Илье. Офицер этот посылается на разведку в Буковину и делился со мною своими рапортами, представляемыми им в генеральный штаб. Его условный адрес также известен Каменскому, так как через него я посылал ему инструкции на станцию Бурдужени в Молдавии. Капитан Партения служит офицером Генштаба в 4-м арм[ейском] корпусе. Кроме сего, следует указать на могущих нам работать офицеров-авиаторов: поручика Кантакузена (стрелк[ового] батальона) и лейтенанта Михайлеску (офицер флота). Оба эти офицеры часто давали мне ценные сведения, но я, из опасности скандала не пользовался достаточно широко их услугами. Затем офицер-топограф в запасе Иоанид. Посылался мною для разведки тет-де-пона[21] у Силистрии и дунайских берегов. Очень добросовестный работник, но недалекий человек. В конце концов был выслежен румынской полицией посещающим меня, и ему с трудом удалось избежать ареста.

7) Железнодорожный служащий на станции Предеал — Дюранд, полуфранцуз, очень скромный, но толковый человек. Работал для меня по наблюдению за пограничными гарнизонами австро-венгерцев, а также по определению румынских военных мероприятий на венгерской границе. Давал очень правдивые и точные сведения. Его следует непременно поощрить.

* * *

Таким образом, для того, чтобы войти в связь с бывшими моими двумя главными помощниками-организаторами и принять мои две организации, следует обратиться:

1) Организация инженера Краля (Главная) — к подполковнику флота Найденову — ул. Романа № 40 бис. Инженер Краль отказался работать для полковника Татаринова, обвиняя его в том, что, когда он, Краль, был выселен из Софии Радославовым, то полковник Татаринов предоставил его своей собственной судьбе и не спросил ему покровительство наших властей (паспорта), так что Краль рисковал быть выданным румынскими властями Австро-Венгрии, где он присужден к повешению, а жена его заключена в тюрьму. Пока он работает через подполковника Найденова для штаба Экспедиции Особого Назначения в Рени св[иты] е[го] в[еличества] контр-адмирала Веселкина и получает, как я слышал, 5000 франков в месяц. Я полагаю, что Краль, как мой бывший агент, согласится работать для Гл[авного] Упр[авления] Ген[ерального] штаба, но, как я уже упоминал в начале сего доклада, его следовало бы лучше использовать в деле разведки с севера.

2) Организация Каменского — следует войти в связь при посредстве шт[абс]-капитана Юрьева (русская миссия).

[21] Тет-де-пон *(фр.)* — предмостное укрепление *(Прим. публ.)*.

* * *

В заключение считаю своим долгом обратить внимание на недавно введенную меру австро-германцев для воспрепятствования нашей секретной разведке. Сведение это получено мною совершенно недавно и является для меня новостью:

Подданные нейтральных государств не имеют права обратного въезда в Австро-Венгрию и Германию, ранее истечения 8-ми дневного срока со времени переезда ими через границы этих государств. Правило это распространяется также при переезде из Австрии в Венгрию, из Австро-Венгрии в Германию и из сей последней в занятые германцами или австрийцами неприятельские территории.

Этой мерой австро-германцы крайне затруднили нам единственный верный способ получения донесений — путем посылки людей для связи.

Я полагал бы, что и нам следовало бы принять аналогичные ограничения для путешествующих через Россию подданных нейтральных государств, так как мне хорошо известно, что наши враги пользуются этим способом в самом широком масштабе для получения секретных донесений.

Приложение: конверт с 8-ю документами.

Генерального штаба
полковник *Семенов*

А. В. ГАЛИН

Вожди антибольшевистского движения оренбургского казачества в Николаевской Академии Генерального штаба, 1901—1914 гг.: опыт историко-психологического исследования

Тема данной публикации в какой-то степени необычна. Выбор ее связан с принципиальной позицией автора о недопустимости дробления отечественной истории на период до и после 1917 г. Такой подход лишает исследователей истории Гражданской войны возможности увидеть целый комплекс сложнейших проблем, понять причины гражданского противостояния и его характер. В значительной степени это относится и к истории русского офицерского корпуса, а также элитного меньшинства внутри него — корпуса офицеров Генерального штаба (накануне Первой мировой войны корпус офицеров Генштаба составлял около 2% русского офицерского корпуса).

В период Гражданской войны исход боев нередко напрямую зависел от личных качеств командира, его профессиональных навыков и опыта, что, в первую очередь, касалось офицеров Генерального штаба, отвечавших за планирование боевых операций, и потому всесторонний анализ дореволюционного прошлого этих представителей русской военной элиты приближает нас к пониманию особенностей самой Гражданской войны. Без учета противоречий, существовавших в среде генштабистов до 1917 г., без учета уровня подготовки офицеров Генштаба невозможно понять ни причины раскола, произошедшего в их среде в 1917 г., ни особенности военного строительства антибольшевистских формирований и РККА в годы Гражданской войны.

Именно поэтому особый интерес представляет изучение «академического» периода жизни будущих лидеров противоборствующих лагерей: белого и красного. За годы обучения в Николаевской Академии Генерального штаба (с 4 августа 1909 г. — Императорская Николаевская Военная Академия) выявлялись способности слушателей Академии, их склонность к тем или иным предметам, особенности характера. В период обучения формировались взгляды будущих генштабистов, их взаимоотношения. В конце концов, от результатов, полученных в Академии, в жизни слушателей зависело очень многое. Чем выше был средний балл выпускника, тем больше у него было шансов быть причисленным к Генеральному штабу, получить хорошую вакансию и следующий чин, сравнительно быстро сделать удачную карьеру.

Баллы, полученные слушателями по различным предметам, несмотря на их определенную субъективность, представляют значительный интерес для историков, позволяя в какой-то мере оценить потенциал того или иного офицера, его сильные и слабые стороны в разных отраслях военного дела, сделать выводы об особенностях его мышления и характера. Интересны сравнения результатов академических испытаний офицеров-сокурсников, прославившихся впоследствии как в рядах антибольшевистского движения, так и в Красной армии. К сожалению, документы об успеваемости слушателей Академии начала XX в. сохранились до наших дней лишь фрагментарно и притом крайне разрозненно, что обусловило неполноту этих сведений в нашей работе. При интерпретации академических баллов следует учитывать, что даже в таком элитном военно-учебном заведении, как Николаевская Академия Генерального штаба, оценки не всегда отражали истинные способности слушателей. Выводы можно уточнить с помощью личностных характеристик офицеров, дававшихся преподавателями Академии и частично сохранившихся в ее делопроизводстве, а также воспоминаний их сокурсников. Особенно, на наш взгляд, показательны такие исследования на примере замкнутых групп. В данном случае это генштабисты, ставшие впоследствии вождями антибольшевистского движения оренбургского казачества.

Как ни странно, такого рода историко-психологических исследований на основе материалов Николаевской Академии Генерального штаба ни в отечественной, ни в зарубежной историографии до сих пор не предпринималось. Вызвано это, на наш взгляд, существующим в историографии неоправданным разрывом между взаимосвязанными событиями до и после 1917 г., достаточно часто воспринимаемыми исследователями как две различные области изучения. В частности, в нескольких фундаментальных научных трудах последних лет, затрагивающих проблемы офицерского корпуса периода Гражданской войны, проблема подготовки офицерских кадров ограничена лишь рамками этой войны, хотя очевидно, что основная масса старших и высших офицеров прошла подготовку до 1917 г.[1] Отметим также, что и сам учебный процесс в Академии исторической наукой пока изучен крайне поверхностно[2]. В данной статье мы и попытаемся в какой-то мере восполнить существующий пробел.

[1] Волков Е. В. Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования. Челябинск, 2001. С. 65—94; Константинов С. И. Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны. Екатеринбург, 1997. С. 177—181.

[2] В единственном на данный момент в отечественной историографии специальном исследовании развития высшего военного образования Российской империи изучению учебного процесса в Академии уделено лишь восемь страниц — Машкин Н. А. Высшая военная школа Российской империи XIX — начала XX века. М., 1997. С. 225—232. Авторы других монографических исследований вообще не уделяют внимания этому вопросу. См., напр.: Каменев А. Военная школа России (уроки истории и стратегии развития). М., 1999; Лушников А. М. Армия, государство и общество: система военного образования в социально-политической истории России (1701—1917 гг.). Ярославль, 1996.

Корпус офицеров Генерального штаба как особая замкнутая корпорация внутри русского офицерского корпуса окончательно оформился в 90-е гг. XIX в.[3] К началу XX в. престиж офицера Генерального штаба значительно возрос. Офицеры Генштаба, представляя элиту русской армии, были кандидатами на высшие командные и штабные должности. Поэтому строевые офицеры к генштабистам относились плохо и, завидуя их быстрому карьерному росту, придумали для них презрительную кличку — «момент»[4]. Генштабисты платили строевикам той же монетой, и сами свысока смотрели на тех, кто не учился в Николаевской Академии Генерального штаба, считая их неудачниками или просто людьми, несведущими в военной науке.

Взаимоотношения между самими офицерами Генштаба — сюжет для отдельного исследования. Здесь были свои противоречия, обусловленные различиями в происхождении офицеров, их принадлежностью к гвардейским или армейским частям. Вместе с тем, в академические годы однокурсники образовывали своеобразные землячества и группировались по военным округам[5]. Многие офицеры после окончания Академии поддерживали дружеские взаимоотношения и следили за продвижением своих бывших однокашников по службе. Более того, бывшим слушателям Академии по характеру их работы в военных округах приходилось находиться в постоянном контакте друг с другом, вращаться как бы в своем, закрытом для посторонних, сообществе. Порой именно конфликты внутри этого сообщества или же служебные неудачи становились основной причиной перехода генштабистов на службу советской власти после 1917 г.

Годы учебы были серьезным испытанием для слушателей Академии, учебный курс которой был достаточно труден, а программа, по мнению многих выпускников, перегружена[6]. Однако это, на наш взгляд, являлось оправданным, ведь от полученных слушателями навыков зависели жизни людей и исход боевых действий. Для того чтобы попасть в Академию, в начале XX в. офицеру необходимо было прослужить в строю не менее трех лет и принять участие, как минимум, в двух лагерных сборах[7]. Общее число слушателей Академии составляло 314 человек[8]. Поступление в Академию проходило в два этапа: сначала письменные экзамены при штабах военных ок-

[3] Mayzel Matitiahu. Generals and Revolutionaries. The Russian General Staff During the Revolution: A Study in the Transformation of Military Elite. Osnabrück, 1979. P. 13.

[4] Это выражение некоторые авторы связывают с частым употреблением генштабистами таких фраз, как «момент для атаки», «поймать момент» и т. п. — фон Дрейер В. Н. На закате империи. Мадрид, 1965. С. 56; Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. Т. 1. М., 1989. С. 118. Однако, нельзя исключать и игры слов, характеризующей быстрое продвижение офицеров Генштаба по службе.

[5] Грулев М. Записки генерала-еврея. Париж, 1930. С. 140.

[6] Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1990. С. 59; Гурко Д. И. Воспоминания генерала // Гершельман Ф. К., Гурко Д. И. Генералами рождаются: Воспоминания русских военачальников XIX—начала XX веков. М., 2002. С. 256.

[7] Дружинин К. И. Императорская Николаевская военная академия // Военная энциклопедия. Т. X. СПб., 1912. С. 601.

[8] Там же; Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. М., 1988. С. 181.

ругов (тактика, политическая история, география, русский язык, верховая езда), а затем уже устные вступительные испытания непосредственно при Академии в Петербурге (строевые уставы, артиллерия, фортификация, математика (арифметика, начальная алгебра, геометрия, прямолинейная тригонометрия), военная администрация, политическая история, география, топографическое черчение, русский и иностранный языки). На подготовку и сдачу вступительных экзаменов у офицеров, как правило, уходил год напряженного труда[9]. Причем процент отсева поступающих, даже на этапе предварительных испытаний, был довольно высок.

Итоги предварительных испытаний поступающих в Академию по военным округам (1909—1910 гг.)[10]

Военный округ	Всего держало		Не выдержало		Выдержало		% выдержавших	
	1909	1910	1909	1910	1909	1910	1909	1910
Петербургский	96	101	41	44	55	57	57	56
Варшавский	48	75	22	32	26	43	54	57
Московский	43	49	21	25	22	24	51	49
Омский	3	4	3	3	0	1	0	25
Киевский	66	79	41	43	25	36	38	46
Виленский	51	52	25	33	26	19	51	37
Казанский	9	10	9	10	0	0	0	0
Одесский	43	37	22	28	21	9	49	24
Туркестанский	10	13	7	12	3	1	30	8
Кавказский	46	39	22	16	24	23	52	59
Иркутский	10	19	3	10	7	9	70	47
Приамурский	24	27	13	20	11	7	46	26
Всего:	449	505	229	276	220	229	49	45

Основной курс обучения в Академии был разделен на два годичных класса (младший и старший) и состоял как из теоретических, так и из практических занятий. Главными предметами являлись тактика, стратегия, военная администрация, военная история, военная статистика, геодезия; вспомогательными — русский язык, сведения по части артиллерийской и инженерной, политическая история, международное право, иностранные языки. Что касается иностранных языков, то изучение, как минимум, одного из них являлось обязательным, два других

[9] Алексеева-Борель В. [М.] Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М. В. Алексеев. СПб., 2000. С. 16—17.

[10] Наш расчет по: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 544. Оп. 1. Д. 1397.

языка можно было изучать по желанию. Преподаватели Академии обладали достаточной квалификацией, а, кроме того, некоторые из них совмещали преподавание с работой на должностях делопроизводителей и помощников делопроизводителей Главного управления Генерального штаба[11]. В рассматриваемый нами период во главе Академии стояли: В. Г. Глазов (1901—1904), Н. П. Михневич (1904—1907), Д. Г. Щербачев (1907—1913) и Н. Н. Янушкевич (1913—1914).

Обучение в Академии одного офицера обходилось государству в 40 тыс. рублей[12]. Оценки за сдачу предметов выставлялись по двенадцатибалльной шкале: отлично — 12 баллов, весьма хорошо — 10—12 баллов, хорошо — 8—9 баллов, удовлетворительно — 6—7 баллов, посредственно — 4—5 баллов, слабо — 1—3 балла. Летом слушатели участвовали в съемках и практических занятиях по тактике. Офицеры, получившие по окончании старшего класса в среднем не менее 10 баллов и не имевшие неудовлетворительных оценок, считались окончившими курс по первому разряду и зачислялись на дополнительный курс. Те, кто получил менее 10 баллов, считались окончившими Академию по второму разряду и отчислялись в свои части. Такие офицеры, «не попавшие в генеральный штаб, быть может, благодаря только нехватке какой-нибудь маленькой дроби в выпускном балле, возвращались в строй с подавленной психикой, с печатью неудачника в глазах строевых офицеров и с совершенно туманными перспективами будущего»[13].

С 1869 г., для совершенствования практических навыков будущих генштабистов был учрежден дополнительный курс, который первоначально длился шесть месяцев[14]. В 1909 г. его продолжительность была увеличена до девяти месяцев. До 1897 г. к Генеральному штабу причисляли всех офицеров, окончивших дополнительный курс, и лишь позднее стали отбирать лучших. На дополнительном курсе слушатели самостоятельно разрабатывали три темы: по военной истории, по военному искусству и по стратегии. Выпускники, имевшие самые высокие баллы в выпуске, награждались медалями: золотой, большой и малой серебряными, а имена лучших офицеров выпуска заносились на почетные доски. Свои коррективы в академический курс внесла и русско-японская война, однако новое вводилось и приживалось крайне медленно. В частности, решительный пересмотр учебных курсов произошел лишь в 1910 г.[15] Но даже несмотря на это, Николаевскую Академию Генерального штаба без преувеличения можно считать элитным военно-учебным заведением, слушатели которого получали не только основательную военно-теоретическую и практическую подготовку, но и приобретали достаточно широкий кругозор.

[11] Данные выявлены по изданию: Общий список офицерским чинам русской императорской армии по 1 января 1908 г. СПб., 1908.

[12] Деревянко И. В. Мозг армии (Корпус офицеров Генерального штаба к началу XX столетия) // Военно-исторический журнал. 1989. № 10. С. 79.

[13] Деникин А. И. Указ. соч. С. 61.

[14] Глиноецкий Н. П. Исторический очерк Николаевской Академии Генерального штаба. СПб., 1882. С. 287.

[15] Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни. Т. 1. Париж, 1969. С. 130.

Между слушателями Академии существовала острая конкуренция, связанная с рейтинговой системой оценок при выпуске. Отбор кандидатов в Генеральный штаб был многоступенчатым и практически исключал доступ туда случайных людей. Достаточно отметить, что в процессе обучения от Академии в начале XX в. отчислялось не менее 40% зачисленных в младший класс офицеров[16]. В то же время, успех или неудача в Академии много значили в карьере и жизни офицера, предопределяли всю дальнейшую службу офицера, круто меняли характер человека, его жизненные установки. Как писал генерал А. И. Деникин: «Для непривилегированного офицерства иначе, как через узкие ворота «генерального штаба», выйти на широкую дорогу военной карьеры в мирное время было почти невозможно»[17]. По окончании дополнительного курса Академии выпускники распределялись по военным округам для прохождения штабного ценза, причем первые десять офицеров в выпуске имели право назначения на вакансии в Петербургском военном округе. За каждый год обучения выпускники должны были прослужить полтора года в военном ведомстве[18].

Практически все выпускники Академии, являвшиеся по своему происхождению оренбургскими казаками, в годы Гражданской войны приняли активное участие в борьбе с большевиками на различных командных должностях. Категория вождей антибольшевистского движения оренбургского казачества, на наш взгляд, несколько шире — в нее попадают и армейские (неказачьи) офицеры-выпускники Академии, занимавшие ответственные посты в Оренбургском казачьем войске, Юго-Западной, Отдельной Оренбургской, Южной и Оренбургской армиях. Из руководителей антибольшевистского движения оренбургского казачества в Академии в 1901—1914 гг. обучались (в скобках указан период обучения и полученный результат) следующие казачьи и армейские начальники: войсковой атаман и командующий Юго-Западной, Отдельной Оренбургской и Оренбургской армиями генерал-лейтенант А. И. Дутов (1905—1908, по 1-му разряду, без причисления к Генеральному штабу), помощник войскового атамана и командир II и I Оренбургских казачьих корпусов генерал-майор И. Г. Акулинин (1910—1913, по 1-му разряду, причислен к Генеральному штабу), начальник штаба Отдельной Оренбургской армии генерал-майор А. Н. Вагин (1908—1910, по 2-му разряду), начальник штаба Южной и Оренбургской армий генерал-майор И. М. Зайцев (1906—1908, по 2-му разряду), генерал-квартирмейстер штаба Юго-Западной армии полковник Г. И. Петрановский-Белаш (1910—1913, по 2-му разряду), начальник 1-й Оренбургской казачьей пластунской дивизии и командующий Актюбинской группой войск полковник Ф. Е. Махин (1908—1910; 1911—1913, по 1-му разряду, причислен к Генеральному штабу), начальник 2-й Оренбургской казачьей дивизии и начальник штаба Оренбургского армейского корпуса генерал-майор М. Г. Серов (1902—1906,

[16] Машкин Н. А. Указ. соч. С. 180.
[17] Деникин А. И. Указ. соч. С. 61.
[18] Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 133.

по 2-му разряду), первый генерал-квартирмейстер Ставки адмирала А. В. Колчака генерал-майор П. Г. Бурлин (1911—1914, по 1-му разряду, причислен к Генеральному штабу), начальник штаба Южной армии генерал-майор И. В. Тонких (1905—1908, по 1-му разряду, причислен к Генеральному штабу), командующий Южной армией генерал-майор П. А. Белов (Г. А. Виттекопф, 1909—1912, по 1-му разряду, причислен к Генеральному штабу), начальник снабжения Южной и Оренбургской армий генерал-майор С. А. Щепихин (1905—1908, по 1-му разряду, причислен к Генеральному штабу), начальник штаба III Уральского армейского корпуса генерал-майор Н. Т. Сукин (1905—1908, по 1-му разряду, причислен к Генеральному штабу), начальник штаба IV Оренбургского армейского корпуса, позднее начальник штаба отряда Атамана Дутова генерал-майор И. И. Смольнин-Терванд (1911—1914, по 1-му разряду, причислен к Генеральному штабу), начальник штаба отряда А. И. Дутова полковник Н. А. Поляков (1904—1907, по 1-му разряду, причислен к Генеральному штабу)[19].

В последнее десятилетие XIX в. в Академии учились будущий командующий Ташкентским фронтом генерал-лейтенант В. А. Карликов (—1898), генерал-квартирмейстер штаба Юго-Западной армии генерал-майор Г. Ф. Одноглазков (—1900), а также главный начальник Оренбургского военного округа генерал-лейтенант Л. П. Тимашев (1894—1896, два класса Академии, по 1-му разряду)[20].

Не у всех перечисленных выше офицеров учеба в Академии складывалась благополучно. Окончание этого элитного военно-учебного заведения даже по первому разряду, но без причисления к Генеральному штабу являлось неудачей для слушателя, труды которого, таким образом, оставались напрасными. Однако некоторые из вышеперечисленных офицеров, попав в Академию, продемонстрировали по-настоящему выдающиеся способности к изучаемым наукам. Попытаемся более подробно рассмотреть период обучения в Академии, его итоги и значение в жизни будущих вождей антибольшевистского движения оренбургского казачества.

Начнем с категории собственно казачьих начальников и, прежде всего, с Войскового атамана Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенанта А. И. Дутова. Будущий вождь оренбургского казачества родился в 1879 г. в семье казачьего офицера. Образование получил в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе и в Николаевском кавалерийском училище по первому разряду. Дутов окончил два класса Академии по первому разряду и дополнительный курс «успешно», но «без права на производство в следующий чин за окончание Академии и на причисление к Генеральному Штабу»[21], что выработало в нем настоящее чувство собственной неполноценности, которое Дутов пытался преодолеть всю свою жизнь. Его сокурсник по Академии, впоследствии Генерального штаба генерал-майор С. А. Щепихин вспоминал, что Дутов однажды в начале октября 1919 г. сказал ему: «Да, Сережа, вот тебе и генеральный штаб. Меня не пожелали, выгнали, за-

[19] Сведений об учебе последнего обнаружить не удалось.
[20] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 62. Л. 31.
[21] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 46271. Послужной список № 1813 (1913 г.). Л. 3.

браковали, а вот какие дела можно делать и без марки, штемпеля Генштабиста! И заметь, все около меня бывшие — Вагин, Зайцев, Махин[22] — все это второразрядники, не чистый Генеральный штаб!»[23]. Конечно, академический балл спустя годы после окончания Академии мог и не иметь большого значения для оценки способности его выпускников руководить войсками, так как не учитывал их практического опыта, накопленного в Первую мировую и Гражданскую войны. Но хочется верить, что назначение второразрядников на высшие посты в Оренбургском казачьем войске не стало целенаправленной политикой Дутова, избегавшего назначения перворазрядников, в противном случае поражение антибольшевистского движения на Южном Урале выглядит еще трагичнее.

Тот же С. А. Щепихин не без сарказма писал: «... в Академии Дутова я встретил уже отцом семейства. Жил он хорошо — были средства хорошие у жены (маленькое поместье), да и отец помогал. Занимался он усердно, и в доме все было к его услугам. Помню случай: как-то один из его малышей порвал готовые к подаче руководителю практических работ Академии кроки. Вместо того, чтобы засесть быстро за работу и восполнить к сроку пробел, А[лександр] Ильич (Дутов. — *А. Г.*) ушел на два дня из дома ("пропал") и на сдачу работ не явился. За это время он обошел всех своих знакомых и тоскливо со слезами (плакал и мне в жилет) сетовал на неудачную свою семейную жизнь! "Из-за семьи и академию не кончишь!" — роптал он. Его утешали и кто-то дал совет — отдать начертать кроки другому. Как все кончилось не помню, но слезы его запомнились и немало в свое время изумляли всех. Попал я с ним к одному руководителю по статистике. Задано было описание (стратегическое) района побережья возле Красной Горки. Вместо того, чтобы приняться за отчетную работу, А[лександр] И[льич] начал обходить все старшие курсы академии и справляться, каковы требования у руководителя. Этот прием между прочим был довольно распространен: при полной независимости руководителей в требованиях, предъявляемых к слушателям, а также отсутствии в академии однообразных требований — указанный способ не был излишним, если только сведения могли быть основательны и объективны.

Дутову кто-то сообщил за достоверное, что руководитель требует краткости и ясности. Сказано — сделано. При поверке — все работы подверглись критике. И Дутовская работа заслужила за свою краткость одобрения. В то же время другому офицеру руководитель, не порицая его словоохотливости, сделал несколько, якобы, колких замечаний — "почему мало оттенены такие данные, как осенние морские туманы и их влияние на операции". Дутов сиял как блин, а в результате получил "семь", а другой офицер, о котором упомянуто "11". Дутов до слез был

[22] Атаман Дутов, в данном случае, неточен: полковник Ф. Е. Махин был отчислен от старшего класса Императорской Николаевской Военной Академии в 1910 г., затем вновь поступил в старший класс Академии в 1911 г. и в 1913 г. закончил дополнительный курс по первому разряду с причислением к Генеральному штабу — РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 184169. Послужной список № 243—230 (1917 г.). Л. 72—72 об.

[23] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 34 об. —35.

возмущен. Зная, что отметки руководителей не подлежат критике, обжалованию и изменению, а также то, что его претензия ударит больно по его сотоварищу, Дутов все же подал жалобу, где указывал, что его работа была "похвалена", а работа другого критиковалась, высказал свою личную догадку — "не произошла ли путаница и ошибка в списке и что не ему ли в действительности присуждена отметка "11", а другому офицеру "7". Однокурсники, всегда живо реагирующие на всякого рода трения, сразу отшатнулись от Ильича, что своим откровенным, но не обоснованным [заявлением] он не постеснялся "топить" своего товарища [...] Вскоре и от администрации Академии был получен ответ, что ошибка исключена и что руководитель подтвердил правильность дутовской семерки, но, конечно, без подробного объяснения причин. Так Дутов неосмотрительно погубил свою репутацию в нашей среде. Я потом не раз с ним беседовал по этому поводу. Он упрямо настаивал, что он был прав и что руководитель к нему "придрался". При каждом разговоре у него потело лицо и слезы явно выступали на глазах. Ого! — подумал я. "Да ты честолюбец не в меру!" Окончить академию Дутову благополучно не удалось — он попал под черту, и в генеральный штаб не попал. Два года он мобилизовал все свои связи и знакомства, чтобы попасть в генеральный штаб, но так это ему и не удалось. Это был червь, точивший его все время [...] Даже, когда я его встретил уже в зените Славы, даже и тогда он не без горечи и яду сказал мне, что вот, Слава Богу, и без академии он сумел выдвинуться... "Впрочем не во мне первом Академия наша ошибается..." Намек на случай со Скобелевым (Белым Генералом)... Так сам себя высоко ценил тогда Дутов»[24].

Характеристика Щепихина крайне субъективна. Причем, на наш взгляд, стремление автора всячески очернить Дутова связано не столько со странным поведением будущего оренбургского атамана в Академии, сколько с тем, что ее преуспевший в Академии автор в годы Гражданской войны не сумел достичь высот своего менее удачливого сокурсника — Дутова, получившего общероссийскую известность. И все же обратимся к более объективным данным по успеваемости Дутова в Академии. К сожалению, данные эти страдают неполнотой, так как в делопроизводстве Николаевской Академии Генерального штаба сохранились лишь отдельные результаты успеваемости обер-офицера 5-го саперного батальона А. И. Дутова в Академии.

Успеваемость поручика 5-го саперного батальона А. И. Дутова в младшем классе Академии (1905—1906 учебный год)[25]

Предмет	*Балл*
Военная администрация	10
Тактика	10
Тактика (полевые занятия)	9

[24] Там же. Л. 51—51 об.

[25] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1341. Л. 78, 96, 99, 102, 105, 107, 111 об., 127 об.

Общая история военного искусства	11
История военного искусства в России	9
Сведения по части артиллерийской	10
Сведения по части инженерной	12
Политическая история (русская; общая; средний балл)	9; 9; 9

Из таблицы видно, что высший балл А. И. Дутов получил за курс сведений по части инженерной, имел неплохие результаты по общей истории военного искусства, тактике, артиллерии и военной администрации. Учеба Дутова в Академии была прервана русско-японской войной, и он добровольцем отправился на Дальний Восток, продолжив обучение в Академии уже по возвращении.

Успеваемость штабс-капитана 5-го саперного батальона А. И. Дутова в старшем классе Академии (1906—1907 учебный год)[26]

Предмет	*Балл*
Военная администрация	11,5
Военная администрация (практические занятия)	11
Стратегия	12
Тактика (элементарная; прикладная; средний балл)	9; 11; 10
Тактика (практические занятия)	10,5
Военная статистика (русская; иностранная; средний балл)	10; 9; 9,5
Военная история (1870—71; 1877—78; средний балл)	10; 10; 10
Сведения по части инженерной	9
Фортификация (практические занятия)	10,5
Русский язык	—
Французский язык	9
Немецкий язык	9
Английский язык	9
Баллы за съемки (1-я; 2-я; средний балл). *Полковник А. К. Баиов*	10,5; 11,5; 11

Лучший балл Дутов в старшем классе имел по стратегии, чуть ниже был его результат по военной администрации. В период Гражданской войны Дутов подтвердил правильность академических оценок по этим дисциплинам, прославившись именно как талантливый администратор и стратег. С трудом давалась будущему атаману тактика, еще тяжелее иностранные языки и, что удивительно, инженерное дело, ведь до Академии Дутов выдержал экзамен при Николаевском инженерном училище (1902) и служил в инженерных войсках! Возможно, относительно низкие баллы по тактике отчасти объясняют отсутствие у Дутова полководческого таланта, что выявилось в годы Первой мировой и Гражданской

[26] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1342. Л. 21, 25, 29, 52, 59, 63, 77, 80, 96, 99, 125, 127, 153, 203; Д. 1384. Л. 346.

войн. В то же время отметим, что среди приведенных результатов нет ни одного ниже оценки «хорошо», что свидетельствует о достаточно высоком уровне знаний данного офицера.

Успеваемость штабс-капитана 5-го саперного батальона А. И. Дутова на дополнительном курсе Академии (1907—1908 учебный год)[27]

Предмет	*Балл*
Доклад первой темы. 10 октября 1907 года. *Полковник И. А. Данилов, полковник П. Д. Комаров*	8
Доклад второй темы. 27 ноября 1907 года. *Генерал-майор Аметистов, подполковник А. А. Незнамов*	10
Доклад третьей темы (отделы: военно-статистический; военно-административный; стратегический; общий средний балл). 26 апреля 1908 года. *Генерал-майор Г. Г. Христиани, генерал-майор Л. В. Де Витт, полковник П. Н. Янушкевич*	8; 9; 9; 8,7

Оценки, полученные будущим атаманом по первой и третьей темам дополнительного курса, можно назвать провальными. Судя по всему, именно из-за этих результатов ворота Генерального штаба оказались для него закрытыми. Дутов явно не был в числе выдающихся слушателей Академии, не способствовало этому наличие у него семьи и детей, однако окончание Академии дало ему достаточно широкий кругозор и позволило впоследствии оказаться в числе ведущих политических деятелей России.

Выдающимся выпускником Академии начала XX в. был помощник атамана Дутова — И. Г. Акулинин. Акулинин родился в 1880 г. в поселке Урлядинском Оренбургского казачьего войска в семье казака. Будучи выходцем из уральской глубинки, сумел получить блестящее образование: окончил Оренбургское казачье юнкерское училище по первому разряду, Императорскую Николаевскую Военную Академию по первому разряду и Офицерскую кавалерийскую школу. Участвовал в русско-японской и Первой мировой войнах. Награжден Георгиевским оружием, орденом Св. Георгия IV степени и французским орденом Почетного Легиона. В годы Гражданской войны Акулинин принял активное участие в борьбе оренбургского казачества с большевиками, являлся помощником войскового атамана А. И. Дутова, главным начальником Оренбургского военного округа на театре военных действий. Произведен в генерал-майоры (1918). Командовал II и I Оренбургскими казачьими корпусами. Позднее выехал на Северный Кавказ, оттуда попал в Крым и эвакуировался из Крыма вместе с Русской армией в ноябре 1920 г. Жил и работал в Югославии, Германии, Франции. В эмиграции вскоре после гибели Дутова Акулинин был избран войсковым ата-

[27] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1342. Л. 203; Д. 1360. Л. 147, 162.

манном зарубежных оренбургских казаков (1923). Сотрудничал во многих журналах и газетах русского зарубежья, оставил после себя обширное научно-публицистическое наследие. Скончался в 1944 г. во Франции.

Стремление И. Г. Акулинина в Николаевскую Академию Генерального штаба поистине поразительно. Первую попытку поступить в Академию хорунжий И. Г. Акулинин предпринял еще в 1908 г., прошел предварительные испытания при штабе Петербургского военного округа, но затем потерпел неудачу, получив 8 баллов за топографическое черчение, 6 баллов по немецкому и 5 баллов по французскому языку и по верховой езде оценку «удовлетворительно»[28].

Неудача не сломила будущего казачьего генерала, и на следующий год он вновь штурмовал стены Академии, но срезался на этот раз еще на этапе предварительных испытаний при окружном штабе:

Баллы сотника лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка И. Г. Акулинина на предварительных испытаниях 1909 г. в Петербургском военном округе[29]

Предмет	*Балл*
Тактика	10
Задачи по тактике	5
География	10
Политическая история	8
Русский язык	10
Средний балл	8,6

Очевидно, что неудача произошла из-за низкого балла за задачи по тактике, поэтому, засев за знаменитый учебник тактики К. Н. Дуропа[30] и, проявив завидную целеустремленность, молодой и честолюбивый гвардейский офицер И. Г. Акулинин предпринял третью попытку пробиться в Генеральный штаб.

На предварительных испытаниях 1910 г. в Петербургском военном округе он получил следующие баллы:

Баллы сотника лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка И. Г. Акулинина на предварительных испытаниях 1910 г. в Петербургском военном округе[31]

Предмет	*Балл*
Тактика	9
Задачи по тактике	8
География	8

[28] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1384. Л. 311, 321, 326, 552.
[29] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1397. Л. 24 об. —25.
[30] Акулинин И. Что вспомнилось // Оренбургский казак. Сб. Харбин. 1937. С. 13.
[31] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1397. Л. 2.

Русский язык	10
Средний балл	8,8

Этого балла оказалось достаточно для прохождения предварительных экзаменов. Разница в 0,2 балла между средними баллами И. Г. Акулинина в 1909 и 1910 гг. показывает, что положительный результат при поступлении в Академию зависел буквально от десятых долей балла.

На вступительных экзаменах в Академию Акулинин получил следующие баллы:

Результаты вступительных экзаменов сотника лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка И. Г. Акулинина в Академию (1910 г.)[32]

Предмет	*Балл*
Французский язык. 26 августа	10,5
Топографическое черчение. 27 августа	9
Верховая езда. 28 августа	*хорошо*
Математика: алгебра; геометрия; тригонометрия; средний. *Генерал-лейтенант В. В. Витковский, полковник Сергиевский.* 4 сентября	7; 4; 7; 6
Фортификация. *Генерал-майор Хунтицкий, генерал-майор А. И. Ипатович-Горанский.* 7 сентября	9,5
География (русская; общая; средний балл). 11 сентября	12; 12; 12
Русский язык. 15 сентября	12
Военная администрация. *Свиты Его Величества генерал-майор А. А. Гулевич, генерал-майор Н. Н. Янушкевич.* 18 сентября	11
Артиллерия. *Полковник С. С. Дурново, полковник П. Д. Комаров.* 21 сентября	10,5
Политическая история (общая; русская; средний балл). 24 сентября	9; 11; 10

Экзамен по русскому языку, который давал большой процент отсева[33], Акулинин сдал на максимально возможный балл. Изучение документов, относящихся к различным периодам жизни этого офицера, не может не привести исследователя к выводу об абсолютной грамотности и большом литературном даровании И. Г. Акулинина. Интересно, что 9,5 баллов он получил по фортификации у своего будущего подчиненного, известного военного инженера, впоследствии генерал-лейтенанта А. И. Ипатовича-Горанского — в 1918 г. Ипатович-Горанский возглавлял военно-инженерное управление Оренбургского военного округа, главным начальником которого являлся Акулинин. По итогам вступительных экзаменов Акулинин оказался двадцать пятым со средним баллом 9,55[34].

[32] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1416. Л. 7, 16, 34, 42, 48, 69, 72, 84, 101, 108.
[33] См., напр.: Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. Кн. 1—3. М., 1989. С. 121.
[34] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1400. Л. 45.

Надо сказать, что поначалу будущий генерал учился не очень хорошо. При окончании младшего класса он был лишь 76-м, набрав 9,5 баллов[35].

Успеваемость сотника лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка И. Г. Акулинина в младшем классе Академии (1910—1911 учебный год)[36]

Предмет	*Балл*
Французский язык. 26 августа	10,5
Топографическое черчение. 27 августа	9
Верховая езда. 28 августа	*хорошо*
Математика: алгебра; геометрия; тригонометрия; средний. *Генерал-лейтенант В. В. Витковский, полковник Сергиевский.* 4 сентября	7; 4; 7; 6

Такая же успеваемость в дальнейшем грозила Акулинину окончанием Академии лишь по второму разряду, поэтому в старшем и дополнительном классах он взялся за учебу всерьез. В старшем классе Академии он имел следующие баллы:

Успеваемость сотника лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка И. Г. Акулинина в старшем классе Академии (1911—1912 учебный год)[37]

Предмет	*Балл*
Военная администрация	9
Тактика. *Полковник А. А. Незнамов*	10
Военная история	11
Сведения по части инженерной	10
Военно-морское дело	12
Политическая история	12
Разведка; полевая поездка; средний балл. *Полковник В. Г. Болдырев*	12; 9; 10
Баллы за съемки 2-го Псковского района (1-я и 2-я глазомерные; общий средний балл). *Генерал-майор А. К. Баиов*	12; 12; 12

Как и следовало ожидать, будущий казачий историк имел лучшие баллы именно по историческим дисциплинам. По итогам переводных экзаменов и полевых поездок старшего класса И. Г. Акулинин получил 10,3 балла и, будучи 43-м по списку, был переведен на дополнительный курс[38]. В том же списке на 52-м месте находился будущий генерал-лейтенант, а тогда еще уланский штабс-ротмистр В. О. Каппель, получивший 10,1 балла[39].

[35] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1432. Л. 19.
[36] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1420. Л. 83, 86, 93; Д. 1401. Л. 11; Д. 1401. Л. 85, 88, 95, 109.
[37] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1431. Л. 13, 17, 24, 33, 36, 57; Д. 1452. Л. 2, 4.
[38] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1432. Л. 8.
[39] Там же. Л. 8 об.

На дополнительном курсе слушатели должны были представить к защите несколько тем (по военной истории, военному искусству и стратегии). За первую тему по военной истории, доложенную 20 декабря 1912 г., сотник И. Г. Акулинин получил 11,5 баллов, оппонентами были генерал-майор Н. Н. Юнаков (впоследствии начальник штаба Румынского фронта) и полковник О. К. Энкель (один из руководителей русской разведки)[40]. И. Г. Акулинин уже в чине подъесаула 16 марта 1913 г. докладывал доставшуюся ему тему по военному искусству: «Резерв, его виды и применения. Примеры из русско-японской войны 1904—1905 гг.». Оппонентами на защите выступили будущий главнокомандующий армиями Северного фронта (с 9 сентября 1917 г.) полковник В. А. Черемисов и будущий вождь Белого движения на Юге России подполковник С. Л. Марков[41]. За свой доклад Акулинин получил 11 баллов[42].

8 апреля 1913 г. — доклад третьей темы и тоже высокий результат.

Баллы сотника И. Г. Акулинина за стратегическую тему[43]

Предмет	*Балл*
Тактико-стратегический отдел	
Общая тактика. *Полковник П. Ф. Рябиков*	9,5
Тактика пехоты. Полковник *Б. В. Геруа*	11
Тактика кавалерии. Полковник *В. З. Савельев*	9,5
Тактика артиллерии. Полковник *В. Г. Болдырев*	9
Средний балл за тактико-стратегический отдел	9,8
Военно-статистический отдел. *Генерал-майор Г. Г. Христиани*	11
Военно-административный отдел	11,5
Общий средний балл	10,8

Отметим, что самый низкий балл за третью тему И. Г. Акулинину поставил не кто иной, как будущий главнокомандующий войсками Уфимской Директории генерал-лейтенант В. Г. Болдырев. Остается только гадать, как это отразилось на взаимоотношениях двух генералов в период Гражданской войны[44]. Средний результат Акулинина за темы составил 11,1 балла. При окончании дополнительного курса он оказался девятым по списку, со средним баллом 10,7. Для сравнения, штабс-ротмистр В. О. Каппель был лишь пятидесятым, его средний балл составлял 10,1, так что будущий легендарный командир волжан в академические годы едва не оказался под чертой, и при менее благоприятном для него стечении обстоятельств вполне мог не попасть в Генштаб.

[40] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1360. Л. 293.
[41] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1453. Л. 4.
[42] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1343. Л. 140.
[43] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1453. Л. 182, 188, 276.
[44] В 1918 г. именно В. Г. Болдырев утвердил производство И. Г. Акулинина в генерал-майоры — Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39768. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

По окончании дополнительного курса подъесаулу И. Г. Акулинину, а также четверым его сокурсникам, были присуждены премии за стратегические темы. Акулинин был отмечен премией имени генерал-лейтенанта А. А. Зейфарта «за лучшие съемки и кроки» [45], получил он и право на преподавание курса военной истории в военных училищах без предварительных испытаний, а также был награжден «за отличные успехи в науках» орденом Св. Анны 2-й ст. [46] Между прочим, орденом Св. Анны 3-й ст. был за окончание Академии награжден и В. О. Каппель. Лучшие офицеры выпуска могли выбрать, соответственно, и наилучшую вакансию, например, в Петербургском военном округе, однако подъесаул И. Г. Акулинин предпочел Одесский военный округ, при штабе которого ему, после месячного отпуска домой, предстояло пройти девятимесячное испытание на предмет соответствия службе в Генеральном штабе.

3 мая 1913 г. состоялся прощальный товарищеский обед офицеров — выпускников Академии. В тот же день от имени всех выпускников начальник Академии генерал-лейтенант Н. Н. Янушкевич отправил приветственную телеграмму на имя Военного министра генерал-адъютанта В. А. Сухомлинова: «Офицеры дополнительного курса вверенной мне академии выпуска 1913 г., собравшись на прощальный товарищеский обед, просят ваше высокопревосходительство повергнуть к стопам его императорского величества чувства безграничной преданности и готовность применить приобретенные знания во славу обожаемого державного вождя и на пользу дорогой родине» [47].

Император Николай II ответил: «Сердечно благодарю окончивших академию офицеров и желаю им успешной службы» [48]. Завершив свои дела, выпускники разъехались по России, чтобы больше никогда не собраться вместе, — это был предпоследний выпуск Академии перед Великой войной.

В академические годы И. Г. Акулинин проявил себя как целеустремленный, упорный и честолюбивый офицер. Надо сказать, что на всех этапах своей офицерской службы И. Г. Акулинин показал себя с лучшей стороны: отличился в русско-японскую, был одним из лучших в Академии, в годы Первой мировой войны заслуженно награжден за выдающуюся храбрость и умелое планирование боевых операций. Таким образом, к началу Гражданской войны Акулинин обладал большим опытом руководства войсками и, несомненно, стал одним из лучших офицеров Генерального штаба армии А. В. Колчака.

Начальником штаба Отдельной Оренбургской армии был генерал-майор А. Н. Вагин, родившийся в 1884 г. Образование он получил во втором Оренбургском кадетском корпусе и окончил курс двух классов в Константиновском артиллерийском училище по первому разряду, в Академию поступил в 1908 г.

[45] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1467. Л. 5 об.
[46] Там же. Л. 11.
[47] Там же. Л. 85.
[48] Там же. Л. 88.

Результаты вступительных экзаменов хорунжего 2-й Оренбургской казачьей батареи А. Н. Вагина в Академию (1908 г.)[49]

Предмет	*Балл*
Уставы (пехоты; кавалерии; артиллерии; общий; средний балл)	7; 9; 10; 9; 8,8
Геодезия (русская; общая; средний балл)	9; 9; 9
Топографическое черчение	7
Немецкий язык	8
Французский язык	8

И при поступлении, и в дальнейшем Вагин имел средние результаты. Лучше учиться он, вероятно, не имел ни возможности, ни желания. В то же время сам факт его стремления в Академию свидетельствует о том, что Вагин не довольствовался положением никому неизвестного казачьего офицера и пробивался наверх.

Успеваемость сотника 2-й Оренбургской казачьей батареи А. Н. Вагина в младшем классе Академии (1908—1909 учебный год)[50]

Предмет	*Балл*
Военная администрация	10
Тактика	9
Тактика (практические занятия)	9
Геодезия	9,5
История военного искусства общая	9,5
История военного искусства в России	7,5
Сведения по части инженерной	11,5
Сведения по части артиллерийской	12
Политическая история (общая; русская; средний балл)	12; 12; 12
Русский язык	10,5

Артиллерист А. Н. Вагин в младшем классе Академии имел высший балл по артиллерии и, между прочим, по политической истории. Прочие предметы давались ему куда тяжелее, в результате чего младший класс он окончил лишь девяносто первым, имея 9,2 балла по главным и 11,5 балла по вспомогательным предметам[51].

Успеваемость сотника 2-й Оренбургской казачьей батареи А. Н. Вагина в старшем классе Академии (1909—1910 учебный год)[52]

Предмет	*Балл*
Военная администрация	11,5
Военная администрация (практические занятия)	11

[49] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1384. Л. 289, 311, 321, 326, 329.
[50] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1384. Л. 7, 23, 76, 78, 91, 93, 121, 127, 135, 136.
[51] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1400. Л. 42.
[52] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1420. Л. 17, 21, 25, 29, 52, 59, 63, 77, 96, 99, 125.

Военная администрация (практические занятия). *Полковник А. К. Келчевский*	10
Стратегия	12
Тактика (элементарная; прикладная; средний балл)	9; 11; 10
Тактика (практические занятия)	10,5
Тактика. *Полковник П. А. Ниве*	9,5
Военная статистика (практические занятия). *Полковник Л. М. Болховитинов*	11
Военная история (1870—71; 1877—78; средний балл)	10; 10; 10
История военного искусства 2-я	7,5
Сведения по части инженерной	9
Русский язык	—
Французский язык	9
Французский язык	7
Немецкий язык	9
Английский язык	9
Баллы за съемки (1-я; 2-я; средний балл) *Полковник А. К. Баиов*	10,5; 11,5; 11
Баллы за съемки (1-я; 2-я; средний балл)	7,5; 7,5; 7,5
Полевые поездки	9,5

В старшем классе Академии сотник Вагин, по мнению преподавателя военной статистики полковника Л. М. Болховитинова, «работает очень усердно и добросовестно; его исследования обстоятельны, выводы продуманы и полны. Работу выполнил хорошо»[53]. Иного мнения был полковник П. А. Ниве, отмечавший, что у Вагина «способности есть, но, видимо, не особенно трудолюбив. Решения, поэтому, часто не вполне продуманы и задачи носят характер спешный, недоделанный, хотя при устных докладах бойко давал объяснения по всем недоразумениям. Общее впечатление производит такое, как будто у него есть какие-то посторонние, отвлекающие его внимание, интересы»[54]. По словам А. К. Кельчевского, сотник Вагин: «Знаниями не отличается. Офицер старательный. Способностей средних. Дисциплинированный и с выдержкой»[55].

Однако способностей А. Н. Вагина, видимо, было недостаточно, чтобы окончить старший класс Академии по первому разряду. В итоге А. Н. Вагин не был допущен на дополнительный курс. Лишь в марте 1916 г., в связи с острой нехваткой младших офицеров Генштаба, он был переведен в Генеральный штаб[56].

127, 153; Д. 1401. Л. 3, 32, 56, 69, 153, 171. Неясно разночтение в баллах сотника А. Н. Вагина по одним и тем же предметам. Мы приводим все имеющиеся данные.

[53] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1420. Л. 19.

[54] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2000. Л. 39.

[55] Там же. Л. 50.

[56] РГВА. Ф. 40215. Оп. 1. Д. 93. Л. 18 об.

Будущий начальник штаба Оренбургской армии, кавалер ордена Св. Георгия IV ст. и Георгиевского оружия, генерал-майор И. М. Зайцев поступил в Академию в 1906 г. До Академии он окончил Верхнеуральское четырехклассное городское училище (1894) и Оренбургское казачье юнкерское училище (по первому разряду, 1898). При поступлении в Академию имел следующие баллы:

Результаты вступительных экзаменов сотника Отдельного Оренбургского казачьего дивизиона И. М. Зайцева (1906 г.)[57]

Предмет	*Балл*
Военная администрация	11
Тактика (элементарная; прикладная; средний балл)	9; 9; 9
География (русская; общая; средний балл)	10; 10; 10
Русский язык	8
Французский язык	9
Немецкий язык	7

В младшем классе учился в среднем на десять баллов. И, согласно одной из характеристик, выдвинулся «аккуратностью, трудолюбием и скромностью»[58].

Успеваемость сотника Отдельного Оренбургского казачьего дивизиона И. М. Зайцева (1906—1907 учебный год) в младшем классе Академии[59]

Предмет	*Балл*
Военная администрация	11,5
Тактика	10
Тактика (практические занятия)	9
История военного искусства (общая)	10,5
История военного искусства в России	8,5
Политическая история (русская, всеобщая, средний балл)	11; 11; 11
Геодезия	10
Сведения по части инженерной	11
Сведения по части артиллерийской	8
Русский язык	9
Баллы за съемки. *Полковник А. К. Баиов* (1-я и 2-я полуинструментальные; средний балл; глазомерная съемка)	10,5; 10,5; 10,5; 11

Из таблицы видно, что лучшие результаты в младшем классе И. М. Зайцев имел по военной администрации, политической истории и инженерному делу, хуже всего дела казачьего офицера обстояли с курсом артиллерии.

[57] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1341. Л. 2, 143, 149, 152, 155, 174.
[58] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1384. Л. 378.
[59] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1342. Л. 13, 33, 37, 67, 73, 87, 90, 104, 110, 116, 130.

Успеваемость подъесаула Отдельного Оренбургского казачьего дивизиона И. М. Зайцева (1907—1908 учебный год) в старшем классе Академии[60]

Предмет	*Балл*
Военная администрация	10
Военная администрация (практические занятия)	11,5
Стратегия	8
Тактика (элементарная; прикладная; средний балл)	12; 10; 11
Тактика (практические занятия)	9,5
Статистика России	8
Военная история 1-я (1870—1871; 1877—1878; средний балл)	8; 8; 8
Фортификация (практические занятия)	10
Русский язык	10
Французский язык	9
Немецкий язык	9
Английский язык	9
Баллы за съемки (1-я; 2-я; средний балл)	9,5; 11; 10,3

Очевидно, что восьмерки, полученные Зайцевым в старшем классе Академии по стратегии, статистике и военной истории, не остались для него без последствий. Зайцев оказался во втором разряде, не сумев набрать по итогам года 10 баллов. Офицеру пришлось возвращаться в свой дивизион и дослуживать в нем год до очередной льготы. Тем не менее, Зайцев сдал при Академии дополнительные экзамены на право преподавания курсов военной администрации и геодезии в военных училищах. Таким образом, лица, ответственные за планирование крупных операций, — начальники штабов Юго-Западной, Отдельной Оренбургской и Оренбургской армий — объединений периода Гражданской войны, имевших в своей основе оренбургские казачьи части, А. Н. Вагин и И. М. Зайцев, окончили Академию лишь по второму разряду. Не это ли являлось одной из причин неудачи антибольшевистского движения оренбургского казачества?!

Академия Генерального штаба стала alma mater еще для одного штабного офицера Юго-Западной и Отдельной Оренбургской армий — Г. И. Петрановского-Белаш, назначенного в конце 1918 г. начальником штаба I Оренбургского казачьего корпуса, а позднее оказавшегося на ответственном посту генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западной армии. Петрановский-Белаш поступил в Академию в 1910 г. восемнадцатым по списку со следующими баллами:

[60] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1342. Л. 95; Д. 1384. Л. 415, 433, 454, 500 об., 503 об., 507, 529 об., 534 об., 536 об., 544 об., 546 об., 548 об.

Баллы поручика лейб-гвардии Санкт-Петербургского полка Г. И. Петрановского-Белаш на предварительных испытаниях при штабе Варшавского военного округа (1910 г.) [61]

Предмет	*Балл*
Тактика	9
Задачи по тактике	8
География	9
Русский язык	9
Средний балл	8,8

Результаты вступительных экзаменов поручика лейб-гвардии Санкт-Петербургского полка Г. И. Петрановского-Белаш в Академию (1910 г.) [62]

Предмет	*Балл*
Французский язык. 27 августа	10
Топографическое черчение. 28 августа	9
Верховая езда. 28 августа	Удовл.
Артиллерия. 1 сентября. *Полковник Дурново, полковник П. Д. Комаров*	10
Математика (алгебра; геометрия; тригонометрия; средний балл). 3 сентября. *Генерал-лейтенант В. В. Витковский, полковник Сергиевский*	11; 9; 10; 10
Фортификация. 4 сентября. *Генерал-майор Хунтищкий, генерал-майор А. И. Ипатович-Горанский*	11
Русский язык. 11 сентября	10
Политическая история (общая; русская; средний балл). 18 сентября	8; 12; 10
География (русская; общая; средний балл). 22 сентября	11; 10; 10,5
Военная администрация. 25 сентября. *Свиты Его Величества генерал-майор А. А. Гулевич, генерал-майор Н. Н. Янушкевич*	9
Средний балл	9,78

Несмотря на большое количество экзаменов и малые промежутки между ними, Петрановский-Белаш при поступлении был одним из лучших.

[61] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1397. Л. 20.

[62] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1416. Л. 2, 20, 32, 45, 50, 62, 81, 85 об., 103 об., 111 об.; Д. 1400. Л. 45.

Успеваемость поручика лейб-гвардии Санкт-Петербургского полка Г. И. Петрановского-Белаш в младшем классе Академии (1910—1911 учебный год)[63]

Предмет	*Балл*
Геодезия	8
Политическая история	11
Баллы за съемки (черчение; 1-я и 2-я полуинструментальные; средний балл; глазомерная съемка;общий средний балл)	10; 11; 10; 10,5; 11; 10,5
Тактика пехоты. Летние практические занятия. *Полковник И. Л. Юнаков*	9
Тактика конницы. Летние практические занятия. *Полковник М. Д. Бонч-Бруевич*	10
Средний балл	10,1

После младшего класса Петрановский-Белаш был тридцать девятым в списке, утратив свое лидирующее положение на курсе.

Успеваемость поручика лейб-гвардии Санкт-Петербургского полка Г. И. Петрановского-Белаш в старшем классе Академии (1911—1912 учебный год)[64]

Предмет	*Балл*
Тактика (элементарная; прикладная; средний балл)	9,5
Сведения по части инженерной	11
Политическая история	12
Разведка; полевая поездка; средний балл *Полковник А.А. Незнамов*	10; 9,5; 9,8
Средний балл	9,9

По итогам старшего класса Петрановский-Белаш оказался уже на шестьдесят седьмом месте, но все же был зачислен на дополнительный курс.

Успеваемость поручика лейб-гвардии Санкт-Петербургского полка Г. И. Петрановского-Белаш на дополнительном курсе Академии (1912—1913 учебный год)[65]

Предмет	*Балл*
Доклад первой темы. 4 марта 1913 г. «Действия отрядов генерала Ренненкампфа (Любавина) и полковника Мадритова с 21 апреля и по 10 августа включительно». *Генерал-майор Н. Л. Юнаков, полковник О. К. Энкель*	9

[63] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1401. Л. 12, 83, 91; Д. 1420. Л. 79, 85; Д. 1432. Л. 19.
[64] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1431. Л. 26, 38, 41; Д. 1432. Л. 8 об.; Д. 1452. Л. 3.
[65] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1453. Л. 1 об.; Д. 1467. Л. 8, 16; Д. 1397. Л. 116, 134.

Доклад второй темы. 10 декабря 1912 г.	
Генерал-майор А. Г. Елчанинов, полковник Б. В. Геруа	10,5
Доклад третьей темы	см. ниже
Средний балл за темы	9,7
Общий средний балл при окончании дополнительного курса	9,8
Верховая езда	*Хор.*

Баллы поручика лейб-гвардии Санкт-Петербургского полка Г. И. Петрановского-Белаш за стратегическую тему[66]

Предмет	*Балл*
Тактико-стратегический отдел	
Общая тактика. Полковник С.Л. Марков	9,5
Тактика пехоты. Подполковник А.И. Андогский	10,5
Тактика кавалерии. Полковник М.А. Свечин	9,5
Тактика артиллерии. Полковник А.К. Келчевский	9,5
Средний балл за тактико-стратегический отдел	9,8
Военно-статистический отдел	10
Военно-административный отдел	9
Общий средний балл	9,6

Лучший результат по стратегической теме Г. И. Петрановский-Белаш получил за тактику пехоты, худший — за военно-административный отдел, однако впоследствии служил как раз по военно-административной линии. Окончил Академию Г. И. Петрановский-Белаш лишь по второму разряду, причем в списке второразрядников был восьмым, далеко отстав от своих будущих сослуживцев И. Г. Акулинина, В. О. Каппеля, Ф. Е. Махина[67].

Жизненный путь еще одного генштабиста — полковника Ф. Е. Махина — не совсем характерен для судеб русских офицеров начала XX в. Ф. Е. Махин родился в Иркутске 15 апреля 1882 г., в семье урядника Оренбургского казачьего войска, разжалованного и сосланного на каторгу за оскорбление офицера, совершенное в нетрезвом состоянии[68]. В 1917 г. (по другим данным в 1906 г.[69]) Генштаба подполковник Махин вступил в партию социалистов-революционеров, возглавив штаб военной организации партии. А в 1918 г. по приказу ЦК партии поступил на службу в Красную армию[70]. Как впоследствии вспоминал Г. А. Семенов (Васи-

[66] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1453. Л. 286.

[67] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1467. Л. 8.

[68] Кобзов В., Кузнецов В. Зигзаги судьбы казаков Махиных // Гостиный двор (Оренбург). 2000. № 9. С. 98—99; Серков А. И. Русское масонство 1731—2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 530.

[69] Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь-август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги: Сборник документов. М., 2002. С. 895.

[70] Лебедев В. И. Борьба русской демократии против большевиков. Записки очевидца и участника свержения большевистской власти на Волге и в Сибири. Нью-Йорк, 1919. С. 21; Майский И. Демократическая контрреволюция. М. -Пг., 1923. С. 53.

цев), некоторое время возглавлявший в партии социалистов революционеров Красноармейский отдел, «мы сосредотачивали особое внимание на работе в Красноармейских частях: на вливании в формирующиеся части возможно большого (так в тексте. — *А. Г.*) количества наших людей, подборе нашего командного состава для этих частей и создание (так в тексте. — *А. Г.*) наших ячеек»[71]. Именно так подполковник Махин оказался в рядах Красной армии, где вскоре достиг высоких постов — стал начальником Уфимского полевого штаба и командующим 2-й армией[72]. При подходе чехословацких войск к Уфе Махин выехал из города со своим адъютантом навстречу командиру Поволжской группы чехословацких войск полковнику Станиславу Чечеку и фактически сдал ему город[73]. Вскоре Махин возглавил части Народной армии Хвалынского района и был произведен «за проявленное мужество и самоотвержение в боях против большевиков» в полковники. 18 октября 1918 г. он получил назначение на должность начальника 1-й Оренбургской казачьей пластунской дивизии с зачислением по Оренбургскому казачьему войску[74]. Находясь именно на этой должности, Махин принял участие в заговоре против атамана А. И. Дутова. В отечественной историографии сложилось мнение о том, что Махин обладал определенным полководческим талантом, но, как эсер, не смог добиться при Дутове карьерного роста[75].

Данные об успехах Махина в Академии позволяют, по крайней мере, усомниться в обоснованности такого рода хвалебных характеристик. В 1908 г. Махин был зачислен в Академию и при поступлении получил следующие баллы:

Баллы хорунжего 7-го Оренбургского казачьего полка Ф. Е. Махина при поступлении в Академию (1908 г.)[76]

Предмет	*Балл*
Тактика	8
Уставы (пехотный; кавалерийский; артиллерийский; общий; средний балл)	5; 10; 6; 7; 7
Топографическое черчение	10
Немецкий язык	6

[71] Семенов (Васильев) Г. Военная и боевая работа Партии Социалистов-Революционеров за 1917—18 гг. Берлин, 1922. С. 15.

[72] В свете приведенных выше данных, мы не можем согласиться с мнением В. В. Каминского о том, что Ф. Е. Махин на службе в РККА и при переходе на сторону белых действовал, якобы, исключительно исходя из неких «социально-бытовых настроений» — см.: Каминский В. В. Почему генштабист РККА Ф. Е. Махин «открыл ворота» Уфы белому Комучу 4 июля 1918 г.? // История белой Сибири: Материалы 5-й международной научной конференции. Кемерово, 2003. С. 141.

[73] Чечек С. От Пензы до Урала (Доклад, сделанный в Обществе Участников Волжского Движения) // Воля России (Прага). 1928. № 8—9. С. 264.

[74] Приказ по Оренбургскому казачьему войску № 326. 18 октября 1918 года — РГВИА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 16. Л. 189.

[75] См., напр.: Волков Е. В. «Коннице отведено едва ли не последнее место» // Белое движение на Востоке России. Альманах «Белая Гвардия». 2001. № 5. С. 33.

[76] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1384. Л. 281, 290, 314, 323, 383, 554.

Младший класс Махин окончил сорок седьмым, имея 9,9 балла по главным и 10 баллов по вспомогательным предметам[77].

Успеваемость состоящего в комплекте Оренбургских казачьих полков сотника Ф. Е. Махина в младшем классе Академии (1908—1909 учебный год)[78]

Предмет	*Балл*
Военная администрация	10
Тактика	10
Тактика (практические занятия)	9,5
Русский язык	10
Репетиция по геодезии	10
Геодезия	10,5
История военного искусства общая	9
Политическая история (общая; русская; средний балл)	11; 11; 11
Сведения по части артиллерийской	7
Сведения по части инженерной	12
Баллы за съемки (1-я и 2-я инструментальные; глазомерная съемка). Полковник *А. К. Баиов*	10,5; 11; 11,5

Получив на старшем курсе неудовлетворительный балл по военной статистике иностранных государств, Махин был в 1910 г. отчислен от Академии[79]. Причем в делопроизводстве Академии сохранилась не подлежавшая оглашению записка ординарного профессора Академии полковника А. Г. Елчанинова от 25 марта 1910 г., в которой маститый преподаватель отмечал: «Старшего Класса Сотник Махин. При большем знакомстве обнаружил больше слабого, нежели сильного. Знания — недостаточные. Взгляды — односторонние. При громадном старании, работа прямо не укладывается в нужные рамки. Считаю, — по причине малого развития. Только самая настойчивая работа в дальнейшем, по-моему, даст из него офицера Ген. Штаба, сколько-нибудь сносного. Тактичность — чисто служебная — достаточная. Воли — мало для проведения в жизнь сильных решений. Усваивает новое туго. Вперед за год не двинулся. Вынужден поставить ниже всех в партии, особенно после военной игры. Общая оценка — 9 (девять) бал[лов]. Полковник Елчанинов»[80].

Любопытно, что в тот же день другой, не менее известный преподаватель Академии, полковник А. Е. Снесарев отметил, что Махин — «офицер скромный

[77] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1400. Л. 42.
[78] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1400. Л. 38 об.; Д. 1384. Л. 4, 8 об., 24 об., 81, 96, 124, 130, 134, 137, 144.
[79] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 184169. Послужной список № 243—230. Л. 72.
[80] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1420. Л. 70.

и трудолюбивый»[81]. В 1910 г., при отчислении от Академии, Махин имел следующие результаты:

Успеваемость состоящего в комплекте Оренбургских казачьих полков сотника Ф. Е. Махина в старшем классе Академии (1909—1910 учебный год)[82]

Предмет	*Балл*
Военная администрация (практические занятия)	11
Военная статистика	10
Военная статистика (практические занятия)	10

В 1911 г., по данным послужного списка Ф. Е. Махина, он снова держал экзамен уже сразу в старший класс Академии[83]. В то же время, в делопроизводстве Академии сохранились сведения о его учебе в младшем классе в 1910—1911 гг.:

Успеваемость состоящего в комплекте Оренбургских казачьих полков сотника Ф. Е. Махина в младшем классе Академии (1910—1911 учебный год)[84]

Предмет	*Балл*
Тактика (пехоты; артиллерии; кавалерии; средний балл)	11; 9; 9; 9,7
Геодезия	9,5
Сведения по части артиллерийской	11
Политическая история	12
Средний балл	9,8

Судя по всему, Махину было разрешено сдать все предметы младшего класса, не проходя повторного обучения в нем, так что приведенные выше баллы, скорее всего, являются оценками за переводные экзамены в старший класс. Средний балл, полученный Махиным при сдаче экзаменов за младший класс Академии, позволил ему быть вновь зачисленным в нее.

Во второй раз поступив в старший класс, Махин, видимо, осознал, что больше шанса успешно закончить Академию у него не будет и всерьез взялся за учебу, развивая в себе необходимые для генштабиста качества и, по возможности, пытаясь преодолеть свои недостатки. Результат не заставил себя ждать:

Успеваемость подъесаула Ф. Е. Махина в старшем классе Академии (1911—1912 учебный год)[85]

Предмет	*Балл*
Тактика (элементарная; прикладная; средний балл)	10

[81] Там же. Л. 62.
[82] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1420. Л. 62; Д. 1401. Л. 4, 57.
[83] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 184169. Послужной список № 243—230. Л. 72.
[84] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1401. Л. 85, 88, 95, 109; Д. 1432. Л. 19 об.
[85] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1431. Л. 15, 26, 38, 41; Д. 1452. Л. 2 об., 4.

Военная история (1870–71; 1877–78)	11; 9
Политическая история	11
Сведения по части инженерной	9
Разведка; полевая поездка; средний балл. Полковник *А. А. Незнамов*	11; 11; 11
Баллы за съемки. 2-й Псковский район (1-я и 2-я глазомерные; общий средний балл). *Генерал-майор А. К. Баиов*	10,5; 11; 10,8

По итогам переводных экзаменов и полевых поездок старшего класса подъесаул Ф. Е. Махин был сороковым по списку со средним баллом 10,3 (ровно столько же, сколько и у его сокурсника и будущего сослуживца по Юго-Западной армии И. Г. Акулинина)[86]. Полученный балл нельзя назвать блестящим, но его было вполне достаточно для перевода на дополнительный курс и преодоления еще одного препятствия на пути к заветным серебряным аксельбантам и черному бархатному мундиру генштабиста.

На дополнительном курсе Махин за тему по военной истории 10 января 1913 г. получил 10 баллов[87]. Затем он подготовил тему по военному искусству под названием: «Тягость воинской повинности в Германии, Франции и России». Оппонентами на защите были генерал-майор А. А. Гулевич (впоследствии представитель генерала Н. Н. Юденича в Финляндии) и генерал-майор Д. В. Филатьев (будущий помощник Верховного главнокомандующего адмирала А. В. Колчака по хозяйственной части). Защита должна была проходить 26 марта 1913 г.[88] Однако из-за болезни докладчика она была перенесена на 24 апреля. Причем Махин за эту тему получил 11,5 балла, что являлось очень высоким результатом[89]. По третьей (стратегической) теме Ф. Е. Махин получил следующие оценки:

Баллы подъесаула Ф. Е. Махина за стратегическую тему[90]

Предмет	*Балл*
Тактико-стратегический отдел	
Общая тактика. *Подполковник С. Л. Марков*	10
Тактика пехоты. *Подполковник А. И. Андогский*	10
Тактика кавалерии. *Полковник М. А. Свечин*	10,5
Тактика артиллерии. *Полковник А. К. Келчевский*	10
Средний балл за тактико-стратегический отдел	10,1
Военно-статистический отдел. Генерал-майор *Г. Г. Христиани*	12
Военно-административный отдел	10
Общий средний балл	10,7

[86] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1432. Л. 8.
[87] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1360. Л. 297.
[88] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1453. Л. 5.
[89] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1343. Л. 149.
[90] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1453. Л. 287.

Видя перед собой молодого тридцатидвухлетнего слушателя Академии, его оппонент по тактике артиллерии полковник А. К. Келчевский не мог предположить, что через десять лет умрет от паралича сердца во время острого спора с этим самым офицером на своей квартире в Берлине[91]. Не мог этого знать весной 1913 г. и сам Махин, который по итогам трех тем получил в среднем 10,7 балла[92], что позволяло ему уже не беспокоиться об успешном окончании дополнительного курса, несмотря на хорошую, а не отличную оценку по верховой езде[93]. Своим упорством Махин тогда сумел добиться окончания Академии по первому разряду, шестнадцатым в своем выпуске со средним баллом 10,5 за дополнительный курс и с причислением к Генштабу[94]. Более того, за отличные успехи он был награжден орденом Св. Анны 3-й степени, получил право преподавания курса военной истории в военных училищах и попал на службу в престижный Киевский военный округ[95].

Еще один казачий офицер-генштабист, — М. Г. Серов, — стал впоследствии видным деятелем антибольшевистского движения оренбургского казачества — начальником 2-й Оренбургской казачьей дивизии и начальником штаба Оренбургского армейского корпуса. М. Г. Серов родился в 1866 г., окончил Уфимское землемерное училище и на протяжении нескольких лет работал землемером, но однажды решил круто изменить свою дальнейшую жизнь и выбрал для себя военную карьеру. В 1891 г. он окончил Оренбургское казачье юнкерское училище и на следующий год был произведен в офицеры. В 1902 г. Серов поступил в Николаевскую Академию Генерального штаба.

Баллы сотника М. Г. Серова на вступительных экзаменах в Академию (1902 г.)[96]

Предмет	*Балл*
Военная администрация	9,5
Тактика	9
Уставы	9,8
Артиллерия	11,5
Фортификация	7,5
Математика	8
География	10
Политическая история	9,5
Русский язык	10

[91] Махров П. С. В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба главнокомандующего вооруженными силами Юга России. СПб., 1994. С. 183.
[92] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1467. Л. 7.
[93] Там же. Л. 15.
[94] Там же. Л. 7.
[95] Там же. Л. 11 об., 20 об., 68 об., 111.
[96] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1209. Л. 17 об.

Немецкий язык	8
Французский язык	8
Средний балл	9,16

Успеваемость сотника М. Г. Серова в младшем классе Академии (1902—1903 учебный год)[97]

Предмет	*Балл*
Военная администрация	8
Тактика экзамен	9
Тактика (практические занятия)	9,5
Тактика (итог)	9,3
Геодезия	10
Физическая география	11
История военного искусства общая	8,5
История военного искусства в России	8,5
История военного искусства (итог)	8,5
Политическая история	—
Артиллерия	10,5
Фортификация	9,5
Русский язык	11
Французский язык	8
Немецкий язык	8
Съемка	11,2

В старшем классе уже в чине подъесаула М. Г. Серов сдал экзамены по военной истории, истории военного искусства и практическим занятиям по военной администрации (9,5; 8,5; 11 баллов соответственно)[98], а затем, в связи с началом русско-японской войны, 19 февраля 1904 г. подал рапорт об отправке добровольцем на Дальний Восток и уехал на войну[99]. По мнению Я. И. Николаева, который вел практические занятия по военной администрации, Серов «серьезный положительный работник [...] способный к обобщениям; по-видимому, твердого характера; производит впечатление человека на кот[орого] можно всегда и вполне положиться»[100]. По данным Е. В. Волкова, М. Г. Серов окончил Академию в 1906 г. по второму разряду[101].

Далее рассмотрим категорию армейских начальников, ставших в годы Гражданской войны во главе как казачьих, так и неказачьих частей и соединений Восточного фронта. Начнем с П. Г. Бурлина — оренбургского казачьего офицера, до-

[97] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1209. Л. 28.
[98] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1209. Л. 34; Д. 1341. Л. 19.
[99] РГВИА. Ф. 330. Оп. 48. Д. 65. Л. 10.
[100] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1341. Л. 19.
[101] Волков Е. В. Колчаковские офицеры... С. 314.

стигнего в годы Гражданской войны высших постов в армейской иерархии. В 1919 г. П. Г. Бурлин дослужился до должностей первого генерал-квартирмейстера Ставки, генерал-квартирмейстера штаба Восточного фронта, временно исполнял должность начальника штаба Верховного Главнокомандующего. П. Г. Бурлин родился в 1879 г., получил домашнее образование, а в 1901 г. окончил Оренбургское казачье юнкерское училище. В 1911 г. Бурлин поступает в Академию:

Результаты вступительных экзаменов подъесаула П. Г. Бурлина в Академию (1911 г.)[102]

Предмет	*Балл*
Военная администрация	11
Уставы (пехотный; кавалерийский; артиллерийский; полевой службы; общий; средний балл)	6; 12; 10; 10; 11; 9,8
Артиллерия	10,5
Топографическое черчение	8
География (русская; общая; средний балл)	11; 11; 11
Русский язык	12
Французский язык	10
Средний балл	10,03

По итогам вступительных испытаний П. Г. Бурлин оказался на двадцатом месте, что являлось неплохим результатом, и был зачислен в младший класс Академии. Младший класс он окончил восемнадцатым со средним баллом 10,3[103]. Таким образом, Бурлин не уступал однокурсникам своих позиций по баллам.

Успеваемость состоящего на льготе в комплекте Оренбургских казачьих полков подъесаула П. Г. Бурлина в старшем классе Академии (1912—1913 учебный год)[104]

Предмет	*Балл*
Военная администрация	11,5
Военная администрация (практические занятия)	11
Стратегия	12
Тактика	10,5
Тактика (практические занятия)	9,5
Тактика разведки	11
Военная статистика России	11
Военная статистика (практические занятия)	10

[102] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1401. Л. 110 об., 119 об., 122 об., 127, 136, 145, 146; Д. 1432. Л. 13.

[103] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1432. Л. 7.

[104] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1453. Л. 11, 29, 33, 37, 38, 85, 128, 149, 180, 189, 214, 253, 255, 267.

Военная история 1	10
Военная история 2	11
Политическая история	10
Военно-морское дело	11
Баллы за полевые поездки (разведки; полевые поездки; общий средний балл)	11; 12; 11,5
Баллы за съемки (1-я и 2-я глазомерные; средний балл)	9,5; 9,5; 9,5

По итогам старшего класса П. Г. Бурлин получил в среднем 10,6 балла и был зачислен на дополнительный курс Академии. Лучшие результаты он имел по стратегии, военной администрации, военно-морскому делу, полевым поездкам и военной истории.

Успеваемость состоящего на льготе в комплекте Оренбургских казачьих полков подъесаула П. Г. Бурлина на дополнительном курсе Академии (1913—1914 учебный год)[105]

Предмет	*Балл*
Доклад первой (военно-исторической) темы. 29 октября 1913 г. *Генерал-лейтенант Б. М. Колюбакин, полковник Н. Н. Головин*	10,5
Доклад второй темы (по военному искусству). 14 декабря 1913 г. *Генерал-лейтенант Б. М. Колюбакин, полковник А. А. Незнамов*	10
Доклад третьей (стратегической) темы (отделы: тактико-стратегический; военно-административный; военно-статистический; общий средний балл). 18 апреля 1914 г.	11; 9; 11; 10,3
Общий средний балл при окончании дополнительного курса	10,5
Средний балл за темы	10,3
Верховая езда	*хорошо*

Академию Бурлин окончил по первому разряду, двадцать восьмым в списке, обойдя, к примеру, известного в будущем советского военачальника А. И. Корка, который был тридцать первым[106]. В отличие от А. И. Дутова, наличие семьи и четверых детей не помешало П. Г. Бурлину успешно окончить Академию[107]!

Ко времени Гражданской войны, по воспоминаниям С. А. Щепихина, «Бурлин сильно изменился [...] Он раздобрел, посолиднел и важности без конца. Помню его причисленным к Генеральному штабу скромным оренбургским казачьим офицером, затем капитаном Генерального штаба, скромно трудолюбиво работающим в разведывательном отделении штарма[108]. Звезд никогда не хватал, аттестацию

[105] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1483. Л. 17; Д. 1360. Л. 122, 315, 335.

[106] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1483. Л. 17.

[107] См.: Список Генерального штаба. Исправлен по 1 июня 1914 г. (С приложением изменений, объявленных в высочайших приказах по 18 июля 1914 г.). Пг., 1914. С. 675.

[108] Т. е. штаба армии. Речь идет о штабе 3-й армии периода Первой мировой войны. — *А. Г.*

имел среднюю и, конечно, к крупной должности генквармa[109] всего Сибирского фронта подготовлен не был. Однако все недочеты свои с успехом прикрывал важностью манер. Вытянул его из мрака неизвестности Лебедев[110], как сослуживец по штабу 24 корпуса (Цурикова[111]) и штаба III армии фронта Великой войны»[112].

Как бы то ни было, результаты успеваемости П. Г. Бурлина в Академии говорят о том, что он был в числе лучших выпускников и, возможно, багаж знаний, полученный в Академии, помог ему достичь высших командных постов при Колчаке.

Начальником штаба Южной армии в 1919 г. являлся Генерального штаба генерал-майор И. В. Тонких. По мнению Генерального штаба генерал-майора С. А. Щенихина, это был «типичнейший офицер генерального штаба в лучшем значении этого слова»[113].

И. В. Тонких родился в 1877 г. в семье забайкальского казака, в 1898 г. был произведен в офицеры, окончил Иркутское пехотное юнкерское училище, к моменту поступления в Академию был холост и имел опыт участия в Китайской кампании и в русско-японской войне, на которой получил ранение[114].

При поступлении в Академию И. В. Тонких получил следующие результаты:

Результаты вступительных экзаменов хорунжего 1-го Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска И. В. Тонких (1905 г.)[115]

Предмет	*Балл*
Военная администрация	9,5
Тактика	8,5
Уставы	9,5

[109] Т. е. генерал-квартирмейстера. — *А. Г.*

[110] Лебедев Дмитрий Антонович (1883 — 1928) — генерал-лейтенант Генерального штаба. Окончил Сибирский кадетский корпус (1900), Михайловское артиллерийское училище, Императорскую Николаевскую военную Академию (1911). Полковник. С декабря 1917 г. — в Добровольческой армии. В начале 1918 г. командирован в Сибирь. Начальник штаба Верховного главнокомандующего (21. 11. 1918 — 12. 08. 1919), военный министр (23. 05—12. 08. 1919). В эмиграции — в Китае. Скончался в Шанхае.

[111] Цуриков Афанасий Андреевич (1858 — 1923) — генерал от кавалерии Генерального штаба (1914). Из дворян. Окончил Орловскую Бахтина военную гимназию, Николаевское кавалерийское училище, Николаевскую Академию Генерального штаба (1883, по первому разряду). Генерал для особых поручений при генерал-инспекторе кавалерии великом князе Николае Николаевиче (1906—1907). Командовал 15-й и 2-й кавалерийскими дивизиями. Командир 24-го армейского корпуса (с 02. 01. 1914) 8-й армии. За бои в Карпатах награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. (1915). В 1917 г. во время выступления Л. Г. Корнилова поддержал Временное правительство. С 1920 г. — в РККА, член Особого совещания при Главкоме.

[112] ГА РФ. Ф. 6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

[113] Там же. Л. 50.

[114] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1209. Л. 7; Список Генерального штаба. Исправлен по 1 июня 1914 г. (С приложением изменений, объявленных в высочайших приказах по 18 июля 1914 г.). Пг., 1914. С. 561.

[115] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1209. Л. 18.

Артиллерия	10
Фортификация	8
Математика	7,3
География	8
Политическая история	8,5
Русский язык	9
Французский язык	7
Немецкий язык	8
Средний балл	8,48

Результаты вступительных экзаменов не были блестящими, однако И. В. Тонких был зачислен в младший класс Академии.

Успеваемость подъесаула 1-го Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска И. В. Тонких в младшем классе Академии (1905—1906 учебный год)[116]

Предмет	*Балл*
Военная администрация	11,5
Тактика	12
История военного искусства общая	11
История военного искусства в России	11,5
Политическая история (русская; общая; средний балл)	12; 10; 11
Сведения по части инженерной	11,5
Сведения по части артиллерийской	11,5

В младшем классе Академии И. В. Тонких показал отличные знания, в приведенной выборке нет ни одного итогового балла ниже 11, что свидетельствует о серьезной подготовке слушателя и его способностях к постижению военной науки.

Ведомость успеваемости подъесаула 1-го Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска И. В. Тонких в старшем классе Академии (1906—1907 учебный год)[117]

Предмет	*Балл*
Военная администрация	10
Военная администрация (практические занятия)	11,5
Стратегия	12
Тактика (элементарная; прикладная; средний балл)	11; 11; 11
Тактика (практические занятия)	10,5
Военная статистика (русская; иностранная; средний балл)	10,5; 11,5; 11

[116] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1341. Л. 80, 93, 104, 109, 113, 114, 119.
[117] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1342. Л. 23, 27, 31, 50, 61, 65, 82, 78, 91, 97, 101, 123, 155; Д. 1384. Л. 348.

Военная история (1870—71, 1877—78, средний балл)	12; 12; 12
Сведения по части инженерной	11
Фортификация (практические занятия)	10
Русский язык	-
Французский язык	10
Немецкий язык	10
Английский язык	10
Баллы за съемки (1-я; 2-я; средний балл). *Полковник А. К. Баиов*	10; 10; 10

В старшем классе И. В. Тонких также имел по основным предметам довольно высокие баллы (особенно по стратегии, военной истории, практическим занятиям по военной администрации, тактике, инженерному делу и военной статистике) и был по итогам обучения зачислен на дополнительный курс Академии.

Ведомость успеваемости подъесаула 1-го Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска И. В. Тонких в дополнительном классе Академии (1907—1908 учебный год)[118]

Предмет	*Балл*
Доклад первой темы 8 октября 1907 г. *Генерал-майор Комаров, полковник Н. Л. Юнаков*	11
Доклад второй темы 18 декабря 1907 г. *Полковник П. Д. Комаров, подполковник А. А. Незнамов*	10,5

И. В. Тонких окончил Академию по первому разряду и был причислен к Генеральному штабу. По характеристике генерала Щепихина, Тонких «очень близкий к идеалу генштабиста тип: работящий, знающий и скромный [...] В. Т. Тонких[119] совершенно чужд профессионального честолюбия [...] быть всегда на втором плане — это его жизненный удел. Он довольствуется единственной наградой — невмешательством в сферу его деятельности, т. е. максимумом доверия к своей работе. Он даже не претендует на публичное признание за ним со стороны его начальника заслуг. Он всегда готов разрабатывать военный план и вытекающие из него распоряжения на любую заданную тему, хотя бы это задание и противоречило его собственному решению. Такое, доходящее до уничтожения собственного «я», самопожертвование, такое растворение в чужом «я» — стихия В. Т. Тонких. Мягкий, но с достаточной силой воли, чтобы заставить работать и других; сам превосходный работник, от всего сердца преданный военному делу, он чувствовал, что ему, по его натуре, нужна опора, вернее прозрачная ширма, за которой он себя спокойнее всегда чувствовал. Должен быть возле него человек, пусть даже ниже его, но достаточно волевой, чтобы проводить его замыс-

[118] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1342. Л. 219; Д. 1360. Л. 145.

[119] С. А. Щепихин, видимо, по ошибке указывает, что имя-отчество Тонких — Василий Тимофеевич. — *А. Г.*

лы в жизнь: именно проводить, воплощать, где надо употребляя силу и насилие над чужой волей. Этого последнего качества Тонких не имел — он терялся перед лицом другой воли. И если эта воля была выше его по рангу — он ей охотно подчинялся [...] Никогда я не видел Тонких в растерянности, тем паче в панике; никогда нельзя было обнаружить на его монгольском (бурятском) лице уныние»[120]. Таким образом, И. В. Тонких являлся идеальным знающим офицером Генштаба, дельным исполнителем при любом начальнике, который мог разумно управлять войсками. Рассмотрим, что представлял собой тот самый будущий начальник генерала Тонких — командующий Южной армией Г. А. Виттекопф (П. А. Белов).

Г. А. Виттекопф родился в 1881 г. в семье обрусевшего фабриканта, по вероисповеданию был лютеранином. Общее образование получил в частном учебном заведении, военное — в Виленском пехотном юнкерском училище, которое окончил по первому разряду и в 1902 г. был произведен в офицеры[121]. Служил в Митаве, в 114-м пехотном Новоторжском полку. С. А. Щепихин довольно ярко описывает типичную для немцев внешность Белова: «Блондин до слез, т. е. до ресниц, с молочно-розовым цветом тела, с грубоватыми чертами лица, в котором один только массивный четырехгранный подбородок чего стоит! Голубые сурово добрые глаза и оттопыренные, большие уши»[122]. Г. А. Виттекопф, очевидно, имел неплохую общую подготовку, что позволило ему в 1909 г. поступить в Академию с первой попытки и с довольно высокими баллами.

Баллы поручика 114-го пехотного Новоторжского полка Г. А. Виттекопфа на предварительных испытаниях 1909 г. в Виленском военном округе[123]

Предмет	*Балл*
Тактика	8
Задачи по тактике	9
География	10
Политическая история	10
Русский язык	9
Средний балл	9

Баллы поручика 114-го пехотного Новоторжского полка Г. А. Виттекопфа на вступительных экзаменах в Академию (1909 год)[124]

Предмет	*Балл*
Тактика	9

[120] ГА РФ. Ф. 6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 50.
[121] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1400. Л. 4 об. —5.
[122] ГА РФ. Ф. 6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 43 об.
[123] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1397. Л. 39.
[124] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1384. Л. 167, 171, 191, 192, 211, 281.

Уставы (полевой службы; пехотный; кавалерийский; артиллерийский; общий; средний балл)	8; 9; 9; 9; 10; 9
Фортификация	10
География (русская; общая; средний балл)	11; 11; 11
Политическая история	11
Немецкий язык	12

В младшем классе Академии Г. А. Виттекопф имел следующие баллы:

Успеваемость поручика 114-го пехотного Новоторжского полка Г. А. Виттекопфа в младшем классе Академии (1909—1910 учебный год)[125]

Предмет	*Балл*
Тактика (практические занятия)	9
Сведения по части инженерной	9,5
Немецкий язык	12 (соч.)
Полевые поездки	10,5
Баллы за съемки (черчение; инструментальная; глазомерная; средний балл).	9; 9,5; 9; 9,2

При окончании младшего класса Виттекопф оказался седьмым по списку со средним баллом 10,6[126]. Такой выдающийся результат мог иметь только очень старательный офицер. К сожалению, результатов успеваемости Г. А. Виттекопфа в старшем классе Академии (1910—1911 учебный год), за исключением балла, полученного им по военной администрации (11,5)[127], обнаружить в делопроизводстве Академии не удалось. Однако известно, что по итогам старшего класса Виттекопф был семнадцатым со средним баллом 10,6[128], т. е. сумел прочно удержать балл, полученный в младшем классе за год до этого, хотя и оказался несколько ниже по списку. Что удивительно, та же цифра фигурирует и в его результатах за дополнительный курс:

Результаты успеваемости штабс-капитана 114-го пехотного Новоторжского полка Г. А. Виттекопфа на дополнительном курсе Академии (1911—1912 учебный год)[129]

Предмет	*Балл*
Доклад первой темы. 29 сентября 1911 г. *Полковник А. Ф. Добрышин*	11
Доклад второй темы. 1 декабря 1911 г. *Генерал-майор А. Г. Елчанинов, полковник П. И. Изместьев*	10,5

[125] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1401. Л. 14, 18, 40, 154, 170.
[126] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1400. Л. 47.
[127] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1401. Л. 96.
[128] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1432. Л. 20.
[129] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1432. Л. 5; Д. 1343. Л. 69, 85.

Общий средний балл при окончании дополнительного курса	10,6
Средний балл за темы	10,6
Верховая езда	*хорошо*

По итогам дополнительного курса Г. А. Виттекопф был лишь 31-м, хотя имел все тот же балл 10,6. Академию он закончил по первому разряду и был причислен к Генеральному штабу. Исходя из результатов успеваемости этого офицера, можно сделать вывод о том, что сокурсники Г. А. Виттекопфа на старших курсах сумели значительно повысить свои баллы, либо приспособившись к требованиям, предъявлявшимся в Академии, либо набравшись определенного опыта. Что касается самого Г. А. Виттекопфа, то он за три года не снизил, но и не повысил свой результат, позволявший ему удерживаться в первом разряде, но, конечно, уже не выводивший его в число лучших слушателей.

В связи с началом Первой мировой войны Г. А. Виттекопф изменил свою германскую фамилию и инициалы, став Петром Александровичем Беловым. На фронте получил сквозное ранение в грудь. В начале Гражданской войны Генштаба полковник Белов (Виттекопф) уехал в Сибирь, где провел более полугода, выдавая себя за крестьянина. С 13 июня 1918 г. стал начальником штаба Сибирской армии, спустя всего два месяца был произведен в генерал-майоры [130].

В ноябре 1918 г. Белов был отчислен от должности, якобы, по собственному желанию и зачислен в резерв Ставки. По мнению С. А. Щепихина, он стал жертвой интриг печально известного Генерального штаба полковника Д. А. Лебедева, оказывавшего в тот период сильное влияние на адмирала А. В. Колчака и стремившегося устранить своих возможных конкурентов из числа офицеров Генерального штаба [131]. С 23 мая по 9 сентября 1919 г. Белов командовал Южной армией, в состав которой входили оренбургские казачьи части. Белов, безусловно, был способным человеком, хорошим организатором, но он не обладал полководческим талантом и легко поддавался влиянию со стороны. Все это, в значительной степени, предопределило трагическую судьбу вверенной ему Южной армии.

Не последнюю роль в Южной армии играл ее начальник снабжения (впоследствии начальник штаба главнокомандующего Восточным фронтом), неоднократно упоминавшийся нами Генерального штаба генерал-майор С. А. Щепихин. Будущий генерал родился в 1880 г., происходил из уральских казаков. Образование получил в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе и Николаевском кавалерийском училище, причем учился во всех вышеперечисленных учебных заведениях вместе с А. И. Дутовым. В 1905 г. С. А. Щепихин поступил в Академию.

[130] Симонов Д. Г. История II Степного корпуса белой Сибирской армии (1918 год). Новосибирск, 2001. С. 133.
[131] ГА РФ. Ф. 6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 43 об. —44.

Успеваемость сотника 1-го Уральского казачьего полка С. А. Щепихина в младшем классе Академии (1905—1906 учебный год)[132]

Предмет	*Балл*
Военная администрация	12
Тактика	10
История военного искусства общая	11
История военного искусства в России	10
Политическая история (русская; общая; средний балл)	10; 9; 9,5
Сведения по части артиллерийской	8
Сведения по части инженерной	11

Лучший результат в младшем классе С. А. Щепихин имел по военной администрации, инженерному делу и общей истории военного искусства. Хуже всего отвечал по артиллерии. При переходе на дополнительный курс С. А. Щепихин получил следующие баллы:

Успеваемость подъесаула 4-го Уральского казачьего полка С. А. Щепихина в старшем классе Академии (1906—1907 учебный год)[133]

Предмет	*Балл*
Военная администрация	10,5
Военная администрация (практические занятия)	10
Стратегия	10
Тактика (элементарная; прикладная; средний балл)	10; 10; 10
Тактика (практические занятия)	11
Военная статистика (русская; иностранная; средний балл)	9; 10; 9,5
Военная история (1870—71; 1877—78; средний балл)	10; 10; 10
Сведения по части инженерной	11
Фортификация (практические занятия)	10
Русский язык	-
Французский язык	9,5
Немецкий язык	10
Английский язык	10
Баллы за съемки (1-я; 2-я; средний балл). *Полковник А. К. Баиов*	9,5; 8; 8,8

Лучшими результатами Щепихина в старшем классе были баллы по инженерному делу, военной администрации и практическим занятиям по тактике.

[132] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1341. Л. 80 об., 93 об., 104 об., 109 об., 113 об., 114 об., 119 об.

[133] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1342. Л. 23 об., 27 об., 31 об., 50 об., 61 об., 65 об., 78 об., 82 об., 91 об., 97 об., 101 об., 123 об., 155 об.; Д. 1384. Л. 348 об.

Успеваемость подъесаула 1-го Уральского казачьего полка С. А. Щепихина на дополнительном курсе Академии (1907—1908 учебный год)[134]

Предмет	*Балл*
Доклад первой темы. 18 октября 1907 г. *Генерал-лейтенант А. З. Мышлаевский, полковник А. Г. Елчанинов*	9,5
Доклад второй темы. 3 декабря 1907 г. *Генерал-майор Б. М. Колюбакин, полковник П. И. Аверьянов*	8,5
Доклад третьей темы. 26 апреля 1908 г. *Полковник Бойко, полковник Н. Ф. Домелунксен, полковник В. С. Скобельцын* (отделы: военно-статистический; военно-административный; стратегический; средний балл)	11; 10; 10; 10,3

Средний балл за темы дополнительного курса для С. А. Щепихина был не очень благоприятен — 9,4, тем не менее, он сумел успешно окончить Академию. Позднее молодой офицер Генштаба опубликовал несколько военно-научных трудов[135]. Судя по всему, С. А. Щепихин был способным офицером Генштаба и хорошим организатором. Что касается его характера, то об этом мы можем судить по неопубликованным мемуарам самого Щепихина, написанным в эмиграции. В своих воспоминаниях он, не стесняясь в выражении эмоций, привел уничтожающую критику целого ряда высших начальников вооруженных сил адмирала А. В. Колчака. Причем через эту не всегда обоснованную критику вполне явно, на наш взгляд, проглядывает обида человека, которого не оценили по достоинству. Наиболее ярок пример, когда С. А. Щепихин осуждает штаб Южной армии за то, что его офицеры мало пьют[136]. Нетрудно предположить, что, если бы офицеры штаба пили много, С. А. Щепихин осудил бы их и за это. Мы уже цитировали полные желчи высказывания С. А. Щепихина о своем однокашнике и друге детства А. И. Дутове. Думается, такая характеристика не случайна. Как отмечалось выше, С. А. Щепихин, возможно, более способный к военной науке и к службе Генштаба, чем А. И. Дутов, не сумел, в отличие от последнего, приобрести поистине всероссийскую известность и стать одним из вождей антибольшевистского движения в государственном масштабе. Именно это и побудило его вспомнить компрометирующие Дутова эпизоды из прошлого.

Однокурсником будущего войскового атамана Оренбургского казачьего войска А. И. Дутова в Академии был еще один оренбургский казачий офицер Н. Т. Сукин, в годы Гражданской войны — начальник штаба III Уральского армейского корпуса, в состав которого входили оренбургские казачьи части. По специальности артиллерист, он окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище.

[134] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1360. Л. 154, 163; Д. 1342. Л. 206.

[135] Щепихин С. А. Отчет о поездке в Тарбагатайский округ Западного Китая летом 1912 г. Омск, 1913; Он же. Омский военный округ. Военно-географическое и статистическое описание. Омск, 1913.

[136] ГА РФ. Ф. 6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 8 об. —9.

В 1905 г. сотник 2-й Оренбургской казачьей батареи Н. Т. Сукин сдал вступительные экзамены в Академию:

Баллы сотника 2-й Оренбургской казачьей батареи Н. Т. Сукина при поступлении в Академию (1905 г.)[137]

Предмет	*Балл*
Военная администрация	9
Тактика	10
Уставы (пехотный; кавалерийский; артиллерийский; общий; средний балл)	8; 9; 7; 9; 8,3
Артиллерия	10
Фортификация	10
Математика (алгебра; геометрия; тригонометрия; средний балл)	8; 10; 9; 9
География (русская; общая; средний балл)	11; 11; 11
Политическая история (русская; общая; средний балл)	12; 11; 11,5
Немецкий язык	8
Французский язык	7

Лучшие знания он показал по политической истории и географии, хуже всего проявил себя на экзаменах по иностранным языкам. Тем не менее, полученных баллов оказалось достаточно для зачисления в младший класс Академии.

Успеваемость сотника 2-й Оренбургской казачьей батареи Н. Т. Сукина в младшем классе Академии (1905—1906 учебный год)[138]

Предмет	*Балл*
Военная администрация	11
Тактика	11
Тактика (практические занятия)	10
История военного искусства общая	11,5
История военного искусства в России	9
Политическая история (русская; общая; средний балл)	12; 10; 11
Сведения по части артиллерийской	11
Сведения по части инженерной	8

В младшем классе Сукин учился старательно, получив высокие баллы по общей истории военного искусства, военной администрации, тактике, артиллерии, политической истории, что свидетельствует о хорошей общей и специальной подготовке слушателя по важнейшим предметам.

[137] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1300. Л. 89 об., 121 об., 124, 128, 138 об., 142 об.; Д. 1384. Л. 202 об., 217 об., 227 об.

[138] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1341. Л. 80, 93, 104, 109, 113, 114, 119, 128.

Успеваемость сотника 2-й Оренбургской казачьей батареи Н. Т. Сукина в старшем классе Академии (1906—1907 учебный год)[139]

Предмет	*Балл*
Военная администрация (практические занятия)	10
Тактика	11
Тактика (полевые занятия)	11,5
Фортификация (практические занятия)	12

Сведения об успеваемости Н. Т. Сукина в старшем классе сохранились крайне фрагментарно, однако по имеющимся данным можно сделать вывод о том, что молодой казачий офицер в результате полученных в младшем классе высоких баллов не стал расслабляться и по результатам учебы был зачислен на дополнительный курс Академии.

Успеваемость подъесаула 2-й Оренбургской казачьей батареи Н. Т. Сукина на дополнительном курсе Академии (1907—1908 учебный год)[140]

Предмет	*Балл*
Доклад первой темы. 27 сентября 1907 г. *Генерал-лейтенант А. З. Мышлаевский, генерал-майор Аметистов*	10
Доклад третьей темы (отделы: военно-статистический; военно-административный; стратегический; средний балл). 25 апреля 1908 г. *Полковник П. Д. Комаров, полковник М. Д. Бонч-Бруевич*	11; 10,5; 9; 10,2

Судя по результатам, полученным Н. Т. Сукиным в период обучения в Академии, он являлся способным к военной науке, волевым, целеустремленным и знающим казачьим офицером. По окончании дополнительного курса Сукин был причислен к Генеральному штабу. Впоследствии совместное обучение Н. Т. Сукина и его менее удачливого однокурсника и земляка А. И. Дутова негативно сказалось на взаимодействии Юго-Западной армии А. И. Дутова с частями соседнего III Уральского армейского корпуса, начальником штаба которого в 1918 г. был Н. Т. Сукин! По этому вопросу известна точка зрения А. И. Дутова, который в своем письме от 2 декабря 1918 г. помощнику военно-морского министра по казачьим делам Б. И. Хорошхину резко критиковал позицию Н. Т. Сукина, «сидящего в Челябе[141] и не желающего мне подчиниться из-за самолюбия: как же — однокашник, баллами выше меня по списку, и вдруг такой ужас; но хуже всего то, что его жене это никак неприемлемо. Эх, счеты, счеты! а где же Родина и где любовь к казачеству. Я знаю, что меня травят везде и всю-

[139] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1342. Л. 23, 31; Д. 1384. Л. 348, 378.
[140] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1360. Л. 138, 161.
[141] Т. е. в Челябинске. — *А. Г.*

ну, но, пока я на своем посту, я не брошу борьбы, как бы тяжко и обидно под час ни было»[142].

Наконец, рассмотрим академические годы еще одного армейского начальника, деятельность которого в период Гражданской войны была тесно связана с оренбургскими казаками. Это начальник штаба IV Оренбургского армейского корпуса, а впоследствии начальник штаба отряда атамана Дутова генерал-майор Генерального штаба И. И. Смольнин-Терванд, носивший в академические годы фамилию Терванд. Этот офицер родился в 1887 г., исповедовал лютеранство, окончил Перновское городское училище и Виленское пехотное юнкерское училище. Биография Терванда, в некоторой степени, типична: молодой офицер Генштаба в годы русской смуты вознесся до поста начальника штаба корпуса, в возрасте тридцати двух лет произведен в генерал-майоры. Поистине головокружительная карьера для любой армии, за исключением армии периода Гражданской войны в России!

В 1911 г. И. И. Терванд поступил в Академию со средним баллом 9,25 и был шестьдесят седьмым по списку[143].

Успеваемость поручика 24-го Сибирского стрелкового полка И. И. Терванда в младшем классе Академии (1911—1912 учебный год)[144]

Предмет	*Балл*
Военная администрация	11
История военного искусства общая	9
История военного искусства в России	8
Сведения по части артиллерийской	12
Политическая история	11
Немецкий язык	7

По итогам младшего класса Академии Терванд был только семьдесят четвертым со средним баллом 9,3[145].

Успеваемость поручика 24-го Сибирского стрелкового полка И. И. Терванда в старшем классе Академии (1912—1913 учебный год)[146]

Предмет	*Балл*
Военная администрация (практические занятия)	10
Стратегия	9

[142] Письма атамана Дутова // Наш путь (Чита). Ежемесячный журнал Дальбюро ЦК РКП. 1923. Апрель. № 8. С. 48.
[143] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1432. Л. 13 об.
[144] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1431. Л. 5, 12, 23, 47, 54, 62.
[145] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1432. Л. 7 об.
[146] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1431. Л. 7; Д. 1453. Л. 10, 12 об., 36, 88, 131, 148 об., 152, 216 об., 256, 258 об., 268 об.; Д. 1483. Л. 17 об.

Тактика	9,5
Тактика (практические занятия)	9
Тактика разведки	10
Военная статистика иностранных государств	11
Сведения по части инженерной	11
Военно-морское дело	10
Политическая история	11
Немецкий язык	8,5
Баллы за полевые поездки (разведки; полевые поездки; общий средний балл)	10; 10; 10
Баллы за съемки (1-я и 2-я глазомерные; средний балл)	10,5; 11,5; 11
Средний балл	9,8

Непонятно, каким образом И. И. Терванд был переведен на дополнительный курс, не добрав в среднем две десятых балла до требуемых 10. Возможно, он получил так называемый «благотворительный» балл — небольшую прибавку к уже имевшемуся, позволявшую офицеру быть переведенным на дополнительный курс, либо прошел по числу мест. Как бы то ни было, И. И. Терванд был одним из слабейших офицеров, переведенных на дополнительный курс Академии в 1913 г.

Успеваемость поручика 24-го Сибирского стрелкового полка И. И. Терванда на дополнительном курсе Академии (1913—1914 учебный год)[147]

Предмет	*Балл*
Доклад первой темы. 16 октября 1913 года. *Генерал-майор А. К. Баиов, полковник А. А. Балтийский*	10
Доклад второй темы. 4 декабря 1913 года. *Полковник П. Ф. Рябиков, полковник М. Ф. Матковский*	11
Доклад третьей темы. 18 апреля 1914 года. (отделы: тактико-стратегический; военно-административный; военно-статистический; общий средний балл).	9,5; 11; 10,5; 10,3
Средний балл за темы	10,4
Средний балл при окончании дополнительного курса	10,1
Верховая езда	Хор.

Тем не менее, дополнительный курс Академии он сумел окончить по первому разряду, хотя и пятидесятым[148].

В данной статье рассмотрен «академический» период жизни тринадцати офицеров — выпускников Николаевской Академии Генерального штаба, возглавивших после 1917 г. антибольшевистское движение оренбургского казачества. Попробуем составить условный коллективный портрет данной группы офицеров. Из тринадца-

[147] Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1483. Л. 17 об.; Д. 1360. Л. 119, 307, 327.
[148] РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1483. Л. 17 об.

ти выпускников Академии лишь двое (А. И. Дутов и Н. Т. Сукин) происходили из дворян казачьего сословия, большинство являлось выходцами из казаков. Г. А. Виттекопф был сыном фабриканта, происхождение И. И. Терванда и Г. И. Петрановского-Белаш установить не удалось. По вероисповеданию все офицеры, кроме лютеран Г. А. Виттекопфа и И. И. Терванда, были православными.

В отношении образования разброс сильнее. Общее образование четыре офицера получили в кадетских корпусах, три в городских училищах, двое получили домашнее образование, еще один офицер окончил частное учебное заведение, начальное образование Г. И. Петрановского-Белаш и И. В. Тонких не установлено. Военное образование восемь офицеров получили в юнкерских училищах (в том числе пятеро — в Оренбургском казачьем юнкерском училище и трое в пехотных), два офицера окончили Николаевское кавалерийское училище, два — Константиновское и Михайловское артиллерийские.

Распределение по родам войск было следующим: службу в казачьих частях начали десять офицеров (в том числе двое в казачьей артиллерии), трое служили в пехоте. Более или менее однороден возраст поступления офицеров в Академию. Три офицера поступили в нее в 24 года (А. Н. Вагин, И. И. Терванд и С. А. Щепихин), три офицера — в 26 лет, четверо в возрасте 27—30 лет и два офицера в возрасте 32 и 35 лет (П. Г. Бурлин и М. Г. Серов соответственно). Не удалось установить возраст Г. И. Петрановского-Белаш.

Можно выделить два периода, в которые в Академии обучалось наибольшее число офицеров — будущих вождей антибольшевистского движения оренбургского казачества. Это периоды 1906—1908 и 1910—1913 гг. Примерно в одно время в Академии учились и, возможно, уже в академические годы были знакомы друг с другом следующие группы офицеров: 1) М. Г. Серов, А. И. Дутов, И. М. Зайцев, Н. Т. Сукин, И. В. Тонких, С. А. Щепихин; 2) А. Н. Вагин, Ф. Е. Махин, Г. А. Виттекопф; 3) И. Г. Акулинин, Ф. Е. Махин, П. Г. Бурлин, И. И. Терванд, Г. А. Виттекопф и Г. И. Петрановский-Белаш.

После окончания Академии выпускники почти сразу приняли участие в Первой мировой, а затем и в Гражданской войне, что позволило им быстро достичь больших чинов. Генеральских чинов они достигли (за исключением М. Г. Серова) уже в рядах белых армий. Самым молодым генералом из тринадцати выпускников Академии стал И. И. Терванд, произведенный в этот чин в 32 года. Генералом в 34 года стал А. Н. Вагин, еще шесть бывших выпускников были произведены в генеральские чины в возрасте 37—39 лет. В 41—42 года генеральские погоны надели еще двое генштабистов (И. М. Зайцев и И. В. Тонких). М. Г. Серов стал генералом позже всех в возрасте 50 лет, что связано с поздним началом его военной карьеры. Лишь Ф. Е. Махин так и остался полковником из-за участия в заговоре против А. И. Дутова и А. В. Колчака и последовавшей за этим высылки из России. Таким образом, через 5—6 лет после выпуска генералами стали четыре человека из рассмотренной нами группы, через 9—10 лет — три человека и через 11—12 лет — еще четыре человека. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что в условиях Гражданской войны в белых армиях востока России старшинство при чи-

непроизводстве не соблюдалось, и послужной список, равно как и год выпуска из Академии, не имел большого значения, гораздо важнее было участие того или иного офицера в боевых операциях и стаж его пребывания на штабных и командных должностях антибольшевистских формирований. Все это позволяло в короткий срок добиться значительного продвижения по службе.

Все тринадцать выпускников Академии принимали участие в Первой мировой войне и лишь шестеро — в русско-японской (И. Г. Акулинин, П. Г. Бурлин, Г. А. Виттекопф, А. И. Дутов, И. В. Тонких, С. А. Щепихин). Только два офицера уже в годы Первой мировой войны (И. Г. Акулинин и И. М. Зайцев) были награждены орденами Св. Георгия IV ст. и Георгиевским оружием.

Что касается дальнейшей судьбы выпускников, то девять человек умерли в эмиграции, в том числе убитый советскими агентами А. И. Дутов и покончивший с собой И. М. Зайцев. Двое офицеров были расстреляны большевиками (М. Г. Серов и И. И. Терванд). Судьба Г. И. Петрановского-Белаш и Н. Т. Сукина, вернувшегося в СССР, неизвестна.

А. С. КРУЧИНИН

Белогвардейцы против оккупантов: из истории Добровольческой армии (1918)

Практически неизученным остается до сих пор вопрос об отношениях между Добровольческой Армией и оккупировавшими в 1918 г. обширные области Юга России войсками центральных держав — прежних противников России в Первой мировой войне, отнюдь не оконченной, по мнению воспринявших наследство погибшей империи белых вождей. Наименьшее внимание исследователями уделяется собственно военному аспекту событий, который, в отличие от политической и околополитической кухни, пребывает окруженным тайной, как будто не развеянной и поныне.

Неоспоримо, что в первый период своего наступления в Новороссии и Малороссии приходящие на смену революционной смуте и анархии немцы оказывались «элементом порядка» (выражение В. В. Шульгина), с чем были связаны, например, обращения к ним за помощью восставших казаков Донецкого округа Области Войска Донского[1] или Таманского отдела Кубанской области[2].

«Но идет война. Война продолжается. Мы дали наше слово французам и англичанам, и мы будем его держать. И потому-то мы — ваши враги. Враги — до заключения мира», — более полувека спустя пересказывал Шульгин свою статью, обращенную к оккупировавшим Киев немцам, так ее комментируя: «От кого говорит Шульгин, употребляя "семейное" мы? Этого я тогда и сам не понимал. Только теперь понимаю. Кто дал слово французам и англичанам? Русский император... Его уже не было. Я говорил от его имени. Теперь я это понимаю. Но немецкое командование поняло это раньше меня. Для них это звучало внушительно»[3].

Это наследство было обязательным для командования Добровольческой Армии, поскольку немецкая политика на Востоке, несмотря на борьбу различных

[1] Краснов П. Н. Всевеликое Войско Донское // Архив Русской Революции, издаваемый И. В. Гессеном. Т. 5. Берлин, 1922. С. 199.

[2] См., например: Елисеев Ф. И. С Корниловским конным. М., 2003. С. 253; Скобцов Д. Е. Три года революции и гражданской войны на Кубани. [Т. 1]. Париж, [1962]. С. 117; Калинин И. М. Русская Вандея. М.-Л., 1926. С. 41—43.

[3] Шульгин В. В. Французская интервенция на Юге России в 1918—1919 годах (Отрывочные воспоминания) // Военная Быль. № 3 (132). М., 1993. С. 29.

течений в правящих кругах Германии, в целом оставалась определенно антирусской, т. е. и для немцев мировая война вряд ли почиталась оконченной. Скорее всего, добровольцы еще не обладали тогда полнотой информации о выдаче немцами русских офицерских организаций на расправу ЧК[4], о предательской роли «Германской комиссии № 4» во время восстания в Ярославле[5], о противодействии немецких дипломатов планам освобождения царской семьи, на что будто бы уже готовы были склониться немецкие же военные[6], о поругании немецкой солдатней православных храмов в Прибалтике[7] и Малороссии[8], — но уже одного германо-большевистского альянса и традиционной поддержки центральными державами любых расчленителей единого Российского государства было достаточно для того, чтобы считать войну незаконченной не только юридически (вследствие нелегитимности Брестского мира), но и фактически.

Конечно, силы были неравны, и это прекрасно понимали вожди белого движения. «"Брест-Литовск" был актом разбойного захвата, — вспоминал впоследствии А. И. Деникин, — и мы не могли отнестись к виновникам его иначе, как к врагам России; но, не будучи в силах вести борьбу одновременно на два фронта, мы вели войну против большевиков, сохраняя в отношении немцев вооруженный нейтралитет»[9]. Более того, понимали они и всю сложность положения, в котором очутились руководители новообразований, вынужденные соприкасаться и сотрудничать с оккупантами, — в первую очередь донской атаман генерал П. Н. Краснов (в меньшей степени кубанское краевое правительство). Деникин писал позднее: «Вряд ли история с точки зрения русской национальной идеи осудит ген. Краснова за то, что он в 1918 г. признал Дон "не воюющей" против Германии стороной, воспользовался обеспечением немцами западных рубежей области и приобретал через их посредство военные запасы бывшего русского Юго-Западного фронта. В тогдашнем положении Дона другого выхода не было, а силы и военно-политическое положение Германии вынуждали ее удовлетвориться вполне таким односторонним нейтралитетом и экономическими выгодами своеобразного товарообмена — русских патронов на русский хлеб»[10]. Упреки же в адрес атамана основывались не на самом факте вынужденного сотрудничества с немцами (Донскую область нельзя было поставить на колеса и увезти куда-нибудь от них подальше), а на вольном или невольном *официальном* признании Красновым роли оккупантов как вершителей

[4] Российский Государственный Военный Архив (РГВА). Ф. 39540. Оп. 1. Д. 131. Л. 57—57 об.; Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Т. 3. Берлин, 1924. С. 84—85.

[5] Красная Книга ВЧК. Изд. 2-е, уточненное. Т. 1. М., 1989. С. 160—161.

[6] Мосолов А. А. При Дворе Императора. Рига, [1937]. С. 221—222.

[7] Из жизни православных в Латвии: Беседа с протоиереем Георгием Тайловым // Православная Русь. Jordanville, 1998. № 5 (1602). С. 6.

[8] Росс К. Доклад начальнику операционного отделения германского восточного фронта о положении дел на Украине в Марте 1918 года // Архив Русской Революции. Т. 1. [1921]. С. 293.

[9] Деникин А. И. Патриотизм в преломлении русской действительности // Доброволец. [№ 1]. Париж, 1936. С. 1.

[10] Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Т. 3. С. 66.

судеб России, якобы правомочных решать все внутренние территориальные вопросы, что нашло выражение в известном его письме императору Вильгельму, которое возмущенный Деникин охарактеризовал как составленное «в тоне вернопреданности, глубоко обидном для национального самолюбия, — в отношении державы, *продолжавшей* (выделено А. И. Деникиным. — *А. К.*) с необыкновенным цинизмом играть судьбами Родины», и которое допускало, к слову сказать, «восстановление нормальных, мирных отношений между Москвою и войском Донским»[11]. В сущности, о том же говорил руководителям Кубанской Рады и верховный руководитель Добровольческой Армии генерал М. В. Алексеев: «Нам известно, что вы ведете переговоры с гетманом и его правительством. За гетманом стоят немцы. Мы с ними говорить не можем. У вас руки свободнее. Если можно что-либо получить для общей пользы от Украины, берите. Но если с этим будет связана измена Родине, то... смотрите!..» — Голос Алексеева окреп, глаза загорелись. — «Россия будет жить... Перед всеми верными своими сынами она в долгу не останется... Поймет, что было сделано как неизбежное. Но измены, совершенной в этот страшный час, она не забудет...» — Постучал сухим пальцем о край стола, сделал небольшую паузу, — «И я, если буду жив, и я вам этого не забуду»[12].

И неудивительно поэтому, что на вопрос: «А если ваша армия соприкоснется с германскими войсками, что вы будете делать?» — он ответил: «Я уже отдал приказ не уклоняться в таком случае от боя»[13] (рассказывали об аналогичном ответе Деникина, к которому обратились добровольцы-чехословаки, обеспокоенные перспективой быть выданными австро-германцам как бывшие австрийские подданные: «Пусть идут под нашу высокую руку, и их не тронут», — сказал генерал. — «А если немцы потребуют выдачи?» — «А если потребуют, я им дам бой»[14]).

Правда, такие заявления при упомянутом неравенстве сил могут показаться не более, чем бравадой (впрочем, менее всего свойственной осторожному и рассудительному Алексееву); однако в действительности эта решимость не только отражала эмоции и устремления белого командования, но и должна была приниматься в расчет при разработке стратегического плана летней кампании 1918 г. Сознавая свою слабость, генерал Деникин отказывался от наступления на Царицын в первую очередь ввиду угрозы продвижения немцев, «которые могли сбросить нас в Волгу»[15] (известный эмигрантский военный историк профессор полковник А. А. Зайцов считал возможность такой «встречи» преувеличенной[16], хотя сам же отмечал: «Несомненно, стремление выдвижением к Царицыну связаться с немецкими колониями Поволжья было и у немцев»[17]). С другой стороны, подобная же

[11] Там же. С. 66—67. Последняя цитата подтверждается и самим Донским Атаманом: Краснов П. Н. Указ. соч. С. 211.
[12] Скобцов Д. Е. Указ. соч. [Т. 1]. С. 116.
[13] Лембич М. С. Великий Печальник. [Омск, 1919]. С. 17.
[14] Суворин Б. А. За родиной. Париж, 1922. С. 190.
[15] Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Т. 3. С. 154.
[16] Зайцов А. А. 1918 год. [Париж?], 1934. С. 198.
[17] Там же. С. 142.

угроза становилась не препятствием, а дополнительным стимулом для развития добровольческих операций на Кубани: глава Краевого Правительства Л. Л. Быч, побуждая генерала Алексеева идти на Екатеринодар, особо упирал на то, что «Кубань ждать больше не может... Екатеринодарская интеллигенция обращает взоры на немцев. Казаки и интеллигенция обратятся и пригласят немцев»[18]. В свою очередь, и те, уже фактически начав экспансию на Таманском полуострове, были не прочь «под видом "кукурузников" ("зеленых". — *А. К.*) ворваться в Кубань и опустошить подобно саранче сию житницу Юга России»[19]. Поэтому, стремясь создать в Задонье и на Кубани базу для дальнейшего освобождения России, Деникин должен был обеспечить свой тыл разрушением Кущевского моста на железной дороге Ростов — Тихорецкая 10 июля (все даты даны по старому стилю)[20] и приготовиться «не уклоняться от боя».

Взрыв моста, кстати, вызвал впоследствии со стороны генерала Краснова комментарий, который трудно назвать иначе как инсинуацией. «Когда соединенный доно-кубанский отряд переходил весною 1918 г. снова в Кубанскую область, генерал Покровский до основания взорвал фундаментальный железнодорожный мост через реку Кубань, — пишет Краснов, несколько путаясь в хронологии и географии, — лишь для того, чтобы донцы не перешли в Кубань (так в тексте. — *А. К.*) и не стали там требовать своей части добычи»[21]. Находившийся при армии журналист Б. А. Суворин рисует в своих воспоминаниях более адекватную картину: «Когда наши войска уже перешли в наступление во второй Кубанский поход, немцы под видом "помощи" армии пошли следом за ней. Ген. Деникин приказал полк. Кутепову вернуться к донской границе и взорвать большой Кущевский мост, что тот сделал так откровенно, что куски камней попали в станицу, где стоял немецкий штаб. Намек был понят, и немцы дальше не пошли»[22].

Предполагая возможность конфронтации, Деникин должен был, очевидно, надеяться не только на «большую подвижность Добровольческой армии»[23]. Впоследствии он вспоминал, что в период второго кубанского похода «на линии Киев-Ростов Киевский железнодорожный комитет и некоторые организации подготовляли жел[езно]-дор[ожные] забастовки, нападения, порчу и разрушения пути — на случай движения на восток немецких подкреплений»[24]. Деникин не конкретизировал, какие «некоторые организации» он имел в виду, но можно предположить, что речь идет, наряду с «частной» организацией В. В. Шульгина «Азбука», о так называемых «Центрах Добровольческой Армии» (или руководимых ими структурах), роль и назначение которых представляются еще недостаточно исследованными.

[18] Цит. по: Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Т. 3. С. 155.
[19] РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 11. Л. 14 об.
[20] Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Т. 3. С. 117.
[21] Краснов П. Н. Указ. соч. С. 256.
[22] Суворин Б. А. Указ. соч. С. 190.
[23] Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Т. 3. С. 116.
[24] Там же. С. 117.

Центры начали появляться в июне 1918 г. и уже к осени их количество пошло на второй десяток, считая, правда, и не работавшие или «работавшие условно» (не ведшие далее подтверждения их начальниками получения полномочий)[25]. Поставленные перед Центрами задачи обычно в литературе, в том числе и мемуарной, ограничиваются вербовкой и переправкой людей в армию, агитацией и своего рода «политическим представительством» в общественных кругах, поиском денег и технических средств, наконец, самое большее — разведывательной работой[26]. Однако, в письме начальнику Таганрогского Центра полковнику барону М. И. Штемпелю верховный руководитель Добровольческой Армии 7 сентября уже вполне определенно указывал и на еще одно направление деятельности:

«До меня доходят слухи об усилении в населении неприязненного отношения к немцам. Это заставляет меня поручить Вам по возможности мягко сдерживать неприязнь, не допуская ее вылиться в активные сепаратные действия (совет, доказывающий прозорливость Алексеева, поскольку народные движения в годы Гражданской войны, как правило, не увенчивались успехом, если на помощь не приходили регулярные войска. — *А. К.*). Следует обратить самое серьезное внимание на использование этого настроения в смысле *подготовки партизанской войны* (курсив наш. — *А. К.*) к тому времени, когда начало ее будет мною признано полезным. В случае неполучения от меня указаний, сигналом для начала партизанской войны будет открытие немцами военных действий против Добр[овольческой] Армии или Волжского фронта»[27].

«Партизанские действия можно рассматривать лишь как вспомогательную операцию, — излагал генерал свою точку зрения еще в конце июля. — Поэтому эти выступления надлежит согласовать с действиями главных сил. Технически это делается так. Весь край делится на районы. Районы — на отделы. Во главе отдела и района стоят дельные, опытные, решившиеся (так в документе. — *А. К.*) люди. Партизаны должны быть подвижными, строго дисциплинированными. Произведя известную операцию, партизаны должны рассыпаться по местности, чтобы не попадаться противнику, и быть в скрытом состоянии до новой операции. Вся работа партизан должна идти по строгой системе и проводиться умело. Иначе край только зальется кровью. Толку же не будет. Работа партизан должна быть направлена как на уничтожение живой силы противника, так и на уничтожение его складов, на затруднение его передвижений. Отвлечение сил

[25] РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 1. Л. 10—11.

[26] См., например: Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Т. 3. С. 141—142; Деятельность Таганрогского Центра Добровольческой Армии // Белый Архив. Кн. 2—3. Париж, 1928. С. 135 (во всей публикации документов о деятельности Центра (С. 133—137) фамилия его начальника указывается неверно: Штенгель вместо правильного Штемпель). Не выходит за пределы этих представлений и единственная обзорная работа, посвященная разведке и контрразведке Белого ЮГа: Bortnevsky V. G. White Intelligence and Counter-Intelligence During the Russian Civil War. [Pittsburgh, 1995]. О Центрах Добровольческой Армии см. С. 8—10.

[27] РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 19. Л. 10 об.

противника от Западного фронта — вот основная задача партизан»[28]. Из последней фразы явно следует, что речь идет именно о борьбе против австро-германцев, причем фронт Гражданской войны воспринимается собеседником Алексеева и, видимо, им самим, как Восточный фронт войны Мировой.

«Подготовка партизанских действий (начало их по указанию Генерала Алексеева или в случае военных действий немцев против Добровольческой Армии или Волжского фронта)» называлась в числе задач Центров и в ретроспективном докладе, посвященном их истории[29], а капитан Генерального штаба Б. В. Федоров в день смерти М. В. Алексеева (25 сентября 1918 г.) в рапорте начальнику военно-политического отдела при верховном руководителе настаивал на «объединении ведения партизанской войны на территории Украины в руках Харьковского центра в Левобережной Украине и правобережной — Киевского (в силу географического положения), а в случае высадки союзников на берегу Черного Моря — Одесского, почему нужно заранее разработать то и другое, чтобы была автоматичность действий. Центры Киевский и Харьковский должны согласовать свою деятельность». Указывая на необходимость «установления общего сигнала для начала партизанской войны», Федоров подчеркивал, что «все указания [об этом] должны делаться словесно при помощи посылки доверенных лиц на места»[30]. Наконец, в изданном с некоторым запозданием приказе № 1 по Центрам, генерал Деникин среди основных задач всех Центров Добровольческой Армии также выделял «организацию партизанской войны против большевиков или австро-германцев и т. д., смотря по обстановке»[31] (в несколько загадочном «и т. д.» допустимо заподозрить намек на возможность в будущем конфликтов с соседями и новообразованиями — Румынией, Польшей, Грузией, Украиной).

К вопросу о том, какими людскими ресурсами смогут располагать организаторы партизанской войны, и на каких союзников могут рассчитывать при этом офицеры Центров, обратился капитан лейб-гвардии Преображенского полка Д. В. Ермолов, 13 сентября представивший в Военно-политический отдел подробный доклад.

«Все без исключения донесения, — подчеркивал он в частности, — в один голос говорят о пробуждающемся национальном сознании в низших слоях населения, озлобленного к тому же беспощадными реквизициями и жестокостью германских карательных отрядов. Целый ряд отдельных восстаний против немцев, образование даже постоянных партизанских отрядов, выработавших особую тактику своих действий, доказывает, что население доведено до крайности. Од-

[28] Там же. Д. 3. Л. 10. Алексеев написал на документе: «Много перепутано из моих слов» (Л. 9), но что именно — не указал. В любом случае, как представляется, общее настроение этот доклад должен передавать.

[29] Там же. Д. 1. Л. 10 об.

[30] Там же. Л. 24—24 об.

[31] Там же. Л. 52 об.

нако эти выступления разрозненны и поэтому не имеют большого успеха, хотя, по донесениям, германское командование ими весьма озабочено.

Ввиду того, что конечной целью [Добровольческой] Армии является изгнание немцев с территории России, соединение с восточным фронтом Учредительного Собрания (имеется в виду Народная армия Комуча. — *А. К.*), уже находящимся (в документе «находящегося». — *А. К.*) под непосредственными ударами переодетых в русскую форму немецких войск, как на Волге, так и в Сибири, то отсюда следует, что Добр[овольческой] Армии необходимо взять в свои руки нарождающееся народное движение на Украине и в Советской России. *В этом смысле уже посланы общие инструкции по центрам* (курсив наш. — *А. К.*)»[32].

Генерал Деникин, правда, в своих воспоминаниях не был столь радикален, сказав лишь, что «вооруженное выступление [немцев] против нас несомненно охладило бы симпатии германофильской части русской общественности, всколыхнуло бы национальное чувство, в частности донского офицерства, вызвало бы раскол в Донской армии, падение Краснова и большой хаос в тылу наступающих»[33], тем самым апеллируя скорее к чувствам образованных слоев общества. (Заметим, что на донском войсковом круге, а возможно и в Донской армии, и в самом деле существовала сильная антигерманская оппозиция, связанная в первую очередь с именами отставных генерал-майоров В. И. Сидорина и Э. Ф. Семилетова, — и атаману Краснову в заседании круга пришлось специально обрушиться и на «ура-патриотов», которые «твердят горячим головам, что молодую армию надо бросить на немцев и штыками изгнать немцев из земли Донской», и на «агитаторов, проповедующих войну с немцами», якобы действующих «в разных местах и даже в армии»[34]). Однако было бы несправедливым упрекать командующего Добровольческой Армией в узости взглядов на «социальную базу» своего движения, — ведь даже об апрельском набеге на советскую группировку в районе станций Крыловская, Сосыка, Ново-Леушковская он писал так: «Должен сказать откровенно, что нанесение более серьезного удара в тыл тем большевистским войскам, которые преграждали путь нашествию немцев на Кавказ, не входило тогда в мои намерения: извращенная донельзя русская действительность рядила иной раз разбойников и предателей в покровы русской национальной идеи»[35]. Более того, настроения той части «разбойников и предателей», которая все-таки сохраняла остатки национального чувства, уже были однажды использованы агентурой добровольцев.

«Главнокомандующий всеми войсками, находящимися на территории Кубано-Черноморской Советской Республики» А. И. Автономов (бывший офицер) является, наверное, одной из самых загадочных фигур Гражданской войны. Быть может,

[32] Там же. Д. 53. Л. 2.
[33] Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Т. 3. С. 116.
[34] Речь Донского Атамана П. Н. Краснова на I-м заседании Большого Войскового Круга 16 августа 1918 г. // Донская Летопись. № 3. [Белград], 1924. С. 336—337.
[35] Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Т. 2. Париж, [1922]. С. 345.

уже никогда нельзя будет с достоверностью утверждать, был ли он «завербован» в мае 1918 г. готовившими восстание белыми подпольщиками, или просто обведен ими вокруг пальца и использован как ширма для собирания контрреволюционных казачьих отрядов, — но почвой для контакта несомненно было отношение красного «главковерха» к угрозе германского нашествия на Кубань. Полковнику А. Г. Шкуро он говорил: «Моя главная задача [...] — помирить офицерство с советской властью для того, чтобы начать борьбу против немецких империалистов, попрежнему в союзе с Антантой, и добиться отмены позорного Брест-Литовского мира. Если немцы доберутся теперь до Кубани, где имеются громадные запасы всякого рода, то это их чрезвычайно усилит. Я прошу вас, господа, помочь мне в этом отношении»[36]; полковнику Я. А. Слащову — «что немцы стоят у границы Кавказа и что сейчас надо бросить всякие разногласия и защищать родину. [...] Он призывал казачество к борьбе с немцами и буквально заявил: "Теперь не может быть ни красной, ни белой армии, а может быть только армия спасения родины"»[37] (ср. запомнившуюся Шкуро фразу Автономова: «Если [генералы] Рузский или Радко-Дмитриев согласятся возглавить Красную армию, действующую против немцев, то генерал Алексеев и Деникин едва ли пойдут против нее»[38]). «Большевистский главнокомандующий Автономов — патриот, и просит русских офицеров для Красной Армии и казаков для создания противогерманского фронта. [...] Необходимое соглашение Кубанского и Терского казачеств еще не осуществлено, ему будет содействовать Автономов, в душе он против комиссарского правительства. При удаче казачьего движения комиссарское правительство падет сейчас же», — развивал тему член бывшей французской миссии при Штабе главнокомандующего Кавказским фронтом полковник Шардиньи[39], а полковник М. В. Мезерницкий, в 1918 г. являвшийся одним из сотрудников Слащова по белому подполью, прямо утверждал, что «главковерх», «чувствуя непрочность своего положения и возрастающую мощь доброармии, хотел войти с ней в связь, приглашая для совместной работы Слащова, заведомо зная о его принадлежности к армии, с другой стороны, боясь нашествия немцев на Кавказ, хотел сформировать армию для его защиты и не чувствуя, по собственному выражению, за собой «способностей командарма», приглашал видных генералов и офицеров к себе на службу (о том же вспоминал и Шкуро[40]. — *А. К.*). [...] *Необходимым условием своей работы Слащов поставил соглашение с доброармией. Автономов согласился* (курсив наш. — *А. К.*)»[41].

Трудно установить подлинные причины конфликта Автономова с Центральным Кубано-Черноморским Исполнительным Комитетом, едва не вылившегося

[36] Шкуро А. Г. Записки Белого партизана. Буэнос-Айрес, 1961. С. 64—65.
[37] Цит. по: Борисенко И. П. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 году. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1930. С. 174.
[38] Шкуро А. Г. Указ. соч. С. 65.
[39] Цит. по: Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917—1918 гг. Ч. 3. Кн. 7. [Б. м.], 1937. С. 18—19.
[40] Шкуро А. Г. Указ. соч. С. 65.
[41] РГВА. Ф. 7. Оп. 5. Д. 140. Л. 251.

в открытую войну (некоторое время ЦИК даже провел под арестом, после освобождения, в свою очередь, потребовав голову «главковерха»), однако симптоматично, что своих противников Автономов объявлял «провокаторами и германскими шпионами», что в целом соответствовало Добровольческой терминологии относительно большевиков, и «угрожал пойти войной на Екатеринодар (оголив таким образом фронт)». Последнее обвинение, впрочем, спорно, поскольку исходило оно от митингующего Екатеринодарского гарнизона, который «главковерх» пытался вытащить из города на позиции[42], — но даже если считать, что Автономов на деле собирался укреплять «Ростовский фронт» против немцев, то приходится признать, что делал он это за счет оголения тыла и группы Кавказских минеральных вод, где как раз в это время с мандатами от него самого и председателя Совнаркома Терской Советской Республики С. Г. Буачидзе собирали офицеров и казаков полковники Шкуро, Слащов, Агоев и их сотрудники. Насколько была рассчитана политическая игра Автономова при этом, остается весьма неясным, но рискованная игра «легализовавшихся» белых подпольщиков, похоже, начинала удаваться. И хотя отрешение Автономова ЦИКом от командования — «мятежник» не решился воспротивиться этому приказу — помешало единому противобольшевистскому выступлению и перевороту в Красной Армии Северного Кавказа, — подготовительная работа (имевшая одним из результатов возвращение разоруженным красными казакам части отобранного оружия) не пропала даром, а ее прецедент должен был быть учтен добровольческим командованием и «идеологами» несколько месяцев спустя, при усилении германской угрозы.

Последовавшее вскоре падение советской власти на Кубани выдвинуло во второй половине августа на повестку дня вопрос о взаимоотношениях с оккупировавшими Тамань немцами (ландверный полк с батареей). Однако продолжающиеся бои под Армавиром и на Ставрополье все еще сковывали войска Добровольческой Армии, и ввиду нехватки сил для того, чтобы сбросить немцев в Керченский пролив, белым пришлось ограничиться молчаливым соглашением о демаркационной линии по протокам реки Кубань. «Ухудшившееся положение на западном фронте делало немцев пассивными и уступчивыми», — вспоминал Деникин[43].

Неудачи Германии на Западе не только влияли на ее политику на Востоке, но и позволяли добровольческому командованию ставить новые задачи. В предвидении эвакуации австро-германцев с оккупированных ими территорий, генерал Алексеев 7 сентября писал: «Необходимо теперь же заняться выработкой плана и подготовкой разрушения жел[езных] дорог и мостов, в случае ухода немцев, с целью воспрепятствовать уводу ими подвижного состава»[44], а Деникин в приказе по Центрам требовал: «В случае ухода австро-германских гарнизонов

[42] См.: Борисенко И. Н. Советские республики... Т. 1. С. 180; Его же. Авантюристы в гражданской войне на Северном Кавказе в 1918 году. Ростов-на-Дону, 1930. С. 21—22, 25, 27.
[43] Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Т. 3. С. 239.
[44] РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 19. Л. 10 об.

немедленно принять меры к захвату радиостанций, запасов огнестрельных припасов, оружия, автомобилей, телефонных станций и железнодорожных узлов. Побудить местные военные организации захваченное имущество прежде всего отправлять в Добровольческую Армию, оставляя необходимое количество для своих нужд. В случае невозможности вывоза боевых припасов, а вместе с тем и необходимости вынужденного отхода (действительно, вслед за эвакуирующимися немцами двинулись большевики, а зачастую и просто разливалась волна анархии. — *А. К.*), принять меры к уничтожению их»[45].

Однако этого экзамена система Центров Добровольческой Армии не выдержала. Остался невыполненным и вполне конкретный приказ Деникина, требовавший все созданные на местах «отряды и формирования, равно и части Добровольческой Армии, присланные в район Центров, подчинить во всех отношениях соответствующим начальникам главных Центров (очевидно, имеются в виду «Центры I-го разряда» — Киевский, Харьковский, Одесский, Симферопольский и Тифлисский. — *А. К.*), в Киеве и Одессе на правах командиров корпусов, в прочих Главных Центрах — на правах начальников дивизий. Все вышеуказанные части, расположенные в Малороссии, подчиняются генерал-лейтенанту Ломновскому (начальник Киевского Центра. — *А. К.*) на правах командира Отдельного корпуса»[46]. Сорвать вывоз эвакуирующимися австро-германцами военной добычи не удалось, и если тотального ограбления покидаемой страны все-таки не состоялось, то заслуга в этом отнюдь не Центров, а внутренних нестроений самих бывших оккупантов и деятельности разнообразных местных банд, на прощанье стремившихся «пощипать» недавних карателей; более того, и противодействие смуте и анархии не было введено официальными добровольческими представителями в организованное русло. Даже образцовый во многих отношениях Таганрогский Центр, который наряду с Киевским считался наилучшим по степени подготовленности к партизанской войне, о перевороте в подведомственном ему Бердянске и организации там офицерского отряда капитана 1-го ранга Дмитриева узнал, кажется... из Екатеринодара[47]; генерал П. Н. Ломновский просто растерялся, фактически отказавшись возглавить даже те русские офицерские дружины, которые уже ультимативно заявили гетману Украины о своем подчинении Добровольческому командованию[48]; начальник Одесского Центра вице-адмирал Д. В. Ненюков подчинил в оперативном отношении все, что удалось сформировать под флагом Добровольческой Армии, местным гетманским военным властям[49], хотя 3-й Украинский корпус генерала от инфантерии Стельницкого сам представлял лишь кадр будущего соединения и отнюдь не был главной силой в регионе; из Екатеринослава знаменитым «Екатеринославским походом» в Крым повел остатки 8-го

[45] Там же. Д. 1. Л. 53 об.
[46] Там же. Л. 63.
[47] Там же. Д. 19. Л. 79.
[48] Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Т. 4. Берлин, 1925. С. 190.
[49] РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 2. Л. 13—14 об.

Украинского корпуса не местный начальник Центра полковник Островский[50], а командующий корпусом генерал-майор И. М. Васильченко; ту же ситуацию мы видим и в более мелких формированиях: на Волыни начальником Центра был подполковник Василевский[51], а добровольческий отряд возглавил бывший начальник штаба 1-го Украинского корпуса полковник Генерального штаба П. И. Липко (в своем движении на Киев он был остановлен войсками Директории)[52]; начальником Подольского Центра был капитан Бриков[53], а во главе «Подольского отряда Добровольческой Армии генерала Деникина» стал полковник Пущин (перешел в Бессарабию и был интернирован румынами)[54]; кажется, самостоятельно пытался вырваться из Одессы отряд полковника Римского-Корсакова (за станцией Раздельной его следы теряются)[55]. В любом случае, причастность ко всем этим действиям соответствующих Центров выглядит весьма спорной. Приказом Деникина был расформирован Крымский Центр, а его начальнику генерал-лейтенанту Боде предписывалось «вступить в командование всеми полевыми войсками и гарнизонами крепостей на правах командира корпуса»[56], однако ситуация вскоре потребовала переброски на полуостров отряда Добровольческой Армии с Кубани, так что вместо получения подкреплений пришлось «затыкать» новое направление, выделяя туда уже существующие части.

Едва ли не основной причиной столь печального положения дел приходится считать отсутствие в руководстве Центров по-настоящему энергичных, инициативных и, в известном смысле слова, авантюристичных офицеров, причем этот «дефицит командных кадров» в какой-то мере создавался самим главным командованием Добровольческой Армии, так в сущности и не определившим, чего же оно хочет от своих представителей на местах.

«Необходимо направлять в [Добровольческую] армию обер-офицеров и солдат, — говорилось в секретном циркуляре начальника штаба Армии еще 20 сентября, — из штаб-офицеров отправлять лишь тех, кои согласятся первое время быть на должностях младших офицеров; отправляемые штаб- и обер-офицеры должны иметь не свыше 40 лет от роду (имеющих свыше 40 лет брать с особым разбором); генералов, кроме получивших именные приглашения, вовсе не отправлять. Штаб-офицеров Генерального штаба, если они не пожелают служить в строю (на должности помощника командира полка) также не направлять»[57]. Иными словами, все наиболее живые и энергичные силы оттягивались непосредственно в Армию, а в Центрах должны были оставаться пожилые, инертные или

[50] Там же. Д. 1. Л. 89 об.
[51] Там же. Л. 89.
[52] Там же. Д. 3. Л. 40; см. также: Тинченко Я. Ю. Українське офіцерство: шляхи скорботи та забуття. Ч. 1. Київ, 1995. С. 102.
[53] РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 1. Л. 89.
[54] Там же. Ф. 40236. Оп. 1. Д. 2. Л. 122.
[55] Там же. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 3. Л. 40.
[56] Там же. Д. 1. Л. 63.
[57] Там же. Л. 41.

тяготящиеся строевой службой офицеры и генералы, ожидать от которых развертывания партизанской борьбы или перехвата повстанческой инициативы у местных стихийных «вожаков» было, по совести, очень трудно, — так что правильной по существу, но относящейся скорее к области идеальных планов выглядит картина, нарисованная Деникиным в приказе по Центрам:

«Легко предвидеть, что большевизм [после ухода немцев] широкой волной захлестнет Малороссию и Крым, — это будут не местные грабительские вспышки, а, по-видимому, массовое движение разнузданной черни. Бороться с этим злом *можно только серьезной и правильно организованной силой* (все подчеркивания в цитате принадлежат А. И. Деникину. — *А. К.*). Не местные отряды и вольные дружины, а *хорошо снабженная, укомплектованная и дисциплинированная Армия вырвет с корнем большевизм и покончит с ним раз [и] навсегда*, иначе оторванные и разбросанные, не имеющие реальной силы мелкие отряды — обречены лишь на бесполезную гибель. Поэтому *главная задача всех Центров посылать укомплектования в Армию*. Все, что может ехать и представляет ценность как боевой материал, должно прибыть сюда. Именно в связи с создавшейся обстановкой вербовка должна быть исключительно энергичной и напряженной.

Но несомненно, что все же окажутся офицеры, которые по тем или [иным] причинам выехать не смогут. Эти элементы надо тоже использовать и, взяв руководство в свои руки, создать из них отряды партизанские и местной самообороны. На местах есть уже офицерские и партийные организации, преследующие общие с Добровольческой Армией цели. Необходимо войти с ними в связь и принять все меры к тому, чтобы начальники Центров могли направить работу этих организаций. Местным организациям и общественным кругам необходимо разъяснить все эти соображения и подчеркнуть, что только численное и материальное усиление Добровольческой Армии позволит ей действовать быстро и решительно; без образования же сильной Армии порядка в стране не будет.

Итак, сплоченная и большая Армия извне и предприимчивые отряды в верных и опытных руках внутри — вот план борьбы с надвигающейся угрозой»[58].

Следствием подобной двойственности задач и стала, как представляется, неспособность Центров Добровольческой Армии выполнить поставленные перед ними цели; сама постановка этих задач, однако, неопровержимо свидетельствует о стремлении вождей Белого Дела оставаться на страже интересов Отечества во внешней политике, как и во внутренней, не останавливаясь при этом перед военными мерами даже в столь невыгодной обстановке, какая складывалась на Юге России в 1918 г.

[58] Там же. Л. 52 об., 53.

В. В. КРЕСТЬЯННИКОВ

Белая контрразведка в Крыму в гражданскую войну

Цель данной статьи — показать деятельность органов контрразведки белой армии в одном из центров белого движения, в Крыму, на материалах отечественных архивов, которые дают возможность осветить не только общее направление деятельности органов контрразведки, но и становление их, совершенствование структуры от разрозненных пунктов до централизованной системы, показать формы и методы работы контрразведки на примере одного региона.

В конце оккупации Крыма германскими войсками 10 октября 1918 г. в Ялте был создан Крымский центр по делам Добровольческой армии[1] с целью «объединения работ Крымского полуострова в интересах Добровольческой армии»[2]. Вся территория полуострова была разбита на районы, или «частные центры»: г. Севастополь и район до Балаклавы, Симферополь и Евпатория, Феодосия и Керчь, Ялта и окрестности, Алупка и окрестности для формирования на этих территориях воинских подразделений.

В конце ноября в Севастопольскую бухту вошли суда Антанты, в Севастополь, Ялту и Керчь вступили отряды белой армии, и уже через несколько дней, 28 ноября, при штабе командующего войсками Добровольческой армии в Крыму было создано Особое отделение (контрразведка). Территориальные пункты были сформированы в городах Крыма в декабре 1918 — январе 1919 г. В январе при штабе Крымско-Азовской армии была организована судебно-следственная комиссия «в целях более успешной борьбы с большевизмом»[3].

Созданные контрразведывательные пункты не имели штатов, персонал был неквалифицированный, агентурная сеть слаба, и поэтому белое командование не могло противостоять мощному подполью, созданному в крупных городах Крыма.

[1] С 15(28) ноября 1918 г. войска Добровольческой армии в Крыму, с 24 декабря 1918 г. — Крымско-Азовский корпус, с 10 января 1919 г. — Крымско-Азовская Добровольческая армия, с 22 мая 1919 г. — 3-й армейский корпус, с 20 августа 1919 г. — войска Новороссийской области, расформированные 27 марта 1920 г.

[2] РГВА. Ф. 39660. Оп. 1. Д. 201. Л. 1.

[3] РГВА. Ф. 39660. Оп. 1. Д. 201. Л. 28.

Сводки осведомительного бюро о положении в Крыму носили общий характер — об отношении населения и профсоюзов к Добровольческой армии, обстреле патрулей и учреждений, безработице, распространении листовок среди частей Добровольческой армии и войск Антанты и т. д.[4], без конкретных сведений о подполье и возможностях борьбы с ним.

Тем не менее, контрразведке в Севастополе удалось обнаружить склад оружия и арестовать нескольких подпольщиков, в том числе руководителя Бартеньевской группы. Опасаясь предательства, несколько подпольщиков перебрались в другие города Крыма и в Одессу, продолжая вести работу против Добровольческой армии[5]. В марте 1919 г. контрразведка арестовала по подозрению в принадлежности к стачечному комитету несколько человек, но из них реально принадлежали к подполью только двое[6].

Часто в городах проводились облавы, которые не давали больших результатов, но арестованных по подозрению в связях с подпольем потом находили со множественными огнестрельными и колотыми ранами. Так были убиты Хазанов, И. Ф. Голубович, Н. Ящук, Ф. П. Коновенко[7].

В январе — марте 1919 г. на Украине и в Донецкой области военная обстановка сложилась не в пользу белой армии. На территории, занятой частями Красной Армии, осталось большое количество офицеров, врачей и военных чиновников, которые не смогли или не пожелали эвакуироваться. В связи с этим главнокомандующий Вооруженными силами на юге России (далее ВСЮР) генерал А. И. Деникин в феврале 1919 г. приказом № 312 создал особую комиссию, которая должна была рассматривать факты службы «в войсках или военных учреждениях Советской большевистской республики кого-либо из чинов», а также уклонения от службы во ВСЮР, чтобы в будущем «предать суду за побег и уклонение от службы тех, кто не представит доказательства законности своей неявки»[8]. Были созданы и региональные следственные и военно-следственные комиссии.

На задачу выявления служивших в Красной армии и учреждениях Советской власти была нацелена контрразведка, в марте 1919 г. разделенная на военную и морскую с сохранением за обеими «руководящих функций»[9].

В конце мая — июне военная обстановка вновь изменилась, к июню весь фронт Красной Армии отступил на север, и 26 июня части 3-го армейского корпуса генерала Н. Н. Шилинга вошли в Севастополь. Вновь в контрразведку и следственные

[4] РГВА. Ф. 39749. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 9; Хроника революционных событий в Крыму в 1917 — 1920 гг. Симферополь, 1969. С. 107; Красный архив. 1928. № 3 (28). С. 64, 166.

[5] Этих дней не смолкнет слава. Симферополь, 1963. С. 124.

[6] Надинский П. К. Очерки по истории Крыма. Симферополь, 1957. Ч. 2. С. 148.

[7] В борьбе за Советский Крым: Воспоминания старых большевиков. Симферополь, 1958. С. 33, 42; Прибой. 1918, 29 декабря; Кальвари М. Интервенция в Крыму. Симферополь, 1930. С. 111; Государственный архив г. Севастополя (ГАГС). Ф. 219. Оп. 1. Д. 526. Л. 6—9.

[8] Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 353 от 17 мая 1919.

[9] Бортневский В. Г. Белая разведка и контрразведка на юге России во время Гражданской войны // Отечественная история. 1995. № 5. С. 94.

комиссии были отправлены приказы Штаба ВСЮР о выявлении служивших советской власти лиц и привлечении их к уголовной ответственности[10].

В свою очередь морское командование создало следственную комиссию под председательством генерал-майора флота Скворцова «для обследования в порядке дознания причин неявки офицеров, врачей и чиновников Морского ведомства в порты, занятые вооруженными силами и из-за границы, равно как и выяснения характера деятельности тех из них, кои остались в районе, занимаемом большевиками»[11].

Аналогичная судебно-следственная комиссия морского ведомства была учреждена приказом главнокомандующего ВСЮР №1361 27 июня 1919 г. при главном командире судов и портов Черного и Азовского морей вице-адмирале М. П. Саблине[12]. Комиссия имела право передавать дела в военно-полевой суд или применять наказания административного порядка (содержание на гауптвахте 3—4 месяца с ограничением некоторых прав, разжалование в матросы на срок от 3 месяцев до 12 лет, отрешение от должности, удаление со службы и за пределы территории, занятой ВСЮР. 20 июля судебно-следственная комиссия прибыла в Севастополь и развернула там свою деятельность.

С приходом в Крым частей белой армии в Симферополе, Севастополе, Евпатории, Ялте и Феодосии были созданы контрразведывательные пункты (в Керчи такой пункт существовал все время, так как территория полуострова оставалась в руках белых войск), в которых работало по 5—9 офицеров[13]. Одновременно в этих городах, а также в Евпатории, начали работу отделения Таврической судебно-следственной комиссии[14] и военно-следственные комиссии. Всего на территории Крыма в военно-следственных комиссиях служили 24 генерала и штабофицера, из них только 9 имели юридическое образование. На середину августа в производстве этих комиссий находилось 1382 дела.

Проверявшая в середине августа 1919 г. комендантские управления и связанные с ними органы в Крыму комиссия генерал-майора Васильева и полковника Прокоповича пришла к следующим выводам о состоянии контрразведки: «Штатов нет, а временный состав повсюду мал. Личный состав в большинстве случаев был совершенно несоответствующий, теперь начинает улучшаться, но и сейчас имеет много совершенно неподготовленных к работе в контрразведке [...] Кроме того, необходимо вообще постоянное руководство свыше, чего до сих пор из Симферопольского центра не практиковалось [...] Желательно было бы объединить деятельность контрразведки и уголовного розыска или установить между ними большую связь[...]Самочинные контрразведки были в Севас-

[10] ГАРК. Ф. Р—2235. Оп. 1. Д. 126. Л. 115.

[11] Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 718 от 22 июня 1919.

[12] Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 1061 от 22 июля 1919.

[13] РГВА. Ф. 39660. Оп. 1. Д. 236. Л. 1—24 об.

[14] Таврическая судебно-следственная комиссия была расформирована приказом генерала П. Н. Врангеля № 3262 от 1 июня 1920 (РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 179. Л. 9).

тополе, в Ялте, в Феодосии, в районе Керчи, в Евпатории и Мелитополе. Борьба с самочинными контрразведчиками должна быть беспощадной, так как ничто так не подрывает авторитет Д. Армии, как беззаконные действия этих самочинных органов власти»[15].

«Самочинные» контрразведчики были арестованы еще до приезда комиссии, но приказ о судебной ответственности за самовольную организацию «наблюдательных органов» был издан только генералом П. Н. Врангелем 28 мая 1920 г. (Приказ № 3248)[16], тогда же произошло и объединение контрразведывательных органов с уголовным розыском.

Особое внимание уделялось Севастополю — главной базе Черноморского флота, где находилось большое количество офицеров и чиновников, и поэтому помимо следственных, военно-следственных, судебно-следственных комиссий и уголовно-розыскного управления там работало три контрразведывательных пункта: контрразведывательное отделение штаба Севастопольской крепости, Севастопольский контрразведывательный пункт Штаба главнокомандующего ВСЮР и Севастопольский пункт Особого отделения Морского управления.

Крепостное контрразведывательное отделение просуществовало недолго, так как оказалось «самочинным», и уже 15 июля 1919 г. начальник отделения полковник С. И. Руцинский был арестован по приказу коменданта крепости за плохую работу, взяточничество и присвоение денег[17], а 4 августа отделение было расформировано и назначена комиссия для выяснения, «кто и когда был зачислен в отделение и его численности»[18]. Военно-полевой суд над С. И. Руцинским состоялся в августе 1920 г. и за присвоение чина полковника (на самом деле он служил в 1919 г. техником крепостной артиллерии) он был приговорен к каторжным работам на 4 года[19].

Севастопольский контрразведывательный пункт Штаба главнокомандующего ВСЮР, подчинявшийся отделу Генерального Штаба Военного правления, возглавлял штабс-капитан Филатов[20], в начале 1919 г. служивший старшим следователем Севастопольского контрразведывательного отделения. Личный состав контрразведывательного пункта комплектовался из армейских обер-офицеров Севастопольского комендантского батальона[21]. Главной задачей пункта было выявление и арест лиц, служивших в органах Советской власти, причем арестовывались лица, принадлежавшие как к РСДРП (объединенной), так и к партии социалистов-революционеров, которые служили при большевиках в городском самоуправлении.

[15] РГВА. Ф. 39660. Оп. 1. Д. 236. Л. 1—24 об.
[16] Бортневский В. Г. Указ. соч. С. 96.
[17] РГА ВМФ. Ф. Р—72. Оп. 1. Д. 21. Л. 14.
[18] Там же. Л. 47.
[19] Крымская мысль. 1920, 21 августа.
[20] ГАГС. Ф. 252. Оп. 1. Д. 3. Л. 79; Д. 4. Л. 46; Д. 297. Л. 1; Д. 328. Л. 2; В борьбе за Советский Крым. С. 41.
[21] РГА ВМФ. Ф. Р—72. Оп. 1. Д. 14, Л. 11, 37. 49, 63, 75, 77.

Аресту лиц, подозревавшихся в сотрудничестве с советской властью, способствовал и обмен списками разыскиваемых лиц, рассылавшимися в региональные контрразведки[22].

В середине июля из младших офицеров (прапорщиков по адмиралтейству и мичманов военного времени) начали формироваться Севастопольский и Керченский пункты особого отделения Морского управления[23].

30 августа 1919 г. приказом генерала Деникина № 2097 были объявлены временные штаты контрразведывательной части Управления генерал-квартирмейстера Штаба главнокомандующего ВСЮР, контрразведывательного отдела генерал-квартирмейстера неотдельной армии, штабов областей и военных губернаторов, контрразведывательных пунктов 1, 2 и 3-го разрядов и контрразведывательного поста. Начальниками контрразведывательной части и отделения могли быть только генералы и штаб-офицеры Генерального Штаба. Контрразведывательная часть состояла из розыскного (начальник — офицер, специалист по розыску), судного (начальник — военный юрист), общего отделений и конвойной команды. Штат был определен в 18 офицеров, 11 военных чиновников и 45 нижних чинов[24].

В контрразведывательном отделении обязанности распределялись между помощниками начальника по розыскной и судной частям, заведующими агентурой и наружным наблюдением. В их распоряжении были офицеры для поручений, чиновники, писари и конвойная команда — всего 16 офицеров, 6 военных чиновников и 24 нижних чина.

Контрразведывательные пункты и посты находились при армейских корпусах и в крупных городах. В контрразведывательном пункте 1-го разряда состояло 10 офицеров, 3 военных чиновника и 18 нижних чинов, 3-го разряда — 5 офицеров, 2 военных чиновника и 9 нижних чинов, в контрразведывательном посту — 2 офицера[25]. Число агентов наружного наблюдения определялось начальником контрразведывательного пункта или поста и утверждалось вышестоящим начальником. Агенты содержались на особо отпускаемые средства.

В сентябре 1919 г. были утверждены временные штаты судебно-следственных комиссий[26]. В августе 1919 г. вышли два важнейших документа, регламентирующих деятельность всех подразделений контрразведки — «Правила производства чинами контрразведывательной службы в Вооруженных Силах на юге России арестов, обысков и расследований» и «Инструкция для ведения агентурного делопроизводства контрразведывательными органами»[27].

[22] РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 77. Л. 1—34.
[23] РГА ВМФ. Ф. Р—72. Оп. 1. Д. 82. Л. 71—72; Приказы Главного командира флота и портов Черного и Азовского морей № 993, 995 от 18 июля 1919, № 1531 от 14 августа 1919.
[24] РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 72. Л. 1—1 об.
[25] РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 136. Л. 81 об., 73—76.
[26] УРГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 137. Л. 52.
[27] РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 115. Л. 1—6.

Активная работа контрразведывательных следственных органов по выявлению и аресту лиц, служивших в Красной Армии и органах Советской власти, приносила заметный результат. Уже на 1 сентября только в Севастопольской тюрьме числилось 138 политических заключенных, а на 1 октября — 193[28]. В декабре 1919 г. в докладе ЦК РКП(б) крымские большевики писали, что по данным севастопольской контрразведки 736 жителям города было предъявлено обвинение в активном большевизме[29].

Эвакуировавшиеся из Севастополя в конце июня 1919 г. органы Советской власти не успели создать организованного подполья. Большинство членов подпольного обкома РКП(б) находились за пределами Крыма, и поэтому созданный в августе на подпольной конференции большевиков в Севастополе горком во главе с В. Хоткевичем взял на себя функции подпольного обкома и наметил пути борьбы против белой армии. Подпольный горком РКП(б) организовал печатание листовок и доставку их в другие города Крыма. В ноябре 1919 г. в Симферополе был организован подпольный обком РКП(б) во главе с Я. Я. Бабаканяном, ставший центром сопротивления. В этом ж месяце на третьей подпольной конференции был избран новый состав Севастопольского ГК РКП(б) во главе с А. И. Бунаковым (Рытвинским). Этот комитет создал широкую сеть подпольных групп на предприятиях города и в воинских частях белой армии и флота[30].

Активизация подполья происходила одновременно с формированием в Севастополе особого отделения Морского управления в октябре 1919 г. (одновременно был упразднен Севастопольский пункт этого отделения). Генерал А. И. Деникин остерегался привлекать к контрразведывательной службе бывших жандармских офицеров, и поэтому во главе Особого отделения был поставлен морской офицер, капитан 2-го ранга Я. К. Туманов. Помощником к нему был назначен старший лейтенант А. П. Автамонов. В 1915 г. он в чине ротмистра был прикомандирован к Севастопольскому жандармскому управлению, затем переведен во флот старшим лейтенантом, возглавил особое отделение (контрразведывательное) Штаба командующего Черноморским флотом.

Особое отделение формировалось из офицеров и гардемаринов флота. По составу — это потомственные дворяне, дети купцов и священников, бывшие студенты и офицеры военного времени. К профессионалам сыска можно отнести только трех — А. П. Автамонова, окончившего юридический факультет университета прапорщика по адмиралтейству В. П. Бравчинского и чиновника Н. К. Герцфельда, служившего в полиции, а с июня 1919 г. возглавлявшего ос-

[28] Загородских Ф. С. Борьба с деникинщиной и интервенцией в Крыму. Симферополь, 1940. С. 102; Хроника революционных событий в Крыму. С. 144.

[29] Борьба большевиков за упрочение Советской власти, восстановление и развитие народного хозяйства Крыма. Симферополь, 1958. С. 84.

[30] Крестьянщиков В. В. Подпольная организация в Севастополе в 1919—1920 гг. // Материалы международной научной конференции «Революция и гражданская война 1917—1920 гг.: новое осмысление». Симферополь, 1995. С. 63.

ведомительное отделение при коменданте г. Ялты [31]. Большинство чинов с первых месяцев принимало участие в белом движении.

Главной задачей Особого отделения Морского управления с первых дней формирования стала борьба с организованным подпольем, и именно Особое отделение преуспело в этом. Первый удар по подполью был нанесен 22 декабря 1919 г. — 13 января 1920 г., когда на линкоре «Георгий Победоносец», эскадренных миноносцах «Пылкий», «Капитан Сакен» и других судах флота было арестовано 18 матросов, многие из которых были членами подпольных групп [32].

К 18 сентября фронт вышел на линию Путивль — Курск — Воронеж, а в январе 1920 г. — к Крымскому полуострову. Командование войск Крыма, получив агентурные сведения о решении коммунистов-подпольщиков готовиться к вооруженному восстанию, наряду с мерами по защите Крыма на севере издало приказ № 439 от 29 декабря 1919 г., которым объединило деятельность уголовно-розыскных управлений и контрразведок на территории Таврии и Крыма (кроме Особого отделения Морского управления) под руководством начальника Таврического губернского уголовно-розыскного управления полковника Астраханцева. Он по части деятельности в тыловом районе был подчинен начальнику войск тыла и коменданту Севастопольской крепости генералу Субботину [33].

В это время полковник Л. Ф. Астраханцев докладывал таврическому губернатору, «что работа большевиков, как известно, ушла в подполье, и руководящую роль в ней играют комитеты из небольшого количества, но вполне надежных партийных лиц. Во избежание провала, работы комитета ведутся при весьма конспиративной обстановке, заседания проходят тайно, распоряжения отдаются устно, все письменные доказательства работы, а также запасы оружия и взрывчатых веществ хранятся вне квартиры, закапываются в землю или прячутся по разным тайным местам» [34].

24 января 1920 г. части Красной Армии заняли Перекоп, а 2 февраля шел бой за Армянский базар. Опасаясь в этой ситуации восстания в Севастополе, Особое отделение в ночь с 3 на 4 февраля одновременно в нескольких местах произвело аресты почти всех членов подпольного горкома РКП(б) [35], и по приговору военно-полевого суда 9 из 10 арестованных были расстреляны [36]. В этом месяце В Севастополе были арестованы и расстреляны еще четыре подпольщика [37].

В конце февраля в Феодосии была арестована и расстреляна группа подпольщиков во главе с И. А. Назукиным. Эти акции контрразведки сорвали готовящееся восстание. Подполье оправилось в течение месяца, был создан ревком, воз-

[31] РГА ВМФ. Ф. Р—72. Оп. 1. Д. 82. Л. 71—72; Д. 86. Л. 48—50 об.
[32] ГАГС. Ф. 252. Оп. 1. Д. 1. Л. 14; Д. 2. Л. 1—2; Д. 17. Л. 1; Д. 29. Л. 2; Д. 33. Л. 1; Д. 34. Л. 2; Д. 36. Л. 1—3; Д. 80. Л. 1; Д. 282. Л. 1; Ф. 216. Оп. 1. Д. 645. Л. 106.
[33] РГА ВМФ. Ф. Р—72. Оп. 1. Д. 14. Л. 136.
[34] Загородских Ф. С. Указ. соч. С. 112—113.
[35] Борьба за Советскую власть в Крыму. Симферополь, 1961. Т. 2. С. 228—229.
[36] РГА ВМФ. Ф. Р—72. Оп. 1. Д. 21. Л. 23.
[37] Крымская мысль. 1920, 13 марта.

главивший подготовку восстания. По 19 марта морская контрразведка произвела арест ревкома во время заседания, одновременно на Корабельной стороне было арестовано еще 28 человек[38]. Состоявшийся на следующий день военно-полевой суд рассмотрел дело о 10 из арестованных подпольщиков и приговорил троих к смертной казни, двоих — к 10 годам каторги, а 5 человек оправдал. Однако, по приказу генерала Я. А. Слащева все десятеро арестантов были вывезены в Джанкой и по приговору корпусного военно-полевого суда расстреляны.

Сам генерал Слащев описывал эти события так: «Арестовано было 14 главарей и им предъявлено обвинение в заговоре против Государственной власти, улики все были налицо: главари захвачены были при помощи провокатора в указанный момент с поличным. После указанного ареста все судьи и лицо, которое должно было утвердить приговор, пом. креп. Севастополя ген.-лейт. Турбинов [Турбин], получили смертный приговор на случай осуждения арестованных. Начконтрразведки [Туманов] страшно волновался: рушится с освобождением последних не только вся тайная агентура, но и выступление состоится, а на фронте подкрепления красным подвозились; надо было мне либо расписаться в несостоятельности и предать всех своих подчиненных, либо по вызову явиться в Севастополь»[39].

Положение в Крыму усугублялось тем, что туда в результате Северо-Кавказской операции эвакуировались части Добровольческой и Донской армий. 27 марта Крым был объявлен на осадном положении. Он остался единственным оплотом белого движения на юге.

Следует отметить, что контрразведывательные органы в Крыму имели сильную агентурную сеть. Это подтверждается не только воспоминаниями генерала Слащева. Подпольщики подозревали в связи с контрразведкой Барона-Марсельзе, расстрелянного в партизанском отряде П. Макарова; Мигачева, Хижняченко и Круглова, расстрелянных в 20-е гг. по приговору советского суда. Агентом контрразведки был член подпольного обкома РКП(б) А. Ахтырский. О существовании агентурной сети говорят целенаправленные аресты руководства подполья в городах Крыма и немногочисленные отчеты и сводки контрразведки.

В конце апреля, после разгрома подпольной группы в Симферополе и подпольного горкома РКП(б) в Керчи, контрразведка разыскивала в Севастополе руководителей подполья и делегатов подпольной конференции[40], а 5 мая в Коктебеле чины контрразведки окружили участников строго законспирированной конференции, проходившей на даче писателя Вересаева; подпольщики, отстреливаясь, сумели уйти в горы, но был убит руководитель Севастопольского горкома РКП(б) Серов (настоящая фамилия Зильбершмидт)[41]. В информационных донесениях

[38] ГАГС. Ф. 391. Оп. 1. Д. 31. Л. 1; Загородских Ф. С. Указ. соч. С. 125.

[39] Слащев Я. Крым в 1920 г.: Отрывки из воспоминаний. М. -Л., 1923. С. 72.

[40] Бунегин М. Ф. Революция и гражданская война в Крыму. Симферополь, 1927. С. 316.

[41] Борьба большевиков за упрочение Советской власти, восстановление и развитие народного хозяйства Крыма. С. 108.

контрразведки указывались фамилии руководителей подполья, а также сроки и место проведения следующего подпольного совещания в июне 1920 г.[42]

Материалы на подпольщиков контрразведка получала во время обысков, некоторые подпольщики делали признания под пытками. Так, по показаниям арестованной в Симферополе С. Я. Клейман было арестовано 5 человек в Симферополе и 2 человека в Евпатории. Арестованный в августе один из руководителей Севастопольского подполья М. Д. Акодис выдал члена обкома РКП(б) Н. А. Глагмана, у которого на квартире были найдены печати областкома и партийные документы и т. д.[43] Подпольщикам выявить агентуру было сложно, так как контрразведчики строго придерживались «Инструкции для ведения агентурного делопроизводства контрразведывательными органами», утвержденной в августе 1919 г.[44] Согласно инструкции, сведения агентурно-розыскного характера получал узкий круг сотрудников, телеграммы отправлялись только шифрованные и содержание их могло быть известно только начальнику пункта и лицу, ответственному за шифрование.

Пункт 6 Инструкции гласил: «Все секретные сотрудники, работающие по заданиям контрразведывательных органов, могут быть записанными исключительно только в личную записную книжку начальника контрразведывательного органа, которую он должен всегда иметь при себе и при малейшей опасности ее уничтожить. Вся запись должна состоять в помещении трех слов: имени, отчества и фамилии сотрудника, без упоминания каких бы то ни было слов, касающихся агентуры, ее места жительства и занятий. Запись сотрудников должна быть зашифрована лично продуманным шифром начальника контрразведывательного органа». Для текущих дел в каждом пункте заводилась «Алфавитная книжка секретных сотрудников» с указанием только кличек. Эта книжка также подлежала немедленному уничтожению при малейшей опасности.

В начале апреля 1920 г. произошла смена командования ВСЮР. С приходом к власти генерала П. Н. Врангеля началась частичная реорганизация контрразведывательных органов. В начале мая в целях объединения деятельности уголовного розыска и контрразведки из Штаба главнокомандующего и Морского управления были выделены органы контрразведки и переданы «в ведение Начальника Военного Управления, образовав при нем особую часть»[45].

В начале июня этот приказ был отменен, и «для объединения и руководства деятельностью наблюдательных пунктов Военного и Морского ведомства, а также Политического розыска при Управлении Внутренних дел» был сформирован Особый отдел при Штабе главнокомандующего. На его начальника были возложены обязанности помощника начальника Гражданского управления по делам

[42] ГАРК. Ф. 483. Оп. 4. Д. 1342. Л. 7, 9—9 об.
[43] РГВА. Ф. 40828. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—4.
[44] РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 115. Л. 1—8.
[45] Приказ главнокомандующего ВСЮР № 3116 от 3 мая 1920 (РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 179. Л. 112).

государственной стражи и политического розыска[46]. Начальником Особого отдела был назначен сенатор, бывший директор департамента полиции царского правительства генерал-майор Климович[47], заместителем его — бывший начальник Московского уголовного розыска А. Кошко.

Были проведены и некоторые кадровые перестановки — Начальником Особого отделения Морского управления в апреле был назначен бывший жандармский офицер, старший лейтенант А. П. Автамонов, произведенный в капитаны 2-го ранга. Севастопольский контрразведывательный пункт в начале мая возглавил жандармский полковник А. И. Будогосский[48]. После эвакуации Добровольческой армии с Кавказа в Севастополе начал работать еще один орган контрразведки — наблюдательный пункт № 5[49] во главе с полковником Околовичем.

После разгрома подпольных горкома и ревкома РКП(б) в феврале-марте 1920 г. подпольный ОК РКП(б) поручил возглавить севастопольское подполье И. Серову (Зильбершмидту), однако он не смог объединить разрозненные после провалов ячейки. В Севастополе одновременно действовало несколько подпольных организаций — И. Серова, связанного с подпольным ОК РКП(б), подпольный ГК РКП(б), возглавляемый В. И. Голубевым (П. С. Храмцов), и группа Г. Мишко, по-видимому, имевшая связь с Закордонным отделом при ЦК КП(б)Украины.

В апреле-мае 1920 г. регистрационное (разведывательное) отделение 13-й армии Южного фронта Советской республики успешно внедрило в органы Морского управления в Севастополе резидентуру, которая передавала квалифицированные разведывательные данные о составе и передвижении белого флота, артиллерии, запасах топлива на судах, составе команд[50]. Белой контрразведке не удалось раскрыть эту резидентуру, успешно работавшую до прихода в Севастополь Красной Армии.

Пришедший к власти генерал П. Н. Врангель принял решение о широкомасштабном наступлении из Крыма, и в связи с этим перед органами контрразведки была поставлена задача обезвредить большевистское подполье до начала наступления.

Апрель, май и июнь 1920 г. были месяцами провалов и разгрома подпольных организаций в Севастополе, Симферополе, Феодосии, Ялте и Керчи. 20 апреля морская контрразведка арестовала на Северной стороне 21 человека по делу подпольного подрывного отряда[51], 17 мая — матросов подводной лодки «Утка», имевших план угнать лодку в Советскую Россию[52], 27 мая — группу В. Цыганкова[53].

[46] Приказ Главнокомандующего ВСЮР № 3270 от 1 июня 1920 (РЦ. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 179. Л. 15).
[47] РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 179. Л. 16.
[48] ГАГС. Ф. 252. Оп. 1. Д. 328. Л. 5; Д. 320. Л. 1—2; Д. 318. Л. 1.
[49] В апреле-мае 1920 г. контрразведывательные пункты были переименованы в наблюдательные.
[50] РГА ВМФ. Ф. Р—1. Оп. 3. Д. 358. Л. 24—25; Д. 362. Л. 30—31; Гражданская война на Украине. Киев, 1969. Т. 3. С. 362, 396, 553.
[51] ГАГС. Ф. Р—252. Оп. 1. Д. 324. Л. 2.
[52] ГАГС. Ф. Р—252. Оп. 1. Д. 123. Л. 2, 5.
[53] ГАГС. Ф. Р—252. Оп. 1. Д. 51. Л. 2; Д. 85. Л. 1—3; Д. 111. Л. 1—3; Д. 348. Л. 1—5.

2 июня разгромлен подпольный горком РКП(б) во главе с В. И. Голубевым (И. С. Храмцовым)[54].

6 июня, накануне высадки десанта генерала Я. Слащева южнее Мелитополя, у деревни Казанлы был разгромлен партизанский отряд П. Макарова. Последний серьезный удар по севастопольскому подполью был нанесен 8 июня, когда морской контрразведкой была арестована группа Г. Мишко[55].

5 июля заведующий Крымским отделом Закордота ЦК КП(б)У Павлов докладывал в КП(б)У, что «в начале марта, накануне подготовлявшегося восстания, был арестован в Севастополе оперативный штаб, после этого насчитывается ряд провалов, арестов и казней наиболее активных работников и в результате — почти полный разгром крымского подполья. Таким образом, мы стоим в настоящий момент перед задачей заново организовать в Крыму подполье, к тому же, еще при значительно менее благоприятных условиях, чем раньше, ибо июньское наступление белых, несомненно, в известной степени приостановило у них процесс разложения»[56].

Разгромленное в Севастополе подполье так и не смогло оправиться, но отдельные группы действовали и сумели провести ряд удачных акций: был взорван склад снарядов в Килен-бухте, угнан 13 ноября в Евпаторию тральщик «Язон», накануне эвакуации из Севастополя белой армии выведена из строя канонерская лодка «Кубанец».

Возрожденные после арестов в апреле-мае 1920 г. подпольные организации в Ялте, Симферополе и Феодосии вновь были разгромлены контрразведывательными органами в июле-августе. В начале сентября Керченский морской контрразведывательный пункт предотвратил угон канонерской лодки «Грозный», арестовав почти всю команду лодки и несколько матросов линкора «Ростислав»[57].

К моменту назначения генерала Климовича начальником контрразведки Русской армии подполье в Крыму было почти полностью дезорганизовано, однако волна арестов не убывала. Если на 1 августа в Севастопольской тюрьме находилось под следствием 80 политических заключенных, то на 1 сентября — 138, а на 1 октября — 193[58]. На одном из собраний рабочих-металлистов председатель сказал: «Облава теперь на бродячих собак прекратилась, вследствие дороговизны рабочих рук и отсутствия средств у городской управы, но зато процветает облава на людей весьма успешно, и поэтому приходится, как говорят, царю природы позавидовать их доле»[59].

Председатель Севастопольской городской управы А. В. Болдырев позже писал: «Особенно обращает на себя внимание назначение Климовича. По прошест-

[54] ГАГС. Ф. Р—252. Оп. 1. Д. 51. Л. 2.
[55] ГАГС. Ф. Р—252. Оп. 1. Д. 49. Л. 1; Д. 103. Л. 3; Д. 143. Л. 1; Д. 212. Л. 1; Д. 355. Л. 1.
[56] Центральный государственный архив общественных организаций Украины (ЦГА ООУ). Ф. 1. Оп. 20. Д. 206. Л. 10—11.
[57] Борьба за Советскую власть в Крыму. Т. 2. С. 204, 205.
[58] Бунетин М. Ф. Указ. соч. С. 301.
[59] Вольфсон Б. Конец авантюры барона Врангеля. Симферополь, 1940. С. 43.

вии самого краткого промежутка времени оно стало приносить свои обильные плоды. Участились аресты часто ни в чем не повинных людей»[60].

Подводя итоги сказанному, можно разделить деятельность органов контрразведки белой армии на три периода.

Первый период — начальный, когда в декабре 1918 — апреле 1919 гг. во время англо-французской интервенции в городах Крыма были созданы контрразведывательные органы. Не имея штатов, организации, агентуры, они не смогли противостоять организованному подполью.

Второй период — период становления в июне — сентябре 1919 г., когда были утверждены штаты и документы, регламентирующие действия контрразведывательных органов, а сами они были очищены от «самочинных» контрразведчиков. В этот период главной задачей контрразведывательных органов было выявление и арест лиц, служивших в Красной Армии и работавших в органах Советской власти.

Третий период — период деятельности в сентябре 1919 — октябре 1920 гг., когда главной задачей стало уничтожить подполье коалиции левых партий и не допустить восстания в тылу армии, особенно в кризисные для нее моменты. В свою очередь этот период можно разбить на два раздела — время, когда во главе ВСЮР стоял А. И. Деникин, и время правления П. Н. Врангеля, причем период генерала Врангеля характеризовался централизацией действий контрразведки, объединением ее усилий с уголовно-розыскными управлениями и бригадами государственной стражи и приходом в контрразведку бывших жандармских офицеров.

В последние два периода контрразведывательные органы в основном свою задачу по борьбе с организованным подпольем выполняли, однако армейской и морской контрразведке не удалось обезвредить резидентуру регистрама (регистрационного отделения, т. е. разведки) 13-й армии Южного фронта, успешно работавшую в портовых городах.

[60] Болдырев А. В. В Крыму во время генерала Субботина и Врангеля, 1920 г. // Былое. 1925. № 2 (30). С. 216.

МИРОСЛАВ ЙОВАНОВИЧ

Идея лихорадочная и дутая: манифест «Михаила Александровича»

(Несостоявшийся эпизод гражданской войны)

В личных фондах Архива Сербии в Белграде хранится письменное наследие Николы Аранджеловича [1]. Чем могли бы привлечь его документы исследователя русской истории? Ответ на этот вопрос относительно прост. А именно, среди бумаг Аранджеловича находятся шесть документов (двенадцать архивных листов) генерал-майора русской армии Вячеслава Евстафьевича Борисова, советника по оперативной части при Штабе верховного главнокомандующего в годы Первой мировой войны [2]. Эти документы, как и остальное свое имущество, согласно завещанию, написанному 6 апреля 1941 г., в день бомбардировки Белграда немцами, Борисов оставил Николе Аранджеловичу, в семье которого русский генерал жил последние четыре года своей жизни [3].

Один документ привлекает особое внимание. Помимо автобиографических записок генерала Борисова, написанных по прибытии в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (СХС), обзора его опубликованных работ и уже упомянутого завещания, среди его бумаг сохранился «Высочайший Манифест»: «Божьей Милостью и волею русского Народа Мы, Михаил Александрович, Император и Народный Посадник Всероссийский и проч. и проч. и проч.» [4]. Этот недатированный документ, написанный простым карандашом от руки, вероятнее всего, генералом Борисовым, в настоящее время пришел в плачевное состояние. С течением времени грифельный след истерся (в основном, на местах сгиба бумаги), а сама бумага пожелтела и начала распадаться, так что в некоторых местах чтение весьма затруднено и практически невозможно.

Сразу же необходимо уточнить два обстоятельства. Во-первых, хронология и отдельные содержательные элементы бесспорно указывают на то, что «Манифест» никак нельзя приписать самому Михаилу Александровичу, хоть он и составлен от его имени. Впрочем, этот важнейший вопрос требует скрупулезного анали-

[1] Генерал, профессор Военной Академии – *прим. перев.*
[2] Архив Србије (АС). Збирка Николе Аранђеловића (НА). Ф. 125.
[3] Копија тестамента ђенерала Борисова (АС. НА. Ф. 125).
[4] АС. НА. Ф. 125.

за и четкого обоснования. Во-вторых, все попытки найти какие бы то ни было историографические следы данного «Манифеста» окончились неудачей. Ни один из современников, на момент появления интересующего нас документа игравших более или менее значительную роль в Гражданской войне, а именно, генералы А. И. Деникин, П. Н. Врангель, А. С. Лукомский, К. Н. Соколов и др., не упоминают этот фиктивный «Манифест» Михаила Александровича[5].

Все же, этот документ обращает на себя внимание как внешним оформлением, так и содержанием, поднимая множество вопросов, поскольку представляет собой своего рода историографическую загадку. Причем, с самого начала. Настораживает уже само название, где при имени Михаила Александровича использовано местоимение «мы». Ведь, как известно, великий князь Михаил Александрович во всеуслышание настоятельно потребовал, чтобы в его манифесте от 3 марта 1917 г., которым после отречения императора Николая II он отказался от престола, передав полномочия Временному правительству, а решение о будущем устройстве России — Законодательному собранию, местоимение «мы» было заменено на «я»[6].

И это только один из вопросов, возникающих при прочтении данного документа. При попытке датировать интересующий нас «Манифест» всплывают новые противоречия и неувязки. Бесспорным является тот факт, что документ был написан в начале марта, поскольку в тексте недвусмысленно подчеркивается: «Для этого мы прибыли в Царьград и 17 марта высадимся в Севастополе на Землю Русскую». Проблема в том, к какому году его отнести — к 1919 или 1920? Формально «Манифест» надо было бы датировать 17 марта 1920 г., так как в самом документе неизвестный автор говорит: «и вот начался четвертый год революции». Учитывая эту деталь, напрашивается вывод, что документ появился между 27 февраля и 17 марта 1920 г. Но это противоречит сути «Манифеста».

Ибо, судя по содержанию, этот документ следует датировать не позднее, чем мартом 1919 г. О чем идет речь? В тексте «Манифеста» упоминаются события, которые нельзя отнести к 1920 г., так как более всего они соответствуют обстановке 1919 г. Прежде всего, об этом свидетельствует упоминание о Московском походе А. И. Деникина, начавшемся ранней весной 1919 г.: «Мы свято выполним эти условия и примем лично участие в святом походе к Москве для освобождения этого средоточия православия от засевшей в нем шайки инородцев и коммунистов». Кроме того, для неизвестного автора Деникин — главный и несомненный политический и военный авторитет на юге России, что указывает на начало марта 1919 г., но никак не на начало марта 1920 г., когда после падения Одессы рас-

[5] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. IV. Берлин, 1925. С. 201—208, 322—342; Врангель П. Н. Воспоминания. Т. 1. М., 1992. С. 178—206, 480—524; Лукомский А. С. Из воспоминаний // Архив русской революции. Т. II. Берлин, 1922; Т. V. Берлин, 1922; Т. VI. Берлин, 1922; Соколов К. Н. Правление генерала Деникина // Белое дело: Кубань и Добровольческая армия. М., 1992. С. 175—185; Лехович Д. Белые против красных: Судьба генерала Антона Деникина. М., 1992.

[6] Шульгин В. В. Дни. 1920. М., 1990. С. 278.

над Вооруженных сил юга России под командованием Деникина находился в стадии завершения. Опять-таки, если предположить, что автором «Манифеста» был генерал Борисов (на это гипотетически указывает факт обнаружения документа среди бумаг Борисова, и почерк, которым написан текст, сходен с почерком генерала), то документ был написан в 1919 г., а не в 1920 г., так как в 1919 г. Борисов еще находился в России, а в конце зимы и ранней весной 1920 г. уже в эмиграции, т. е. вдали от перипетий российской политики[7].

Однако парадокс в том, что какой бы год мы ни взяли, будь то 1919 или 1920, предполагаемого автора «Манифеста» великого князя Михаила Александровича Романова к этому времени не было в живых как минимум девять месяцев (убит между 12 и 16 июня 1918 г.). Это открывает перед нами иной диапазон проблем. Какому кругу принадлежал автор документа, и как ситуационно соотнести содержание документа и события времен Гражданской войны в России? Но прежде чем мы попытаемся хотя бы приблизительно ответить на эти вопросы, следует отметить, что об убийстве Михаила Александровича его семье, а тем более широкой общественности стало известно не сразу. (Например, его супруга узнала о гибели мужа только в 1934 г.). По-видимому, этот факт подсказал анонимному автору «Манифеста» идею манипулирования именем великого князя. Весьма интересно то, что неизвестный автор не был знаком не только с содержанием подлинного манифеста Михаила Александровича от 3 марта 1917 г., но даже и с содержанием манифеста Николая II от 2 марта 1917 г. об отречении от престола. Так, в интересующем нас документе Михаилу Александровичу приписываются следующие слова: «27 февраля 1917 г., в разгар тяжелой войны с немцами, в столице нашей в Петрограде вспыхнуло революционное движение, и наш брат Николай II Александрович отрекся от престола, царство наше перешло к его малолетнему сыну Алексею Николаевичу, под нашим регентством до его совершеннолетия. Мы, не предвидя всех обрушившихся потом на Россию и русский народ бедствий, не предугадывая появления немецких козней по насылке на русский народ озверелой и инородческой шайки большевиков-коммунистов, не решились взять на себя тяжелое бремя регентства». Здесь бросаются в глаза два факта. Во-первых, автор документа не был знаком ни с манифестом Николая II, ни с манифестом великого князя Михаила. Во-вторых, автор документа был осведомлен о существовании проекта манифеста Николая II, написанного в ночь с 1-го на 2-е марта 1917 г., по которому русский император отрекался от престола в пользу малолетнего наследника цесаревича Алексея с назначением регентом Михаила Александровича[8]. Как случилось, что человек, написавший «Манифест», допустил такой грубый промах? Действительно ли он не был знаком с содержанием двух манифестов особ правящей фамилии, во что верится с трудом, коль скоро он упомянул даже неосуществленный проект. Или все же это был намеренный промах? Вероятно, он хотел вызвать эмоциональ-

[7] Ср. автобиографические записи Борисова от 3 октября, 6 ноября 1921 г. и одну недатированную (АС. НА. Ф.125).

[8] Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев: Документы. Изд. 2-е. М., 1990. С. 222.

ную реакцию у потенциальных читателей своего «Манифеста», тогда уже знавших о расстреле царской семьи, желая тем самым привлечь как можно больше приверженцев своей идеи. Сейчас мы едва ли найдем ответы на эти вопросы.

Тем не менее, в наших силах попытаться воссоздать тот период Гражданской войны, когда мог появиться интересующий нас документ. Если признать датой его создания март 1919 г., то намного яснее становится в какой внутриполитической ситуации и с какими намерениями был написан «Манифест» его анонимным автором. Как известно, в конце 1918 — начале 1919 гг. между политиками и общественными деятелями в областях, не захваченных большевиками, разгорелась ожесточенная борьба, в ходе которой выдвигались самые различные планы: о национальной диктатуре, о реставрации монархии, об образовании национального совета, о созыве Национального собрания (в которое вошли бы депутаты всех четырех Дум) и т. д. Приблизительно в это время одна группа политиков во главе с графом В. А. Бобринским и бывшим председателем Государственной Думы М. В. Родзянко даже предлагала в случае возвращения монархии короновать на Российское царство сербского регента Александра Карагеоргиевича[9]. Однако от этой идеи вскоре отказались. Вообще, это был весьма бурный период для всех территорий, находившихся под контролем «белых» генералов. Период, когда в Омске образовалось антибольшевистское правительство Комитета Членов Учредительного Собрания (КОМУЧ), когда адмирал Колчак принял власть в Омске и в той или иной степени объединил борьбу белых генералов и т. д. На юге России в это время, помимо подготовки наступления на Москву, тоже бушевали политические страсти. У генерала Деникина были противоречия с казацкими атаманами, он вел также активную работу по формированию «Особого совещания», действовавшего до июля 1919 г. Бурную деятельность развили различные политические организации: «Общество Государственного объединения России», образованное в марте 1919 г. в Екатеринодаре, во главе которого был сначала Н. Н. Львов, потом Кривошеин; «Всероссийский национальный центр», переведенный из Москвы в Киев, а затем в Екатеринодар, с М. М. Федоровым во главе; «Союз возрождения России», переведенный из Москвы в Киев, Одессу и Екатеринодар, руководили которым Мякотин, Титов, Руднев и т. д.

В такой смутной политической ситуации в конце 1918 — начале 1919 гг., по словам генерала Деникина, великий князь Николай Николаевич-младший, живший в то время в Дюльбере в Крыму, заявил о своих претензиях на роль диктатора и верховного главнокомандующего[10]. Если мы на секунду оставим в стороне вопрос, субъективно или объективно оценил Деникин роль великого князя

[9] Письмо М. Димитриевича из Одессы 24 января 1919 г. Пашину в Париж (Архив Југославије, Министерство иностраних послова Краљевине Југославије 334, Политичко одељење, ф. 15); подробнее: Miroslav Lovanović. Kraljevina SHS I antiboljševička Rusija 1918—1924. Skica za obuhvatno tumačenje. // Tokovi istorije 1—2. Beograd, 1995. S. 93—126; а также: М. Йованович. Ось Белград — Омск: Почему король Александр признал Колчака // Родина. 2003, №10. С. 92—94.

[10] Деникин А. И. Указ. соч. С. 201—208.

Николая Николаевича, как раз с этой политической акцией можно связать исследуемый нами «Манифест». А именно, анонимный автор устами покойного Михаила Александровича недвусмысленно выдвигает великого князя Николая Николаевича, говоря, что под его командование должны перейти все антибольшевистские силы, а также, что звучит несколько парадоксально, все военные большевистские части: «Для этого мы прибыли в Царьград и 17 марта высадимся в Севастополе на Землю Русскую и вручим начальствование над всеми без исключения русскими силами находящимся под командой генерала Нес[нрзб.] Деникина, и казачьих войсковых атаманов, так и под начальством Советских командиров, нашему дяде, верховному главнокомандующему вел. кн. Николаю Николаевичу». Это, вне всякого сомнения, обнаруживает основную цель составителя рассматриваемого документа.

Но, невзирая на возможные варианты ответов на вопросы, возникающие при прочтении «Манифеста», невзирая на то, что «Манифест» так и остался одним из неосуществившихся проектов, сам документ продолжает быть enigma, хотя и подкрепляет уже имеющиеся у нас знания о смутном, тяжелом и трагическом периоде Гражданской войны в России. Поэтому приводим текст «Манифеста» полностью (насколько он поддавался прочтению, учитывая его состояние). При публикации сохранено написание прописных и строчных букв подлинника. Предположительные прочтения, примечания публикатора и варианты даны в квадратных скобках.

Высочайший Манифест

Божией Милостью и волею русского
Народа
Мы, Михаил Александрович
Император и Народный посадник Всероссийский и проч. и проч. и проч.

Объявляем нашим верноподданным, что сего числа, по совету находящихся около нас русских людей, мы восприняли твердое решение прекратить Нашею Царскою рукою междоусобную войну на русской земле и создать жизнь, обоснованную не на беспрерывном пролитии братской крови, а на свободе, равенстве, и братстве. Для этого мы прибыли в Царьград и 17 марта высадимся в Севастополе на Землю Русскую и вручим начальствование над всеми без исключения русскими силами, как находящимися под командой генерала Нес[нрзб.] Деникина и казачьих Войсковых Атаманов, так и находящимися под начальством Советских командиров, Нашему дяде, Верховному Главнокомандующему Вел[икому] Кн[язю] Николаю Николаевичу.

Великий русский народ!

27 февраля 1917 г., в разгар тяжелой войны с немцами, в столице Нашей в Петрограде вспыхнуло революционное движение и наш брат Николай II Александрович отрекся от престола, Царство наше перешло к его малолетнему сыну Алексею

Николаевичу, под нашим регентством до его совершеннолетия. Мы, не предвидя всех обрушившихся потом на Россию и русский народ бедствий, не предугадывая появления немецких козней по насылке на русский народ озверелой и инородческой шайки большевиков-коммунистов, не решились взять на себя столь тяжелое бремя регентства без ясно выраженной воли народа через посредство Учредительного Собрания или Земского Собора, на котором выборные от всей русской земли высказали бы определенно свое решение. Но этот Земский Собор не мог быстро собраться. Смута разрасталась. Шайка большевиков напала в Петрограде на Временное Правительство и овладела правлением в России, и вот начался четвертый год революции и русская земля не находит так желаемого всеми спокойствия и порядка. Царь Николай II и наследник Алексей убиты.

Цари русские совместно со всем народом русским создали Великую Россию. Царь же русский совместно со всем народом русским должен восстановить в Государстве спокойствие и порядок. Сознавая свой священный долг перед русскою землею и глубоко раскаиваясь в вышевысказанном нами колебании в принятии на себя регентства, ныне Мы, по древнему обычаю всех русских царей, кланяясь всему русскому народу, объявляем, что тяжелое бремя государственного правления Мы принимаем на Себя на нижеследующих условиях, обсужденных на совещании русских людей, работающих по восстановлению Великой России:

Первое: Наше правление основывается на законах, устанавливаемых русским народом, и Мы именуемся Посадником Народным.

Второе: Воля народа изъявляется через Государственную Думу, которая на первое время, до вступления Нашего в Москву, собирается в Цареграде и в Севастополе из намеченных членов всех прежде бывших Дум.

Третье: Не позже года после нашего вступления в Москву и по водворению спокойствия и порядка в России Мы обязуемся открыть Всероссийское Учредительное Собрание.

Четвертое: Это Вс[ероссийское] Учред[ительное] Собрание выразит нам волю народную о форме государственного правления — быть ли Великой России конституционной монархией или республикой.

Пятое: Мы подчинимся тогда свято выраженной воле народной — быть ли Нам конституционным монархом, или этот сан будет возложен волею народа на иное лицо; быть ли Нам первым Посадником в Русской республике, или этот сан будет возложен на иное лицо.

Шестое: До этого времени, до сбора Учредительного Собрания, русские люди, любящие свою землю и свой народ, забудут о всяком разделении своем на различные политические партии, каждая по-своему желающая блага России, и соединятся [добавлено: в одну русскую партию. — *Прим. публ.*] для достижения великой задачи дать русскому народу спокойствие и порядок и осуществить свободу, равенство и братство.

Седьмое: Исходя из сказанного, сим Нашим Манифестом объявляется Всеобщая амнистия всем русским людям за все совершенное ими до времени Нашего

прибытия в Цареград, и эта амнистия приводится в действие в первый же день по получении в городах и селениях этого Нашего Манифеста и выражается в освобождении из тюрем и мест заключения в этот же день.

Мы свято выполним эти условия и примем лично участие в святом походе к Москве для освобождения этого средоточия православия от засевшей в нем шайки инородцев и коммунистов. Мы уверены, что исстрадавшийся многомиллионный русский народ присоединится к Нам в деле восстановления в Великой России спокойствия и порядка. Если вся Россия захочет, то шайка коммунистов уничтожится при первом единодушном требовании народа.

Нашему Верховному Главнокомандующему Мы предоставляем право принимать на русскую службу войсковые части красной Армии.

А. А. СМИРНОВ

«Рассолдаченная» армия: к вопросу о сломе русской военной традиции после 1917 года

Факты, введенные в научный оборот в последние 10—15 лет, заставляют признать главной причиной поражений Красной Армии в 1941 г. ее низкий профессиональный уровень и, в частности, плохую выучку рядового состава. Выяснить, почему она оказалась плохой, тем важнее, что накануне Первой мировой войны картина здесь была совершенно иной. «Природные солдаты, — писал, например, о русских войсках 1914 г. немецкий полковник Р. Франц, — они были дисциплинированы и превосходно обучены»[1]. В 1940 г. оценка немецких наблюдателей оказалась противоположной. «Потрясающее донесение из Львова о том, как в нем хозяйничают советские русские, — отметил 13 января 1940 г. в своем дневнике Й. Геббельс, — [...] войска не обучены». «Как сообщают [из СССР. — *А. С.*], русские очень потешные солдаты, — записал рейхсминистр 13 марта того же года, — нет и следа дисциплины»[2]. «Мы получаем слабо обученного бойца, — подтверждал эти оценки командующий 6-й армией Киевского особого военного округа генерал-лейтенант И. Н. Музыченко, выступая на совещании высшего руководящего состава Красной Армии в декабре 1940 г., — Боец не знает сознательно своих обязанностей. Почему? Потому что он не обучен»[3].

«Только показывался кончик каски [...] как его пронизывала пуля», — такова, по свидетельству офицера 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка К. С. Попова, была в 1914 г. стрелковая выучка кадровой русской пехоты[4]. А в 1936—1937 гг. в Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА), которая с минуты на минуту могла вступить в бой, пехота из той же трехлинейной винтовки стреляла лишь на 3,1—3,6 балла (по 5-балльной системе); лучший на 1937 г. стрелковый батальон приграничного Белорусского военного округа выбивал из трехлинейки только 3,7 балла, лучший батальон Московского военного

[1] Цит. по: Ульянов И. Э. Регулярная пехота 1855—1918. М., 1998. С. 5.

[2] «Как германцы, мы никогда не поймем славян» (Из дневника Й. Геббельса) // Военно-исторический журнал. 1994. №5. С. 37, 42.

[3] Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1). М., 1993. С. 58.

[4] Цит. по: Ульянов И. Э. Указ. соч. С. 164.

округа — 3,75[5]. Пехота довоенной РККА стабильно демонстрировала слабую тактическую выучку одиночного бойца, отделений, взводов и рот — наступавших густой толпой, не имевших твердых навыков ни в перебежках, ни в переползании, ни в наблюдении, ни в выборе огневой позиции, ни в штыковом бою, ни в гранатометании[6]. Подчеркнем, что подобным уровнем подготовки Красная Армия отличалась не только после пресловутых репрессий 1937—1938 гг., но и до таковых[7].

Нельзя списать плохую боевую выучку красноармейцев и на одну лишь слабую подготовленность малообразованного командного состава РККА. Всему вышеперечисленному в русской армии могли обучать даже унтер-офицеры срочной службы, за плечами у которых было максимум 3—4 класса школы да 9-месячный курс учебной команды. Что мешало подготовить подобных инструкторов-младших командиров в учебных подразделениях РККА? Или хотя бы в военных училищах, выпускавших командиров РККА, т. е., по-старому, офицеров? Ведь все недостатки в выучке войск мгновенно подмечались при любой поверке любым командиром полка, дивизии или корпуса. Он тут же безошибочно вскрывал их причины и указывал конкретные пути устранения. Следовательно, люди, способные — по своим знаниям — подготовить инструкторов для красноармейцев, в РККА были.

Изучение состояния боевой подготовки Красной Армии в 30-е гг. показывает, что добиться хорошей выучки войск мешала не только слабая подготовленность командного состава, но и его низкая требовательность — как к себе, так и к подчиненным. «Это разгильдяйство, к которому мы привыкли сверху донизу, — признавали на активе Наркомата обороны 10 июня 1937 г., — ну, не выполнил и не выполнил»[8]. Все наши достижения, — писал в феврале 1936 г. комдив В. Н. Курдюмов (в 1940—1941 гг. начальник Управления боевой подготовки Красной Армии), — «достигаются не путем систематической работы, а путем штурма. Кончается штурм — начинается реакция, т. е. расслабление и физическое, и моральное. Поэтому достижение в октябре превращается в недостаток в январе. [...] Мы не спим, не едим, а штурмуем, особенно последние дни перед смотром. А в остальное время года темпы нашей работы явно недостаточны»[9].

Конечно, склонность к кропотливой систематической работе, к соблюдению порядка в мелочах вообще не свойственна русскому национальному характеру[10]. Требовательности не всегда хватало и в русской армии. Не зря, в частности, в 1911 г. генерал-майор М. В. Грулев ставил офицерам в пример виденного им германского лейтенанта, который «обучал свою полуроту на плацу: битых два ча-

[5] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33879. Оп. 1. Д. 584. Л. 309; Ф. 31983. Оп. 2. Д. 247. Л. 144, 111.

[6] См.: Смирнов А. А. Большие маневры // Родина. 2000. № 4. С. 86—93; Он же. К бою — не готовы. Армия маршала Блюхера накануне 1937 года // Родина. 2000. № 9. С. 74—78.

[7] Смирнов А. А. Большие маневры. С. 89.

[8] РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 61. Л. 213.

[9] РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 520. Л. 130.

[10] См. напр.: Энгельгардт А. Н. Из деревни: 12 писем 1872—1887. М., 1987. С. 153.

са он вьюном носился около полуроты во время ее маршировки и ломки фронта, забегая вперед и с флангов, хлопал себя по ляжкам, теребил волосы, вгоняя себя и полуроту в десятый пот [...] У нас такое неблагодарное дело большей частью препоручается фельдфебелю или даже взводному[11]; а если субалтерн-офицер[12] сам снизойдет для этих занятий, то это делается с таким душевным томлением и скукой, что за версту мухи дохнут»[13].

Однако недоработки младших офицеров в русской армии с лихвой компенсировались настойчивой работой главных учителей солдата — унтер-офицеров, воспитанных офицерством в атмосфере беспощадной требовательности. Отзывы окончивших учебные команды русской армии начала XX в. сводятся к одному и тому же: «На всех занятиях жучили лихо, закаливали, муштровали, тянули, отшлифовывали»[14]; «условия службы были невыносимо тяжелы, особенно в учебных командах»[15]. «Мне уже 45 лет, а я и до сих пор чувствую все последствия воспитания в этой учебной команде, — отмечал 15 апреля 1940 г. на совещании в ЦК ВКП(б) комбриг Ю. В. Новосельский, — последствия физического воспитания и, я сказал бы, отчасти нравственного воспитания. Некоторые слабые черты моего характера были в этой учебной команде как-то подправлены»[16]. «Я тоже был фейерверкер, — развил 17 апреля эту тему другой участник совещания, командарм 1-го ранга Г. И. Кулик, — тоже был в учебной команде и убежден, что те, которых я учил, до самого гроба будут помнить, как я их учил»[17]. То, что это не пустые слова, подтверждал, например, маршал Советского Союза И. Х. Баграмян, признававшийся в конце 40-х гг., что «знание "военных азов" — полевого устава, строевой подготовки, шагистики, ружейных приемов, обязанностей часового, разводящего, [...] часового и подчаска полевого караула, дозора и секрета» сохранилось у него с 1916 г.[18], т. е. с тех пор, как это знание раз и навсегда было вложено в него «унтерами» в 116-м запасном батальоне.

Почему же эта традиция жесточайшей требовательности в обучении рядового состава Красной Армией оказалась утрачена? При чтении подготовленных штабистами и политработниками аналитических материалов, политдонесений, протоколов партийных и комсомольских собраний и других документов, отражающих повседневную жизнь РККА 30-х гг., создается стойкое впечатление отсутствия у этой жизни *цельности*. Весь уклад тогдашней армейской жизни не давал командиру сосредоточиться на выполнении его главной (и единственной!) зада-

[11] Т. е. старшему унтер-офицеру.

[12] Строевой офицер, занимающий должность ниже командира роты или равного ей подразделения.

[13] Грулев М. Злобы дня в жизни армии. СПб., 1911. С. 24.

[14] Трубецкой С. Записки кирасира. М., 1991. С. 31.

[15] РГВА. Ф. 9. Оп. 31. Д. 3. Л. 108.

[16] Зимняя война 1939—1940. Кн. 2. И. В. Сталин и финская кампания: Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б). М., 1998. С. 56.

[17] Там же. С. 259.

[18] Шагинян М. Путешествие по Советской Армении // Собр. соч.: В 9-ти тт. Т. 3. М., 1972. С. 594.

чи[illegible] обучения, воспитания и вождения войск. С чисто ленинским пренебрежением к профессиональным государственным служащим командир Красной Армии рассматривался прежде всего как «сознательный гражданин» с массой общегражданских обязанностей. Предельно ясно такой взгляд на профессионального военного был выражен на заседании бюро ВЛКСМ 130-го стрелкового полка 44-й стрелковой дивизии Киевского военного округа 11 ноября 1935 г. Обсуждая поведение не выполнившего комсомольское поручение (организовать во время маневров «изучение вождей») комвзвода Ф. Шевченко, один из выступавших возмущенно заметил: «Шевченко себя, по-моему, не чувствует комсомольцем, а *только* [выделено мной. — *А. С.*] командиром взвода»[19].

Таким образом, командир Красной Армии не являлся — в полном смысле этого слова — *солдатом*. Точнее, ему не давали стать солдатом, т. е. человеком, заботящимся исключительно о том, как ему защитить при помощи оружия интересы своего Отечества. Ему (как, в той или иной степени, и всем гражданам СССР) навязывали стандарт поведения революционной интеллигенции. Командир РККА вечно разрывался между «солдатским ремеслом», изучением марксизма-ленинизма и всевозможной общественной работой. Боевая подготовка войск начинала страдать от этого еще тогда, когда будущий командир был курсантом. Так, в конце 20-х гг. отмечалось, что из-за «общественной, партийной и клубной нагрузки» занятость беспартийного курсанта доходит до 12 часов в сутки, а партийного — до 14—15; «времени на самостоятельную работу нет»[20]. Даже после того, как на самом верху забили тревогу по поводу отсутствия у комсостава свободного времени для самоподготовки, — даже тогда, согласно распоряжению начальника Генштаба РККА маршала А. И. Егорова от 6 января 1936 г., из 189 рабочих часов командира в месяц 39 (т. е. 20,6%) отводилось на марксистско-ленинскую подготовку (9 часов) и партийную и общественную работу (30 часов)[21].

Однако вред от превращения солдата в «сознательного гражданина» не исчерпывался одними лишь потерями времени. Происходила «разруха в умах». Командир-«общественник» терял (точнее, не мог приобрести) *цельность мироощущения*; раздваивались не только его обязанности, но и его сознание. Он уже не мог стать похожим на того описанного М. В. Грулевым немецкого лейтенанта, для которого «взвод вместе с [...] учебным плацем служили, очевидно, *всем смыслом жизни* [выделено мной. — *А. С.*]»[22]. Он привыкал к тому, что на учениях можно и нужно «изучать вождей», «прорабатывать» (как, например, в 21-й стрелковой дивизии ОКДВА в марте 1937 г.) положение о работе комсомольских организаций, материалы пленума ЦК ВКП(б), вопрос о классах при социализме, о задачах Дальневосточного края и т. п. Он привыкал к тому, что, «если командир не явится на марксо-ленинскую подготовку, его спрашивают, а если

[19] РГВА. Ф. 3367. Оп. 1. Д. 2. Л. 56.
[20] РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 2. Л. 104.
[21] РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 579. Л. 13—14.
[22] Грулев М. Указ. соч. С. 28.

командир не явился на стрелковое дело, с ним никто даже не говорит»[23]. Он привыкал к тому, что можно пренебрегать, ссылаясь на ту же общую перегруженность, собственно «солдатским ремеслом»; привыкал, как правильно определил в мае 1937 г. комдив Б. К. Колчигин, к *безответственности*[24]. О какой требовательности к младшему командиру и бойцу могла после этого идти речь?

Начиналось это раздвоение сознания опять-таки еще в военно-учебных заведениях. Уклад, царивший в них до революции, создавал «атмосферу, пропитанную бессловесным напоминанием о долге». Этот уклад «перемалывал все те разнородные социальные, имущественные, духовные элементы, которые проходили через военную школу»[25], ибо каждая его черточка, каждая мелочь училищного быта, каждая минута училищной жизни способствовали одному — выработке из человека *солдата*. Приведем лишь одну сцену из воспоминаний А. Л. Маркова, зачисленного в 1913 г. юнкером Николаевского кавалерийского училища: «При первых словах моего рапорта ротмистр *быстро* [выделено мной. — *А. С.*] надел фуражку и взял под козырек, а группа стоявших в дверях юнкеров, *враз* [выделено мной. — *А. С.*] щелкнув шпорами, стала "смирно"»[26].

В советской же военной школе 20—30-х гг. подобные сцены — невольно внушавшие будущему офицеру сознание *святости* службы, исподволь приучавшие истово, не за страх, а за совесть выполнять *все* ее требования — были практически немыслимы. Раздвоенное, лишенное солдатской цельности сознание курсантов и комсостава школ просто отказывалось относиться к подобным «мелочам» всерьез! Эти «мелочи» просто терялись на фоне таких глобальных проблем, какие решались, например, в 1933 г. в Горьковской бронетанковой школе: «проработки» «решений январского пленума ЦК», «вопросов подготовки к весеннему севу, к уборочной кампании, к сдаче хлеба, выполнения промфинплана шефствующего Горьковского автозавода», «посылки писем в колхозы», «разъяснения решений пленума ЦК по бригадам» в подшефном колхозе, «проведения подписки среди колхозников на 10 тыс. рублей» и т. п.[27] В итоге руководство военно-учебных заведений РККА из года в год вынуждено было констатировать одно и тоже: «В школах не понято то положение, что курсант, находясь в школе, воспитывается буквально на каждой мелочи, на каждом мероприятии, на каждом шаге своего командира [...] В школах принято за обыденное явление не поправлять курсанта в его недочетах, оставлять без должного вмешательства малейшее нарушение воинской службы; *поэтому курсант приучается выполнять обязанности спустя рукава; в курсанте не воспитываются качества пунктуального выполнения своих обязанностей* [выделено мной. — *А. С.*]». И вот конечный результат: «Многочис-

[23] РГВА. Ф. 36393. Оп. 1. Д. 47. Л. 6.
[24] РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 584. Л. 47—48.
[25] Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1990. С. 43.
[26] Марков А. Кадеты и юнкера. Русские кадеты и юнкера в мирное время и на войне // Кадеты и юнкера. Кантонисты. М., 2001. С. 63.
[27] РГВА. Ф. 9. Оп. 31. Д. 75. Л. 311.

лечные примеры невыполненных распоряжений рассматриваются как обыденное и неизбежное явление»[28]. Мог ли подготовленный в такой атмосфере командир быть требовательным к младшему командиру и красноармейцу?

Еще одним мешавшим развитию требовательности к бойцу следствием превращения в СССР солдата в «сознательного гражданина» был подрыв воинской дисциплины. В основе военной политики РСДРП(б) — РКП(б) — ВКП(б) и в 30-е гг. лежали взгляды российской революционной интеллигенции, органически не понимавшей специфики «солдатского ремесла» и противопоставлявшей «муштру» «сознательности». Выросшая из эпохи Просвещения с ее культом разума, с ее взглядом на человека как на исключительно «умовое» существо, интеллигентская идеология игнорировала ту истину, что сильнее мощнейшего из человеческих инстинктов — инстинкта самосохранения — в бою может оказаться только въевшаяся в плоть и кровь привычка *не раздумывая* подчиняться приказу начальника. И что такая привычка может быть выработана только непрестанной беспощадной муштрой (это не исключает, конечно, задачи воспитания в солдате патриотизма, чувства долга, т.е. развития того, что принято именовать «сознательной дисциплиной»). Это непонимание «пламенными революционерами» самих основ военного ремесла и воинской дисциплины ярко выразил на заседании Военного Совета при наркоме обороны 22 ноября 1937 г. член Военного совета Харьковского военного округа бригадный комиссар К. И. Озолин. Возмущаясь тем, что на красноармейцев стали налагать больше дисциплинарных взысканий, он так и заявил негодующе: «Тут преследовалась цель выработать солдата, а не революционного бойца»[29].

И подобные взгляды, от которых за версту несло красной партизанщиной 1918 года, в 30-е были не редкостью. В сентябре 1932 г. начальник боевой подготовки сухопутных сил РККА А. И. Седякин прямо констатировал, что в войсках все еще «сильны тенденции периода разложения старой армии», что дисциплина все еще воспринимается комсоставом «как какой-то досадный придаток, отрыжка старого режима»[30]. Не редкостью поэтому были и дикие случаи вроде того, что произошел в 1935 г. в 4-м отдельном стрелковом полку Уральского военного округа. Добиваясь должной дисциплины строя, помкомвзвода Абдулин трижды строил и распускал взвод перед тем, как повести его на ужин. После четвертой подачи им команды «становись» 18 бойцов не выполнили приказание (!) — но пострадали не они, а Абдулин! За «проявление старой фельдфебельщины» требовательного младшего командира разжаловали в красноармейцы, а его командира роты «за допущение такого факта» арестовали на трое суток[31].

От идеи выработать вместо солдата «революционного бойца» стали отказываться только в 1940 г., после неудач РККА в войне с Финляндией. А до того к красноармейцу сплошь и рядом подходили так, как делал это, например, по-

[28] РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 17. Л. 94; Д. 5. Л. 293.
[29] РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 54. Л. 137.
[30] РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 13. Л. 80 (230).
[31] РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 215. Л. 153.

мощник командира по политической части 130-го стрелкового полка 44-й стрелковой дивизии Киевского военного округа Диденко. Чтобы провести тактические учения на «хорошо», заявил он на полковом комсомольском собрании 28 июля 1935 г., «надо прежде всего, чтобы каждый комсомолец [...] прежде всего сам глубоко осознал политический смысл проводимого учения»[32]. О том, что «прежде всего» нужно помнить присягу, ясно и прямо обязывающую бойца добросовестно изучать военное дело, помполит, естественно, не упомянул. Это был разговор штатского со штатскими, агитатора с «рабочими и крестьянами» — а не солдата с солдатами.

Вообще, армии после 1917 г. был привит *невоенный уклад*; в армию были перенесены порядки партийной ячейки, заводской бригады, профсоюзного собрания и т. д. Критика командиров на партийных, комсомольских и красноармейских собраниях не только допускалась, но долгое время и приветствовалась, изображалась как непременное условие повышения боеготовности РККА. Даже командарм 2-го ранга И. Ф. Федько, требуя весной 1937 г. на партконференциях соединений возглавляемой им Приморской группы войск ОКДВА не допускать «комитетчины», оговаривал: если красноармейское собрание обсуждает вопросы не боевой, а политической подготовки, то критиковать командира можно[33]. Позиция, свидетельствующая об абсолютном непонимании высшим комсоставом Красной Армии самих основ воинской дисциплины. Ведь человек — не автомат, легко переключающийся из положения «вне службы» («можно») в положение «на службе» («нельзя»). Привычка беспрекословно повиноваться начальнику может выработаться только, если подчиненный будет видеть в нем начальника всегда, везде, в любой обстановке — к этой истине офицеров в русской армии приучали еще в 70—80-е гг. XIX в.[34]

А в Красной Армии, с ее невоенным укладом, на приказание командира взвода заправить койку боец мог ответить: «Здесь не японская армия, чтобы над красноармейцами издеваться» (63-й стрелковый полк 21-й стрелковой дивизии ОКДВА, январь 1936 г.); на приказание младшего командира отнести ящик на склад: «Ленин таскал бревна, а ты — подумаешь, шишка, и сам отнесешь» (62-й стрелковый полк той же дивизии, июнь 1937 г.); на требование младшего командира соблюдать дисциплину: «Я таких видал» (134-й стрелковый полк 45-й стрелковой дивизии Киевского военного округа, ноябрь 1936 г.) и т. п.[35] В итоге у комсостава зачастую пропадало последнее желание проявлять требовательность. Так, на партконференции 2-й механизированной бригады ОКДВА в апреле 1937 г. отмечалось, что «некоторые командиры частей [...] боясь критики и самокритики, размагнитились, со всем соглашаются и не ведут борьбы за безо-

[32] РГВА. Ф. 3367. Оп. 1. Д. 2. Л. 151.
[33] РГВА. Ф. 36393. Оп. 1. Д. 58. Л. 27.
[34] Краснов П. Душа армии: Очерки по военной психологии // Душа армии: Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. М., 1997. С. 148—149.
[35] РГВА. Ф. 1293. Оп. 3. Д. 4. Л. 39; Д. 8а. Л. 42; Ф. 37928. Оп. 1. Д. 21. Л. 125.

говорочное выполнение плана» боевой подготовки[36]. Всего через год с небольшим этой бригаде предстояло сражаться у озера Хасан.

Наконец, перенесение в армию гражданских порядков приводило к подрыву единоначалия. В условиях, когда за оторванную пуговицу с курсанта принимался взыскивать президиум партячейки (Омская пехотная школа, 1932 г.), когда задачу «распределить [между бойцами. — *А. С.*] лошадей для чистки» командиру артиллерийского взвода ставило партбюро (5-й стрелковый полк 2-й стрелковой дивизии Белорусского военного округа, 1935 г.)[37] и т. п., многие командиры и вовсе отвыкали отвечать за целый ряд проблем. Доходило до того, что, как отмечал в сентябре 1932 г. А. И. Седякин, поддержание дисциплины комсостав начинал считать «делом политорганов», и требовательности опять-таки не проявлял[38].

То, что многие беды Красной Армии обусловлены ее невоенным укладом, отсутствием у ее комсостава подлинно солдатского воспитания, психологии солдата, — начинали понимать уже в годы войны. Не в бровь, а в глаз бьет, например, запись в дневнике начальника связи 201-й истребительной авиадивизии 1-й воздушной армии Западного фронта майора Ф. М. Смольникова, сделанная 21 августа 1942 г.: «Выявлено: радиовзвод, ком[анди]р и его нач[альник] раций, болтуны с комс. парт. билетом[39]. Взвод просто не готов для такого пути. Больше того, даже такелаж (мачта), ее основание сгнило-высохло и сломалось, как сухарь. [...] Защитники Родины! Язык на шарнирах. Все прошлые собрания до войны развратили их и не сделали их солдатами. После операции наверное будет партсобрание, оно будет "разбирать" недостатки, оно будет говорить: стыдно, позор, коммунисту так не подобает и т. д. и т. п. Избитые, замызганные слова»[40].

Именно сожаление о подмене в РККА солдатского, чисто военного воспитания политическим звучит и в словах выведенного К. М. Симоновым в его «Записках Лопатина» полкового комиссара Бастрюкова (заметим, что названный цикл повестей документален; в нем отображены реальные события, реальные настроения, реальные характеры, с которыми довелось столкнуться осенью 1941 г. военному корреспонденту Симонову). «Фашисты почему сильно воюют? — рассуждает Бастрюков в октябре 1941 г., — они не думают[41], они знают одно — бей, и все!»[42].

И действительно, в вермахте солдатскую психологию, психологию человека, у которого лишь одна задача — отстаивать с оружием в руках интересы своей страны — и который думает только о своем ремесле, умели тогда привить даже рядовому и унтер-офицерскому составу. Характерны показания фельдфебеля

[36] РГВА. Ф. 36393. Оп. 1. Д. 44. Л. 31.
[37] РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 178. Л. 40; Ф. 9. Оп. 29. Д. 214. Л. 91.
[38] РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 13. Л. 19 (293).
[39] Так в документе.
[40] Смольников Ф. М. Воюем! Дневник фронтовика. Письма с фронта. М., 2000. С. 106.
[41] Читай: о не относящемся к солдатскому ремеслу. — *А. С.*
[42] Симонов К. М. Из записок Лопатина. Повести // Собр. соч.: В 6-ти тт. Т. 4. М., 1968. С. 607.

Хартле, радиста экипажа 217 й эскадрильи дальней разведки, сбитого 23 июня 1941 г. в районе Слонима и допрошенного в разведотделе штаба Западного фронта 28 июня. «По его словам, солдатам и унтер-офицерам приказано заниматься военными, а не политическими делами. [...] Данные о самолете "хейнкель-111" дать отказался по двум мотивам: как преданный солдат Германии, не желает терять совесть перед родиной. [...] Второе: самолеты "хейнкель-111" передавались Советскому Союзу и поэтому не представляют никакого секрета для русского командования. Поэтому было бы оскорблением требовать от него потери чести без всякого повода»[43]. Столь ясные и развитые представления о солдатской чести характеризуют Хартле именно как солдата, человека, который действительно «занимается военными, а не политическими делами».

«В остальном, — делится своими впечатлениями присутствовавший при допросе Хартле в качестве военного корреспондента К. М. Симонов, — это был довольно убогий, малокультурный парень из Баварии, приученный только к войне и больше ни к чему»[44]. Пренебрежение убежденного коммуниста Симонова к «политически неразвитому бойцу» понятно — но ведь для войны как раз и ценна «приученность» человека «только к войне и больше ни к чему»!

В общем, навязав Красной Армии невоенный уклад, лишив ее подлинно солдатского духа, большевики *заранее* предопределили низкий профессионализм «армии нового типа». Расплата за претворение в жизнь утопий революционной интеллигенции, за слом русской военной традиции, за «рассолдачивание» армии и наступила в 1941 г.

[43] Цит. по: Симонов К. Сто суток войны. Смоленск, 1999. С. 323—324.
[44] Там же. С. 34.

М. А. КОЛЕРОВ

Политическое дежавю оппозиции: голод 1921-го как голод 1891 года

Широко известно, какое революционизирующее воздействие на российское общество оказал голод 1891 г.: первоначальные ограничительные меры правительства, направленные на «отсечение» общественной самодеятельности от помощи голодающим, тщетные попытки власти стабилизировать ситуацию, вынужденное разрешение на неправительственную помощь, сбор средств, создание столовых, активность прессы, сплошь и рядом ставшие работоспособной инфраструктурой для формирования оппозиции.

1880-е гг. были временем окончательного разгрома народнического движения, апогеем политического «умиротворения», в устах даже консервативных критиков власти описываемого в терминах «подмораживания». 1891 г. покончил с представлением о полной силе и непобедимости власти. Оказалось, что репрессивной власти можно противопоставить общественное мнение и общественную самоорганизацию — национальная трагедия, каковой, безусловно, стал голод, была удобным поводом и контекстом для такого соперничества. В этой ситуации оставалась не произнесенной, но оттого не менее принципиальной презумпция: дискредитировавшая себя власть «отступает», добровольно оставляя простор для самоутверждения и развития оппозиции. В 1891 г. в центре общественной и моралистической критики оказались не только властный цинизм, ярко выраженный в виттевском лозунге «не доедим, но вывезем», но и народнический «утопизм», все свои надежды на социалистическое переустройство строивший на предположении, что архаичное крестьянское хозяйство способно стать экономически и социально эффективным. 1891 г. обнажил всю внутреннюю слабость владевшего обществом союза государственного национализма с поздним славянофильством и умеренным народничеством.

Для широкого либерально-социалистического Освободительного движения голод 1891 г. стал переломным событием, в котором оппозиция увидела, что власть — слаба, что ее экономическая политика — преступна, что даже в условиях политической несвободы общественная самоорганизация способна реально помочь страдающему населению и конвертировать свой растущий моральный авторитет в общественное и политическое влияние. И самое главное — что

власть в политической перспективе не может не считаться с выросшей из «голодного года» оппозицией.

В течение 1890-х гг. и особенно в 1905—1907 гг. оппозиционное поколение «голодного года» возглавило Освободительное движение и партийную систему «конституционной монархии», сложившейся после Манифеста 17 октября. В феврале-марте 1917 г. эта оппозиция пришла к власти и после большевистского переворота в основном составила идеологический стержень Белого движения, проигравшего гражданскую войну большевикам. Интеллигенция «голодного года» к началу 1920-х гг. по-прежнему возглавляла и антисоветские и подсоветские политические круги. Память о голоде 1891 г. и его уроках оставалась общей не только для антибольшевистской, но и для самой большевистской интеллигенции, занимавшей большинство руководящих постов в органах Советской власти.

Еще более масштабный голод, разразившийся в Советской России в 1921 году, как и голод 1891 г., также в значительной степени стал результатом преступной экономической политики власти: на этот раз власти «военного коммунизма», построенной на принудительном, чаще — террористическом изъятии прибавочного (и доли необходимого) продукта из сельскохозяйственного производства. К этому времени антибольшевистские фронты Белого движения ушли в прошлое, и оппозиционной интеллигенции пришлось вырабатывать новый модус сосуществования с властью. Представлялось, что «красный террор» является преодоленным методом гражданской войны, и поражение белых автоматически лишило этот террор его объективной почвы.

Интеллигенция оказалась в ситуации, в чем-то подобной ситуации 1880-х гг.: политическая и вооруженная оппозиция было истреблена, но общественное мнение все еще имело независимую от репрессивной власти инфраструктуру. И оппозиционная интеллигенция только ждала часа, когда власть обнажит свою «антинародную сущность», чтобы возглавить общенародный протест.

Весной-летом 1921 г. голод охватил весь юг Украины, весь Дон, Среднее и Нижнее Поволжье, Заволжье, Северный Кавказ — 40% посевных площадей тогдашней России с населением в 30 млн человек. Голод 1921 г. стал несомненной национальной катастрофой, тупиком «военного коммунизма», который был осознан большевистской партией и породил первые её шаги к «новой экономической политике», В. И. Лениным публично названной «отступлением» РКП(б) перед частной собственностью и частной общественной инициативой.

Историческая и политическая память о голоде 1891 г. и его общественных последствиях, первые шаги НЭПа давали надежду, что и теперь, в голоде 1921 года, дискредитировавшая себя репрессивная власть отступит и будет дальше отступать перед «силой общественного мнения». Освободительное движение, совершившее в 1918—1921 гг. трагический faux pas, готово было вернуться к исходному и вновь пройти путь «вырывания» у власти политических свобод. Игнорировалось, по крайней мере, одно существенное обстоятельство: мощность репрессивной машины большевиков, миллионные жертвы их власти и «красного террора» были несопоставимы с масштабами царских ре-

прессий и вряд ли давали надежду на то, что только что выстроенная диктатура — даже перед лицом совершенного ею национального голода — будет отступать так же, как самодержавие.

Интеллигентское переживание *политического* опыта подсоветской жизни 1918—1921 гг. было во многом автоматическим, не позволявшим до конца осознать уникальность нового исторического опыта, ибо опыт этот воспринимался во многом (даже несмотря на массовый террор и гражданскую войну) через призму *прежней* политической несвободы 1880-х—1900-х с ее цензурой, арестами, голодом, эмиграцией, но и с мало оцененными тогда возможностями полулегальной общественной борьбы. Даже идейная белая эмиграция не до конца отдавала себе отчет в том, что советская власть не будет делиться своей политической монополией исключительно ради спасения жизней и позволит — особенно своим политическим противникам — невозбранно участвовать в этом спасении. Например, один из наиболее трезвых и антикоммунистически настроенных идейных вождей Белого движения, П. Б. Струве, писал тогда: «В вопросе о голоде можно и должно отбросить всякие соображения политики и политической тактики. [...] Им нужно помочь во что бы то ни стало»[1].

Прозрачной и, безусловно, нормативной параллелью к переживаемым событиям стали опубликованные в осеннем номере крупнейшего эмигрантского журнала «Современные Записки» воспоминания видного социал-демократического, а затем кадетского активиста — В. А. Оболенского о голоде 1891 г. и его исключительной общественной роли[2].

Примечательно, что жена многолетнего сподвижника Струве, С. Н. Булгакова — Елена Ивановна Булгакова, вместе с мужем пережившая голод 1921 г. в Крыму, — именно в письме к Струве вспоминая о картине голода, особенно остановилась на неполитических, «общественнических» аргументах помощи голодающим, которые априори «выводили за скобки» политические и экономические факторы большевистского режима[3]:

[1] Струве П. Голод // Русская Мысль. 1921. Кн. V—VII. С. 279—281. Впрочем, эту его риторическую позицию следует уточнить хотя вот этим частным свидетельством. В августе 1921 жена П. Б. Струве, Н. А. Струве, под впечатлением растущих голодных бедствий, решила отправиться в Россию «на голод», несмотря на то, что ее, как жену активного участника белого движения и видного деятеля политической эмиграции, скорее всего, ожидали политические репрессии. Струве отвечал ей в частном письме: «Твою поездку в Россию я считаю безумием и преступлением по отношению к семье, посейчас вообще не выяснилось, смогут ли лица, уехавшие из России, ехать туда и для помощи голодающим. Я на все положение смотрю крайне пессимистически. Помощь оказать сколько-нибудь достаточно невозможно — миллионы людей погибнут, и хорошо будет, если только при этом погибнет, т. е. будет передавлена, в конце концов, и большевистская сволочь, т. е. коммунисты с Лениным во главе» (ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 2. Д. 98. Л. 59 об. — 60).

[2] Оболенский В. Воспоминания о 1891 голодном годе // Современные Записки. VII. 5 октября 1921.

[3] Существовала и не только оппозиционная тенденция такого «общественнического игнорирования» большевистского режима. Известный своим тогда произошедшим «примирением» с советской властью писатель А. Н. Толстой свидетельствовал, что главными внешними событиями на

«15/29 июня <1923>.

Многоуважаемый Петр Бернгардович, простите пожалуйста, что я займу у Вас несколько минут чтением моего письма, но я иначе не могу: меня день и ночь мучает одна мысль, от которой я никак не могу отвязаться. Это — о грядущем голоде в России. Я сама, если не буквально испытала, то была свидетельницей умирания от голода в 1921 году, и потому для меня мысль о грядущем голоде особенно осязательна. Я както живо, живо рисую себе картины медленного умирания от голода, полное обессиление. К нам в Ялту в 21 году приходили беднейшие жители деревень Мисхор, Кореиз и Гаспра, которых я знала с детства. Сначала они просили милостыню стоя, затем садились, потом уже лежали на набережной и только мычали, протягивая руку, а лица их становились всё темнее и землистее. Наконец, они умирали и их увозили за город. В двери нашей ялтинской квартиры весь день стучали, прося помощи. Мы давали скудные порции супа в банках из-под консервов далеко не всем, а хлеб давали лишь в виде исключения. И вот, подумайте, в это царство тьмы вдруг, неожиданно падал луч солнца: получались Аровские посылки[4]. Радовались не только те, кто их получал, и радовался весь город. По улицам везли тележки, нагруженные посылками и буквально на всех лицах было написано ликование, потому что ведь получавшие посылки делились со своими менее счастливыми знакомыми. Я думаю... Господи, неужели нельзя было бы начать кричать о голоде в зарубежной (русской) и иностранной прессе для того, чтобы американцы или англичане опять организовали эту помощь голодающим России?! Если делать это, т. е. начать призывать к помощи, то надо делать это сейчас, немедленно, потому что иначе будет поздно. Вы мне возразите, что это невозможно потому, что большевики постановили вывозить хлеб из России. Но, мне кажется, тут два совершенно различных момента. Хлеб будет вывозиться непосредственно после жатвы, подача же помощи в виде ли посылок или столовых должна быть оказана позднее, в сентябре-октябре. Это во-первых, а во-вторых — хлеб вывозит шайка грабителей, целью которой является высасывание последних соков из организма России, страдают же и будут страдать от голода не те, кто стоит во главе правления, а низшие слои, т. е. крестьяне, рабочие, обездоленные интеллигенты. Вы спросите меня: зачем я все это Вам пишу? Пишу я потому, что знаю Ваши связи, влияние, постоянные сношения с представителями заграничной прессы, и думаю, что никто, как Вы, сумеете [sic] повлиять в этом смысле на заграничную прессу. Ведь не все же заинтересованы в вывозе русского хлеба. Есть такие объективные органы, как «Times», которые способны, мне кажется, понять и втолковать читающей публике, что господа, вывозящие хлеб, это немногие — власть имущие, Россию не любящие, Россию губящие, а вся-то Россия (крестьяне, рабочие, интеллигенты), стонет и гибнет от этих хищений. Вы постоянно бываете заграницей, наверно имеете сношения с Лондоном, Америкой, Вам бы, может быть, не трудно было поднять целый крестовый поход в целях вызвать сочувствие тех,

пути признания интеллигенцией большевизма «были война с Польшей и голод в России» (Толстой А. Н. Собр. соч. Т. 10. М., 1986. С. 47).

[4] Администрация Американской Помощи (ARA — American Relief Administration) снабжала продуктами голодающих в России, начиная с августа 1921 г. В период наивысшей своей активности в России, летом 1922 г. ARA кормила 3 млн. детей и 4,7 млн. взрослых (Барихновский Г. Ф. Идейно-политический крах белой эмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921—1924 гг.). Л., 1978. С. 100).

кто может и хочет помочь голодающим России, открыть подписку на это дело... Тогда и жалкие гроши имущих эмигрантов тоже примкнули бы к общей сумме. Простите, что я Вам пишу. Вы, конечно, найдете мое письмо наивным и глупым, но мысль эта мучает меня день и ночь, и я не знаю, чтобы я могла сделать, лично я? Во всяком случае, не рвите моего письма, не подумав над ним хоть немного. Ведь Вы такой умный, а сейчас такой жуткий момент и так страшно, страшно...

Ваша *Е. Булгакова*»[5].

Именно эта презумпция того, что неполитическое действие помощи голодающим не может встретить препятствий со стороны советской власти, а затем, вероятно, и позволит оппозиции приобрести и некоторый политический вес, стало идеологической и психологической основой созданного по предложению небольшевистской общественности (мотором которой стали ветераны социалистического и либерального движения Е. Д. Кускова и С. Н. Прокопович, организатор Земгора Н. М. Кишкин) — и при посредничестве М. Горького — в июле 1921 г. Всероссийского комитета помощи голодающим (Помгола). Хотя в своей внутренней переписке вожди большевиков не скрывали предельно прагматического подхода[6], оппозиция могла праздновать победу: то, что было немыслимо в 1891 году, было достигнуто — создание Помгола было утверждено формально высшим органом государственной власти, Всероссийским Центральным исполнительным комитетом советов рабочих и крестьянских депутатов (ВЦИК). Его председателем стал один вождей РКП(б) Л. Б. Каменев, в комитет вошли властные большевики. Одновременно, во главе с почетным председателем, В. Г. Короленко, в Помголе собрались все видные деятели оппозиции, находившиеся в России.

Помголу было разрешено создать свой печатный орган — бюллетень «Помощь». Это было тем более важно, что в эпоху голода 1891 г., формирующаяся новая оппозиция смогла реализовать свою потребность в «политическом органе» лишь в виде «идейного сборника» — «Помощь голодающим. Научно-Литературный Сборник» (М., 1892), в котором приняли участие В. Г. Короленко, Н. К. Михайловский, А. П. Чехов, М. М. Ковалевский, Г. И. Успенский, В. С. Соловьев, Л. Н. Толстой[7]. Кстати, в том же июле 1921 г. в полном соответствии

[5] ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 1. Д. 136. Л. 56—57. Публикуется полностью.

[6] В. И. Ленин писал наркому здравоохранения Н. А. Семашко 12 июля 1921: «От Кусковой возьмем имя, подпись, пару вагонов от тех, кто ей (и эдаким) сочувствует. Больше ни-че-го» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 53. С. 25). За месяц и шесть дней своей работы Помгол собрал 100 млн. рублей пожертвований и 300 млн. рублей собственных средств (Исторические записки. Т. 77. М., 1965. С. 206).

[7] Попытка повторить опыт такого сборника обнаруживается и в издании «Помощь евреям, пострадавшим от неурожая. Литературно-Художественный Сборник» (СПб., 1901): с участием вновь В. Г. Короленко, Б. Н. Чичерина, М. М. Ковалевского, П. И. Новгородцева, П. Б. Струве, С. Н. Булгакова, В. В. Вересаева, В. С. Соловьева, М. Горького. О традиции и роли «идейных сборников» см.: Колеров М. Индустрия идей: Русские общественно-политические и религиозно-философские сборники 1887—1947 М., 2000.

с традицией, точно такой же сборник был поставлен в планы небольшевистской интеллигенции. 29 июля 1921 г. М. О. Гершензон писал А. М. Ремизову: Е. И. Замятин «и прочие просят Вас: Нет ли у Вас завитушки какой для петербургского сборника в пользу голодающих?»[8] Учитывая, что редактором бюллетеня «Помощь» был близкий к этим литературно-художественным кругам М. А. Осоргин, можно предположить, что проект замятинско-гершензоновского сборника *«в пользу голодающих»* был прямо связан с планами Помгола, вдохновляемыми памятью о том, *как это делалось в 1891 году.*

Кроме своих прямых обязанностей покупать и распределять продовольствие и привилегии рассказывать о своей работе обществу, Помгол 1921 г. получил невиданное по меркам 1891 г. право образовывать отделения на местах и за рубежом, что в замысле напоминало сеть «общественных» институтов периода Первой мировой войны: Центрального Военно-промышленного комитета и Всероссийского земского и городского союза (Земгора), послуживших действенной инфраструктурой для антимонархического переворота в феврале 1917 г.[9] Советский историк цитировал один из откликов западной прессы, который, безусловно, был принят во внимание большевиками и вовсе не опровергался активистами Помгола — Frankfurter Zeitung писала о Помголе: «Повсюду в мире создалось впечатление, что Всероссийский комитет помощи — не что иное, как зародыш будущего коалиционного правительства»[10].

В полной мере понимая намерения и историческую память оппозиции, 26 августа 1921 г. В. И. Ленин предложил Политбюро ЦК РКП(б) распустить Помгол и репрессировать его руководителей из числа «общественников», что и было исполнено. Попытка повторить общественный опыт 1891 г. провалилась.

[8] Из архива М. О. Гершензона. I. Письма А. М. Ремизова / Публ. Т. М. Макагоновой // Река времен. Кн. 3. М., 1995. С. 168.

[9] Об этом, например: Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и на революцию. 1907—1917. М., 2003.

[10] Мухачев Ю. В. Идейно-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982. С. 232.

КАТРИОНА КЕЛЛИ

Лаборатория по выработке рабочих писателей: стенгазета, «культурность» и политический язык в ранний советский период[1]

Единственной у нас формой массовой газеты я считаю стенную газету
К. Новицкий, 1924[2]

Введение: историография массового языка

Приблизительно в последнее десятилетие XX в. историография России с некоторым запозданием претерпела «лингвистический поворот», который ранее прошла историография Западной Европы, Америки и Азии[3]. Представления социальных историков и историков литературы о приемлемости источников расширились почти до бесконечности, в оборот вошли тексты, к которым в предыдущие десятилетия исследователи и того, и другого направления относились с большим подозрением или просто их игнорировали. Подобные источники включают письма, дневники и мемуары, продукцию коммерческой культуры, например, популярные песни, тексты объявлений, издания для массового рынка и печатные однодневки, журна-

[1] Отчасти данная статья основана на 4-й главе моего исследования российской поведенческой литературы Refining Russia: Advice Literature, Gender, and Polite Culture from 1760 (Oxford: Oxford University Press, 2001). Мне бы хотелось поблагодарить Британскую академию за щедрую поддержку, выразившуюся в финансировании нескольких исследовательских поездок в Россию и Финляндию в рамках этого проекта. Выражаю благодарность также Дэниэлу Биру, Стивену Ловеллу и Стиву А. Смиту за помощь в поиске источников и литературы по «стенгазетам».

[2] Рабкор и стенная газета. М., 1924. С. 56.

[3] Примеры исторических исследований, основанных на тексте (речь идет лишь об англоязычной историографии): E. Hobsbawm and T. Ranger (eds.), The Invention of Tradition (Cambridge: Cambridge University Press, 1983); N. Zemon Davis, Society and Culture in Early Modern France (Stanford: Stanford University Press, 1975) and eadem, Fiction from the Archives (Stanford: Stanford University Press, 1988); E. P. Thompson, Customs in Common: Studies in Traditional Popular Culture (London: Merlin Press, 1991); Joan Wallach Scott, Gender and the Politics of History (New York: Columbia University Press, 1988); David W. Sabean, Power in the Blood: Popular Culture and Village Discourse in Early Modern Germany (Cambridge: Cambridge University Press, 1984); Robert Darnton, The Forbidden Best-Sellers of Pre-Revolutionary France (New York: Harper Collins, 1995). По некоторым вопросам, связанным с «лингвистическим» (или «культурным») поворотом, полезно обратиться к Victoria E. Bonnell and Lynn Hunt (eds.), Beyond the Cultural Turn (Berkeley: University of California Press, 1999).

листику и широкую полемику [4]. Привлечение таких источников не является полным новшеством в контексте русской культуры (как русские формалисты ранней советской эпохи, в первую очередь Виктор Шкловский, позже — Лидия Гинзбург, так и их наследники, тартусские семиотики 1960-х и 1970-х, известны своими работами в некоторых из этих областей) [5]. Однако, теперь рамки раздвинулись еще шире и включают, например, популярную культуру, помимо фольклора в общепринятом понимании, а также письма и воспоминания не только крупных фигур, ранее становившиеся предметом отдельных исследований [6], но и простых людей. В то же время источники более традиционного типа (такие, как законодательные акты или речи политиков) отныне рассматриваются не только как прозрачное отражение социальных изменений или же просто как выражение идеологии, а как набор риторических структур, воспроизводящих самые разнообразные культурные шаблоны, многие из которых неподвластны воле отдельных лиц, формирующих их [7]. Пусть среди российских специалистов редко встречается «постмодернистское» убеждение в том, что за языком не стоит никакой реальности [8]. Тем не менее про-

[4] Примеры (опять только книги, и только по-английски): Beth Holmgren, Women's Work in Stalin's Time: On Lidiia Chukovskaia and Nadezhda Mandelstam (Bloomington: Indiana University Press, 1993); Jeffrey Brooks, When Russia Learned to Read (Princeton: Princeton University Press, 1985); G.S.Smith, Songs to Seven Strings: Russian Guitar Poetry and Soviet «Mass Song» (Bloomington: Indiana University Press, 1984); Catriona Kelly, Petrushka, the Russian Carnival Puppet Theatre (Cambridge: Cambridge University Press, 1990); Louise McReynolds, The News under Russia's Old Regime: The Development of a Mass Circulation Press (Princeton: Princeton University Press, 1991); Richard Stites, Russian Popular Culture (Cambridge: Cambridge University Press, 1992); Faith Wigzell, Reading Russian Fortunes: Print Culture, Gender, and Divination in Russia from 1765 (Cambridge: Cambridge University Press, 1998); Mark D.Steinberg, Moral Communities: The Culture of Class Relations in the Russian Printing Industry, 1867—1997 (Berkeley: University of California Press, 1992); и статьи, собранные в S.P.Frank and M.D.Steinberg (eds.), Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia (Princeton: Princeton University Press, 1994).

[5] См. например: Гинзбург Л. О психологической прозе. Изд. 2-е. Л., 1977.

[6] Как, например, в «О психологической прозе» Гинзбург, где автор рассматривает мемуары и переписку таких знаменитых фигур, как Герцен и Белинский, или в W.M.Todd, The Familiar Letter as a Literary Genre in the Age of Pushkin (Princeton: Princeton University Press, 1976), где затрагивается литературная переписка Пушкина и его круга.

[7] См., например, Laura Engelstein, The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin de Siecle Russia (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1992); Joan Neuberger, Hooliganism: Crime, Culture and Power in St Petersburg, 1900—1914 (Berkeley: University of California Press, 1993); Hubertus Jahn, For Tsar and Fatherland:Patriotic Culture in Russia During World War I (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1995); Susan Morrissey, Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism (New York: Oxford University Press, 1998). Полезной антологией работ, пересекающих рубеж 1917 года, является L. Engelstein and S.Sandler (eds.), Self and Story in Russian History (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2000).

[8] См., например, Steve A.Smith, «Writing the history of the Russian Revolution after the fall of communism», Europe Asia Studies 46 (1994), 577—8 (п. 5): «Имеются убедительные философские основания — связанные с тем, что постмодернизм в своем безапелляционном отказе от каких-либо форм эпистемологического реализма отрицает посредническую роль в царстве языка — для проведения границы между дискурсивной и недискурсивной сферами. Каким бы проблематичным ни было такое разделение, его появление представляется мне фундаментальным актом, которым история заявляет о себе как о дисциплине. А история, избегающая концепций, основан-

изошел важный поворот от причин (попросту говоря, от исторических «почему» или «если») к процессам (к историческим «как»), в свою очередь вызвавший модуляцию причинности, и последняя теперь охватывает не только социоэкономические и политические структуры и институты, но и символические реальности. Несколько исключительно интересных и новаторских работ этого направления посвящены раннему советскому, а также позднему имперскому периоду. Исследователи литературы подвергают переоценке карьеру так называемых «официальных» авторов, таких, как Мариэтта Шагинян, Леонид Леонов и Ольга Берггольц, в сферу научных интересов отныне входят как «письменность» в самом широком смысле, так и невербальные тексты, а историки общества обратились к областям, которые прежде упускались из вида — а именно, к исследованию частной жизни — чтобы разобраться в хитросплетениях «русской цивилизации» как целого[9].

Но можно пойти еще дальше. В частности, важно сохранять чувство жанра и контекста конкретных высказываний[10]. Необходимо также поставить вопрос о взаимоотношениях между официальными дискурсами (соцреалистическая ли-

ных на этом разделении, таких, как репрезентация, определение или посредничество — пусть они функционируют только как риторические приемы — оказывается значительно обедненной». Ср. Laura Engelstein, «Culture, culture, everywhere: interpretations of modern Russia across the 1917 divide», Kritika 2:2 (Spring 2001), 363—93, esp. p. 386.

[9] Помимо процитированных ниже работ Коткина, Хархордина, Дэвиса и Волкова, см., например, David Shepherd, Beyond Metafiction: Self-Consciousness in Soviet Literature (Oxford: Oxford University Press,1992); Katharine Hodgson, Ol'ga Berggol'ts (forthcoming, London: British Academy, 2002); Katerina Clark, St Petersburg: Crucible of Cultural Revolution (Cambridge, Mass: Harvard University Press., 1995); Eric Naiman, Sex in Public: The Incarnation of Early Soviet Ideology (Princeton: Princeton University Press, 1997); James von Geldern, Bolshevik Festivals 1917—1920 (Berkeley: University of California Press, 1993); Elizabeth A. Wood, The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia (Bloomington: Indiana University Press, 1997); Victoria Bonnell, Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin (Berkeley: University of California Press, 1997); Yuri Slezkine, Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1994); John McCannon, Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union, 1932—1939 (New York: Oxford University Press, 1998); Sheila Fitzpatrick, Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s (New York: Oxford University Press, 1999); Anne Gorsuch, Youth in Revolutionary Russia: Enthusiasts, Bohemians, Delinquents (Bloomington: Indiana University Press, 2000); Igal Halfin, From Darkness into Light: Class, Consciousness and Politics in Revolutionary Russia (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2000); и статьи, собранные в S. Fitzpatrick (ed.), Stalinism: New Directions (London: Routledge, 2000).

[10] Известное чувство контекста отсутствует, например, в новаторском и интересном исследовании массового инакомыслия Sarah Davies, Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda, and Dissent, 1934—1941 (Cambridge: Cambridge University Press, 1997). Предпринятая в этом труде попытка «высвободить [голоса простых людей] и позволить им, насколько возможно, говорить самих за себя» (p. 1) вполне похвальна, но встает вопрос: каким образом делать широкие выводы об уровне народного недовольства на основании анонимных текстов, охватывающих столь широкий спектр жанров. Безусловно, легко представить себе гипотетическую ситуацию, в которой один и тот же человек, если условия позволяют или благоприятствуют этому, может пожаловаться, выдать рискованную политическую шутку на дружеской вечеринке и сочинить традиционно сформулированную похвальную речь своему начальнику, причем она не обязательно будет менее искренней, чем зубоскальство в присутствии коллеги по поводу того же самого начальника.

тература, журналистика, фильмы, нормативные тексты, такие, как правила поведения в классе или в метро) и тем, как они отзываются в ментальной вселенной реальных читателей[11]. Популярность анализов, основанных на «Цивилизующем процессе» Норберта Элиаса (где ставится знак равенства между руководствами по поведению и реальным поведением, а изображение культурных изменений подается с неизменной линейностью и отсутствием нюансов)[12], объясняет распространенность в современной историографии «неототалитарной» модели советского общества, хотя она и приобретает глубину в контексте разносторонней критики модернизационных процессов в западном (в самом широком смысле) мире после эпохи Просвещения. Согласно таким интерпретациям, субъекты советской истории были вынуждены искать смысл своей жизни исключительно в рамках, заданных официальными правилами поведения, причем эти рамки сейчас воспринимаются как созданные не только силой запретов, но и силой разрешений[13].

В этом последнем контексте наиболее цитируемой фигурой оказывается Мишель Фуко, невзирая на то, что этот сложный и трудный для понимания мыслитель признавал существование пространства, неподконтрольного гегемоническому дискурсу. Как он пишет в «Истории сексуальности», «Не следует думать, что говоря сексу "да", мы говорим власти "нет"; наоборот, мы движемся по колее, проложенной общим развитием сексуальности. Именно посредством секса мы должны вырываться на свободу, если собираемся — через тактический отказ от различных механизмов сексуальности — противопоставить тискам власти требования тела, удовольствий и знаний в их многообразии и возможности к сопротивлению. Точкой сбора сил для контратаки на сексуальность должны стать не стремление к сексу, а тела и удовольствия». На этом Фуко прерывается, не вдаваясь в вопрос, ка-

[11] См. новаторские наблюдения о «читательских конференциях» и пр. в Thomas Lahusen, How Life Writes the Book: Real Socialism and Socialist Realism in Stalin's Russia (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1997), 152—78.

[12] Norbert Elias, Über den Prozess der Zivilisation (1939); английское издание — The Civilizing Process, trans. E. Jephcott (Oxford: Blackwell, 1982). Один из многих примеров того, как Элиас выводит поведение из предписания, см. на с. 155: «Тенденция цивилизующего процесса придать больше интимности всем телесным функциям, спрятать их в конкретных тайниках, убрать их "за запертые двери" ведет к многочисленным последствиям. Одно из самых важных [...] особенно хорошо заметно на примере развития цивилизующих сдержек сексуальности [...] Мы видели, каким образом все эти функции постепенно заряжались социгенетическим стыдом и смущением, так что само упоминание о них в обществе все более ограничивалось многочисленными правилами и запретами. Чем дальше, тем больше сами эти функции и все упоминания о них оказывались скрытыми». Примеры исследований раннего советского общества на основе работы Элиаса: V. Volkov, «The concept of kul'turnost: notes on the Stalinist civilizing process», in Fitzpatrick (ed.), Stalinism: New Directions, 210—30; N. Kozlova «On the Cognitive-Normative Mapping of Soviet Civilization: The Space Beneath», in M. Bryld and E. Kulavig (eds.), Soviet Civilization between Past and Present (Odense Slavic Studies vol. 10), 95—113.

[13] См., например, Volkov, «The concept», 216; Stephen Kotkin, Magnetic Mountain: Stalinism as A Civilization (Berkeley: University of California Press, 1995); Oleg Kharkhordin, The Collective and the Individual in Soviet Society: A Study of Background Practices (Berkeley: University of California Press. 2000).

ким образом «тела и удовольствия» могут избавиться от «посредничества секса», которое он сам же называет всепроникающим, но важно то, что автор допускает существование пространства для сопротивления гегемоническим нормам [14].

Возможность многообразных и модулированных ответов на доминирующие кодексы более ясно выражается в работах Мишеля де Серто. По словам Серто, «наличие и распространение представлений [...] ничего не говорит нам о том, чем они являются для тех, кто ими пользуется. Сперва мы должны рассмотреть, как ими манипулируют те пользователи, которые не входят в число их создателей. Только после этого мы сможем оценить различие или сходство между созданием образа и его вторичным созданием, скрытым в процессе его применения» [15]. Среди примеров, приведенных Серто — реакция на предустановленный архитектурный облик городов, когда люди прокладывают свои собственные пути и тропинки; в русском контексте можно указать на пользование проходными дворами, чтобы избегать помпезных проспектов удручающей длины и ширины [16]. Точно так же можно указать на то, как реальные читатели ходят самыми разными «путями» по пропагандистским текстам, а их реакция включает не только добросовестное усвоение навязываемого смысла или его презрительное отрицание, но и самые разнообразные формы и уровни вовлечения в него. Разумеется, широкое государственное регулирование производства и распределения печатной продукции в Советском Союзе вело к тому, что избежать печатной пропаганды в какой-либо форме было крайне трудно; безусловно, только что получившие образование советские читатели вполне могли относиться к официальной литературе с тем же благоговением, с каким дореволюционные крестьяне и рабочие относились к печатному тексту, включая и «макулатуру» — такую, как гадательные книги или авантюрные романы [17]. Равным образом, упрощенное противопоставление «публичного» конформизма и «частного» самоутверждения оказывается натяжкой: в условиях, когда многие советские граждане спали на койках в бараках или на одной кровати в съемной комнате, уход в частную жизнь не был реальной возможностью [18]. Но хотя в Советском Союзе не имелось особых возмож-

[14] La Volonté de savoir (1976); Английское издание — The History of Sexuality. Vol. 1, trans. R. Hurley, (London: Penguin, 1990), 157.

[15] M. de Certeau, The Practice of Everyday Life, trans. S. Rendall (Berkeley: University of California Press, 1988), 12. Ср. обсуждение в Roger Chartier, «Intellectual history and the history of mentalités: a dual re-evaluation», in his Cultural History: Between Practices and Representations, trans. L. Cochrane (Oxford: Polity Press, 1988), 19—52.

[16] Такой способ передвижения постепенно начал исчезать в постсоветский период, когда местные жители стали вешать объявления «Этот двор не проходной» в попытке «приватизировать» свои дворы.

[17] О государственном контроле см.: Добренко Е. Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997; о благоговении читателей из крестьян и рабочих перед книгами см. Stephen Lovell, The Russian Reading Revolution: Print Culture in the Soviet and Post-Soviet Eras (Basingstoke: Macmillan, 2000), 13—17. О чтении гадательной литературы см. Wigzell, Reading Russian Fortunes, особ. ch. 3.

[18] О разделении общественного и частного см., например, E. Zubkova, Russia after the War: Hopes, Illusions and Disappointments, 1945—1957 (Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1998), 201. Убедитель-

ностей существовать за пределами официального дискурса, мы отнюдь не должны ставить обязательный знак равенства между содержанием этого дискурса и реакцией реальных читателей, что видно на примере кампании за «культурность», которую советское государство упорно вело с начала 1920-х гг., а конкретно — на примере стенгазеты, важнейшего инструмента в процессе внедрения «культурности» в заводскую среду. Настоящая статья представляет собой предварительный анализ этого важного жанра, который создавался как проводник для благопристойного и соответствующим образом сформулированного общественного мнения, но чаще функционировал как иллюстрация несоответствия между официальными концепциями низовой практики и ее реальным содержанием. Однако, прежде чем перейти к собственно стенгазете, было бы полезно вкратце очертить главные характеристики «культурности», или цивилизованного поведения, как его определяло советское государство.

Советская «культурность»: пропагандистские источники и реакция на них

Как широко признается во вторичной литературе, модель «культурности», заданная пропагандистскими источниками (до середины 30-х гг. прежде всего брошюрами, а позже в первую очередь массовыми журналами, такими, как «Огонек», «Работница» и «Крестьянка»), являлась и цельной, и доступной для населения [19]. Культурному человеку полагалось быть квалифицированным, трудолюбивым, пунктуальным, знакомым с важными политическими событиями, отзывчивым членом коллектива, аккуратным в своих гигиенических привычках, закаленным, дисциплинированным (в смысле подчинения партийному и производственному начальству) и занятым интеллектуальным самосовершенствованием, хотя не до такой степени, чтобы создавалась угроза стабильности коллектива, к которому он принадлежал. Он должен был понимать, что чтение и письмо —

ную критику чрезмерных упрощений, связанных с таким противопоставлением, см. в Jochen Hellbeck, «Fashioning the Stalinist soul: the diary of Stepan Podlubnyi, 1931—9', in Fitzpatrick (ed.), Stalinism: New Directions, 77—116, особ. 95. В принципе эта дихотомия обладала ценностью в жизни некоторых инакомыслящих советских интеллектуалов, например, Анны Ахматовой, чья антисоветская поэма «Реквием» была зачитана ею избранным посвященным в своей комнате: см. Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т. 1. М., 1989, и обсуждение в Holmgren, Women's Work in Stalin's Time.

[19] Помимо Volkov, «The concept», и Kharkhordin, The Collective, см. также V. Volkov and C. Kelly, «Directed desires: Kul'turnost' and consumption» in C. Kelly and D. Shepherd (eds.), Constructing Russian Culture in the Age of Revolution (Oxford, 1998), 291—312; S. Fitzpatrick, «Becoming Cultured: Socialist Realism and the Representation of Privilege and Taste» в ее The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia (Ithaca: Cornell University Press, 1992), 216—37; R. Maier, 'Die Hausfrau als kul'turtreger im Stalinismus', in G. Gorzka (ed.) Kultur im Stalinismus: Sowjetische Kunst der 1930er bis 1950er Jahre (Bremen, 1994); J. Hessler, 'Cultured Trade: the Stalinist turn towards consumerism', in S. Fitzpatrick (ed.), Stalinism: New Directions (London: Routledge, 2000), 182—209.

социально ответственная деятельность. Руководства под заголовками «Как читать» сообщали читателям, что те должны изучать книги серьезно, прямо сидя за столом, с карандашом в руке, подчеркивая важные места и делая аккуратные заметки[20]. Другие, дополнительные руководства устанавливали способы, которыми люди, занимающиеся самообразованием, должны были передавать своим товарищам информацию, почерпнутую из книг — в форме либо докладов, либо письменных сообщений (скажем, писем и заметок в газету); все эти руководства доносили до читателей необходимость ясности, связности и четкости в передаче сведений, а также идеологической выдержанности (обычно она подразумевалась под такими эвфемизмами, как «злободневность»)[21].

Несомненно, что примеры «культурных людей» в понимании советской пропаганды действительно существовали. Уцелевшие в российских библиотеках экземпляры брошюр того типа, о котором идет речь, нередко содержат старательные подчеркивания, сделанные читателями, которые читали в буквальном смысле «культурно», как им советовали в этих руководствах. А у некоторых читателей приверженность к требованиям «культурности» шла еще дальше. В 1934 г. Леонид Потемкин, студент Свердловского горного института и сын провинциального почтальона, вел лицемерный дневник, в котором тщательно фиксировал свои прилежные занятия и постепенное продвижение по дороге самосовершенствования («Наградой мне служит стремление овладеть культурой, понимать искусство, любить прекрасное [...] Я отмечаю свой 22-й день рождения в праздничном настроении, которое приходит ко мне во время контрольных, экзаменов и зачетов»)[22]. Подобные исторические фигуры пришли на смену энтузиастам книг по самообразованию Самуила Смайльса, трактатов Льва Толстого и Н. А. Рубакина, — такие люди в больших количествах появлялись в конце XIX и начале XX вв.[23]

Однако ревностные «культурники» наподобие Потемкина оставались — насколько возможно определить — в меньшинстве даже в конце 1930-х гг., после

[20] См., например: Керженцев П. Как читать книгу. 1924. Переиздано в: Организуйте самого себя! М., 1925. Обсуждение этого и подобных руководств см. в Lovell, The Russian Reading Revolution, 35, 168 n. 38; и в моей Refining Russia, 270—4. В книге Ловелла также содержится превосходный широкий анализ конструктов советского читателя (о раннем советском периоде см. ch. 1).

[21] См., например, Миртов А. В. Уменье говорить публично. М., 1925; Петров А. А. Как работать над докладом. М. -Л., 1929; Шенгели Г. А. Как писать статьи, стихи и рассказы. М., 1926; Он же. Школа писателя: Основы литературной техники. М., 1929; Как и о чем писать в газету? М., 1928; Грунт Я. Как и о чем писать рабкору. М., 1925. Превосходное обсуждение изданий первого типа см. в Michael S. Gorham, «From charisma to cant: models of public speaking in early Soviet Russia», Canadian Slavonic Papers 38:3—4 (1998), 331—56.

[22] Цит. в обратном переводе с английского. См. V. Garros, N. Korenevskaia, and T. Lahusen (eds.). Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930s, trans. C. A. Flath (New York: The New Press, 1995), 252, 259. Другой подобный пример — Степан Поддубный, о котором говорится в Hellbeck, «Fashioning the Stalinist soul».

[23] Об аудитории книг по самообразованию в позднюю имперскую эпоху и пределах их влияния см. C. Kelly, «Self-Interested Giving: Bribery and Etiquette in Late Imperial Russia', in A. Ledeneva, S. Lovell and A. Rogachevskii (eds.), Bribery and Blat in Russia (Basingstoke: Macmillan, 2000).

того, как через советскую школьную систему прошло более двух поколений, и когда уровень грамотности поднялся так высоко, что теоретически советская пропаганда стала доступна для большей части населения. Об этом можно судить, например, по замечательной антологии частных писем под редакцией В. Зензинова «Встреча с Россией», впервые изданной в 1944 г.[24] Собранные в этой книге 277 писем — найденные на телах красноармейцев, убитых в ходе советско-финской «Зимней войны» 1939 г. — написаны русскими рабочими и крестьянами из самых разных больших и малых городов и более или менее отдаленных деревень из всех уголков европейской России. Иногда в них встречается уважение к «культурности» — например, его проявляет некий корреспондент, в письме к крестному (так!) похваляющийся тем, что «в моей жизни прой-зошли (так!) некоторые изменения, а именно: вступил в комсомол и получил комсомольский билет, уже 3-ий месяц. За 1938—39 год вырос на четыре сантиметра и повысил свой вес на 3 кл. 750 гр., а так же я повысил свой уровень знаний как ученических, так и политических. За первую четверть получил следующие отметки: 4 отличных, 6 хороших, 4 посредственных, а плохих нет». Но это письмо написано, опять же, подростком (примерно 16 лет), живущим в поселке городского типа (при нефтеперегонном заводе в Кировской области)[25]. Подавляющее же большинство корреспондентов, особенно жителей деревни, интересовалось не тем, как приобрести культуру и тем более «культтовары», а скорее тем, как свести концы с концами. Их письма полны жалоб на нехватку необходимого (солдаты просили помочь им с обувью, одеждой, даже с бумагой и чернилами для писем), упоминаний о местных и семейных праздниках (пьянство вместо политсобраний в день 7 ноября, свидания с женами, матерями, отцами, братьями), о стычках с бездушными чиновниками. Более того, большинство авторов писали отнюдь не в «культурной манере». Их письма лишены знаков препинания и выглядят явно преднамеренным потоком информации, в котором стилистическая разномастность и смешение тем идут рука об руку. В некоторых письмах появляются такие эпистолярные штампы, как рифмованные зачины и концовки («Добрый день, веселый час! Пишу письмо, не вижу вас» в качестве приветствия и «жду ответа, как соловей лета»), которые официальная советская критика клеймила как «вульгарные» и «мещанские», а в других — особенно от пожилых корреспондентов из отдаленных деревень — формулировки, очевидно, придуманные деревенским писцом или скопированные со стандартных писем, сочинявшихся такими писцами за плату[26]. К ним прибавлялись

[24] Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе / Под ред. В. Зензинова. Нью-Йорк, 1944. Выражаю благодарность Мартину Дьюхирсту, привлекшему мое внимание к этому источнику. Книга Зензинова снабжена также объемным вступлением, в котором описывается, как были обнаружены эти письма, и анализируется их содержание.

[25] См.: Зензинов (ред.). Встреча... Письмо 8. С. 291 (здесь и далее сохраняется орфография оригинала).

[26] См.: Зензинов (ред.). Встреча... Письмо 11. С. 294: «Во первых строках нашего письма кланемся тебе и желаем всего хорошого и доброго здоровия».

официальные лозунги (корреспонденты не всегда знали, как правильно писать такие фразы, как «Вас прошу стоять настраже границ бдительно и зрко (так!)»[27], но сама эта фраза впечаталась в сознание благодаря радио, газетам, плакатам и митингам), формулировки из военной пропаганды («и как вы развозили Ворошиловские канфетки (так!) по бывшей Польше»), а также случайные цитаты (обычно в искаженном виде) из русских классических текстов, входивших в школьную программу[28].

В частных письмах подобного рода не только присутствующие признаки (цитаты из популярных песен, лозунги), но и отсутствующие (скудность, хотя ни в коем случае не полное отсутствие ссылок на религию, относительная редкость традиционных эпистолярных формулировок) придают отчетливо «советский» характер этим средствам коммуникации. Судя по письмам Зензинова, пропагандистское представление о Советском Союзе как о государстве, окруженном хищными внешними врагами, находило реальный отклик в конце 1930-х гг., в отличие от культа Сталина, пусть советско-финская война и была крайне непопулярна[29]. Но несмотря на все это, на уровне конкретной практики и характерных выражений, выступавших как противоположность навязанным представлениям, «общая почва» уходила из-под ног. Многие советские люди не столько научились «говорить по-большевистски» — по выражению Стивена Коткина — сколько заговорили на своего рода бессистемно идеологизированном пиджине, в котором популярные песни, отрывки из книг, которые проходили в школе, фольклор, а также оценки и фразы из самых разных популярных печатных источников перемешались в неиерархизированную кашу[30]. Влияние огромного количества конкурирующих и противоречивых дискурсов спутало или затмило всякие представления об отдельных объектах. Представители советской гегемонии порой сами затруднялись определить, как следует понимать те или иные слова представителей «масс» или «народа». Например, в конце 1940-х гг. редакция «Комсомольской правды» пыталась превратить следующее письмо ученика в документ, пригодный для публикации: «Привет в редакцию из далекого Мезмая. Я ученик школы ФЗО № 19, которая находится в горах Краснодарского края. Тульского

[27] Зензинов (ред.). Встреча... Письмо 38. С. 321 (от рабочего из Москвы, брата призывника, которому, скорее всего, было чуть больше двадцати лет).

[28] «Ворошиловские конфетки» появляются в письме 8, с. 291. В письме 15 на с. 298 (от стахановки Зинаиды Бухневой, жившей в Воронеже) присутствует искаженная версия первых строчек пушкинского письма Татьяны к Онегину, смешанных с популярными виршами:

митя я к вам пишу чегоже больше
что я могу еще сказать теперь я знаю
Вашей воле от вас карточку буду ждать.

[29] Редкое упоминание о Сталине — «мы еще стотимся [т. е. сплотимся] вокруг нашего друга и любимого отца товарища Сталина» — встречается в письме солдата к своему брату: Зензинов (ред.). Встреча... Письмо 56. С. 341. Вообще же бросается в глаза отсутствие упоминаний о вожде.

[30] Превосходный анализ подобных материалов 1920-х гг. содержится в Michael Gorham, «Tongue-tied writers: the *Rabselkor* movement and the voice of the new intelligentsia», Russian Review 55 (1996), 412–29.

района, поселок Мезмай. Здесь чудесная природа [Описывает, как поехали на экскурсию в «Угамское ущелье» — тов. Меньшиков из редакции «Комсомольской правды» считал, что имелось в виду «Гуамское ущелье»]. С горы мы пускали камни, что очень интересно, что камень очень далеко катится [...] Поселок Мезмай маленький, но сюда приходит знаменитая железная дорога, есть лесозавод, имеется радиоузел, есть клуб, почта, магазин, и прочее создано для населения Мезмая. Но школа ФЗО заброшена. Электропросвет очень плохой, горит день тускло, письмо написать или прочитать газету нельзя, радио в школе нет. Газету дают в неделю 2—3 раза, и то не все номера газет. Дают в группу 35 человек по одному экземпляру. Коллективных читок нет»[31].

Это письмо обсуждалось на сессии самокритики в редколлегии «Комсомольской правды» в 1950 г. Редактор газеты решил, что его подчиненные неправильно обошлись с первоначальным текстом, превратив его в «жалкую жалобу», лишенную оптимизма. Редакционные опасения такого рода, естественно, отчасти вызывались вопросом, с каким именно «посланием» следует выступить самой редколлегии. В системе, где письма читателей использовались для обозначения официальной смены политического курса еще до того, как он происходил — тем самым давалось понять, что поворот стал ответом на требования масс — а также для демонстрации одобрения этого поворота, от редакторов требовалось предугадывать настроения руководства страны, а затем подбирать письма, соответствующие этим прогнозам. Но отредактировать такой документ, как письмо мезмайского школьника, чтобы получилось что-то однозначное, было бы затруднительно при любых обстоятельствах. Жалоба ли это или выражение местной гордости? Некоторым образом оно свидетельствует, что автор усвоил требования советской «культурности», и даже его жалобы поданы «культурно». Но в то же время пассаж про то, как «с горы мы пускали камни», больше напоминает двух крестьян в начале гоголевских «Мертвых душ», размышляющих о том, доедет ли это колесо в Казань, чем изображения советских пейзажей в соцреалистических романах и в газетах. В данном письме присутствует «осадок невразумительности, мешающий какому-либо анализу»[32]. Оно демонстрирует, каким образом даже авторы, искренне считавшие, что они пишут так, как положено патриотичным советским гражданам, избегали жесткости официальных идеалов «культурности». Как мы увидим, то же самое очевидно и в случае писем рабочих и других советских служащих, предназначавшихся для стенгазет.

[31] Письмо отправлено в «Комсомольскую правду» в 1949 г., но не было опубликовано в оригинальном виде (Заседание партийно-производственной конференции «Комсомольской правды», посвященной редакционной работе с письмом от 17 апреля 1950, Центр хранения документов молодежных организаций (ЦХДМО). Ф. 1. Оп. 32. Д. 624. Л. 25).

[32] Выражение позаимствовано из образцового исследования популярного дискурса Carlo Ginzburg, The Cheese and the Worms, trans. J. and A. Tedeschi (London, 1980), XXVI. Фриульский мельник Гинзбурга не считал себя «еретиком», но его космография самым причудливым образом противоречила официальному христианству; мезмайский школьник представляет собой не столь живописный пример того же феномена в условиях советского коммунизма.

Стенгазета: введение в жанр

Термин «стенгазета» не нуждается в представлении кому-либо, знакомому с жизнью в Советском Союзе из первых рук. Стенные газеты были широко распространены с середины 20-х гг. до 1991 г.: их можно было видеть на заводах и в учреждениях, в учебных заведениях, поликлиниках, больницах и жилых домах; даже в лагерях были свои стенгазеты. Но поскольку с тех пор этот жанр более или менее вымер, не обеспечивая даже маргинального существования некоторых других агитационных жанров, таких, как доски почета[33], он требует некоторого объяснения для тех, кто не знаком с советскими реалиями. «Стенные газеты» представляли собой листы бумаги с заметками, сделанные служащими советского предприятия или учреждения (в 1930-х гг. даже семьям рекомендовалось выпускать свои стенгазеты)[34]; стегазеты крепились на досках объявлений, стендах и просто на стенах. Иными словами, это был поджанр того же самого стенда, на котором вывешивались официальные газеты и заводские малотиражки, плакаты и официальные сообщения (приказы руководства и т. д.)

По некоторым причинам стенгазета является особенно привлекательной областью для исследования отношений между предписанием и реакцией на него. Во-первых, это был поучающий и воспитывающий жанр, дающий своим читателям советы не только по политграмотности, но и по трудовой практике и по приличиям в повседневной жизни («социалистический быт»). Во-вторых, он сам по себе создавался под влиянием руководств нескольких типов. Крайне важным фоном для стенгазеты в первую очередь являлись брошюры по «культуре труда», то есть правильному поведению на работе — имеются в виду не практические инструкции, как сваривать трубы или работать на токарном станке, а абстрактные поучения о необходимости трудиться эффективно и производительно[35]. Существенное значение имели и материалы по подготовке номера. В них входили не только ру-

[33] Доска почета, свежеокрашенная и в превосходном состоянии, существовала по крайней мере в конце 1990-х гг. в Кузьминском районе Москвы (и находилась, между прочим, на улице Юных Ленинцев), не говоря про стенды с неокоммунистическими газетами; но стенгазеты не встречались мне даже в таких коммунистических районах.

[34] См., например, портрет образцовой матери — Прасковьи Ивановны Лапохиной, вдовы с шестью детьми; в столовой их двухкомнатной квартиры находилось не только расписание режима дня, но и семейная стенгазета: Сергеева Н. Примерная семья // Работница. 1935. № 12. С. 16. Поощрение подобных стенгазет находилось в рамках общей кампании по созданию смычки между семьей и широким коллективом, характерной для середины 30-х гг. В скольких семьях реально имелись стенгазеты, сказать невозможно: единственный известный мне пример — когда семья выпускала стенгазету с шутливыми пародиями на учебные материалы (выражаю благодарность И. М. Пушкаревой за эту информацию, которая относится к концу 1950-х и началу 1960-х гг.)

[35] См., например: Керженцев. Организуйте самого себя!; или А. Гастев. Как надо работать. Изд. 2-е. М., 1926. (Последняя была одной из сотен брошюр, изданных под эгидой НОТ («Научная организация труда») конца 1920-х гг.) Этот жанр абстрактных поучений существовал и в более поздние периоды советской истории: см., например: За образцовую трудовую дисциплину // Работница. 1939. № 2. С. 13; Крепить дисциплину труда! // Работница. 1940. № 27. С. 3—4.

ководства о том, как писать для стенгазеты, которые были склонны навязывать темы и приемы, уместные для жанра (см. ниже), но и более общие инструкции для авторов, упоминавшиеся ранее, например, «Как писать статьи, стихи и рассказы» Шенгели или анонимное «Как и о чем писать в газету?» Ключевая идея подобных изданий состояла в том, что абсолютно любой человек — при условии, что он обладает правильным происхождением — может и должен писать в газету. По словам анонимного «Слесаря Засима», писавшего для журнала «Рабочий корреспондент» в 1924 г., «Если рабкор [талант] имеет — очень хорошо. Но если не имеет — не плохо. Научиться писать в газету всегда можно»[36]. Таким образом, с точки зрения этих руководств сочинительство — это ремесло, которому учат соответствующие инструкции; согласно сатире Маяковского (чей собственный «Левый фронт искусств» занимал иную, значительно более требовательную позицию по отношению к литературному творчеству рабочего класса), они утверждали, что «каждая кухарка — поэт»[37]. То есть «пролетарские писатели», «лабораторией по выработке» которых была стенгазета, представляли собой совсем иное явление, нежели знакомые нам из истории литературы ярко выраженные модернисты, такие, как Андрей Платонов и Артем Веселый, которые вошли в литературу благодаря формально изощренной художественной прозе и поэзии[38]. Самыми амбициозными жанрами были агитационные вирши и сатирические анекдоты, основу же стенгазеты составляли заметки слов по 50 на тему местных событий.

Создатели стенгазеты подчинялись не только требованиям печатных руководств, но и административному контролю в самых разных видах. В своих первоначальных проявлениях жанр, по-видимому, являлся плодом низовой политической самодеятельности, но он постфактум подвергся политической канонизации в 1923—1924 гг., когда нарастающий кризис с финансированием и распространением газет вынудил партийных вождей признать жанр стенгазеты более экономным и эффективным способом влиять на население, чем печатные газеты, и отдать его под опеку зарождающемуся движению рабкоров[39]. В середине

[36] Слесарь Засим. Заметки из записной книжки рабкора // Рабочий корреспондент. 1924. № 1. С. 27—28. Ср.: Как и о чем писать в газету? М., 1928. С. 1: «Писать может каждый. Наша печать — печать пролетарская. В ней может принимать участие каждый, даже малограмотный человек [...] В редакции стенной или печатной газеты [корявую] заметку исправят, напечатают и будут добиваться, чтобы по ней были приняты нужные меры».

[37] См. Маяковский В. Как писать стихи // Полное собрание сочинений в 13 томах. М., 1955—1961. Т. 13. С. 162. Эта фраза пародирует знаменитое ленинское изречение «Каждая кухарка может управлять страной». В главе о «графомании» из Svetlana Boym, Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia (Cambridge, Mass: Harvard University Press., 1994), pp. 200—201, автор рассматривает понятие о «народном гении», но ошибочно утверждает, что этот феномен относится к периоду социалистического реализма.

[38] Однако, стенгазета стала путевкой в литературу для некоторых авторов. Пример — Борис Полевой (наст. фамилия Кампов, 1908—1981), прозаик, прославившийся своей «Повестью о настоящем человеке» (1947); он начал литературную деятельность с того, что писал в школьную стенгазету под псевдонимом «Большой овод». См.: Советские писатели. Автобиографии. Т. 2 / Под ред. Б. Я. Брайниной и Е. Ф. Никитиной. М., 1959. С. 231.

[39] На XII съезде партии (апрель 1923) малотиражки были объявлены жанром, имеющим пропагандистский потенциал, и поставлены под партийный контроль; но лишь на XIII съезде партии (май

1924 г. в Москве и Казани проводились выставки заводских и деревенских стенгазет, широко освещавшиеся в советской печати; их с энтузиазмом приветствовали партийные вожди (в качестве заглавия данной статьи взята цитата из речи Зиновьева на открытии московской выставки)[40]. Функция этих выставок была не только ознакомительная, но и побудительная (предполагалось, что они послужат катализаторами для дальнейшего распространения жанра). На XIII партийном съезде, также проходившем в 1924 г., подчеркивался потенциал стенгазеты как пропагандистской машины («орудие воздействия на массы»), и рекомендовалось, чтобы этот жанр взяли под свой контроль партийные и комсомольские ячейки; эта политика воплотилась в резолюции Оргбюро ЦК Компартии, изданной 1 декабря 1924 г.[41] На Втором всесоюзном совещании рабкоров, проходившем в Москве с 5 по 13 декабря 1924 г., стенгазета, едва упоминавшаяся год назад на первом совещании рабкоров[42], стала темой обширных дискуссий. С одной стороны, участники прений указывали на привлекательность жанра для масс; об этом говорила Мария Ульянова со своим явно оптимистическим заявлением, что не осталось ни одного советского предприятия без собственной стенгазеты[43]. Участники дискуссии красноречиво выражали свою обеспокоенность тем, что настойчивые попыт-

1924) сюда же были отнесены и стенные газеты. См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е. Т. 2. М., 1970. С. 92. Вл. Петряк в книге «Печать комсомольских ячеек» (М., 1924) утверждает, что первые стенгазеты выпускались в местных комсомольских организациях в 1922 г. (С. 3); но разумно предположить, что подобные материалы могли использоваться для агитационных целей еще во время Гражданской войны. О «кризисе русской печати» см. J. Brooks, 'The breakdown in production and distribution of printed material, 1917—1927', in A. Gleason, P. Kenez and R. Stites (eds.), Bolshevik Culture: Experiment and Order in the Russian Revolution (Bloomington: Indiana University Press, 1985). Об экономии, которую дают стенгазеты, утверждает К. Новицкий в сб. «Рабкор и стенная газета» (С. 57): выпуск газеты в 139 тыс. букв и 24 колонки требует 19,5 рабочих дней и стоит 130—140 золотых рублей, не считая иллюстраций; напротив, стенгазета является «наиболее дешевым и целесообразным способом массовой рабочей газеты» (С. 58). То, что Новицкий не дает оценку стоимости стенгазеты, свидетельствует, что он, как и большинство комментаторов, предполагал, что стенгазета будет выпускаться трудящимися в свободное время и на использованной бумаге. Тема потенциальной скрытой стоимости стенгазеты, например, «кража» рабочего времени, хищение бумаги из заводских контор, затрагивается лишь изредка (в этой связи см.: Ингулов. Речь обвинителя // Рабкор и стенная газета. С. 61). О движении рабкоров в целом см. Matthew E. Lenoe, 'Letter-Writing and the State: Reader Correspondence with Newspapers as a Source for Early Soviet History', Cahiers du monde russe 40: 1—2 (1999), 139—69.

[40] См.: Итоги и перспективы рабселькоровского движения: Стенографический отчет Второго Всесоюзного совещания рабкоров, селькоров, военкоров и юнкоров при «Правде» и «Рабочем корреспонденте», 5—13 декабря 1924. М.: Правда, 1925. С. 307—308; Насимович А. Стенгазетный юмор // Печать и революция. 1927. № 6. С. 18—33.

[41] О XIII съезде см.: Чарный М. Газета на стене. Екатеринбург, 1924. С. 5; Рабкор и газета. Изд. 2-е. Пермь, 1924. С. 18. О резолюции см.: О партийной и советской печати: сборник документов. М., 1954. С. 325—326.

[42] См.: Первое всесоюзное совещание рабочих корреспондентов: Стенограмма. М., 1924. С. 106—110 (Доклад без прений тов. Сергея).

[43] Итоги и перспективы... С. 73. Ср. наблюдения провинциальных представителей рабселькоровского движения, например Гаврилова из д. Меленки Владимирской губернии: «Со стенными газетами... дело не важно» (Там же. С. 93), или Орлова из Свердловска, который указывал, что во всем городе насчитывается только 150 рабкоров (Там же. С. 37).

ки влиять на содержание стенгазет окажутся губительными, поскольку уничтожат привлекательность жанра как форума для выражения общественного мнения. Но предупреждая против казенщины и бюрократизма со стороны партийных властей и против навязывания авторам стенгазет постылого политического жаргона, такие ораторы, как А. Зуев, подчеркивали также, что стенгазета должна не только выражать общественное мнение, но и формировать его: партийные и комсомольские ячейки должны направлять деятельность газеты; чтобы регулярно писать заметки, следует организовать кружок рабкоров, и избегать кустарности при создании газеты, поскольку та может подорвать статус газеты как серьезного политического комментария (с. 308—309). Эта линия обсуждения была закреплена в резолюциях совещания, где подчеркивалось, что «самый добровольческий характер рабкоровских организаций исключает возможность стрижки всех форм выражения под одну гребенку» (резолюция 13, с. 358), но в то же время утверждалось, что деятельность рабкоров должна быть подчинена редколлегии стенгазеты (резолюция 12, с. 368). Стенгазеты должны создаваться под контролем представителей партии, как и редакторов газет. На рисунке в одном из пособий для рабкоров[44] устанавливается следующая субординация:

Редактор
Зам. Редактора
Секретарь

Зав. редакцией	**Отдел стенных газет**	Отдел партийной жизни	Отдел рабочей жизни	Отдел телеграфных информаций	Местный отдел

Не считая этих форм более-менее публичного регулирования, стенгазета, как и любая другая разновидность вербального выражения, подчинялась грозным механизмам советской цензуры. Во-первых, для выпуска стенгазеты требовалось разрешение партийных или комсомольских властей, а когда орган был основан и начинал издаваться, его работа могла привлечь внимание также и государственной цензурной организации — Главлита — и зависящих от него подразделений. Например, в 1927 г. Ленинградский гублит принял постановление о том, что стенные газеты в жилых домах должны регистрироваться в цензурных комитетах, которые осуществляют проверку «ответственных за газету лиц»[45].

[44] С рисунка в «Рабкор и газета», вклейка между с. 148—149. Аналогичные структуры субординации устанавливаются также для финансового отдела газеты и отдела распространения. Подчинение стенных газет печатным очевидно также по большому числу пособий для авторов, изданных центральными и местными газетами («Правдой», «Псковской правдой», пермской «Звездой» и т. д.)

[45] В Davies, Popular Opinion, 63. приводится пример заметки из стенгазеты, которая привлекла внимание комсомольских властей. Как примеры административного регулирования жанра можно назвать ссылки на «подготовку стен Газеты» и «выпуск стен Газеты» (sic) в дневнике Аннинской ячейки комсомольской организации Серебряных Прудов за январь 1926 г. (Центральный архив

Двоякое представление о стенгазете как о выразителе массовых представлений и одновременно катализаторе «культурности», являющемся в таковом качестве звеном в цепи командования, которая требовала жесткого подчинения партийным и производственным властям, отразилось и в издававшихся с 1924 г. многочисленных руководствах для авторов стенгазет, а также для рабкоров в целом. Согласно формулировке, приведенной в «Рабкоре и газете», «Стенная газета — это зеркало, отражающее всю жизнь с ее положительными и отрицательными качествами, но зеркало, в то же время показывающее путь к новому, более совершенному»[46]. С самого начала предполагалось, что авторы стенгазет должны вести за собой массы и не забывать о солидарности с ними, согласно образцу, установленному для рабкоров в целом. Как выражался в 1924 г. В. Докунин, «Работая рука об руку с массой, рабкор в то же время — идет впереди нее. [Как именно добиться такого странного сочетания, не объясняется!] Он — передовой, сознательный рабочий. Поэтому он не может подлизываться, приноравливаться к отсталой части рабочих, а, наоборот, обязан помогать им вперед»[47]. Но рабкоры определенно не должны были преувеличивать значение своей роли. По аналогии с «комчванством» появился термин «корчванство», а на шуточном процессе над стенгазетой, организованном в 1924 г., обвинение ссылалось на «формальность» некоторых рабкоров, на то, что они воображают себя «официальными лицами на заводе», на их высокомерие и непрофессионализм («часто проявляли небрежность, невнимательность и легкомыслие к освещаемым фактам»)[48]. Высмеивались попытки рабкоров повысить свой статус, называя себя «рабжурами» (рабочими журналистами), и изобилие абсурдных альтернативных названий среди некоторых рабкоров, работавших в конкретных слоях общества: среди них появлялись «деткоры» (детские корреспонденты), «милькоры» (милицейские корреспонденты), «пожкоры» (пожарные корреспонденты), «коопкоры» (кооперативные корреспонденты), «рабрецы» (рабочие рецензенты) и даже «фабхуды» (фабричные художники)[49]. В принципе даже если рабкоры и не всегда занимались своим делом добровольно («выборность», то есть назначение рабкоров партийными и производственными властями строго осуждалась как на Втором совещании рабкоров, так и позже), рабко-

общественных движений Москвы (ЦАОДМ). Ф. 1884. Оп. 1. Д. 50. Л. 4), и заявление И. Славнова, направленное в Секретариат ЦК Комсомола (ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 32. Д. 624. Л. 170), в котором отрицается, что местному комсоргу было разрешено выпускать стенгазету в райкоме комсомола (23 октября 1950). Подробности о Гублите взяты из: Блюм А. В. За кулисами «Министерства правды»: Тайная история советской цензуры, 1917—1929. СПб., 1994. С. 89.

[46] Рабкор и газета. С. 57.

[47] Докунин В. Как работать рабкору. М., 1925. С. 7.

[48] Рабкор и стенная газета. С. 50.

[49] См.: Борисов Н. Как организовать работу рабкоров. М., 1925. С. 58. Всего перечислено 25 разновидностей рабкоров и селькоров.

ру постоянно напоминали, что его неформальная и «добровольная» роль наделя ет его обязанностями, но не нравами [50].

Пусть рабкор не имел привилегий, но он или она («рабкорки», то есть женщины-рабкоры, встречались относительно редко, о чем нередко сетуют авторы руководств) безусловно обладал обязанностями. Несмотря на вовлечение масс в журналистику, брошюры и статьи, дающие советы потенциальным авторам и журналистам, в то же время подчеркивали, что отнюдь не каждая заметка представляет собой интерес. Важнейшим требованием советской печати (частью которой являлась стенгазета, пусть она была не печатной, а рукописной или машинописной) являлась правильная идеологическая позиция: «Наша печать [...] выражает суждения и настроения сознательной, лучшей, передовой части рабочих, правильно понимающей интересы рабочего класса в целом» [51]. Но это было не единственное требование. Авторы должны были также понимать, насколько уместны их комментарии в данном издании. Печатные газеты предназначены для более общих вопросов, стенгазета — для материалов чисто местного значения. Также очень важен стиль: заметка должна быть конкретной, короткой и написанной живым языком. Ее структура парадигматически задается в «Как и о чем писать в газету?» (1928): 1. Описывается событие. 2. Говорится, где и 3. Когда оно произошло. 4. Говорится, что было сделано прямо на месте. 5. Объясняется, почему это случилось. 6. Констатируется, что следует сделать для исправления ситуации [52].

Предполагалось, что не только тематика, но и стиль стенгазеты должен создаваться одновременно и сознательно, и спонтанно. В руководствах для рабкоров по изданию стенгазет ясно говорится, что облик газеты должен отражать иерархию приоритетов по образцу печатных газет. Стенгазета должна иметь заголовок, который представляет собой слово или фразу, имеющие непосредственное отношение к «рабочей культуре» в традиционной большевистской интерпретации или к «классовой борьбе» в ее официальном понимании (например, «Смена», «Бич», «Гудок», «Голос металлиста» и т. п.). Газета должна иерархически делиться на колонки: на левом краю размещается передовая, посвященная какому-либо вопросу национального или международного значения, потом идут заметки о «культуре труда» на данном предприятии, затем о «культуре быта» (т. е. о личной нравственности применительно к частной жизни), и наконец, самое несущественное — «почтовый ящик», в котором даются ответы тем, кто прислал в газету свои материалы [53].

[50] Резкий протест против «выборности» см.: Борисов Н. Как организовать... С. 16: «Казенное отношение к делу, неизбежная чистка, пассивность, отсутствие живой связи с газетой, избитые темы и т. д. и т. д. — вот что влечет за собой выборность рабкоров». Об отсутствии прав у рабкоров см., например: Борисов Н. Как организовать... С. 48: «Селькоры, рабкоры — это не агенты прокуратуры». См. также: Бухарин Н. И. О рабкоре: Сборник статей. М., 1924. Особ. сс. 19, 25, 34.

[51] Пилацкая Н., Зусв А. Кружок рабкоров и стенная газета. М.: Правда, 1925. С. 13. Ср.: Докунин. Как работать рабкору. С. 17—19.

[52] Как и о чем писать в газету? С. 1.

[53] Особ. см. советы и диаграммы в: Юрский Н. Стенная газета. Л., 1924. С. 59.

Но имитируя печатную газету, самодельная газета в то же время должна была подчеркивать свою совершенно иную сущность. В руководствах говорилось, что важно «публиковать» фотографии и рисунки (особенно карикатуры), присланные представителями общественности; заметки не обязательно должны быть машинописными, их можно аккуратно писать от руки. Стиль также должен быть близок к разговорной речи (то есть к языку рабочих). Собственно говоря, «безграмотность» и небрежность не поощрялись, но — по крайней мере, в 1920-е гг. — самому большому презрению подвергались неуклюжие попытки имитировать официальный стиль. В одном из руководств цитируется передовая из первого номера «Колючки», стенгазеты провинциального отделения милиции, в качестве примера того, как *не следует* писать:

Шаг к просвещению

Товарищи!
Силами коллективного объединения всех сотрудников и милиционеров Губмилиции, мы приступили к изданию своей Стенной Газеты. Это новое проявление в наших рядах, это есть первый шаг к просвещению, в достижении цели литературной воспитательности. Пусть будет наша стенная газета *реальным направлением наших мыслей, пусть будет правдивым исполнителем чувств, нашего самосознания*. Базируясь на логичном течении нашей жизни, протекающей в наших рядах и, детально, учитывая все порядки и недостатки, рождающиеся при наших обстоятельствах, мы должны помнить, что у нас есть своя стенная газета, в которой наш долг — отражать все вытекающие дефекты. Не место здесь равнодушию, не место и пассивному взгляду, ибо пассивность, равнодушие — есть самый вредный порок человека. *Дорогу тенденции, направленной к обогащению литературой. Дорогу, полную дорогу потоку литературного вдохновения. Вот нашей «Колючки»* (так!)

Нас учат, мы будем учиться, ибо мы должны учить других, и так мы будем питать надежду, что все честные и сознательные товарищи, прислушиваясь к голосу нашей газеты, откликнутся и примут участие вместе с нами. В этой сфере, сфере как литературности, так и планомерности, плюс продуктивности нашей работы, которая должна быть в наших рядах

Михаил Пуляев[54].

Корреспондентов призывали не подражать таким жалким (и едва понятным) в своей претенциозности текстам, а оживлять статьи загадками, шутками, и карикатурами, имея в виду необходимость «живучести», которая понималась как требование «шагать нога в ногу с жизнью». В одном из руководств 1920-х гг. вовсю расхваливается заметка, жестко критикующая девушек, которые «мажутся» пудрой:

Ишь, напудрилась!

Несколько раз у нас подымался вопрос о том, что девчата мажутся, а между прочим одна комсомолка И. пришла в рабклуб напудренная до того, что один наш старый ра-

[54] Чарный. Газета на стене. С. 35. Курсив оригинала.

бочий, сидя рядом с ней — не выдержал этого буржуазного запаха и сделал ей замечание. Она пробкой вылетела в коридор.

Девчата, бросьте пудриться и не срамите нас перед рабочими, у которых мнение о нас и без того не особенно хорошее!

Рабочий[55].

Даже использование брани не только терпелось, но и активно рекомендовалось. В руководстве 1925 г. одобрительно цитируется следующая подпись за авторством «Мяколы Карноухого» к карикатуре, высмеивающей «отсталого» мужа-подкаблучника, которого жена заставила помыть иконы, угрожая ему дубинкой. Примечателен хлесткий язык, которым пользуется бранящий незадачливого супруга активист:

«— Ты что Вася как убиваешься с дерьмом связался?
— Да... я... что... жена вон заставляет.
— Вот как фунт. Как это она тебя в партию-то пустила. Наверное тут какая нибудь заковыка есть»[56].

С другой стороны, вежливые похвалы обычно вызывали презрение. В руководстве 1928 г. по изданию газет в качестве неудовлетворительного приводится следующий пример: «Завком у нас работает хорошо. Он поднял здорово работу производственную, имеет большие достижения в охране труда и улучшил культурно-просветительскую работу. Завком пользуется у рабочих большим авторитетом»[57]. А в стихотворной пародии Маяковского «Общее руководство для начинающих подхалим» автор с мрачной иронией советует читателям пользоваться стенгазетой, чтобы восхвалять свое начальство:

Увидишь:
начальство
едет пьяненький
в казенной машине
и в дамской компанийке,
Пиши
в стенгазету,
возмущенный насквозь:
«Экономия экономии рознь.
Такую экономию —
высмейте смешком!
На что это похоже?!
Еле-еле
со службы
и на службу,
таскаясь пешком,
начканц
волочит свои портфели»[58].

[55] Петряк. Печать. С. 31. О «загадках» и пр. см.: Чарный. Газета на стене. С. 21—22. Общие замечания по стилю см.: Петряк. Печать. С. 9. Все это шло в одном русле с кампанией по использованию рабкорами разговорного языка. См. Gorham, «Tongue-tied writers».
[56] Пилацкая Н., Зуев А. Кружок рабкоров и стенная газета. С. 25.
[57] Как и о чем писать в газету? С. 4.
[58] Маяковский В. Полн. собр. соч. в 13 тт. Т. 8. С. 142.

Мы уже не говорим о том, что в 1920-е гг. не осталось практически никаких запретов. Мат оставался непечатным языком[59], а одну конкретную группу советских граждан — именно школьников — удерживали от употребления даже относительно мягких бранных слов, по крайней мере, согласно комическому роману Николая Огнева «Дневник Кости Рябцева», где описывается стенгазета в костиной школе, которая вводила запрет на применение самых разных слов, таких, как «подлец», «мерзавец», «кабыздох», «губошлеп», «свинья», «сукин сын» и даже «зануда»[60]. Но в целом, в соответствии с идеей о том, что авторы стенгазет должны быть выразителями «живого языка», который представлял собой идеал политического дискурса 1920-х гг., осуждались именно чрезмерная «литературность» и «усложненность»; «ставить себя выше читателей» являлось более серьезным грехом, нежели чрезмерная грубость выражений.

«Сумбур вместо политики»: стенгазета на практике

Итак, стенгазета предназначалась для того, чтобы выражать общественное мнение и манипулировать им: быть не только местом, где рабкоры и прочие учились бы писать заметки для центральных и местных газет, но и форумом, на котором бы поднимались и обсуждались в нужном ключе местные вопросы; проявлять ответственность, но также развлекательность и выразительность. Однако, на практике властям было трудно проследить, чтобы в содержании стенгазеты сохранялся правильный баланс между «выражением» и «руководством», между серьезными комментариями и «живым языком». Хотя редколлегии газет (как и персонал советских учреждений в целом) не могли влиять на содержание и стиль бесчисленных писем, присылаемых им неофициальными «стрингерами» всех сортов и содержащих истории из жизни, жалобы и обличения, предназначенные для «инстанций», тривиальные факты, шутки и рассказы, а также заметки для газет, они были в состоянии превратить всю эту непрошенную корреспонденцию в необходимый им материал, обрезая, редактируя и переписывая при необходимости (вплоть до сочинения совершенно независимых статей на ту же тему с цитатами из писем читателей). Кроме того, заметки могли возвращаться авторам для внесения необходимых исправлений, а иногда от авторов требовали написать на другую тему, более устраивавшую редактора[61]. С другой стороны, партийные власти нередко узнавали о содержании стенгазеты лишь после того, как свежий номер

[59] Об истории мата на массовом уровне см.: S. A. Smith, «The Social Meanings of Swearing: Workers and Bad Language in Late Imperial and Early Soviet Russia», Past and Present 160 (1998), 167—202.

[60] См.: Огнев Н. Дневник Кости Рябцева. М., 1927. С. 78. Упоминаются также «шмуляга», «задрыга», «архимудряла», «храпоидол», «лупейка» и т. д.

[61] Описание этого процесса дается в стенограмме совещания редакторов 17 апреля 1950 в редакции «Комсомольской правды», на котором цитировалось упомянутое выше письмо ученика. См.: Заседание партийно-производственной конференции... (ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 32. Д. 624. Л. 25—27). Подобные материалы начала 1930-х годов см. архив районной газеты «Тавдинская правда» (ЦДОО СО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 28).

выставлялся на обозрение, и в этот момент «принятие мер» (т. е. требование немедленно снять стенгазету) вполне могло привести к негодованию, а то и к скандалу[62]. Одно дело было требовать, как в партийном циркуляре 1922 г.: «парткомы ни в коем случае не должны допускать, чтобы критика принимала характер, дискредитирующий советскую власть»[63], и другое дело — сделать так, чтобы миллионы авторов стенгазет отслеживали все идеологические повороты, совершавшиеся советской властью. Даже в относительно свободной атмосфере 1920-х гг. промахи были почти неизбежны. Рабкора, критиковавшего заводскую администрацию, которая принудительно вводила сверхурочные часы — шаг, крайне непопулярный среди рабочих, — редакторы официального журнала «Спутник рабкора» представляли как образцовую фигуру[64]. Однако, в одном пособии выражалось неодобрение рабкору, описавшему в своей заметке ужасающие условия в неотапливаемых бараках, принадлежавших частной фабрике, где рабочие жили «как сельди в бочке» среди вони, спали без простыней, где освещение было слишком тусклым, чтобы дать возможность читать, где в столовой кормили отвратительно, в бане постоянно не хватало шаек и не было то горячей воды, то холодной, а то и той, и другой. Вместо того, чтобы хвалить рабкора за обличение недостатков, автор брошюры заявляет, что тот не должен был забывать все, сделанное обществом, к которому отошла фабрика, для исправления ситуации[65].

Происходили сбои и на более низком уровне. Для стенгазетных текстов была характерна стилистическая неровность. Пикантный пример представляет собой заметка, написанная комсомольцем с периферии в 1925 г. и обличающая местного активиста за участие в танцевальной вечеринке. В заметке прослеживается сочетание идей, позаимствованных у политически грамотных классов, с полуусвоенным материалом из гигиенических брошюр и религиозным словарем («вводить в соблазн»):

Рабочий клуб

По окончании программы «Восточного вечера», постановленного в пользу Узбекского Интерната, Администрация вечера из уважения ко посетителям, за их отзывчивость разрешила в зале клуба — танцы.

И вот, какая эта администрация, зачем ей было разрешить танцы, вводить в соблазн.

[62] В «Печати комсомольских ячеек» Петряка упоминается случай, когда комсомольская ячейка городского клуба в Егорьевске выпустила стенгазету, высмеивающую руководства клуба. Члены руководства сорвали стенгазету и отдали приказ: «Сжечь эту дрянь!» Такой «террор», по определению Петряка, «бессмысленно преступен» (С. 47—48). Ср. также случай, упоминающийся в письме группы рабочих в «Красную газету» 20 октября 1935: завкадрами сорвал стенгазеты, в которых разоблачалась коррупция и непотизм в ленинградском Совтрастрое. Статья в газете в свою очередь подверглась осуждению Молотова 20 мая 1937 (см.: Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 960. Оп. 7. Д. 71. Л. 2. Выражаю благодарность Дэниэлу Биру за эту ссылку).

[63] Рабкор и газета. С. 15.

[64] См.: Тюленев К. Как я стал рабкором // Спутник рабкора. № 2. М., 1925. С. 170.

[65] См.: Докукин В. Как работать рабкору. С. 17.

Заиграл душу раздирающий вальс приглашенный оркестр: тут тоже скажешь (так!), зачем еще он стал играть, ведь если бы не заиграл пожалуй и не затанцовали.

Отвыкли от танцульки и не найдутся смельчаки начинать первыми.

Но вдруг невиданно выскочил наш комсомолец К., первым пошел, показал окружающей здесь массе, что танцы брат для нас штука ничего — совсем забыл парень, что в рядах союза борьба со старыми буржуазными предрассудками еще не кончилась, кроме этого он отлично знает как они вредны тем, что в таком огущенном воздухе всегда могут один другому передать свою хроническую болезнь.

Подтянись, товарищ, ведь ты этим нарушаешь Комсомольскую этику.

ОВОД.[66]

Враждебность к танцам лежала вполне в струе пуританского духа середины 1920-х гг., и следы этой темы можно было найти в любой официальной газете того времени[67], но неуклюжий язык подвергся бы редактированию даже в самых преднамеренно популистских газетах, таких, как «Беднота».

Значительно большую проблему представляла трудность, если не невозможность обеспечить злободневный и местный материал, в то же время избегая, по словам идеологов, «тривиальности». В руководствах указывается, что стенгазета гораздо чаще функционирует как местный журнал или студенческий новостной листок, а не как серьезный инструмент советской идеологии. Как говорится в брошюре 1928 года, «три четверти заполняют заметки об успехах молодежи на футбольных состязаниях, о недопустимости хулиганства на собраниях или об "ухажерстве"»[68]. Еще более нетерпимым с точки зрения властей было использование стенгазеты для «сплетен» и «клеветы», а также «звона», который связывался с «отсталыми» массами в целом[69]. В пособии 1928 г. в качестве примера, как *не следует* писать в стенгазету, приводится бессвязный рассказ о некоем «Б.» и его подружке — любительнице подарков:

«У нас в Енакиево есть некий Б., имеет себе мамзель, которая очень любит подарки. Б. ежемесячно тратил все свое жалованье на покупку разных вещей для нее, но так как покупки эти обходятся ему дорого, то он стал придумывать, как бы выйти из этого положения. И додумался такие подарки преподносить, которые ничего не стоят»[70].

[66] Долой религию, да здравствует наука! Стенгазета Школы II-й степени им. Белинского, Сырдарьинский губком. См.: ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 23. Д. 333ж. Л. 2.

[67] О враждебности к танцам см.: Gorsuch, Youth in Revolutionary Russia, especially ch. 6; J. A. E. Curtis, «"Down with the Fox-Trot!"», in A. Barratt and R. Russell (eds.), Russian Theatre in the Age of Modernism (Basingstoke: Macmillan, 1988), 219—35.

[68] Полоцкая Н., Докунин В. Редколлегия стенной газеты и кружок рабкоров. М., 1928. С. 36.

[69] О сплетнях см., например: Рабкор и газета. С. 59; о клевете см.: Докунин В. Как работать рабкору. С. 52; о «звоне» см.: D. P. Koenker, 'Men and Women on the Shop Floor in Early Soviet Russia: Gender and Class in the Soviet Workplace'. American Historical Review 100: 5 (1995), 1438—64; «Дикие нравы» (Печатник. 1928, 22 ноября. С. 28), где как пример жертвы «звона» приводится страстный спортсмен и «завзятый культурник», ставший предметом грубых шуток своих товарищей (благодарю Стива Смита за эту ссылку).

[70] Полоцкая Н., Докунин В. Редколлегия стенной газеты. С. 27. Согласно пособиям по выпуску стенгазет, подобные сплетни допустимы лишь в обвинительном контексте, в том смысле, что их герои пренебрегают служебными обязанностями: ср. «Рабкор» Маяковского // Полн. собр. соч.

Более того, подобные материалы часто сопровождались грубыми карикатурами, сильнее напоминающими стену в сортире, чем первую страницу «Правды»:

«Бухгалтеру, давшему кому-то неверную справку, приклеивают ослиные уши, машинистку, попудрившую нос, рисуют в виде проститутки, рабочего, замеченного в пьянстве, без колебаний и сомнений сажают за тюремную решетку. Так, конечно, нельзя»[71].

Средняя стенгазета отличалась не только пристрастием к «сплетням»; она еще и с мучительной ясностью демонстрировала, что рабочие зачастую хотели вернуть своих товарищей «в строй» не из-за идеологических соображений, а просто чтобы те не «выделялись». В январском 1926 г. выпуске стенгазеты из уральской деревни содержится типичная заметка такого рода:

Напрасно хвалят

В нашей деревне есть первохвальный Н. С. Трясцин, который выхвален на стенгазете. В кружки он никого не записал. Наоборот. Все подсмеивался над молодежью. Например. Где в публике кто-нибудь из молодежи хочет квадриль станцевать или что-нибудь другое, этот Н. С. Трясцин, как одет хорошо, девки смотрят на него. Он берет пару и выходит на краковяк или вальс. Тот, который хотел сплясать, садится на лавку и краснеет, а на следующий раз боится выти. Если пример брать с него, то над каждым надо что-нибудь выдирать или подсмеяться. Вот какой первохвальный Н. С. Трясцин, сын богатого мужика.

Терепуг[72].

Небрежная ссылка на классовое происхождение Трясцина в последней строчке свидетельствует, что этот момент вызывает у автора заметки гораздо меньшее негодование, чем социальные успехи героя.

Несмотря на все усилия авторов руководств, рабкоров, администраций предприятий и партийных властей по улучшению качества стенгазет, бойкие сплетни продолжали хождение и в 1930-е гг. Вот пример ядовитой заметки из «Инструментальщика», стенной газеты инструментального цеха московского автозавода, относящийся к 1934 или 1935 г.:

«В нашем цехе, в группе мастера Шульмана, есть один работник — Семен Кац. Как человек, он очень мудрый. К нему подхода не найти. Считает он себя всех выше... Сказать про Каца прямо надо, что разгильдяй он стал большой... После обеда вытер станок и ушел на танцы. Необходимо вокруг него создать общественное мнение и призвать его к порядку»[73].

в 13 тт. Т. 6. С. 108—109: «Радостью / светит / улыбка рабкора, / Пишет: / «Петров / подозрительной масти, / лезет к бабью / матершиниться мастер».

[71] Полоцкая Н., Докунин В. Редколлегия стенной газеты. С. 57.

[72] «Юные борцы», д. Губан, Сарапульский округ Уральской обл., № 2, январь 1926. Цит. по: Насимович А. Стенгазетный юмор. С. 24. В статье также цитируется ответ организатора газеты, который защищает Трясцина, утверждая, что он «совсем не богатый, а бедный человек, но честный, за которого актив просвещения может дать поручение всегда» (Там же. С. 30).

[73] В помощь стенгазете: Лекции, опубликованные в журнале «Рабоче-крестьянский корреспондент» за 1935 и 1936 гг. Пятигорск, 1937. С. 81.

Очевидно, статья Сталина «Против опошления лозунга самокритики», опубликованная 26 июня 1928 г. в «Правде» — как отмечает потрясенный комментатор, — не оказала ни малейшего влияния на некоторых рабкоров[74].

Даже когда стенгазета не состояла из одних только сплетен, порой возникали расхождения между содержащейся в ней критикой и идеологическими требованиями момента. Проблемы, которые сами рабочие рассматривали как серьезные, партийные идеологи не считали таковыми. В 1935 г. в «Голосе металлиста» появилась следующая заметка, поступившая из механического цеха Козловского завода стройматериалов (Чувашская АССР):

Надо судить

Ряд рабочих механического цеха до сего времени не могут хорошо обращаться со своими станками. Проработают на станке до 4 часов и уходят, не очищая стружки и не обтирая станок. За это нужно строго судить.

А слесаря действуют еще лучше. После того как они кончат работать, с верстаков хоть лопатой скребай. Рабочие должны ухаживать за своими станками. Это обязанность, а виновных надо судить.

БОЛТ.

Анонимный автор «Сталинской конституции и задач стенгазеты» — статьи, в которой была впервые опубликована эта заметка, — осуждал козловских рабочих за недостаточное чутье, заявив, что призывы отдавать людей под суд за такие мелочи — «преступление против советской демократии»[75]. Поскольку уборка рабочего места была практическим требованием, необходимым для безопасности любого производства, и на необходимости подобной гигиенической практики настаивали брошюры по «культуре труда» начиная с 1920-х гг. (см. выше), совершенно понятно затруднение рабочих, не понимавших, на что же им следует жаловаться.

Едва ли удивительно, что в 1930-е гг. произошло некоторое охлаждение официального отношения к стенгазете как к агитационному жанру. Число пособий по изданию стенгазет резко сократилось, а функции жанра были определены более четко. В 1937 г. руководство для авторов стенгазет перечисляло следующие требования: «бдительность», «развертывание большевистской самокритики», и участие «в борьбе [...] за высокую производительность труда, за социалистическую трудовую дисциплину». Иными словами, «рефлективная» функция была почти полностью поглощена «коррективной» функцией. Единственной сферой, в которой по-прежнему особо поощрялась искренность корреспондентов, оставалась критика администрации предприятий: в руководстве подчеркивается важ-

[74] Там же. (Вышеприведенный текст цитировался для иллюстрации этой точки зрения). В статье Сталина говорилось о том, что «нам нужна не *всякая* самокритика. Нам нужна такая самокритика, которая подымает культурность рабочего класса» (Сочинения. Т. 11. М., 1949. С. 132. Курсив оригинала).

[75] Сталинская конституция и задачи стенгазеты // В помощь стенгазете. С. 35.

ность «жалоб рабочих на нечуткость отдельных администраторов». Вместо того, чтобы обнажать бескультурье, рабочих призывали прославлять культурность: призывать к тому, чтобы на заводах создавались клумбы, разрабатывать примерный распорядок времени (6 часов 34 минуты на работу, 2 минуты на разговоры, 5 минут на удовлетворение естественных надобностей, и т. д.), и отмечать, какие книги наиболее популярны в заводской библиотеке[76].

Вторым моментом, который отныне требовался от стенгазеты, помимо осторожности в освещении негативных сторон производства, являлась пристойность выражений. Карикатура из стенгазеты сахалинского рыбозавода «Невод», на которой изображался рабочий-разгильдяй, стоящий голый возле кровати, с подписью: «Чапаев погиб потому, что проспал. Пожалуй, и мне пора вставать», осуждалась в руководстве 1937 г. как «чудовищная глупость». Едким обвинениям, поощрявшимся пособиями 1920-х гг., теперь выражалось резкое неодобрение. Как говорилось в пособии 1937 г., «В условиях нового расцвета советской демократии, нетерпимы стенгазеты, которые говорят со своими читателями грубым тоном, подменяя убеждение административными окриками»[77]. Возврат к приличиям не просто соответствовал духу советского пуританства, провозглашенного в осуждении «физиологического реализма» Карлом Радеком на съезде советских писателей в 1934 г.; это был также важный шаг к установлению социального консенсуса путем исключения. Когда государственный обвинитель Вышинский заклеймил подсудимых на показательном процессе 1938 г. как «вонючую кучу человеческих отбросов», «дошедшую до пределов человеческой подлости», он не только избегал необходимости как-то рационально отвечать на критику сталинского режима, высказанную или молчаливую, но и — теперь, когда панегирики и лесть были объявлены «нормой» советского стиля — выбрасывал жертвы беззакония за пределы цивилизованного существования, давая понять, что для описания их поступков годится лишь язык, лежащий вне правил приличия[78]. Таким образом, право использовать инвективы получали не все; в первую очередь запрет касался народных масс, далеких от «начальства».

[76] В помощь стенгазете. С. 5—6, 36. Смена отношения к стенгазете происходила в более широком русле все более репрессивного отношения к движению рабкоров. В постановлении ЦК 1931 г. приказывалось ускорить переход от критики «мелких» недостатков» к «важнейшим вопросам социалистического строительства», поднять стандарты журналистики и повысить контроль над стенгазетами (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. Т. 5. М., 1984. С. 285—288).

[77] См.: В помощь стенгазете. С. 199, 35.

[78] Report of Court Proceedings in the Case of the Anti-Soviet 'Block of Rightists and Trotskiiites' Heard Before the Military Colloquium of the USSR, Moscow, March 2—13 1938 (Moscow: People's Commissariat of Justice of the USSR, 1938), 631. Другая интерпретация инвектив 1930-х гг. дается в: C. Merridale, 'Death and memory in modern Russia', History Workshop Journal 42 (1996), 5: «Стремление отказать мнимым преступникам даже в элементарной гуманности выражалось в таких прозвищах, как "пауки, крысы, свиньи, стервятники, собаки, гиены", которыми их называли в печати». Но это относится лишь к одной из функций инвектив; другой функцией является приведение оратора в состояние экзальтации.

Запрет на брань в стенгазетах означал не только насаждение нейтральной вежливости, но и то, что всячески поощрялось цветистое и пустое одобрение официальной политики. Возьмем, например, такую заметку (за подписью «тов. Баклаков») из стенгазеты «Звено регулятора» насосного цеха Московского тормозного завода им. Л. М. Кагановича, которую одобрительно цитируют авторы того же руководства:

«К открытию Чрезвычайного VIII Съезда советов лучшие стахановцы нашего цеха получили новые квартиры. Уже въехали в новые квартиры рабочие Мамонов, Крючков, Клубникина, Ларин, Лушкин и другие.

В ответ на заботу о них партии и правительства рабочие дали слово еще лучше работать и передавать свои знания, свой опыт остальным товарищам. Они на деле выполняют свое обещание. Тов. Мамонов выполнил новые нормы на 200 проц., Клубникина — на 146 проц., и т. д.

Мы действительно завоевали счастливую жизнь. Растут наши стахановцы, растет богатство нашей страны» [79].

В 1920-е гг. автор руководства по изданию стенгазет снабдил бы подобный материал множеством раздраженных замечаний в скобках: «Где тут факты?», «О каком проценте рабочей силы идет речь?», «Что это значит — растут наши стахановцы?» Однако, даже заметка тов. Баклакова более содержательна, чем пример, процитированный в 1939 г. в специальном журнале для «рабоче-крестьянских корреспондентов», на этот раз взятый из анонимной колхозной стенгазеты:

Моя мечта сбылась

Раньше всех я пришел на призывной пункт. Комиссар спросил:

— В какой части желаешь служить?

Я ему ответил смело:

— Желаю служить в Военно-Морском Флоте...

Комиссия признала меня годным к службе во флоте. Я очень рад, что моя мечта сбылась.

Показательно решительное одобрение комментатором этого бледного пустячка: «Вот тебе заметка! Написана она коротко, живо, тепло. Она дает отчетливое представление о настроении автора, рядового советского патриота» [80].

Требование вежливости сопровождалось повышенным вниманием к роли женщин-корреспондентов (согласно представлениям о «культурности» в сталинскую эпоху, одной из обязанностей женщин было следить за языком своих «сы-

[79] В помощь стенгазете. С. 33. Что касается превращения этой установки в регулирующий принцип, ср. описание Олегом Красовским (р. 1919) посещения его школы высокопоставленным комсомольским чиновником, который ополчился даже на такие невинные коллоквиализмы, как «парни» и «девчонки». См. N. K. Novak-Deker (ed.), Soviet Youth: Twelve Komsomol Histories (Munich: Institute for the Study of the USSR, 1959), 136.

[80] Алексеев А. Стенгазета в колхозе // Рабоче-крестьянский корреспондент. 1939. № 3. С. 58.

новей и мужей»)[81]. В 1939—1940 гг. в «Работнице» появилось три материала о чисто женских стенгазетах: одна из них была фабричной стенгазетой под названием «За качество», выпускавшейся на Свердловской текстильной фабрике, а другая — стенгазетой домохозяек в доме № 24 по Преображенскому валу в Москве. Последняя представляет собой замечательный пример славословия нового типа: в номерах, «изданных» к XVIII съезду, домохозяйки сообщали, «как они выросли культурно и политически, как они счастливы и благодарны товарищу Сталину»[82]. Функция стенгазеты как выразителя местного неудовольствия оказалась забыта. Ее более важными функциями стали освещение официальных кампаний (шла ли речь о прославлении советских достижений, или о брани в адрес врагов, как внутренних, так и внешних) и превращение в одну из форм монументальной пропаганды или иллюстрации к идеологическим принципам (много внимания уделялось необходимости оформления на «профессиональном» уровне, а изображавшиеся в руководствах образцовые стенды имели «культурный» вид, с портретами вождей, изображением полного собрания сочинений Ленина, медалей за службу и такой советской символики, как серп с молотом и пятиконечная звезда)[83]. Акцент делался не на содержании стенгазеты, а на ее чтении как акте ритуальной солидарности. Характерное послевоенное соцреалистическое полотно Анатолия Левитина и Юрия Тулина «Свежий номер цеховой газеты» (1952) резко отличается своим характером от представлений о стенгазете 1920-х гг. Изображения стенгазеты 1920-х гг., показывающие ли рабочих-корреспондентов и рабочих-художников, занятых выпуском газеты, или читателей, изучающих очередной номер, прежде всего подчеркивают, что это текст, который следует читать. Напротив, на картине Левитина и Тулина само содержание газеты неважно (зритель не видит стенда, на котором она вывешена); важно собрание зрителей у стенда как символ социальной солидарности[84].

Таким образом, стенгазета, как и другие агитационные жанры, прошла путь «от харизмы до ханжества», как выразился Майкл Горам об идеалах публичного ораторства 1920—1930-х гг.[85] По крайней мере в некоторых местах стенгазета к концу 1930-х гг. полностью утратила популярность: по признанию одного быв-

[81] См., например: Соловьева Л. Бороться против ругани // Работница. 1940. № 25. С. 20.

[82] Стенгазета в доме // Работница. 1939. № 13. С. 13. О свердловской стенгазете см.: Наша стенгазета // Там же. С. 5. О благодарности как о тропе в сталинистском дискурсе см.: J. Brooks, Thank You, Comrade Stalin!: Soviet Public Culture from Revolution to Cold War (Princeton: Princeton University Press, 2000), особ. ch. 4.

[83] См. иллюстрацию в: Бойко Г. П. Стенная газета и боевой листок подразделения: В помощь редколлегиям стенных газет, воинскому активу и политработникам. М., 1949. С. 62.

[84] См.: Советский художник. 1953. № 1. С. 5. Автор обзора «Советское изобразительное искусство в 1952 г.» (там же) очень хвалит картину: «Достоинство этого полотна, во-первых, в том, что художники нашли и ясно раскрыли сюжет, который позволил им не просто статично и равнодушно написать людей производства, но показать живую линию, борьбу за честь своего цеха рабочих разных поколений, показать, как связывают общие интересы этот большой разноликий коллектив».

[85] Gorham, «From charisma to cant».

него комсомольца-энтузиаста, уже в 1935 г. «никто не читал [стенгазет], потому что все заранее знали, что там нет ничего интересного»[86]. Однако наследие сентиментального популизма 1920-х гг., когда популярные тексты считались истиной вследствие их эмоциональности, продолжало жить даже в атрофированном виде (являясь проявлением парадоксального акцента на однородности дискурса, но одновременно и на жанровой дифференциации, который лежал в основе эстетики соцреализма)[87]. Авторы пособий конца 1930-х — начала 1940-х гг. по-прежнему пользовались такими терминами, как «живой и теплый» при описании текстов для стенгазет; некоторые из них критиковали чрезмерную унылость заметок[88]. Стенгазета по-прежнему называлась стержнем, объединяющим рабочих, и выражением живого интереса к политическим дискуссиям. Например, в номере «Работницы» за 1952 г. рассказывается, как энергичная продавщица приходит на новое место работы и видит апатичных коллег и стенгазету, заросшую паутиной — явный признак недостаточного ухода за рабочим местом[89]. Авторов заметок призывали не только критиковать руководство предприятий (хотя не слишком резко), но и называть при этом имена[90].

Свидетельства о функционировании стенгазет на практике после середины 1930-х гг. найти довольно трудно. Но по крайней мере некоторые организаторы стенгазет вели себя явно неосторожно. Акцент на «профессиональном» уровне означал, что материал — в частности, рисунки — иногда покупался на стороне, а не создавался в коллективе (Юрий Лотман вспоминал, что в студенческие годы зарабатывал деньги, рисуя портреты Сталина для стенгазет)[91]. В то же время разрыв между двумя представлениями о популярном дискурсе — как о ритуальном повторении тропов официальной пропаганды, когда советские граждане уничиженно выражали свою благодарность мудрым вождям, и как о независи-

[86] Красовский в Soviet Youth, 145. Согласно тому же источнику, местом для оживленных дискуссий оставался — пока об этом не дознались власти — неформальный информационный листок (Там же).

[87] Этот парадокс просматривается в организации дискуссий на Первом съезде советских писателей. Общие политические заявления Горького, Радека и прочих ораторов сочетались со специальными дискуссиями, например, о детской литературе, прозе, поэзии и драматургии. Рабоче-крестьянские делегаты выдвигали не только такие общие требования, как понятность, но и призывали к разнообразию жанров (прославление достижений советских женщин, веселые сатиры и т. д.) См.: Первый съезд советских писателей: Стенографический отчет. М.: Художественная литература, 1934.

[88] См.: Шлюшлепп В. Смотр стенных газет // Рабоче-крестьянский корреспондент. 1939. № 2. С. 58; Бойко. Стенная газета. С. 41 (цитируется также пример чрезмерно ревностной редактуры).

[89] Щелоков М. У нас в магазине // Работница. 1952. № 4. С. 27.

[90] См.: В помощь стенгазете. С. 202.

[91] Лотман Ю. М. Просматривая жизнь // Вышгород: Литературно-художественный общественно-политический журнал. 1998. № 3. С. 38. Вполне вероятно, что многие организаторы решали проблему пристойности еще проще — размещая в стенгазете вырезки или выписки из официальной советской прессы; о распространенности такой практики свидетельствует тот факт, что пособия критиковали ее еще в 1920-е гг.

мой форме выражения, которая не просто дублировала дискурс элиты — порой приводил к появлению материалов, отнюдь не копировавших основную струю советской прессы. Например, в пособии 1949 г. для военкоров (корреспондентов и организаторов стенгазет в армии) цитировалось следующее осуждение нерадивого дежурного, который спал на посту, и солдата, помогавшего сокрыть эту оплошность:

> «Сидит Андриянов с автоматом в руках и охраняет мирный сон помдежа. И заодно рисует петушков и собачек. А тут как на зло телефон звонит, сосредоточиться мешает. Звонил телефон, звонил да и надоело. Говорит телефонист офицеру, который с дежурным связаться хотел: "У телефона, очевидно, маленькая неисправность".
>
> И, оказалось, прав был телефонист. У телефона действительно сидела, рисуя петушков и собачек, неисправность, но не маленькая, а довольно солидная».

Далее в заметке описывается, как Андриянов не ответил на приветствие вошедшего офицера, а на вопрос, где дежурный, сказал: «Неизвестно». Когда он наконец встал, обнаружилось, что его форма в полном беспорядке («гимнастерка расстегнута, подворотничка на ней нет, ремень пряжкой ушел под самую лопатку»). Вдобавок он еще солгал о том, в чьем распоряжении находится. В конце заметки автор выражает надежду, что настоящий начальник солдата «устранит неисправности как в туалете Андриянова, так и в его отношении к службе»[92]. Опять же, автор брошюры указывал, что подобного рода «зубоскальство» совершенно неуместно в стенгазете.

Однако, свидетельства того, что в стенгазетах по-прежнему встречаются неуместные с официальной точки зрения заметки, были крайне нехарактерны для конца 1940-х гг. В большинстве пособий по стенгазетам теперь приводились лишь примеры восхвалений и легкой критики, а отнюдь не инвектив; примеры хорошего, а не плохого. Тем самым подразумевалось полное соответствие роли, которая была предписана государством «широкой общественности», и исполнения этой роли публикой. И только во время хрущевской оттепели конца 1950-х гг. предпринимались попытки возродить роль стенгазеты как форума для общественного мнения. Они чувствовались, например, в издании новых пособий для авторов стенгазет и в возобновлении журнала «Рабоче-крестьянский корреспондент», который перестал выходить в 1941 г. Итогом стал недолгий стенгазетный бум. Например, стенгазета филологического факультета МГУ, которая в конце 1940-х и начале 1950-х гг. умещалась на простой доске объявлений в метр длиной, все разрасталась и разрасталась, и в начале 1960-х гг. занимала целый коридор, став катализатором оживленного литературного творчества и включая не только комментарии по конкретным фактам, но и художественные тексты, в том числе стихотворения[93]. Однако, с середины 1960-х гг., после очередной перемены в офи-

[92] Бойко. Стенная газета. С. 34.

[93] Пример послесталинского пособия: Стенгазеты — активные бойцы семилетки. Псков: Псковская правда, 1959. Информацией о стенгазете филфака МГУ поделился со мной академик

циальных представлениях о том, как управлять общественным мнением, «волюнтаристический» подход к стенгазете снова подвергся осуждению; учитывая, что в послесталинскую эпоху разразились также весьма бурные дискуссии о том, уместна ли критика чужого поведения при *любых* обстоятельствах, жанр, столь сильно ассоциировавшийся с «бдительностью», в любом случае был обречен по меньшей мере на двусмысленный статус[94].

Заключение: стенгазета как проводник антикультуры, низкого стиля и «иррационального коллективизма»

Было бы справедливо сказать, что советские чиновники, пытавшиеся регулировать издание стенгазет, оказались почти в том же положении, что в конце XX и начале XXI в. — администраторы систем электронной почты, которые — несмотря на существование руководств (учебников по «нетикету») и возможностей для весьма суровых санкций (например, отключения) против нарушителей, — не в силах остановить служащих, развлекающихся клеветой, скандалами, сплетнями и интригами, не говоря уже про разновидности вербального хулиганства, такие, как харасмент, в своих электронных посланиях, но в то же время всячески поощряют этот жанр вообще, поскольку его существование рассматривается как символ корпоративной солидарности и деловой эффективности. Как и в случае электронной почты, проблемы со стенгазетами отчасти вызывались неясностью с тем, какими должны быть признаки жанра. До революции люди, не обладавшие опытом деловой переписки, могли сверяться с руководствами, которые учили их составлять формальные послания фраза за фразой. Эти «письмовники», однако, исчезли после разгрома частного книгопечатания, осуществленного большевиками после переворота 1917 г.[95] В любом случае, после перемен, произошедших в эпистолярном стиле, формулировки, рекомендованные письмовниками (такие зачины, как «Милостивый государь! Позвольте почтительно Вас поздравить с днем рождения Вашей супруги!»), стали такими же неуместными, как и фраза «Мы внимательно изучаем ваше сообщение от 25 числа сего месяца» в электронном послании в конце XX века. Однако, письмовники представляли собой своего рода негативный фон при составлении советских пособий, поскольку идея о том, что издания такого рода нелепы и вредны для читателя, была распространена среди дореволюционных интеллектуалов левых убеждений, чьи

М. Л. Гаспаров. Однако, даже в тот период создание стенгазет иногда требовалось «поощрять»: ср. антологию, выпущенную к 40-летию Пионерской организации, в которой некий пионер высказывает свою мечту: чтобы все писали в стенгазету «Ежик» без напоминаний. См.: Слушайте все! / Сост. А. Маркуша. М., 1962. С. 14.

[94] О дискуссиях насчет «бдительности» см.: Kelly, Refining Russia, 325—32.

[95] В официальном библиографическом еженедельнике «Книжная летопись» перечисляется несколько письмовников 1917 г., но впоследствии этот жанр исчезает. Первым «письмовником» для электронной почты был Jonathan Whelan, Writing Business Emails (How To Books, 2000), см.: The Guardian («Office» section), 15 May 2000, 5.

вкусы повлияли на формирование советской издательской политики[96]. Щепетильное отношение к нормотворчеству, несомненно, объясняет, почему не предпринималось попыток обновить дореволюционные письмовники, и почему призывы к творческой деятельности, предназначенные для советских масс, очень быстро затормозили установление правил, исходя из того, что процесс творчества не должен быть чисто имитационным. Но отсутствие ясности на этом уровне и противоречие между различными представлениями о функции популярных средств коммуникации в публичной сфере (должны ли они воспевать существующее положение? воспитывать представителей массы, лишенных сознательности? представлять собой истинное выражение общественного мнения?) создавало возможность провала между официальными идеалами пролетарского литературного творчества и идиомами, которые на самом деле использовались авторами стенгазет при обращении к публике.

То, как должна была работать стенгазета, описывается в повести Лидии Чуковской о ежовских чистках «Софья Петровна». Героиня читает стенгазету в своем издательстве и видит, что попала под очередной залп идеологического огня:

> «Как же могло случиться, чтобы вредители в течение целых пяти лет без помехи обделывали свои грязные дела перед носом советской общественности?» — прочла Софья Петровна. Это была передовая Тимофеева. На столбце рядом начиналась статья предместкома. Анна Григорьевна язвительно уличала Тимофеева в том, что выступление его на собрании было недостаточно самокритично [...] Софья Петровна перевела глаза на следующий столбец. И прежде чем она поняла, что читает, у нее стало жарко в груди. Статья была о ней самой, о Софье Петровне [...] Товарищ Липатова выступила с настоящей адвокатской речью — и кого же она сочла необходимым защищать? Фроленко, полковничью дочь, позволившую себе грубый антисоветский выпад против нашей любимой рабоче-крестьянской Красной Армии»[97].

Софья Петровна становится жертвой того, что авторы брошюры «В помощь стенгазете» (1937) считали бы совершенно законным обличением под должным руководством партийных органов, использующим лексикон праведного негодования, а не скандальной сплетни. Имеются документальные свидетельства того, что стенгазета порой выступала как инструмент власти, хотя не всегда точно так, как описывает Чуковская. Оппортунизм постфактум, похоже, был столь же распространен, как и заблаговременные манипуляции. Следующая история происходила в ленинградской артели «Медработник» в 1932—33 гг. Назначение в редакторы стенгазеты акушерки Р. И. Паутовой вызвало трения в коллективе клиники, поскольку общие слова о плохой работе сменились критикой в адрес конкретных лиц, которые реагировали на ситуацию тем, что попытались избавить-

[96] Например, у Чехова имелось собрание письмовников, которые он любил читать вслух в пародийном ключе, а один из его ранних рассказов представляет собой сатирический мини-письмовник. Об этом, как и о пародийном письмовнике, издававшемся петербургским сатирическим журналом «Новый Сатирикон», см.: Refining Russia, chapter 3.

[97] Чуковская Л. Софья Петровна. М., 1988. С. 77—78.

ся от назойливой рабкорки. В ответ администрация на какое-то время отправила Паутову на другую работу, а затем, когда она вернулась и нападки возобновились, обрушила на акушерку встречные обвинения в том, что та якобы пьянствует во время дежурств и работает небрежно, после чего выгнала ее из артели. После расследования, проведенного делегацией из КСК, Паутова была отмщена: ее главный противник, доктор Чуковский, был обвинен по статье 161 УК, но поскольку суд не нашел в его действиях преступления, КСК передала дело самому Вышинскому[98].

Общая черта в деле Паутовой и в вымышленном случае с Софьей Петровной — то, что в обоих случаях в них участвуют служащие с углубленным представлением о том, для чего нужна стенгазета. Постоянные сетования в пособиях 1920-х и даже 1930-х гг. свидетельствуют о том, что партия редко — по крайней мере до послевоенного периода — пыталась столь прямолинейно влиять на поведение в трудовых коллективах через стенгазеты[99]. Собственно говоря, рабочие хорошо усвоили тот факт, что стенгазета должна использоваться для критики, и в употребление вошли некоторые лингвистические формулировки публичного осуждения («такого-то следует призвать к ответу...», «мы должны осудить...»). Но некоторые, если не все, авторы считали стенгазету средством для критики в рамках коллектива, для карательных мер против нарушителей правил, а также для того, чтобы требовать от заводского руководства соблюдения мер безопасности, а вовсе не средством участия в общественной работе, то есть коллективного существования в широком смысле, и приобщения к дискурсу элиты.

С точки зрения официальных советских кругов, стенгазета должна была настраивать граждан на осуждение врагов, что рассматривалось как проявление гражданского долга; однако, на низовом уровне стенгазета зачастую отражала и укрепляла противостоящую культуру отношения к доносам — «закон молчания», характерный для замкнутых сообществ, оказавшихся под угрозой, когда «стукачи» и «ябеды» подвергаются крайнему осуждению, но одновременно проступки сурово караются членами самой общины[100]. Если донос, отправленный властям, зачастую представлял собой способ сведения личных счетов — прибегали ли к нему от отчаяния, или из эгоистического стремления лично поживиться, — то сочинение заметок для стенгазеты являлось практикой, укреплявшей коллективную солидарность, но в совершенно ином смысле, чем понимали партийные власти. Вместо того, чтобы служить образцом для авторов стенгазет, рев-

[98] См.: ЦГА СПб. Ф. 960. Оп. 2. Д. 337. Л. 13. Ссылку любезно предоставил Дэниэл Бир.

[99] У меня нет непосредственных сведений об истории стенгазеты во время Второй мировой войны, но рискну предположить, что она вела достаточно полнокровную жизнь, с некоторым уклоном в скабрезность, скажем, в антигерманской пропаганде. Широкое распространение этого жанра по крайней мере на фронте может объяснить, почему Бойко в своей книге (в противоположность пособиям для гражданских лиц) по-прежнему считает необходимым предостеречь от «зубоскальства».

[100] О различии между осуждением и доносом см.: S. Fitzpatrick, 'Discourses of denunciation' in Journal of Modern History, 68:4 (1996), 765.

постные «культурники» и рабочие, добившиеся выдающейся производительности, могли оказаться мишенью для точно тех злобных сплетен, которые считались несовместимыми с большевистским языком. Пример такого рода представляет собой заметка о Семене Каце. Авторам руководства 1937 г. казалось нелепым, что рабочего-ударника упрекают за то, как он проводит свой досуг. Но в глазах автора заметки Кац совершил непростительный грех, позволив себе глядеть «сверху вниз» на своих товарищей (возможно, еще и усугублявшийся — хотя никаких прямых доказательств этому нет — тем, что Кац был евреем).

Вполне вероятно, что Мэттью Лено был прав, когда утверждал, что некоторые популярные тексты, такие, как письма и заметки для стенгазет, «отражали не сколько идентичность личности или менталитет, сколько готовность говорить на большевистском языке в обмен на блага, предлагавшиеся советским государством». Стенгазеты, безусловно, использовались для этой цели. Заметка, написанная бригадиром с завода «Монтажник» в 1940-е гг., представляет собой образцовое выражение верности этосу «культурности»: «Мы решили учиться [...] Сейчас мы самостоятельно работаем над собой, изучая рекомендованную техническую литературу»[101]. Однако, стенгазета, создававшаяся как место для именно таких заявлений, как машина для формирования рационального коллективизма и укрепления «взаимопомощи» на производстве[102], порой становилась, наоборот, опорой именно для старых форм иррационального коллективизма — давления коллектива или просто зависти — которые старалась искоренить пропаганда «культуры труда». Но утверждать вслед за Лено, что авторы писем благодаря своим попыткам «говорить на большевистском языке» участвовали в дискурсе, структурированном государством, и укрепляли его, означает делать скачок от намерения к результату, который далеко не всегда оправдан[103]. Некоторые авторы слишком слабо владели своими стилистическими ресурсами, чтобы делать полезный вклад в официальный дискурс. Пусть и не питая подрывных намерений, порой они оказывались виновны в поразительных ляпах — еще в конце 1930-х гг. авторам стенгазет приходилось напоминать, что не следует перевирать слова Сталина[104]. В общем, хотя корреспонденты стенгазет всегда были добровольцами, решительно убежденными в праведности своих взглядов, они не всегда выражали эти взгляды политически приемлемым образом. Как и письма в политические институты или официальные автобиографии, заметки для стенгазеты представляли собой поле, на котором мас-

[101] Lenoe, «Letter-Writers», 147; Топчан П. День за днем: Опыт ежедневной стенной газеты «Монтажник». М.: Московский рабочий, 1946. С. 46.

[102] О последнем ср.: Топчан П. День за днем. С. 15: «Газета старается поддержать каждое проявление товарищеской взаимопомощи внутри бригад и между бригадами».

[103] Lenoe, «Letter-Writers», 147. Отождествление «идентичности личности» и «менталитета» здесь выглядит довольно странно, поскольку французское слово «mentalité» не передает всей силы идиосинкразического мировоззрения; им можно называть именно те общераспространенные оценки, которые могут быть закодированы в гегемонистском дискурсе или коллективной практике.

[104] В помощь стенгазете. С. 169. Неудивительно, что эта ошибка описывается как «форменное безобразие».

сы овладевали новым языком советской власти. Но в то же время они являлись генераторами новой культуры, в которой причудливо смешивалось старое и новое, порой столь же гротескно, как в письме рядового комсомольца, который в 1925 г. писал в ЦК Комсомола, что он ненавидит евреев, потому что «политику евреев можно узнать из 24-х протоколов, выкраденных у ЦК (так!) еврейских-мудрецов-вождей (так!)»[105]. Хотя редакционный фильтр, через который проходили заметки для стенгазет, мог обеспечить соблюдение правил грамматики и пунктуации и удалить заметные идеологические ошибки, для полупрофессиональных рабкоров, присматривавших за функционированием жанра, было еще труднее, чем для профессиональных журналистов, провести границу между «приемлемыми» и «неприемлемыми» материалами. Таким образом, история стенгазеты свидетельствует о двух сторонах программы советской модернизации — та не только внедряла новые формы практики, но порой защищала и даже определенно укрепляла традиционные шаблоны поведения и представлений[106].

[105] Письмо К. А. Лебедева генеральному секретарю Комсомола, 1 декабря 1924 (ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 23. Д. 315. Л. 122). Лебедев имеет в виду, конечно, антисемитский пасквиль «Протоколы сионских мудрецов».

[106] Подобные дискуссии об интерактивном процессе в других сферах советского общества см.: Terry Martin, «Modernization or neo-traditionalism? Ascribed nationality and Soviet primordialism», in Fitzpatrick (ed.), Stalinism, pp. 348—67; Paula A. Michaels, «Medical propaganda and cultural revolution in Soviet Kazakhstan, 1928—41', Russian Review 59 (2000), 159—78. Важно представлять себе, что популярная практика сама по себе была нестабильна и подвержена переменам, ср., например: Boris Mironov, «Peasant popular culture and the origins of Soviet authoritarianism» in Frank and Steinberg (eds.), Cultures in Flux, 54—73, где представлен редуктивный взгляд на крестьянскую культуру в попытке доказать, что «развитие Советского Союза в 1917—1940 гг. шло, так сказать, естественным путем» (p. 73).

К. В. ШЕВЧЕНКО

Русинский вопрос и политика Чехословакии в межвоенный период

Современные этнические процессы в славянских странах Центральной и Восточной Европы вновь ставят, казалось бы, уже окончательно решенный вопрос о национальной самоидентификации славянских народов. Проблемы мораван в Чехии, лемков и кашубов в Польше, русинов в Словакии и на Украине и полешуков в Беларуси ставят под сомнение традиционный взгляд на этнолингвистическую карту славянских народов и предлагают ее альтернативное прочтение. При определенных условиях эти движения, сейчас почти неизвестные широкой общественности, способны выйти из чисто культурного измерения и серьезно повлиять на политическое положение и стабильность в этой части Европы.

Проблема этнической самоидентификации восточнославянского населения нынешней Восточной Словакии и Закарпатской Украины, долгое время считавшегося украинским, является одной из самых актуальных. Русинское движение, динамично развивающееся в последнее десятилетие, самим фактом своего существования опровергает некогда общепринятое мнение об украинской этнической принадлежности восточнославянского населения Закарпатья и Восточной Словакии. После «бархатной революции» и падения социализма в Чехословакии в 1989 г., когда местное восточнославянское население Восточной Словакии получило возможность свободно заявлять о своей этнической принадлежности, оказалось, что более половины тех, кто ранее официально считались украинцами, заявили о себе как о русинах, возрождая свой традиционный этноним и систему ценностей.

Согласно официальным данным за март 1991 г., к этому времени 17 197 жителей северо-восточной Словакии идентифицировали себя как «русины» и только 13 284 заявили о себе как об украинцах. При этом около 50 тыс. опрошенных указали русинский язык в качестве родного[1], что свидетельствует о наличии значительного числа тех, кто говорит на русинских диалектах, но по разным причинам предпочитает указывать не русинскую, а чаще всего словацкую национальность.

[1] Paukovič V. Etnická štruktúra Slovenska, jej vývoj, demografické a socialné charakteristiky // Sociologia. Časopis Sociologického ústavu Slovenskej Akademie Vied, Bratislava, Ročník 26, 1994, s. 425—431.

Определенную роль в этом играет то обстоятельство, что многие русины «стыдятся за свое происхождение и выдают себя за словаков. Это неудивительно, поскольку в системе их воспитания отсутствуют все необходимые звенья, а в подсознании сохраняется закодированное чувство страха недавнего прошлого, страха переселения на Украину, о чем заявляли некоторые деятели прошлого режима»[2].

Тем не менее, динамика численности русинов и украинцев в Словакии за последнее десятилетие говорит об успехах русинского движения. Если перепись 1991 г. в Словакии зафиксировала 17 197 русинов и 13 284 украинца, то по данным последней переписи, проведенной в мае 2001 г., в Словакии насчитывалось уже 24 201 русинов и лишь 10 814 украинцев. При этом 54 907 человек указали русинский язык в качестве родного, что почти в два раза превышает количество указавших русинскую национальность[3]. Таким образом, численность тех, кто идентифицирует себя как русин за последнее десятилетие выросла с 17 197 до 24 201, в то время как численность украинцев снизилась с 13 284 до 10 814. Большую роль в этом сыграла пропагандистская деятельность русинской общественной организации «Русинска Оброда» и ее активистов. Так, накануне последней переписи в Словакии редакция газеты «Народны Новинкы», органа «Русинской Оброды», выпустила листовки, обращавшиеся к населению с известными строками русинского будителя XIX в. Александра Духновича, весьма изобретательно приспособленными для текущих пропагандистских нужд: «Я русин был, есмь и буду, а при списованю людей у маю 2001 на то не забуду!» Листовки содержали фрагмент счетной анкеты, где в графах «национальность» и «родной язык» были поставлены крестики напротив категории «русинский».

Аналогичные процессы происходят и в Закарпатской области Украины, где существует Общество Подкарпатских русинов, небезуспешно пропагандирующее среди местного населения идею отдельного, не имеющего ничего общего с украинцами русинского народа. Это вызывает болезненную реакцию местного Руха и украинских идеологов, которые обвиняют русинских активистов в предательстве украинской идеи, в сотрудничестве с «российской имперской разведкой» и даже в том, что «политрусинство все больше превращается в пятую колонну Кремля»[4]. Как бы то ни было, но идея особности Закарпатья от остальной Украины довольно популярна среди местного населения. Именно Закарпатская область выступила инициатором фактической федерализации Украины, еще во время первых президентских выборов на Украине в декабре 1991 г. подавляющим большинством голосов (78%) высказавшись за предоставление Закарпатью самоуправления.

Нежелание украинских властей признать русинов в качестве отдельного народа становится одной из главных проблем современного русинского движения, по-

[2] Milan Andraš. Súčasné postavenie Rusínov na Slovensku // Střední Evropa a Podkarpatská Rus. Edice statí, reportáží, vzpomínek a dokumentů. 16 svazek. Praha, 1997, s. 96.
[3] Slovensko 2002. Súhrnná správa o stave spoločnosti. Bratislava 2002, s. 196—197.
[4] Срібна земля-фест. 1996. N 22, 19—25 вересня.

сколько значительная часть русинов проживает на территории современной Закарпатской области Украины. В заявлении IV Всемирного Конгресса русинов, состоявшегося в 1997 г. в Будапеште, констатировалось, что в то время как Югославия, Венгрия, Польша и Словакия признали русинов как отдельный народ, Украина не предприняла аналогичного шага, что явилось нарушением Рамочной Конвенции по защите национальных меньшинств и самой украинской Конституции. IV Всемирный Конгресс русинов обратился к украинским властям с призывом признать русинов в качестве отдельного национального меньшинства. На заседании Всемирной рады русинов 14 марта 2003 г. в Ужгороде, посвященном положению русинов Подкарпатья, вновь подчеркивалось, что самой большой проблемой остается непризнание русинов Подкарпатья в качестве отдельного национального меньшинства правительством и государственными структурами Украины[5].

Говоря о сути русинского вопроса, один из теоретиков и лидеров русинского движения канадский ученый-славист П. Р. Магочий в своем выступлении на 1-м Всемирном Конгрессе русинов в восточнословацком местечке Медзилаборце в марте 1991 г. подчеркнул, что русины (за исключением русинов Воеводины) все еще не могут рассматриваться как отдельный народ. «Вопрос о том, станут ли русины отдельным народом или лишь частью какого-либо другого народа, — считает Магочий, — и составляет суть так называемой «русинской проблемы»[6].

Активная работа по кодификации русинских диалектов, созданию и распространению собственного литературного языка, возрождению специфически русинского взгляда на историю и русинских символов прошлого, критика социализма, во время которого отрицалось само существование русинского народа[7], — таковы отличительные черты современного русинского движения, которое уже достигло определенных успехов. В качестве народов со сходной исторической судьбой и как примеры для подражания современные русинские идеологи рассматривают галисийцев и каталонцев в Испании, бретонцев и эльзасцев во Франции, а также фризов в Голландии, которые «изучают и используют свой язык в официальной сфере» и поэтому способны «придать русинам оптимизм»[8]. Одним из самых главных достижений русинского движения стала кодификация русинских диалектов Восточной Словакии и создание на этой базе русинского литературного языка, отмеченное на торжественной церемонии в Братиславе в 1995 г. Все это свидетельствует о том, что русинское национальное самосознание, несмотря на интенсивную кампанию украинизации, проводимую советскими и чехословацкими коммунистическими властями с начала 1950-х гг., оказалось весьма устойчивым.

[5] Народны Новинкы, Річник XIII, ч. 13—14, 2 апріля 2003, с. 1.

[6] Rusyn, 1991, и. 2, s. 2.

[7] Согласно официальной точке зрения властей СССР и социалистической Чехословакии, все русины считались украинцами. Сам термин «русин» был объявлен ошибочным, а русинское культурное наследие в целом рассматривалось как буржуазный пережиток реакционного и отсталого прошлого. См. например: Шелепець Й. Сенс історії культури південнокарпатських українців // Oktober a ukrajinska kultura. Prešov, 1968, s. 84—85.

[8] Народны Новинкы, Річник II, 2. XII. 1992, с. 2.

Между тем, по мнению многих авторитетных ученых-славистов, восточнославянское население Закарпатья и Восточной Словакии в лингвистическом и этнографическом отношении можно считать частью украинского народа. Что же побуждает идеологов русинского движения отрицать принадлежность к украинцам, стремиться к обособлению и созданию собственного народа? Суть проблемы заключается в том, что на протяжении всего периода, когда отрицалось само существование русинского этноса (от включения Закарпатья в состав СССР в 1945 г. и прихода коммунистов к власти в Чехословакии в 1948 г.), основными критериями принадлежности к народу считались такие формальные признаки, как язык и этнографические особенности. Именно этим определялось принятое еще в двадцатые годы директивное решение Компартии Украины о том, что все русины — украинцы, которое и было реализовано на практике в СССР и ЧССР после второй мировой войны. Что же касается этнического самосознания, этого, по мнению многих современных исследователей, главного критерия, определяющего существование народа, то оно попросту не принималось во внимание. Этническое самосознание и является ключом к ответу на вопрос о причинах русинского движения. Несмотря на действительно несомненную языковую и этническую близость восточнославянского населения Словакии и Закарпатья своим собратьям по северную сторону Карпат, этническое самосознание и национальная идеология русинов развивались в других условиях и в совершенно ином направлении.

Основные черты современного русинского движения, которое трактует русинов как четвертый восточнославянский народ, отличный от украинцев, окончательно оформились в межвоенной Чехословакии. Возникновение особой русинской идентичности, отличной от преобладавших ранее русофильских и украинофильских воззрений, было результатом сложного взаимодействия ряда культурных и социально-политических факторов, а также особенностей внутренней политики чехословацких властей в межвоенный период. В. Доубек, характеризуя чешскую политику в рамках Австро-Венгрии в конце XIX — начале XX вв., писал, что славянская взаимность интерпретировалась чешскими политическими деятелями «исключительно с точки зрения политической целесообразности и должна была служить только в чешских интересах [...] Чешская политика, пребывая в состоянии ежедневной конфронтации с немецким элементом в Чехии и Австрии, тяжело переносила культурное, экономическое и прочее превосходство, демонстративно проявляемое немецкими националистами. Подобный травмирующий опыт слабого и подчиненного партнера компенсировался в [...] отношениях с остальными, еще более слабыми и культурно менее развитыми народами монархии. Кичась ореолом признанного центра славянства в Австро-Венгрии, чешские политики временами проявляли чувство превосходства в отношении своих потенциальных славянских союзников»[9]. Эта меткая психологическая характеристика в известной степени относится и к деятельности чешских

[9] Vratislav Doubek. T. G. Masaryk a česká slovanská politika 1882—1910. Academia, Praha 1999, s. 72—73.

политиков после образования независимой Чехословакии, где их комплексы проявились в полной мере особенно в сфере межнациональных отношений, став одной из причин краха как судетонемецкой, так и словацкой политики Праги. По отношению к русинам эта политика трансформировалась в причудливую смесь откровенного культуртрегерства, слегка маскируемого славянской риторикой, непоследовательности, дилетантизма и явной конъюнктурщины, что в итоге привело к провалу русинской политики Праги и сыграло контрпродуктивную роль в истории самой Чехословакии.

Самосознание русинов до вхождения в состав Чехословакии

Закарпатские русины, будучи крайней западной частью обширного восточнославянского материка, уже на заре своей политической истории оказались в составе Венгерского королевства, образовавшегося после прихода кочевых мадьярских племен на Паннонскую равнину в конце IX в. Географическая изоляция русинов от их восточнославянских соплеменников (труднопреодолимый в эпоху средневековья Карпатский хребет) дополнилась политической. Подобная изолированность в сочетании с жесткой ассимиляционной политикой венгерских властей постепенно сформировали у русинов потребность в мощном славянском покровителе-единоверце, что стало одной из особенностей русинского менталитета. С формированием славянского самосознания у русинов роль духовного покровителя в их глазах естественным образом приобретает Россия, единственное к началу XIX в. мощное и независимое славянское государство.

Глубокое русофильство было характерно уже для первых поколений русинской интеллигенции. Основой этого русофильства стала идея о существовании единого и неделимого русского племени от Карпатских гор до Тихого океана, одной из ветвей которого являлись подкарпатские русины. Появление этой теории среди русинских будителей было закономерно, поскольку близость языков и схожесть этнонимов указывали на общие корни, уходящие во времена Киевской Руси. Кроме того, определенное значение имело и конфессиональное родство — греко-католическое духовенство русинов испытывало дискриминацию со стороны господствовавшей римско-католической церкви и всегда помнило об изначально православном прошлом своих прихожан, тем более что языком богослужения продолжал оставаться церковнославянский.

В начале XIX в. многие представители русинской интеллигенции учились и работали в России, которую считали своей родиной. Большой вклад в развитие русской науки и культуры внесли русины по происхождению И. Орлай, М. Балудянский, известный историк-славист И. Гуца-Венелин, именем которого названа одна из улиц в Софии. Известные русинские будители XIX в. развивали теорию принадлежности русинов к единому русскому племени. Так, самый видный представитель русинского возрождения XIX в. Александр Духнович создал учение о высоком и низком стилях в литературе. К первому он относил современный ему русский литературный язык, пропагандистом которого выступал, ко второму —

местные народные диалекты. Стремясь привить народным массам «правильный», но не совсем понятный для них русский литературный язык, Духнович писал свои произведения так называемым «язычием», т.е. смесью церковнославянского и русского литературного языков со значительной долей местных диалектизмов. По сути, этот культурно-лингвистический эксперимент, направленный на распространение среди русинов русской «высокой культуры», которую русинские будители считали своей и которую, по их мнению, нужно было просто «освоить», был началом реализации на практике идеи о принадлежности русинов к единому русскому народу. Авторитет Духновича и его произведений был настолько велик, что они стали краеугольным камнем формирующейся национальной идеологии русинов, а положенное на музыку стихотворение Духновича «Я русин был, есмь и буду...» служит национальным гимном русинов. Идеи Александра Духновича были продолжены последующими поколениями русинской интеллигенции.

Усиление русофильства среди закарпатских русинов в середине XIX в. было связано и с конкретными событиями. Современники свидетельствовали, что местное славянское население современных территорий Закарпатья и Восточной Словакии восторженно встречало русскую армию под командованием генерала Паскевича, вступившую в пределы Австрийской империи в 1849 г. для подавления венгерского антигабсбургского восстания. На местных русинов произвело ошеломляющее впечатление то, что солдаты самой мощной армии в Европе «по-нашему говорят» и «по-нашему молятся». Все это резко контрастировало с пропагандой эмиссаров лидера венгерской революции Лайоша Кошута, изображавшей русскую армию как неуправляемое полчище свирепых дикарей, одетых в звериные шкуры и сметающих все на своем пути. Сам Александр Духнович вспоминал позднее, что самой большой радостью в его жизни был момент, когда он «впервые увидел на улице прешовской казака». (*Прешов — город в современной Восточной Словакии, научный и культурный центр местных русинов*). Очень теплые воспоминания о пребывании русской армии в Словакии сохранил и лидер словацкого национального движения Людовит Штур. В своем письме И. И. Срезневскому 15 декабря 1850 г. из Вены Штур писал, что «с радостью лицезрел каждый славянский взор северных братьев на дунайских нивах [...] Русские войска очень хорошо относились к нашему народу [...] Особенно бросалась в глаза нашему народу доброта русских воинов, которую они особенно ярко проявляли по отношению к детям. Когда они видели бедного человека, они давали ему все, что имели: хлеб, мясо и водку. Русский народ ушел от нас, благословляемый нами, уважаемый венграми, а офицеры его ушли с ненавистью к немцам» [10].

Мощные прорусские настроения среди русинов выделялись даже на фоне общей русофилии, свойственной в то время всем славянским народам Австрийской империи, за исключением поляков. Примерно в то же время часть галицкой интеллигенции во Львове начинает активную работу по кодификации и созданию независимого от русского отдельного украинского литературного языка на основе мест-

[10] Славяне. Ежемесячный журнал Всеславянского комитета. 1944. № 4. апрель. с. 23.

ных восточногалицких диалектов. Примечательно, что Духнович, Добрянский, Павлович и другие деятели закарпатских русинов крайне отрицательно отнеслись к попыткам создания украинского литературного языка, восприняв это как опасный сепаратизм. В своем письме галичанам в 1863 г. Духнович осудил украинскую ориентацию и выразил удивление, как «чистый русский язык» галичан «мог превратиться в украинский»[11]. Отсюда, пожалуй, и можно вести отсчет началу существования двух различных национальных идеологий — украинской, которая, опираясь на поддержку австрийских властей, постепенно побеждала в Галиции, и русинской, по-прежнему преобладавшей в Закарпатье и сохранявшей верность идее общерусского единства и русскому литературному языку. С этого времени окончательно разошлись пути закарпатских и галицких русинов, единого ранее этноса, раскол которого был следствием разных культурно-политических условий, предопределивших различные векторы развития. Если Галиция со Львовом входила в австрийскую часть империи Габсбургов, то земли, населенные закарпатскими русинами, входили в венгерскую часть Австро-Венгрии, которая обладала значительной автономией во внутренней политике. Поддержка галицких украинофилов со стороны австрийских властей сыграла существенную роль в их окончательной победе над местными москвофилами, которые отстаивали те же идеи, что и представители закарпатских русинов.

После преобразования Австрийской империи в Австро-Венгрию в 1867 г. резко усиливается политика мадьяризации славянских народов Венгрии. Со второй половины XIX в. вплоть до конца Первой мировой войны русинское национальное движение было практически заморожено. Особенно сильно в это время мадьяризация затронула русинскую и словацкую интеллигенцию. К концу XIX — началу XX вв. угроза полной ассимиляции не только русинов, но и словаков стала вполне реальной.

К моменту вхождения в состав Чехословакии, возникшей после распада Австро-Венгрии в октябре 1918 г., в населенных русинами закарпатских землях в целом преобладало традиционное русофильство. Специфика территорий, населенных русинами и вошедших в состав ЧСР, нашла свое отражение в их официальном названии — Подкарпатская Русь.

С появлением Чехословакии положение русинов резко изменилось. Чехословацкая республика, славянский характер которой подчеркивался ее лидерами, стремилась извлечь конкретную пользу из абстрактной идеи славянской взаимности. Поэтому русинская интеллигенция получила значительно большую свободу в области национальной и культурной деятельности, чем прежде в составе Венгрии, хотя влияние чехословацких властей на положение русинов было очень велико. В рамках ЧСР среди русинов постепенно оформились три главных течения, ориентировавшиеся на различные идентификационные модели. Самым старым и исходно наиболее влиятельным было традиционное русофильст-

[11] Ludovit Haraksim. K sociálnym a kultúrnym dejinám Ukrajincov na Slovensku do roku 1867. Bratislava, 1961, s. 182.

во. Быстро набирало силу молодое украинофильство. Наконец, третьим стало собственно русинское течение, считавшее русинов отдельным народом, а не частью русских или украинцев.

Особенности менталитета русинов проявились в процессе присоединения Подкарпатской Руси к Чехословакии. Вследствие крайне неблагоприятных внутриполитических условий в Венгрии, первый шаг в направлении радикального политического решения русинского вопроса был сделан представителями многочисленной русинской диаспоры в США. Всеобщий русинский конгресс, состоявшийся 13 июля 1917 г. в Нью Йорке, принял решение о выходе из состава Венгрии и присоединении к России. По воспоминаниям одного из участников конгресса, «это было вполне естественно, что мы, как русские, хотели в то время присоединиться к России»[12]. Однако приход к власти в России большевиков заставил американских русинов изменить первоначальное решение. 30 мая 1918 г. лидеры американских русинов обратились к Масарику с предложением принять их в состав будущего Чехословацкого государства. Позже это предложение было поддержано президентом США Вильсоном. По решению Русинского Национального Совета после длительных подготовительных процедур был проведен референдум среди делегатов проживавших в Америке венгерских русинов. Он состоялся в Скрэнтоне (Scranton) уже после провозглашения независимой Чехословакии, в ноябре 1918 г. 67% делегатов высказались за присоединение к ЧСР, 28% — за присоединение к Украине и только по 1% — за присоединение к Венгрии и большевистской России[13].

В самой Венгрии русины стали проявлять политическую активность после распада Австро-Венгрии. Было образовано три национальных совета в Прешове, Ужгороде и Хусте. Прешовский национальный совет во главе с известным русофилом А. Бескидом выступал за присоединение к ЧСР (поскольку в России произошла большевистская революция), национальный совет в Ужгороде высказался за присоединение к Венгрии и национальный совет в Хусте — за присоединение к Украине. Позднее чехи объясняли поведение национального совета в Хусте тем, что он «был изолирован от западных территорий и не был информирован об итогах плебисцита в Америке»[14]. Однако очевидно, что совет в Хусте не мог не испытывать влияние соседней Галиции, где в ноябре 1918 г. была провозглашена Западноукраинская республика. 15 января 1919 г. чехословацкие войска вступили в Ужгород. В конце января пришло известие, что американские русины проголосовали за присоединение их исторической родины к Чехословакии. Эта информация имела решающее влияние на местных русинских политиков.

[12] Hatalak Petr. Jak vznikla myšlenka připojiti Podkarpatskou Rus k Československu. Užhorod, 1935, s. 13—14.

[13] Raušer Alois. Připojení Podkarpatské Rusi k Československé Republice // Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznaní Podkarpatské Rusi, V Bratislavě, 1936, s. 63.

[14] Chmelař Josef. Politické poměry v Podkarpatské Rusi // Podkarpatská Rus. Obraz poměrů přírodních, hospodářských, politických, církevních, jazykových a osvětových, Praha, 1923, s. 186.

8 мая 1919 г. был созван Центральный Русинский Национальный Совет, сформированный из представителей всех трех местных русинских советов, и как высший русинский орган одобрил решение американских русинов и санкционировал присоединение к Чехословакии.

Положение русинов в межвоенной Чехословакии

Первоначальная позиция трех местных русинских Советов отразила особенности национально-культурной ориентации различных регионов, населенных русинами. Специфика положения русинского населения в составе межвоенной Чехословакии заключалась в том, что новая административная граница между Словакией и Подкарпатской Русью, проходившая по реке Уж, оставляла значительную часть русинского населения (около 100 тыс. человек) в составе Словакии. В отличие от русинов Подкарпатской Руси, русины Восточной Словакии оказались в роли национального меньшинства без какой-либо автономии. Права словацких русинов регулировались параграфом 6 Конституции Чехословакии, который гарантировал каждому меньшинству право пользоваться родным языком в общественной сфере и в прессе. В тех регионах, где проживало «значительное количество» граждан, относящихся к национальным, религиозным или языковым меньшинствам, разрешалось использование родного языка при обучении детей [15].

В отличие от Словакии, управление Подкарпатской Русью осуществлялось из Праги на основании Генерального Статута, изданного чехословацким правительством 18 ноября 1919 г. Этот основополагающий для Подкарпатской Руси правительственный документ провозглашал официальным языком язык местного населения и декларировал нежелание чехословацких властей вмешиваться в местные межнациональные споры. Упоминая о «части русинов, живущих в Словакии», Генеральный Статут рекомендовал представителям обоих народов «вести переговоры относительно возможного присоединения русинских территорий в Словакии к автономному русинскому образованию» [16].

Эти обстоятельства оказали серьезное влияние на культурную эволюцию русинов в Подкарпатской Руси и Восточной Словакии. По мнению П. Магочего, положение восточнословацких русинов имело три отличительные черты: 1) нерешенный вопрос об объединении с Подкарпатской Русью и постоянные трения со словаками насчет политической лояльности, цензуры, языка обучения в школах; 2) тяжелая экономическая ситуация, еще более ухудшившаяся после экономического кризиса 30-х гг.; 3) культурное возрождение, повлекшее за собой проблему приемлемой национальной идентичности [17].

Чехословацкие власти на словах не исключали возможности изменения административной границы между Словакией и Подкарпатской Русью, что стимули-

[15] Ústava Československé Republiky. Praha, 1921, s. 30—32.
[16] Slovenský Deník, 17. 12. 1919.
[17] См. Magocsi P. R. The Rusyns-Ukrainians of Czechoslovakia. A Historical Survey. Wien, 1983, p. 36.

ровало активность русинских политиков в этом направлении. Стремление к объединению всех русинских земель в единую административную единицу было одним из немногих пунктов, объединявших всех русинских политиков вне зависимости от их ориентации. В целом же, различия между русинами Восточной Словакии и русинами Подкарпатской Руси продолжали нарастать. Одна из главных причин этого заключалась в появлении и последующей экспансии украинофильского течения.

Зарождение и растущее влияние украинского культурного фактора в Подкарпатской Руси в условиях межвоенной Чехословакии было вызвано несколькими обстоятельствами. В первую очередь это было связано с влиянием соседней Галиции. Массовая эмиграция галицких украинцев в ЧСР привела к тому, что многие из них осели на территории Подкарпатской Руси и активно включились в украинскую пропаганду, стремясь «пробудить» у этнически близкого им местного русинского населения украинскую самоидентификацию. Архивные материалы свидетельствуют о том, что в начале 1930-х гг. число украинских эмигрантов в ЧСР составляло около 6 тыс. человек. Примерно 30% из них были выходцами из Галиции[18]. А если учесть, что в начале 20-х гг. число украинских эмигрантов в ЧСР было намного больше, чем в 30-е гг., то становится очевидным большое влияние украинской интеллигенции на ситуации в Подкарпатской Руси. По воспоминаниям одного из украинских эмигрантов, «когда в июле 1919 г. полк Крауса из украинской галицкой армии пришел в Подкарпатскую Русь, много галичан осталось здесь на постоянное жительство. Они развернули украинскую пропаганду и учредили общество «Просвита»[19]. Символичным представляется и тот факт, что один из ведущих представителей и теоретиков украинофильства филолог Иван Панкевич был не местным уроженцем, а эмигрантом из Галиции. Со временем украинофилам удалось привлечь на свою сторону значительную часть интеллигенции Подкарпатской Руси.

Культурные и политические приоритеты, провозглашаемые украинофилами, были неприемлемы для русинских традиционалистов. Украинофилы настаивали на принятии украинской фонетической орфографии, что вступало в противоречие с традиционной русинской этимологической системой письма, близкой церковнославянскому и русскому литературному языкам. Кроме того, идеологический облик украинофильского течения в его радикальном галицком варианте предполагал полный и решительный отказ от традиционных русинских ценностей и культурного наследия, отмеченных глубокой русофилией, преклонением перед Россией и русской культурой и верностью идее «единого русского племени от Карпат до Тихого океана». Именно поэтому украинские требования остро критиковались русинскими русофилами.

[18] Tejchmanová S. Dokument o ukrajinské emigraci v meziválečném Československu // Slovanský Přehled. 1992, N 2, s. 184.

[19] Кміцікевич Ярослав. 1919 рік на Закарпатті. Спогад. // Науковий збірник музею української культури в Свиднику. 1969. № 4. с. 391.

В полемике украинофилов и русофилов отразилась свойственная традиционному русинскому мировоззрению приверженность историческому наследию Киевской Руси. Русофилы рассматривали Россию как прямую преемницу Киевской Руси, что увязывалось с их тезисом о существовании единого русского народа. Русофильская пресса в Подкарпатской Руси и Восточной Словакии поддерживала и пропагандировала идею единого русского народа, включая «южных русских» и белорусов[20]. Сами русины рассматривались местными русофилами как малая, самая западная ветвь великорусского дерева, сохранившаяся только благодаря духовной связи с Россией[21]. Русинская пресса в Восточной Словакии отличалась наибольшим радикализмом в полемике с украинофилами. «Народная Газета», печатный орган местной Русской Народной партии, постоянно публиковала статьи, утверждавшие, что украинское национальное движение — не более чем искусственный феномен, изобретенный в Берлине и Вене с целью расколоть русский народ и ослабить его единство.

Председатель Русской Народной партии в Восточной Словакии доктор Мачик рассматривал Украину лишь как географическую часть России и отрицал существование отдельного украинского народа. На страницах «Народной Газеты» Мачик утверждал, что все украинское движение представляет из себя не более чем предательские устремления определенных кругов подорвать единство русского народа и подчинить его иноземному игу. «Австрии было невыгодно русское самосознание в Галиции и вот австрийское правительство рука об руку с польской шляхтой [...] старается создать из русского населения Восточной Галиции особый, отличный от русского, народ с отдельной культурой и особым языком, — писал доктор Мачик. — [...] На помощь к этому стремлению приходят иезуиты. Под видом реформы ордена св. Василия поместили там иезуитов, которые старались создать особый язык, всем славянским языкам чуждый, язык украинский, устраивали в Галиции интернаты, в которых воспитывали в желательном для них духе новую интеллигенцию [...] Доктор К. П. Крамарж сообщает следующий любопытный эпизод: [...] он работал в венских архивах, где познакомился с чиновниками министерства народного просвещения. Пригласив одного из них на прогулку за город, он получил отказ и на вопрос, чем же он так занят в министерстве, услышал ответ: «Не могу, мы должны наспех делать украинскую грамматику» [...] Все стремление этой партии (а не народа, ибо особого украинского народа не существует), — заключал доктор Мачик, — разбить единство русского народа и подвергнуть его чужому игу [...] Украинизация Подкарпатской Руси вызывает единодушное негодование всего населения»[22].

Яркой иллюстрацией отношения русинской интеллигенции к украинской пропаганде в двадцатые годы может служить статья студента Пражского университета Николая Калиняка, который писал в «Народной Газете», что «Украи-

[20] См. Карпатский Свет. 1928. № 4. с. 68.
[21] Карпатский Свет. 1928. № 1—2—3. с. 32.
[22] Народная Газета. 1925. № 3.

на не может представлять собой [...] краины в национальном смысле, а прямо название это происходит от территорий в юго-западной части России [...] Как и у других народов, так и в нашем русском народе нашлись юдаши, фарисеи, которые запродали свое русское убеждение за деньги и таким образом появились "лже-украинцы", купленные за Австро-Венгерские короны»[23]. Редакция «Народной Газеты» часто обращала внимание чехословацкой общественности на то, что амбициозные внешнеполитические планы украинских деятелей могут со временем поставить под угрозу территориальную целостность Чехословакии и что во время Первой мировой войны украинские военные формирования сражались на стороне Германии, против которой воевали чехословацкие легионеры.

Наряду с полемикой русофилов и украинофилов, все большее внимание в двадцатые годы русинская пресса уделяла критике чехословацких властей, политика которых вызывала растущее разочарование среди русинской интеллигенции. В открытом письме президенту Масарику в 1928 г. парох Эмилий Левканич писал: «В моих ушах звучат исторические слова Ваши, господин Президент: "Я русский народ люблю и буду всегда вам на помощи" [...] Радость не долго продолжалась [...] Наш народ был разделен территориально на Пряшевскую и Подкарпатскую Русь. Как одна часть, так и другая не процветают, но гниют. Одну из них чехизируют, другую — словакизируют наши чехословацкие славянофилы. В Подкарпатской Руси — 18 тысяч чешских урядников [...] Школьный отдел — как будто уже нет ни одного соответствующего русского человека — чисто чешский. Корреспонденция ведется на чешском языке. В Пряшевской Руси, где 200 000 русского населения, нет ни одной русской гимназии... Кто будет защищать нашу славянскую республику, — задавал вопрос автор письма, — если так легкомысленно выбрасывают славянский русский элемент из штатотворного фронта?»[24]. Критический тон русинской прессы в отношении политики чехословацких властей еще усилился в тридцатые годы. Наибольшей критике со стороны русофилов подвергалась проукраинская политика Праги в Подкарпатской Руси и ассимиляционная политика словацких властей по отношению к русинам Пряшевщины.

Украинофильское течение среди русинов было намного моложе и, в отличие от русофилов, не могло опираться на традиционное русинское культурное наследие по причине его русофильского характера. Главным преимуществом украинофилов было их обращение к «естественному праву». В интерпретации украинских активистов в Подкарпатской Руси это означало в первую очередь «право народа на создание своей собственной литературы на родном наречии»[25]. Украинофилы апеллировали к мнению тех ученых-славистов, которые считали русинские говоры диалектом украинского языка. Этой точки зрения придерживались не только украинские филологи, но и авторитетные чешские слависты, включая

[23] Народная Газета. 1924. № 1.
[24] Народная Газета. 1928. № 10.
[25] Birčak V. Dnešní stav podkarpatské literatury // Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání... s. 193.

академика Пидерле. Позиция украинофилов отразила растущее осознание частью русинов своего языкового и этнического родства с украинцами, национальная идеология которых, однако, была абсолютно несовместима с традиционными русинскими мировоззрением и системой ценностей.

В своей практической деятельности, направленной на «прививку» русинскому населению украинского самосознания, украинофилы стремились учитывать приверженность местного населения сложившемуся культурному наследию. Немедленное введение украинского фонетического алфавита, который значительно отличался от традиционного русинского, было невозможно. Осознавая это, украинофилы прибегли к тактике постепенной украинизации местного населения с учетом его культурного своеобразия, что в целом нашло поддержку у чехословацких властей. Так, «Грамматика» для местных школ была написана украинофилом Панкевичем, который, тем не менее, ориентировался на местные диалекты и использовал традиционный этимологический алфавит как более привычный для местного населения. «Грамматика» Панкевича была задумана как промежуточный шаг в переходе к украинскому фонетическому алфавиту. Учебник, автором которого был другой влиятельный представитель украинофилов Бирчак, пытался перебросить мост от традиционных русинских к новым украинским ценностям, помещая в одном сборнике и стихи убежденного русофила Духновича, и стихи украинских поэтов. Подобное соседство выглядело крайне неестественно и высмеивалось русофилами [26].

В свою очередь, русофилы также стремились учитывать местные особенности. Ключевая идея русинских будителей XIX в. о принадлежности русинов к единому русскому народу претерпела в это время некоторые изменения. Во время мадьярского господства, когда национальная жизнь была сильно ограничена, наивная романтическая русофилия вполне соответствовала духовным запросам русинского населения. Несравнимо большая идеологическая и культурная свобода в рамках Чехословакии, а также возросшие коммуникация и социальная мобильность населения сделали затруднительным сохранение всех старых догм в прежнем виде. Архаичная и в определенной степени искусственная «высокая культура» русинских будителей XIX в., с их консервативной фразеологией и ориентацией на церковнославянский и русский литературный языки, вступила в противоречие с растущим влиянием народной «низкой культуры». Под давлением обстоятельств и для сохранения своего влияния на население русофилы были вынуждены вносить изменения в свой литературный язык, малопонятный простым русинским крестьянам, приближая его к реальным русинским говорам за счет более активного использования местных диалектизмов. Постепенное осознание русофилами различий между «собственно русскими» и русинами проявлялось в том, что русофильская интеллигенция стала все последовательнее различать русских в России и «русских» в Подкарпатской Руси и Восточной Словакии. Так, один из лидеров русофильского течения С. Фенцик называл русских «старшими братья-

[26] Карпатский Свет. 1929. N 5(15). С. 615—616.

ми» и использовал этноним «карпаторусские» по отношению к местному населению[27].

Е. Сабов, другой влиятельный представитель русофильского течения, отражая перемены и противоречия в среде русофильской интеллигенции, писал, что «наш народ признает свою принадлежность к тому же племени, что и русские, но для нас наиболее важен наш язык [...] Нам не нужен ни русский, ни украинский языки, наоборот, нам нужен наш собственный язык также и в прессе. Наш народ ориентирован русофильски, не украинофильски. Если показать нашим людям русскую книгу, они встретят там незнакомые слова. Но если показать им украинскую книгу, то они даже не станут ее читать, они скажут: "это на польском"»[28]. Даже самые убежденные сторонники русофильской ориентации, вопреки своим постоянным декларациям об общерусском единстве, на страницах «Народной Газеты» часто предпочитали называть местное население «карпаторусами», тем самым косвенно признавая отличие местного населения от «настоящих русских».

Примечательно, что «Народная Газета» часто выражала сожаление в связи с плохим знанием русского литературного языка местной интеллигенцией и активно пропагандировала русский язык среди русинов. В одной из редакционных статей «Народной Газеты» говорилось, что «многие из культурных представителей нашего народа заняли по отношению к русскому языку отрицательную позицию только потому, что они этого языка не знают [...] Многие наши интеллигенты мешают возможности проникновения настоящего русского языка в народные массы. Мы в каждом номере «Народной Газеты» будем помещать популярные лекции русского языка [...] Наступает такое время, когда применяемые до сих пор средства борьбы за русский язык являются недостаточными»[29].

Таким образом, и русофилы, и украинофилы были вынуждены идти на уступки местным особенностям, поскольку это было необходимым условием усиления влияния на местное население. Ориентация на местные особенности постепенно обусловила появление третьего, собственно русинского течения, которое трактовало русинов не как часть русских или украинцев, а как отдельный народ. В наиболее яркой форме русинское течение проявило себя в Восточной Словакии. Зарождение его происходило в среде русофилов и было представлено русинским греко-католическим духовенством Восточной Словакии. Формирование русинского течения происходило не на пустом месте. Первые подобные тенденции проявились уже во второй половине XIX в., когда венгерские власти в стремлении создать противовес русофильству русинских будителей культивировали локальный патриотизм и местные особенности. В условиях межвоенной Чехословакии русинское течение явилось реакцией на новую ситуацию, когда, с одной стороны, происходило осознание местной русофильской интеллигенцией серьезных разли-

[27] Карпатский Свет. 1930. N 1—2. с. 770.

[28] Sabov E. Literární jazyk Podkarpatské Rusi // Podkarpatská Rus. Obraz poměrů přírodních, hospodářských, politických, církevních, jazykových a osvětových, Praha, 1923, s. 127—128.

[29] Народная Газета. 1926. № 19.

чий между русинами и русскими, а с другой стороны, проявлялось ее острое не желание отказаться от привычной системы ценностей и заменить ее совершенно чуждым ей мировоззрением украинофилов. Представители русинского течения предложили свой оригинальный ответ на вызывавший яростные споры русофилов и украинофилов принципиальный вопрос о том, кем же являются русины. По мнению лидеров русинского течения, русины являлись отдельным восточнославянским народом, отличным и от украинцев, и от русских. Главным представителем этого течения являлась прешовская греко-католическая епархия во главе с епископом Гойдичем.

Суть русинского течения удачно сформулировал сам Гойдич, заявивший както о себе: «Я не являюсь ни русским, ни украинцем. Я — русин»[30]. В донесении чехословацкому кабинету министров и канцелярии президента республики полицейский комиссариат Прешова характеризовал русинское течение как «крайне клерикальное, представителем которого является сам епископ Гойдич, отстаивающий мнение о том, что восточнословацкие русины не должны использовать в своей письменности ни великорусскую этимологию, ни украинскую фонетику, а должны ориентироваться исключительно на фонетику русинскую, т. е. необходимо создать русинский литературный язык в соответствии с народными говорами (на основе шаришского диалекта)»[31]. Представители русинского течения в Восточной Словакии предпринимали практические попытки создания литературного языка на основе местных русинских диалектов. Эта, по выражению И. Байцуры, «забавная смесь» стала официальным языком в народных церковных школах, находившихся под контролем греко-католического духовенства. В политическом отношении интересы русинского течения отражал Автономный Крестьянский Союз, во главе которого стояли Куртак и Бродий.

Русофильское и русинское течения были во многом схожи. Представители и того, и другого поддерживали местные традиции и существующие языковые нормы. Граница между русофилами и сторонниками русинского течения была размытой. Так, местное восточнословацкое отделение русофильского общества «Духнович» по своей направленности было скорее русинским, чем русофильским. Руководство его в официальном заявлении обозначило цели своей деятельности следующим образом: 1) сохранение единства карпаторусского народа; 2) развитие культуры на основе местных традиций; 3) местный традиционный язык должен быть признан в качестве литературного; 4) все прочие направления должны быть отброшены и расценены как «личные амбиции»; 5) любое навязывание чуждых направлений должно рассматриваться как не имеющее смысла[32]. Данное заявление относило к разряду «чуждых» не только «галицкоукраинское», но и русское направление и обращалось к местному населению не

[30] Цит. по: Bajcura Ivan. Ukrajinska otázka v ČSSR. Východoslovenské vydavatelstvo, 1967, s. 53.

[31] Státní Ústřední Archiv v Praze (SÚA), inv. č. 654, sign. 294, fond PMR, kart. č. 150, úprava národních a politických poměrů na Rusi a Slovensku.

[32] Русское Слово. 1931. № 2. С. 5.

как к «русским», а как к «карпаторусскому народу», что вообще-то было частым явлением в русофильской прессе, поэтому довольно сложно провести четкую разделительную линию между русофильским и русинским течениями в межвоенной Чехословакии. Сходство их проявлялось в том, что «многие представители местной ориентации выступали за принятие русской культуры [...] В обоих случаях принятие русской культуры оставалось мечтой, оба течения использовали "язычие" различных версий, [...] оба течения связывали национальные особенности, национальное самосознание и местную культуру с религией, оба течения отрицали существование украинской нации и культуры»[33].

Яркой чертой русинского течения, роднившей его с русофилами, была ориентация на местное культурное наследие. Представители греко-католического духовенства бережно относились к местной литературной традиции и постоянно подчеркивали, что ее основателями были крупнейшие русинские будители Павлович, Духнович и Ставровский-Попрадов[34].

Вполне естественно, что черты русинского течения, сближавшие его с русофилами, вызывали резкую критику украинофилов. Русинская ориентация характеризовалась украинофилами как «неестественное и враждебное национальной идее» явление. Сторонники ее критиковались украинофилами за «изоляционизм» и приверженность русско-церковнославянскому языку, который, по мнению украинофилов, был чужд простому народу и «искусственно изобретен кучкой местных интеллигентов, погруженных в старые традиции»[35].

С критикой русинского течения выступали и русофилы. «Народная Газета», например, отрицала само существование «так называемых русинов» и обвиняла представителей русинской ориентации в том, что они являются скрытыми пособниками украинофилов[36]. Их цели и практическая деятельность воспринимались русофилами как дополнительное препятствие на пути к главной цели — распространению русского литературного языка и русской культуры среди местного населения.

Итоги политики чехословацких властей в русинском вопросе

Особенность Восточной Словакии заключалась в том, что здесь получили развитие только русофильское и русинское направления, а украинофильская пропаганда не пользовалась популярностью. Ее сторонники были намного влиятельнее в Подкарпатской Руси, где противоборство украинофилов и русофилов распространилось на все сферы жизни и оказывало серьезное влияние на внутриполитическую ситуацию.

[33] Рудловчак О. Літературні стремління українців Східної Словаччини у 20—30 роках нашого століття // Oktober a ukrajinska kultura. Prešov, 1968, s. 146.
[34] Русское Слово. 1930. № 15. С. 3.
[35] Слово Народа. 1932. № 5. С. 2.
[36] Народная Газета. 1929. № 1.

Подобное положение было следствием большей изолированности русинов Восточной Словакии, наряду с географическими и административными факторами обусловленной созданием в первой половине XIX века отдельной грекокатолической епархии с центром в Прешове, имевшей колоссальное влияние на духовную и культурную жизнь. В составе Чехословакии обособление восточнословацких русинов от их соплеменников в Подкарпатской Руси было усилено новой административной границей по реке Уж. Русины Восточной Словакии оставались под влиянием местного грекокатолического духовенства, настроенного в подавляющем большинстве русофильски. Грекокатолическое духовенство Подкарпатской Руси, испытывавшее сильное влияние соседней Галиции, в значительной степени симпатизировало украинофилам.

Другая важная особенность русинов Восточной Словакии состояла в том, что они оказались в роли национального меньшинства и их возможности культурного и национального развития были более ограничены. Немаловажно было и то, что, в отличие от Подкарпатской Руси, в Восточной Словакии не было мощного коммунистического движения и влиятельной коммунистической прессы, которая внесла весомый вклад в формирование украинской идентичности у подкарпатских русинов. Именно коммунистические газеты одними из первых в русинском культурном пространстве начали использовать украинский фонетический алфавит[37].

Нараставшие различия в национально-культурной ориентации русинов Восточной Словакии и Подкарпатской Руси во многом определяла и политика чехословацких властей. Генеральный Статут, принятый чехословацким правительством 18 ноября 1919 г., предполагал решить языковую проблему в Подкарпатской Руси введением «народного языка» в образовании и общественной сфере. Однако местное восточнославянское население рассматривалось чешскими учеными и правительственными чиновниками как этнографическая часть украинцев, говорящая на диалекте украинского языка. Академия наук Чехословакии в ответ на запрос правительства подготовила специальный документ, где утверждалось, что «языком местного населения является украинский, который и должен использоваться в Подкарпатской Руси. Принимая во внимание, что местное население незнакомо с фонетическим алфавитом и под влиянием церковнославянского языка привыкло к этимологическому алфавиту, необходимо использовать этимологию вместо фонетики». Вице-губернатор Подкарпатской Руси в письме чехословацкому правительству сообщал, что в этом направлении он и проводил языковую политику, и поручил в 1920 г. доктору Панкевичу подготовить грамматику для местных школ, которая была издана и распространена в школах Подкарпатской Руси при содействии министерства образования Чехословакии[38].

[37] Штець М. Боротьба за літературну мову українців Східної Словаччини у 1919—1945 рр. // Oktober a ukrajinska kultura. Prešov, 1968, s. 284.

[38] Státní ústřední Archiv v Praze (SÚA), inv. č. 588, sign. 223, Fond Předsednictva Ministerské Rady (PMR), kart. č. 131, Jazyková otázka na Podkarpatské Rusi 1920—1938.

«Грамматика» Панкевича, фактически готовившая местное население к переходу на украинское правописание, стала официальным учебным пособием во всех школах Подкарпатской Руси. В то же время, использование написанных русофилами альтернативных «Грамматик» ограничивалось чехословацкими властями вопреки многочисленным протестам русофильской интеллигенции, пользовавшейся поначалу намного большим влиянием на местное население, чем украинофилы. Так, в ноябре 1927 г. языковая комиссия, состоявшая из представителей местной интеллигенции, высказалась за преподавание в школах на русском языке: четыре члена комиссии высказались за русский и два — за украинский язык[39].

«Карпатский Свет», критикуя политику чехословацких властей в области образования, обращал внимание на то, что «все учительские конгрессы высказывались большинством за преподавание на литературном русском языке. Но [...] создается поколение языковых, а значит, и культурно-национальных калек. Все это зависит от учебников, которые министерство народного просвещения, вопреки целому ряду научных отзывов, все же нашло уместным не только рекомендовать, но и признать единственными для преподавания... . Неужели из нас желают воспитать вместо русских людей, солидарных своему государству, украинствующих ирридентов? — вопрошал «Карпатский Свет». — Весь мир преклоняется перед русской культурой, все знают Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, но кто знает украинских гениев? Где они?»[40].

Открытая поддержка украинофилов чехословацкими властями проявилась в отношении к влиятельному русофильскому обществу «Александр Духнович» и украинофильскому обществу «Просвита». Так, в 1930 г. правительство Чехословакии выделило оказавшейся в тяжелом финансовом положении «Просвите» 1 млн. крон. Комментируя этот факт, «Народная Газета» утверждала, что без правительственной поддержки украинцы в Подкарпатской Руси не имели бы никаких шансов на выживание. «Удивляемся, почему чехословацкое правительство не предоставит украинцев своей судьбе, — писала «Народная Газета», — без его помощи давно бы об украинцах на Подкарпатской Руси не было бы и помину. Поведение правительства, поскольку оно не проявляет равной щедрости по отношению к русскому культурно-просветительному обществу "Александр Духнович", не может рассматриваться иначе как пристрастие к украинизму»[41]. Действительно, общество «Духнович» пользовалось гораздо меньшей материальной поддержкой официальных кругов. Так, президент Масарик передал на нужды «Просвиты» 100 тыс. крон, в то время как «Духнович» получило от него 50 тыс.[42]

Впрочем, украинские ученые, отрицавшие само существование русинов, не замечали проукраинский крен в политике Праги и умудрялись интерпретировать ее

[39] Народная Газета. 1927. № 17.
[40] Карпатский Свет. 1929. № 5 (15). С. 615—616.
[41] Народная Газета. 1930. № 3.
[42] Карпатский Свет. 1930. № 1—2. С. 772.

как поддержку «политического русинства, которое чехословацкие правящие круги вытащили из идеологического арсенала» и которое «служило удушению национального самосознания украинцев. Русинство означало языковую и культурную оторванность от украинского народа, денационализацию, т. е. чехизацию и словакизацию украинцев Закарпатья и Пряшевщины»[43]. То очевидное обстоятельство, что «душить украинское национальное самосознание» было невозможно по причине его полного отсутствия у русинов Подкарпатья и особенно Восточной Словакии, украинские ученые попросту игнорировали.

Поддержка чехословацкими властями украинофилов объяснялась несколькими причинами. Во-первых, украинофилы были предпочтительнее для Праги как противовес угрозе венгерского ирредентизма. Многие русофилы были настроены провенгерски, что вызывало подозрение у чехословацких властей и активно использовалось украинофилами, прямо обвинявшими русофилов в пособничестве мадьярам и мадьяронам[44]. Во-вторых, в противоположность консервативным русофилам украинофилы были идеологически близки левым политическим силам, имевшим большое влияние в межвоенной Чехословакии. Во многом по этой причине они активно поддерживались такими влиятельными политическими партиями, как социал-демократы, аграрии и коммунисты. Так, благодаря близким связям с социал-демократами, контролировавшими министерство образования, «многие украинцы смогли получить важные посты в министерстве образования»[45].

Учитывая все сказанное, нельзя не признать, что постоянные жалобы русофилов на насильственную украинизацию, осуществляемую через сферу образования вопреки воле подавляющего большинства населения, «когда 80—90% участников учительских съездов выступает за русский язык обучения»[46], были вполне обоснованны.

Русофилы идеологически были близки национально-демократической партии Карела Крамаржа, не игравшей сколько-нибудь заметной роли в политической жизни межвоенной Чехословакии. Позиция ее не могла оказать серьезного влияния на положение в Подкарпатской Руси. Несмотря на это, общество «Духнович» в целом пользовалось большей поддержкой среди местного русинского населения, чем украинофильская «Просвита». Так, в середине 1930-х годов общество «Духнович» имело 315 общественных читален и насчитывало 21 тыс. постоянных членов, в то время как «Просвита» имела 223 читальни и около 15 тыс. членов[47]. Однако, данные цифры свидетельствуют одновременно и о колоссальном прогрессе украинофильского течения, учитывая, что изначально украин-

[43] Й. Сірка. Розвиток національної свідомости лемків Пряшівщини у світлі української художньої літератури Чехословаччини. Мюнхен, 1980. С. 14.

[44] См. например: Волошин Августин. Две политичне розмовы. В Ужгороде, 1923, с. 8—9.

[45] Tejchmanová S. Dokument o ukrajinské emigraci v meziválečném Československu // Slovanský Přehled, 1992, N 2, s. 193.

[46] Карпатский Свет. 1931. № 5—6—7. С. 1207—1208.

[47] См. Nedzelskij E. Spolek A. V. Duchnovyce, Pankevyč I. Spolek «Prosvita» v Užhorodě // Podkarpatská Rus. Sborník... s. 298—300.

ская самоидентификация была практически неизвестна местному русинскому населению. Одной из сильных сторон украинофилов следует признать их внимание к социальным проблемам, особенно актуальным в Подкарпатской Руси. Рост украинского культурного влияния был тесно связан с усилением местных коммунистов, одной из самых популярных партий. Большое значение имело то, что с 1926 года, когда решением Коминтерна русины были признаны украинцами, местные коммунисты, подчиняясь партийной дисциплине, сделались сторонниками украинского направления и начали использовать в своих периодических изданиях литературный украинский язык.

Со временем русофилы были вынуждены признать рост популярности украинофилов. «Карпатский Свет» заявил, что «если принять во внимание исключительную материальную и моральную поддержку украинского движения со стороны некоторых высших инстанций, то можно сказать, что попытка украинизации потерпела полное поражение». Но одновременно «Карпатский Свет» выражал сожаление, что все должности в сфере народного образования всецело находятся «в руках украинствующих, обучение в реальной гимназии и в учительской семинарии в Ужгороде проходит в украинском духе [...] Поощрение украинизации школы и населения [...] затронуло уже наше семейное благополучие. Дети восстают на родителей»[48]. Это фактическое признание успехов украинофилов явно противоречит предыдущему утверждению о полном банкротстве украинского движения.

Развитие ситуации в Подкарпатской Руси и рост там украинского влияния вызывали растущую тревогу у русинской интеллигенции Восточной Словакии. Восточнословацкие русины в большей степени зависели от местных словацких властей, которые не поддерживали украинофилов, поэтому здесь соперничество русофилов и украинофилов протекало более естественным образом. Наблюдая за успехами украинофилов в Подкарпатской Руси, русинская интеллигенция Восточной Словакии образовала единый антиукраинский фронт, активно противодействуя назначению украинофилов на ведущие посты в области образования и культуры. Словацкие власти, информируя чехословацкий кабинет министров о съезде 16 апреля 1931 г. в Прешове общества грекокатолических учителей местной епархии, сообщали, что «участники съезда единодушно высказались против "украинизма" и выслали делегацию к епископу Гойдичу с требованием сместить с должностей нескольких влиятельных украинофилов», среди которых были названы директор учительского института М. Мачевич, профессор этого института Е. Андрейкович и Д. Зубрицкий[49].

Почти каждый номер «Народной Газеты» содержал антиукраинские полемические материалы, которые выставляли украинское направление в роли злейшего врага России, славян и Чехословакии. Русская Народная партия, издававшая

[48] Карпатский Свет. 1931. № 5—6—7. С. 1208—1209.

[49] SÚA, inv. č. 654, sign. 294, fond PMR, kart. č. 150, Úprava národních a politických poměrů na Rusi a Slovensku.

«Народную Газету», была одной из самых популярных среди восточнословацких русинов. Поэтому полный провал попыток украинской пропаганды в пряшовском регионе Восточной Словакии был вполне естественным. В 1930 г. небольшая группа интеллектуалов-украинофилов во главе с Д. Зубрицким основала в Пряшове местное отделение общества «Просвита», однако попытки основать отделения «Просвиты» в русинских селах Восточной Словакии потерпели неудачу и «зарождавшееся украинское движение не смогло получить развитие» [50]. В определенной степени нишу, которой могло бы воспользоваться украинское течение в Восточной Словакии, заняло русинское течение, активнее, чем русофилы, подчеркивавшее важность местных особенностей, не отрицая в то же время традиционного культурного наследия русинов.

Избежав угрозы украинизации, восточнословацкие русины оказались в роли национального меньшинства и стали объектом ассимиляционной политики словацких властей. Стремление превратить местных русинов в словаков было связано с несколькими факторами. Во-первых, это соответствовало интересам безопасности ЧСР, поскольку снижало угрозу русинского ирредентизма и стремления к воссоединению с Подкарпатской Русью. Во-вторых, словакизация русинов пряшовского региона шла рука об руку с общим процессом «словакизации» всей Восточной Словакии. Особенность Восточной Словакии заключалась в том, что местное словацкое население говорило на ряде диалектов (спишский, шаришский, земплинский), значительно отличавшихся от литературного словацкого языка. Осознание своей особости в то время было довольно сильно среди восточных словаков, временами достигая той стадии, когда «некоторые местные лидеры доказывали существование отдельной восточнословацкой, или словяцкой народности [...] Со своей стороны [...] венгерское правительство поддерживало подобные попытки» [51].

Приводя примеры словакизации русинов, «Народная Газета» ссылалась на то, что согласно венгерской статистике 1910 г., в пряшовском регионе Восточной Словакии насчитывалось 295 русинских деревень, в то время как чехословацкая статистика в том же регионе в 1919 г. зафиксировала только 148 русинских и 147 словацких деревень. «Когда мы вступали в союз с Чехословаками, мы считали их своими братьями, — говорил один из русинских политиков, сенатор Ю. Лажо, — однако наши "братья" немедленно стали совершать несправедливости по отношению к карпаторусскому населению. Нам было обещано, что мы получим все: автономию, свободу, школы, веру. Мы поверили, а что вышло?» [52]

Определенная дискриминация со стороны чехословацких властей в ходе переписи населения в 1919 г. облегчалась тем, что значительная часть местного населения, опасаясь неблагоприятных последствий венгерской оккупации и нахождения в составе Словацкой Советской республики (центр которой в июне-

[50] Magocsi P. R. The Rusyn-Ukrainians of Czechoslovakia, p. 43.
[51] Op. cit., p. 38.
[52] Народная Газета. 1927. № 4.

после 1919 г. находился в Прешове), легко принимала «чехословацкую» самоидентификацию, поскольку это могло быть интерпретировано властями как проявление политической лояльности.

Дискриминация восточнословацких русинов была заметна и в сфере образования. В 1922 г. министр образования в Братиславе инструктировал школьного инспектора Восточной Словакии проводить языковую политику в области образования таким образом, чтобы «в тех грекокатолических начальных школах, где до 1919 г. был венгерский язык преподавания, теперь вводился словацкий язык обучения [...] В 1874 г. русинский язык преподавался в 237 начальных школах. В 1923—1924 гг. только в 95 начальных школах использовался русинский язык»[53]. Согласно переписи 1921 г., в Восточной Словакии насчитывалось лишь 85 628 русинов, что было еще меньше, чем по итогам переписи 1919 г., которая определила их количество в 93 411 человек[54]. Примечательно, что согласно венгерским официальным данным 1910 г., число русинов в Восточной Словакии определялось в 111 280 человек. Таким образом, с вхождением в состав Чехословакии официальная численность русинского населения снизилась.

Чехословацкая пресса нередко выказывала тенденцию ставить под сомнение само существование русинов и стремилась представить их лишь как этнографическую разновидность восточных словаков. Например, «Час» трактовал русинское национальное самосознание как «результат венгерской пропаганды, которая изобрела новую русинскую национальность в качестве противовеса развивающемуся словацкому движению, разжигая ненависть между грекокатоликами и римскими католиками»[55]. Стремясь доказать «искусственность» русинов, «Час» утверждал, что диалект восточнословацких русинов более похож на словацкий, чем на русский или украинский языки. В качестве примера он ссылался на некую русинскую листовку, которая распространялась в русинских областях Восточной Словакии перед переписью населения и была написана латинскими буквами. На этом основании «Час» доказывал, что язык листовки «с некоторыми оговорками можно считать восточнословацким диалектом» и что азбуку русинское население почти не понимает[56].

Проявления открытой ассимиляционной политики со стороны словацких властей вызывали многочисленные протесты русинской интеллигенции. «Народная Газета» даже сделала вывод, что «отдаленная от Карпатской Руси Чехия менее опасна соседней Словакии, которая уничтожает нашу карпаторусскую культуру на оторванной Пряшевщине хуже мадъяр [...] По словацкой теории, в Словакии нет русских, а есть только грекокатолические словаки, которые должны быть ословачены, какие бы методы ни применялись»[57]. Политика словацких властей стимулировала стремление восточнословацких русинов к воссоединению с Под-

[53] Magocsi P. R. The Rusyn-Ukrainians of Czechoslovakia, p. 37.
[54] Soznam miest na Slovensku d'la popisu l'udu z r. 1919. Bratislava, 1919.
[55] Čas, 8. 3. 1921.
[56] Čas, 22. 3. 1921.
[57] Народная Газета. 1930. № 1.

карпатской Русью. Все русинские конгрессы в Восточной Словакии требовали ревизии границы, использования русского литературного языка в школах и общественной жизни, а также привлечения представителей местного населения к работе в органах государственной власти[58].

В отличие от русинов Подкарпатской Руси, главная задача восточнословацких русинов заключалась в противостоянии ассимиляционной политике со стороны государства. Наиболее влиятельные в Восточной Словакии русофилы требовали введения русского литературного языка, рассматривая это как главный инструмент в борьбе против словакизации. В то же время они были вынуждены признать, что местные русины, включая интеллигенцию, недостаточно хорошо владеют русским языком. Единственный выход русофилы усматривали в более интенсивной пропаганде русского языка. Но многие представители местной интеллигенции в условиях, когда само национальное существование русинов оказалось под вопросом, приходили к мысли о том, что лучшим способом противостоять ассимиляции является использование того наречия, на котором говорит население.

Именно эта мысль стала дополнительной причиной появления особого русинского течения, представленного не только прешовским грекокатолическим духовенством, но и местным отделением общества «Духнович», эволюция русофилов из которого была вполне естественной в конкретных условиях Восточной Словакии. Заметную роль в формировании русинского направления сыграла политика местных словацких властей, отношение которых к украинофилам с самого начала было гораздо сдержаннее, чем отношение официальной Праги.

Еще в 1920-е гг., когда Прага активно поддерживала украинофилов в Подкарпатской Руси, местные словацкие власти в Прешове относились к ним довольно прохладно, рассматривая их деятельность как потенциально опасную для чехословацкого государства. В августе 1930 г. руководители Прешовской полиции сообщали в Прагу в министерство внутренних дел, что «секретная цель украинского течения состоит в создании Великой Украины с Галицией, Подкарпатской Русью и, возможно, Восточной Словакией. Мы считаем это направление наиболее важным»[59]. В то же время представители местной полиции с большим интересом отнеслись к русинскому течению и намерению епископа Гойдича создать особый русинский язык на основе местных диалектов[60]. К сходным мнениям приходили и некоторые руководители администрации Подкарпатской Руси. Еще в 1924 г. в письме президиуму чехословацкого кабинета министров вице-губернатор и школьный советник Подкарпатской Руси подчеркивали, что «для нас, чехов, [...] местный русинский диалект является самым близким. Чех может легко его освоить и наоборот [...] Почему мы должны возводить барьер между

[58] См: Slovenský Deník 31. 5. 1922; Slovenský Východ 26. 11. 1922.
[59] SÚA, inv. č. 654, sign. 294, fond PMR, kart. č. 150, Úprava národních a politických poměrů na Rusi a Slovensku.
[60] Ibidem.

Чехословакией и русинами и почему бы нам, наоборот, не сделать русинский язык ближе чешскому и словацкому? Тем самым мы пошли бы навстречу местным силам, сделали бы русинов ближе нашей республике и отгородились бы стеной и от Украины, и от России»[61].

Аналогичная мысль была высказана и в программе деятельности министерства просвещения Чехословакии на 1922 г., где говорилось, что «выбор направления (русского, украинского или местного) является вопросом политики, а не языкознания [...] С точки зрения чехословацких государственных интересов предпочтительным является местный язык, так как после стабилизации положения в России или на Украине Подкарпатская Русь отошла бы в будущем какому-либо из этих государств... Наоборот, поддержка местного языка, предполагающая существование малого народа, отделенного от русских и украинцев литературно-языковым барьером, не будет способствовать развитию центробежных тенденций и связь с чехословацким государством будет сильнее»[62].

Однако эти пожелания в Подкарпатской Руси не были реализованы на практике, пражские чиновники продолжали поддерживать украинофилов. Словацкие власти, напротив, предприняли практические шаги по развитию русинского языка. Так, «Народная Газета» возмущалась тем, что словацкие власти разрешали учителям начальных школ преподавать на местном русинском диалекте, но препятствовали обучению на русском литературном языке[63].

Поддержка официальными властями украинофилов в Подкарпатской Руси продолжалась вплоть до середины 1930-х гг. Активизация украинского национального движения в 1930-е гг.и его явная связь с Германией были неожиданными для чехов. «Народни Листы», сообщая в 1929 г. о конгрессе украинской молодежи в Подкарпатской Руси, выражали озабоченность по поводу потенциальной опасности украинского движения для чехословацкого государства[64]. Аграрный «Венков» писал об аресте шести украинских студентов, ведших «сепаратистскую проукраинскую пропаганду» в Восточной Словакии[65]. Официальный орган газета «Подкарпатске Гласы», подводя итоги чехословацкой политики в отношении русинов, признавала, что власти с самого начала поддерживали украинское движение. «Подкарпатске Гласы» с тревогой отмечали нарастание сепаратистских тенденций в рамках первоначально весьма лояльного украинского течения. В связи с этим со второй половины 1930-х гг.чехи начинают ограничивать деятельность украинцев, высылая часть украинских эмигрантов из Подкарпатской Руси в Польшу.

[61] SÚA, inv. č. 588, sign. 223, fond PMR, kart. č. 131, Jazyková otázka na Podkarpatské Rusi 1920—1938.
[62] Цит. по: Іван Ванат. Українське питання на Пряшівщині в період домюнхенської Чехословаччини (1919—1939) // Дружно вперед. 1969. № 5. С. 8.
[63] Народная Газета. 1929. № 4.
[64] Národní Listy. 13. 7. 1929.
[65] Venkov. 17. 4. 1930.

Тем не менее, украинское течение успело окрепнуть настолько, что смогло сместить русофильское правительство Бродия и Фенцика в ходе драматических событий, последовавших за Мюнхенским сговором в ноябре 1938 г., и добиться окончательной украинизации Подкарпатской Руси, вскоре переименованной в Карпатскую Украину.

Победа украинофилов означала окончательное размежевание между русинами Восточной Словакии и Подкарпатской Руси. Примечательно, что в течение краткого периода в октябре 1938 г., когда во главе Подкарпатской Руси стояли русофилы Бродий и Фенцик, среди русинов Восточной Словакии развернулась массовая кампания за воссоединение. Она пошла на убыль, когда провенгерская политика Бродия и Фенцика позволила украинофилам прийти к власти в Подкарпатской Руси. В то же время, украинофилы во главе с А. Волошиным продолжали настаивать на объединении. Но их правительство воспринималось восточнословацкими русинами как абсолютно чуждое[66].

Способствовала усилению русинского течения в Восточной Словакии политика независимого словацкого государства. Вопреки явным ассимиляторским тенденциям по отношению к русинам и стремлению трактовать их идентичность как «мадьярское изобретение», власти Словакии предоставили грекокатолической церкви в прешовском регионе еще большую свободу в сфере образования. Вследствие клерикального характера независимого словацкого государства, на основании закона № 308/40, все русинские школы были переданы под непосредственный контроль церкви. Именно это обстоятельство сыграло решающую роль в том, что «народное русофильство было сохранено»[67]. Доминирующее положение русофилов в конце тридцатых годов было очевидно. В 1938 г. «Лидове Новины» признавали русофильскую ориентацию русинского населения Восточной Словакии и подчеркивали, что русский язык в это время был языком преподавания в большинстве местных начальных школ (60), гимназии, учительском институте и семинарии в Прешове[68].

Национально-культурный облик подавляющего большинства восточнословацких русинов представлял собой комбинацию русофильского и собственно русинского течений, между которыми не существовало четкой границы. И тех и других отличало как трепетное отношение к традиционному культурному наследию русинов, так и полное неприятие украинофильской пропаганды. Однако естественная эволюция национальной идентичности восточнословацких русинов была прервана кампанией насильственной украинизации, предпринятой властями коммунистической Чехословакии в начале 1950-х гг.

В отличие от русинов Подкарпатской Руси, для восточнословацких русинов украинская самоидентификация была не только непривычной, но и абсолютно

[66] Magocsi P. R. Op. cit., p. 45.

[67] Ковач А. Українці Прящівщини і деякі питання культурної політики Словацької республіки // Oktober a ukrajinska kultura. Prešov, 1968, s. 406.

[68] Lidové Noviny. 18. 1. 1938.

чуждой. Негативный по преимуществу образ украинца, существовавший в их обыденном сознании, в конце войны был только усилен трагическим опытом общения местных жителей с бойцами УПА, прорывавшимися на Запад через территорию Чехословакии. Одновременно, на фоне блестящих военных побед Красной Армии, резко обострились и без того широко распространенные русофильские настроения. По мнению исследователей, «восточнословацкие русины в это время не делали никаких различий между русским и русинским [...] Никогда ранее в своей истории русины Восточной Словакии не отождествляли себя настолько сильно с русскими, как в конце Второй мировой войны и сразу после ее окончания»[69].

Украинизация русинов Восточной Словакии, начатая властями Чехословакии в 1952 г., осуществлялась на государственном уровне и была последовательной и всеобъемлющей. Она выразилась в переводе русинских школ с русского на украинский литературный язык обучения, в запрете самого термина «русин» как символа отсталости и реакционности, в ликвидации грекокатолической церкви, отстаивавшей идею существования независимого русинского народа. Все это вскоре привело к массовой ассимиляции русинского населения. Кампанию украинизации и связанные с ней репрессии некоторые исследователи даже склонны трактовать как «геноцид» русинов[70]. Не имея более возможности считать себя русинами, местные жители решали дилемму «словак — украинец» чаще в пользу словацкой национальности, не желая принимать навязываемое властями украинство. В 1931 г. в Восточной Словакии официально насчитывалось 91 тыс. русинов. После начала кампании украинизации местное восточнославянское население могло указывать только украинскую или словацкую национальность, а заявлять о себе как о русинах стало невозможно. В результате большинство русинов предпочло словацкую, а не украинскую национальность. Так, в 1961 г. количество тех, кто определял себя как украинец, составило лишь 35 тыс. Таким образом, часть русинов приняла украинскую идентификацию, однако значительно большая часть предпочла считаться словаками. Но уже во время «Пражской весны» 1968 г. восточнословацкие русины доказали свою жизнеспособность, заявив о себе именно как о русинах и добившись права использовать свой диалект в официальной сфере. Чехословацкие власти пошли на легализацию этнонима «русин», который стал использоваться наряду с этнонимом «украинец». В полной мере процесс русинского возрождения развернулся после 1989 г. Современное русинское движение развивается как органичное продолжение процессов, которые были искусственно заморожены после 1945 г.

Происходящее в настоящее время возрождение русинского движения в Восточной Словакии и Закарпатской Украине опирается на традиционную идею об особости русинов и отрицает теорию, что русины — этнографическая разновидность украинцев. Как и в межвоенный период, отношения между русинами и украинца-

[69] Ludovit Haraksim. Rusinská identita a emancipácia na Východnom Slovensku // Střední Evropa a Podkarpatská Rus. Edice statí, reportáží, vzpomínek a dokumentů. 16 svazek. Praha, 1997, s. 68.
[70] Milan Andráš. Súčasné postavenie Rusínov na Slovensku, s. 95.

ми в Восточной Словакии отличаются конфронтацией и полемическим накалом. «Русинской Оброде» противостоит Союз Русинов Украинцев Словакии, который трактует русинов как часть украинского народа, отрицает существование русинского литературного языка и препятствует созданию русинских школ. Украинские радикалы нередко пытаются представить русинское движение как искусственно созданное, вымысел враждебных Украине политических сил и даже результат антиукраинской деятельности спецслужб. Подобный подход является продолжением печальной традиции, когда отрицались любые естественные предпосылки русинской культурно-языковой особенности, а сами русины объявлялись несуществующим народом, «выдумкой» враждебных политических сил или государств.

Об устойчивости русинского национального движения свидетельствуют завершение кодификации русинских диалектов Восточной Словакии, отмеченное на торжественной церемонии в Братиславе в январе 1995 г., и результаты многочисленных Всемирных Конгрессов русинов, регулярно проходящих в течение последнего десятилетия. Русинское движение развивается, несмотря на проблемы в сфере образования, подготовки русинских педагогических кадров и доступе к средствам массовой информации. Становление нового восточнославянского народа с особой культурой, языком и системой ценностей происходит буквально на наших глазах. В случае успешного завершения этого процесса современная граница между Словакией и Украиной окажется разделяющей территорию компактного проживания русинского народа. Вопрос о том, захотят ли в будущем представители русинов иметь собственную «политическую крышу», в большой степени зависит от способности молодых независимых государств — Словакии и Украины — удовлетворять культурные потребности нового славянского народа.

А. Ю. ЕРМОЛОВ

Состояние производственной базы наркомата танковой промышленности и проблема модернизации выпускаемой наркоматом продукции в 1942—1944 годах

Хорошо известен тот факт, что в начале войны производимые советской промышленностью танки существенно превосходили по ряду важнейших боевых качеств танки противника. Наверное, каждый интересующийся этой темой знаком с многочисленными хвалебными отзывами о советских танках, прежде всего Т-34, исходящими как с советской стороны, так и со стороны противника. О высоких достоинствах Т-34 упоминали практически все немецкие генералы, зачисляя это порой даже в число основных причин победы СССР. Однако завоеванное в начале войны преимущество вовсе не должно было автоматически сохраняться в ходе всей войны. Прогресс техники не стоял на месте. Возросший опыт боевого применения танков, меняющиеся условия на поле боя — все это требовало поиска пути модернизации продукции танковой промышленности, совершенствования существующих типов вооружения. В числе особенно сильно изменивших свой облик в ходе войны видов боевой техники были танки и САУ[1]. Достаточно сравнить немецкий танк начального периода войны Pz-IVE, считавшийся поначалу тяжелым, и действительно настоящий тяжелый немецкий танк конца войны «Королевский тигр». Первый вооружен короткоствольной 75-мм пушкой и имеет максимальную толщину брони 50 мм. Второй уже несет броню до 180 мм и вооружен мощной длинноствольной 88-мм пушкой.

Таким образом, модернизация продукции в ходе войны была одной из важнейших задач танковой промышленности, в том числе и в СССР. К сожалению, в этом направлении деятельность советской танковой промышленности не всегда была успешной. Имевшееся в начале войны качественное преимущество в дальнейшем, к 1943 г., было утрачено, и армии пришлось заплатить за это тяжелыми потерями. Благодаря энергичным мерам возникшее отставание было преодолено, но прежнего технического превосходства восстановить уже не удалось. Некоторые причины возникновения такой ситуации и меры, предпринятые для ее преодоления, я хотел бы рассмотреть в этой статье.

[1] САУ в период Второй мировой войны — это не САУ в нынешнем смысле слова, а скорее безбашенные танки неклассической компоновки.

Предварительно изложу некоторые исходные положения, с которыми я подхожу к проблеме. Танк — это орудие ведения войны, а не технологическая игрушка. Как орудие ведения войны он может быть эффективен только в том случае, если будет производиться в массовых масштабах. Поэтому танк тесно связан с той производственной базой, на которой он создается. Он — отражение ее возможностей, несущее отпечаток ее наиболее характерных черт. Талант конструктора состоит в значительной мере в том, чтобы результат его работы максимально соответствовал существующей производственной базе, а не в том, чтобы придумать некое абстрактное, технически совершенное творение. Поэтому состояние производственной базы, наличие или отсутствие тех или иных видов оборудования, наличие рабочей силы и уровень ее квалификации, — все это оказывает существенное влияние на работу конструктора. Более того, именно состояние производственной базы является одним из основных факторов, влияющих на осуществление модернизации продукции.

Между тем, ситуация, сложившаяся с производственной базой танковой промышленности в годы войны, была не простой. Целый ряд негативных факторов влиял на ее функционирование. Так, большое отрицательное влияние оказывали последствия эвакуации. Накануне войны в производстве танков был накоплен большой опыт. Были созданы крупные танкостроительные предприятия с опытными кадрами рабочих и ИТР. Однако в результате катастрофы первого периода войны значительная часть советской промышленности оказалась под угрозой, в том числе и все важнейшие «кадровые» предприятия танковой промышленности, расположенные в Харькове, Ленинграде и Москве. Возникла необходимость их эвакуации. К сожалению, этот процесс прошел не так гладко, как принято было считать в отечественной историографии. Значительная часть оборудования, и, что еще важнее, квалифицированной рабочей силы, была потеряна[2]. Например, из числа работников крупнейшего довоенного танкового завода № 183 на место его нового расположения в Нижнем Тагиле прибыло только 10% рабочих и 20% ИТР[3].

Между тем, потребности армии с началом войны возросли. Военные потери требовали восполнения. Следовало перейти к новым методам производства, новым технологиям, ориентированным на массовый выпуск. Ситуация осложнялась нехваткой оборудования и рабочей силы, разрывом связей с прежними поставщиками, недостатком многих видов сырья и материалов. В этих условиях значительную работу пришлось осуществить конструкторам, сосредоточившим усилия на упрощении конструкции производимых танков. В результате в конструкции танка Т-34 было отменено использование 5641 детали 1265 наименований[4], еще 707 деталей

[2] Подробнее об организации эвакуации предприятий танковой промышленности автор написал в статье «Эвакуация в 1941 году на примере предприятий Наркомата танковой промышленности» (Россия и реформы. Вып. 5. М., 2002).

[3] РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 17. Л. 283.

[4] РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 15. Л. 124—125.

было упрощено. Изменялись требования к степени чистоты поверхности, к продолжительности термообработки. Это стало одним из тех факторов, которые позволили обеспечить резкий скачок в объемах производства.

Таким образом, в конце 1941 — начале 1942 г. объективные условия не позволяли проводить модернизацию выпускаемой продукции, так как все усилия были направлены на освоение массового производства танков в условиях военных трудностей.

Упрощение конструкции, падение квалификации сотрудников, нехватка оборудования, постоянные отступления от существовавших технологических процессов — все это неизбежно вело к резкому снижению качества производимых танков. Их надежность стала в 1942 г. серьезной проблемой. Именно в этот период И. В. Сталин отдал распоряжение прекратить разработку новых танков до того, как будет налажено производство действительно надежной техники[5]. Конечно, требование Сталина было чересчур радикальным, да и невыполнимым. Даже он не мог запретить конструкторам творить, создавать новые машины, и работа над новыми проектами продолжалась постоянно, хотя проблема качества оставалась нерешенной. Но само по себе это распоряжение отражает настроения и потребности того момента, общий ход мыслей советского руководства, да и состояние дел в танковой промышленности. В конце концов, после ряда жестких приказов наркома танковой промышленности, которые не приносили никаких результатов, пришлось обратиться к необычному средству — созвать конференцию по качеству танка Т-34 с участием конструкторов, производственников, представителей НКТП и Красной Армии. Там были откровенно обсуждены основные трудности, мешавшие производству качественной бронетехники (это были прежде всего нехватка квалифицированной рабочей силы и несоблюдение технического процесса), и намечены основные пути их преодоления[6]. В конце концов работа конструкторов по улучшению самых ненадежных узлов машины, усиление контроля за соблюдением технического процесса, рост квалификации — все это позволило постепенно выправить ситуацию.

Руководство наркомата танковой промышленности прекрасно понимало тот факт, что без модернизации выпускаемой продукции советским танкостроителям не удастся сохранить свой технологический отрыв от германской бронетехники. Нарком танковой промышленности В. А. Малышев уже в конце 1941 г. заявил: «Если мы будем создавать технику, лишь равную той, что сегодня действует на поле боя, не отрываясь от нее конструктивно, то такое перевооружение следует считать отсталым»[7]. В конструкторских бюро никогда не прекращалась работа над новыми танками. Так, во второй половине 1941 г. в СКБ-2 на Киров-

[5] «Пройдет десяток лет, и этих встреч не восстановишь уже в памяти» // Вестник архивиста. 1997, № 5. С. 118—119.

[6] РГАЭ. Ф. 9752. Оп. 4. Д. 4.

[7] Попов Н. С., Петров В. И., Попов А. Н., Ашик М. В. Без тайн и секретов. Спб., 1997. С. 88.

ском заводе велись работы над тяжелыми танками КВ-5, КВ-220, затем, уже в эвакуации, над тяжелыми САУ КВ-6 и К-7. В 1942 г. в Нижнем Тагиле велись работы над танком Т-34С, а затем над танком Т-43. Тогда же в СКБ-2 (с марта 1942 — опытный завод № 100) в Челябинске разрабатывались тяжелый танк КВ-9, средний танк КВ-13 с бронезащитой тяжелого, и модернизированный вариант КВ-1С. Особенно интересны проекты КВ-13 и Т-43. Первый — это любопытная попытка совместить защиту тяжелого танка и вес и подвижность среднего. Второй — радикальная переработка конструкции Т-34, с усиленной бронезащитой, более рациональным распределением обязанностей членов экипажа, улучшенными возможностями по наблюдению за полем боя.

Но реальность ограничивала возможности для реализации этих разработок, прежде всего мешало состояние производственной базы. Из всех вышеперечисленных проектов в серийное производство пошел только КВ-1С, и еще самоходка на базе Т-34 со 122-мм гаубицей. Массовое производство танков еще недостаточно устоялось, с трудом выпускалась упрощенная модель Т-34, остро ощущалась проблема низкого качества продукции. Освоение нового типа танка, может быть, и было в принципе возможным, но в тех условиях оно неизбежно привело бы к столь значительному и длительному падению объемов производства, что сильно пострадала бы общая стратегическая ситуация на советско-германском фронте. Поэтому новые типы танков не внедрялись.

Между тем, германские военные и конструкторы уже принимали меры, позволяющие преодолеть превосходство советских танков. Немецкая армия с 1942 г. начинает все больше и больше использовать 75-мм противотанковые орудия. Проводится очередная модернизация танка Pz-IV, который оснащают длинноствольной 75-мм пушкой вместо короткоствольной. Этот немецкий танк был, пожалуй, самым часто модернизируемым танком Второй мировой войны. Похоже, он имел в действительности куда больший ресурс модернизации, чем Т-34, который обычно превозносят, помимо прочего, и за то, что при создании в него был заложен большой запас для последующих модернизаций. Одновременно модернизируется и самоходка STUG-III. Она также перевооружается с короткоствольной на длинноствольную 75-мм пушку. Кроме того, появляются новые немецкие тяжелые танки — Тигр и Пантера. Конечно, неправильно сводить все проблемы к их появлению. До Курской битвы применение Тигров было эпизодическим, а Пантеры пошли в свой первый бой только 5 июля 1943 г. Да и после этого они очень долго составляли незначительную долю в немецких танковых войсках. По-настоящему серьезное влияние на ход боевых действий они начали оказывать лишь в 1944 г. Но все же их появление и в 1943 г. нельзя было оставлять без внимания, так как оно отражало опасную тенденцию и в ближайшем будущем грозило создать серьезные трудности.

Ресурс превосходства Т-34 постепенно истощался. Уже по результатам исследования танков, подбитых в ходе Сталинградской битвы, специалисты НКТП сделали вывод, что уровень бронезащиты Т-34 перестал соответствовать требованиям поля боя. Выводы подтвердились и исследованием танков, подби-

тых на Курской дуге. А после появления Тигра и Пантеры стала очевидна также необходимость в модернизации вооружения советских танков, чьи недостаточно мощные пушки были уже неспособны бороться с танками противника. Потребность в модернизации выпускаемых танков и САУ становилась все острее и острее.

Между тем, положение производственной базы в этот период уже не было столь критическим. Массовое производство танков наладилось и вошло в устойчивый ритм. Постепенно рос опыт работников танкостроения, качество машины улучшалось благодаря принятым мерам по контролю за технологией производства. Теперь можно было решиться на серьезные изменения в производимой продукции с целью повышения ее боевых качеств. Правда, оставались еще существенные трудности, в первую очередь частые перебои в снабжении сырьем и материалами. Например, зимой 1942/1943 гг. все танковые заводы ощущали острую нехватку металлов, особенно бронестали, обусловленную сокращением поставок с марганцевых рудников Кавказа[8]. Тяжелое положение со снабжением сталью сложилось и следующей зимой. Оставалась не до конца решенной проблема качества танков. Например, при испытании на гарантийный пробег танков производства апреля 1942 г. на всех участвующих в пробеге Т-34 вышли из строя новые 5-скоростные коробки передач[9]. Не вышла из строя коробка передач только на танке производства Кировского завода, но только потому, что не успела — сам танк вышел из строя значительно раньше других, пройдя всего 400 километров. Но все же общая ситуация уже не была такой критической, как раньше, и имела четко выраженную тенденцию к улучшению. Уже несколько месяцев спустя, при испытании гарантийным пробегом танков июньского выпуска, были получены значительно более утешающие результаты. Большинство танков сумело преодолеть гарантийную дистанцию в 2000 километров, причем первую половину пути — почти без поломок[10]. Таким образом, налицо были и потребности, и возможности к обновлению производимой НКТП продукции.

Повышение боевых качеств выпускаемых танков могло идти тремя путями: 1. Путем разработки модернизированных вариантов существующих танков с улучшенными характеристиками, прежде всего в области вооружения. 2. Путем разработки самоходных артиллерийских установок на базе существующих танков, но с более мощным вооружением. 3. Путем создания принципиально новых танков. Ясно, что последний вариант является самым радикальным, позволяет принципиально улучшить как вооружение, так и бронезащиту танка, в полной мере учесть требования, которые возникли в результате опыта боевого применения и эксплуатации танков в период войны. В то же время первые два пути,

[8] ГАРФ. Ф. Р—5446. Оп. 44а. Д. 7522. Л. 33—35. Марганец — наиболее распространенная легирующая добавка для получения качественных сталей, он присутствует во всех марках бронестали.
[9] ГАРФ. Ф. Р—5446. Оп. 44а. Д. 7721. Л. 20.
[10] РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 305. Л. 144—147.

не давая таких решительных результатов, позволяют в большей мере сохранить прежнюю технологию производства, минимизируют потери в выпуске в период освоения, могут быть реализованы в значительно более короткий срок. При этом второй путь дает несколько большую свободу в решениях из-за радикального изменения в компоновке, но не может быть использован для всей бронетанковой техники. Как показала практика, разработка и освоение производства САУ на базе существующих танков осуществляется в наиболее короткие сроки. Все три указанных варианта так или иначе были опробованы советской промышленностью, первым — вариант с созданием САУ.

Первой серьезной попыткой получить образец военной техники, способный бороться с новыми немецкими танками, было создание СУ-152 на базе танка КВ-1С. Работы над ней прошли в январе 1943 г. в рекордно короткие сроки — всего за 25 дней, а в феврале 1943 г. на Кировском заводе уже началось ее производство. Мощная 152-мм пушка-гаубица МЛ-20 позволяла самоходке решать широкий спектр задач, поражая бронетехнику, противотанковые орудия и живую силу противника. Но производство этой тяжелой САУ велось в относительно небольших масштабах, да и само ее орудие не очень-то подходило для танковых боев, где огневая мощь определяется не только массой и скоростью снаряда, но и скорострельностью орудия.

Необходимо было создать новую, специализированную противотанковую САУ. В апреле 1943 г. начинается работа над созданием средней противотанковой САУ с 85-мм пушкой. Она в короткие сроки была создана на базе СУ-122, и в августе 1943 г. уже началось ее производство. Это уже был серьезный шаг в повышении огневой мощи советских танков, но и он не мог считаться окончательным, пока не было достигнуто усиление основной массы выпускаемой бронетехники.

Еще одной САУ, созданной в этот период, была СУ-76, легкая самоходка, созданная на базе легкого танка Т-70. Она предназначалась для огневой поддержки пехоты.

Самым радикальным и наиболее интересным вариантом решения проблемы модернизации было создание нового танка. Это позволило бы решить сразу комплекс проблем, достигнув одновременно существенных результатов в разных направлениях. Такой радикальной попыткой изменить баланс в свою пользу было создание танка ИС. Он вобрал в себя лучшие достижения конструкторской мысли советских танкостроителей, сочетая высокую приспособленность к массовому производству, мощное, способное бороться с любыми танками противника вооружение, неуязвимую для большинства пушек противника сильную бронезащиту лобовой проекции и внимание к таким «мелочам» (ранее считавшимся за третьестепенные), как, например, качественный воздухоочиститель для двигателя или система подогрева в зимних условиях. Особенно интересен тот факт, что благодаря хорошо продуманной ходовой части и трансмиссии ИС обладал уникальной для тяжелых танков подвижностью, сближавшей его со средними танками. Его средняя скорость движения по дороге на испытаниях

превзошла среднюю скорость танка Т-34[11] (в бою, как и на марше, важна прежде всего средняя, а не максимальная скорость). Фактически танк ИС нельзя отнести к тяжелым танкам в полном смысле этого слова. И по весу, и особенно по подвижности он близок к средним танкам, занимая фактически ту же нишу средне-тяжелого танка, что немецкая Пантера и американский М26 Першинг. Функциональные различия ИСа и средних танков трудноопределимы, фактически они выполняют на поле боя схожие задачи, но ИС выполняет их лучше. Создание такого танка, как ИС, было отражением формирующейся в танкостроении новой тенденции, которая потом, уже в послевоенный период, привела к возникновению концепции основного боевого танка.

Первоначальный вариант ИСа имел ряд слабых сторон. Так, неудачной оказалась конструкция лобовой части корпуса, впоследствии измененная. Недостаточно мощной была первоначально установленная в танке 85-мм пушка. Через два месяца после начала производства ее уже заменили на 122-мм пушку Д-25.

Решение начать производство танков ИС было сопряжено с известным риском. Летом 1943 г. директор Кировского завода И. М. Зальцман предлагал даже отказаться от, по его мнению, слишком сложной задачи освоения ИСа и выпускать вместо этого разработанный на заводе модернизированный танк на базе КВ[12]. Но нарком В. А. Малышев отказался от этого предложения. Впоследствии риск оправдал себя. Освоение танка ИС на Кировском заводе в Челябинске прошло в рекордно короткие сроки, при том что параллельно сохранялось производство Т-34 и новой модификации КВ с 85-мм пушкой (прекращено в октябре 1943 г.). Т-34 продолжали производить на Кировском заводе наряду с ИС до второго квартала 1944 г.

Для того, чтобы организовать производство ИСов с достаточным размахом, пришлось преодолеть ряд узких мест в производственной базе. Огромный Кировский завод, располагавший большим количеством разнообразного оборудования и достаточно опытной рабочей силой, имел возможность справиться с производственными проблемами в основном своими силами. Самым тревожным узким местом, показавшим свою слабость еще во время изготовления опытных образцов ИСов, был бронекорпусной завод № 200. Он был выделен осенью 1941 г. из завода № 78 наркомата боеприпасов[13], и его состояние явно не отвечало возлагаемым на него задачам. Не хватало подготовленных рабочих, на весь завод приходилось всего пять технологов, не хватало мощностей ремонтного и инструментального цехов, поскольку при разделе завода № 78 эти цеха остались в составе старого предприятия. Между тем, необходимо было организовать действительно массовое производство корпусов ИСа, а для этого требовалась как квалифицированная работа технологов, так и слаженная, эфективная работа ремонтного це-

[11] РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 5. Л. 220—221.
[12] ГАРФ. Ф. Р—5446. Оп. 44а. Д. 7471. Л. 31 — 26.
[13] РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 5. Л. 57—59.

ха, без которой ритм работы всегда сбивается, а также инструментального цеха, поскольку потребность в оснастке и инструменте особенно возрастает при массовом производстве.

Слабость производственной базы завода № 200 не была тайной для руководства НКТП, которое в приказе № 540сс от 7 сентября 1943 г. «О производстве танков ИС» распорядилось оказать заводу № 200 помощь, в том числе по производству инструмента кооперировать завод № 200 с другими заводами 2-го главного управления НКТП, поставлять ему модели для литья башен с Уралмаша, выделить достаточное количество рабочей силы (в основном женщин и молодых рабочих из ФЗО) и ИТР, закончить к зиме начатое на заводе капитальное строительство и даже специально разработать и изготовить в ЭНИМСе карусельные станки для обработки погонов[14] и башен ИСа[15]. В результате, благодаря помощи других заводов, а также нескольким остроумным технологическим решениям, удалось достичь требуемого уровня производства. Освоение танка ИС свидетельствует о возросших возможностях советского танкостроения, высоких организаторских способностях руководства танковой промышленности.

Основу танковых войск Красной Армии составляли средние танки, и их модернизация была самой важной задачей. Самым простым решением, которое и было осуществлено, являлась установка новой, более мощной пушки. Для этого потребовалось разработать новый вариант башни с расширенным погоном. В свою очередь, для организации производства новой башни понадобилось дополнительное количество формовочных машин и карусельных станков. Даже такой сравнительно простой вариант модернизации потребовал усиления производственной базы.

Борьба развернулась вокруг того, какую пушку установить на танке. Часть руководства наркомата считала, что должна быть использована 85-мм пушка Д-5 конструкции Ф. Ф. Петрова, разные модификации которой уже стояли на различных моделях танков и САУ. Свою разработку предложил также В. Г. Грабин, пользовавшийся покровительством И. В. Сталина и обладавший огромным авторитетом. В конце концов победу одержала пушка ЗИС-С-53 конструкции ЦАКБ, созданная под руководством В. Г. Грабина, помимо прочего потому, что ее сочли более удобной для массового производства. Т-34 с 85-мм пушкой начали производиться в январе 1944 г.

Но все же такое решение не исчерпывало проблемы модернизации среднего танка. Даже в отчете об испытаниях Т-34 с 85-мм пушкой, несмотря на высокую оценку машины, отмечалось, что такая модернизация «ввиду недостаточного бронирования танка не решает полностью вопроса повышения боевых качеств танка Т-34, в соответствии с требованиями, предъявляемыми к современному среднему танку», и необходимо «создание новых средних танков с мощным вооружением и усиленной броневой защитой»[16]. Таким танком мог

[14] Место соединения корпуса и башни.
[15] РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 305. Л. 200—223.

бы быть разработанный в 1944 году под руководством знаменитого А. А. Морозова Т-44. Он нес более мощную, чем Т-34, броню, способную защитить от самых распространенных на тот момент танковых и противотанковых немецких пушек. Другим его преимуществом была возможность установки на нем 100-мм пушки. Но руководство так и не решилось перестраивать для производства этого танка основные танкостроительные предприятия. Его производство было поручено восстанавливаемому танковому заводу № 75 в городе Харькове, который не мог выпускать его в существенных количествах. Т-44 не сыграл своей роли в войне. Возможно, это было большой ошибкой руководства: массированное применение Т-44 на последнем этапе войны могло бы существенно сократить огромные потери в технике, что отразилось бы и на размерах потерь в живой силе. Ставкой риска при запуске производства Т-44 было резкое снижение поступления бронетехники, если бы его не удалось наладить с достаточной быстротой. Правда, пример с танком ИС показывает, что в принципе состояние советской танковой промышленности позволяло в короткие сроки решить проблему освоения новой модели, сохраняя параллельно некоторое время производство прежней. По крайней мере, наверное, на это был способен самый мощный завод НКТП — завод № 183 в Нижнем Тагиле. Конечно, при освоении новой модели неизбежно проявились бы и новые узкие места. Но общее состояние советской промышленности в 1944 г. в принципе уже позволяло найти средства для их «расшивки». В любом случае, однако, такая реорганизация производства ставила под угрозу успешный ход последних операций советских войск в случае каких-либо заминок, и сила риска значительно превышала возможный выигрыш. Даже сейчас трудно сказать, правильное ли было принято тогда решение.

Во второй половине 1943 — начале 1944 г. наркомату танковой промышленности удалось существенно продвинуться в деле модернизации своей продукции. Хотя прежнего технического превосходства добиться уже не удалось, но производимая бронетехника в целом отвечала стоящим перед ней задачам, что и позволило СССР завершить победой войну против Германии. В целом, организация производства в советской танковой промышленности показала себя способной к освоению в случае необходимости новых моделей бронетехники в достаточно короткие сроки.

Опыт работы танковой промышленности периода Великой Отечественной войны должен быть для нас не только поучительным примером, но и серьезным предупреждением. Если мы хотим, чтобы наша страна имела армию, способную ее защитить, чтобы вооруженные силы были действительно боеспособны, и в том числе оснащены современной боевой техникой, то вопрос о производственной базе военной промышленности должен рассматриваться как ключевой. Сейчас у нас есть множество образцов сверхсовременной военной техники,

[16] РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 368. Л. 52.

но они останутся не более чем игрой ума их создателей, если для их производства не будет создано соответствующей базы. Между тем, общее положение нашей оборонной промышленности заставляет сомневаться в ее способности осваивать серийное производство новейших образцов военной техники. Без длительной и серьезной государственной поддержки, крупных инвестиций, воссоздания системы подготовки кадров российская военная промышленность так и не сможет восстановить способность снабжать армию технологически совершенным оружием, не сможет выполнить своей главной задачи — создания материальных предпосылок для защиты интересов нашей страны.

ГОРАН МИЛОРАДОВИЧ

Подарки Сталина

(Тематика югославского художественного фильма, 1945—1955 гг.)[1]

Первое послевоенное десятилетие в Югославии (в силу смены власти и значительных событий в международных отношениях) было особенно бурным не только в области политики, но и в области культуры. Хронологической вехой данной работы является окончание Второй мировой войны в 1945 г. и начало раздела сфер влияния между победителями. В том же 1945 г. в Югославии в сотрудничестве с советской стороной начались съемки первого послевоенного художественного фильма. Усилившиеся трения между Востоком и Западом привели к созданию военно-политических блоков: союза НАТО в 1949 г. и Варшавского договора в 1955 г., в результате чего в Европе установилась политическая стабильность на несколько последующих десятилетий. В завершившем первое десятилетие социалистической Югославии 1955 г. в югославском кино стало очевидным появление голливудской чувственности и утверждение западных эстетических и идейных установок в противоположность критериям социалистического реализма, которым до того момента покровительствовала компартия. Помимо указанных временных ориентиров, весьма существенны еще два: это начало открытого конфликта Югославии с другими социалистическими странами во главе с СССР в 1948 г., а также заключение договора о дружбе и сотрудничестве между Югославией, Грецией и Турцией в 1953 г.[2]

В то десятилетие Югославия проделала рискованный путь от верного последователя Сталина до стратегического звена, замыкающего южное крыло НАТО, ос-

[1] Эта статья является частью проекта «Сербское общество в XX веке: между традицией и модернизацией», профинансированного Министерством науки, технологии и развития Республики Сербия (грант №. 2161). Я благодарю директора Югославской Кинотеки г-на Радослава Зеленовича и заведующего Архивом Югославской Кинотеки г-на Александра Эрделяновича, которые предоставили мне возможность посмотреть некоторые из фильмов, речь о которых пойдет в данной работе (Г. М.).

[2] После заключения Балканского договора в следующем, 1954 году Югославия фактически стала членом Североатлантического союза. См.: Бисенић, Драган, «Однос Југославије и НАТО» //

тавая при этом социалистической. Существование подобной идеологической аномалии в мозаике западных держав можно объяснить только необходимостью (в силу международно-политических интересов) любой ценой контролировать страну, столь пеструю в национальном и религиозном отношении и только что выбравшуюся из горнила беспощадной гражданской войны. Коммунистическая диктатура Иосифа Броз Тито, которая в интересующий нас период находилась в «жесткой» фазе, своей идеологией социального равенства и югославского национализма («югославянства») противостояла либерально-демократическим тенденциям и партикулярному национализму. Тито воспрепятствовал дальнейшему реваншизму и возможному новому распаду страны, и Запад толерантно отнесся к авторитарным методам, которыми это было достигнуто[3].

В плане внутренней политики начался психоз «осадного положения»[4] ради упрочения власти, а во внешней политике альтернатива, которую предлагал Тито своим вариантом социализма, особенно позднее, в совокупности с политикой «неприсоединения», была опасным дипломатическим оружием, поскольку угрожала идеологической гомогенности социалистического лагеря[5].

«Сведочење Владимира Велебита», Политика, №31399, 29. 03. 2001. 27; он же: «Како је склопљен Балкански савез» // «Сведочење Владимира Велебита», Политика, №31400, 30. 03. 2001. 25 (интервью с Вл. Велебитом). Также см.: «East-West Cold War to 1955: Ice Age» // Success in World History Since 1945, ed. Jack B. Watson (London, 1994), 74 — 76; Bogetić, Dragan, Jugoslavija i zapad 1952—1955 (Beograd, 2000) (далее: Bogetić, Jugoslavija i zapad...); Borozan, Đorđe, «Jugoslovensko-britanski odnosi 1948—1952», Istorija XX veka 2/2000, 67—82.

[3] В первые годы после войны Тито провел массовую изоляцию ненадежного населения, прежде всего тех, кто принадлежал к национальным меньшинствам, а именно немцев, итальянцев, венгров всех возрастов и обоих полов. Потом было проведено насильственное выселение немцев и итальянцев. С 1948 г. организована сеть лагерей и тюрем для изоляции политических противников, особенно же подозреваемых в просоветской ориентации. Они функционировали вплоть до 1956 г. См.: Miloradović, Goran, «Logori za izolaciju — nastanak, razvoj, tipologija, stereotipi», Vojnoistorijski glasnik 1—3, 1999, 62 — 88; Miloradović, Goran, «Logori za izolaciju političkih protivnika na tlu Jugoslavije (1918 — 2000)», Istorija XX veka 2, 2000, 115 — 125.

[4] Bogetić, Dragan, «Jugoslovensko približavanje Zapadu u vreme sukoba sa Kominformom», Istorija XX veka 1/1998, 65.

[5] Bogetić, Jugoslavija i zapad.., 142; Radonjić, Radovan, «Jugoslovenska 1948. i disolucija sistema realnog socijalizma», Istorija XX veka 1/1998, 9 — 26. О том что думали Советы о Югославии в мае 1953 г., свидетельствует строго конфиденциальный отчет заведующего IV Европейским отделом МИД СССР М. Зимянина министру иностранных дел В. М. Молотову «О ситуации в Югославии и ее внешней политике» от 27 мая 1953 г.: «Внутренняя политика Титовской клики после разрыва с СССР и странами народной демократии направлена на дальнейшее развитие капитализма в Югославии, на ликвидацию демократических достижений народов в Югославии и на фашизацию государства, особенно армии. Во внешней политике чаяния властвующих кругов Югославии устремлены на укрепление экономических и политических связей с капиталистическими странами, прежде всего с США и Англией. Это ставит Югославию в зависимость от них и толкает ее в агрессивный блок, организованный англо-американскими империалистами». Источник: АВПР. Ф. 06, оп. 12а, пор. 74, пап. 617, 11. 7 — 12. По:

Коммунистический переворот стер элиту Югославии, которую составляло городское сословие либерально-демократической и преимущественно пронационалной ориентации, приверженное традиции и религии. Изменилась экономическая база страны, были уничтожены частная собственность и инициатива, а вместо них введены государственная собственность и плановое хозяйство. Обществу навязали новую систему ценностей, включая и эстетические, что в значительной мере было поручено кино как средству массовой информации[6]. Отсюда следует, что фильм и все, что с ним связано, может служить хорошим индикатором общественных и политических процессов[7].

Конечно, югославские коммунисты не были первыми, кто обратил внимание на пропагандистский потенциал фильма. В Советской России уже существовала давняя традиция использования кино в целях агитационной пропаганды. Например, Ленин в качестве образца рекомендовал русским кинематографистам работу Дэвида Гриффита (David W. Griffith) «Нетерпимость» (Intolerance), и ни один значительный русский фильм, появившийся в 20-х гг., не остался без влияния этого режиссера и его произведения[8]. С приходом к власти Сталина

Edemskii, Andrei, «The Turn in Soviet-Yugoslav Relations, 1953- 55», Cold War International History Project Bulletin No 10, March 1998, s. 138 (Woodrow Wilson International Center for Scholars, 08. 01. 2002).

[6] О перевороте, произошедшем в конце 40-х гг. в области искусства, свидетельствуют данные об импорте кино в Югославию в 1948—1951 гг.

Год	*США*	*СССР*	*Англия*	*Прочие*
1948	1	97	3	21
1949	19	58	8	23
1950	33	0	11	8
1951	24	0	16	24

(Таблица взята из: Борђевић, Непад, «Београдска кинематографска свакодневница 1950. године», Годишњак за друштвену историју, 3/1 — 2, 111). Под «прочими», в основном, подразумеваются западноевропейские фильмы. Приток американских фильмов (с 1951 года) обусловил окончательную картину импорта кинематографической продукции в 1945—1965 гг.: «Завезено 778 американских фильмов, 460 советских, 347 французских, 276 итальянских и 236 английских фильмов» (см.: Марковић, Предраг, Београд између Истока и Запада 1948—1965 (Београд, 1996), 446). Ту же ситуацию показывает и анализ популярности фильмов в Югославии:

Год	*Отечественные*	*Советские*	*Прочие*
1947	2 402 024	28 432 397	10 826 690
1948	5 399 322	37 879 820	14 981 721
1949	5 973 537	32 151 881	28 741 216
1950	3 664 862	10 707 019	30 954 711

(Таблица взята из: Dimić, Ljubodrag, Agitprop kultura. Agitpropovska faza kulturne politike u Srbiji 1945—1952 (Beograd, 1988), 179 (далее: Dimić, Agitprop kultura...).

[7] Такой подход к культуре имеет свое обоснование и корни. См.: Mitrović, Andrej, Angažovano i lepo. Umetnost u razdoblju svetskih ratova 1914—1945 (Beograd, 1983), 217.

[8] Ljubojev, Petar, Evropski film i društveno nasilje (Novi Sad/Beograd, 1994), 183—185 (далее: Ljubojev, Evropski film...); Cinema in revolution. The Heroic Era of the Soviet, ed. by Luda Schnit-

произошли перемены и в кинематографии — в 30-е гг. в СССР преобладает кино, утверждающее идею коллективизма, жертвенности, идейной правильности и партийности, и, конечно, прославляющее мудрого вождя. Эта концепция пережила свой апогей в период Второй мировой войны[9].

Один такой фильм с кинопроектором в мае 1944 г. Сталин послал в подарок Тито, который со своим штабом и военными эмиссарами союзников находился в Дрваре, небольшом городе на западе Боснии. Это был патетический фильм в духе агитпропаганды, «Зоя» режиссера Льва Арнштама, снятый в том же 1944 г. Арнштам совместно с Борисом Чирсковым написал и сценарий. В основе сюжета лежит биография комсомолки Зои Космодемьянской, фанатично преданной партии и родине, пожертвовавшей собой ради ее спасения[10]. Фашисты захватили ее в плен и после долгих пыток казнили, но она не выдала им путь к Сталину. После сцены пыток режиссер монтирует документальный материал с похорон Ленина и художественный эпизод рождения Зои, чем создает мистическую связь между ушедшим и новым поколением борцов за социализм, поскольку Зоя воспитана в духе патриотизма, не боится смерти и готова пожертвовать собой ради счастья других. Жители деревни, вблизи которой партизанка попала в плен, воодушевленные примером двадцатилетней партизанки, своим молчаливым отпором приближают поражение врага[11]. Дни напролет публика в Дрваре терпеливо ждала в очередях, чтобы посмотреть (многие не в первый раз) фильм о красивой девушке с несгибаемой волей, олицетворявшей нового советского человека, не поддающегося испытаниям XX в. Не осталось незамеченным то шокирующее впечатление, которое «живые картинки» произвели на зрителей — многие из них присутствовали на кинопросмотре впервые в жизни. Они понятия не имели, как делается фильм, были не в состоянии разделить

zer, Jean Schnitzer & Marcel Martin (New York, 1987), 34, 71, 115. Это и неудивительно, так как считалось, что Гриффит выстроил законченную систему «кинообработки истории». См.: Ристовић, Милан, «Филм између историјског извора и традиције», Годишњак за друштвену историју, 2/3, 1995, 346. Уже давно установлено наличие тесной связи между кино и политикой.См.: Faržije, Žan Pol, «Zagrada i zaokret: pokušaj teorijske definicije odnosa film-politika» // Teorija levice (Beograd, 1987), 22—31, но полагают, что именно Ленин «открыл и значение фильма как средства политической власти». См.: Bonize, Paskal; Narboni Žan, «O revolucionarnim avangardama: razgovor sa Marselom Pleneom» // Teorija levice (Beograd, 1987), 75.

[9] Ljubojev, Evropski film..,199—212.

[10] Подлинная Зоя родилась 14 сентября 1923 г., и на момент казни ей было восемнадцать лет. Сценаристы, изменив реальную хронологию, «переплетают» важные моменты биографии Зои с важными событиями советской истории — зрителю дают понять, что образ измученной и истерзанной девушки персонифицирует Советскую Родину.

[11] Зоя, героиня фильма, пишет в своем дневнике: «Если ты не герой, стоит ли жить?», и делает вывод: «Я знаю, что такое счастье: быть неустрашимым борцом за Родину, за Сталина!» Девушку повесили по обвинению в поджигательстве. В фильме ее последними словами, обращенными к согнанным смотреть на казнь жителям деревни, были слова: «Сталин придет!» Потом сцена наступления Красной Армии, идущей на фоне данного крупным планом лица Зои. Конец.

подлинное событие и художественный вымысел фильма, реальных исторических лиц и актеров кино[12].

А 25 мая 1944 г. в небе над Дрваром, где царила расслабленная атмосфера тыла, забелели сотни парашютов воздушного десанта СС. При поддержке четырех дивизий наземных войск они начали операцию по захвату Иосифа Броз Тито и иностранных военных миссий. По нелепой неосторожности в распоряжении Тито был всего один батальон и ни одного значительного партизанского отряда поблизости. И жители Дрвара оказались в ситуации, когда от них требовалось собственными жизнями защитить главнокомандующего партизанской армией, подобно героям советского фильма. То, насколько серьезно эти люди отнеслись к своей роли, зафиксировала камера допрашивавших их эсэсовцев. Жители Дрвара умирали один за другим, не сказав ни слова, чем дали возможность Верховному штабу и военным миссиям эвакуироваться[13]. Тито и его сподвижники хорошо запомнили этот практический ликбез о суггестивной силе кино и его значении как средства формирования сознания широких слоев населения[14]. Не будет преувеличением сказать, что фильм «Зоя» возымел тот же эффект для Югославии, что и «Нетерпимость» Гриффита для России: в глазах главы государства это была парадигма успешной работы.

В 1945 г. Сталин посылает съемочную группу и киноаппаратуру в качестве очередного подарка, и тогда же был снят первый фильм о только что завершившихся военных действиях в Югославии. Это была лента режиссера Абрама Роома (сценарий Георгия Мдивани) с амбициозным названием «Буря над Балканами», позднее получившая более скромное название «В горах Югославии»

[12] Godal, Torben, Movin Pictures: A New Theory of Film, Genres, Feelings and Cognition (Oxford, 1997), 225—227; Ристовић, Милан, «Филм између историјског извора и традиције», Годишњак за друштвену историју, 2/3, 1995, 346—348; Komoli, Žan-Luj, «Tehnika i ideologija» // Teorija levice (Beograd, 1987), 97—153.

[13] Ljubojev, Evropski film.., 186—188; Petranović, Branko, Istorija Jugoslavije 1918—1978 (Beograd, 1980), 339—340. Жители этой области и ранее были лояльны к Тито и оказывали достойное сопротивление оккупантам, но вопрос в том, насколько долго выдержали бы они без особой агитпропаганды, поскольку военная операция проводилась крайне решительно и жестоко: «У немецкого десанта в Дрваре был приказ всех захваченных партизан расстреливать на месте, и этот приказ выполнялся. Кроме того, было расстреляно большое число мирных жителей, особенно тех, кто имел отношение к британским и русским военным миссиям и, к сожалению, не мог спастись. Кажется, партизаны пленных не брали. Это и не удивительно, учитывая действия немцев в Дрваре». (Из отчета заместителя главы британской миссии подполковника Стрита (Street). См.: Богдановић, Раде, «Британска тајна документа о ваздушном десанту на Дрвар 25. маја 1944. године», Историјски гласник 1 — 2/1977, 163).

[14] Об этом свидетельствует и активный рост числа кинозалов в Югославии после войны. Если в 1939 г. было 423 постоянных кинотеатра и 27 передвижных, то к концу 1948 г. — уже 736 постоянных и 32 передвижных кинотеатра с кинопроекторами для 35-мм пленки, и 105 постоянных и 47 передвижных кинотеатров с кинопроекторами для 16-мм пленки. В течение одного только 1948 г. кинотеатры в Югославии посетило 58 260 863 человек. В 1947 г. открылся факультет драматического искусства, в 1948 г. средняя киношкола, а в 1949 г. выходило 9 журналов, посвященных кинематографии. См.: Nastić, N., «Film», â: Jugoslavija, jesen (1949), 116—117.

(«У планинама Југославије»), видимо, как отражение актуальной тогда идеи о «Балканской федерации». В заставке значилось, что фильм снят киностудией «Мосфильм», хотя есть данные, что изначально задумывалось совместное производство, но к концу работы от этого замысла отказались. Действие фильма основано на трех лейтмотивах: восстание против сил Оси подняла Коммунистическая партия Югославии; участие крестьян было решающим фактором успешной народно-освободительной борьбы; победа была добыта с помощью Красной Армии. Тяжелая ситуация, обостренная гражданской войной в условиях оккупации, политические настроения разных социальных групп объяснялись шаблонно и статично через лозунги и реплики героев. Это был типичный соцреалистический пропагандистский фильм, авторы которого, по-видимому, задались целью полностью отразить сложный исторический период. К работе русской съемочной группы было привлечено значительное число югославских театральных деятелей для обучения их искусству кинематографии. Приобретенный опыт наложил серьезный отпечаток на югославское кино, особенно на драму и фильмы военной тематики, где стиль соцреализма держался дольше всего[15]. Впоследствии о той картине вспоминали неохотно, так как югославское коммунистическое руководство не было удовлетворено его политическим смыслом: их изобразили эдакими младшими братьями Сталина и его верными последователями, решившимся на начало движения сопротивления нацистам 22 июня 1941 г., в день нападения фашистской Германии на Советский Союз[16]. Фильм заканчивается совместным парадом Победы Советской и Югославской армий на главной площади Белграда, украшенной портретами Тито и Сталина, советскими и югославскими знаменами. Народ кричит: «Тито — Сталин! Москва — Белград!» Крупным планом показана пятиконечная звезда и знамена Югославии. Конец. Уже в процессе съемок стало очевидно, что цели авторов фильма расходятся с потребностями и желаниями югославской стороны, и фильм стали обходить молчанием[17].

Все же безграничное доверие, которое югославские коммунисты питали ко всему, что поступало из СССР, вопреки опыту с произведением Роома, не было

[15] Volk, Petar, Istorija jugoslovenskog filma (Beograd, 1986), 136—138 (далее: Volk, Istorija jugoslovenskog filma...); Raspor, Vicko, Riječ o filmu (Beograd, 1988), 12, (далее: Raspor, Riječ o filmu...); Ljubojev, Evropski film.., 215—217.

[16] Югославские коммунисты действительно не участвовали в освободительной борьбе до начала Великой Отечественной войны, хотя с мая 1941 г. против немцев уже действовали отряды четников. Вооруженное сопротивление коммунистов началось 7 июля 1941 г. — (*Прим. перев.*)

[17] Первым югославским фильмом коммунисты провозгласили произведение В. Африча «Славица» (1947), и в память об этом фильме один из белградских кинотеатров и поныне зовется «Славица». Эта позиция в 1955 г. была засвидетельствована празднованием десятилетнего юбилея отечественной киноиндустрии. Празднованию покровительствовал лично Иосиф Броз Тито. См.: Filmografija jugoslovenskog igranog filma 1945—1980 ред. Branislav Obradović, (Beograd, 1981), 5—10 (далее: Filmografija...); Raspor, Riječ o filmu.., 44—46, 272; Volk, Istorija jugoslovenskog filma.., 136—138; «Proslava 10-godišnjice jugoslovenskog filma» // Vjesnik Saveza socijalističkog radnog naroda Hrvatske 3110, XVI, 4. ožujka 1955, 5.

уничтожено, и позднее бытовало мнение о превосходстве советского киноискусства. «Если действовать правильно и брать в качестве критерия оценки фильма его содержание, идеологическую наполненность и художественные достоинства, то всю мировую кинопродукцию можно разделить на две категории: с одной стороны советские фильмы, с другой — западноевропейские и американские. Советский кинематограф снискал признание у широких масс во всем мире благодаря тому, что в своих многочисленных шедеврах в самой доступной форме он показал позицию советского человека по отношению к действительности в ее прогрессивном развитии. В Советском Союзе кинематограф создан для масс, и высшей степени идеологичен, доступен и одновременно притягателен, и поэтому мы приложим все усилия, чтобы как можно больше хороших советских фильмов попадало в нашу страну»[18]. Как мы увидим далее, подобный энтузиазм оказался недолговечен.

В течение первых десяти лет после Второй мировой войны в Югославии было снято 56 полнометражных художественных фильмов, хотя официальная фильмография приводит только 54. В списке отсутствуют фильмы, политической направленностью которых властвующие структуры остались недовольны. Среди них лента «Мать Катина» Николы Поповича (1949), где речь идет о гражданской войне в Греции о роли в ней Югославии. В фильме резкой критике подвергается политика Великобритании в Греции и всячески одобряется роль Советского Союза. Международная политическая ситуация изменилась как раз перед завершением работы над фильмом, и его решили не пускать в прокат, заявив общественности, что он «не закончен». В декабре 2002 г. фильм был повторно показан в Музее Югославской Кинотеки. Это не шедевр, но вполне законченная добротная лента в стиле советского соцреалистского фильма военной тематики. Другое название, отсутствующее в официальном списке, — «Цигули Мигули», фильм режиссера Бранко Марьяновича, снятый в 1952 г. и запрещенный для показа до 1977 г.[19] Кроме того, следует упомянуть фильм Милана Катича «Тайна дворца И. Б.» (второе название «Балетная пантомима») производства загребской киностудии «Ядран-фильм» (1951). Это художественная сатира на Сталина и советское руководство по поводу резолюции Информбюро о положении в КПЮ и произошедшего затем конфликта. Про-

[18] AJ—180-K1. Анонимный Кратак реферат о стању кинематографије у ФНРЈ. 15 ноября 1946 г. Автором, по-видимому, является кто-то из Комитета кинематографии ФНРЮ.

[19] Munitić, Ranko, «Zabranjene igre Yugo-filma (1)», Yu film danas — jugoslovenski filmski časopis 2—3 (51—52), XII, Лето—осень 1999, 249—254 (далее: Munitić, «Zabranjene igre (1)...»). Запреты налагались и раньше, и позже. В конце 40-х—начале 50-х гг. прерваны съемки фильмов «Последний отряд» («Последњи одред») Федора Ханжековича, «Шахтеры» («Рудари») Людевита Црнобрне и «Крагуевац, 1941-ый» («Крагујевац 1941.») Жоржа Скригина. (Там же, 240—241). О других приемах цензуры см.: Nikodijević, Milan, Zabranjeni bez zabrane. Zona sumraka jugoslovebskog filma (Beograd, 1995); Комад, Милица, О филмском укусу партијских идеолога 1963. Једна епизода из културног живота комунистичке Југославије, Годишњак за друштвену историју, 6/1, 1999, 57—66.

должительность фильма всего 21 минута (поэтому мы не включаем его в ряд полнометражных художественных фильмов), но прототипы его героев высмеивались настолько едко, что цензура тут же его запретила, и до сих пор о нем известно очень мало.

Если распределить по группам фильмы, снятые в первое послевоенное десятилетие, то станет очевидным превалирование тематики Второй мировой войны над всеми остальными. Это и не удивительно, ведь в период 1941—1945 гг., кроме борьбы с оккупантами, в Югославии шла жесточайшая и кровопролитнейшая гражданская война, поэтому коммунисты, вышедшие из нее победителями, должны были легитимизировать свою власть и объяснить произошедшие перемены. Этой цели (помимо прочего) служил и 21 фильм из 56 снятых, т. е. 37,5% кинопродукции. Хотя не всегда возможно провести четкую временную границу, общая тенденция выглядит так: тематика 12 фильмов связана с первой половиной XX в. (до 1941 г.), в десяти фильмах действие происходит в XIX в. Они составляют 39,4% кинопродукции. Следовательно, сто пятьдесят лет более ранней истории и четыре военных года в процентном соотношении приблизительно равны. Кроме того, один фильм повествует о событиях XVIII в., один о раннем средневековье, два — фантастика (т. е. лежат во вневременной плоскости), что составляет 7,1% продукции. Только в девяти оставшихся фильмах речь идет о современности, т. е. времени после Второй мировой войны. Итого 16% кинопродукции. Из этих девяти два рассказывают о фабричных рабочих, два — полицейские триллеры, один об аграрной революции и четыре комедии. Из комедий одна посвящена теме спорта, другая летнему отдыху, третья жизни учеников средних школ и четвертая — о бюрократах. На современную тематику очень небольшое количество фильмов, но одновременно много комедий, особенно учитывая, что в то десятилетие было снято всего семь комедий. Получается, что в кино мало рассуждали об актуальном положении в стране, а если и заходила об этом речь, то все подавалось в наиболее приемлемой форме комедий. О том, что у нового режима были серьезные проблемы с изображением действительности[20], помимо процентного соотношения, говорит и тот факт, что два самых крупных скандала тех лет разразились именно в связи с фильмами на современную тематику.

Первый был связан с фильмом «Озеро» («Језеро», 1950). Сценарист Югослав (Юг) Джорджевич в роковом 1948 г. начал писать сценарий о переменах в жизни сельских жителей под влиянием индустриализации. Но в связи с конфликтом с Советским Союзом сместились политические акценты, поэтому влиятельные лица, такие как Милован Джилас, Александр Ранкович и Эдвард Кардель, потребовали, чтобы завязка сюжета заключалась в саботаже при

[20] Режиссер Федор Ханжекович написал полную горечи и иронии сатиру о замалчивании современных тем, к чему, согласно его мнению, помимо режиссеров прибегали и художники, музыканты, писатели. См.: Hanžeković, Fedor, «Heureka!» â Vjesnik u srijedu 142. IV, 19 января 1955, 6.

строительстве дамбы [21]. Многочисленные замечания и поправки политиков были приняты и фильм вышел на экраны, однако вызвал бурное недовольство рабочих и инженеров, трудившихся в электрификации и строительстве. Они не могли согласиться, что кто-то из работников их отрасли стал саботажником, т. е. здесь мы опять сталкиваемся с феноменом «неподготовленной» публики, заключающимся в неспособности отмежевать игру от действительности, персонажей фильма от реальных людей, особенно когда речь идет о всем известном объекте — дамбе «Ябланица» на р. Неретве, за строительством которой внимательно следила пресса. Формально «Озеро» не запретили, но быстро сняли с репертуара. В последующие десять лет режиссер не получил возможности снять новый фильм, а сценарист покончил жизнь самоубийством, не в силах вынести общественное порицание [22].

Второй крупный скандал разразился в связи с фильмом «Цигули Мигули» по сценарию Йоже Хорвата (режиссер Бранко Марьянович). Это современная комедия, в которой резко критикуется сталинизм. Главное действующее лицо — усатый партийный бюрократ Иван Иванович, пожелавший «привести в порядок» работу певческих коллективов в одном небольшом городе. Он пытается запретить разные репертуары и заставить все певческие коллективы петь и играть одно и то же, а дирижировать во всех коллективах хочет сам. Фильм заканчивается неудачей Ивана Ивановича и его изгнанием со сцены. Изначально проект поддержал руководитель союзной агитпропаганды Милован Джилас, но потом фильм раскритиковала хорватская верхушка, где лидером в то время был Владимир Бакарич. Показ фильма запретили, поскольку посчитали, что отдельный случай осмеяния бюрократического злоупотребления есть проявление неуважения к компартии в целом. Некоторые югославские коммунисты узнали в этой ленте себя, хотя автор не ставил себе такой цели. Существует мнение, что этот скандал стал началом опалы Джиласа [23]. Как

[21] Ljubojev, Evropski film.., 218—219.

[22] Volk, Istorija jugoslovenskog filma.., 152; Raspor, Riječ o filmu.., 74—79. Следует подчеркнуть, что ни Джорджевич, ни Джукич не были диссидентами. Они вполне искренне старались угодить политической верхушке. Но достигли обратного эффекта, так как «серые кардиналы» были совершенно некомпетентны в области кино (впрочем, как и многие другие в то время). Они и представить себе не могли, во что выльется их грубое вмешательство. Похожая история приключилась и с фильмом «Последний день» («Последњи дан», 1951) о борьбе Управления госбезопасности против шпионов (режиссура В. Погачича, сценарий О. Давичо). И этот фильм официально не был запрещен, но был абсолютно обезображен бесконечным идейно-политическим перекраиванием. Написание сценария превратилось в идейно-эстетическую борьбу режиссера и сценариста, а впоследствии Погачич рассказывал, что министр внутренних дел со своими помощниками и полковниками УГБ присутствовал при этих стычках. (Ljubojev, Evropski film.., 220). Также см.: Munitić, «Zabranjene igre (1)...» 245—246.

[23] См.: Ljubojev, Evropski film.., 551—554; Filmografija.., 5, 61; Munitić, «Zabranjene igre (1)...», 248—254. Мунитич считает, что это был первый антисталинистский фильм, снятый гораздо раньше «Чистого неба» Г. Чухрая, «Человека из мрамора» А. Вайды (Andrzej Wajda) или «Покаяния» Т. Абуладзе.

выяснилось. Сталин преподнес компартии Югославии еще один подарок, от которого ее деятели не смогли отказаться — это идеи и методы, и как бы ни пытались югославские партийцы прикрываться маской толерантности, они оставались сталинистами.

Интересно профессиональное и социальное положение главных героев фильмов первого послевоенного десятилетия. Крестьян больше всего — семнадцать человек, и только четыре человека рабочих. Столь небольшое число представителей пролетариата не удивительно, так как они считались самой крепкой опорой власти, в то время как пропагандой надо было воздействовать на крестьянство, по определению ненадежное. Интеллигенция тоже не внушала доверия, поэтому интеллигенты не могли быть главными действующими лицами, и уж, безусловно, не положительными. Исключение составляли врачи, представители нужной и практической профессии, — в фильмах пять персонажей-медиков, а также две героини из сферы культуры: балерина и пианистка. Роли этих семи персонажей по преимуществу положительны, и вместе с другими гражданами (их тоже семь), образы которых шаржированы и подвергнуты критике, они составляют вторую по численности социальную группу — четырнадцать человек. Достаточно многочисленны образы молодежи, городской и сельской, — десять человек, что вполне логично, так как именно молодежь была важной мишенью идеологического воздействия. Четвертое место с рабочими делят офицеры, тоже считавшиеся твердой опорой режима, а следовательно, менее важными с точки зрения агитпропаганды.

А теперь подробнее рассмотрим тематику самой массовой кинопродукции в Югославии: некоторые знаковые события вокруг так называемых партизанских фильмов, поскольку нигде, кроме как в них, нельзя более явственно ощутить дух того времени[24].

Режиссуру первого художественного фильма обновленной Югославии (и первого фильма отечественного производства) доверили загребскому актеру Вьекославу Афричу, одному из ассистентов советского режиссера Абрама Роома на съемках кинокартины «В горах Югославии». Это фильм «Славица» (1947), названный так по имени главной героини. Речь здесь идет об идеализированной биографии пролетарки из Далмации, о ее участии в социальной борьбе до войны, в партизанском движении во время войны и героической гибели в последней битве. И вновь мы видим патетическую историю о самопожертвовании во имя коллектива, ярко выраженный контраст между новым и старым через идеализиро-

[24] О том, что это было важнейшей частью югославского кинематографа, свидетельствует и тот факт, что в то время любая киностудия начинала свою деятельность фильмом, который тематически был связан с прошедшей войной. Исключением является черногорская студия «Ловчен-фильм», начавшая свою работу фильмом на историческую тему о самозванце Шченане Малом. В течение пяти лет после войны существовало в общей сложности восемь киностудий — шесть республиканских и две союзные. Raspor, Riječ o filmu.., 11; Čolić, Milutin, Jugoslovenski ratni film I—II (Beograd / Titovo Užice, 1984), 743—746 (далее: Čolić, Jugoslovenski ratni film I—II).

ванное изображение революционеров и карикатурные образы их врагов. Тем не менее, театральность, дидактичность и наивность не помешали этой киноленте стать культурным и социальным феноменом, который в течение двадцати лет посмотрело 3,5 млн. зрителей. В фильме победа празднуется только с портретом Тито (без Сталина), в чем выразилось стремление к независимости от Советского Союза. В целом, «Славица» стала ответом на иконографию картины Роома[25]. Особенности политической программы фильма Африча являются основной причиной, по которой его часто и охотно вспоминали в социалистической Югославии, в то время как «В горах Югославии» еще охотнее предали забвению[26].

Тогда было создано нечто вроде матрицы, предопределявшей содержательную канву фильмов о партизанах: изображение важнейших аспектов партизанской борьбы и утверждение идеологических постулатов в очень наглядной и идеализированной форме. Это требование партийного аппарата, являвшегося единственным заказчиком, привело к тому, что те первые киноленты скорее напоминали кинохронику с элементами художественного фильма. Здесь практически копировался образец советских фильмов сталинского периода. Сценаристы в попытке выполнить партийное задание вместо одной темы старались охватить целые их пласты с огромным количеством исторических событий, личностей и временной протяженностью. Результаты были адекватны их амбициозности и дилетантизму. Спустя некоторое время стали появляться антиподы такого типа фильмов, которые можно было бы охарактеризовать как критические фильмы. Эти кинокартины, авторы которых в основном обращались к современной тематике (но не только), гораздо более убедительны и лучше с художественной точки зрения. Иногда критика появлялась и в фильмах о войне, но все же кино об «улучшенном» прошлом появлялось чаще.

С этой точки зрения интересно было бы воссоздать события, развивавшиеся вокруг фильма «Знамя» («Застава», 1949) режиссера Бранко Марьяновича и сценариста Йоже Хорвата, снятого на киностудии «Ядран-фильм» в Загребе. Еще до премьеры пресса высказывала осторожные предположения: «Не станет ли этот последний художественный фильм лучшим нашим фильмом из до сих

[25] Впоследствии Вьекослав Африч рассказывал о фильме «В горах Югославии»: «На всем протяжении съемок мы были недовольны тем, как интерпретируется наша народно-освободительная борьба. Тот сталинистский метод изображения нашей действительности нас глубоко задел [...] Я назло начал писать «Славицу», почти полемизируя со сценаристом советской киноленты. Это настроение не оставило меня, даже когда съемки советского кино закончились и мы начали снимать собственный фильм». Čolić, Jugoslovenski ratni film I—II, 170—171, 523—525. Говоря о своих мотивах, Африч умалчивает о том, что ни одна кинокартина тогда не могла быть создана иначе, как по поручению партии. Это, бесспорно, касалось и «Славицы».

[26] Однако ни одна из вышеназванных лент не была первым отечественным художественным фильмом. До них в Югославии было снято около двадцати художественных фильмов, но они сохранились лишь фрагментарно. Самый старый из известных — «Жизнь и деяния бессмертного вождя Карагеоргия»(«Живот и дела бесмртног вождa Карађорђа», 1911), снятый в Королевстве Сербия, а последним до прихода к власти коммунистов был «Беззащитная невинность» («Невиност без заштите») Драголюба Алексича, снятый в Белграде во время оккупации.

пор созданных?»[27], а один известный кинокритик взволнованно писал: «"Знамя" — второй фильм хорватской студии «Ядран», который показал необходимость существования республиканских киностудий как важных факторов национальной культуры, мобилизации кинематографистов»[28]. Говорят, что «всплеск воодушевления сопровождал [...] показ "Знамени"»[29], на премьере которого побывало 250 тысяч загребчан[30]. Кроме того, проводилась целая кампания по утверждению «истин», которые проповедовались в фильме: «в Армии для ознакомления военных с содержанием и значением фильма организуются короткие лекционные занятия, а после просмотра фильма открываются оживленные дискуссии»[31]. Потом «Знамя» демонстрировали в Вене, вместе с другими кинолентами вывезли в турне по Соединенным Штатам, затем он попал в Израиль как первый югославский фильм, проданный за границу[32]. Наконец, «Президиум правительства народной республики Хорватии подчеркнул этот успех присуждением наград сценаристу, режиссеру, оператору и другим создателям фильма»[33]. И все же «Знамя» отнюдь не шедевр, как может показаться при таком успехе, а достаточно серенькое произведение с многочисленными и очевидными ошибками[34]. Тогда в чем же дело?

«Знамя» повествует о подвиге загребской балерины родом из Вараждина, которая в 1942 г. спасла от усташей захваченное знамя погибших партизан[35]. Уйдя к партизанам, она «становится преданным народу деятелем культуры и вдохновенным борцом за свободу. В битве за Калник Мария гордо поднимает красное знамя на его вершине»[36]. «Знамя» — первая кинокартина о партизанском антифашистском движении, показанном только с одного ракурса, сугубо хорватского: борьба хорватов-партизан и хорватов-усташей, а действие развивается ис-

[27] M[ihovilović], I[ve], «Pred premijeru «Zastave» novog domaćeg umetničkog filma», Vjesnik narodnog fronta Hrvatske 1363, IX, 18 сентября 1949 г., 2 (далее: M[ihovilović], «Pred premijeru «Zastave»...).

[28] Raspor, Riječ o filmu.., 73.

[29] Raspor, Riječ o filmu.., 69.

[30] Čolić. Jugoslovenski ratni film I—II, 535. В 1948 г. Загреб насчитывал около 315 тысяч жителей, поэтому количество посетивших премьеру впушительно.

[31] Raspor, Riječ o filmu.., 30.

[32] «Prikazivanje filma «Zastava» u Beču», Vjesnik Narodnog fronta Hrvatske 1495, X, 21 февраля 1950, 1; «Prikazivanje jugoslovenskih filmova u USA», Vjesnik Narodnog fronta Hrvatske 1510, X, 11 марта 1950, 3.

[33] Mihovilović, I[ve], «Naša kinematografija u 1949. godini», Vjesnik narodnog fronta Hrvatske 1452, X, 1 января 1950 г., 5.

[34] Провозгласив сначала, что фильм «удался» и что он лучше многих зарубежных, критика тем не менее должна была заметить непрофессионализм сценариста, незрелость исполнительницы главной роли, наличие нескольких возможных концовок, а также другие менее серьезные недостатки. См.: Mihovilović, I[ve], «"Zastava" najnoviji domaći umetnički film», Vjesnik narodnog fronta Hrvatske 1385, IX, 14 октября 1949 г., 2—3.

[35] Те же самые критики, которые писали, что «фабула является плодом художественного воображения», расхваливали «правдивость» и «аутентичность» фильма, утверждая, что его «суть исторически достоверна». См.: M[ihovilović], «Pred premijeru «Zastave».., 2.

[36] Filmografija.., 6.

происходило на хорватской земле (Загреб, Варажджин, Загорье)[37]. Авторы этого психологического[38] фильма дают главным положительным героям имена, близкие католическому населению — балерину зовут Мария, а командира партизан Петар, в то время как их враги (усташ Вуксан, домогающийся любви Марии) изображены карикатурно, а значит нереально. Но если вспомнить тот факт, что на самом деле ядро антифашистского движения в Югославии составляли сербы, уходившие в партизаны ради спасения от геноцида, который им устроило Независимое Государство Хорватия с резиденцией в Загребе, и потому Загреб в первые послевоенные годы продолжал полыхать ненавистью к выжившим, можно сделать вывод, что загребчане с ликованием рукоплескали не художественным достоинствам киноленты, но прощению, полученному ими от новой власти. Реабилитация касалась и балерин. В то время молоденькие представительницы определенной части городского сословия вступали в близкие отношения с партизанскими комиссарами (иногда даже выходили замуж), тем самым помогая своим ближним избежать занесенного над ними меча революции. Поскольку в этой роли балерины особенно бросались в глаза, за ними закрепилась репутация аморальных, беспринципных особ, склонных к корыстному поведению, манипуляциям эмоциями и сексуальностью. Вероятно, это относилось не ко всем балеринам, но, обеляя в фильме именно их, новая власть косвенно подтверждала бытование такого мнения[39].

Упомянутые события приобретают значение в свете того факта, что в том же 1949 г. другой отечественный фильм о Второй мировой войне был не только запрещен, но большая его часть даже была уничтожена. Речь идет о ленте Жоржа Скрипина производства «Авала-фильма», снятой по сценарию Любиши Манойловича, переработанному Станиславом Винавером. Тема фильма — расстрел за-

[37] Действие первого фильма о партизанах киностудии «Ядран-фильм» «Этот народ будет жить» («Живјеће овај народ», 1947), снятого по сценарию Бранко Чопича режиссером Николой Поповичем, развивается в Боснии и Герцеговине, а действие «Славицы» белградской киностудии «Авала-фильм» — в Далмации, т. е. на межнациональном уровне. На значение того, что события «Знамени» происходят на территории Загреба и Загорья, указал, возможно, сам того не сознавая, Вицко Распор еще в 1949 г. и сильно на этот фильм, где помимо прочего написал, что «Ядран-фильм» является «*важным фактором национальной культуры*» (курсив мой. — *Г. М.* См.: Raspor, Riječ o filmu.., 73). Профессиональный состав «Ядран-фильма» остался тем же, что и во времена «Хорватского сликописа», киностудии так называемого Независимого Государства Хорватии (НГХ). Когда председатель Комитета по кинематографии при правительстве ФНРЮ Александр Вучо и секретарь Комитета Якша Петрич в конце 1946 г. посетили Загреб, то в отчете они отметили, что «отношения студии "Ядран" и съемочной группы фильма "Этот народ будет жить" не совсем искренние. Студия "Ядран" еще не считает этот фильм своим» (Архив Югославии, Фонд 180, Комитет по кинематографии при правительстве ФНРЮ. К-3. Протокол совещания Комитета, состоявшегося 3 декабря 1946 г., секр. № 207).

[38] Colić, Jugoslovenski ratni film I—II... 536.

[39] Отношение к другим профессиям и темам, связанным с богемой и городским сословием, и далее осталось негативным. Фильм «Концерт» (1954) режиссера Бранко Белана, где главная героиня — пианистка, натолкнулся на непонимание и осуждение, так же как и его же фильм «Под подозрением» («Под сумњом»), в котором главный герой — сын судовладельца.

ложников в Крагуевце 21 октября 1941 г. В процессе работы в прессе появлялись скудные сообщения, в которых фигурируют три названия фильма: «Крагуевац, 1941» («Крагујевац 1941»), «Великие жертвы» («Велике жртве») и «Это было в одной маленькой стране» («Било је то у једној малој земљи»). Исполнитель главной роли — Радета Маркович, в остальных ролях были заняты Мия Алексич, Люба Тадич, Берт Сотлар, Ита Рина, Ольга Спиридонович и др. Ольга Кршлянин, осуществлявшая монтаж (впоследствии супруга режиссера) и носившая отснятые катушки с пленкой на просмотр и одобрение «в надлежащие инстанции», утаила одну катушку с 650 м фильма (22 минуты), опасаясь гнева вышестоящих. В 1990 г., когда супруги Скригин впервые решились открыто говорить, этот материал был продемонстрирован. Причиной запрета и уничтожения стал, вероятно, показ вины партизанских комиссаров, которые своими варварскими поступками по отношению к погибшим немецким солдатам вызвали акт вендетты со стороны оккупантов. Жорж Скригин называет ответственным за запрет Агитпроп ЦК КПЮ[40]. В данном случае речь шла об исключительно «сербской теме», трагедии, разыгравшейся на территории Сербии, где жертвами стали сербские мирные жители, в то время как роль партизан оказалась далеко не героической и честной.

Еще одним шагом на пути критического толкования Второй мировой войны на территории Югославии стал фильм «Солнце далеко» (1953), снятый по роману Д. Чосича[41]. Тогда впервые на экране зритель смог увидеть борьбу внутри партизанского отряда, окончившуюся на большевистский манер — приговором и расстрелом человека, не могшего или не желавшего подчиниться директиве партии. Крестьянин Гвозден, лучший солдат в отряде, считает, что их отряд не должен оставлять без защиты деревни, родом из которых большинство партизан, чтобы не лишиться поддержки этих деревень[42]. Такой, вполне рациональный, подход отметался с решением комиссара переходить на другую территорию, а также революционной моралью, требовавшей от каждого готовности пожертвовать не только собственной жизнью, но и жизнью ближнего, если того потребует Партия. Вершина драмы наступает, когда и сам Гвозден принимает эту сталинистскую систему ценностей и соглашается, подобно Зое и Славице, принести в жертву свою жизнь во имя интересов Партии. В этом фильме впервые показа-

[40] Simović Živomir, «Sudbina filma Kragujevac 1941 Žorža Skrigina» // Sineast 86/87, 1990/1991, 3—8.

[41] «Преодоление старых формул и поиск новых путей развития в 1951—1952 гг. становится императивом югославской политической и культурной практики» (См.: Peković, Ratko, Ni rat ni mir. Panorama književnih polemika 1945—1965 (Beograd, 1986), 109). В этом направлении впереди были писатели, но импульс получила и киноиндустрия, особенно когда в основу сценариев клались литературные произведения.

[42] «Ни в партизанских, ни в четнических отрядах крестьяне не хотели уходить из своих родных мест. Быстро собранные партизанские отряды также быстро распадались в случае военных неудач, за ночь уменьшаясь вполовину или даже с 1000 до 150 человек» (Petranović, Branko, Srbija u drugom svetskom ratu 1939—1945 (Beograd, 1992), 184). Ту же проблему рассматривает Воислав Нанович в фильме «Шолая» («Шолаја»).

подразделили личные интересы и раскол командования, а также выдвигается тезис, что крестьяне, как социальный слой, больше всего пострадали от идеологии, которой служили[43].

Фильм «Эшелон доктора М.» («Ешалон доктора М.», 1955) режиссера Живорада Жики Митровича, несмотря на недостатки, является важным шагом на пути освобождения от догм соцреализма. Он сделан на манер вестерна — в экзотической обстановке Косова и Метохии, с многочисленными крупными планами и красивыми сценами, включая жестокое сведение счетов и гонки на автомобилях, в чем легко угадывается влияние Голливуда. Партизаны в этом фильме не так идеализируются, им позволены любовные переживания и (даже!) легкая эротика[44]. И хотя критика презрительно называла его фильм-стрип, кинотеатры были полны, так что впоследствии в подобной манере было поставлено много военных кинокартин, на роли в которых приглашались такие известные голливудские актеры, как Юл Бриннер и Ричард Бартон.

Однако гораздо лучше, противоречивее и интереснее для анализа фильм «Шолая» («Шолаја», 1955) в постановке Воислава Нановича, о герое из западной Боснии. В то время как одни называют эту киноленту «чистым памятником соцреализма»[45], другие считают ее «вестерном другого типа»[46]. Этот фильм гораздо более интригующий с точки зрения отношения к прошлому и к политическому курсу времени съемок. И хотя действие происходит в смешанной национальной среде, фильм по преимуществу затрагивает «сербскую тему»: восстание сербских крестьян против оккупантов и геноцида в Независимом Государстве Хорватия и борьба против усташей и итальянцев лишь очерчивают рамки основной проблематики — процесса разделения восставших на партизан и четников, что привело к гражданской войне. Оба противостоящих идейно лагеря пытаются воздействовать на крестьянское население через местных вождей, образцовых хозяев, один из которых — Симо Шолая. За его душу борются два демона — командир партизан Проле (проле + тер = пролетер (пролетарий), представитель социального слоя, которого в Боснии тогда не было, на чем этим именем акцентируется внима-

[43] Ljubojev, Evropski film.., 250—253; Čolić, Jugoslovenski ratni film I—II, 349—351; Volk, Istorija jugoslovenskog filma.., 149—150.

[44] Čolić, Jugoslovenski ratni film I—II.., 544—546. Raspor, Riječ o filmu.., 42, 97, 116; Volk, Istorija jugoslovenskog filma.., 176—177. Поскольку публика проявила большой интерес, Жика Митрович поставил еще два фильма с теми же героями и в той же манере: «Капитан Леши» («Капетан Леши», 1960) и «Расправа» («Обрачун», 1962).

[45] Munitić, «Zabranjene igre (1)...», 243.

[46] Пајкић, Небојша, «Шолајина војска или о казаном и приказаном у филму «Шолаја» // Режија: Војислав Нановић — Последњи пионир- (Београд / Нови Сад, 1993), 99, 109, 110 (далее: Пајкић, «Шолајина војска... »). Нанович ранее уже снял фильм «Цыганка» («Циганка», 1953), где ощутимо влияние вестерна (см.: Радојевић, Саша, «Иза замрзнутог кадра» // Режија: Војислав Нановић — Последњи пионир- (Београд / Нови Сад, 1993), 91). Сам Нанович в качестве образца для своих фильмов называет работы известного постановщика ковбойского кино Джона Форда (John Ford). См.: Петровић, Милутин, «Написи и чланци Војислава Нановића» // Режија: Војислав Нановић — Последњи пионир- (Београд / Нови Сад, 1993), 166.

ние) и капитан четников Дренко (от слова «дрен» (кизил), выносливое и прочное дерево, символ твердости и солидности). Вряд ли властям могла понравиться такая символика имен[47].

Особенность этой кинокартины также в том, что у нее есть две версии. Одна удовлетворяла требованию федеральной власти, в ней побеждает Партия, под влиянием которой крестьяне осознанно и добровольно идут на жертву ради коммунистической идеи, соглашаясь воевать далеко от родных мест. А была также версия более исторически достоверная, снятая для показа на территории Боснии и Герцеговины. В этой версии крестьяне, когда возникает угроза их существованию, берутся за оружие, а главный герой погибает недалеко от своей деревни в схватке с усташами, не имея ни малейшего представления об идеях Карла Маркса. Это была версия специально для Боснии и Герцеговины, где еще были живы влиятельные военные ветераны, знавшие самого Шолаю и обстоятельства его гибели, а их сыновья были статистами в этом фильме[48]. Неясно, на какую именно версию ссылаются те, кто утверждает, что в фильме «фальсифицированы исторические факты»[49], а также те, кто говорит, что это «первый, а возможно, и последний коммунистический фильм, который противоречит их собственной догме»[50]. Может, на разные?

Впрочем, гораздо существеннее нечто другое. Нановича иногда обвиняли в непрофессионализме: «Из-за абсолютной некомпетентности в основных правилах монтажа режиссер постоянно заставляет нас смотреть, как партизаны стреляют друг в друга, лишь только в фильме начинается бой. Очевидно, это не входило в замысел режиссера»[51]. Но не входило ли? А если все-таки Нанович сделал это

[47] В 1956 г. критика подчеркивала проблематичность образов партизан и четников: «Наше кино опять вызывает обеспокоенность [...] Попытка избежать схематизма в образе капитана Дренко неубедительна. В "сараевской" версии я видел, что этот капитан уходит вместе с партизанами в г. Купрес. В "белградской" версии эта авантюра, к счастью, изменена. Но все равно характер этой личности не меняется [...] Откуда [...] в нем благородное побуждение сражаться против врагов партизан? [...] В сценарии ничего не сказано о действиях партизан. Они в основном зависят от передвижения и действий отряда Шолан. Подчиняются ему беспрекословно. Это их рабское подчинение решениям Шолан показано так, будто они из страха, даже из трусости, не перечат деревенскому воеводе. Партизаны и вправду действуют как кучка пассивных, растерянных людей, которые не в состоянии предпринять ни одного собственного шага [...] Целесообразно ли нести материальные и другие затраты на фильмы, ставящие под сомнение возвышенность мотивов, которым они посвящены?» (Čolić, Jugoslovenski ratni film I—II., 232—234).

[48] Ljubojev, Evropski film.., 249—250. Полагают, что в ту эпоху создание двух версий фильма «Шолая» было в порядке вещей. См.: «Разговор са Радетом Марковићем» // Режија: Војислав Нановић —Последњи пионир- (Београд / Нови Сад, 1993), 70 (далее: «Разговор са Радетом Марковићем»).

[49] Raspor, Riječ o filmu.., 109.

[50] Пајкић, «Шолајина војска... », 102.

[51] Raspor, Riječ o filmu.., 109. Эта тема стрельбы «в самих себя» проходит через все произведение Нановича, где главный герой — разочарованный человек, у которого есть прошлое, но нет будущего. См.: Златић, Богдан, «Занатлија живе слике» // Режија: Војислав Нановић —Последњи пионир- (Београд / Нови Сад, 1993), XII (далее: Златић, «Занатлија живе слике»).

наверное, к чему он хотел привлечь внимание публики? И что означает эпизод, когда Шолая в фильме погибает, его автомат (этот эпизод дан крупным планом, следовательно, акцентирован!) дает очередь в землю, в *нашу* землю»[52]. Может, Напович был разочарован в своей стране, хотя и воевал за нее? Впоследствии он действительно уехал в Америку, где и прожил остаток жизни.

«Шолая» во многом является своеобразным откликом на фильм «Знамя», снятый на шесть лет раньше[53]. Сюжет и того, и другого касается недавнего прошлого, в обоих случаях дается не только картина событий, но и попытка объяснить причины гражданской войны и революции, оба режиссера лично участвовали в партизанском движении[54]. Но в идеологическом и политическом плане оба фильма полностью противоположны. Идея «Знамени» заслужила похвалу и всестороннюю поддержку как Партии, так и критики, в то время как после кинокартины «Шолая» его автора югославский истеблишмент «сначала взял на мушку», а затем ему дали понять, что «для него нет места в отечественной кинематографии»[55]. Если коммунисты и использовали фильм как «оружие»[56], то лишь потому, что в первое послевоенное десятилетие в социалистической Югославии поистине «партизаны стреляли в партизан», выплескивая друг на друга различные толкования и версии недавнего прошлого, идеологические и политические позиции, моральные оценки[57].

[52] Raspor, Riječ o filmu.., 109. Курсив В. Распора.

[53] Профессиональные «охотники на внутренних врагов» при более внимательном просмотре киноленты (а они были педантичны) смогли бы обнаружить «суть двойной игры режиссера, **который последовательно говорит одно, а показывает другое**». (Пајкић, «Шолајина војска...», 102)

[54] Сценаристом «Знамени» был Йожа Хорват, хорватский писатель и «видный партизанский командир на Калнике» (Raspor, Riječ o filmu.., 70). Режиссер «Знамени» Бранко Марьянович снимал фильмы и во время существования НГХ, имел награды, а потому, как человек с таким прошлым, был особенно чувствителен к политическим требованиям. Воислав Напович перед тем как уйти в партизаны был подпольщиком в Белграде и принимал участие во многих опасных акциях. Героическая биография (см. его автобиографический фильм «Бессмертная молодость» («Бесмртна младост», 1948)) стала для Наповича щитом, спасавшим от клейма «внутреннего врага». И то, что он отверг официальную версию прошлого, стало результатом критически пересмотренного личного опыта. См.: «Разговор са Владиславом Срдановић» // Режија: Војислав Напович — Последњи пионир- (Београд / Нови Сад, 1993), 178—180; Пајкић, Биљана, «Мозаик сећања» (сећања Мирка Тепавца и Живорада Михајловића) // Режија: Војислав Напович — Последњи пионир- (Београд / Нови Сад, 1993), 205—207.

[55] Златић, Богдан, «Занатлија живе слике», XXIV, XXV.

[56] Dimić, Agitpropkultura.., 177.

[57] Мир кинодеятелей был буквально наичкан «проверенными кадрами». К примеру, кинокритик Вицко Распор был загребским подпольщиком, потом партизаном, а о своем старшем товарище и партийной «связи» Владимире Бакариче, более опытном и неизмеримо более влиятельном, впоследствии рассказывал: «Со встречи с Бакаричем мы уходили как "на крыльях". Так он мог объяснить каждую директиву!» (Raspor, Riječ o filmu.., 290—298). Может, в этом отчасти кроется причина радикализма Распора при оценке фильмов «Знамя» и «Шолая»? Кинокритик и автор множества книг о кино Милутин Чолич также был подпольщиком, партизаном и узником

Похожая политическая проблема встала и в связи с фильмом Франтишека Чапа «Секунды решения» («Трепуци одлуке», 1955). Киносовет «Триглав фильма» уже после начала съемок потребовал внести коррективы в сценарий и исключить эпизоды, где партизаны изображены «салагами», а словенские домобраны[58] как регулярная армия, не имеющая немецкого командования. Кроме того, потребовали показать более массовое присутствие оккупационных войск, ясно обрисовать роль Фронта Освобождения, и, главное, убрать моральные сомнения, терзающие душу главного героя доктора Корена после убийства одного из словенских домобран. В конце концов изменили и название фильма, который первоначально должен был называться «Кровавая река»[59]. В картине Чапа, как и в фильме «Шолая», подозрительным показались не столько изображение оккупантов, сколько образы врагов среди собственного народа. Проблема заключалась в том, что симпатизировавшие побежденным и их сторонникам как в сербской, так и в словенской гражданских войнах не покинули страну и продолжали быть скрытой угрозой для существующей власти, в то время как опасность стран Оси и их союзников отошла в прошлое.

Хорошим индикатором политических процессов служат совместное кинопроизводство и другие виды сотрудничества с зарубежными киностудиями. Какое политическое значение придавалось таким мероприятиям, свидетельствует тот факт, что решение о начале съемок фильма «В горах Югославии» принимал ЦК КПЮ, высший политический орган страны. После неприятного опыта партнерства с СССР, властные круги в вопросах кино были настороже, когда речь заходила о проектах соавторства с иностранными студиями. Затем произошел конфликт со Сталиным, и очередной совместный с иностранцами фильм был снят только в 1954 г., но на этот раз партнера нашли к западу от Железного занавеса.

Это был фильм о войне «Последний мост» («Последьи мост», «Die letzte Brücke»), снятый совместно с венской студией «Cosmopol film»[60]. Здесь действия немецко-фашистских войск на территории Югославии во время Второй мировой войны были показаны сглажено, что вызвало бурю негодования отечественной

концлагеря в Норвегии, где вновь вступил в подпольную организацию. Добрица Чосич, по роману которого был поставлен фильм «Солнце далеко» — также бывший боец партизанского движения. Режиссер Вьекослав Африч был участником партизанской театральной труппы, были партизанами сценаристы ряда фильмов Оскар Давичо и Бранко Чопич, равно как Жорж Скригин и режиссер Радош Новакович.

[58] Военнослужащие фашистской армии в Словении во время Второй мировой войны (*Прим. перев.*)

[59] Gabrič, Aleš, Socialistična kulturna revolucija. Slovenska kulturna politika 1953—1962 (Ljubljana, 1995), 99—101.

[60] Сценарий Норберта Кунце (Norbert Kuntze), Хельмута Койтнера (Helmut Käutner), Танасие Младеновича и Столе Янковича, режиссер Норберт Кунце. Мария Шелл (Maria Schell) получила первую награду за женскую роль на Каннском фестивале. (См.: Filmografija.., 8—9; Čolič, Jugoslovenski ratni film I—II.., 352—354).

общественности, звучали даже требования о запрете кинокартины. Однако цензура разрешила показ фильма, а «пленум кинематографистов Югославии даже особо выделил и подчеркнул совместное производство «Последнего моста» как позитивное и со всех точек зрения корректное, не обмолвившись ни словом о том, что картина получила первую католическую премию в Каннах!»[61]. Это можно расценивать как еще один признак нового курса государственной политики. В 1954 г. Югославия была почти что членом НАТО, поэтому требовалось преодолеть психологический барьер в отношении стран, входящих в этот военный союз, особенно это касалось бывших оккупантов, немцев и австрийцев, о которых у большинства населения Югославии сохранились не самые лестные воспоминания.

В 1954 г. были также сняты две мелодрамы в сотрудничестве с немецкими партнерами. Одна из них — «Дом на берегу» («Кућа на обали») совместного производства с гамбургским «J. A. film Kompanie». Завязка сюжета фильма основана на любви матери и дочери к одному и тому же человеку, есть, кроме того, элементы детектива[62]. Второй фильм называется «Грех», постановка Франтишека Чапа, снят совместно с мюнхенской студией «Saphir film GmbH». Это история крестьянина, который не может иметь детей с законной женой и признает сына со служанкой[63]. Оба фильма не достигли особого успеха, но и не вызвали скандала, поскольку темы их не затрагивали болезненного недавнего прошлого.

В следующем 1955 г. вышли еще два совместных фильма. Один из них — «Кровавый путь» («Крвави пут») в сотрудничестве с «Норск фильмом» (Norsk film), Осло. Это военная драма об интернированных в Норвегии югославах; одному из них удается бежать из нацистского лагеря, и ему помогает местное население. В этой кинокартине делается очередная попытка связать историю социалистической Югославии и одной из западных стран, но на этот раз тема была более узкая, а потому и общественность приняла ее благосклоннее[64]. Последней совместной работой первого послевоенного десятилетия стал фильм «Две виноградины» («Два зрна грожђа»), созданный в соавторстве с афинской киностудией «Nikos Skulidis & Komp.». Здесь повествуется о любви молодого крестьянина и дочери крупного землевладельца, который пускает в ход все свое влияние, чтобы помешать молодым людям. Социальная и любовная тематика, помещенная в деревенскую среду, была близка жителям обеих стран,

[61] Raspor, Riječ o filmu.., 41.

[62] Volk, Istorija jugoslovenskog filma.., 365—366. Filmografija.., 9.

[63] До приезда в Югославию Чап режиссировал в Чехословакии, Австрии и Германии. С профессиональной точки зрения он превосходил отечественных режиссеров. Из-за его происхождения и мировоззрения в его адрес отпускали колкости: «Чап разъезжает на своем маленьком личном лимузине с ярлыком провинциально-христианско-демократического вельтаншаунга [мировоззрения] "Греха"» (Raspor, Riječ o filmu.., 40 // Volk, Istorija jugoslovenskog filma.., 309, 311; Filmografija.., 9).

[64] Colić, Jugoslovenski ratni film I—II, 220—231; Volk, Istorija jugoslovenskog filma.., 150.

ставших за год до того членами Балканского пакта[65]. Однако фильму это успеха не принесло.

Столь скромные результаты кинематографического сотрудничества с Западом никак не повлияли на международные отношения. С другой стороны, за время конфликта со Сталиным великая любовь превратилась в великую ненависть: «Теперь нам ясно, что те, кто всячески отвращал нас от создания собственной киноиндустрии, действовали из ревизионистских побуждений, которые уже давно зародились в ЦК ВКП(б). И когда мы больше всего рассчитывали на их помощь, когда мы склоняли умы и сердца своих зрителей только к советским фильмам и хотели как можно теснее сотрудничать с СССР в области культуры, они преподнесли нам свои "интернациональные" взгляды: дескать, вам нет нужды развивать собственную киноиндустрию, это очень рискованно, очень рано и т. д. Советский режиссер Абрам Роом, который в 1945—1946 гг. снимал у нас фильм "В горах Югославии", "по-доброму" порекомендовал нам вести политику кино в направлении полного подчинения советской кинематографии, т. е., чтобы только советским съемочным группам с участием советских актеров было разрешено снимать художественные фильмы в нашей стране, а представитель "Совэкспортфильма" нам "посоветовал" ограничиться киножурналами и не пытаться создавать собственные документальные и художественные фильмы, которые нам надлежит ввозить из СССР. Короче, мы должны были бросить "гиблое дело", а на поприще кино создать культуру социалистическую по форме и националистическую (великорусскую) по содержанию»[66]. Югославским коммунистам потребовалось время, чтобы разглядеть суть «подарков Сталина», а после наступившего прозрения они не стеснялись в выражениях, давая волю горькому разочарованию. Фильм в сотрудничестве с советской стороной был снят только в 1958 г. Это была лента Леонида Лукова «Алекса Дундич» совместного производства белградской студии «Авала-фильм» и московской «Киностудии им. М. Горького».

Об укреплении связей с Западом свидетельствовал и кинорынок. Как уже упоминалось выше, первый югославский фильм, проданный за границу, — «Знамя» (1949), был вывезен в Израиль в 1951 г. Второй — фильм-сказка «Чудотворный меч» («Чудотворни мач», 1950), продан США в 1952 г.[67] Затем

[65] Военно-политический союз Греции, Югославии и Турции, заключенный в августе 1954 г. (*Прим. перев.*)

[66] Raspor, Vicko. Riječ o filmu (Beograd, 1988), 12. Выдержка из доклада, сделанного Распором на Учредительном конгрессе Союза Кинематографистов Югославии.

[67] Высказывалось мнение, что это «самый продаваемый югославский фильм. По крайней мере так было несколько лет назад, когда я беседовал с кем-то из "Югославия-фильма". Если бы эта сказка не была черно-белой, ее продолжали бы показывать» («Разговор са Радетом Марковићем», 66). В этом фильме под видом сказки резко критикуется режим Тито. Ярче всего это видно в сцене, когда один из персонажей, придворный шут, обращается к зрителю: «Наша страна огромна, у нас все есть — и дворцы, и крыша над головой, у нас и богато, и красиво, но что нам делать, ко-

в 1953 г. Турции продали фильм «Цыганка» («Циганка», 1953), Греции — «Красный цветок» («Црвени цвет», 1950), Египту — «Буря» («Невјера», 1953), Австрии и Западной Германии — «Голубой 9» («Плави 9», 1950). До 1955 г. преобладал экспорт югославского кино на Запад, в нейтральные и неприсоединившиеся страны, однако с 1955 г. и в последующие десятилетия первыми в списке покупателей вновь стали страны Восточной Европы. Причина такой перемены кроется не в идеологической сфере, а в невозможности производства качественных и интересных фильмов для развитого и жесткого западного кинорынка.

Изменение курса внешней политики никак не отразилось на вершителях судеб народа — по своей сути они продолжали оставаться сталинистами[68]. Так, например, в 1956 г. Бранко Белан снял фильм «Под подозрением» («Под сумњом»), которым цензурная комиссия осталась недовольна. Мони Финци, директор студии «Босния-фильм», где он снимался, заставил режиссера вырезать с десяток эпизодов, пригрозив: «Не будешь, я приглашу кого-нибудь другого». Впоследствии Белан рассказывал: «Когда я вырезал первую сцену, мне стало так тошно, что следующие эпизоды я кромсал даже больше, чем было надо. Это было что-то вроде самоубийства, понимаете»[69]. Белан больше никогда не брался за постановку художественного фильма.

* * *

Итак, в первое послевоенное десятилетие югославское кино (сообразно с изменением курса государственной политики и ориентацией на Запад) постепенно отходит от пропаганды соцреализма и поворачивается к стилю голливуда. Но, хотя в силу внешнеполитических обстоятельств деятели югославской компартии в начале 50-х гг. налаживали связи с западными странами, внутри страны демократических реформ не произошло. Как только в искусстве появлялись новые течения и либеральные тенденции, репрессивный аппарат действовал неумолимо. Современные темы были нежелательны, так как такие фильмы, пусть даже их

ли всем заправляют дураки, вот уж диво, так уж диво — шут их уму-разуму учит!» (Наповић, Војислав, Чудотворни мач. Филмски сценарио (Београд, 1951), 55).

[68] Работа цензуры, наоборот, спорилась. Председатель правительства Иосиф Броз Тито в отчете за 1954 г. отметил: «Союзная комиссия по просмотру фильмов основана в 1944 г. За это время было просмотрено 7 428 короткометражных и полнометражных фильмов. Только за прошедший год комиссия просмотрела 895 зарубежных и отечественных фильмов, 321 из которых художественные полнометражные и 574 короткометражных фильмов и киножурналов» (см.: «Izveštaj Saveznog izvršnog vijeća za 1954. godinu (II)» // Prilog «Vjesnika», 7 марта 1955, 1.

[69] См.: Munitić, «Zabranjene igre (1), 247. Председатель цензурной комиссии скорее наивно, чем цинично попытался утешить отчаявшегося режиссера: «Ну вот видите, почти все осталось, всего-навсего десяток эпизодов пришлось вырезать. У нас бывают случаи, когда надо вырезать и больше» (Там же).

авторы были в высшей степени лояльны к партии, неминуемо разрушали созданный коммунистами миф о действительности.

Поскольку кинематограф был очень важным аспектом формирования сознания широких слоев населения, работа в нем доверялась прежде всего идеологически и политически надежным людям. Между тем, несмотря на «железную руку», которая управляла «братскими» югославскими народами, имели место противоречия, которые нельзя приписать случайностям или частным мнениям, но следует говорить о некой разновидности политического плюрализма. То, что он появился в условиях однопартийной системы, делает его еще более интересным, а последствия его более сложными.

Вопреки партийно-государственному контролю и политическому давлению, критические тенденции в искусстве сохранялись и развивались, иногда создавая великолепные произведения. И кинематограф в этом процессе нередко лидировал.

ПОЛ ЧЕЙСТИ

Причины институциональной стабильности Второй Государственной Думы (1996—1999)

Интерес к изучению политических институтов, вновь наблюдающийся в среде специалистов по сравнительной политике, вернул в центр политического анализа формальные правила работы этих институтов. Исследование того, каким образом взаимодействие институциональных установлений и индивидуальных предпочтений приводит к определенным политическим последствиям, составляет общую черту «новой институционалистской» литературы[1]. Внимание теоретиков привлекают также стратегии, применяющиеся политическими и экономическими деятелями для проведения институциональных изменений или сопротивления им[2]. Этот анализ, основанный на убеждении, что разные деятели предпочитают различное институциональное устройство, ведется в предположении, что творцы правил действуют коллективно, выбирая те институты, которые наилучшим образом отвечают их политическим интересам и целям.

В посткоммунистических государствах Восточной Европы и бывшего Советского Союза формальные политические правила и институты за последнее десятилетие претерпели радикальные изменения. В России некоторые из новых институциональных установлений оказались недолговечными, но другие приобрели неожиданно высокую стабильность. Этот контраст иллюстрируется развитием обеих палат российского парламента — Федерального Собрания. Хотя метод отбора представителей в верхнюю палату Федерального Собрания — Совет Феде-

[1] В подобласти институционального анализа, однако, существуют противоположные взгляды на то, что считать «институтом». В некоторых исследованиях учитываются лишь формальные законы — письменные правила, постановления и т. д.; в других неформальные правила — обычаи, обряды, культуры — также определяются как институциональные нормы поведения. В данной статье мы рассматриваем лишь формальные институциональные установления. Обзор иных подходов к институционному анализу см.: Peters, Guy B. Institutional Theory in Political Science: The «New Institutionalism». London: Pinter, 1999.

[2] North, Douglass C. Institutions, Institutional Change, and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990; Tsebelis, George. Nested Games: Rational Choice in Comparative Politics. Berkeley: University of California Press, 1990.

рации — изменился с 1994 г. не один, а целых два раза, в нижней палате — Государственной Думе — несмотря на значительные изменения ее политического состава, институциональные установления не подвергались столь же радикальным реформам. Такое различие требует объяснений.

Цель данной статьи — объяснить организационную стабильность Думы, рассмотрев главную загадку: почему Коммунистическая партия, победив на выборах в декабре 1995 г., не спешила инициировать — или хотя бы поддержать — такие изменения мажоритарного принципа, которые помогли бы ей укрепить свой контроль за управляющими институтами Думы? Наше объяснение исходит из выгод, которые левые депутаты извлекали из существующих организационных установлений. Как мы полагаем, плюсы, которые сулил институциональный статус-кво, позволили депутатам различных убеждений сплотиться в коллективную организацию.

Вызов коммунистического «почти большинства»

Парламентские выборы 1995 г. по всем признакам должны были радикально изменить настрой российских законодателей. В результате выборов резко усилилось представительство Коммунистической партии (КПРФ), самой последовательной из всех левых, антиреформаторских политических группировок в Первой Думе (1994—1995). Численность Коммунистического блока еще больше возросла за счет депутатов от левых и аграрных партий, избранных по одномандатным округам[3]. Эти депутаты объединились с депутатами-коммунистами, «взятыми взаймы» из фракции КПРФ, образовав две группы: группу депутатов от Аграрной партии и группу «Народовластие»[4]. Совместно с КПРФ они образовали левый блок, которому первоначально не хватало всего четырех голосов для получения абсолютного большинства[5]. Воодушевленное своим успехом на думских выборах и уверенное, что коммунистическая оппозиция победит на назначенных на весну 1996 г. президентских выборах, это «почти большинство» пред-

[3] Дума избиралась по смешанной системе: половина депутатов избиралась простым большинством голосов по одномандатным округам, а вторая половина — по партийным спискам тех избирательных объединений, которые получили не менее 5% голосов.

[4] Фракции образовали в Думе те избирательные объединения, которые получили не менее 5% голосов на всеобщих выборах; группы же представляют собой независимо созданные образования не менее чем из 35 депутатов. И аграриям, и «Народовластию» пришлось позаимствовать депутатов из коммунистической фракции, чтобы довести свою численность до 35 человек. В число других партий, представленных во Второй Думе, входили проправительственная фракция «Наш дом — Россия» (НДР) с 66 депутатами; националистическая Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) — 51 депутат; либеральная фракция «Яблоко» — 46 депутатов; представляющая интересы российской региональной элиты группа «Российские регионы» с 42 депутатами. Эти цифры приведены по состоянию на 1996 год; в ходе работы Второй Думы они менялись.

[5] Из 450 депутатов Думы 147 входили в КПРФ, 37 — в Аграрную партию и 38 — в «Народовластие» (по состоянию на 1996 г.)

стало по сути первую серьезную угрозу довольно мирным отношениям президента и парламента, сложившимся после октября 1993 г.[6]

Перспектива перехода Думы под контроль энергичной Коммунистической фракции поставила под вопрос перспективы институтов управления, созданных законодателями Первой Думы. КПРФ унаследовала систему — состоящую как из мажоритарных процедур, так и из принципов разделения власти — которая с первого взгляда не обещала особых выгод крупным фракциям. Эти институциональные установления были итогом политического расклада в Первой Думе, когда ни одна фракция не могла взять под свой контроль процесс выработки правил. В Совете Думы — главном органе, руководящем ее работой и устанавливающем повестку дня, — лидеры всех фракций и групп обладали равным голосом, вне зависимости от числа мест, которые они контролировали. Большинство важнейших постов и должностей в Думе также было поделено между всеми фракциями и группами согласно так называемому «пакетному договору»[7]. Хотя эти должности распределялись на пропорциональной основе, выгодной для крупнейших фракций, лишь председатель Думы (значительно менее могущественная фигура, чем председатель предшествовавшего парламента — Верховного Совета) избирался по обычной мажоритарной системе.

В Первой Думе депутаты-коммунисты оказывали предпочтение альтернативным институциональным установлениям. В ходе инаугурационных дискуссий в этом парламенте (январь — март 1994 г.), и КПРФ, и Аграрная фракция выступили за меры, направленные на усиление фракционного контроля: такие, как предложения поднять порог минимальной численности для депутатских групп и ввести «императивный мандат» — процедуру, по которой вожди фракций могли удалить из Думы тех избранных по партийным спискам депутатов (а они составляли 50% всех депутатов), которые либо вышли из своей фракции, либо постоянно нарушают ее решения и требования[8]. Депутаты-коммунисты также выражали поддержку предложениям о наделении председателей комитетов правом голоса в Совете Думы — такое предложение, по словам Ремингтона и Смита[9], продолжало пользоваться популярностью среди депутатов-коммунистов и после выборов 1995 г. Кроме того, свою оппозицию институциональным установлениям, к которым пришли депутаты, демонстрировали и другие фракции в Первой Думе, в первую очередь ЛДПР.

Такие рано проявившиеся институциональные предпочтения депутатов-коммунистов и депутатов от других фракций, оказавшихся переизбранными во Вто-

[6] Президент Ельцин распустил предшествовавший Думе Верховный Совет 4 октября 1993 г., применив силу в отношении несмирившихся депутатов Верховного Совета и их сторонников.

[7] В «пакет» входили должности заместителей председателя Думы, председателей думских комитетов и их заместителей, а также председателей Мандатной и Ревизионной комиссий.

[8] Подробнее о процедурных дискуссиях в Первой Думе см.: Haspel, Moshe. «Should Party in Parliament Be Weak or Strong? The Rules Debate in the Russian State Duma». Journal of Communist Studies and Transition Politics 14, 1998,178–200.

[9] Remington, Thomas F., and Steven S. Smith. «Theories of Legislative Institutions and the Organization of the Russian Duma». American Journal of Political Science 42, 1998, 545–72, 565.

рую Думу, свидетельствовали о том, что вполне возможен новый раунд изменения правил. Избрание коммуниста Геннадия Селезнева на пост председателя Думы (за него свои голоса отдали также депутаты из «Российских регионов») с самого начала работы Второй Думы продемонстрировало способность КПРФ собирать большинство голосов по процедурным вопросам. Более того, если бы КПРФ стремилась к изменению существующих установлений, то она не встретила бы практически никаких формальных препятствий: поправки к регламенту требовали такого же количества голосов, как и принятие обычного закона — 226. Таким образом, имея поддержку всего одной фракции помимо левого блока, КПРФ получила бы необходимое большинство для проведения процедурных реформ.

Другим аспектом работы Думы, который мог бы склонить КПРФ к реформе существующих институциональных установлений, была законодательная практика, порожденная соответствующей организационной структурой. Согласно Джону Олдричу[10], институционально сильная партия большинства стремится закрепить контроль над парламентскими процедурами выработки повестки дня, чтобы обеспечить реализацию своих политических целей, вне зависимости от того, противоречит ли преобладающий политический статус-кво ее предпочтениям или вполне удовлетворяет их. Однако такая модель законодательной деятельности предполагает институциональную структуру, благоприятную для фракции, обладающей большинством голосов. КПРФ же унаследовала такие институциональные установления — сочетание мажоритарности, принципов раздела власти и открытых правил — которые привлекали к процессу принятия повестки самые разные силы в парламенте.

В ходе работы Первой Думы выяснилось, что Совет Думы более эффективно, чем его предшественник — Президиум Верховного Совета — улаживает внутренние конфликты между фракциями и группами и наводит мосты между законодательной и исполнительной ветвями власти. Но Совет не сумел обеспечить единство законодательной работы Думы, что привело к явной нескоординированности законодательного процесса. Председатели комитетов не получили полноправных голосов в Совете Думы, но сохранили за собой, подобно их предшественникам в Верховном Совете, значительную автономию в законодательной сфере. На практике с законодательными предложениями в Совете Думы выступали не фракции или группы, а комитеты. Кроме того, Совет Думы оказался неэффективным фильтром для законодательных предложений. Совет почти никогда не отвергал законопроектов, предложенных председателями комитетов, и многие политические и технические проблемы приходилось решать самим депутатам в прениях на уровне палаты[11].

[10] Aldrich, John H. «A Model of a Legislature with Two Parties and a Committee System». In Positive Theories of Congressional Institutions, ed. Kenneth A. Shepsle and Barry R. Weingast. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1995.

[11] См. Chaisty, Paul. «Legislative Politics in Russia». In Contemporary Russian Politics: A Reader, ed. Archie Brown. Oxford: Oxford University Press, 2001; Ostrow, Joel.»Procedural Breakdown and

В оружие, которым пользовались депутаты на пленарных сессиях, лишь усилилось благодаря открытым правилам Думы по низовым процедурам. Депутаты регулярно оспаривали законодательную повестку, заранее подготовленную Советом Думы, а комитеты, не пользовавшиеся поддержкой большинства в Думе, были почти неспособны защитить свои законопроекты от лавины поправок или «альтернативных» проектов. В ходе работы Первой Думы, как демонстрирует Остроу[12], на заседаниях палаты грубо обнажилась слабая связь между законодательной стратегией фракций и комитетов.

Вследствие этого сложившиеся в Думе институциональные и законодательные механизмы не обещали КПРФ почти никаких преимуществ. Несмотря на практическое большинство КПРФ, ей не удалось установить жесткого контроля над разработкой повестки дня: способ формирования главного руководящего органа, Совета Думы, оставался немажоритарным, старшие посты и должности распределялись между всеми политическими группировками согласно пакетному договору, а законодательная практика и открытые правила Думы препятствовали контролю за законодательной повесткой. И принятые в Думе структуры управления с их разделом власти, и децентрализованный законодательный процесс накладывали значительные ограничения на возможность КПРФ доминировать в новом парламенте. Учитывая эти факторы, было бы вполне разумно ожидать, что силы, заправляющие в новой Думе, захотят изменить некоторые присущие ей организационные черты. Однако, руководство КПРФ во Второй Думе выказало лишь ограниченное влияние на ее институциональные механизмы.

Призывы к реформе

Вторая Дума не знала серьезных попыток левого блока реорганизовать внутреннюю структуру парламента. В сущности, большинство усилий в этом направлении исходило либо от проправительственной фракции «Наш дом — Россия» (НДР), либо от либеральной фракции «Яблоко». Лишь в двух случаях — во время третьего голосования по назначению Сергея Кириенко на должность премьер-министра и в ходе думской кампании по объявлению импичмента президенту Ельцину в мае 1999 г. — КПРФ проявила живую заинтересованность теми выгодами, которые она могла бы извлечь, внеся изменения в думскую конституцию.

Первая скоординированная попытка реформировать думскую законодательную процедуру и создать механизм для интеграции законодательной деятельности всех ветвей власти была инициирована новоизбранным первым заместителем председателя Думы Александром Шохиным (НДР). Предложения Шохина основывались на работе Объединенной комиссии по координации законодательной

Deadlock in the Russian State Duma: The Problems of an Unlinked Dual-Channel Institutional Design». Europe-Asia Studies 50, 1998, 793–816.

[12] Ostrow, J. Ibid., 802—809.

деятельности, созданной президентским указом в ноябре 1994 г. для разработки приемлемой для всех ветвей власти программы приоритетного законодательства. Рекомендации Шохина, впервые обнародованные в мае 1996 г., были нацелены на повышение эффективности думской законодательной практики, ускорение рассмотрения «приоритетных» законопроектов в парламенте [13]. Они включали предложения, направленные на усиление законодательных функций Совета Думы, и в частности, его роли как главного фильтра законопроектов. Другие рекомендации касались способов рационализации пленарных сессий Думы [14].

Казалось бы, предложенные Шохиным реформы несли много выгод депутатам, стремившимся к более управляемому и эффективному законодательному процессу, однако Шохин не добился поддержки своих коллег-парламентариев. «Яблоко» поддерживало дух шохинских рекомендаций, но выступило против конкретных предложений. Напротив, депутаты-коммунисты отрицательно реагировали на эту, по их мнению, попытку дискредитировать Думу, а следовательно, и ее коммунистическое руководство в канун президентских выборов 1996 г. В ходе дискуссий официальный спикер от коммунистической фракции Александр Михайлов охарактеризовал предложения Шохина как ненужные, отвлекающие от текущей думской работы и в чем-то даже «надуманные» [15]. Николай Рыжков, координатор группы «Народовластие», также указывал, что предложения по ужесточению процедур выработки повестки приведут не к совершенствованию, а к торможению законодательной деятельности парламента [16]. В итоге лишь два депутата из коммунистической фракции голосовали за предложение Шохина; одним из них была Светлана Горячева, специалист коммунистов по процедурным вопросам и заместитель председателя Думы.

Однако, депутаты согласились на дальнейшее рассмотрение вопроса и создали межпартийную рабочую группу во главе с Горячевой, чтобы обсудить изменения в думском регламенте. Было рассмотрено более 480 поправок и на основе межпартийного консенсуса создан окончательный список предложений. Затем поправки были обсуждены и приняты на пленарной сессии Государственной Думы в январе 1998 г.[17] Однако, влияние нового регламента на внутреннюю орга-

[13] Комментируя первые пять месяцев работы Второй Государственной Думы, Шохин заявил, что из 140 приоритетных законопроектов, включенных в законодательную программу Думы, было принято лишь 89 (63%). За тот же период Дума рассмотрела 133 законопроекта, не включенных в первоначальную законодательную программу (Постановление Государственной Думы «О совершенствовании законопроектной работы Государственной Думы», 22. 05. 1996).

[14] Рекомендации Шохина включали принятие правил, регулирующих представление альтернативных законопроектов, требование, чтобы комитеты в первую очередь рассматривали законопроекты, на которые наложено вето, реформы по укреплению фильтрующих функций Комитета по вопросам регламента и Совета Думы, и предложения по реорганизации еженедельного думского расписания. Подробности см.: Шохин А. Взаимодействие властей в законодательном процессе. М.: Наш дом — L'Age d'Homme, 1997.

[15] Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Бюллетень. № 29. М.: Издание Государственной Думы, 1996. С. 16.

[16] Там же. С. 20—21.

[17] Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Бюллетень. № 149. 1998.

инициацию Думы оказалось ограниченным. Большинство принятых поправок явились половинчатыми по своему характеру[18], а более радикальные предложения были отброшены или приняты в выхолощенном виде. Представляя рекомендации рабочей группы, Горячева подчеркивала, что группа руководствовалась желанием сохранить как структуру руководства Думой, так и существующую законодательную практику. Как она признавалась позже, «мы постарались сохранить многое из того, что наработано за 4 года существования Госдумы. Мы не пытались делать его слишком радикальным»[19].

Нежелание коммунистов разрушать сложившиеся механизмы еще ярче проявилось в отказе от пакета поправок, внесенных «Яблоком» в ходе дискуссий по регламенту. Эти поправки были нацелены на укрепление власти фракций в парламенте и включали предложения запретить избранным по партийным спискам депутатам переходить в другие депутатские организации — вариант «императивного мандата»; отменить формальное равенство всех фракций и групп; повысить минимальную численность депутатской группы с 35 до 45 человек. В число других существенных поправок входило предложение «Яблока» сократить число случаев, в которых разрешено тайное голосование, и предложение группы депутатов-коммунистов и депутатов от ЛДПР, стремившихся ужесточить существующие правила по составлению комитетов. Оно было вызвано в первую очередь непрерывными межфракционными дебатами о численности бюджетного комитета; в итоге предложение оказалось отвергнуто, но с условием, что депутаты вернутся к его рассмотрению при очередном пересмотре пакетного договора. Более загадочным было противодействие коммунистической фракции поправкам «Яблока», в первую очередь предложению об императивном мандате. Группы и независимые депутаты были настроены решительно против предложений, ведших к укреплению фракций, но ранее коммунисты и ЛДПР выражали поддержку таким мерам.

Однако, через два месяца КПРФ заняла диаметрально противоположную позицию по вопросу изменения регламента. Уход в отставку в марте 1998 г. Виктора Черномырдина — премьер-министра, с которым коммунисты могли договориться — и назначение на его место малоизвестного министра энергетики Сергея Кириенко, тесно связанного с входившими в правительство либеральными реформаторами-рыночниками, возмутило левых депутатов и спровоцировало конституционный кризис. Повторный отказ Думы утвердить назначение Кириенко и отказ Ельцина выставить компромиссного кандидата означали, что если Дума

[18] Внесенные в регламент поправки включали: процедуру надзора за законодательным процессом; правила, позволяющие авторам законопроектов участвовать в заседаниях Думы; процедуры, регулирующие дискуссии по повестке на уровне палаты; изменения, вытекающие из закона «О правительстве», такие, как правила, регулирующие право Думы проводить парламентские расследования; меры, повышающие прозрачность финансовых механизмов Думы; правила, наделяющие председателя полномочиями по продлению дискуссий в палате и осуждению депутатов за непарламентское поведение.

[19] Нефедова Л. Новая «конституция» Государственной Думы // Президент. Парламент. Правительство. 1998. № 2 (8). С. 20—21.

отвергнет кандидатуру Кириенко в третий, последний раз, президент по конституции будет обязан распустить нижнюю палату. Этот тревожный вариант поставил коммунистическое руководство в щекотливое положение. Новые парламентские выборы обошлись бы дорого, результат их был совершенно непредсказуем, а назначение Кириенко означало бы победу Ельцина над Думой, руководимой коммунистами. Коммунисты, пойдя на риск новых выборов, решили противиться кандидатуре Кириенко и отметили свое решение тем, что инициировали внесение поправки, предусматривавшей возможность открытого голосования при избрании премьер-министра. Эта мера преследовала две цели. Во-первых, она давала коммунистическому руководству важное средство влияния на голоса депутатов от своей фракции, а также партнеров по коалиции. Во-вторых, сделав процесс выборов более прозрачным, коммунистические вожди могли опровергнуть обвинения в том, что их депутаты подкуплены президентской администрацией. Как заявлял один из авторов поправки, депутат от КПРФ Илюхин, «Наверное, я бы снял свою инициативу, если бы не выступление Президента Российской Федерации по телевидению, где он на все наше государство, на весь мир, по сути дела, объявил, что он дал указание господину Бородину, управляющему делами, решить все меркантильные, материальные вопросы депутатов»[20].

Эта реформа по причинам, которые будут объяснены ниже, в конечном счете не помешала избранию Кириенко, но отказ Ельцина идти на компромисс с руководством КПРФ привел к дальнейшему ухудшению отношений между президентом и Думой. В июне 1998 г. Дума создала комиссию для расследования по пяти пунктам обвинения против президента Ельцина и возбуждения процедуры импичмента[21], и позднее, когда в мае 1999 г. рассматривался вопрос об импичменте, коммунистическое руководство снова поддержало предложение — на этот раз внесенное «Российскими регионами», ЛДПР и «Яблоком» — провести открытое голосование по каждому пункту обвинения. Более того, в данном случае КПРФ поддержала практически все поправки «Яблока», нацеленные на укрепление фракционного контроля за процедурой. КПРФ даже внесла несколько собственных поправок к парламентской резолюции, которой устанавливались правила рассмотрения обвинений в импичменте. Эти поправки еще сильнее укрепляли контроль фракций за процедурой импичмента[22].

Таким образом, успешное изменение процедурных правил перед голосованием по вопросам о назначении Кириенко и об импичменте демонстрирует, что пересмотр думской конституции был вполне реален. Тем не менее, КПРФ высту-

[20] Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Бюллетень. № 169. 1998. С. 22.

[21] Обвинения против Ельцина были следующие: 1) подписание им Беловежских соглашений (см.: прим. 23) в декабре 1991 г. являлось актом измены; 2) распустив российский парламент в октябре 1993 г., Ельцин нарушил конституцию; 3) Ельцин незаконно начал боевые действия в Чечне в 1994 г.; 4) Ельцин разрушил военную мощь России; 5) экономические реформы, начатые правительством Ельцина, привели к геноциду русского народа. При голосовании, состоявшемся 15 мая 1999 г., ни одно из обвинений не было поддержано двумя третями всех голосов.

[22] См. Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Бюллетень. № 258. 1999.

на за решительным противником более радикальных изменений. Следует найти ответ на вопрос, почему КПРФ не воспользовалась имевшимися возможностями провести реформу парламента.

Объяснение стратегии коммунистов

Противники КПРФ интерпретируют ее нежелание проводить парламентскую реформу как характерное проявление общего невнимания к законодательным и процедурным вопросам. Как утверждается, коммунистическая фракция почти не проявляет инициатив по серьезным законодательным вопросам, а вместо этого поддерживает меры вроде резолюции, осуждающей Беловежские соглашения[23], которые привлекают голоса избирателей, но не имеют юридической силы. По словам Виктора Шейниса, ведущего представителя фракции «Яблоко», коммунистическая фракция сделала Думу «трибуной и плацдармом бессильной национал-коммунистической оппозиции»[24]. С этой точки зрения КПРФ избрала негативную парламентскую стратегию: партия не желала брать на себя ответственность за управление Россией, а вместо этого пользовалась парламентом как платформой для сплочения в противостоянии «антинародному» режиму Ельцина. Считалось, что эта стратегия наиболее ярко проявилась в готовности фракции пойти на изменение процедур перед голосованием по вопросу о Кириенко и по импичменту.

Напротив, коммунистические депутаты и их сторонники утверждали, что российская конституция препятствует активному участию КПРФ в законотворческом процессе. Согласно гибридной президентской конституции России, законодательный суверенитет парламента не является абсолютным. Российские президенты могут участвовать в законодательном процессе либо проводя законопроекты через парламент, либо издавая президентские указы независимо от законодательной власти. Кроме того, парламентский суверенитет в законодательной сфере еще сильнее ограничен обширным правом вето, которым наделен глава государства[25]. В то же время, парламент почти лишен возможности контроля за законодательной деятельностью исполнительной власти. Хотя Дума одобряет назначение премьер-министра и может вынести вотум недоверия правительству, президент имеет право распустить нижнюю палату, если та три раза подряд отвергает предложенную им кандидатуру премьер-министра, в течение трех месяцев выно-

[23] Беловежскими соглашениями (7—8 декабря 1991 г.) называется тайный договор между Борисом Ельциным, Леонидом Кравчуком (президентом Украины) и Станиславом Шушкевичем (спикером Белорусского парламента), который привел к созданию Содружества независимых государств и к распаду СССР.

[24] Шейнис В. Российский парламент: десять лет трудного пути // Парламентаризм и многопартийность в современной России. К десятилетию двух исторических дат / Под ред. В. Н. Лысенко. М.: Институт современной политики, 2000. С. 75.

[25] Чтобы преодолеть вето, требуется большинство в две трети голосов в обеих палатах Федерального Собрания. Соответственно, пользуясь поддержкой лишь трети депутатов в обеих палатах Собрания, российский президент в принципе может править страной, издавая указы.

сит два вотума недоверия правительству или голосует против вотума недоверия, инициированного правительством. Обладая лишь частичным контролем за составом и судьбой правительства, парламент практически лишен структурных механизмов, чтобы сплачивать парламентское большинство для поддержки законодательных программ. Поэтому сторонники КПРФ не могут рассматривать реформу внутренних думских процедур в отдельности от конституционной реформы.

Однако, обе точки зрения не в силах до конца объяснить парламентскую стратегию КПРФ во Второй Думе. Коммунистическая фракция никак не отличилась в законодательной сфере, но в сущности, большинство фракций, за исключением, может быть, «Яблока», во Второй Думе слабо проявили себя как законодатели. Главными законотворческими органами в нижней палате являются комитеты, а два самых продуктивных комитета этого парламента — по законодательству и по безопасности — возглавляли коммунисты. Кроме того, было бы ошибочно трактовать КПРФ как «непримиримую» оппозицию, которой сотрудничество с режимом Ельцина не принесло бы ощутимой электоральной поддержки. Поражение КПРФ на президентских выборах 1996 г. заставило коммунистических вождей пересмотреть свою общую стратегию отношений с исполнительной властью[26]. На определенном уровне переоценка приняла форму призывов к конституционной реформе. Конкретнее, депутаты-коммунисты выступали за коалиционное правительство, основанное на парламентском большинстве. На другом уровне новая стратегическая установка привела к конструктивному диалогу между руководством Думы и исполнительной властью. КПРФ пользовалась своим институциональным авторитетом, чтобы приобрести больше влияния на правительство и вырвать у него больше уступок, тем самым приглушив опасения, что коммунистическая фракция стремится к конфронтации с исполнительной властью. Дума подавляющим большинством одобрила назначение Виктора Черномырдина на должность премьер-министра в августе 1996 г., а попытка фракции «Яблоко» вынести вотум недоверия правительству Черномырдина была блокирована КПРФ. Более того, когда КПРФ выдвинула собственный вотум недоверия в октябре 1997 г., этот шаг выглядел не более чем тактической уловкой, чтобы вырвать у правительства уступки по поводу законодательства[27].

Также и сдержками, имеющимися в российской конституции, невозможно до конца объяснить нежелание КПРФ идти на изменение институциональных установлений. Имеющиеся эмпирические данные свидетельствуют, что Дума, несмотря на конституционные ограничения ее власти, играет ключевую роль в законотворческом процессе, и эта роль была лишь незначительно ослаблена преобладанием коммунистов в Думе после 1995 г.[28] В реальности левая коалиция или

[26] См.: Пешков В., Васильцов С. Коммунисты: право на власть. М.: Центр исследований политической культуры России, 1998.

[27] Эта тактика оказалась успешной. Уступки были зафиксированы Думой в конституционном законе «О Правительстве», принятом в декабре 1997 г., который формализовал думские полномочия по надзору за правительством и проведению расследований.

[28] Chaisty, Paul, and Petra Schleiter. «Productive But Not Valued: The Russian State Duma,

отдельные ее части получали явную электоральную выгоду от участия в законодательном процессе. В частности, по вопросу о государственных финансах при прохождении через Думу бюджета, предложенного правительством, некоторые левые депутаты могли преследовать свои личные интересы, игнорируя официальную позицию фракции[29]. Такое поведение при голосовании проявлялось и в других политических сферах. Например, законопроекты по соглашениям о разделе продукции и по приватизации земли вызывали среди левых депутатов расколы во фракциях, группах и комитетах[30].

Именно эти внутренние разногласия скрываются за нежеланием КПРФ бросать вызов существующим институциональным установлениям. На практике коммунистическая фракция оказалась слишком широкой и слишком разнородной, чтобы составить правящую коалицию, способную воспользоваться мажоритарными принципами. В условиях наличия конституционных сдержек сложившаяся ситуация обеспечивала и достаточную гибкость, и достаточные институциональные стимулы, препятствующие распаду альянса.

Коалиционная политика в условиях сдержек

Хотя левый альянс в основном сохранял свою сплоченность в течение всей работы Думы, и поражение коммунистов на президентских выборах 1996 г. слабо отразилось на его численности[31], он не составлял стабильного парламентского большинства, да и входившие в него депутаты не отличались единством взглядов. Идеологические разногласия характеризовали как рядовых депутатов КПРФ, так и партийное руководство. В партии нашло отражение множество тенденций — национал-патриотическая, умеренно-прагматическая, ортодоксальная марксистско-ленинская — и представители каждой из них по-разному относились к политике партии в отношении ельцинского режима[32]. В ходе работы Второй Думы эти разногласия неоднократно всплывали. Например, при голосовании по назначе-

1994–2001». Europe-Asia Studies 54, 2002, 701–23; Remington, Thomas F., Steven S. Smith, and Moshe Haspel. «Decrees, Laws and Inter-Branch Relations in the Russian Federation». Post-Soviet Affairs 14, 1998, 287–322. Использование президентского вето во Второй Думе усилилось лишь незначительно. Согласно Реминтону (Remington, Thomas F. The Russian Parliament: Institutional Evolution in a Transitional Regime, 1989–1999. New Haven, CT: Yale University Press, 2001, p. 225), президент одобрил 76,3% законов, принятых в сессию 1994—1995 гг., и 74,4% законов, принятых в сессию 1996—1999 г.

[29] Тарасов А., Черкасов Г., Шавшукова Т., Верховский А. Левые в России: от умеренных до экстремистов. М.: Институт экспериментальной социологии, 1997. С. 163.

[30] Этот момент рассматривается в моей книге, готовящейся к печати: Chaisty, Paul. Legislative Politics and Economic Power in Russia.

[31] Такое достижение опровергло доводы тех сторонников правительства, которые предсказывали, что коммунистический блок расколется после поражения кандидата от КПРФ Геннадия Зюганова.

[32] Ishiyama, John. «Red versus Expert: Candidate Recruitment and Communist Party Adaptation in Post-Soviet Politics». Party Politics 4, 1998, 297–318, 302—06; Urban, Joan Barth, and Valerii Solovei. Russia's Communists at the Crossroads. Boulder, CO: Westview Press, 1997, 180.

нию Виктора Черномырдина премьер министром в августе 1996 г., а также по бюджету 1997 г., значительное число депутатов-коммунистов, представлявших разные стороны партии, голосовали против официальной партийной линии[33].

Было бы также ошибочно считать депутатов из Аграрной партии и от блока «Народовластие» теми же коммунистами. Депутаты из обеих групп по большинству вопросов следовали за КПРФ, но это не мешало существовать различным мнениям и конфликтам относительно цели стратегического союза обеих групп с коммунистической фракцией. Два основных лидера группы «Народовластие», которая в отличие от Аграрной партии не имела внепарламентской избирательной организации, — Сергей Бабурин и Николай Рыжков, — имели противоположную точку зрения на политику КПРФ по отношению к правительству[34]. Рыжков солидаризировался с умеренными коммунистами, готовыми поддерживать правительственные инициативы в обмен на уступки, Бабурин же резко критиковал любые компромиссы — он называл тех депутатов, которые голосовали за кандидатуру Черномырдина в августе 1996 г., «позором КПРФ»[35]. Кроме того, Бабурин с меньшим, чем Рыжков, энтузиазмом, относился к более широкому электоральному сотрудничеству с КПРФ[36]. Эти трения усилились в ходе кампании думских выборов 1999 г., когда депутаты от «Народовластия» входили в конкурирующие избирательные объединения. В попытке повторить предвыборные маневры 1995 года Рыжков в канун парламентских выборов 1999 года даже основал новую депутатскую группу «Народный депутат». Что интересно, аналогичный раскол во время предвыборной кампании 1999 г. произошел и между лидерами Аграрной группы — Николаем Харитоновым и Михаилом Лапшиным[37].

На рис. 1 показаны средние ежегодные показатели сплоченности по каждой фракции и группе во Второй Думе. Эти цифры, предоставленные аппаратом Госдумы, отражают процент депутатов, которые голосовали совместно со своей фракцией или группой в 4144 случаях существенных и открытых голосований[38]. Для КПРФ средний показатель сплоченности за все четыре года составляет 87,4%, но для аграриев и «Народовластия» он равен соответственно 76,8 и 72,5%. В рамках левого блока «Народовластие» неизменно отличалось наи-

[33] Тарасов и др. Указ. соч. С. 161—163.

[34] См. Московские новости. 1998. № 5.

[35] Тарасов и др. Указ. соч. С. 161.

[36] В последние годы существования СССР Бабурин выступал как кандидат от антикоммунистического движения «Демократическая Россия», и несмотря на свою активную оппозицию правительству Ельцина, оставался противником КПРФ. В то время как Рыжков участвовал в зюгановском «Народно-Патриотическом Союзе России» (коалиции оппозиционных сил во главе с лидером КПРФ), Бабурин отказался в него входить, опасаясь оказаться в подчинении у коммунистов (Urban and Solovei, op. cit., p. 185).

[37] Мидоянц С., Захаров А. Парламентаризм в России: Федеральное Собрание в 1996—1999 годах. М.: Фонд развития парламентаризма в России, 2000. С. 53.

[38] Государственная Дума второго созыва (1996—1999): Информационно-аналитический бюллетень. — М.: Государственная Дума, Аналитическое управление, 1999. С. 79. Цифры включают голосования до 29 ноября 1999 г.

со полным уровнем разногласий. В 1996 г. средняя сплоченность для этой группы упала до 69,2%[39]. Из рис. 1 также видно, что группы, как правило, отличались меньшей дисциплинированностью, чем фракции. Единственным явным исключением является проправительственная фракция «Наш дом — Россия», средний уровень сплоченности которой (73,2%) даже ниже, чем у Аграрной группы.

На рис. 2 показаны средние показатели сходства голосования каждой группы и фракции с КПРФ. Сходством голосования называется ситуация, когда большинство депутатов из одной фракции или группы голосуют так же, как большинство депутатов из другой фракции или группы. Очевидно, Аграрная группа и «Народовластие» с большей вероятностью, чем какая-либо другая фракция или группа, стали бы голосовать так же, как КПРФ. Среднее сходство голосования по этим группам составляет 90,4 и 88,6% соответственно. За пределами левого блока наибольшим сходством голосования с КПРФ отличается ЛДПР, но низкий уровень сходства голосования у других групп и фракций свидетельствует, с какими проблемами сталкивалось коммунистическое руководство при создании прочных альянсов с депутатами из других фракций.

В рамках левого блока, однако, наблюдались колебания в сходстве голосования от сессии к сессии. На рис. 3 показаны средние уровни сходства голосования для Аграрной группы и «Народовластия» по 728 голосованиям на осенней 1997 г. (сентябрь — декабрь) и большей части весенней 1998 г. (январь — июль) сессиях[40]. Заметные вариации в сходстве голосования можно соотнести с известными полити-

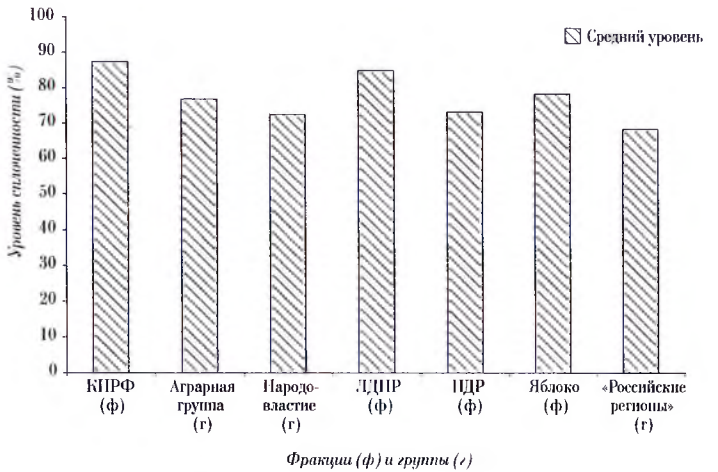

Рисунок 1. *Средний уровень сплоченности фракций и групп, 1996—1999*
Источник: Государственная Дума второго созыва, с. 79.

[39] Там же.
[40] Ежегодная работа Думы разделена на весеннюю и осеннюю сессии.

ческими событиями и проблемами. Более низкий и переменный уровень сходства голосования в осеннюю и в начале весенней сессии связан с разногласиями в левом блоке по поводу примирительной стратегии КПРФ по отношению к правительству. В то же время умеренное крыло КПРФ, возглавляемое председателем Думы Геннадием Селезневым, старалось наладить более конструктивные отношения между Думой и исполнительной властью с целью обеспечить коммунистическое представительство в правительстве [41]. Для этой стратегии типично решение коммунистического руководства в октябре 1997 г. отозвать вотум недоверия правительству — шаг, вызвавший резкие упреки таких левых радикалов, как лидер «Народовластия» Сергей Бабурин, который продолжал требовать вынесения вотума.

Отношения между Бабуриным и руководством КПРФ еще ухудшились в начале весенней сессии 1998 г. В открытом письме пленуму ЦК КПРФ в начале февраля Бабурин призвал партию отказаться от «циничной» и «лживой» стратегии по отношению к правительству [42], и за такую критику был лишен полномочий по курированию вопросов СНГ в Думе [43].

Аналогичные разногласия возникли и по вопросу о бюджете 1998 г. Несмотря на официальную оппозицию КПРФ к бюджету, необходимое число левых депутатов голосовало за правительственный вариант на каждом этапе прохождения законо-

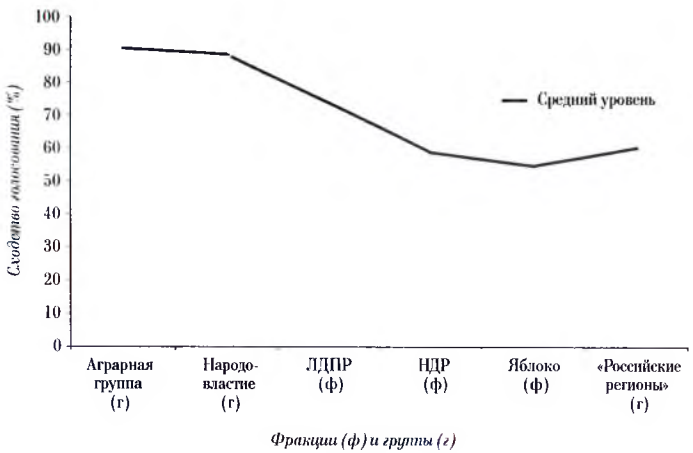

Рисунок 2. *Средние показатели сходства голосования для фракций и групп по отношению к КПРФ, 1996—1999*
Источник: Государственная Дума второго созыва, с. 80.

[41] В ходе осенней сессии Селезнев нередко говорил о необходимости коалиционного правительства в России (BBC Summary of World Broadcasts, 7. 11. 1997). В январе 1998 г. он представил свои предложения Ельцину (RFE/RL Newsline, Vol. 2, No. 20, Part 1, 30. 01. 1998).
[42] RFE/RL Newsline, Vol. 2, No. 31, Part 1, 16. 02. 1998.
[43] Мндоянц С., Захаров А. Указ. соч. С. 50.

проекта через нижнюю палату. За законопроект проголосовало большое число депутатов аграриев, а раскол между двумя лидерами «Народовластия» — Рыжковым и Бабуриным — только углубился[44]. Фактически во Второй Думе уровень несогласия по бюджетным вопросам в левом альянсе постоянно был наиболее высоким. Среднее сходство голосования в Аграрной группе и «Народовластии» по бюджетному и финансовому законодательству составляло 85 и 81,1%; по политико-юридическим вопросам, проблемам внешней политики, обороны и безопасности, социальной политики сходство голосования всегда было значительно выше[45].

Напротив, из рис. 3 видно, что с марта по июнь 1998 г. сходство голосования заметно повысилось. Эта тенденция совпадает с ухудшением отношений между президентом и Думой, вызванным смещением Виктора Черномырдина с поста премьер-министра в марте 1998 г. Хотя назначение Сергея Кириенко, сменившего Черномырдина, также стало источником разногласий, поддержка новым премьер-министром жестких фискальных мер в сочетании с ухудшением экономической ситуации, похоже, оживила левый альянс. В течение этого периода руководство КПРФ проводило более конфронтационную стратегию по отношению к исполнительной власти. Кульминацией этой стратегии стало успешное голосование в Думе 19 июня 1998 г. о создании комиссии по вынесению импичмента президенту Ельцину. В то же время оппоненты КПРФ критически отмечали, что этот шаг мотивировался желанием примирить разногласия в рамках партии[46].

Следующей проблемой, мешающей коммунистическому руководству создать стабильный блок для совместного голосования, являлся высокий уровень абсентизма в парламенте. В среднем на пленарных сессиях не голосовала треть всех депутатов[47]. Депутаты левого блока проявили наибольшую дисциплинированность, но и среди них уровень абсентизма был значительным. В голосованиях не участвовало в среднем 13,3% депутатов от КПРФ, а для депутатов из Аграрной группы и «Народовластия» этот показатель еще выше: 23,8 и 29,1% соответственно[48].

Итак, коммунистические лидеры во Второй Думе руководили блоком не слишком дисциплинированных депутатов. Этот факт в сочетании с отрывом КПРФ от нелевых политических группировок в Думе и проблемой абсентизма, не позволял левому альянсу составить стабильное, работоспособное большинство. Конституционное требование, что для законодательного большинства необходим 51% всех депутатов парламента[49], не оставляло лидерам коммунистов

[44] На третьем чтении бюджета, 5 февраля, Рыжков голосовал за правительственный вариант. В ответ сторонники Бабурина в «Народовластии» проголосовали за снятие Рыжкова с поста руководителя. Но они оказались в меньшинстве (BBC Summary of World Broadcasts, 9. 02. 1998).

[45] Сходство голосования по этим сферам было следующим: политико-юридические вопросы — 90,9 и 89,6%; социальная политика — 89,9 и 88,3%; оборона и безопасность — 91 и 93,4%; внешняя политика — 95 и 92,4% (Государственная Дума второго созыва. С. 81).

[46] RFE/RL Newsline, Vol. 2, No. 111, Part 1, 11. 06. 1998.

[47] Государственная Дума второго созыва. С. 80.

[48] Там же.

[49] Конституция РФ, статья 105.

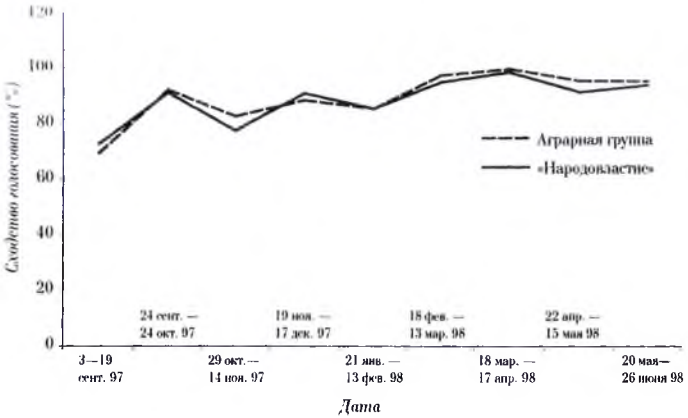

Рисунок 3. *Колебания в сходстве голосования Аграрной группы и «Народовластия» по отношению к КПРФ, с сентября 1997 по июнь 1998 г.*
Источник: www. duma. ru/infgd/infgd. htm (13 июня 2002).

большого пространства для маневра; даже незначительные колебания в их собственных рядах могли оказаться решающим фактором. Чтобы примирить различные интересы в рамках левого блока, коммунистическому руководству приходилось проявлять гибкость, что отражалось в их сопротивлении институциональным реформам.

Преимущества статус-кво

Принимая во внимание эти политические осложнения, институциональные механизмы Думы — немажоритарные управляющие структуры, пакетные договоры и децентрализованная законотворческая практика — обеспечивали коммунистам и институциональные стимулы, и достаточную гибкость, чтобы сохранять единство левого альянса.

Институциональные стимулы

Думские соглашения о разделе власти и права, которые при этом получали как фракции, так и группы, обеспечивали преимущества для всех депутатов левого блока. Вступая в группы, образованные с помощью КПРФ, члены Аграрной группировки и «Народовластия» приобретали много выгод и привилегий, недоступных независимым депутатам. Эти выгоды включали представительство в Совете Думы наравне со всеми другими политическими группировками; преимущественное право выступлений на пленарных сессиях Государственной Думы; старшие должности, такие, как председатели комитетов и их заместители, обла-

дающие значительными финансовыми и законодательными ресурсами; доступ к партийному штабу и должностям, который представлял собой важную институциональную основу для электоральных объединений, связанных с Аграрной группой и «Народовластием». При поддержке КПРФ «Народовластие» получило три места председателей комитетов — на одно больше, чем «Российские регионы», которые были третьей и самой крупной депутатской группой, созданной во Второй Думе. Кроме того, лидер «Народовластия» Бабурин был назначен заместителем председателя Думы и получил лакомую должность по курированию отношений с СНГ (до марта 1998 г.) Аграрная же группа приобрела вожделенный контроль над комитетом по аграрным вопросам, с его помощью реализуя свои интересы в сфере аграрной политики. Благодаря своей близости к КПРФ и решимости выбивать из правительства уступки по сельскохозяйственным субсидиям, Аграрная группа также играла ключевую роль при улаживании конфликтов между коммунистами и исполнительной властью. Соответственно депутаты-аграрии приобрели большее влияние в правительственных кругах, чем независимые депутаты или их коллеги из более конфронтационно настроенного «Народовластия». Один из депутатов-аграриев, Геннадий Кулик, даже получил пост в правительстве Евгения Примакова[50].

С помощью этих групп КПРФ, в свою очередь, также смогла приобрести значительную силу в парламенте и влияние в правительственных кругах. Под контролем коммунистической фракции оказалось больше всего старших должностей в Думе: председателя Думы, одного из его заместителей и председателей десяти комитетов. Кроме того, должности председателей двух комитетов, контролировавшихся Аграрной группой и «Народовластием» — в том числе и думского комитета по регламенту, — заняли депутаты, перешедшие в эти группы из КПРФ. Однако, наибольшее значение имел контроль КПРФ над руководством Думы. Через посредство председателя Думы Геннадия Селезнева КПРФ могла вести непосредственные переговоры с исполнительной властью, тем самым определяя политическую и законодательную направленность нижней палаты. Эта линия связи выходила на первый план в моменты более мирного отношения коммунистов Второй Думы с правительством. Придя к компромиссу по ряду вопросов, КПРФ добилась нескольких важных уступок, например, по закону «О Правительстве», по бюджетному законодательству и по назначению коммуниста Юрия Маслюкова, председателя думского комитета, первым заместителем премьера в правительстве

[50] Назначение Евгения Примакова (премьер-министр с сентября 1998 по май 1999 г.), кандидата в премьеры, пользовавшегося поддержкой КПРФ, рассматривалось как крупная уступка Думе после финансового кризиса августа 1998 г. Этот кризис серьезно ослабил Ельцина, который был вынужден уступить коммунистам и ряд других должностей в правительстве. Глава думского комитета по экономической политике коммунист Юрий Маслюков был назначен первым заместителем премьера, отвечающим за экономику, а Виктор Геращенко встал во главе Центрального банка. Репутация Геращенко как противника радикальных экономических реформ, которую он приобрел за время прежней работы на посту председателя Центробанка, также снискала ему расположение депутатов-коммунистов.

Примакова. Удовлетворенный Селезнев подвел итоги этим достижениям под занавес думской сессии 1997 года: «И президент, и правительство учатся работать с Государственной Думой. В свою очередь, Государственная Дума учится работать, как мы говорим, со своими законными оппонентами и партнерами»[51].

Таким образом, думская конституция, наделявшая равными правами и фракции, и группы, стала стимулом к объединению коммунистов, аграриев и независимых депутатов. Имея это в виду, не следует особо удивляться той неприязни, которую КПРФ проявляла к инициативам «Яблока», направленным на укрепление фракций; дело не только в антипатиях к «Яблоку», как заявляли в тот момент некоторые обозреватели[52]. Рекомендованная «Яблоком» отмена формального равенства фракций и групп отнюдь не укрепляла КПРФ, а наоборот, угрожала устранить те самые институциональные стимулы, которые скрепляли левый альянс. Поэтому неудивительно, что коммунистические депутаты последовательно заявляли о необходимости сохранить политический паритет в парламенте и перестали оказывать заявленную еще во время работы Первой Думы поддержку требований о повышении минимальной численности депутатских групп и введении императивного мандата. Оба предложения ставили под угрозу способность КПРФ создавать политические группы в парламенте. Поддерживая меры, которые ограничивали свободный переход избранных по партийным спискам депутатов из одной думской политической ассоциации в другую (в чем и заключалась суть императивного мандата), КПРФ подвергала бы серьезному риску ту самую практику, благодаря которой она удерживала «сателлитов» под своим контролем: заимствование ими депутатов из коммунистического списка[53]. Кроме того, как показывают Ремингтон и Смит[54], подобные инициативы были непопулярны среди депутатов, входящих в группы, и могли вызвать ненужные разногласия в альянсе.

Аналогичным образом и пакетные соглашения о разделе власти, с помощью которых старшие должности распределялись между всеми политическими силами в парламенте, служили дополнительным стимулом для создания коалиции. Пять новых законодательных комитетов, созданных во Второй Думе, давали коммунистическому руководству дополнительную возможность угодить своим союзникам. Депутаты от КПРФ и «Народовластия» стали председателями в четырех новых комитетах, и на юрисдикции комитетов отразились их политические пристрастия[55]. Пакетные соглашения представляли собой еще один важный рычаг для создания межфракционных союзов. КПРФ с помощью группы «Российские регио-

[51] Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Бюллетень. № 145. 1997.

[52] Черкасов Г. Дума утвердила «внутреннюю конституцию» // Коммерсантъ daily. 1998, 23 января. С. 3.

[53] Когда обсуждалась эта поправка, в партийных списках состояли пять из девяти депутатов, перешедших в «Народовластие», и семь из двенадцати депутатов, перешедших в Аграрную группу.

[54] Remington and Smith. Op. cit., 563.

[55] Например, Станислав Говорухин, видный представитель «Народовластия», возглавил комитет по культуре. До избрания в депутаты в 1994 г. Говорухин был популярным кинорежиссером. Другие комитеты, созданные и контролируемые коммунистической фракцией и «Народовласти-

ны» обеспечила за собой место председателя Думы лишь после того, как для этой группы в рамках пакетного договора была создана должность заместителя председателя. Поэтому, несмотря на угрозы депутатов-коммунистов сократить число заместителей председателя Думы и законодательных комитетов и отказаться от первоначального пакетного договора[56], КПРФ не шла на какие-либо перемены.

Гибкость

В то время как регламент Думы стимулировал всех участников левого альянса к сплочению, задача сбалансирования его различных крыльев и политических группировок требовала гибкого и прагматичного руководства. Перед коммунистическими лидерами встала сложная дилемма: каким образом дать членам альянса свободу преследовать свои политические задачи (даже если они противоречили официальной партийной линии), одновременно в электоральных целях сохраняя единство оппозиции ельцинскому режиму. На практике руководство избрало узкую дорожку между жесткой дисциплиной, с одной стороны, и молчаливым санкционированием диссидентства, с другой. Хотя некоторое число видных и своевольных депутатов было либо призвано к ответу, либо изгнано за независимость[57], руководство разрешало и даже давало полномочия на то, чтобы заинтересованные влиятельные депутаты из числа членов альянса голосовали против официальной линии по некоторым вопросам. Например, депутатам-коммунистам из регионов, которые во время президентских выборов выступали за Бориса Ельцина, в августе 1996 г. было разрешено поддержать Черномырдина как кандидата на должность премьер-министра[58].

Чтобы реализовать эту с первого взгляда противоречивую стратегию, коммунистическое руководство старалось минимизировать или скрыть существующие разногласия благодаря гибкости существующих правил. Так, левые депутаты и все прочие фракции и группы, за исключением «Яблока», выступили против внесенной во время дискуссий по новому регламенту поправки, которая предлагала ограничить использование тайных голосований на заседаниях палаты. Тайное голосование, — как объясняла Горячева, эксперт среди коммунистов по рег-

ем» (например, комитет по конверсии и наукоемким технологиям и комитет по делам ветеранов), отражали политические взгляды левых депутатов.

[56] Эта угроза впервые прозвучала по поводу замены Шохина на посту первого заместителя председателя Думы в сентябре 1997 г., затем в 1998 г., когда генерал Рохлин лишился должности председателя комитета по обороне, и наконец, в 1999 г., когда КПРФ забаллотировала стремление НДР назначить Андрея Полякова новым первым заместителем председателя Думы. Подробнее см.: Глейснер Д., Чейсти П. Российская Государственная Дума: структура деятельности и эволюция в период 1993—1998 гг. М.: Центр конституционных исследований Московского Общественного Научного Фонда, 1999.

[57] В январе 1998 г. из КПРФ был исключен Олег Шенкарев, коммунист-вольнодумец. В другие заметные конфликты были вовлечены Бабурин, Владимир Семаго, Алексей Подберезкин, Василий Кобылкин, Леонид Коротков и Сергей Фалалеев.

[58] Тарасов и др. Указ. соч. С. 161.

ламенту, является полезным процедурным средством для тех групп и фракций, которые не могут гарантировать единообразное голосование своих членов или не желают публично заявлять о своей позиции по особенно щекотливому вопросу: «По очень спорным вопросам мы принимали решение, как голосовать — открыто или тайно. И то и другое решение набирало, допустим, свыше 226 голосов. И вот для того, чтобы выйти из коллизии, и предусматривается статьей 88 возможность проведения именно тайного голосования, если большинство на этом настаивает. Потому что не все вопросы все же могут быть столь открытыми, как это кажется уважаемому мной депутату [Нестерову]»[59].

Решение КПРФ поддержать изменение регламента, допускающее открытое голосование по назначению Кириенко, в сущности, не способствовало укреплению партийного контроля, а скорее высветило те затруднения, с которыми столкнулось коммунистическое руководство[60]. Давление со стороны радикальных сил в рамках альянса, КПРФ и широкого коммунистического электората вынудило руководство сплотить партию по этому вопросу, хотя значительная доля левого альянса не была готова идти на конфронтацию с правительством. Те сторонники правительства, которые упрекали КПРФ за отчаянные попытки внедрения «внутрипартийной дисциплины», понимали, какие проблемы стояли перед руководством коммунистов[61]. Оппозиция к Кириенко приносила КПРФ электоральные выгоды, но угрожала расколоть альянс. В итоге коммунисты и их союзники избежали голосования за Кириенко, пойдя на явное унижение. Проголосовав за такое изменение регламента, которое разрешало открытое голосование по назначению премьер-министра, решающее число левых депутатов высказалось против предложения КПРФ провести открытое голосование по кандидатуре Кириенко. Результат последующего тайного голосования оказался в его пользу.

Неясно, санкционировало или нет руководство КПРФ такой шаг. Члены партии требовали наказать депутатов, которые выступали за тайное голосование[62],

[59] Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Бюллетень. № 149. 1998. С. 32. Здесь Горячева обращается к депутату от «Яблока», который выдвинул эту поправку.

[60] Напротив, голосование по импичменту не стало серьезным вызовом внутреннему единству партии. Было нереально собрать большинство в две трети голосов, необходимое для вынесения обвинения президенту Ельцину, которое сверх того должен был утвердить двумя третями голосов Совет Федерации. Поэтому те левые депутаты, которым обычно приходилось действовать с оглядкой на исполнительную власть, могли открыто голосовать по отдельным пунктам обвинения, зная, что к импичменту их действия не приведут. Тем не менее, небольшая часть депутатов «Народовластия» отказалась следовать партийной линии. Разногласия имели особое значение для обвинения Ельцина в разжигании Чеченской войны, которое имело реальные шансы пройти голосование. По данному пункту четыре депутата не голосовали, а один проголосовал против (Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Бюллетень. № 261. 1999. С. 60).

[61] Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Бюллетень. № 169. 1998. С. 12.

[62] В число этих бунтарей вошли два видных депутата, Юрий Воронин (КПРФ) и Геннадий Кулик (аграрии). Поступок Кулика не помешал ему впоследствии войти в примаковское правительство. Николай Рыжков, координатор «Народовластия», не принимал участия в голосовании (Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Бюллетень. № 173. 1998. С. 45—46).

но показателен тот факт, что немедленных репрессий не последовало — это заставляет предположить, что бунт не был самодеятельностью[63]. Тем не менее, данный эпизод демонстрирует, что внутренние разногласия в альянсе сужали руководству простор для маневра. Даже когда КПРФ внесла в регламент изменения, направленные на укрепление внутренней дисциплины, мотивы, побуждавшие депутатов проявлять независимость, — в данном случае угрозы со стороны исполнительной ветви распустить парламент — оставались слишком сильны. В свете этих соображений гибкость существующих институциональных механизмов Думы оказывалась более предпочтительной.

Заключение

Загадка, которая рассматривается в данной статье, позволяет оценить значение институциональных установлений для молодого российского парламента. В законодательном собрании, где отсутствует стабильное, работоспособное большинство, любопытные немажоритарные правила Думы выгодны для коллективно организованных депутатов, имеющих различные предпочтения. Эти механизмы также демонстрируют значительные трудности, с которыми сталкиваются партийные лидеры в нижней палате парламента. Проблемы, препятствовавшие коммунистическому руководству поддерживать сплоченность своего блока, особенно четко проступали в моменты, когда внешние события угрожали разрушить институциональный статус-кво Второй Думы, в первую очередь во время «кризиса» Кириенко.

Сохраняя эту систему, депутаты Думы оказывались не в состоянии решить многие проблемы, с которыми сталкиваются законодатели в России. Децентрализованный процесс разработки думской повестки дня по-прежнему расстраивает все попытки рационализировать законотворческую деятельность парламента, а существующий регламент также осложняет координацию законодательной деятельности между нижней палатой и исполнительной властью. Однако, несмотря на эти трудности, Дума в своем втором составе продолжала играть значительную роль в политике. Кроме того, институциональные механизмы Думы способствовали формированию почти абсолютного большинства, которое сохраняло беспрецедентный для посткоммунистической парламентской истории России уровень сплоченности. Благодаря такому фундаменту Коммунистическая партия вернулась в центр российской политики. Черпая силу в институциональных основах парламента, КПРФ добилась наивысшей после 1991 г. степени влияния на правительство. В смысле консолидации новых правил российской политики это было значительное достижение.

Однако, сомнительно, чтобы система руководства Думой пережила возникновение стабильного партийного или проправительственного большинства. Приход к власти более популярного и энергичного президента Владимира Путина вкупе с парламентскими выборами в декабре 1999 г., после которых численность депу-

[63] Мндоянц С., Захаров А. Указ. соч. С. 52—53.

татов от КПРФ уменьшилась и образовалась более дисциплинированная проправительственная фракция («Единство»), несколько усилили влияние Кремля на политику Думы. На данный момент главной жертвой оказался «пакетный» принцип разделения власти в Думе. Совместные усилия проправительственной и коммунистической фракций в январе 2000 г. по изгнанию нескольких ключевых либеральных и центристских фракций из пакетного договора привели к частичному успеху[64]. Напротив, весной 2002 г. антикоммунистическое большинство успешно отобрало у КПРФ председательство в семи комитетах и лишило коммунистического председателя Думы Геннадия Селезнева решающего голоса в Совете Думы.

Однако, более фундаментальная реформа думских правил и, в частности, немажоритарного Совета Думы не стоит на повестке дня. Российское правительство сегодня имеет в своем распоряжении больше ресурсов, чем имело руководство КПРФ во Второй Думе, но большинства, необходимого для всеобъемлющей процедурной реформы, по-прежнему не существует. Более того, последние события все так же демонстрируют рыхлую природу думских партий. Отказ нескольких ведущих депутатов-коммунистов следовать партийным указаниям и оставить свои парламентские должности в ответ на исключение КПРФ из нового пакетного договора в апреле 2002 г. привел к их исключению из партии. В их число входили председатель думы Селезнев и председатели двух комитетов. Поступок этих депутатов свидетельствует, что выгоды парламентских должностей продолжают перевешивать требования партийной дисциплины как силы, определяющей думскую политику.

Настоящая статья впервые опубликована в *Legislative Studies Quarterly,* 28, no. 1 (February 2003), 5—28. Перепечатывается с любезного разрешения *Legislative Studies Quarterly.*

Автор выражает сердечную благодарность за финансирование данного исследования Британской Академии и Фонду Наффилд, грант № SGS/ 00429/G. Мне хотелось бы поблагодарить Софи Элкан, Соню Алонсо, Арчи Брауна, Джеффа Глейснера, Эдварда Моргана-Джонса, Джерри Равеца, Петру Шлейтер и Стивена Уайтфилда за полезные замечания, а также Герхарда Левенберга и двух анонимных корреспондентов, выдвинувших превосходные соображения.

[64] См.: Chaisty, P. «Legislative Politics in Russia», 109—10.

БРЮС В. МЕННИНГ

Скромные итоги десятилетия: Русская и советская военная история после Холодной войны

1990-е гг. стали свидетелем скромного, но заметного расцвета в изучении русской и советской военной истории. Лед сломан, многие табу отброшены, да и сама тема стала более доступной. Однако, процесс идет скорее рывками, чем семимильными шагами, поскольку традиционные и новые препятствия тормозят как работу историков, так и попытки данной дисциплины добиться признания в глазах научной и широкой общественности. Несмотря на радикально изменившиеся обстоятельства, военно-исторические исследования в посткоммунистической России не сумели полностью отойти от политики, в то время как историки практически повсеместно не только сталкиваются с недостатком источников и средств, но и вынуждены вести борьбу за привлечение к своей работе сильно сократившегося внимания публики.

Аномалии, характерные для наступившей с окончанием Холодной войны новой эпохи, отражаются в двух значительных трудах, «Стратегия и власть в России, 1600—1914» Уильяма Фуллера-младшего и «Великая иллюзия: Сталин и германское вторжение в Россию» Габриэля Городецкого[1]. Эти книги, изданные одна в начале, а другая в конце десятилетия, как бы обрамляют его, и в каждой из них как в зеркале отражаются и достижения, и неоправдавшиеся надежды этого периода. Ни та, ни другая работа не являются военной историей в общепринятом смысле, однако обе они черпают обширный материал из этой области, благодаря чему позволяют охватить более проницательным и широким взглядом прошлое России и СССР. Хотя обе книги справедливо получили достаточно одобрительных отзывов от специалистов и критиков, они также отражают те затруднения, которые в недавнем прошлом вставали перед исследователями российской и советской военной истории. Ни тот, ни другой автор не имел неограниченного доступа к архивам, да и сами книги вследствие различных факторов, не относящихся к сфере науки — от дурного климата до неудачного времени издания — не суме-

[1] William C. Fuller, Jr., Strategy and Power in Russia, 1600—1914 (New York: The Free Press, 1992); Gabriel Gorodetsky, Grand Delusion: Stalin and the German Invasion of Russia (New Haven: Yale University Press, 1999).

ли задеть чувствительную струнку у широкой читающей публики. Создается впечатление, что взоры, слишком долго прикованные к русскому и советскому военному колоссу, устало отвернулись в другую сторону. При отсутствии гарантированного доступа к российским архивам и характерного для Холодной войны неизменного внимания западных СМИ к военным проблемам, даже настоящие открытия остаются незамеченными. Парафразируя американского военного историка, который несколько десятилетий назад писал о превратностях в своей сфере исследований, можно сказать, что русская и советская военная история взобралась на бруствер, однако дальнейшее наступление увязло в колючей проволоке[2].

Разумеется, следует указать, что русские и советские военные исследования вызывают все больший интерес по крайней мере в самой России. И в самом деле, рост внимания наблюдался еще до распада Советского Союза, непосредственно совпав с горбачевской «гласностью». Давно испытывая жажду к материалам, которые заполнили бы «белые пятна», особенно связанные с ключевыми проблемами военной истории, различные деятели конца советской эпохи уже заложили фундамент для скромного расцвета 1990-х гг. Одним из ученых и активистов, который во многих отношениях способствовал прогрессу, стал генерал-полковник Дмитрий Антонович Волкогонов, бывший заместитель начальника Главного политического управления Советской армии, а в конце 80-х гг. — директор Института военной истории. Волкогонов был сибиряк, родом из уссурийских казаков. Во время репрессий 1930-х гг. он лишился родителей, а затем сделал военно-политическую карьеру в Дальневосточном военном округе. Наследие Сталина наложило глубочайший отпечаток на Волкогонова, который, судя по всему, пользовался служебным положением для сбора материалов к нетрадиционной биографии диктатора, публикация которой практически совпала с распадом СССР. Этот труд был примечателен как своей откровенностью, так и проницательным взглядом на Сталина как на военного вождя, особенно во время Великой Отечественной войны. До своей безвременной смерти от рака в 1995 г. Волкогонов издал в этой же серии книги про Ленина, Троцкого и виднейших вождей первых лет советского режима[3]. Все эти книги вызвали крайне противоречивые отклики, однако дали возможность читателям гораздо лучше представить себе развитие советских вооруженных сил.

Влияние Волкогонова не ограничивается его сочинениями. Будучи примерно до 1993 г. директором Института военной истории, он пробудил общественный интерес к новой официальной многотомной истории Великой Отечественной войны и выделил средства на ее издание. Еще до того, как министр обороны Д. Т. Язов

[2] Источник метафоры: Allan R. Millett, «American Military History: Over the Top», in Herbert J. Bass, ed., The State of American History (Chicago: Quadrangle Press, 1970), 157.

[3] Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия: Политический портрет И. В. Сталина. Т. 1—2. М.: «Новости», 1990; Он же. Троцкий: Политический портрет. Т. 1—2. М.: «Новости», 1992; Он же. Ленин: Политический портрет. Т. 1—2. М.: «Новости», 1994; Он же. Семь вождей: Галерея лидеров СССР. Т. 1—2. М.: «Новости», 1995. Все эти книги были впоследствии переведены на несколько языков и изданы за рубежом.

прикрыл этот проект весной 1991 г., главный редактор многотомника полковник Роберт Савушкин, следивший за подготовкой первого тома, неожиданно ушел в отставку, подвергшись чрезвычайно жесткой критике со стороны высшего военного командования СССР[4]. Дискуссии касались проблем освещения событий, их интерпретации, расстановки акцентов, а также дополнительных требований доступа к еще не рассекреченным материалам. Хотя этот проект и оказался мертворожденным, он вдохновил целую группу тогда еще советских военных историков на исследования в данной области, тем самым заронив семена будущих всходов.

Волкогонов и Савушкин оказывали непосредственное содействие русским и иностранным исследователям, помогая им получить доступ к военным архивам, еще не избавившимся от ограничений советской эпохи. Под эгидой Института военной истории Волкогонов и его коллеги активно участвовали в международных конференциях и оказывали поддержку исследованиям разделявших их интересы ученых[5]. Так, он добился допуска к архивам Габриэля Городецкого, который уже начал свою работу по 1941 г., и Брюса Меннинга, только-только приступившего к исследованию эволюции русской и советской стратегии и военного планирования. Готовность сотрудничать с иностранными учеными стала важным вкладом в достижение взаимного доверия и военной прозрачности, а также подчеркнула политическое значение исследований в области военной истории[6].

Сотрудничество ученых совпало по времени с открытием доступа к доселе засекреченным архивным фондам и появлением публикаций по военной истории. После 1991 г. наблюдался некоторый бум в СМИ: освобожденные от цензуры газеты, журналы и телевидение стремились утолить жажду публики, желающей увидеть военное прошлое страны, очищенное от пропагандистских наслоений. Отчасти аппетит порождался чистым любопытством, отчасти ему способствовал пятидесятилетний юбилей Великой Отечественной войны, отчасти — желание разобраться в русском и советском военном наследии. Имелась и практическая потребность, проистекавшая из необходимости учитывать точку зрения прошлого при преодолении проблем, связанных с радикальным изменением российского геостратегического пейзажа и с крайней необходимостью реформ в постсоветских вооруженных силах. О чем бы и где бы ни заходила речь, к сильно разросшемуся хору военных

[4] См.: Правду о войне они нам не отдадут // Независимая газета. 1991, 18 июня. Р. А. Савушкин был известным специалистом по межвоенному периоду и по 1941 году, о чем свидетельствуют его труды «Развитие Советских Вооруженных Сил и военного искусства в межвоенный период, 1921—1941 (М.: ВПА, 1989) и «In the Tracks of a Tragedy: On the Fiftieth Anniversary of the Start of the Great Patriotic War», Journal of Soviet Military Studies, 4: 2 (June 1991), 213—51. Это издание, переименованное в Journal of Slavic Military Studies, оставалось важным источником по русской и советской военной истории в течение всего десятилетия.

[5] См., например: Bernd Wegner, ed., From Peace to War: Germany, Soviet Russia, and the World, tr. from the 1991-German ed. (Providence: Berghan Books, 1997), 381—94, 415—29, and 463—78.

[6] Еще в 1989 г. институт Волкогонова начал контакты с иностранными военными, приняв официальную делегацию американских военных историков.

историков присоединили свои голоса и свое влияние защитники и противники советского прошлого. В самой России в этом хоре приняло участие новое поколение гражданских исследователей, причем особое внимание привлекают разноречивые взгляды на катастрофу 1941 г.[7]

Обилие материалов, однако, привело к резкому возрастанию числа интерпретаций и обоснований и к крайнему разнообразию тональности работ, вплоть до откровенной сенсационности. С окончанием Холодной войны неожиданно стали доступными закрытые источники. Теперь общественность при желании могла вникнуть в тонкости дипломатического и военного сотрудничества Сталина с Гитлером накануне Великой Отечественной войны[8]. По российскому телевидению часто показывали документальные ленты о военном противостоянии и передавали интервью с такими обозревателями, как Волкогонов и Георгий Арбатов. На российских уличных лотках то и дело попадались случайные публикации из архивов с описанием ужасов вроде допроса маршала Тухачевского, или с биографиями давно забытых военных деятелей, например Филиппа Миронова[9]. В продаже также имелось вышедшее в издательстве «Новости» двенадцатое издание воспоминаний маршала Жукова, в котором курсивом были набраны важные места, вырезанные из предыдущих изданий[10]. Любители «клубнички» из более раннего периода могли раскопать не одну грязную тайну, окружавшую смерть М.Д. Скобелева, настоящего героя-полководца дореволюционной России[11]. Невероятно, но регулярным источником откровений в начале 1990-х гг. был официальный и в прошлом вполне степенный «Военно-исторический журнал»; его энергичный главный редактор, генерал-майор Виктор Филатов, соревнуясь с коммерческими изданиями в иконоборчестве и громких разоблачениях, однажды опубликовал даже статью Уильяма Одома (в то время — генерал-лейтенанта) о кончине Советской армии[12]. В дело пускается все поразительное и необычное, а в тени сенсационных материалов остаются публикации серьезных научных работ по военной истории в ведущих академических журналах, таких, как «Отечественная история», «Новая и новейшая история» и «Вопросы истории»[13].

[7] «Новая волна» ученых широко представлена в изданиях: Другая война, 1939—1945 / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1996 и Joseph Bradley, ed., Russian Studies in History 36: 2 (Fall 1997), с подзаголовком «Was the USSR Planning to Attack Germany in 1941?» Новые и традиционные взгляды отражены в книге: Война 1939—1945. Два подхода: Сборник статей / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. Т. 1—2. М.: РГГУ, 1995.

[8] О секретных протоколах к пакту Молотова-Риббентропа см.: Секретные документы из особых папок // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 3—22.

[9] Например: Военные архивы России. Вып. 1. 1993. С. 4—113.

[10] Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 12-е изд. Т. 1—3. М.: «Новости», 1995.

[11] Костин Б.А. Скобелев. М.: «Патриот», 1990. С. 159—170.

[12] Вильям Е. Одом. Сокрушение иконы: советские военные сегодня // Военно-исторический журнал. 1991. № 6. С. 54—64.

[13] Примеры таких публикаций: Якушевский А.С. Фактор внезапности в нападении Германии на СССР // История СССР. 1991. № 3. С. 3—16; Невежин В.А. Метаморфозы советской пропаганды в 1939—1941 гг. // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 164—171; Пальчиков П.А., Гонча-

В погоне за новыми и яркими темами почти забылись реальные достижения, связанные с доступностью текстов и публикаций, которые впоследствии стали материалом для военных историков, особенно тех, кто занимается межвоенным периодом, Великой Отечественной войной и, в меньшей степени, Холодной войной. Откликаясь на проблемы, не находившие освещения в советской военной историографии, офицеры Генштаба публиковали статьи по широкому кругу вопросов: от военного планирования до армейской реформы[14]. Генерал-полковник Г. Ф. Кривошеев, начальник Оперативного управления, выступил как главный редактор эпохального труда о советских военных потерях за весь период от Гражданской войны до ухода советских войск из Афганистана[15]. Одновременно в продажу поступили важнейшие публикации советского времени, включая и издававшуюся для служебного пользования «Военную мысль», а в букинистических магазинах неожиданно появились старые номера периодики и редкие книги — офицеры перед лицом вынужденного увольнения распродавали свои домашние библиотеки. С ослаблением параноидальной секретности вынужденные на всем экономить реформированные учреждения также начали расчищать свои пыльные полки. «East View Publications», американское коммерческое предприятие во главе с Кентом Ли, стало пионером в поиске и переиздании редких материалов по русской и советской военной истории, особенно классических трудов межвоенного периода.

Классика советских времен появилась в пьянящей атмосфере большей открытости, которая характерна сейчас для российских военных архивов; архивисты и исследователи бросились в плавание по безбрежным, как казалось поначалу, морям документов, к которым получили неограниченный доступ. Большой прогресс был достигнут в бывшем Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА), ныне — Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), чьи фонды относятся в основном к императорской эпохе. Здесь полностью доступными стали ранее засекреченные документы о военном планировании, мобилизации и военной разведке в царской России, до 1991 г. закрытые для всех, кроме нескольких избранных советских историков. Заметным отходом от прошлой практики стало свободное пользование описями ко всем архивным фондам. В то время как в предыдущие два десятилетия и Пертти Лунтинен, и Уильям Фуллер не сумели получить доступ к материалам по военному планированию, ныне новое поколение исследователей предприняло серьезные исследования по документам, к которым едва ли кто-либо прикасался со времен А. М. Зайончковского в 1920-х гг.[16]

ров А. А. Что произошло с командующим западным фронтом генералом Д. Г. Павловым в 1941 г. // Новая и новейшая история. 1992. № 5. С. 114—135.

[14] Одна из этих публикаций появилась в переводе на английский в сб.: Bruce W. Menning, ed., Russian Studies in History, 36: 3 (Winter 1997—98), под названием «At the Threshold of War: The Soviet High Command in 1941».

[15] Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах / Под ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: Военное издательство, 1993.

[16] Пример работ, появившихся до 1991 г.: Pertti Luntinen, French Information in the Russian War Plans 1880—1914 (Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1984), 7 n.

Исследователи получили доступ не только к желанным архивным собраниям Главного управления Генштаба, но и к фондам Военно-научного комитета, служившего краеугольным камнем военной разведки в дореволюционной России. В руки ученых попали также практически неиссякаемые архивы различных российских военных округов, особенно приграничных, которые играли важную роль не только в военном планировании и мобилизации, но и в осуществлении разведки. Ветераны исследований по советской эпохе, в первую очередь Э. Уиллис Брукс и Уильям Дж. Фуллер, снова обратились к РГВИА для углубления и расширения прошлых работ, в то время как молодые ученые, такие, как Фредерик Каган, Гудрун Перссон, Дэвид Рич, Джош Санборн, Дэвид Схиммельпенninк ван дер Ойе, Джон Стейнберг и Лаури Стофф, предприняли серьезные исследования по самым обширным темам — от русской военной разведки до роли женщин в российской армии во время Первой мировой войны[17]. Пути этих и других зарубежных исследователей нередко продуктивно пересекаются с путями русских ученых, таких, как А. Г. Кавтарадзе, О. Р. Айрапетов и В. А. Авдеев, которые с готовностью делятся опытом и идеями. Кроме того, сам РГВИА постепенно возвратил себе традиционную прерогативу издавать комментарии и документы, собранные его штатными архивистами[18].

Тот же дух оживления и сотрудничества царил, с некоторыми оговорками, и в Российском государственном военном архиве (РГВА, бывший ЦГАСА — Центральный государственный архив Советской армии), где хранятся материалы по межвоенному периоду. Еще весной 1990 г. генерал Волкогонов и другие высокопоставленные функционеры по своей инициативе обеспечили доступ в этот архив для Марка фон Хейгена, Мэри Хэбек и Брюса Меннинга, которые стали первыми зарубежными учеными, проводившими систематические исследования в РГВА. Почти в то же самое время «East View Publications» Кента Ли заключило с архивом договор об издании двухтомного путеводителя по его фондам[19]. Од-

[17] В число этих исследований входят: Josh Sanborn, «The Mobilization of 1914 and the Question of the Russian Nation: A Reexamination», Slavic Review, 59: 2 (Summer 2000), 267—89; Gudrun Persson, «The Russian Army and Foreign Wars 1859—1871», Ph. D. diss., London School of Economics and Political Science, 1999; David Schimmelpenninck van der Oye, Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire on the Path to War with Japan (DeKalb: Northern Illinois University Press, forthcoming in 2001); David Rich, «Imperialism, Reform, and Strategy: Russian Military Statistics, 1840—1880», The Slavonic and East European Review, 74: 4 (1996), 621—39; John W. Steinberg, «The Education and Training of the Russian General Staff: A History of the Imperial Nicholas Military Academy, 1832—1914», Ph. D. diss., The Ohio State University, 1990; Laurie Stoff, «Russian Women in Combat: Female Soldiers of the First World War», M. A. thesis, University of Kansas, 1995.

[18] Редигер А. Ф. История моей жизни: Воспоминания военного министра / Под ред. И. О. Гаркуши и В. А. Золотарева. Т. 1—2. М.: «Канон-Пресс-Ц», «Кучково Поле», 1999; пример работы исследователей-ветеранов: Данилов Ю. Н. На пути к крушению / Под ред. В. А. Авдеева. М.: Военное издательство, 1992.

[19] Центральный Государственный Архив Советской Армии. Путеводитель / Под ред. Л.В. Двойных, Т. Ф. Каряевой и М. В. Стегенцева. Т. 1—2. Minneapolis: East View Publications, 1991, 1993.

нако, путеводитель был неполным, а исследователи вскоре обнаружили, что доступны были отнюдь не все фонды. В противоположность РГВИА, часть собрания РГВА оставалась закрытой. Деликатные материалы по военному планированию, мобилизации, расписаниям железнодорожных перевозок и военной разведке по-прежнему засекречены, и доступ к ним находится под контролем не склонных к сотрудничеству военных чиновников.

И тем не менее, открытой для исследований оказалась большая часть фондов РГВА, включая материалы по Троцкому, гражданской войне в России, реформам Фрунзе, военной экономике, репрессиям в рядах Красной армии, развитию военных доктрин в межвоенный период, советско-германскому военному сотрудничеству, участию СССР в испанской гражданской войне, различным стратегическим и оперативным учениям, совещанию высшего советского командования в декабре 1940 г. Среди исследователей, воспользовавшихся этими материалами, были Ричард Харрисон, Кертис Кинг, Рэймонд Леонард, Хью Рагсдэйл, Роджер Риз, Синтия Робертс, Андреа Романо, Леннарт Самуэльсон, Дэвид Стоун и Дэвид Волфф[20]. Одновременно открытие фондов стало подарком и для нового поколения российских историков, среди которых есть отставные и находящиеся на действительной службе военные и гражданские исследователи. Среди них — П. Н. Бобылев, Н. И. Дорохов и В. В. Позняков; все они добились определенных результатов, исследуя развитие советской армии в межвоенный период[21]. Как и РГВИА, РГВА также издает сборники документов большого диапазона[22].

В отличие от РГВИА и РГВА, Центральный государственный архив Министерства обороны (ЦАМО) никогда не открывал свои двери непосредственно для исследователей, за исключением нескольких российских ученых, получивших соответствующий допуск. ЦАМО, расположенный за пределами Москвы, в Подольске, и напрямую подчиняющийся военным властям, не имеет ни полномочий, ни

[20] Итогом этих исследований стали такие работы, как: Mary Habeck, «Imagining War: The Development of Armored Doctrine in Germany and the Soviet Union, 1919—1939», Ph. D. diss., Yale University, 1996; Mary Habeck and Ronald Radosh, eds., Spain Betrayed: The Soviet Union in the Spanish Civil War (New Haven: Yale University Press, forthcoming in 2001); Curtis S. King, «Victory in Red: An Analysis of the Red Commanders on the Southern Front of the Russian Civil War, 1918—19», Ph. D. diss., University of Pennsylvania, 1999; George F. Hofmann, «Doctrine, Tank Technology, and Execution: I. A. Khalepskii and the Red Army's Fulfillment of Deep Offensive Operations», Journal of Slavic Military Studies, 9: 2 (June 1996), 283—334; Cynthia A. Roberts, «Planning for War: The Red Army and the Catastrophe of 1941», Europe-Asia Studies, 47:8 (December 1995), 1293—1326; Raymond W. Leonard, Secret Soldiers of the Revolution: Soviet Military Intelligence, 1918—1933 (Westport, Conn.: Greenwood Press, 1999).

[21] См., например: Vladimir Pozniakov, «The Enemy at the Gates: Soviet Military Intelligence in the Interwar Period and Its Forecasts of Future War, 1921—41», in Silvio Pons and Andrea Romano, eds., Russia in the Age of Wars (Milan: Giangiacomo Feltrinelli, 2000), 215—33; Бобылев П. Н. К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 году? // Отечественная история. 1995. №5. С. 3—20.

[22] Например: Реввоенсовет Республики. Протоколы 1918—1919: Сборник документов / Под ред. Н. Мещеряковой. М.: Информационно-издательское агентство «Русский мир», 1997.

ресурсов, ни условий для неофициальной исследовательской работы. Однако, как важнейшее хранилище документальных материалов по военной истории Великой Отечественной войны и Холодной войны, ЦАМО обладает слишком большим значением, чтобы мимо него можно было пройти. Официальные историки из Института военной истории запрашивали у ЦАМО материалы для написания новой истории Великой Отечественной войны, в то время как различные российские и зарубежные организации добивались по крайней мере ограниченного доступа для ответа на законные запросы о военнопленных, лицах, пропавших без вести во время военных действий, и человеческих жертвах в ходе Холокоста. Отчасти благодаря посредничеству генерала Волкогонова, который был сопредседателем совместной Российско-американской комиссии по военнопленным и пропавшим без вести, ельцинское правительство сочувственно отнеслось к этим проблемам, и удалось разработать механизм, посредством которого многие исследователи получили хотя бы непрямой доступ к обширным хранилищам ЦАМО. Под эгидой Генштаба был создан Историко-архивный и военно-мемориальный центр, служивший для ЦАМО посредником при работе с внешними организациями и индивидуальными запросами на поиск и рассекречивание документов[23]. И хотя эта система была обставлена формальностями и неуклюжа, все же на свет появилась структура, сыгравшая немалое значение в процессе более широкого рассекречивания и публикации документов. Одновременно Центр являлся исследовательской базой для отставных офицеров, включая историка генерала-полковника Ю.И. Горькова, который собирал материалы для различных военных проектов, включая новую историю Великой Отечественной войны[24].

Другим важным импульсом для расширения доступа к ЦАМО и другим архивам стал бестселлер Виктора Суворова «Ледокол», автор которого старается доказать, что нападение Гитлера на Советский Союз в 1941 г. в действительности было ответом на советские приготовления к превентивному удару по фашистской Германии[25]. Книга вызвала ожесточенные дискуссии, историки и архивисты снова бро-

[23] Colonel V. V. Mukhin, «The Military Archives of Russia», in William W. Epley, ed., International Cold War Records and History: Proceedings of the Conference (Washington, D.C.: Office of the Secretary of Defense, 1996), 185—86, and 190—92; см. также: Доступ к военным документам расширяется // Красная звезда. 1993, 12 января.

[24] Неудивительно, что генерал Горьков часто фигурирует в историографии этого периода; см., например: Горьков Ю. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь: «РИФ ЛТД», 1995; Горьков Ю.А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г. // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 29—45. Кроме того, Горьков совместно с директором Центра выпустил несколько других важных публикаций: Горьков Ю.А., Семин Ю.Н. О характере военно-оперативных планов СССР накануне Великой Отечественной войны: Новые архивные документы // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 108—129; Конец глобальной лжи / Сост. Горьков Ю.А., Семин Ю.Н. // Военно-исторический журнал. 1996. №2. С. 2—15; №3. С. 4—17; №4. С. 2—17; №5. С. 2—15; №6. С. 2—17.

[25] Viktor Suvorov, Icebreaker: Who Started the Second World War?, tr. Thomas B. Beattie (London: Hamish Hamilton, 1990). Непереведенный вариант книги Суворова широко разошелся по России. О последовавших дискуссиях см.: Teddy J. Uldricks, «The Icebreaker Controversy: Did Stalin Plan to Attack Hitler?» Slavic Review, 58: 3 (Fall 1999), 626—43.

сь покопаться в материалах ради доказательства или опровержения сенсационных заявлений Суворова. Какими бы умозрительными и необоснованными ни были его предположения, они обеспечили новыми доводами сторонников широкого доступа к архивам. Суворов в одиночку сделал для рассекречивания архивов больше, чем кто-либо другой, возможно, исключая лишь Дмитрия Волкогонова.

Что касается генерала Горькова, то его важная роль в дискуссиях по проблемам 1941 г. отражает значительные достижения, повлиявшие в целом на подход исследователей к советской военной истории. Очевидно, с целью институционализации разработанной Волкогоновым системы доступа к архивам, носившей крайне личный характер, российское правительство создало специальную межведомственную комиссию по расследованию преступлений и репрессий сталинской эпохи[26]. Под руководством такой влиятельной фигуры, как А.Н. Яковлев, исследователи и активисты комиссии предприняли систематические усилия по рассекречиванию и публикации архивных материалов, касающихся наиболее спорных вопросов советской эпохи. Важным результатом работы яковлевской комиссии стала серия сборников «Россия. XX век», изданных фондом «Демократия». К 2000 г. в этой серии насчитывалось 12 томов, и некоторые из них были посвящены военным темам, включая Кронштадтское восстание, судьбу Филиппа Миронова, Катынь, 1941 год, и антипартийную борьбу 1950-х гг., в которой важная роль принадлежала маршалу Жукову[27]. Это издание, обладающее многими сильными и некоторыми слабыми сторонами, стало отправной точкой для исследований в соответствующих областях.

Вторым важным последствием работы комиссии стал дополнительный импульс к рассекречиванию впечатляющего объема материалов по военной истории, которые по различным причинам не были опубликованы непосредственно комиссией Яковлева. Так, на основе совместных усилий по рассекречиванию, предпринятых комиссией и Историко-архивным и военно-мемориальным центром Генштаба, Институт военной истории во главе с генерал-майором В.А. Золотаревым приступил к изданию впечатляющей документальной серии «Великая Отечественная» (под общим заглавием «Русский архив»). Первый том, вышедший в 1993 г., подробно освещал совещание высшего советского командования в декабре 1940 г. Издано уже около 20 томов (а всего запланировано более 50), посвященных Верховному главнокомандованию, Генштабу, тыловым службам, германским военнопленным, а также Московской, Курской и Берлинской битвам[28].

[26] Очевидно, своими корнями эта комиссия уходит в горбачевскую эпоху, когда член Политбюро А.Н. Яковлев по просьбе польского правительства возглавил сбор деликатных документов по Катыни. После 1991 г. благодаря президенту Ельцину полномочия Яковлева и размах его деятельности резко расширились.

[27] Россия. XX век / Под ред. А.Н. Яковлева. Т. 1—12. М.: Международный Фонд «Демократия», с 1997, серия продолжается. Событиям, предшествовавшим 22 июня 1941 г., посвящен том: 1941 год / Сост. Л.Е. Решин, Л.А. Безыменский и др. Кн. 1—2. М.: Международный Фонд «Демократия», 1998.

[28] Русский Архив. Великая Отечественная / Под ред. В.А. Золотарева, В.П. Зимонина и др. Более 20 тт. М.: «Терра», с 1993, серия продолжается.

Наряду с более или менее широким доступом в РГВИА, РГИА, ЦАМО подобные достижения позволили историкам приступить к исследованиям по животрепещущим, а также малоизученным темам. На основе ставших доступными архивных документов покойный О. Ф. Сувениров написал «Трагедию РККА» — вероятно, наиболее всеобъемлющий анализ влияния репрессий на советский офицерский корпус[29]. В более широком социальном контексте его работу обильно дополняет работавший в РГВА итальянский исследователь Андреа Романо[30]. Одновременно Павел Бобылев исследовал оперативно-стратегическую военную игру в январе 1941 г., и его статьи об этой игре и о принципах советского военного планирования стали *sine qua non* для понимания катастрофы в июне 1941 г.[31] Ставшие доступными материалы из военных архивов в большом количестве фигурируют также в работе Леннарта Самуэльсона, который совершил настоящий прорыв в исследованиях советской военной экономики, проведя новый и оригинальный анализ этой сложной и недопонятой темы[32]. Из числа американских ученых свободным доступом к архивам воспользовались Дэвид Стоун, автор «Молота и ружья», Ричард Харрисон, написавший книгу об эволюции советского оперативного искусства, а также Брюс Меннинг, создатель исследований об оперативном искусстве и о стратегических железных дорогах[33]. Работа комиссии Яковлева и результаты ее трудов также обеспечили материалом Габриэля Городецкого для его книги «Великая иллюзия».

К середине десятилетия то же стремление «заполнить белые пятна», которое двигало Яковлевым, привело к скромному возобновлению институтских исследований, пусть и после некоторой паузы на реорганизацию в свете изменившихся обстоятельств и сократившегося финансирования. В Институте военной истории генерал Золотарев изобретательно распоряжался средствами, кадрами и поддерж-

[29] Сувениров О. Ф. Трагедия РККА, 1937—1938. М.: «Терра», 1998.

[30] Andrea Romano, Contadine in uniforme: L'Armata Rossa e la collettivizzatione delle campagne nell'URSS (Turin, 2000).

[31] Бобылев П. Н. Репетиция катастрофы // Военно-исторический журнал. 1993. № 7. С. 14—21; №8. С. 28—35; Он же. Точку в дискуссии ставить рано: К вопросу о планировании в Генеральном штабе РККА возможной войны с Германией в 1940—1941 годах // Отечественная история. 2000. №1. С. 41—64. Помимо работ Бобылева, рекомендуется к прочтению: Анфилов В. А. Грозное лето 41 года. М.: Издательский центр «Анкил-Воин», 1995.

[32] Lennart Samuelson, Soviet Defence Planning: Tukhachevskii and Military-Industrial Mobilisation 1926—1937 (Stockholm: Stockhom Institute of East European Economies, 1996); Lennart Samuelson, Plans for Stalin's War Machine: Tukhachevskii and Military-Economic Planning, 1925—1941 (St. Martin's Press, 2000); Lennart Samuelson, Roed koloss paa larvfoetter: Rysslands ekonomi i skuggan av 1900-talskrigen (Stockholm: SNS, 1999).

[33] David R. Stone, Hammer and Rifle: The Militarization of the Soviet Union, 1926—1933 (Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 2000); Richard W. Harrison, The Russian Way of War: Operational Art, 1904—1940 (Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 2001); Bruce W. Menning, «Operational Art's Origins», Military Review, 77: 5 (September-October 1997), 32—47; Меннинг Б. В. (США). Советские железные дороги и планирование военных действий. 1941 год // Война и политика, 1939—1941 / Под ред. А. О. Чубарьяна, Г. Городецкого. М.: «Наука», 1999. С. 359—365.

кой властей, чтобы спасти большую часть тематики работ этой организации до 1991 г. Продолжалась работа над предполагавшейся восьмитомной военной энциклопедией, в то время как официальные военные историки писали для множества периодических изданий и играли важную роль при составлении различных сборников документов[34]. Хотя предыдущие проекты были пересмотрены в соответствии с сократившимися средствам, к 1998 г. Институт совместно с Академией Наук издал новую четырехтомную историю войны на восточном фронте — «Великая Отечественная, 1941—1945»[35]. Для этого издания характерно привлечение авторов, не входящих в традиционное сообщество военных историков, обращение к нетрадиционным темам и трактовкам и использование недавно рассекреченных материалов, хотя их доступность пока что не соответствует ожиданиям[36].

Возвращение к традиции проявилось еще и в том, что институтская наука обратилась к прошлому, ища в нем прецеденты и перспективы для рассмотрения современных проблем российской безопасности и военной реформы[37]. Вторая половина 1990-х гг. увидела впечатляющий бум переизданий полузабытой классики и исследований, посвященных преемственности в военной истории до и после 1917 г. В числе превосходных примеров последней тенденции — пятитомная история военного судостроения и недавно изданная история русской военной стратегии под редакцией генерала Золотарева[38]. Хотя в последнем издании заметен чрезмерный крен в сторону Великой Отечественной и Холодной войны, но вместе с золотаревским исследованием 1998 г. по военной безопасности оно свидетельствует о том, что акцент снова ставится на важности военной истории как науки с политической направленностью[39].

Кроме того, эти работы наряду с переизданием классики под рубрикой «Русский военный сборник», свидетельствуют о живом интересе институтов к русскому военному прошлому[40]. О том же говорит и проект коммерческого переиздания (очевидно, заглохший) военной энциклопедии начала XX в. (до Первой ми-

[34] Ржешевский О.А. Юбилей военных историков // Военно-исторический журнал. 1996. №6. С. 84—85.

[35] Великая Отечественная война. 1941—1945: Военно-исторические очерки / Под ред. В.А. Золотарева, Г.Н. Севостьянова и др. Т. 1—4. М.: «Наука», 1998. Институт также издал многотомную военную историю России: Военная история отечества с древних времен до наших дней / Под ред. В.А. Золотарева и В.А. Авдеева. Т. 1—3. М.: «Мосгорархив», 1995.

[36] Об этом см., например: Золотарев В.А. Проблемы изучения истории Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 8—9.

[37] См., например: Осипова М.Н. После крымской войны // Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 4—13.

[38] История отечественного судостроения / Под ред. И.П.Спасского. Т. 1—5. СПб.: «Судостроение», 1996; История военной стратегии России / Под ред. В.А.Золотарева. М.: «Кучково поле», «Полиграфресурсы», 2000.

[39] Золотарев В. Военная безопасность Отечества: Историко-правовое исследование. 2-е изд. М.: «Канон-Пресс», «Кучково Поле», 1998.

[40] Эта серия насчитывает около 17 томов, последним вышел: Ефремов И.И. Офицерский корпус русской армии: Опыт самосознания. М.: Военный университет, 2000.

ровой войны), который демонстрирует и осознание массового интереса к русской военной истории, и стремление вызвать отклик в широких кругах русских читателей и книголюбов. Благодаря аналогичным проектам интересующиеся русской военной историей исследователи могут найти репринтные издания таких редких работ, как четырехтомная история российской армии А. А. Керсновского, первоначально опубликованная в эмиграции[41]. Одновременно Татьяна Филиппова и Дмитрий Олейников, редакторы отдела культуры и военного отдела популярного иллюстрированного ежемесячника «Родина», форматом напоминающего «American Heritage», — уделяют значительное внимание важным темам российской военной истории, включая кавказские войны XIX в.[42] К несчастью, в целом высокое издательское качество «Родины» стоит особняком на широком рынке, склонном к одержимости сиюминутными и милитаристскими темами.

Серьезные исследования 1990-х гг. о дореволюционной российской военной истории, которые не могут похвастаться таким объемом публикаций и порой страдают от нехватки внимания, тем не менее пережили свой собственный расцвет, отчасти благодаря облегчившемуся доступу в архивы, а отчасти — скромному всплеску научного интереса. Эти исследования делались не на пустом месте: совершенно очевидно использование наследия А. М. Зайончковского и П. А. Зайончковского, двух из множества прославленных российских ученых, труды которых вдохновляли последующих военных историков в России. Наследие обоих Зайончковских ощутимо в деятельности Ларисы Захаровой — редактора нового издания мемуаров Д. А. Милютина, — и в работах Александра Кавтарадзе, редактировавшего содержательные мемуары Н. А. Епанчина и составившего сборник малоизвестных работ стратега А. А. Свечина[43].

В трудах молодого российского ученого Олега Айрапетова свежий взгляд сочетается с традиционно крепкой методологией. Айрапетов написал выдающуюся биографию Н.Н. Обручева, который в качестве начальника Генштаба в 1881—1897 гг. играл существенную роль в военном планировании и создании франко-российского союза[44]. Касающиеся Обручева материалы были разбросаны по множеству архивов, и такие ученые, как Джордж Кеннан, давно сетовали на отсутствие сколько-нибудь серьезной биографии человека, получившего прозвище

[41] Керсновский А. А. История русской армии. Т. 1—4. М.: «Голос», 1992—1994.

[42] При содействии Российского Информационного Центра вышло в свет специальное издание «Родины»: «Россия на Кавказе» (2000. № 1—2), освещающее всю историю российских попыток умиротворения Кавказа. Вступительное слово написал российский президент Владимир Путин.

[43] Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина / Под ред. Л. Г. Захаровой. Т. 1—2. М.: студия «ТриТэ» Никиты Михалкова, «Российский Архив», 1997, 1999, серия продолжается; Епанчин Н. А. На службе трех императоров / Под ред. А. Г. Кавтарадзе. М.: Издание журнала «Наше наследие», «Полиграфресурсы», 1996; Постижение военного искусства. Идейное наследие А. Свечина / Сост. А. Е. Савинкин, А. Г. Кавтарадзе и др. М.: Военный университет, «Русский путь», 1999. В это издание входит биографический очерк Кавтарадзе о Свечине (С. 639—656).

[44] Айрапетов О. Р. Забытая карьера «Русского Мольтке»: Николай Николаевич Обручев (1830—1904). СПб.: «Алетейя», 1998.

«русского Мольтке». Важным побочным итогом изысканий об Обручеве стала публикация нескольких статей по соображениям, подвигшим Россию на войну с Турцией в 1877—1878 гг.[45] Айрапетов четко понял значение личности и роль, которая отводилась Турции и Босфору в российском военном планировании того времени. Совместно с работой Дэвида Рича о Куропаткине и военном планировании в 1880-е гг., труд Айрапетова представляет собой крупный рубеж в исследовании военной истории императорской России на основе новых материалов, открытий и интерпретаций[46]. К дореволюционному периоду обратились также Д. Н. Алхазашвили, В. К. Ячменихин и О. В. Кухарук, публикации которых только начинают появляться[47].

Новые тенденции в российской науке перекликаются с продолжающимися исследованиями зарубежных ученых, многие из которых ходят в наследниках у более ранних историков, постигших значение армии и как орудия власти, и как источника перемен в российском и советском обществе. Эти историки интуитивно поняли значение данной темы для избранного ими поля деятельности и потому никогда не мучились сомнениями, граничащими с кризисом идентичности, который поражает многих американских военных историков. Помимо наследия Зайончковских, у военных историков за пределами России имеются собственные идолы в лице Джона Кертисса, Джона Эриксона и Джона Кипа. В 1970-е и 1980-е гг. в один ряд с этими известными учеными встали другие, зачастую молодые историки — от Ричарда Хелли, Уолтера Пинтнера и Уильяма Фуллера до Дэвида Глантца и Уильяма Одома. После 1991 г. ставшие доступными материа-

[45] Айрапетов О. Р. Проблема русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и позиция Военного министерства // Россия и реформы, 1861—1881: Сборник статей / Под ред. М. А. Колерова, А. Ю. Полупова. М.: Московский университет, 1991. С. 48—57; Айрапетов О. Р. О планировании Освободительной войны 1877—1878 гг. // Россия и реформы: Сборник статей / Под ред. М. А. Колерова. Вып. 3. М., 1995. С. 55—71. В более поздние издания входят: Айрапетов О. Р. Балканы: Стратегия Антанты в 1916 году // Вопросы истории. 1997. №9. С. 48—60; Он же. Поездка Николая II в Галицию весной 1915 г. и политическая борьба в русских верхах // Вестник Московского университета. Серия 8 (История). 2000. № 1. С. 103—120; Он же. Либералы и генералы перед февралем: Штрихи к портретам и процессам // Україна і Росія в панорамі століть / Под ред. О. Б. Коваленко. Чернігів: Сіверянска думка, 1998. С. 242—261.

[46] David Alan Rich, The Tsar's Colonels: Professionalism, Strategy, and Subversion in Late Imperial Russia (Cambridge: Harvard University Press, 1998).

[47] Алхазашвили Д. Н. Босфор и Дарданеллы в военно-морской стратегии России начала XX в. // Вестник Московского университета. Серия 8 (История). 2000. № 2. С. 98—115; Ячменихин В. К. Институт военных кантонистов в структуре русской армии // Вестник Московского университета. Серия 8 (История). 2000. № 1. С. 55—68; Кухарук О. В. Политика уряду Миколи I по відношенню до Революции 1848—1849 рр. в Европи: Військовий аспект // Україна і Росія в панорамі століть / Под ред. Коваленко. Чернігів: Сіверянска думка, 1998. С. 142—145. В число других работ входят: Тартаковский А. Г. Неразгаданный Барклай: Легенда и быль 1812 года. М.: Археографический центр, 1996; Кротков П. А. Гангутская баталия 1714 года. СПб., 1996; Золотарев В. А. Феномен российского ренессанса. М.: «Арбизо», 1995. (В действительности эта книга представляет собой историю русского военного искусства в XVIII веке); Ячменихин К. М. Алексей Андреевич Аракчеев // Вопросы истории. 1991. №12. С. 37—50.

ны российских архивов продолжали, прямо или косвенно, влиять на дальнейшие исследования, одновременно выступая в качестве побудительного импульса для младшего поколения.

Подобно тому, как уже не раз происходило в военно-исторической науке, исследования императорского периода разворачивались по двум четко отличающимся, но взаимосвязанным направлениям. Первое из них, пример в котором задавали Джон Кип и Ричард Хелли, изучает взаимоотношения между армией и обществом. Шведский историк Петер Энглунд с мастерством, которое привлекло к нему интерес западных ученых и обеспечило известную популярность в России, рассмотрел Полтавскую битву в ее полном социальном контексте[48]. Элиза Кимерлинг Виртшафтер проводит связь между крепостническим обществом и военными учреждениями в первой половине XIX в., а Кэрол Белкин Стивенс обрисовывает процесс армейской реформы в степной зоне раннеиндустриальной России[49]. Известные своей репутацией ученые, такие, как Э. Уиллис Брукс, Джон Башнелл и Джейкоб Кипп, продолжают исследовать связи между армией и достижениями эпохи великих реформ[50]. Одновременно Кипп, Роберт Бауманн и Джозеф Брэдли в своих новых работах учитывают взаимоотношения между армией и технологическими новациями[51]. В исследованиях Уильяма Фуллера, Питера Гатрелла и Джонатана Гранта освещаются проблемы, вставшие перед российским правительством при изыскании средств на военные расходы[52].

Второе направление, заданное работой Джона Кертисса «Российская армия при Николае I», занимается развитием военных институтов и более традиционными темами военной истории. Так, Джон Дэли рассмотрел эволюцию российского флота во второй четверти XIX века в связи с «Восточным вопросом», а Брюс Меннинг

[48] Peter Englund, The Battle of Poltava: The Birth of the Russian Empire (London: V. Gollancz, 1992; русский перевод: Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М.: «Новое литературное обозрение», 1995. Работу Энглунда дополняет взгляд из Финляндии: Antti Kujala, «The Breakdown of a Society: Finland in the Great Northern War 1700—1714», Scandanavian Journal of History, 25, 69—86; Christer Kuvaja, Forsojning av en ockupationsarme: Den ryska armens underhallssytem i Finland 1713—1721 (Abo: Abo Akademi University Press, 1999).

[49] Elise Kimerling Wirtschafter, From Serf to Russian Soldier (Princeton: Princeton University Press, 1990); Carol Belkin Stevens, Soldiers on the Steppe: Army Reform and Social Change in Early Modern Russia (DeKalb: Northern Illinois University Press, 1995).

[50] См. соответствующие статьи в сб.: Ben Eklof, John Bushnell, and Larissa Zakharova, eds., Russia's Great Reforms, 1855—1881 (Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1994).

[51] Jacob W. Kipp, «Soldiers and Civilians Confronting Future War: Lev Tolstoy, Jan Bloch, and Their Russian Military Critics», in Stephen D. Chiabotti, ed., Tooling for War: Military Transformation in the Industrial Age (Chicago: Imprint Publications, 1996), 189—230; Robert F. Baumann, «Technology versus the Moral Element: Emerging Views in the Russian Officer Corps, 1870—1904», in Robert McKean, ed., New Perspectives in Modern Russian History (London: Macmillan, 1991), 43—65; Joseph Bradley, Guns for the Tsar: American Technology and the Small Arms Industry in Nineteenth-Century Russia (DeKalb: Northern Illinois University Press, 1990).

[52] Fuller, Strategy and Power; Peter Gatrell, Government, Industry and Rearmament in Russia, 1900—1914 (New York: Cambridge University Press, 1994); Jonathan A. Grant, Big Business in Russia: The Putilov Company in Late Imperial Russia (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1999).

прослеживает преемственность доктрин, структуры, технологии и боевого опыта в российской императорской армии между 1861 и 1914 гг.[53] Фредерик Каган изучил с новой точки зрения консервативные истоки военных реформ 1860-х гг. и фон, на котором они проходили, а Пертти Лунтинен написал историю русской армии и флота в Финляндии от эпохи Александра I до конца правления Николая II[54]. В «Academic International Press» вышел английский перевод книги Л.Г. Бескровного об истории институтов российской армии и флота в XIX в., а «Naval Institute Press» совместно с Военно-морским колледжем переиздало классическое исследование Джулиана Корбетта о военно-морских операциях во время Русско-японской войны[55]. Кроме того, в конце 1980-х гг. появилась работа Дэвида Джонса об эффективности российской армии во время Первой мировой войны[56].

Зарубежные исследования советского периода также развивались по двум четко различающимся, но взаимосвязанным путям. Кроме Самуэльсона и Стоуна в число ученых, рассматривающих взаимоотношения между советским обществом и развитием (или упадком) армии, входят Марк фон Хейген, Дэйл Херспринг, Роджер Риз, Уильям Одом, Джеймс Шнайдер и Салли Стекер[57]. Совсем свежая работа Роберта Тарстона и др. посвящена исключительно социальным перспективам советского общества во время войны[58]. Что касается чисто военных вопросов, в «Yale University Press» переиздано классическое многотомное исследование Джона Эриксона о Восточном фронте Второй мировой войны, в то время как Дэвид Глантц и Джонатан Хауз осветили эту тему с оперативной точки зрения[59]. Фигура

[53] John C. K. Daly, Russian Seapower and «The Eastern Question» (Annapolis: Naval Institute Press, 1991); Bruce W. Menning, Bayonets before Bullets: The Imperial Russian Army, 1861—1914 (Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1992, repr. 2000).

[54] Frederick W. Kagan, The Military Reforms of Nicholas I: The Origins of the Modern Russian Army (New York: St. Martin's Press, 1999); Pertti Luntinen, The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808—1918 (Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1997).

[55] L. G. Beskrovnyi, The Russian Army and Fleet in the Nineteenth Century, ed. and tr. Gordon E. Smith (Gulf Breeze, Florida: Academic International Press, 1996); Julian S. Corbett, Maritime Operations in the Russo-Japanese War, 1904—1905, intro. John B. Hattendorf and Donald M. Schurman, 2 vols. (Annapolis and Newport: Naval Institute Press and Naval War College Press, 1994).

[56] David R. Jones, «Imperial Russia's Forces at War», in Allan R. Millett and Williamson Murray, eds., Military Effectiveness, 3 vols. (Boston: Unwin Hyman, 1988), I, 249—328.

[57] Mark von Hagen, Soldiers in the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet Socialist State, 1917—1930 (Ithaca: Cornell University Press, 1990); Dale Herspring, Russian Civil-Military Relations (Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1996); Roger R. Reese, Stalin's Reluctant Soldier: A Social History of the Red Army, 1925—1941 (Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 1996); William E. Odom, The Collapse of the Soviet Military (New Haven: Yale University Press, 1998); James J. Schneider, The Structure of Strategic Revolution: Total War and the Roots of the Soviet Warfare State (Novato, Calif.: Presidio Press, 1994); Sally W. Stoecker, Forging Stalin's Army: Marshal Tukhachevsky and the Politics of Military Innovation (Boulder: Westview Press, 1998).

[58] Robert W. Thurston and Bernd Bonwetsch, The People's War: Responses to World War II in the Soviet Union (Urbana: University of Illinois Press, 2000).

[59] David M. Glantz and Jonathan M. House, When Titans Clashed: How the Red Army Stopped Hitler (Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 1995). Эту работу дополняют такие труды, как:

Сталина как военачальника занимает важное место в нескольких недавно изданных общих описаниях Второй мировой войны[60]. Кроме того, Глантц принимал участие в нескольких исследованиях отдельных советских операций, а также в крупном проекте, который полемизирует с тезисом Суворова на широкой военно-институциональной основе[61]. Дискуссии, вызванные сочинениями Суворова, находят дальнейшее отражение в немецкой науке, в то время как официальная немецкая военная история пользуется новыми материалами, хлынувшими из российских архивов[62]. Карл Ван Дейк в свете новых архивных материалов исследовал Финскую войну как прелюдию к 1941 г., а Шимон Наве рассмотрел советское военное искусство в теоретической и сравнительной перспективе, особо выделяя эволюцию оперативного искусства[63].

Одним из важнейших последствий скромного расцвета русской и советской военной истории в 1990-е гг. стало широкое научное сотрудничество исследователей различных интересов, убеждений и склонностей. Помимо разносторонней деятельности Института военной истории, в середине 1990-х гг. Институт всеобщей истории РАН под руководством А.О. Чубарьяна участвовал в проведении ряда конференций: по Холодной войне, по предпосылкам событий 1941 г., и по Финской войне[64]. В 1998 г. С.-Петербургское отделение РАН организовало международную конференцию по проблемам Первой мировой войны и русского об-

William J. Spahr, Zhukov: The Rise and Fall of a Great Captain (Novato, Calif.: Presidio Press, 1993); Stalin's Lieutenants: A Study of Command under Duress (Novato, Calif.: Presidio Press, 1997).

[60] См. соответствующие разделы в кн.: Gerhard L. Weinberg, A World at Arms: A Global History of World War II (New York: Cambridge University Press, 1994); и Williamson Murray and Allan R. Millett, A War to be Won: Fighting the Second World War (Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 2000).

[61] David M. Glantz, Stumbling Colossus: The Red Army on the Eve of World War (Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 1998). Об отдельных операциях см.: David M. Glantz and Jonathan M. House, The Battle of Kursk (Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 1999); David M. Glantz, Zhukov's Greatest Defeat: The Red Army's Epic Disaster in Operation Mars, 1942 (Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 1999).

[62] Horst Boog, Jurgen Forster, and Joachim Hoffmann, The Attack on the Soviet Union, tr. Dean S. McMurry, Ewald Osers, et al. Oxford and New York: Clarendon Press of Oxford University Press, 1998); см. также: Walter Post, Unternehmen Barbarossa: Deutsche und sowjetische Angriffsplane 1940/41 (Hamburg: Mittler, 1996); и ранний комментарий в сб.: Jurgen Rohwer and Hildegard Muller, eds., Neue Forschungen zum Zweiten Weltkrieg. Literaturgeschichte und Bibliographien (Koblenz: Bernard & Graefe, 1990); о советско-германском военном сотрудничестве см.: Manfred Zeidler, Reichswehr und Rote Armee, 1920—1933: Wege und Stationen einer ungewohnlichen Zusammenarbeit (Munich: R. Oldenbourg, 1993).

[63] Carl Van Dyke, The Soviet Invasion of Finland, 1939—40 (London: Frank Cass, 1997); Shimon Naveh, In Pursuit of Military Excellence: The Evolution of Operational Theory (London: Frank Cass, 1997).

[64] Сб. Война и политика, 1939—1941, под ред. Чубарьяна и Городецкого, практически представляет собой материалы московской конференции 1995 г.; кроме того, в результате сотрудничества института Чубарьяна с финскими историками появилось на свет издание: Зимняя война 1939—1940 / Под ред. О.А. Ржешевского и О.В. Вехвилайнена. Кн. 1—2. М.: «Наука», 1999, вторая книга которого представляет собой поразительную стенографическую запись проходившего после Финской войны совещания Сталина с советским высшим командованием.

щества. Зарубежные организации в ответ проводили международные конференции по таким разнообразным темам, как Холодная война, архивы и документы времен Холодной войны, российская военная реформа, 1941 г., армия и общество в императорской России[65]. Пусть и не исчерпывающий, этот список конференций и тем, совместно с нередкими дискуссиями и круглыми столами на собраниях профессиональных ассоциаций, свидетельствует об энергии и широте исследовательских интересов в русской и советской военной истории в течение последнего десятилетия.

Отдельные ученые нередко налаживают взаимовыгодное формальное и неформальное сотрудничество в более скромном масштабе. Джейкоб Кипп, американский специалист по русской и советской военной и морской истории, давно начал продуктивное сотрудничество с А.А. Кокошиным, работавшим тогда в Институте США и Канады, и с отставным генералом В.Н. Лобовым, бывшим начальником Генштаба; совместно они написали научный комментарий к ключевому тексту А.А. Свечина «Стратегия» для английского перевода под редакцией Кента Ли[66]. Профессиональное сотрудничество выражается также в том, что и ветераны, и новички из числа зарубежных исследователей пользуются советами и консультациями опытных российских ученых, многие из которых заработали солидную репутацию еще до эпохи гласности. Например, Александр Кавтарадзе стал живым связующим звеном между РГВИА и Йельским университетом, где в течение 1990-х гг. при содействии Департамента истории и Программы международной безопасности непрерывно велись исследования в области русской и советской военной истории.

Значительным новшеством стало обращение исследовательского интереса к некоторым темам, доселе табуированным — например, к истории военной разведки. В 1998 г. Михаил Алексеев издал первые два тома предполагавшейся многотомной истории русской военной разведки от Рюрика до начала Великой Отечественной войны[67]. В этом труде он ссылается на редкие и ныне ставшие доступными архивные материалы, относящиеся к этой теме, долгое время остававшейся без внимания. Основными конкурентами Алексеева стал коллектив авторов во главе с Е.М. Примаковым, бывшим главой разведки, а теперь и бывшим премьер-министром России. Они издали первые четыре тома из задуманной шеститомной серии о шпионаже — «Очерки истории Российской внешней разведки»[68]. Интересный сам

[65] Несколько примеров: Международная конференция по военным документам и истории Холодной войны 21—26 марта 1994 г. в Вашингтоне, совместно организованная Департаментом Министерства обороны и Центром военной истории при Армии США; Международная конференция по реформе царской армии 31 октября — 1 ноября 1997 г., совместно организованная Кеннановским институтом современных российских исследований, Смитсонианским институтом и Программой исследований международной безопасности при Йельском университете.

[66] Aleksandr A. Svechin, Strategy, ed. Kent D. Lee, introduction by A. A. Kokoshin, V. V. Larionov, Vladimir N. Lobov, and Jacob W. Kipp (Minneapolis: East View Publications, 1991).

[67] Алексеев Михаил. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 1—2. М.: Издательский дом «Русская разведка», ИИА «Евразия+», 1998.

[68] Очерки истории российской внешней разведки / Под ред. Е.М. Примакова. Т. 1—4. М.: «Международные отношения», с 1995, серия продолжается.

по себе, этот сборник все же более фрагментарен в выборе тем, чем работа Алексеева, и в отличие от последней, источники его авторов остаются по большей части тайной. Вдобавок официально санкционированная (и незавершенная) документальная серия об органах государственной безопасности во время Великий Отечественной войны лишь прибавляет убежденности в том, что советская разведка проявляла высокий уровень компетентности, но сейчас не спешит с драматическими откровениями[69]. Многие пробелы заполняются благодаря различным полуофициальным и неофициальным изданиям, в число которых входят мемуарные источники и документы, извлеченные из российских военных архивов[70]. Кроме того, в последнее время к истории разведки значительный интерес проявляет академическая наука, добившаяся впечатляющих предварительных результатов как по дореволюционной, так и по советской эпохам[71]. Хотя общий поток исследований порой имеет неровное качество и не отличается большим объемом, в областях, связанных с разведкой, наука далеко продвинулась по сравнению с ситуацией 1991 г.

Любой разговор об этой прежде табуированной теме будет неполным без упоминания о Викторе Бортневском. До своей безвременной смерти в 1996 г. Бортневский мог похвастаться внушительным количеством публикаций на различные военные темы, включая белую разведку во время гражданской войны в России и русскую военную эмиграцию. Он являлся организатором издания «Русское прошлое» — важного источника по Белому движению, — и без устали искал в российских архивах новые и важные материалы по военной истории России, многие из которых опубликовал[72]. О прогрессе, достигнутом за последнее десятилетие, можно судить по тому факту, что инициативы Бортневского получили

[69] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 1 в 2 кн. М.: «Книга и бизнес», с 1995, серия продолжается.

[70] Новобранец В. Накануне войны // Знамя. 1990. № 6. С. 165—188; О чем докладывала военная разведка / Под ред. Л. Двойных и Н. Тарховой // Наука и жизнь. 1995. № 3. С. 2—11; Судоплатов П. Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М.: ТОО «Гея», 1996; Солдаты невидимого фронта / Под ред. А.П. Коваленко. М.: МОФ «Победа 1945 года», 1994.

[71] См. например: Авдеев А.В. Разведывательная миссия в Турции // Военно-исторический журнал. 1995. № 4. С. 68—77; Позняков В.В. Профессионалы и добровольцы: Советские разведывательные службы в Соединенных Штатах (1921—1945) // Американский ежегодник, 1998. М.: «Наука», 1999. С. 194—224; Павлов А.Г. Военная разведка СССР в 1941—1945 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 2. С. 26—40; David Schimmelpenninck van der Oye, «Tsarist Military Intelligence and the Younghusband Expedition of 1904», in Jennifer Siegel and Peter Jackson, eds., Intelligence and International Politics from the Civil War to the Cold War (Westport, Conn.: Greenwood Press, forthcoming in 2001); Akashi Motojiro, Rakka ryusui: Colonel Akashi's Report on His Secret Cooperation with the Russian Revolutionary Parties during the Russo-Japanese War, tr. Inaba Chiharu, ed. Olavi K. Falt and Antti Kujala (Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1988).

[72] См. биографический очерк А.В. Таращука «Виктор Бортневский: Очерк творческой биографии» и «Перечень публикаций В.Г. Бортневского» в сб.: Русское Прошлое. Кн. 7. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996. С. 5—11 и 12—20 соответственно. О сфере интересов Бортневского можно судить по таким публикациям, как: Дневник Павла Пущина (1812—1814) / Составитель В.Г. Бортневский. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1987; или: Бортневский В. Загадка смерти генерала Врангеля: Неизвестные материалы по истории русской эмиграции 1920-х годов. СПб.: «Новый часовой», 1996.

невероятный резонанс в продолжающейся серии документов о русской военной эмиграции, совместно издаваемой Институтом военной истории и органами внутренней и внешней разведки Российской Федерации[73].

Перефразируя слова экс-президента Буша после победы в Персидском заливе, зададимся вопросом: почему же, несмотря на все достижения 1990-х гг., военные историки не ощущают эйфории? Ответ следует искать в том, что лишь некоторые из достижений действительно являются таковыми, в то время как другие — эфемерны или неполны. Как недавно заметил в частном разговоре один русский коллега, «У нас по-прежнему нет приличной истории Гражданской войны, Великой Отечественной войны, истории советского участия в испанской гражданской войне, а публикация источников ничем не поможет ситуации». Для него 1990-е гг. были полупотерянными. И все же нет сомнений, что в последнее десятилетие исследователи пользовались более широким доступом к разнообразным материалам, чем до 1991 г. В то же время, на повестке дня стоят животрепещущие вопросы, порождаемые целым рядом фундаментальных проблем: от институционального благополучия российских архивов до проблемы прямого и косвенного доступа к ним, а также общей политической неуверенности. Поначалу, но главным образом после 1995 г., архивы пострадали от увольнений персонала, неразберихи, вызванной изменением организационных и иерархических структур, и резкого сокращения финансирования. Даже в пору «расцвета» в начале 1990-х гг. историки регулярно сталкивались с гибелью фондов, закрытыми читальными залами, и сложностями с копированием. Более того, к 1995 г. Российское архивное управление начало утверждать свою власть над комплексом многообразных организаций, находящихся под его юрисдикцией, что порой приводило к затруднению доступа в архивы для отдельных лиц и крупномасштабной совместной работы со сторонними организациями. Кроме того, некоторые историки обвинялись в использовании «политики личных связей» для получения доступа к документам, закрытым для широкой публики.

Эти и аналогичные заявления приводят нас к пониманию того, какое важное место занимает политика в вопросе организации доступа к архивам. Генерал Волкогонов с самого начала понимал, что пристальное изучение личности Сталина и природы советской победы в Великой Отечественной войне порождает глубокие сомнения в законности власти коммунистических наследников[74]. Учитывая политическую неопределенность после 1991 г., неудивительно, что вскоре появились механизмы, затрудняющие доступ к архивам либо путем его ограничения, либо путем создания буферных организаций, либо просто путем отпугивания исследователей. Нездорового интереса к дореволюционному наследию никто не выражал, поэтому военная история царской России взошла на бруствер и медленно пробирается через проволоку. То же самое верно для больших периодов советской межвоенной истории, хотя и здесь движение иногда тормозится случайными разрывами и отсутстви-

[73] Русская военная эмиграция 20-х—40-х годов: Документы и материалы / Под ред. В. А. Золотарева, Я.Ф. Погоднего и др. Т. 1. кн. 1—2. М.: «Гея», 1998. Серия продолжается.
[74] Волкогонов Д. 22 июня 1941 года // Знамя. 1991. № 6. С. 15.

ем прогресса. Однако исследования 1941 г. и войны Сталина против Гитлера на каждом шагу тормозятся ограничениями и непрямым доступом к архивным материалам. В более общем плане абсолютно провальной в последнем десятилетии оказалась военная история Холодной войны: вся она за немногими исключениями полегла на поле боя. Лишь избранные аспекты Корейской войны, Карибского кризиса и Берлинского кризиса 1961 г. получили значительное освещение в трудах русских военных архивов[75]. Этот пробел отчасти объясняется ограничениями, установленными из политических соображений, но также недостатком интереса и нерегулярным финансированием со стороны западных организаций. Разумеется, в этой области мог бы наблюдаться значительный прогресс в отсутствие названных и иных препятствий, тем более в связи с расширением научного сообщества, интересующегося темами войны и взаимоотношений армии и общества.

Пусть понимания этого обстоятельства недостаточно, чтобы притушить эйфорию, но исследователям русской и советской военной истории с тыла грозят и другие опасности, начиная от безразличного, а порой негативного отношения ко всему, связанному с армией, и кончая распылением или нехваткой средств на исследования и отсутствием внимания со стороны читающей публики. В ответ на первые две угрозы, а также на проблему доступа к материалам, исследователям в худшем случае остается исполнять, хотя бы молчаливо, старый призыв Киплинга: довериться удаче и идти вперед, как солдаты. Этот подход при всех его недостатках позволял прежнему поколению историков добиваться больших или меньших успехов. Что же касается привлечения внимания публики, — этой бунтарской формы борьбы с превратностями исторической дисциплины как таковой, то Фуллер и Городецкий высказали верную мысль[76]. Цель — в том, чтобы наносить удар за ударом.

[75] Историки Холодной войны имеют собственное периодическое издание, Journal of Cold War Studies, и получают поддержку от Международного проекта по истории Холодной войны (Cold War International History Project), который издает собственный Бюллетень при Международном исследовательском центре Вудро Вильсона в Смитсонианском институте. О военных аспектах Холодной войны см., например: Raymond L. Garthoff, «New Evidence on the Cuban Missile Crisis», Cold War International History Project Bulletin, 11 (Winter 1998), 251—62; Bruce W. Menning, «The Berlin Crisis from the Perspective of the Soviet General Staff», in Epley, ed., International Cold War Records and History, 49—62, русский перевод: Меннинг Б. События Берлинского кризиса с точки зрения советского Генерального штаба // США. 1994. № 10. С. 115—122, рецензия: Ларионова В. В. О статье Б. Меннинга // Там же. С. 122—124; Norman M. Naimark, The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945—1949 (Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1995).

[76] См. Michael Goldberg, «Adventures in Publishing: Writing Scholarly History for a General Audience», Perspectives, 33: 8 (November 1995), 1, 8—10, 12.

Российские представления о китайской демографической экспансии

Введение

Поскольку внешняя политика страны формируется не только внешним, но и внутренним контекстом, то представления[1] творцов политики, несомненно, имеют ключевое значение если не для последствий этой политики, то хотя бы для хода политических дискуссий. Это особенно характерно в случае китайской политики России, поскольку противоречивость представлений внешнеполитической элиты о Китае зачастую приводит к колебаниям в российско-китайских отношениях[2]. Особенно заметной проблемой стала китайская демографическая экспансия, в первую очередь на российском Дальнем Востоке (РДВ), которая в одинаковой степени тревожит и региональных, и федеральных политиков, угрожая подорвать отношения между двумя странами на более высоком уровне. Эта проблема также показательна в том смысле, что она отражает произошедший после Холодной войны поворот от «жестких» проблем безопасности к «мягким» — связанным с социально-экономическими приоритетами[3].

Представления о китайской демографической экспансии («китаизации»)[4], распространенные на всех уровнях российской элиты и, безусловно, среди простых граждан, в обоих случаях отчасти основываются на реальности и обостряются российской «синофобией». На последнюю несомненно влияют культурно-

[1] В противоположность более широким концепциям, таким, как «образ», которые бы использовались для описания мысленной картины Китая, сложившейся в сознании индивидуальных или коллективных творцов политики, термин «представление» применяется в более специфическом смысле, связанном с конкретной проблемой.

[2] См., например, Voskressenski A. D., «The Perceptions of China by Russia's Foreign Policy Elite», Issues and Studies, 33 (3), 1997, 1—20; A. Lukin, Perceptions of China Threat in Russia and Russian-Chinese Relations. International Conference «China threat perceptions from Different Countries» (Hong Kong, 2001); Lukin A., «Russia's Image of China and Russian-Chinese Relations», CNAPS Working Paper, Center for NorthEast Asian Policy Studies (2001).

[3] См. Webber M. and Smith M., eds., Foreign Policy in a Transformed World. (Essex, Prentice Hall, 2002), chap. 1 and 2.

[4] Здесь мы определяем их как совокупность представлений и о легальной, и о нелегальной китайской миграции.

исторические факторы, причем это влияние резко усилилось в эпоху советско-китайских трений. «Реальность» складывается из двух обстоятельств. Во-первых, чрезвычайно велик демографический дисбаланс между РДВ и северо-восточными провинциями Китая. В 1999 г. население регионов РДВ, граничащих с Китаем, составляло около 5 млн. человек, а с китайской стороны — 100 миллионов. В наиболее плотнонаселенном Приморском крае плотность населения составляла 13,5 человек на квадратный километр, а в прилегающих районах Китая — 130[5]. К выводу о неизбежном росте китайской миграции нас приводят дополнительные факторы. Во-первых, в России, особенно в РДВ, ухудшается демографическая ситуация. Население региона достигло максимума в 1991 г., составив 8057 тыс. человек. К 1998 г. оно уменьшилось, составляя уже только 7,5 млн. человек[6]. Во-вторых, ни одна группа потенциальных иммигрантов в Россию не сравнима по своим размерам с китайцами. Попытки вернуть на родину этнических русских из стран СНГ были безуспешными, поскольку число репатриантов оказалось недостаточным и большинство предпочитало селиться в Европейской России[7]. Несмотря на это, российские политики и правительство по-прежнему видят в такой политике панацею от демографических проблем.

Вторым обстоятельством является то, что китайцы *действительно* мигрируют в Россию, хотя цифры, которыми оперируют националистически настроенные и региональные политики, а также сенсационные газетные публикации, зачастую чрезмерно завышены: оценки варьируются от 20 тыс. до 2 млн. Как отмечает научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН (ИДВ РАН) Ломанов, самые малые цифры приводят официальные политики, а самые большие фигурируют в журналистике и алармистских политических заявлениях. Наиболее реальные цифры, лежащие посередине, называют исследователи, работающие либо в государственных учреждениях, либо в независимых иностранных исследовательских центрах[8]. Представителем обоих типов является профессор Гельбрас. Согласно его исследованию 1999 г., численность китайцев, проживавших в Приморском и Хабаровском краях, в каждом крае не превышала 20 тыс.[9] Кроме того, Гельбрас выяснил, что большая часть китайс-

[5] Vitkovskaya G., «Does Chinese Migration Endanger Russian Security?», Moscow Carnegie Centre Briefing Papers, 8, 1999.

[6] Эти цифры Госкомстата РФ цитируются в S. W. Carnett, ed., Rapprochement or Rivalry?: Russia-China Relations in a Changing Asia. (Washington D. C., Brookings Institution Press, Carnegie Endowment for International Peace, 2000), ch. 8.

[7] По данным Московского Центра Карнеги, потери вследствие внутренней иммиграции с Дальнего Востока лишь частично восполнены иммиграцией этнических русских и корейцев из других стран СНГ — примерно на 30 процентов. См. Ibid., ch. 12.

[8] Lomanov A., On the Periphery of the «Clash of Civilisations»: Discourse and Geopolitics in Russian-Chinese Relations. http://cio.ceu.hu/courses/CIO/modules/Module06Lomanov/18.02.2003.

[9] Cel'bras V. G., Chinese Migration to the Russian Far East: A View from Moscow. Human Flows Across National Borders in Northeast Asia, UN University, Tokyo, The Centre for East Asian Studies, Monterey Institute of International Studies (2002), 140.

кой диаспоры в России расположена в Москве и Петербурге, а не на Дальнем Востоке [10].

Кроме того, российские представления о китайской экспансии неразрывно связаны с ухудшением социально-экономического положения в РДВ на фоне бурного экономического роста в Китае и в меньшей степени — роста его военной мощи. В первую очередь это относится к представлениям жителей РДВ, которые имеют возможность непосредственно сравнивать соседние китайские поселения со своими городами с характерными для них острыми экономическими и энергетическими проблемами. Подозрительное отношение к китайским мигрантам складывается также под влиянием представлений о росте преступности, который связывается с нелегальными иммиграцией и переходом границ. Более того, растущее у жителей РДВ чувство, что Москва забыла о них, используется местными политиками, чтобы переложить вину за их несчастья на московских политиков и тем самым обеспечить себе политическую поддержку. В этой связи часто эксплуатируется и угроза китайской экспансии. Такие трения между центром и регионами проявляются в большинстве дискуссий о демографической экспансии и приводят к сплочению тех представителей региональных и федеральной элит, которым свойственны одинаковые представления. Более того, озабоченность китайской демографической экспансией часто наблюдается и у российских военных: в некотором смысле она сменила у них существенно ослабевшую боязнь китайской военной угрозы. Однако, поскольку между лицами, обладающими властью на федеральном и региональном уровнях, существует консенсус в поддержании стратегического партнерства с Китаем, дискуссии по проблеме демографической угрозы и соответствующую потенциальную политику приходится проводить осторожно, чтобы не оскорбить Китай. Официально Пекин отвечает взаимностью на такой подход, изо всех сил стараясь ограничить число нелегальных иммигрантов в Россию, чтобы не подорвать сближение с Москвой.

Взгляд из Москвы

Политическая и научная элита сходится в том, что демографические проблемы РДВ существуют реально, обладая большой остротой, и что в этом регионе имеется реальная возможность демографического дисбаланса в пользу китайцев — хотя в настоящее время их численность еще не дает оснований для тревоги. Однако, дискуссии развертываются вокруг вопроса, представляет ли эта ситуация и потенциальный демографический дисбаланс проблему и угрозу для России, или же трудовая иммиграция благодаря тщательно продуманной иммиграционной политике может принести России выгоду. Для этих дискуссий характерны также разногласия относительно того, кого элита считает ответственным за создавшую-

[10] Ibid. См. также Гельбрас В. Г. Китайская реальность России. М.: Издательский дом «Муравей», 2001.

ся проблему — Китай или саму Россию, не уделяющую должного внимания свое-
му Дальнему Востоку.

«Официальные» представления

Признавая угрозу демографической экспансии, правительство старается приглушить страхи перед массовым вторжением китайцев. Советник Ельцина Эмиль Паин, цитируя цифры директора Института экономических исследований Дальневосточного отделения РАН Павла Минакира, разоблачал преувеличения прессы, которая отыскала в РДВ 2 млн. китайцев. Он подверг критике региональные власти, заявив, что те не имеют права разыгрывать «китайскую карту», в эгоистических интересах пугая население угрозой китайской экспансии и тем самым подрывая отношения России с Китаем. Паин также призвал к цивилизованной иммиграционной политике и контролю за численностью рабочих-иммигрантов, поскольку в них жизненно нуждается региональная экономика[11]. Похоже, что администрации и Ельцина, и Путина следуют этому подходу на словах, но не на деле, не желая формулировать иммиграционную политику, которая бы способствовала наплыву китайских рабочих. Однако, Путин — в противоположность Ельцину, который перед выборами обещал увеличить федеральную помощь, а будучи выбран, сразу же забыл об этой проблеме — по-видимому, более решительно настроен решать проблемы РДВ, привлекая обширные дальневосточные ресурсы для подъема региональной экономики. В своем ежегодном обращении к стране в 2000 г. Путин назвал существующие демографические тенденции главной угрозой для России[12]; обеспокоенность ситуацией в РДВ особенно сильно прозвучала в речи Путина в Благовещенске. Путин заявил, что под вопрос поставлено само существование этого региона в составе России: «Если в ближайшее время мы не предпримем реальных усилий, то тогда даже исконно русское население через несколько десятилетий будет говорить в основном на японском, китайском, корейском языках»[13]. Полномочный представитель Путина в Дальневосточном федеральном округе Константин Пуликовский разделяет эти опасения. В интервью «Российской газете» он утверждает, что миллиард китайцев по другую сторону дальневосточной границы «с вожделением смотрит на благодатную, богатую, хорошую землю. Если великой России нужен Дальний Восток, мы должны думать о его защите, о развитии этого региона»[14].

В книге «Стратегии для России», которая издана влиятельным Советом по внешней и оборонной политике (СВОП) — независимым мозговым центром, близким к официальным политическим кругам, — развитию РДВ посвящен

[11] Российские вести, май 1997, FBIS-SOV-97-093.
[12] RFE/RL 31. 07. 2000, vol. 1, no. 2.
[13] ИТАР-ТАСС, июль 2000, FBIS-SOV-2000-0721.
[14] Российская газета, 15 июля 2000.

специальный раздел, в котором, похоже, отражается возрастающее желание Кремля развивать этот регион, но, что существенно, признается и необходимость привлечения иностранной рабочей силы. Совет констатирует, что «угроза китайской экспансии объективно существует, но также объективно существует и необходимость китайской иммиграции в Россию». Безусловно, «вопрос должен быть не в том "как предотвратить", а в том, "как организовать" китайскую иммиграцию и наладить совместное проживание переселенцев с российским населением»[15]. Однако, администрация Путина явно не стремится принимать это предложение, а напротив, склоняется к репатриации этнических русских.

Нынешний Совет безопасности во главе с Владимиром Рушайло также поддерживает позицию правительства и даже превосходит ее жесткостью. В Концепции национальной безопасности, принятой Советом в 2000 г., предупреждается об опасности, обусловленной «экономической, демографической и культурно-религиозной экспансией сопредельных государств на российскую территорию» — скрытое предупреждение о возможной китайской иммиграции на российские территории и их аннексии[16].

Таким образом, правящие круги все сильнее осознают нерасторжимую связь проблемы «демографической» безопасности РДВ с его экономической и демографической уязвимостью со стороны Китая. Это сочетается с растущей решимостью развивать Дальний Восток путем предоставления ему федеральной помощи[17], а также со стремлением к экономической интеграции с другими странами Азиатско-Тихоокеанского региона. И тем не менее, правительство по-прежнему не желает признавать, что для развития экономики региона необходима регулируемая крупномасштабная китайская иммиграция.

Дискуссии вокруг официальной позиции

Большинство исследователей разделяет взгляды СВОП и, в меньшей степени, правительства, что истоки демографической угрозы следует искать не в Китае, а в пренебрежительном отношении России к своим дальневосточным регионам и отсутствии четкой иммиграционной политики. Дмитрий Тренин, заместитель директора Московского Центра Карнеги, утверждает, например, что проблема коренится не в колоссальном демографическом превосходстве китайских провинций над РДВ, а «в непоследовательной или неэффективной иммиграционной политике российских властей». Поскольку «Россия в XXI веке может стать страной иммигрантов», она должна учиться на американском, канадском и австра-

[15] Караганов С. А., Арбатов А. Г. и др. Стратегии для России. Совет по внешней и оборонной политике. http://www.svop.ru/yuka/891.html, февраль 2003.

[16] FBIS-SOV-2001-1019.

[17] Министр экономики Герман Греф обозначил экономическое развитие РДВ как одну из приоритетных задач правительства на следующие три года: Российская газета, октябрь 2001, FBIS-SOV-2001-1024.

нийском опыте[18]. Заместитель директора ИДВ Портяков высказывается в том же духе, утверждая, что бороться с демографическим и экономическим упадком РДВ следует путем его «интернационализации»: «Дальнему Востоку надо стать менее русским по своему национальному составу»[19]. Такие видные китаисты, как Гельбрас, также выступают за четкую иммиграционную политику, основанную на реалиях миграций, а не на мифе о «желтой угрозе»[20]. Однако, есть и заметные исключения, такие, как старший научный сотрудник ИДВ Владимир Мясников, разделяющий крайне реакционные взгляды на китайскую иммиграцию и с подозрением относящийся к китайской позиции по пограничным проблемам, предупреждая, что Китай практикует «скрытый экспансионизм»[21]. Ряд специалистов по демографии также скептически относится к идее, будто китайские рабочие решат российские проблемы; так, профессор Ионцев задается вопросом: «Останется ли Россия Россией?»[22]

Среди законодателей мнения разделились, хотя в неприязни к иммиграционной политике, связанной с привлечением новых китайских мигрантов, депутаты, похоже, едины, за исключением, может быть, представителей таких либеральных партий, как «Яблоко». Например, нынешний председатель Совета Федерации Сергей Миронов выступает за развитие РДВ, чтобы предотвратить отток населения оттуда, но не считает китайскую иммиграцию средством для решения проблем региона[23]. Более реакционно настроенный думский Комитет по делам Федерации и региональной политике в своем послании в июне 2000 г. недвусмысленно предупреждал о китайской «скрытой экспансии» в Амурскую область[24]. Член Совета Федерации Назаров называет миграцию главной проблемой в российско-китайских отношениях и осуждает позицию Китая по вопросу о вступлении России в ВТО: Китай обещает поддержку России лишь в том случае, если она увеличит миграционные квоты[25].

Помимо представителей РДВ в Совете Федерации, главными сторонниками теории о китайской демографической угрозе являются члены ЛДПР. В 1994 г. Жириновский призвал ввести жесткие ограничения на использование китайской рабочей силы и ужесточить пограничный и визовый контроль, заявив: пусть китайцы «приходят, делают вашу работу, а потом убираются!»[26] Некоторые коммунисты — депутаты Думы также недвусмысленно предупреждают о китайской

[18] Trenin D., Russia's China Problem. (Moscow, Carnegie Moscow Center, 1999).

[19] Портяков В. Китайцы идут? Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России // Международная жизнь. 1996. № 2. С. 86.

[20] Интервью В. Гельбраса «Времени МН», октябрь 2001, FBIS-SOV-2001-1019.

[21] См. Lukin A., Perceptions of China Threat.

[22] «Russia's population decline spells trouble», Christian Science Monitor, 18. 04. 2002.

[23] ИТАР-ТАСС, Август 2002, FBIS-SOV—2002—0812.

[24] См. Lukin A., Perceptions...

[25] RFE/RL, 27. 08. 2002, vol. 3, no. 29.

[26] Цит. по Wishnick E., Mending Fences: The Evolution of Moscow's China Policy from Brezhnev to Yeltsin. (Seattle, University of Washington Press, 2001), 156.

экспансии. Например, Илюхин, бывший глава думского комитета по безопасности, утверждал, что эта угроза порождена разработанным Мао секретным планом по снижению перенаселенности Китая путем расселения китайцев в слабозаселенных областях России и их последующей аннексии[27]. Такие западники, как Гайдар, также подписываются под теорией о китайской демографической угрозе. Однако подобные реакционные взгляды маргинальны и вряд ли влияют на официальную позицию.

Российские СМИ нередко обращаются к теме китайской демографической угрозы. Например, в антизападном еженедельнике «Завтра» был опубликован доклад группы бывших сотрудников КГБ, утверждающих, что Китай представляет собой демографическую, экономическую и геополитическую угрозу, и в условиях растущего демографического дисбаланса в РДВ это может привести к межгосударственным конфликтам[28]. Известный либеральный журналист Отто Лацис предупреждает о «балканизации» РДВ, где китайцы могут начать сепаратистскую борьбу[29]. В обычно трезвой «Независимой газете» уравновешенный отчет о китайской демографической угрозе кончается тревожной нотой: «желтая волна» накрыла уже не только российский Дальний Восток, но и докатилась до западных рубежей нашей родины»[30]. Это представление отражается и в общественном мнении. Согласно опросу, проведенному в 2000 г. фондом «Общественное мнение», около 60% респондентов было встревожено наплывом китайских мигрантов в РДВ, и только 29% заявили, что им все равно. Более того, 57% считали, что рост численности китайцев может привести к отторжению территорий, и лишь 25% полагали, что такой опасности не существует[31].

Взгляды военных кругов

Взгляды высшего военного командования на Китай как на демографическую угрозу сдерживаются позицией правительства. О том, что такое совпадение представлений — вынужденное, можно судить, например, по заявлению бывшего первого заместителя начальника Генерального штаба Манилова в «Известиях» вскоре после его назначения в Совет Федерации как представителя от

[27] Илюхин не смог привести никаких доказательств в поддержку этих красочных заявлений, но добавил, что будучи коммунистом, считает вполне естественным развивать сотрудничество с Китаем, несмотря на его зловредные замыслы: «Communist Viktor Ilyukhin predicts Chinese colonization and third Chechen war», Prima News Agency, no. 169—1, January 2001 (internet version).

[28] «Intelligence Veterans outline Chinese threat to Russia», Russia Reform Monitor No. 865, August 28, 2001 (internet version).

[29] См. Lomanov A. Op. cit.

[30] Ваганов А. Да! Азиаты мы... // Независимая газета. 6 августа 2002.

[31] В опросе участвовало 1500 человек из 29 регионов России: ИТАР-ТАСС, ноябрь 2000, FBIS-CHI--2000—1117.

Приморского края, что он будет защищать край от внешних угроз, самая значительная из которых — «Китайская демографическая экспансия»[32]. Это противоречит позиции правительства, которую огласил министр обороны Иванов в своей речи в Чите: «если некоторое число этнических китайцев приедет в Россию, зарегистрируется, будет работать и платить налоги, в этом нет ничего страшного»; «если мы хотим, чтобы наша экономика развивалась, то несомненно должны привлекать рабочую силу»[33].

Проблема, однако, затрагивает не столько высшее командование российских вооруженных сил, сколько Федеральную пограничную службу (ФПС) и другие вооруженные формирования, расположенные в РДВ, в том числе и военизированные казачьи структуры. Они в первую очередь озабочены высоким уровнем нелегальной китайской иммиграции и прозрачностью границы, что укрепляет их представления о «ползучем китайском экспансионизме» — проблеме, внимание к которой росло в 1990-е гг. Это отразилось в замечаниях тогдашнего главы ФПС генерала Николаева. В 1993 г. он высказывался против сдерживающей пограничной политики в отношении Китая, мотивируя это тем, что Россия должна не отгораживаться от мира, а интегрироваться с ним[34]. Однако, в 1996 г. после увеличения числа нелегальных переходов границы и количества китайцев, приехавших в Россию по туристическим путевкам и незаконно оставшихся здесь, Николаев назвал китайскую нелегальную иммиграцию в числе важнейших проблем России и потребовал от китайских властей помощи в ее решении[35].

Растущая озабоченность отражается также в ужесточении репрессивных мер по отношению к нелегальным китайским иммигрантам в РДВ. По данным ФПС, в ходе операции «Иностранец» в 1996—1999 г. из России было выдворено 16758 китайцев[36]. В 1999 г. аналитики ФПС вычислили, что при сохранении существующих миграционных тенденций через 20 лет в Читинской и Амурской областях, Хабаровском и Приморском краях большинство населения составят китайцы, что приведет к дестабилизации региона и снижению влияния Москвы[37]. Нынешний глава ФПС генерал-полковник Тоцкий разделяет эту озабоченность, считая, что нелегальная иммиграция представляет «потенциальную угрозу стабильности в российских приграничных регионах», особенно в РДВ[38]. Негативные представления также в значительной мере под-

[32] Russia Reform Monitor, No. 859, August 1, 2001.
[33] Интерфакс, август 2002, FBIS-SOV—2002—0826.
[34] Интервью «Красной звезде», 17 ноября 1993. См. Wishnick, op. cit.
[35] Россию тревожит проблема незаконной китайской миграции // Красная Звезда. 17 июля 1996.
[36] «Up to 700,000 Illegal Chinese Emigrants live in Russia», Military News Agency, December 2000. Однако, в ходе этих кампаний так и не было доказано, что имели место крупномасштабные нарушения визового законодательства, о которых утверждали региональные власти и пресса.
[37] Музаев Т. Пограничные проблемы Российской Федерации. М., 1999. См. G. Bennett, «The Federal Border Guard Service», Conflict Studies Research Centre, Occasional Paper, March 2002 (C107).
[38] ITAR-TASS Weekly News, 29. 01. 1999.

крепляются фактами контрабанды и браконьерства с участием нелегальных иммигрантов[39].

Особенно громко выступают против китайской иммиграции дальневосточные казаки. Некоторые власти РДВ, например, Приморская дума, даже содействуют созданию военизированных казачьих поселений вдоль границы, чтобы поставить заслон китайскому экспансионизму[40]. Хотя отдельные казаки признают за китайцами право легального перехода границы, большинство из них высказывается даже против легальной экономической деятельности китайцев в РДВ. Например, глава Уссурийского казачьего войска в Приморье резко выступает против того, чтобы китайские торговцы компактно селились в Хасане, утверждая, что «"желтая угроза" растет... даже если мы будем убивать по миллиону китайцев в год, проблема все равно останется»[41].

Взгляды различных кругов РДВ

Для РДВ угроза демографической экспансии нерасторжимо связана с социально-экономическим и демографическим упадком региона; жители Дальнего Востока опасаются, что в результате «ползучего экспансионизма» будут потеряны территории с преобладающим китайским населением, которые де-факто отойдут к Китаю[42]. Хотя специалисты из научных институтов РДВ и Москвы указывают на экономическую необходимость рабочей силы, региональная элита и местные жители выступают против. На настроения последних влияют также негативные представления о китайцах, которые ассоциируются с преступностью, коррупцией, низким качеством товаров и подкрепляются сообщениями в СМИ о нелегальных иммигрантах, торговцах-«челноках» и контрабандистах[43]. Однако, возможность извлечения наживы порой создает экономические стимулы для более благоприятного взгляда на китайцев. Живущий в США специалист по китайской миграции в Россию Михаил Алексеев, исследуя ситуацию в Приморском крае, обнаружил, что представители гражданских властных структур, которым коррупция сулит наибольшие выгоды, более благожелатель-

[39] «Interview with Col-Gen Tarasenko head of the Pacific Branch of FPS», Defence & Security, DSE-No. 027, March 1999.

[40] «Primorye enlists Cossacks to patrol border», Vladivostok Novosti, July 1998.

[41] Цит. по Alexseev M. A., Are Chinese Migrants at risk in Primorskii Krai?: Monitoring Interethnic Relations with Opinion and Event Data, National Council for Eurasian and East European Research (NCEEER), 2000. Working Paper presented in New York.

[42] Например, согласно опросу, проведенному в сентябре 2000 г. в Приморском крае, 74% респондентов полагали, что Китай со временем аннексирует Приморский край или его отдельные части. Большинство (56%) считало, что это произойдет в результате повседневной, мирной деятельности этнических китайцев. См. Alexseev M., «The Chinese are Coming: Public Opinion and Threat Perception in the Russian Far East», Program on New Approaches to Russian Security Policy Memo Series, 184, 2001.

[43] Alexseev M. A., Chinese Migration in Primorskii krai: An Assessment of its scale, socio-economic impact and opportunities for corruption, NCEEER Working Paper, 1999.

по относятся к китайскому присутствию, чем военные и служащие — представители крупнейшего неэлитного сектора [44]. Более того, отношение к миграции различно в разных районах края, будучи связано со степенью их экономического взаимодействия с Китаем, уровнем снижения численности населения и перспективами трудовой конкуренции с китайскими мигрантами [45]. Этими же причинами обусловлено и различие мнений в разных регионах РДВ. Таким образом, важно иметь в виду, что представления жителей РДВ не обладают однородностью ни в географическом, ни в социальном плане. Хотя мы рассмотрим в первую очередь региональную элиту, ее риторика и позиция часто исходит из настроений общественности. Дальнейший анализ коснется двух тем, вызывающих наибольшее беспокойство — легальной (рабочие и торговцы) и нелегальной миграции.

Китайские рабочие и торговцы

Массовый наплыв китайских мигрантов и торговцев после открытия границы в начале 1990-х гг. задал тональность последующих дискуссий о китайской иммиграции и оживил старые опасения, что китайцы будут преобладать в населении РДВ [46]. Среди проживающих на Дальнем Востоке россиян распространена идея о том, что китайцы пользуются царящим в регионе административным хаосом, чтобы эксплуатировать и выкачивать природные ресурсы региона, такие, как лес, металл и рыба [47]. Также широко распространено мнение, что китайцы планируют селиться в регионе, покупая здесь землю и частную собственность. Отчасти реагируя на эти опасения, а отчасти в рамках более широкой политической борьбы с Москвой, региональные лидеры заставили Москву ужесточить пограничный контроль и отменить в январе 1994 г. безвизовый режим для торговцев. Это, однако, привело к резкому упадку как приграничной торговли, так и торговли вообще [48], и тем самым стала очевидной большая экономическая зависимость региона от Китая и его торговцев-«челноков». Соответственно изменились и представления жителей региона о китайских мигрантах.

Хотя региональные власти признают, что российскому Дальнему Востоку жизненно необходимо интегрироваться в Азиатско-Тихоокеанский регион, они

[44] Alexseev M. A., Are Chinese Migrants at risk in Primorskii Krai?

[45] Alexseev M. A., Chinese Migration in Primorskii krai.

[46] Тем не менее число китайцев, ныне проживающих в РДВ, значительно меньше, чем до сталинских чисток в этом регионе в 1937 г.

[47] Lukin A., «The Image of China in Russian Border Regions», Asian Survey, 38 (9), 1998, p. 821—835.

[48] В целом торговля в 1994 г. сократилась примерно на 30 процентов по сравнению с 1993 г. Хотя это отчасти объясняется визовыми ограничениями, свою роль сыграло и уменьшение спроса на традиционные российские экспортные товары в Китае и растущие требования россиян к качеству потребительских товаров. Влияние на региональную торговлю было различным: сильнее всего пострадала Амурская область, на 92% зависящая в своей внешней торговле от Китая; здесь в 1994 г. торговля сократилась на 64%: Wishnick E., «Russia in Asia and Asians in Russia», SAIS Review, 20 (1), 2000, 87—101.

не готовы примириться с социальными, экономическими и политическими последствиями крупномасштабного привлечения азиатской, особенно китайской, рабочей силы, требующегося для достижения этой цели. Более того, несмотря на то, что китайские торговцы обеспечивают регион необходимыми дешевыми потребительскими товарами и продовольствием, региональные власти и жители не хотят оказаться в зависимости от Китая. И хотя китайские мигранты обычно заняты в строительстве и сельском хозяйстве — сферах, уже испытывающих нехватку рабочей силы [49], — россияне не желают конкуренции со стороны китайцев [50]. Согласно исследованию Алексеева, ошибочная связь между высокой безработицей и наплывом китайских рабочих способствует созданию в регионе негативных представлений о последних [51]. Тем не менее, по мнению некоторых региональных политиков и предпринимателей, брать на работу китайцев все же предпочтительнее, чем русских, так как первые считаются менее требовательными, довольствующимися более низкой заработной платой и при этом более трудолюбивыми и дисциплинированными [52].

Среди лидеров и жителей РДВ сильнее всего настроены против китайской иммиграции, в том числе и трудовой, представители Хабаровского и Приморского краев; именно они возглавляли антикитайскую кампанию в середине 1990-х гг. При введении визового режима в 1994 г. важнейшую роль сыграли губернаторы Ишаев (Хабаровск) и Наздратенко (Приморье), предупреждавшие «о скрытой китайской экспансии в РДВ» [53]. В январе 1997 г. администрация Приморского края опубликовала документ, в котором утверждалось, что РДВ всегда служил объектом для международной экспансии соседних государств, особенно Китая, поскольку демографические и экологические проблемы этой страны постоянно вынуждали китайское население уходить на свободные «северные земли», на что Пекин дал официальную санкцию [54]. Кроме того, администрация Наздратенко содействовала изданию скандально известной книги «Желтая опасность» — сборника исторических документов царского времени, предупреждавших Москву о наплыве китайцев, японцев и корейцев в

[49] Например, в 1993 г. в Хабаровске насчитывалось более 1000 вакансий в строительной отрасли и несколько сотен — в сельском хозяйстве: W. B. Kim, «Sino-Russian Relations and Chinese Workers in the Russian Far East: A Porous Border», Asian Survey, 34(12), 1994, 1064—1076.

[50] Wishnick E., «Russia in Asia and Asians in Russia».

[51] Alexseev M., «The «Yellow Peril» Revisited: The Impact of Chinese Migration in Primorskii Krai», Program on New Approaches to Russian Security Policy Memo Series (94), 1999. Гельбрас показывает соотношение между высоким уровнем привлечения иностранной рабочей силы и низким уровнем безработицы в различных частях Приморья, делая вывод, что привлечение иностранной рабочей силы создает рабочие места и для русских: Gel'bras, Chinese Migration to the Russian Far East, 149.

[52] Shlapentokh V., «Russia, China, and the Far East: Old Geopolitics or a new Peaceful Cooperation?», Communist and Post-Communist Studies, 28(3), 1995, 307—318; Kim, «Sino-Russian Relations and Chinese Workers in the Russian Far East».

[53] Lukin A., Perceptions...

[54] Политика КНР в отношении России на Дальнем Востоке. См. Ibid.

РДВ[55] и служащих напоминанием современной Москве, что такая угроза по-прежнему существует. Однако умеренные исследователи, например Павел Минакир, критикуют жесткую антииммиграционную политику региональных властей, которая серьезно подрывает экономическое развитие региона из-за нехватки китайских инвестиций и рабочей силы[56]. Коллега Минакира, Екатерина Мотрич, отвергает тезис о «желтой угрозе» как несерьезный — вследствие небольшого числа китайцев, постоянно проживающих в РДВ — и идущий вразрез с долговременными интересами России[57].

Тем не менее, несмотря на антикитайские настроения, численность китайских рабочих-контрактников в обоих регионах весьма высока. В 1995 г. Приморский край даже стал лидером по выдаче лицензий на привлечение китайских рабочих, число которых достигло 8349[58]. К 1997 г. отношение местной элиты и населения Приморья к китайской иммиграции, похоже, несколько изменилось благодаря укреплению экономических связей. Например, лидеры Уссурийска резко протестовали против попыток региональной администрации принять жесткие меры к китайским торговцам-челнокам, поскольку у Уссурийска налажены мощные экономические связи с Китаем[59]. Похоже, сам Наздратенко сменил свою позицию, заявив, что его регион «наиболее открыт для Китая», поскольку имеет наибольшее число точек соприкосновения с последним[60].

С другой стороны, губернатор Ишаев в 1998 г. недолго занимал прокитайскую позицию. Публично огласив свою концепцию развития региона по «китайскому варианту», он предпринял шаги, содействующие легальному пребыванию и занятости китайцев в крае, чтобы использовать их интеллектуальный потенциал и рабочую силу для развития хабаровской экономики[61]. Однако, обеспокоенность по поводу спорных островов[62] заставила его вернуться к антикитайским взглядам. В 2003 г. губернатор опять утверждал, что Китай ведет политику активной экспансии, увязанную с территориальными претензиями.

[55] Желтая опасность / Сост. Б. Дьяченко. 1996. См. Ibid.

[56] Minakir P. A., «Chinese Immigration in the Russian Far East: Regional, National, and International Dimensions», in Cooperation and Conflict in the Former Soviet Union: Implications for Migration. J. A. Azrael, E. A. Payin, K. F. McCarthy and C. Vernez (eds), (Santa Monica, California, RAND, 1996).

[57] Motrich E., «Demographic Potential and Chinese Presence in the Russian Far East», Far Eastern Affairs, 1, 2002, 67—78.

[58] Владивостокское время. Февраль 1996. См. Lukin A., The Bear watches the Dragon: China's Image and Russian-Chinese Relations (2003, forthcoming).

[59] Iwashita A., «The Influence of Local Russian Initiatives on Relations with China: Border demarcation and Regional Partnership», Acta Slavica Iaponica, 19, 2002, 1—18.

[60] Ibid.

[61] Ibid.

[62] После заключенного в ноябре 1997 г. соглашения о демаркации границы принадлежность двух островов в Хабаровском крае (Тарабаров и Большой Уссурийский) осталась невыясненной.

Так, он призывал администрацию Путина к переоценке «стратегии отношений с Китаем»[63].

Другой фактор, обусловивший смену мнений в Хабаровском и Приморском краях — интенсивность контактов между русскими и китайцами. Вишник утверждает, что многочисленные негативные материалы в СМИ о китайских рабочих в Приморье в середине 1990-х гг. обязаны своим появлением тому факту, что в этом регионе находится больше всего китайцев, занятых на строительстве в крупных городах. О китайцах в Хабаровске местная пресса отзывается реже и более благоприятно, поскольку большинство из них заняты в сельском хозяйстве и живут в отдаленных поселениях[64].

Что касается политических лидеров и обитателей Амурской области, то визовые меры 1994 г. непосредственно затронули их благосостояние, так как внешняя торговля области ориентирована почти исключительно на Китай. Поэтому здесь наблюдается менее негативное отношение к китайской экспансии, чем в Приморском и Хабаровском краях. Например, на пике антикитайской риторики в середине 1990-х гг. губернатор Амурской области Дьяченко утверждал, что страхи перед китайской колонизацией ни на чем не основаны[65]. Тем не менее, поскольку население Амурской области гораздо меньше, чем в Приморском и Хабаровском краях, опасения перед преобладанием китайцев продолжают существовать, как видно по раздающимся в СМИ постоянным призывам к более жесткому иммиграционному контролю[66]. Более того, крупнейший город области Благовещенск, переживая экономический спад, резко контрастирует со своими китайскими соседями, что вызывает еще большее возмущение. И все же если Амурская область хочет процветать, ей не обойтись без китайского капитала и людских ресурсов, что создает дилемму для региональных властей.

Напротив, читинские лидеры и жители менее остро ощущают угрозу китайской иммиграции, чем население других регионов[67]. В противоположность другим крупным городам региона, в Чите имеется множество слабо контролируемых китайских базаров. Однако к 1997 г. тревоги по поводу китайских иммигрантов усилились и местное законодательное собрание решило ввести более жесткие правила для иностранцев[68].

[63] RFE/RL, 28. 01. 2003, vol. 4, no. 4.

[64] Wishnick E., Mending Fences, 167. Гельбрас также усматривает аналогичную связь между интенсивностью и частотой контактов и негативным взглядом на китайцев, живущих среди русских: см. Гельбрас. Китайская реальность России.

[65] Интервью «Известиям», март 1995. См. Wishnick E., Mending Fences.

[66] Iwashita A., «The Influence of Local Russian Initiatives on Relations with China».

[67] Китай не выдвигает претензий на территории Читинской области, поскольку та вошла в состав России по «законному» Нерчинскому договору 1689 г., и таким образом Чита, уверенная в своей территориальной целостности и законности границ, не так сильно обеспокоена китайской экспансией. См. ibid.

[68] Lukin A., The Bear watches the Dragon.

Хотя Китай отрицает, что активно пытается вернуть утраченные территории путем демографической экспансии, он поощряет экспорт китайской рабочей силы в РДВ, усматривая в этом один из важнейших плюсов открытия границы с Россией[69]. Цу Вей, президент Хэйлунцзянской академии социальных наук, в своей речи в Новосибирске подтвердил эту точку зрения, предложив российскому правительству проводить политику привлечения китайских рабочих и формировать благоприятствующее им общественное мнение[70]. Такие взгляды китайского руководства обусловлены экономическим диспаритетом между северо-восточным Китаем и его центральными и прибрежными регионами. Упадок государственных предприятий на северо-востоке обострил проблемы с занятостью, из-за чего приобрела популярность идея, что Россия может оказаться прибежищем для избыточной рабочей силы региона[71]. Таким образом, социально-экономические проблемы Китая непосредственно влияют на Россию в форме массовой миграции, и поэтому московская и дальневосточная элиты глубоко заинтересованы в стабильности и процветании Китая. Однако, для стабильности в северо-восточном Китае необходимо, чтобы РДВ открыл свои торговые рынки и рынки труда — только таким образом регион сможет предотвратить более масштабный наплыв китайских иммигрантов. Но приезд рабочих из Китая и других азиатских стран на постоянное место жительства неприемлем для властей и жителей РДВ. Более приемлема временная миграция с какими-то гарантиями возвращения иммигрантов на родину, например, путем привлечения иммигрантов на конкретные объекты[72]. В таких представлениях отражается главное опасение жителей РДВ — что китайские легальные мигранты превратятся в «нелегальных».

Нелегальная иммиграция

В отличие от легальных мигрантов, рабочих и торговцев, нелегальная иммиграция вызывает серьезную озабоченность на всех территориях РДВ[73], а также у московских и пекинских властей, которые разделяют желание ограничить ее численность. Эта проблема вызывает резкие споры и весьма характерна для распространенных в РДВ опасений о «желтой угрозе» в целом. Установлено, что местные СМИ и власти нередко преувеличивают численность китайских нелегальных иммигрантов[74]. Тем не менее, масштабы нелегальной иммиграции представляют собой не единственную проблему, поскольку неле-

[69] Bradshaw M. J., Ed., The Russian Far East and Pacific Asia: Unfulfilled Potential, (Surrey, Curzon Press, 2001), 197.

[70] «Chinese-Russian Regional Cooperation», Far Eastern Affairs, November 2001, No. 6., pp. 32—42.

[71] Wishnick E., «Russia and China: Brothers Again?», Asian Survey, 41 (5), 2001, 797—821.

[72] Kim W. B. «Sino-Russian Relations and Chinese Workers in the Russian Far East».

[73] Хотя реакция Читинской области опять же более трезва и предсказуема, чем в других регионах.

[74] См. Vitkovskaia G. Op. cit. Российская визовая политика, требующая регистрации по месту жительства, и незаконные репрессивные формы контроля за регистрацией нередко толкают

гальная иммиграция и переход границ способствуют росту криминальной активности[75], такой как подделка паспортов и удостоверений личности, коррупция, наркоторговля, воровство и контрабанда природных ресурсов и редких животных. Как отметил мэр Хабаровска Филиппов, «нелегальные иммигранты вызывают у нас больше всего беспокойства из-за того, что именно среди этих людей находятся многие криминальные элементы»[76]. Серьезно тревожит местных жителей также опасность занесения из Китая болезней, с чем гораздо труднее бороться в случае нелегальных переходов границы[77]. Все больше подозрений вызывают и торговцы-челноки — их товары нередко являются контрабандными и низкокачественными, но обмениваются на ценное российское сырье[78].

Нелегальные торговцы приезжают в Россию главным образом по туристическим визам и остаются здесь после того, как срок действия виз истекает. Поэтому был установлен более жесткий контроль за турфирмами — теперь они отвечают за то, чтобы все туристы вернулись на родину. Владивостокская администрация отмечает в своем докладе 1996 года: «мировой опыт демонстрирует, что создание китайских колоний... всегда сопровождалось ростом преступности» и призывает российское правительство остановить «тихую китайскую экспансию», хотя и признает, что китайские власти сотрудничают в борьбе с нелегальной иммиграцией[79]. В этом докладе отражается дилемма, стоящая перед властями обеих стран, которые зачастую не могут контролировать людской поток через прозрачную границу, не ухудшая своих представлений друг о друге. Однако, благодаря более активному сотрудничеству обеих сторон число нелегальных иммигрантов уменьшилось. В 2001 г. представители Тихоокеанского отделения ФПС утверждали, что число китайцев, нелегально проживающих в РДВ, с середины 1990-х гг. сократилось десятикратно[80]. Более того, доля туристов, уезжающих домой вовремя, резко увеличилась — с 68% в 1995 г. до 99,2% в начале 1999 г.[81] Эти достижения демон-

законопослушных иностранцев в ряды преступников, тем самым увеличивая численность «нелегальных» иммигрантов, зафиксированных властями. Более того, местные лидеры заинтересованы в том, чтобы называть завышенные цифры, используя эту проблему как политическое орудие.

[75] Не обязательно со стороны китайцев; скорее дело в том, что их присутствие создает возможности для криминальной активности россиян.

[76] Shakirov M., «Taking the Slow Boat between Russia and China», Moscow Times, November 1997.

[77] Проведенный Фондом Карнеги опрос 1100 жителей РДВ показал, что четверть из них выражает озабоченность китайской миграцией в связи с проблемами здравоохранения; озабоченность преступностью и экономической конкуренцией высказывало гораздо меньше опрошенных: Garnett, Rapprochement or Rivalry, Ch. 12, 361—2. Недавняя вспышка атипичной пневмонии в Китае также представляет собой непосредственную угрозу для РДВ.

[78] Onishchenko T. and Ryabov S., «Unequal Trade Bleeds Russia Dry», Moskovskie Novosti, December 21, 2002.

[79] См.: Menon R., «The Strategic Convergence between Russia and China», Survival 39 (2), 1997, 101—125.

[80] ИТАР-ТАСС, февраль 2002, FBIS-SOV—2002—0220.

[81] Vitkovskaia G. Op. cit.

стрируют, что власти по обе стороны границы добились успеха в ограничении нелегальной иммиграции, и свидетельствуют о всей важности проблемы для двусторонних отношений в целом.

Заключение

Проблема китайской миграции — одна из самых животрепещущих в постсоветской России, неуверенной в своей идентичности и столкнувшейся с непрерывным ухудшением социально-экономической ситуации. Эта проблема, по словам Вишника, ставит перед элитой и жителями РДВ «дилемму гуманитарной безопасности»[82], в потенциале способную негативно повлиять на представления Москвы о Китае и двусторонних отношениях. Пример тому — недавние требования Китая к России, прозвучавшие во время переговоров о вступлении России в ВТО, снять ограничения на поездки китайских торговцев в РДВ[83]. Перед лидерами РДВ стоит также экономическая дилемма. Признавая необходимость интеграции в азиатскую экономику путем открытия рынков и границ РДВ, они не могут примириться с последствиями этих мер — усилением миграции. Чем настойчивее попытки ограничить миграцию, тем заметнее нежелательные последствия, такие как создание благоприятной почвы для коррупции и преступности, при том что региональная кооперация с Китаем, наоборот, страдает.

С аналогичной экономической дилеммой сталкивается и московская политическая элита, которая в целом стремится развивать РДВ, но стабильно сопротивляется массовому наплыву *азиатских*, не говоря уже о китайских, иммигрантов и рабочих. Выражаясь более специфическим языком, наблюдается явное несовпадение представлений, особенно в отношении источника демографических проблем, между избранной элитой, рассматривающей данный вопрос как чисто внутреннее дело, и законодательной властью, в рядах которой более распространен популярный взгляд, что источник проблемы лежит в Китае. Что касается политики, то и правительство, и законодатели делают акцент на развитии РДВ, но предпочитают заселить этот регион этническими русскими, а не привлекать азиатских иммигрантов. С другой стороны, специалисты-исследователи признают, что развитие РДВ невозможно без использования значительной рабочей силы из Азии, и следовательно, правительство должно

[82] Неадекватная гуманитарная безопасность в северо-восточном Китае подталкивает его жителей к поиску лучших экономических условий в РДВ, хотя в основном на временной основе. Однако, жители РДВ рассматривают этот процесс как потенциальную угрозу собственной гуманитарной безопасности и реагируют соответственно. См. Wishnick E., Chinese Migration to the Russian Far East: A Human Security Dilemma, Human Flows Across National Borders in Northeast Asia, UN University, Tokyo, The Centre for East Asian Studies, Monterey Institute of International Studies (2002). Алексеев говорит о «дилемме демографической безопасности»: Alexseev M., «The Chinese are Coming».

[83] Известия. 23 мая 2002. См. Gel'bras, Chinese Migration to the Russian Far East.

не только направлять в регион федеральную помощь, но и сформулировать последовательную иммиграционную политику.

Принимая во внимание текущие демографические и экономические реалии, наилучшее решение дилеммы и для РДВ, и для Москвы, по-видимому, состоит в том, чтобы прислушаться к советам экспертов. Однако, как отмечает Виктор Воронков, директор санкт-петербургского Центра независимых социальных исследований, «рациональная иммиграционная политика едва ли будет сформулирована до тех пор, пока Россия не преодолеет свою традиционную ксенофобию, которая в отношении Китая существует и на самых высших официальных уровнях»[84]. Существуют также цивилизационные проблемы, подрывающие перспективы интеграции, поскольку китайцы ассимилируются очень медленно и не до конца, а культурная пропасть между Россией и Китаем слишком глубока[85]. Чтобы устранить эти факторы, требуется фундаментальная и крупномасштабная переориентация представлений по обе стороны границы и на всех уровнях общества. Успешно решить эту задачу за короткое время невозможно, и поэтому представляется маловероятным, что Россия в ближайшем будущем обратится к политике массовой китайской или просто азиатской иммиграции, чтобы та стала реальностью.

[84] «Russia's Population Decline», footnote 24.

[85] Trenin D., The End of Eurasia: Russia on the border between Geopolitics and Globalisation, (Moscow, Carnegie Moscow Center, 2001), 219.

Бокова В. М. **Эпоха тайных обществ: Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003. 656 с.**

В советскую эпоху история движения декабристов была одним из самых востребованных сюжетов. При фундаментальной разработанности, фактографии, уровне выявления и публикации источников проблема явно страдала от невозможности выйти за рамки традиционных, заложенных еще либеральной дореволюционной и развитых советской историографией общих концепций и оценок. Сильнее всего это сказывалось, разумеется, не в конкретных, а в более-менее обобщающих работах. Исследователям 1970—1980-х годов удалось много сделать, чтобы привычные шаблоны, клише и мифы оказались исподволь серьезно поколеблены. Однако, с одной стороны, они не могли себе позволить манкировать пресловутой ленинской формулой насчет трех этапов революционного движения, с другой же стороны — декабристы тем и были интересны и дороги, что позволяли размышлять и рассуждать о свободе личности, борьбе с деспотизмом, конституции, правах человека, лукаво пользуясь при этом официозным идеологическим посылом, требовавшим чтить героев-революционеров. Таким образом, сохраняла актуальность система координат, согласно которой основным нервом русской истории было противостояние вольнодумцев самодержавию.

Падение советского режима сделало, наконец, эту оппозицию неактуальной. Более нет личной насущной нужды обсуждать знаменитую формулу Н. Я. Эйдельмана о «подвиге ожидания и подвиге нетерпения». Настала пора переоценок. Но одновременно и схлынул поток исследователей: ажиотажный интерес к декабристам спал, многие переключились на новые, приобретшие актуальность темы (например, совершенно неизученную внутреннюю политику имперского периода). Выходившие в последние 10—15 лет работы касались локальных проблем, попутно уничтожали там штампы и мифы; немногочисленные подступы к обновлению общих оценок носили скорее публицистический, нежели академический характер.

И вот, наконец, появился труд действительно обобщающего характера. Книга В. М. Боковой вовсе не претендует быть исчерпывающей, всесторонней историей декабризма. Она мало касается содержания и формирования декабристских идей, равно как и многих других аспектов этого явления. В. М. Бокова рассматривает, прежде всего, форму, которую приняло оппозиционное движение: тайное

общество. Декабристские общества она помещает в контекст иных, сходных, генетически близких образований, возникавших на протяжении первой трети XIX века — светские салоны, литературные и научные кружки, клубы, общественные объединения благотворительного характера и т. п. Автор прослеживает зависимость их от организационных форм масонства (само масонство остается за рамками данной книги). То была воистину «эпоха тайных обществ», когда любая локальная группа, объединенная общением и сходством интересов (ококолитературный кружок, компания друзей, занятых кутежами и театром, студенты, увлеченные немецкой философией), стремилась оформить себя некими рамками, назваться обществом, может быть даже тайным (тайное для той эпохи не обязательно тождественно антиправительственному), сочинить устав, брать вступительные клятвы, вести протоколы собраний. Часть таких обществ носила сугубо развлекательный характер, автор определяет их как «досуговые».

Отдельное внимание уделено проникновению этих тенденций в армейскую офицерскую среду. В. М. Бокова прослеживает этапы развития общественных объединений: «первые ласточки», пока единичные, в десятилетие от воцарения Александра I до Отечественной войны, расцвет разрешенных правительством разнообразных обществ в послевоенный период, параллельное образование обществ официально не разрешенных и стало быть тайных, наконец, декабристские союзы. В таком контексте становятся очевидны и понятны характерные черты декабристских обществ. Они мало похожи на боевую революционную организацию, в них до смешного наивная конспирация, нет реальной деятельности, равно как и поведенческих черт профессионального революционера. Декабристы сходятся в свои тайные общества скорее как в дискуссионный клуб, в остальном оставаясь обыкновенными, нормальными, успешными членами социума: ответственно и усердно служат, озабочены семейными делами, управляют имениями.

Книга построена на широчайшем круге источников и литературы и в части обзора общественных объединений первой трети XIX века носит почти энциклопедический характер. Особым ее достоинством следует признать уместное привлечение достижений смежных дисциплин, исследований по истории литературы, литературных стилей, их бытования на уровне повседневного поведения; работ по военной истории и военным реформам александровского царствования и пр.

Реальное содержание книги на самом деле шире заявленной темы. По мере надобности, касаясь тех или иных сюжетов, В. М. Бокова обсуждает важнейшие проблемы, каждая из которых могла бы послужить темой самостоятельного изыскания. Скажем, о подспудном присутствии в декабризме элемента аристократической фронды и целого комплекса аристократических же предрассудков. Прослеживая историю обществ, автор обращает внимание на вариации их социального состава: аристократы-гвардейцы или армейские офицеры из мелкопоместных дворян (а то и вовсе приобретшие дворянство службою), намек на антагонизм в Северном обществе между барственными Трубецким, Никитой Муравьевым — и более демократичным кружком Рылеева, известного антиаристократическими выпадами. Другая важнейшая проблема — настроения в офи-

церкой среде, где, как указывает В. М. Бокова, еще с царствования Павла происходил всячески поощряемый властью процесс перехода от барской офицерской вольницы екатерининских времен к дисциплинированной, профессиональной по психологии армии. Пресловутое и привычно клеймимое историками пристрастие императора к фрунту и разводу являлось одним из действенных и повсеместно опробованных способов поддержания воинской дисциплины и выучки, в то время как критика «фрунтовиков» исходила в первую очередь от непривыкших обременять себя исполнением служебных обязанностей отпрысков знатных фамилий. Наконец, отметим еще один затронутый В. М. Боковой вопрос: о влиянии эстетики романтизма на поведение людей декабристского круга, в первую очередь Рылеева и его окружения.

Главная же прелесть работы В. М. Боковой, рискну сказать, состоит в том, что она являет собой очевидное торжество простого здравого смысла над всевозможными в разное время порожденными исследовательскими конструктами и общественно-политическими мифами. Взгляд автора поэтому одновременно свеж, прост и очевиден, как и бывает очевиден обычный житейский здравый смысл. Вероятно, углубленные знатоки той или иной проблематики найдут в книге спорные утверждения и поводы для дискуссии. Но в ней нет мест, где бы критический взгляд читателя-специалиста (коим себя числю) отметил слабость аргументации, случайность приведенного примера, чрезмерное увлечение автора своей теорией. Авторские наблюдения точны, деликатны, лишены прямолинейности. Пересказывать их не хочется из опасения, что краткое изложение спрямит и вульгаризирует смысл.

В некотором роде, это очень женская книга. Женская по характеру кропотливого, терпеливого распутывания спутанных, перемешанных, узлами завязанных, свалявшихся и сбившихся в колтуны — даже не фактов, а смыслов. Получающийся узор естественен и небанален в своей жизненности. Хочется верить, что это — не только личное видение автора, но и новая тенденция декабристоведения.

Ольга Эдельман

~

Полански П. **Русская печать в Китае, Японии и Корее: Каталог собрания Библиотеки имени Гамильтона Гавайского университета / Под ред. А. Хисамутдинова. М., 2002. 204 с.**

Эта книга написана русским библиографом Библиотеки им. Гамильтона Гавайского университета (Гонолулу, США) Патрицией Полански и посвящена русской части Библиотеки. Это собрание основано в 1937 г. уроженцем Москвы, русским немцем и американским профессором (в 1941-м вынужденным покинуть США в связи с неподтвердившимися обвинениями в симпатиях к нацистам) Клаусом Менартом и сегодня включает в себя 38 400 публикаций о России и русских, в первую очередь, в контексте азиатско-тихоокеанского региона. Среди русистов-наследников К. Менарта на историческом факультете Гавайского университета более всего известен Джон Дж. Стефан — автор переведенной в 1992 г. на русский язык монографии о русских фашистах[1] (яркие следы ее обширной источниковой базы хорошо видны в настоящем каталоге). Теперь в ряду известных в России представителей этой институции, несомненно, будет Патриция Полански.

В абсолютном большинстве в каталог включены издания русской эмиграции и русской колонии, сложившейся в 1898-м вокруг экстерриториальной Китайско-Восточной Железной Дороги (КВЖД) в Манчжурии, в 1922-м — пополнившейся эвакуантами из Владивостока и просуществовавшей до 1949 года: численность русского населения здесь достигала 70 тыс. человек. Центром колонии был Харбин с развитой русской деловой, политической, образовательной, религиозной и культурной инфраструктурой. Другими важными центрами были Шанхай и Тяньцзинь. Всего библиографам известно свыше 4000 русских *харбинских* публикаций (книг и журналов), 480 — *шанхайских*, 95 — *тяньцзиньских*, пекинских — 75 и всего около 50 из Порт-Артура, Дайрена, Ханькоу и др. (С. 6). Таким образом, общая библиография русских изданий этого времени и региона достигает 4700. Из них 900 (включая газеты и иные виды массовой полиграфии) находятся в Библиотеке им. Гамильтона в попече-

[1] Стефан Д. Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции, 1925—1945. М., 1992. К сожалению, издатель этого перевода решил полностью отказаться от перевода и публикации обширных авторских примечаний к этому труду. Поэтому эта книга получила широкое распространение, но минимальную научную и критическую рецепцию в России.

ции П. Полански — 770 названий собрания она представила в каталоге. Вкупе с биографическими данными авторов, инскриптами и едиционными деталями, магазинными штампами и владельческими надписями, даже иной раз с указанием тиража, более чем 100 цветными и черно-белыми фотографиями обложек, титулов и разворотов, торговых марок, экслибрисов — они исчерпывающе описаны в каталоге.

Ниже в сокращении приводятся все значимые описания так называемой «идейной литературы» Русского Дальнего Востока из каталога Полански. Учитывая, что подавляющее большинство такой литературы относится к многочисленным фашистским и младоросским изданиям (имеющим свою исследовательскую литературу), они в перечне не указываются.

Архангельский Д. А. Ты есть То: Новое сознание человечества. [Харбин], 1931. 468 с.

Болдырев Д. В. Знание и Бытие / Предисловие и ред. проф. Н. О. Лосского. Харбин, 1935. 187 с.[2]

Бузолин С. Е. Идея ответственности / Предисл. Н. К. Рериха. Харбин, 1934. 83 с.

Гинс Г. К. На пути к государству будущего: От либерализма к солидаризму. Харбин, 1930. 210 с.

Гинс Г. К. Новые идеи в праве и основные проблемы современности: В 2 вып. Вып. 2. Харбин, 1932. С. 283—654.

Заворотский А. И. Реклама идей. Сила Сталина и его Ахиллесова пята. Шанхай, 1934. 112 с.

Остромиров А. [Горский Л. Л.]. Николай Федорович Федоров. 1828—1903—1928: Биография. Харбин, 1928. 20 с.

Пономарев А. Р. О теософии: Критический очерк. Харбин, 1936. 126 с.

Право и культура: Сборник в ознаменование восемнадцатилетнего существования юридического факультета в городе Харбине, 1920—1937 / Под ред. Г. К. Гинса. Харбин, 1938. 369 с.

Россия и Пушкин. 1837—1937: Сборник статей / Предисловие Г. К. Гинса. Издание Русской академической группы в Харбине. Харбин, 1937. 139 с.

Смертобожничество. Ч. 1: Борьба словом. Харбин, 1926. 81 с.[3]

Солоневич И. Л. Белая империя. Шанхай, [1941]. 205 с.

Солоневич И. Л. Сборник статей. Вып. 1. Шанхай, 1942. 199 с.

Солоневич И. Л. Тайна старого монастыря: Роман из жизни Соловецкого концлагеря. Тяньцзинь, 1940. 225 с.

[2] См. кстати о нем из гавайского собрания: Зайцев К. И. Профессор-крестоносец (Заветные мысли Д. В. Болдырева). Харбин, 1936.

[3] Составитель предполагает, что указанный в выходных данных N. A. Set, является автором книги — Н. А. Сетницким.

Спектатор. Русский «Термидор» (Сумерки коммунизма). Харбин, 1927. 187 с.

Устрялов Н. В. Политическая доктрина славянофильства (Идея самодержавия в славянофильской постановке) (На основе лекции, прочитанной в Юридическом факультете 1 марта 1923). Харбин, 1925. С. 47—74. Оттиск.

Устрялов Н. В. О политическом идеале Платона (Курс лекций по истории философии права). Харбин, 1929. 46 с.

Устрялов Н. В. Элементы государства. Территория. Население. Власть: Из лекций по общему учению о государстве. Харбин, 1931. 26 с. Оттиск из журнала «Вестник китайского права». Вып. 2.

Устрялов Н. В. Итальянский фашизм. Харбин, 1928. 173 с.

Устрялов Н. В. В борьбе за Россию: Сборник статей. Харбин, 1920. 82 с.

Устрялов Н. В. Проблема прогресса: Вступительная лекция, прочитанная на Юридическом факультете в начале учебного года. Харбин, 1931. 38 с. Оттиск из «Известий Юридического факультета». Т. 9.

Устрялов Н. В. Наше время: Сборник статей. Шанхай, 1934. 202 с.

[Федоров Н. Ф.] Философия общего дела: Статьи, мысли и письма Н. Ф. Федорова / Под ред. В. А. Кожевникова, Н. П. Петерсона. Биогр. очерк А. Остромирова. Т. 1. Вып. 1. 2-е издание. Харбин, 1928—1930. 38 с.

[Федоров Н. Ф.] Философия общего дела: Статьи, мысли и письма Н. Ф. Федорова / Под ред. В. А. Кожевникова, Н. П. Петерсона. Биогр. очерк А. Остромирова. Вып. 2. Харбин, 1929. 75 с.

[Федоров Н. Ф.] Философия общего дела: Статьи, мысли и письма Н. Ф. Федорова / Под ред. В. А. Кожевникова, Н. П. Петерсона. Биогр. очерк А. Остромирова. Вып. 3. Харбин, 1930. 102 с.

Чхеидзе К. А. Страна Прометея. Шанхай, 1932. 191 с.

Читатель может быть уверен, что при посещении Библиотеки в Гонолулу он сможет познакомиться с этими изданиями.

Очевидно большую работу над каталогом провел научный редактор и, видимо, инициатор издания Амир Хисамутдинов, биограф и библиограф Русского Дальнего Востока. К сожалению, из поля его критического зрения выпал важный недостаток, обнаружившийся при переводе предисловия Полански: содержательные и важные библиографические ссылки на англоязычные труды ее предшественников и учителей даются в русском переводе, что, может быть, полезно с точки зрения просвещения, но крайне неудобно для профессионального поиска и использования. Это тем более странно, что в предисловии самого А. Хисамутдинова библиографические описания сохранены на языке оригинала.

Описание книг и сборников в каталоге организовано по авторскому принципу: оно дано в алфавитном порядке и подчинено полному описанию фамилии, имени, отчества, лет жизни, рода занятий и места пребывания в эмиграции.

Лишь затем следует описание собственно книги автора. При всей привлекательности приводимых данных, было бы желательно видеть историческое, со всеми его сокращениями, написание имени автора, и уж затем его биографические подробности. Иначе, как иногда происходит в этом каталоге, жертвой данных об авторах падает само адекватное библиографическое описание публикаций.

Как следует из предисловия составителя, каталог издан издательством Российской Государственной Библиотеки «Пашков Дом» на средства Гавайского университета.

Модест Колеров

~

Breslauer, George W. **Gorbachev and Yeltsin as Leaders (Cambridge: Cambridge University Press, 2002) pp. 346.**

Felkay, Andrew. **Yeltsin's Russia and the West (Westport: Praeger Publishers, 2002), pp. 260.**

Отставка Бориса Ельцина на заре нового тысячелетия стала символическим концом драматичного периода политических, экономических и социальных перемен, которые начались с приходом Михаила Горбачева к власти в марте 1985 г. Теперь политологам и историкам предстоит задача интерпретации этих событий, и книги Джорджа Бреслауэра и Эндрю Фелки в очередной раз пополнили расширяющийся круг литературы по данному периоду.

Оба автора строят свое исследование вокруг роли политических вождей. Джордж Бреслауэр проводит убедительный анализ противоположных стратегий лидерства, взятых на вооружение Горбачевым и Ельциным. Большая часть книги касается личности обоих вождей, а более конкретно — каким образом их личность влияла на формирование соответствующих стратегий «приобретения авторитета» и «сохранения авторитета». Эти главы представляют собой впечатляющий синтез конкретики и аргументации. Однако, книга Бреслауэра — более чем анализ стратегий лидерства обоих вождей. В ней содержится также *объяснение* стратегий Горбачева и Ельцина и *оценка* их достижений.

Объясняя выбор, который делали оба вождя во время пребывания у власти, Бреслауэр снова делает основной акцент на личности лидеров. Он считает, что структурные объяснения, фокусирующиеся на идеологических и институциональных препятствиях, не имеют большого значения в системе, претерпевающей столь драматические перемены: «Когда организация и идеология советской системы дала трещину, а затем рухнула, личность и менталитет Горбачева и Ельцина стали играть гораздо более важную роль в сделанном ими выборе» (p. 260). В качестве эталона для оценки обоих вождей используется концепция «преобразующего лидерства». Беря пример с Джозефа Шумпетера, Бреслауэр такими вождями называет тех, кто осуществляет «разборку старой системы таким образом, который одновременно закладывает основы новой системы» (p. 262). В своем анализе Бреслауэр предполагает, что и Горбачев, и Ельцин — «творцы событий» (p. 269), но их преобразующие достижения упирались в одинаковые препятствия. Хотя обоим лидерам принадлежит честь разрушения советской системы, трансформации политической сферы и установления новых отношений Востока с Западом, сфера экономической политики стала у обоих основным слабым местом. Весьма спорно то, что Бреслауэр оценивает вклад Горбачева в преобразования выше, чем вклад Ель-

цина. К такому выводу он приходит, учитывая уровень препятствий, с которыми столкнулся Горбачев, и большее внимание, проявленное Горбачевым к человеческим жизням, ставшим платой за его действия. Безусловно, эта идея вызовет споры у последующих поколений русских и западных историков. Как Бреслауэр с готовностью признает в заключительном параграфе, «Возможно, будущие архивные изыскания помогут более ясно осознать масштаб вставших перед ним [Ельциным] затруднений» (p. 318). Тем не менее, эта книга, как и более ранняя работа Бреслауэра «Хрущев и Брежнев как вожди: Приобретение авторитета в советской политике» («Khrushchev and Brezhnev as Leaders: Building Authority in Soviet Politics»), вносит крупный вклад в анализ политического руководства в советской и постсоветской политике, и должна заинтересовать как специалистов в сфере сравнительной политики, так и исследователей демократизации.

Эндрю Фелки, как и Бреслауэр, фокусирует внимание на роли лидера в событиях, происходивших в России после 1985 г. В противоположность Бреслауэру, Фелки обращается исключительно к политической карьере Бориса Ельцина. Кроме того, в первую очередь его интересует место, которое занимал Ельцин в развитии отношений России с Западом. Однако, у книги Фелки есть и схожие черты с работой Бреслауэра. Фелки при объяснении политики, проводимой Ельциным, во главу угла ставит значение его личности и жизненного опыта, и так же, как Бреслауэр, уделяет много времени личной и политической биографии Ельцина. Кроме того, он указывает, что внешнюю политику невозможно отделить от внутренних достижений, и аналогично Бреслауэру обращает особое внимание на ключевые события в карьере Ельцина. Более того, Фелки в целом оценивает достижения Ельцина в том же духе, что и Бреслауэр, хотя в противоположность последнему делает решительный вывод: «История определенно будет к нему [Ельцину] добрее, чем к его современникам» (p. 246).

При анализе ведущей роли Ельцина Фелки придерживается более традиционного, описательного подхода. Такой подход позволяет дать полезный обзор многих важнейших событий, ставших определяющими в политической карьере Ельцина, и взглядов первого российского президента на внешнюю политику. Однако автор не выделяет никакой ключевой темы или цепи аргументов, которые бы связали воедино описываемые события. Например, первая треть книги посвящена рассказу о политической карьере Ельцина без какой-либо прямой связи с заявленной идеей книги: «Влияние Бориса Ельцина на развитие новых взаимоотношений между западными демократиями и Россией» (p. 5). Тем не менее, приведенный в книге свод основных событий и проблем делает ее полезной для тех исследователей российской политики и международных отношений, которым требуется иметь представление о моментах, имеющих наибольшее значение для политической карьеры Ельцина.

Пол Чейсти

~

Гусейнов Г. **Карта нашей Родины: идеологема между словом и телом. Helsinki, 2000. 266 с.**

«Штирлиц склонился над картой. Его неудержимо рвало на Родину...». Этот анекдот, невольно всплывающий в сознании в связи с названием рецензируемой ниже книги, неожиданно, хотя и несколько карикатурно — что, впрочем, в духе анализируемого автором материала — бросает свет на ее отправную точку. «Нарушение психосемантического равновесия» у носителей языка, оказавшихся в ситуации Большой Ломки, воображение Родины и мучительная жажда обретения устойчивости, пространственная ностальгия и мутации картографических образов в процессе «обживания распада» (Б. Дубин) — к этим темам, злободневность и актуальность которых не требуют комментариев, обращено исследование Г. Гусейнова.

Пытаясь осмыслить — сквозь призму превращений в сознании людей образов «карты и границ» (С. 122) — «психо-политическое напряжение» в российском обществе 1990-х, автор начинает с анализа того, чем определялось восприятие пространства, сформировавшееся в советский период. Г. Гусейнов анализирует способы наглядного представления и эмоционального наполнения «Карты нашей Родины» в их важнейших модусах: ограниченности (граница и ее нерушимость, естественные границы, рубеж/зарубежье, «железный занавес», и т. д.) и экспансии (глобальность, бескрайность, планетарность, «одна шестая», миссия экспорта революции и т.д.). Соотношением этих измерений определяются наиболее характерные формы гипостазирования пространства (например, «Россия-тело») и «оживления» карты. Затем автор работы переходит к исследованию контекстов их бытования в ситуации распада советской системы. Здесь внимание уделяется, с одной стороны, эффектам достоверности, делающим карты инструментами манипуляции, в частности, для СМИ, а, с другой стороны, образам распада («предательство», «расчленение», «рассеяние», «пустоты», «война»), характеризующим восприятие образа Родины в современном российском сознании. Для своего исследования Гусейнов привлекает весьма разнообразный материал — как вербальный (газетные статьи, речи политиков, фольклор, поэзия), так и визуальный (карты, схемы, карикатуры), причем последний занимает собой почти половину книги. Описания взаимодействия визуальных и вербальных аспектов идеологии производится при помощи понятия «визиотип».

Визиотип определяется как «изобразительно-словесная идеологема», складывающаяся в месте встречи «словесного знака и наглядного и/или телесно-схематического образа». Отсылая читателя за более подробными объяснениями к книге У. Перксена, у которого это понятие заимствовано, Гусейнов считает достаточным указать лишь на то, что «связь между словесным и наглядным в визиотипе сложнее только простого подчинения одного и другого или взаимоусиления смыслового напора» (С. 7). Однако в тексте эта сложность никак не раскрывается. При этом понятия «визиотип» и «карта» оказываются весьма податливой материей. Карта как объект может выступать и как способ визуально удостоверить сказанное («визиотип истины» — С. 47, 49), и как визуализация настроений («визиотип катастрофических ожиданий» — С. 48). Вместе с тем говорится и о «визиотипе карты», т.е. этим понятием обозначается также и образ пространства и, одновременно, отдельные его аспекты и подтексты: телесность («визиотип "Россия-тело"» — С. 41), «глобальность» и «органичность» (С. 38). Такая двусмысленность обеспечивает автору свободу в плане соотнесения образов, слов и вещей. Например, в главе, посвященной реконструкции визиотипа «Россия-тело», он обращается к его выражению в вербальных текстах. Далее, в интерпретации встречающегося в тексте С. Медведева «визиотипа» (= образа) «нежно розовой карты цвета семги», говорится уже о том, что может стоять *за* этим образным выражением. Выясняется, что за ним может лежать не только вещь («реальная, бумажная розовая карта из школьного атласа» — неоднократно встречающийся у автора референт (Ср. также: С. 116), но и «хрестоматийные строки В. И. Лебедева-Кумача: «Утро красит нежным цветом // Стены древнего Кремля, // Просыпается с рассветом // Вся советская земля...» (С. 78). Описания визиотипов обнаруживают склонность автора отдаваться во власть воображения. Вводя концепт «глобальности» как характеристику образа советского пространства, Гусейнов пишет о визиотипе «глобальной власти», описывая ее почему-то как «увядающую во времени подобно священному плоду» (С. 31). Рассуждения о персонификациях пространства и репрезентациях страны как тела не только уводят автора книги от избранной им картографической перспективы, но и становятся почвой для смешения искусства и реальности. Обнаруживая в стихотворении Е. Рейна визиотип «азиатской медвежьей туши», Г. Гусейнов пишет далее: «это тело пригрело в своей шерсти всю болезненную историю взаимодействия России, СССР и снова России с дальневосточными соседями — с настоящей Азией: от Цусимского поражения русского флота в мае 1905 года до разрыва с Мао Цзэдуном полвека спустя» (С. 119). Другой замечательный пример такого смешения — ремарка, сделанная автором накануне президентских выборов 2000 года, в которой утверждается, что визиотип «карта нашей Родины» может быть местом действия народного героя — его аватарами оказываются Леня Голубков, Василий Теркин и Владимир Путин (С. 52—53)[1]. Неудивительно, что для склонного к реификации мышления автора концепт «границы» изначально и

[1] Вот уж поистине, как говорил герой известного фильма, «Россия — это громадная равнина, по которой носится лихой человек»!

без всякого обоснования привязывается к границам Родины и государства, что отсекает целые области филологического и социологического его осмысления, значимые для понимания социокультурных изменений.

Неотчетливость, характерная для авторского истолкования соотношения слов, образов и реальности, проявляется и применительно к феномену идеологии, который образует рамку представленного в книге исследования. Создается впечатление, что, несмотря на начитанность автора в западной (в основном немецкой) научной литературе (которая, правда присутствует в работе практически только в виде методологических отсылок), вне его поля зрения остались целые пласты гуманитарного знания XX века. Невостребованным оказался огромный массив литературы, посвященной осмыслению соотношения слова и образа, в частности, в связи с изучением феноменов идеологии и мифа (достаточно вспомнить работы Р. Барта и У. Эко), незамеченным остался и так называемый «визуальный поворот», обозначивший проблематику специфики визуального и различных «техник видения». Поразительную «невинность» демонстрирует автор и в отношении традиции обсуждения феномена идеологии, не считая нужным как-то локализовать этот феномен в сфере своего исследования, прояснить характер связи идеологии, языка и его носителей[2]. В тексте появляются и «идеологический человек» (С. 28), и «держатели идеологии»(С. 49), и «идеологически окрашенная публицистика» (С. 58), и «носитель языка, желающий понять идеологическую матрицу» (С. 80). Но «незнание закона», как известно, «не освобождает от ответственности»: собственная «идеология» автора не может не «проговариваться» в тексте. В этом отношении опять-таки характерны постоянные апелляции автора к реальности: как явные (напр. «Реальность ушла в сторону от этих прогнозов» (С. 104) или «Когда визиотипический подтекст (например, карта военных действий) совпадает с реальным развитием событий, он вызывает современников на принудительное истолкование» (С. 54)), так и неявные, когда, например, автор начинает сопоставлять репрезентацию ситуации в пограничных районах с реальным положением дел (С. 58). Эта позиция всевидящего наблюдателя, который знает, «как оно было на самом деле», не остается без последствий: ближе к концу текст дрейфует от анализа дискурса в сторону политологического эссе о судьбах России.

В построении своей историософии Гусейнов отталкивается от осмысления карты как идеологического феномена: «Попытка удержать *глобальный взгляд на историю страны* (здесь и далее выделено мной. — *Б. С.*) выявляет центральную проблему, общую для СССР и России: любая карта их — не географическая и не политическая, но геополитическая карта, другими словами идеоло-

[2] В связи со сказанным стоит упомянуть о вышедшей годом позже и затрагивающей ту же проблематику работе И. Сандомирской «Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик». В этой работе предмет исследования определяется не так «жестко-картографически», что делает более органичным и оправданным обращение к самым разным практикам, формирующим образ Родины. Вместе с тем рассуждения исследовательницы характеризует гораздо более высокий уровень рефлексии по поводу избираемых подходов.

ческая метафора карты; ею трудно пользоваться в практических целях ориентации» (С. 27. Ср. также: С. 23, 61). Это утверждение замечательно не только тем, что противоречит нашему обыденному опыту. Оно позволяет зафиксировать то, что наряду с пониманием идеологии как имеющей вполне практическое значение когнитивной карты (см. с. 10, 24, 46, 118), которое соответствует традиции изучения mental maps, в тексте присутствует также противоречащая ему интерпретация идеологии как «ложного сознания». Этой двойственностью подхода к идеологии обусловлена и двойственность самого предмета исследования — «Карта нашей Родины» то предстает как визиотип «Россия-тело», связанный с полнотой переживания пространства, то оборачивается дискурсом распада и пустоты, соответствующий вакууму «ложного сознания» (см. с. 74). Соответственно, в изложении автора разворачиваются две противоречащих друг другу системы аргументации. Сначала, исходя из переживания геополитического пространства как организма и связанных с этим переживанием идеологических конструкций, «оживляющих» визиотип карты обращением с помощью органических телесных, персонифицирующих, зооморфных и т. п. метафор вводится визиотип расчленения этого организма, актуальный не только для политического дискурса — как патриотического, так и реформаторского — но и для дискурса газетных публикаций, снабженных картами военных действий или схемами распространения преступных группировок. С другой стороны, обращение к органическим идеологиям объясняется как «врубание в пустоту идеологического объекта», как заполнение «пустотного дискурса», возникшего в результате распада СССР (см. с. 81, 117). Примерами такого заполнения становятся для Гусейнова концепции В. Цымбурского, Д. Галковского, А. Дугина и А. Фоменко.

В результате исследователь балансирует между двумя противоположными трактовками соотношения идеологии и исторического развития. С одной стороны, органические и т.п. идеологические конструкции квалифицируются как «примитивные» и «архаические», «близкие европейцам — жившим несколько десятилетий, если не столетий назад» (см. с. 42, 67, 80, 86), а обращение к ним связывается с отсутствием у носителей языка «дискурсивного устройства для обсуждения нынешнего времени (т.е. современности — ср. выше об архаике. — *Б. С.*) как периода неизбежных, необратимых и относительно приемлемых исторических перемен» (С. 87). С другой стороны, объясняемые через пустотный дискурс, эти идеологические конструкции оказываются связаны с «нежеланием понимать» и «отказом принять конкретные условия собственного существования», в качестве которых здесь понимается наступление азиатчины (кочевой восточный базар у метро, круговая порука, продажность чиновников и т.п., вплоть до гаражей-ракушек!) (см. с. 78, 113, 122). Таким образом, получается, что архаическая идеология закрывает от нас реальность архаического существования! Эта историософская невнятица возникает также и из-за того, что автор смешивает исторические и пространственные пласты (отдаление от Запада, например, трактуется и как отказ от западных ценностей, и как потеря западных территорий — см. с. 106, 121), переходит, как уже было показано выше, от дис-

курсивной реальности к социальной. Вот характерная цитата: «Открывшись, *как могло бы показаться в разгар горбачевской перестройки,* свободному, но прагматичному Западу, *русский мир ельцинского периода начал пропитаться* ценностями деспотично-алчного Востока, далеко отойдя от идеалов, декларированных победителем августовского противостояния 1991 г.» (С. 106). Начав с рассуждения о воображаемом, Гусейнов переходит к суждению о реальном историческом процессе. Следствием таких переходов, как явствует из этой цитаты, оказывается то, что историософские конструкции («русский мир», «Восток», «Запад») оказываются для автора не только предметом исследования, но, одновременно, и объяснительной моделью.

Не меньшее количество вопросов вызывают и принципы, которых исследователь придерживался в отборе материала и его интерпретации. Предъявленное читателю *разно-образие,* как отмечал в своей рецензии на книгу Гусейнова В.Каганский, остается не осмысленным. Неопределенность визиотипа сказывается здесь, по крайней мере, в двух существенных моментах. Во-первых, автор не проясняет соотношения визиотипа карты и приводимых им изображений, среди которых нет карт в собственном смысле этого слова[3], во-вторых, ничего не говорит о степени востребованности того или иного типа представления пространства в различных дискурсивных практиках (например, о значимости карикатуры для оппозиционных идеологий). Таким образом, смыслы пространства, связанные с той или иной формой пространственного воображения, и их социальная привязка не эксплицируются. Кроме того, в отношении к тексту изображения выступают подчас даже не в качестве иллюстраций, но в качестве связки между двумя сентенциями и только в нескольких случаях — например, в анализе визуального ряда эстонской банкноты (С. 17—19) или в рассуждениях о «визиотипической достоверности» (С. 47—50) — автору удается в какой-то мере обнаружить аналитические возможности собранного им изобразительного материала.

В качестве вербальных источников Гусейнов использует, во-первых, образцы рассуждений журналистов, политиков, политических мыслителей и философов разного калибра и различной ориентации, во-вторых, литературные тексты советского и постсоветского периодов. При этом публикации в газетах и журналах относятся преимущественно к 1992—1994 гг., хотя работа над книгой продолжалась еще и во время президентских выборов 2000 г. Однако недоумение по поводу этих и многих других никак не объясняемых пробелов в источниках меркнет в свете поражающих воображение приемов интерпретации. Так, характеризуя сформулированную В. Цымбурским концепцию «Острова-России», Гусейнов пишет: «Мотив *России-острова* — основополагающий для идеологемы *нашей Родины.* Не приводя текстов XIX столетия (от Чаадаева до Константина Леонтьева), укажу только на одну из ключевых политических паремий советского времени: «Заграница — это миф о загробной жизни (...) И вообще последний город — это Шепетовка,

[3] Каганский В.Л. Приключения семиотического тела карты Родины // Новое литературное обозрение. №49. 2001. С. 435.

о которую разбиваются волны Атлантического океана. Именно от этой паремии, правда, с привлечением политического камуфляжа, отталкиваются авторы некоторых концепций пути России, широко представленных как на бумаге, так и на Сети, этом, как могли бы сказать современные конспирологи, опасном спутнике американского талассократического господства» (С. 85—86). Данное высказывание, помимо уже отмечавшейся выше неопределенности позиции его субъекта (что уточняют в объяснении концепции «России-острова» мысли современных конспирологов об Интернете и как относится к ним автор?), дает характерный образец представленной в книге манеры рассуждения. Автор парит над материалом, редко вдаваясь в подробный разбор текста (так, например, текстам Галковского, Дугина и Фоменко он уделяет по две страницы); соединяя цитаты («паремии») из разных текстов (неслучайным представляется активное использование сборников цитат), он демонстрирует подчас фантастическую нечуткость к контекстам их бытования. О том, что делает возможным это «парение над паремиями», мы опять-таки можем узнать из проговорок в тексте. Предвосхищая сводку разновременных (1982—1996) и разножанровых цитат, представляющих срез «дискурса пустоты» и объединяемых подчас лишь наличием соответствующего ключевого слова, Г. Гусейнов пишет следующее: «Не связанные между собой общим сюжетом, приводимые цитаты принадлежат общему гипертексту, восстанавливаемому по подчеркнутым узловым точкам» (С. 74). В этом гомогенном гипертексте русской-советской-постсоветской культуры перемигиваются Леня Голубков, Василий Теркин и Владимир Путин, Владимир Жириновский и Михаил Светлов, Дмитрий Менделеев и Анатолий Фоменко, безымянные зэки и безвестные журналисты и другие вымышленные и реальные персонажи. За этим перемигиванием почти безмолвно наблюдают Хейден Уайт, Ларри Вульф и другие западные специалисты по анализу дискурса и когнитивных карт.

Отечественная культурная традиция представлена в книге практически исключительно в качестве экзотического сырья — в ней отсутствует традиция рефлексии, которая могла бы послужить опорой для рассуждений автора. А между тем уже и в отечественной науке конце 1990-х годов появился целый ряд попыток осмыслить превращения пространственных переживаний и образов, сопутствовавшие социально-политическим переменам последних десятилетий. Переводы ставших уже классическими трудов зарубежных авторов (таких как Л. Вульф, Р. Уортман, Б. Верлен и др.), посвященных проблематике ментальной географии, и публикации работ отечественных исследователей (не претендуя на полноту, упомянем некоторых из них — А. Л. Зорина, А. Ф. Филиппова, В. Л. Каганского, С. И. Каспэ, Д. Н. Замятина, В. Д. Нечаева, С. А. Королева), выполненные в рамках различных подходов и дисциплин, создают условия для разностороннего осмысления этих превращений. Благодаря этому обсуждение проблематики репрезентации российского пространства может сегодня вестись не с чистого листа, но с учетом специфики пространственного воображения в национальных государствах и империях, особенностей современных региональных и геополитических идеологий и способов их конструирования, а также ряда других важных

сюжетов. В свете сказанного представляется, что книга Гусейнова зависает где-то между западной интеллектуальной традицией и нашими реалиями. Она может рассматриваться в качестве примера характерной для постсоветского гуманитарного знания ситуации, когда попытка пересаживания на «нашу почву» выработанного на Западе научного инструментария приводит к «смазыванию» его аналитического потенциала и лежащего в его основе критического пафоса (он остается здесь разве что на уровне смутного и неясного ощущения угрозы). Вместо рефлексивного описания геополитического воображения мы получаем построение, отдающее плохим постмодернизмом. Интересно заявленная проблема не получает адекватного освещения: *Карта нашей Родины* оказывается наскоро сшитым лоскутным одеялом, сквозь прорехи которого зияет пустота.

Борис Степанов

~

Айрапетов Олег Рудольфович — кандидат исторических наук, доцент, исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва)

Акманов Айтуган Ирекович — доктор исторических наук, профессор исторического факультета Башкирского государственного университета (Уфа)

Ганин Андрей Владиславович — аспирант исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва)

Ермолов Арсений Юрьевич — аспирант исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва)

Йованович Мирослав — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Белградского университета

Каширин Василий Борисович — аспирант исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва)

Келли Катриона — доктор, профессор истории русской литературы и культуры, Нью колледж (Оксфордский университет)

Колеватов Алексей Александрович — аспирант исторического факультета Черниговского государственного педагогического университета им. Т. Г. Шевченко

Колеров Модест Алексеевич — кандидат исторических наук, издатель (Москва)

Крестьянников Валерий Васильевич — заслуженный работник культуры Украины, директор Государственного архива г. Севастополя

Кручинин Андрей Сергеевич — сотрудник Государственной публичной исторической библиотеки (Москва)

Меннинг Брюс В. — доктор истории, профессор Командно-штабного колледжа Сухопутных войск США (Форт Ливенворт, Канзас)

Милорадович Горан — сотрудник Института современной истории (Белград)

Паллот Джудит — доктор, факультет антропологии и географии, Крайстчерч колледж (Оксфордский университет)

Парадорн Рангсимапорн — магистр философии, российские и восточно-европейские исследования, колледж Сент-Энтони (Оксфордский университет)

Смирнов Андрей Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент Московского Архитектурного института (Государственной академии)

Степанов Борис Евгеньевич — кандидат культурологических наук, преподаватель Института европейских культур Российского Государственного Гуманитарного Университета (Москва)

Стрилюк Елена Борисовна — аспирантка исторического факультета Черниговского государственного педагогического университета им. Т. Г. Шевченко

Чейсти Пол — доктор политики, преподаватель политологии, колледж Пемброк (Оксфордский университет)

Шевченко Кирилл Владимирович — кандидат исторических наук, преподаватель пражского филиала Санкт-Петербургского Технического университета (Прага)

Шевченко Максим Михайлович — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва)

Эдельман Ольга Валериановна — сотрудник Государственного Архива Российской Федерации (Москва)

Издания под собственной маркой
и под маркой других издателей

Вне серий

Россия и реформы: 1861—1881. Сборник статей. М., 1991. 79 с.

Россия и реформы. Вып. 2. Сборник статей. М.: Медведь, 1993. 113 с.

Россия и реформы. Вып. 3. Сборник статей. М., 1995. 167 с.

М. А. Колеров. Жестокость и хирургия. Статьи из газеты «Сегодня» 1993—1995. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. 116 с.

М. А. Колеров. Индустрия идей. Русские общественно-политические и религиозно-философские сборники. 1887—1947 / С приложением: А.В. Карташев. Проспект сборника «Межа» (1923). М.: ОГИ, 2000. 132 с.

Национализм. Полемика 1909—1917. Сборник статей / Сост. М.А. Колеров. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. 237 с.

Модест Колеров. Новый режим. [Книга интервью: А. Зорин, А. Архангельский, М. Соколов, Д. Шушарин, Б. Кузьминский, Е. Дёготь, А. Левкин, Е. Петровская, В. Мизиано, А. Иванов, А. Козырев, К. Крылов, К. Рогов]. М.: Модест Колеров и Дом интеллектуальной книги, 2000. 200 с.

Русско-японская война 1904—1905 гг.: Взгляд через столетие / Сб. под ред. О.Р. Айрапетова. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2004.

Серия «Исследования по истории русской мысли» (с 1996 —)

М. А. Колеров. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902—1909. СПб.: Алетейя, 1996. 368 с. (*Исследования по истории русской мысли. Том 1*)

Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1997 год. [1] СПб.: Алетейя, 1997. 319 с.

Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1998 год. [2] М.: ОГИ, 1998. 543 с.

Вера Проскурина. Течение Гольфстрема: Михаил Гершензон, его жизнь и миф. СПб.: Алетейя, 1998. 511 с. (*Исследования по истории русской мысли. Том 2*)

Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1999 год. [3] М.: ОГИ, 1999. 423 с.

Д. Мережковский, З. Гиппиус, Д. Философов. Царь и революция. Сб. / Первое русское издание. М.: ОГИ, 1999. 224 с.
(*Исследования по истории русской мысли. Том 4*).

Евгений Боллербах. К незримому граду: Религиозно-философская группа «Путь» (1910—1919) в поисках новой русской идентичности. СПб.: Алетейя, 2000. 527 с.
(*Исследования по истории русской мысли. Том 3*)

Л. Кацис. Русская эсхатология и русская литература. М.: ОГИ, 2000. 656 с.
(*Исследования по истории русской мысли. Том 5*)

Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2000 год. [4]
М.: ОГИ, 2000. 348 с.

С. Н. Булгаков. Труды о троичности / Составление, подготовка текста и примечания Анны Резниченко. М.: ОГИ, 2000. 330 с.
(*Исследования по истории русской мысли. Том 6*)

Руслан Хестанов. Александр Герцен: импровизация против доктрины.
М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. 339 с.
(*Исследования по истории русской мысли. Том 7*)

Проблемы идеализма. Сборник статей С. Н. Булгакова, кн. Е. Н. Трубецкого, П. Г. [П.Б. Струве], Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, С. А. Аскольдова, кн. С. Н. Трубецкого, П. И. Новгородцева, Б. А. Кистяковского, А. С. Лаппо-Данилевского, С. Ф. Ольденбурга, Д. Е. Жуковского под редакцией П. И. Новгородцева (Москва, 1902).
М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2002. 894 с.
(*Исследования по истории русской мысли. Том 8*)

М.А. Колеров. Сборник «Проблемы идеализма» (1902): история и контекст.
М.: «Три квадрата», 2002. 220 с. (*Исследования по истории русской мысли. Без номера*)

Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2001–2002 год. [5]
М.: «Три квадрата», 2002. 880 с.

Александр Койре. Философия и национальная проблема в России начала XIX века / Первое русское издание. М.: Модест Колеров, 2003. 304 с.
(*Исследования по истории русской мысли. Том 9*)

Владимир Белоус. Вольфила. Петроградская Вольная Философская Ассоциация (1919—1924). В двух книгах. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2004.
(*Исследования по истории русской мысли. Том 10*)

А. С. Глинка (Волжский). Собрание сочинений в трех томах /
Сост. Анна Резниченко. Т. 1. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2004
(*Исследования по истории русской мысли. Том 11*)

Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2003 год. [6]
М.: Модест Колеров, 2004.

Серия «Тетради по философской эссеистике» (2000—2001)

Николай Плотников. «Deutschland? Aber wo liegt es?»: Заметки о философии немецкой жизни. М.: Модест Колеров и Дом интеллектуальной книги, 2000. 112 с. (*Тетради по философской эссеистике: 1*)

Кирилл Кобрин. Описания и рассуждения. Книга эссе. М.: Модест Колеров и Дом интеллектуальной книги, 2000. 160 с. (*Тетради по философской эссеистике: 2*)

М.А. Колеров. О необратимости настоящего. Фрагменты 1994—2000 годов. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. 112 с. (*Тетради по философской эссеистике: 3*)

Владимир Малахов. «Скромное обаяние расизма» и другие статьи. М.: Модест Колеров и Дом интеллектуальной книги, 2001. 176 с. (*Тетради по философской эссеистике: 4*)

Серия «Труды и дни» (с 2002—)

Александр Архангельский. Политкоррекция. Статьи для газеты «Известия». 1998—2001. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2002. 192 с.

Андрей Ковалев. Критические дни. 1992—2001. 68 введений в современное искусство. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2002. 336 с.

Сергей Павленко. Наука ошибок. Статьи и проекты, 1994—2000. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2002. 238 с.

Симон Кордонский. Кристалл и кисель. Е-мейлы и статьи 1989—2000. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2002. 224 с.

Термидор. Сборник статей. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2002. 144 с.

Апология Украины. Сборник статей / Ред.-сост. Инна Булкина. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2002. 224 с.

Журнал «Синий Диван» (2002—2003)

Синий Диван. Журнал под редакцией Елены Петровской. №1. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2002. 172 с.

Синий Диван. Журнал под редакцией Елены Петровской. №2. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2003. 223 с.

Синий Диван. Журнал под редакцией Елены Петровской. №3. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2003. 271 с.

Серия SELECTA (с 2003)

О. Р. Айрапетов. Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и на революцию. 1907—1917. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2003. 256 с. (*SELECTA. I*)

В. А. Козлов. «Где Гитлер?» Повторное расследование НКВД-МВД СССР обстоятельств исчезновения Адольфа Гитлера. 1945—1949. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2003. 232 с. (*SELECTA. II*)

В. И. Молчанов. Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2004. 328 с. (*SELECTA. III*)

К. В. Шевченко. Лужицкий вопрос и Чехословакия: 1945—1948. М.: Модест Колеров, 2004. 288 с. (*SELECTA. IV*)

Русский сборник. Том I

Редакторы-составители
М. А. Колеров, О. Р. Айрапетов, Пол Чейсти

Издатель Модест Колеров
Издательство ООО «Регнум»
Москва 123001, Трехпрудный переулок, д. 11-13, стр. 1
kolerov@regnum.ru

Наши книги в Интернете: www.esterum.com

Подписано в печать 3.09.2004. Формат 70 × 100/16. Гарнитура Bodoni.
Объем 16,8 усл. печ. л. Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Отпечатано в ППП «Типографии "Наука"». Заказ № 10678